

ОРХАН ПАМУК

Мои странные мысли

В безрассудстве
Орхана Памука
живет гений.

Умберто Эко



Annotation

Орхан Памук – известный турецкий писатель, обладатель многочисленных национальных и международных премий, в числе которых Нобелевская премия по литературе за «поиск души своего меланхолического города». Новый роман Памука «Мои странные мысли», над которым он работал последние шесть лет, возможно, самый «стамбульский» из всех. Его действие охватывает более сорока лет – с 1969 по 2012 год. Главный герой Мевлют работает на улицах Стамбула, наблюдая, как улицы наполняются новыми людьми, город обретает и теряет новые и старые здания, из Анатолии приезжают на заработки бедняки. На его глазах совершаются перевороты, власти сменяют друг друга, а Мевлют все бродит по улицам, зимними вечерами задаваясь вопросом, что же отличает его от других людей, почему его посещают странные мысли обо всем на свете и кто же на самом деле его возлюбленная, которой он пишет письма последние три года.

Впервые на русском!

- [Орхан Памук](#)
 -
 -
 - [Часть I](#)
 - [Мевлют и Райиха](#)
 - [Часть II](#)
 - [Каждый зимний вечер Мевлюта на протяжении двадцати пяти лет](#)
 - [Часть III](#)
 - [1. Дни Мевлюта в деревне](#)
 - [2. Дом](#)
 - [3. Предприимчивый человек, который строит дом на пустыре](#)
 - [4. Мевлют начинает торговлю](#)
 - [5. Мужской лицей имени Ататюрка](#)
 - [6. Средняя школа и политика](#)
 - [7. Кинотеатр «Эльязар»](#)
 - [8. Высота мечети Дуттепе](#)
 - [9. Нериман](#)
 - [10. Чем кончаются попытки повесить на стену мечети](#)

коммунистический плакат

- 11. Война Кюльтепе и Дуттепе
- 12. Взять в жены девушку из деревни
- 13. Усы Мевлюта
- 14. Мевлют влюбляется
- 15. Мевлют уходит из дома
- 16. Как написать любовное письмо?
- 17. Армейские будни Мевлюта
- 18. Военный переворот
- 19. Мевлют и Райиха

○ Часть IV

- 1. Мевлют и Райиха женятся
- 2. Мевлют торгует мороженым
- 3. Свадьба Мевлюта и Райихи
- 4. Плов с нутом
- 5. Мевлют становится отцом
- 6. Самаха сбегает
- 7. Вторая дочь
- 8. Капитализм и традиции
- 9. Квартал Гази
- 10. Отряхнуть городскую пыль
- 11. Девушки, которые отказываются принимать своих поклонников
- 12. В Тарлабаши
- 13. Сулейман доставляет неприятности
- 14. Мевлют находит новое место
- 15. Святой Наставник
- 16. Кафе «Бинбом»
- 17. Крупное мошенничество в кафе
- 18. Последние дни в кафе «Бинбом»

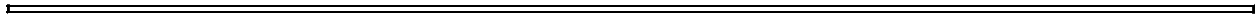
○ Часть V

- 1. «Буза от свояков»
- 2. В маленьком магазине с двумя женщинами
- 3. Электрическая страсть Ферхата
- 4. Ребенок – это святое
- 5. Мевлют становится охранником на парковке
- 6. После Райихи
- 7. История потребления электричества
- 8. Мевлют в дальних районах

- [9. Прикрыть ночной клуб](#)
 - [10. Мевлют в полицейском участке](#)
 - [11. Воля сердца и воля слова](#)
 - [12. Февзие убегает](#)
 - [13. Мевлют в одиночестве](#)
 - [14. Новые кварталы, старые лица](#)
 - [15. Мевлют и Самиха](#)
 - [16. Дом](#)
- [Часть VI](#)
 - [Двенадцатиэтажный дом](#)
- [Часть VII](#)
 - [Форма и обличье города](#)
- [Хронология событий романа](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)



Орхан Памук

Мои странные мысли

Orhan Pamuk

A STRANGENESS IN MY MIND

Originally published in Turkish as Kafamda Bir Tuhaflık

Copyright © 2013, Orhan Pamuk

All rights reserved

© А. Аврутина, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство ИНОСТРАНКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Посвящается Аслы

Мои странные мысли

Навеяли уверенность того, что я вне времени

И вне пространства...

Вильям Вордсворт. Прелюдия. Книга 3

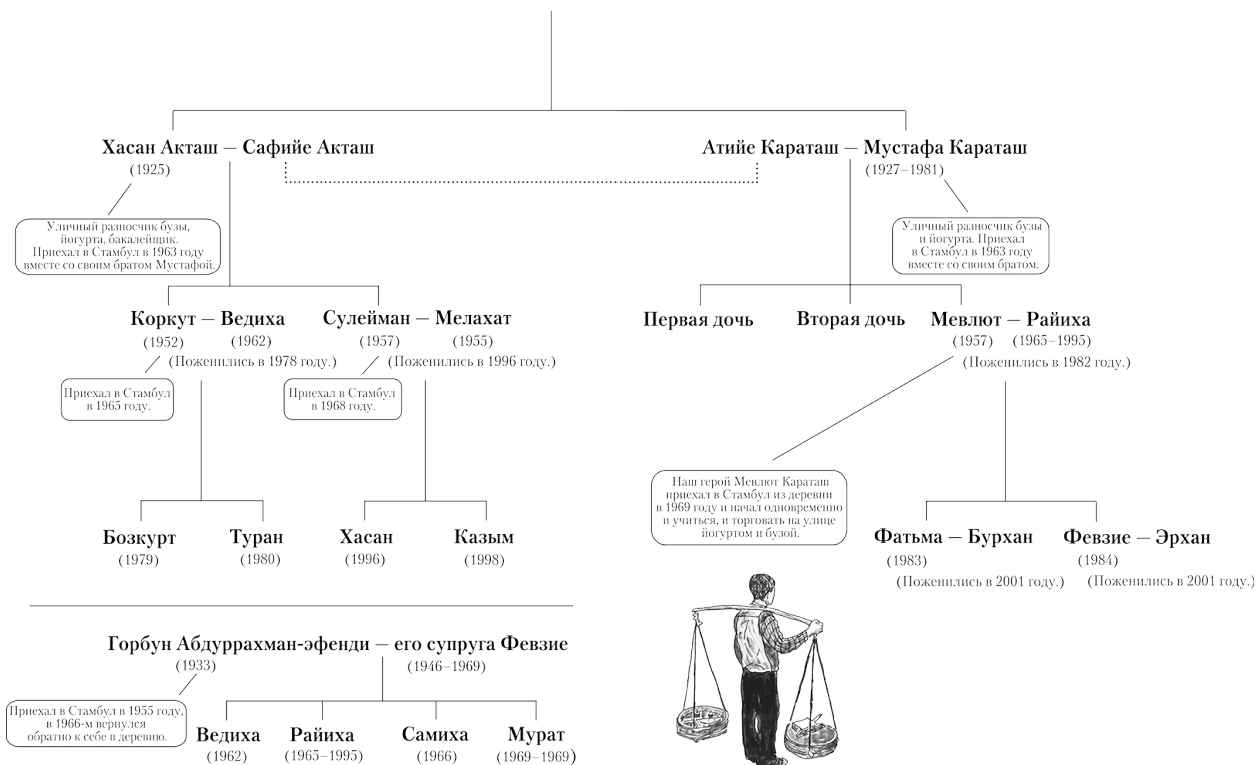
*Первый, кто, огородив участок земли, придумал
заявить: «Это мое!» – и нашел людей достаточно
простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным
основателем гражданского общества.*

*Жан Жак Руссо. Рассуждение
о происхождении и основаниях неравенства
между людьми*

Глубина отличия частного мнения наших граждан от официальной позиции властей является доказательством силы нашего государства.

Джелаль Салик^[1]. Записки

Родословное древо Хасана Акташа и Мустафы Караташа, братьев, торговцев бузой и йогуртом (мужья сестер Сафийе и Атийе)



Часть I

(17 июня 1982 года)

*Если старшая засиделась, то выдавать младшую
не очень уж принято.*

Шинаси. Женитьба поэта

*Ложь – во рту, кровь – в жилах, а девушку,
которая хочет сбежать, не удержишь.*

*Народная поговорка из г. Бейшехира (округ
Имренлер)*

Мевлют и Райиха

Украсть девушку – трудное дело

Это история жизни и ежедневных размышлений торговца бузой^[2] и йогуртом Мевлюта Караташа. Мевлют появился на свет в 1957 году в самой западной точке Азии, в одной бедной деревеньке Центральной Анатолии, из которой виднелся берег скрытого туманом озера. В двенадцать лет он приехал в Стамбул и всю жизнь прожил только там, в столице мира. В двадцать пять лет он украл в своей деревне одну девушку; это был очень странный поступок, который определил всю его жизнь. Он вернулся в Стамбул, женился, у него родились две дочери. Он постоянно трудился на разных работах, торгуя то йогуртом, то мороженым, то пловом, то служа официантом. Но он никогда не переставал вечерами торговать бузой на улицах Стамбула и выдумывать странные мысли.

Наш главный герой Мевлют был высоким, крепким, но изящным на вид и казался добродушным. У него было по-детски невинное лицо, вызывавшее нежность у женщин, каштановые волосы, внимательный и умный взгляд. Я буду и дальше напоминать моим читателям, что не только в молодости, но и после сорока лет лицо Мевлюта сохранило по-детски наивное выражение и женщины продолжали считать его красивым, – эти два его качества важны для понимания всей нашей истории. Мне не потребуется специально напоминать о том, что Мевлют всегда был доброжелательным оптимистом – с точки зрения некоторых, простаком, – вы сами это увидите. Если бы мои читатели знали Мевлюта, как я, они бы согласились с женщинами, которые находили его симпатичным и с виду невинным, и признали бы, что я ничего не преувеличиваю, лишь бы приукрасить свой рассказ. Посему сообщаю, что на протяжении всей этой книги, сюжет которой полностью опирается на реальные события, я ни разу ничего не преувеличу, а лишь буду довольствоваться простым перечислением всех приключившихся событий в той форме, в которой моим читателям будет легче следовать за ними.

Я начну свое повествование с середины, чтобы лучше рассказать о жизни и мечтах нашего героя, а прежде расскажу о том, как Мевлют в июне 1982 года украл девушку из соседней деревни Гюмюш-Дере (которая относится к Бейшехирскому уезду Коньи). Девушку, которая согласилась бежать с ним, Мевлют впервые увидел за четыре года до того

на одной свадьбе в Стамбуле. Свадьбу тогда, в 1978 году, в стамбульском районе Меджидиекёй праздновал старший сын его дяди, Коркут. Мевлют никак не мог поверить, что он понравился такой юной (ей было тринадцать лет) и такой красивой девушке, которую он увидел на свадьбе. Девушка была сестрой невесты Коркута и впервые в жизни видела Стамбул, куда приехала на свадьбу своей старшей сестры. Три года писал ей Мевлют любовные письма. Девушка не отвечала, но брат Коркута Сулейман, доставлявший ей их, постоянно обнадеживал Мевлюта и советовал продолжать.

Когда воровали девушку, Сулейман вновь помог своему двоюродному брату Мевлюту: Сулейман вернулся из Стамбула вместе с Мевлютом в деревню, где прошло его детство, и даже самолично сидел за рулем принадлежавшего ему «форда». План похищения два приятеля воплотили, не попавшись никому на глаза. Согласно этому плану Сулейман должен был ожидать с фургоном Мевлюта и похищенную девушку на расстоянии часа от деревни Гюмюш-Дере и, пока бы все думали, что двое влюбленных направились в сторону Бейшехира, он повез бы их на север и, перевалив через горы, посадил бы их на вокзале Акшехира.

Мевлют пять или шесть раз проверил весь план, а еще тайком посетил два раза важные для этого плана места, такие как холодный чешме^[3], узкий ручей, поросший деревьями холм и садик за домом девушки. За полчаса до назначенного времени он вышел из фургона, который вел Сулейман, зашел на деревенское кладбище, располагавшееся над дорогой, и некоторое время молился там, глядя на могильные камни и упрашивая Аллаха, чтобы все прошло хорошо. Он не мог признаться себе даже в том, что не доверял Сулейману. А вдруг Сулейман не приедет туда, куда они договорились, к старому чешме, думал он. Он запретил себе подобные страхи, потому что они сбивали его с мыслей.

На Мевлюте в тот день были синяя рубашка и штаны из новой ткани, купленной в одной лавке на Бейоглу, сохранившиеся еще с тех лет, когда он учился в средней школе, а на ногах – ботинки, которые он купил в магазине «Сюмер-банк» перед армией.

Спустя некоторое время после того, как стемнело, Мевлют подошел к полуразрушенному забору. Окно, выходившее на задний двор белоснежного дома Горбуна Абдуррахмана, отца обеих девушек, было темным. Он пришел на десять минут раньше. Ему не стоялось спокойно, он все время поглядывал на темное окно. Ему подумалось, что в прежние времена, когда воровали девушку, кого-то непременно убивали и начиналась бесконечная череда кровной мести и что сбежавших, которые

в ночной темноте сбивались с пути, иногда ловили. Присев у забора, он также вспомнил и тех, кто подвергался позору в том случае, если девушка в последний момент решала передумать, и на этой мысли нетерпеливо поднялся. Он сказал себе, что Аллах будет охранять его.

Залаяли собаки. В окне на мгновение вспыхнул и сразу погас свет. Сердце Мевлюта бешено забилося. Он направился прямо к дому. Среди деревьев раздался шорох, и его тихо позвали, почти шепотом:

«Мевлют!»

Это был нежный голос девушки, читавшей все его письма из армии и доверявшей ему. Мевлют вспомнил, как он с любовью и страстью писал ей сотни писем, как поклялся всей своей жизнью добиться ее, как мечтал о счастье. И вот наконец ему удалось ее убедить. Он не видел ничего и шел на голос, словно лунатик.

Они отыскиали друг друга во тьме и, взявшись за руки, побежали. Через десять шагов залаяли собаки, и тут Мевлют, растерявшись, потерял направление. Он попытался шагать дальше, повинаясь интуиции, но в голове его все смешалось. Деревья во тьме казались внезапно выраставшими бетонными стенами, и они проходили мимо этих стен, совершенно их не касаясь, словно во сне.

Когда козья тропа закончилась, Мевлют, как и планировал, свернул на появившуюся перед ними тропинку в гору. Узкая тропинка, извиваясь, уходила ввысь, словно собиралась привести путника на темное, покрытое тучами небо. Примерно полчаса они, по-прежнему держась за руки, не останавливаясь, взбирались по склону. Отсюда были хорошо видны огни Гюмюш-Дере, а за ними огни Дженнет-Пынар, где он родился и вырос. Повинуясь странному внутреннему голосу, Мевлют отклонился от заранее заготовленного с Сулейманом плана и зашагал в противоположную сторону от своей деревни. Если кто-то и отправился за ними в погоню, то следы не приведут их к ней.

Собаки все еще лаяли как сумасшедшие. Через некоторое время со стороны Гюмюш-Дере раздался выстрел. Они не испугались и не сбавили шага, но, когда замолчавшие на мгновение собаки вновь залаяли, побежали вниз по склону. Листья и ветви хлестали их по лицу, в ноги впивались шипы. Мевлют ничего не видел во тьме, ему каждое мгновение казалось, что они вот-вот сорвутся со скалы. Он боялся собак, но уже понял, что Аллах хранит его и Райиху и что в Стамбуле они будут жить очень счастливо.

Когда беглецы, задыхаясь, добрались до дороги на Акшехир, Мевлют был уверен, что они не опоздали. А если еще и Сулейман приедет на своем

фургоне, то уже никто не заберет у него Райиху. Когда Мевлют писал ей письма, он, начиная каждое новое письмо, представлял себе прекрасное лицо девушки, ее незабываемые глаза и с волнением, тщательно, в начале страницы выводил ее прелестное имя – Райиха. Вспомнив обо всем этом, он ускорял шаги, хотя от радости ноги несли его сами собой.

Сейчас в темноте он совершенно не видел лица девушки, которую украл. Ему захотелось по крайней мере дотронуться до нее, поцеловать ее, но Райиха узелком с вещами легонько оттолкнула его. Мевлюту это понравилось, и он решил не дотрагиваться до девушки, с которой он собирался провести всю свою жизнь, прежде чем женится на ней.

Держась за руки, они перешли маленький мостик над ручейком Сарп-Дере. Рука Райихи была легкой и нежной. От шумно бурлившего под ними ручья пахло чабрецом и лавром.

Ночь осветилась лиловым светом, затем раздался гром. Мевлют испугался, что перед долгой поездкой на поезде их застигнет дождь, но шагов не ускорил.

Десять минут спустя они издали увидели габаритные огни кашляющего фургона Сулеймана, ожидавшего их у чешме. Мевлют обрадовался и тут же укорил себя за то, что сомневался в Сулеймане. Пошел дождь. Они побежали к фургону, уже уставшие. Фургон оказался дальше, чем им представлялось, они успели здорово вымокнуть под проливным дождем.

Райиха вместе со своим узелком залезла в темный кузов. Об этом Мевлют с Сулейманом условились заранее: и на случай, если полиция объявит розыск на дорогах, и чтобы Райиха не увидела Сулеймана.

Оказавшись в кабине фургона, Мевлют сказал: «Сулейман, я никогда в жизни не забуду того, что ты помог мне сегодня». И, не сдержавшись, изо всех сил обнял двоюродного брата.

Сулейман не проявил той же радости.

– Поклянись, что никому не скажешь о том, что я тебе помогал, – ответил он.

Мевлют поклялся.

– Девушка не закрыла кузов, – сказал Сулейман.

Мевлют выскочил и обошел фургон. Когда он закрывал за девушкой кузов, сверкнула молния, и все небо, горы, скалы, деревья вокруг на мгновение озарились.

На протяжении всей своей жизни Мевлют будет часто вспоминать тот миг, то странное чувство, что охватило его.

После того как фургон поехал, Сулейман вытащил из бардачка старое

полотенце и протянул Мевлюту: «Вот, возьми, вытрись». Мевлют прежде понюхал его и, убедившись, что оно чистое, протянул его девушке в кузов через маленькое окошко.

Сулейман вздохнул: «А ты сам не вытерся. Другого полотенца нет».

Дождь стучал по крыше фургона, дворники работали со скрипом, но что касается остального – они ехали в глубоком безмолвии. В лесу, который освещал бледный рыжеватый огонь фар, царила кромешная темнота. Мевлют часто слышал, что волки, шакалы, медведи после полуночи встречаются с нечистой силой, а нечистую силу, таинственных чудовищ и тени шайтанов он много раз видел по ночам на улицах Стамбула. Сейчас в лесу царила тьма потустороннего мира – именно в подобный мир острохвостые джинны, толстоногие дэвы, рогатые циклопы затаскивают заблудившихся путников и конченных грешников.

– Что ты молчишь, словно в рот воды набрал? – нарушил тишину Сулейман; Мевлют понял, что странное безмолвие, охватившее его, могло бы продлиться много лет. – Что-то не так? – спросил Сулейман.

– Нет, все в порядке.

Фары фургона, медленно продвигавшегося по узкой, залитой грязью дороге, освещали деревья, неясные тени и таинственные силуэты во тьме. Мевлют смотрел на них, понимая, что не забудет этих чудес до конца дней своих. Во всех деревнях, которые они проезжали, вслед им лаяли собаки, а затем наступала такая глубокая тишина, что Мевлют не мог понять, где обитают все эти странные мысли – в его собственной голове или в мире вокруг. В темноте он видел тени сказочных птиц. Он видел не понятные никому буквы, начертанные извилистыми линиями, видел следы шайтановых орд, прошедших по этим забытым всеми местам столетия назад. Он видел и тени каменных фигур, ведь в камень обратились те, кто совершил много грехов.

– Смотри не вздумай раскаиваться, – сказал Сулейман. – Бояться совершенно нечего. За вами никто не гонится. Наверняка все уже знают, что девушка сбежала. Уговорить Горбуна Абдуррахмана будет очень просто. Через один-два месяца он простит вас обоих. Прежде чем кончится лето, приедете поцеловать ему руку.

На повороте резкого спуска задние колеса фургона застряли в грязи. Мевлют на мгновение решил, что все кончено, и представил, как Райиха возвращается к себе в деревню, а он сам, несолоно хлебавши, – к себе домой в Стамбул.

Но вскоре фургон поехал дальше.

Час спустя фары фургона осветили узкие улочки городка Акшехир.

Вокзал был на другом конце города.

– Держитесь вместе, – сказал Сулейман, притормозив возле железнодорожной станции. – Главное, чтобы Райиха меня не видела. Я не буду выходить из машины. Теперь я тоже отвечаю за произошедшее. Ты должен сделать счастливой Райиху, слышишь, Мевлют? Теперь она твоя жена, и ничего уже не изменить, стрела выпущена из лука. В Стамбуле не показывайтесь никому на глаза какое-то время.

Мевлют и девушка смотрели вслед красным огням фургона Сулеймана, пока те не скрылись. Затем они вошли в старое здание Акшехирского вокзала.

Внутри все сияло в свете ламп дневного света. Мевлют посмотрел в лицо суженой, которую он украл, со всем вниманием и, убедившись в реальности того, во что он никак не мог поверить, отвел глаза.

Это была не та красавица, которую он видел на свадьбе Коркута, сына своего дяди. Это была ее старшая сестра. Мевлюту на свадьбе показали красивую девушку, а вместо нее отправили другую. Мевлют, понявший, что его обманули, испытывал стыд. Он не мог больше смотреть в лицо девушки. Он не знал даже, как ее зовут.

Кто сыграл с ним эту злую шутку? Шагая к билетной кассе в здании вокзала, он, как издавека, слышал эхо собственных шагов, словно это были чьи-то чужие шаги. Отныне все старые вокзалы будут напоминать Мевлюту до конца его дней те несколько минут.

Он купил два билета на Стамбул.

– Сейчас подойдет поезд, – сказал кассир.

Но поезд не подошел. Они сидели на краешке скамьи в маленьком зале ожидания, битком забитом корзинами, узлами, чемоданами и усталыми путниками.

Мевлют вспоминал, что у Райихи вроде бы была старшая сестра. А может быть, ту красивую девушку вовсе и не звали Райиха? Он все никак не мог понять, как его обвели вокруг пальца.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Райиха!

Ну конечно! Красавицу звали другим именем! Ему досталась именно Райиха.

Пока они сидели на скамейке, он лишь посмотрел на руку Райихи. Совсем недавно он держал эту руку с любовью – рука была красивой. Она послушно лежала на коленке и то и дело оправляла платок и подол юбки.

Мевлют встал, сходил к буфету на привокзальной площади и купил два

вчерашних чурека. Возвращаясь, он вновь издалека внимательно посмотрел на лицо Райихи. Мевлют еще раз убедился в том, что Райиху он видит впервые в жизни. Но как такое могло произойти? Знала ли Райиха, что Мевлют пишет свои письма, думая о ее сестре?

– Хочешь есть?

Изящная рука Райихи потянулась и взяла хлеб. Мевлют увидел на лице девушки не волнение, которое обычно бывает на лице сбежавших влюбленных, а выражение благодарности.

Пока Райиха медленно, словно совершая преступление, осторожно жевала лепешку, Мевлют краем глаза наблюдал за ее движениями. Есть ему вовсе не хотелось, но так как он не знал, что делать, то он тоже съел черствый чурек.

Мевлют чувствовал себя ребенком, которому кажется, что занятия в школе никогда не закончатся. Его разум искал ошибку в прошлом, которое положило начало этому дурному пути.

Он все время вспоминал свадьбу. Его отец, покойный Мустафа-эфенди, совершенно не хотел, чтобы он ходил на эту свадьбу, но Мевлют сбежал из деревни и приехал в Стамбул. Неужели то, что случилось, было результатом его собственной ошибки? Взгляд Мевлюта, обращенный в себя, словно фары фургона Сулеймана, искал причину, пролившую бы свет на скрытые полумраком воспоминания его двадцатипятилетней жизни и на ее нынешнее сумрачное положение.

Поезд все никак не шел. Мевлют встал и снова отправился в буфет, но тот уже закрылся. На вокзальной площади стояли две повозки, ожидавшие пассажиров, лошади фыркали, возницы курили. На площади царило невероятное безмолвие. Он увидел рядом со старым зданием вокзала огромный платан.

На дереве висела табличка с надписью, на которую падал бледный вокзальный свет.

В 1922 году основатель нашей республики Мустафа Кемаль Ататюрк посетил Акшехир и под этим платаном, возраст которого насчитывает сто лет, пил кофе.

В школе на уроках истории Акшехир упоминался несколько раз. Мевлют знал, что городок играет важную роль в турецкой истории, но сейчас он совершенно не помнил этих книжных сведений. Он винил себя за свои недостатки. Ведь он и в школе не старался учиться как следует.

Вернувшись и сев рядом с Райихой, Мевлют вновь посмотрел на нее.

Нет, он не мог вспомнить, была ли она на той свадьбе.

В опоздавшем на несколько часов ржавом и скрипучем поезде они отыскиали свой вагон. В пустом купе Мевлют сел не напротив Райихи, а рядом с ней. Пока стамбульский поезд покачивался, проползая по изношенным железнодорожным путям, рука и плечо Мевлюта то и дело касались ее руки и плеча. Даже это казалось Мевлюту странным.

Он отправился в вагонную уборную и какое-то время, словно в детстве, слушал, нажав ногой на педаль металлического унитаза, как колеса громко стучат по рельсам. Когда он вернулся, девушка уже спала. Как она могла спокойно спать в ту ночь? «Райиха, Райиха!» – позвал Мевлют, наклонившись к ее уху. Девушка тут же проснулась с той естественностью, которой могла обладать только лишь настоящая владелица имени, и нежно улыбнулась.

Они молча смотрели в окно вагона, словно муж и жена, которые вместе уже долгие годы и которым не о чем разговаривать. Мелькали уличные фонари то и дело пронесившихся за окном городков, огни машин на далеких дорогах, зеленые и красные железнодорожные семафоры, однако по большей части за окном была только крошечная тьма – и тогда они не видели в стекле ничего, кроме своих отражений.

Через два часа начало светать. Из глаз Райихи внезапно потекли слезы.

– Ты хочешь вернуться домой? – спросил Мевлют. – Ты жалеешь?

Райиха заплакала еще сильнее. Мевлют неуклюже положил руку ей на плечо, но тут же смутился и убрал ее. Райиха плакала долго, горько и навзрыд. Мевлют испытывал вину и раскаяние.

– Ты меня не любишь, – сказала Райиха через некоторое время.

– Почему?

– В твоих письмах была любовь. Ты меня обманул. Те письма на самом деле ты писал?

– Все те письма писал я, – проговорил Мевлют.

Но Райиха не успокаивалась.

Час спустя Мевлют вышел из поезда на станции Афьон-Карахисар, добежал до буфета и купил хлеб, три треугольника овечьего сыра и упаковку печенья. Когда поезд ехал вдоль реки Аксу, они позавтракали, запивая незамысловатую еду чаем, который за деньги разносил какой-то мальчик. Мевлюту нравилось наблюдать, как Райиха смотрит в окно на города, тополя, трактора, повозки, ребяташек, гоняющих в футбол, на реки, протекавшие под железнодорожными мостами. Все вокруг ей казалось интересным, весь мир.

Когда поезд проезжал между станциями Алаюрт и Улукёй, Райиха

заснула, и голова ее опустилась Мевлюту на плечо. Он ощутил свою ответственность и одновременно – счастье. В их купе вошли и сели на соседнюю скамью двое полицейских. Мевлют считал, что электрические столбы, грузовики на шоссе и новые бетонные мосты являются признаком того, что страна богатеет и развивается; ему было неприятно смотреть на политические лозунги, которыми были исписаны стены в кварталах бедноты.

Мевлют заснул, сам тому удивившись.

Когда в Эскишехире поезд остановился, они оба проснулись и на мгновение испугались, увидев полицейских, но затем успокоились и улыбнулись друг другу.

У Райихи была искренняя улыбка. Лицо ее было открытым, простым и очень светлым. Мевлюта терзали подозрения о том, что она в сговоре с теми, кто обманул его, но, когда смотрел на нее, он не мог удержаться от мысли, что девушка ни в чем не виновна.

Когда поезд подъезжал к Стамбулу, они заговорили об огромных фабриках, выстроившихся по обе стороны пути, о высокой трубе нефтеочистительного завода в Измите, о том, какими большими бывают грузовые корабли, и о том, кто знает в какие части света они направятся. Райиха окончила только начальную школу, но без особых усилий смогла перечислить названия дальних заморских стран. Мевлют почувствовал гордость за нее.

Райиха была в Стамбуле четыре года назад, на свадьбе своей сестры. Но она все равно наивно спросила: «Это уже Стамбул?»

– Картал уже считается Стамбулом, – ответил Мевлют с уверенностью человека, хорошо осведомленного. – Однако нам еще ехать.

Он показал Райихе на острова вдаль. Однажды они непременно поедут гулять на Принцевы острова.

Увы, за всю короткую жизнь Райихи они не совершили такой поездки ни разу.

Часть II

(30 марта 1994 года)

– Да вот хоть черкесы, – продолжал он, – как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка.

Лермонтов. Герой нашего времени

Каждый зимний вечер Мевлюта на протяжении двадцати пяти лет

Оставьте в покое торговца бузой

Через двенадцать лет после того, как они с Райихой сбежали в Стамбул, одним темным мартовским вечером 1994 года Мевлют продавал бузу и вдруг наткнулся на корзину, которую кто-то быстро и тихо опустил перед ним сверху.

– Торговец! Торговец, на двоих, – послышался детский голос.

Корзина спустилась перед ним с небес в темноте, словно ангел. Наверное, Мевлют так растерялся потому, что обычай совершать покупки через опущенную за окно корзину теперь был почти забыт. Он вспомнил те дни, двадцать пять лет назад, когда они с отцом торговали йогуртом и бузой (он еще учился в средней школе). В эмалированную миску, стоявшую в оплетенной корзине, поместилось гораздо больше бузы, чем просил звучавший сверху детский голос, не два стакана, а почти литр. И он почувствовал себя так, словно встретил ангела. В последние годы голова Мевлюта бывала иногда занята религиозными вопросами.

В этом месте нашего рассказа я должен сообщить читателям всего мира, которые не знают, что такое буза, а заодно и будущим поколениям турецких читателей, которые, как я полагаю, к сожалению, в предстоящие двадцать-тридцать лет забудут о ней, о том, что Мевлют разносил традиционный в Азии слабоалкогольный коричневатый напиток плотной консистенции с приятным запахом, который изготавливают из просяной закваски.

В прежние, османские времена в Стамбуле бузу продавали в лавках. К 1923 году, когда основали республику, лавки бузовщиков были уже давно закрыты, вытесненные пивными немецкого образца. Однако с улиц Стамбула торговцы бузой вроде Мевлюта не исчезали. После 50-х годов торговля бузой осталась единственным делом торговцев, которые зимними вечерами проходили по бедным и неухоженным, выложенным брусчаткой улочкам Стамбула, выкрикивая: «Буза! Кому буза!» – и напоминали о давно минувших столетиях и ушедших в прошлое прекрасных днях.

Мевлют положил в карман деньги, лежавшие в корзине, и дал знак поднимать ее.

Плетеная корзина раскачивалась вправо-влево на холодном ветру,

ударяясь об окна на нижних этажах и водосточную трубу, чем доставляла немало трудностей тянувшим за веревку детям. Когда корзина достигла пятого этажа, она, казалось, на мгновение словно замерла в воздухе, словно веселая чайка, поймавшая встречный ветер. Затем корзина внезапно исчезла в темноте, словно нечто загадочное и запретное, а Мевлют продолжил свой путь.

– Буза! – выкрикивал он, проходя по улице, тонувшей в полумраке. – Кому свежая буза!

Манера совершать покупки с помощью корзин являлась обычаем тех времен, когда в помине не было лифтов, а на входных дверях – автоматических замков, и часто использовалась в стамбульских высоких пятиэтажных домах. В те дни, в 1969 году, когда Мевлют с отцом только начали торговать, домохозяйки, которые хотели днем купить бузы, йогурта или попросить подмастерье бакалейщика принести им провизию из лавки и которым не хотелось спускаться на улицу, подвешивали к своим корзинам маленькие колокольчики, чтобы на улице продавцы и владельцы бакалейных лавок могли услышать, что наверху, в доме, где нет телефона, есть клиент. Когда торговец ставил товар в корзину, он раскачивал ее, чтобы наверху слышали. Некогда Мевлюту очень нравилось наблюдать за тем, как эти корзины поднимаются вверх: они ударялись о ветви деревьев, задевали электрические телефонные провода, запутывались в бельевых веревках, натянутых между домами, а подвешенные колокольчики вызванивали приятную мелодию. Некоторые особо аккуратные клиенты клали в корзину особую тетрадку, куда записывались их долги. Его неграмотный отец, до того как сын приехал к нему из деревни, отмечал все покупки в виде черточек (одна черточка – литр, половина черточки – пол-литра), и теперь с гордостью наблюдал, как Мевлют записывает в тетрадку цифры, а для некоторых клиентов оставляет еще и записки.

Но все это было делом давно минувших дней. За прошедшие двадцать пять лет Стамбул так изменился, что воспоминания казались Мевлюту едва ли не сказкой. Улицы, которые были сплошь вымощены брусчаткой, теперь заасфальтированы. Почти все трехэтажные деревянные особняки, окруженные садами, снесены. На их месте возвышались высокие многоквартирные дома, на верхних этажах которых не было слышно голоса уличного торговца. Место радиоприемников заняли вечно включенные по вечерам телевизоры, звук которых перекрывал голоса торговцев бузой. С улиц исчезли тихие изнуренные люди в бесцветной поношенной одежде, а их сменила шумная, оживленная, хорошо одетая толпа.

Мевлют совершенно не печалился, что Стамбул меняется. Напротив, он всегда хотел следовать в ногу с этими разительными переменами и всегда ходил в те кварталы, где его хорошо встречали и любили.

Например, в район Бейоглу – самый шумный и самый близкий к его дому. Пятнадцать лет назад, в конце семидесятых, на переулках Бейоглу до полуночи не закрывались казино, ночные клубы и полуподпольные дома свиданий. Мевлют мог торговать там до глубокой ночи. Женщины, которые в отапливаемых печками подвалах и павильонах подрабатывали и певичками, и консумантками, их поклонники, усталые усатые мужчины средних лет, приехавшие по торговым делам из Анатолии и выпивавшие с ними, недавно переселившиеся в Стамбул провинциалы, для которых сидеть за одним столом рядом с женщиной было невиданным развлечением, туристы из Пакистана и арабских стран, официанты, охранники, привратники – они покупали у Мевлюта бузу даже в полночь. Но за последние десять лет все исчезло словно по мановению волшебной палочки. Веселые заведения, где пели османские и европейские песни, закрылись, а вместо них появились шумные закусочные, где на мангале жарили шиш-кебаб по-адански^[4] и запивали его раки^[5]. Так как толпы молодежи, развлекавшейся собственными танцами живота, не интересовались бузой, Мевлют теперь по вечерам даже не заглядывал в окрестности проспекта Истикляль.

Уже двадцать пять лет каждый зимний вечер, около восьми, после окончания вечерних новостей, он начинал готовиться к выходу из дому, который они снимали в Тарлабаши, надевал связанный женой коричневый свитер, шерстяную тюбетейку, завязывал синий передник, который очень нравился покупателям, брал в руку бидон, полный бузы, в которую жена или дочери добавляли сахар и особые пряности, взвешивал его в руках («Мало вы налили, сегодня вечером холодно», – говорил он иногда), надевал свое черное пальто и прощался с домашними. «Не ждите меня, ложитесь спать», – говорил он, повернувшись к маленьким дочкам. Но теперь Мевлют все чаще и чаще обращался к домашним с одной и той же фразой: «Я вернусь не поздно».

За дверями, на улице, первым делом он брал деревянный шест торговца, сделанный из дубовой ветки, который носил вот уже двадцать пять лет, к обоим его концам привязывал за ручки пластмассовые бидоны, полные бузы, закладывал шест за спину и, словно солдат, который в последний раз перед битвой проверяет, на месте ли его пули и заряжено ли ружье, проверял маленькие мешочки с жареным нутом и корицей, которые хранились у него на поясе и во внутреннем кармане

пальто, а затем начинал свой бесконечный поход.

«Свежая буза...»

Он направлялся в верхние кварталы, а затем, свернув от Таксима, быстро шагнул туда, где собирался торговать тем вечером. Дойдя до нужного квартала, работал без перерыва долгое время, останавливаясь лишь на полчаса в какой-нибудь кофейне выкурить сигарету.

Когда перед ним, словно ангел с небес, опустилась корзина, на часах было девять тридцать и Мевлют был в Пангалты. Ровно через час он был в переулках Гюмюшсую и, когда свернул на темную улочку, выходящую к маленькой мечети, увидел стаю собак, которую заметил еще несколько дней назад. Так как уличные собаки не приближались к уличным торговцам, то Мевлют до недавнего времени их не боялся. Но на сей раз его сердце забилося в странной тревоге. Если испугаться, то собаки мгновенно почувствуют запах страха и тут же нападут. Ему захотелось подумать о чем-то другом.

Он постарался подумать о том, что сейчас его дочери смотрят телевизор и смеются, о том, что через некоторое время он вернется домой и будет о чем-то разговаривать с женой, о том, что Великий Пророк завещал держать сердце чистым, и о том ангеле, которого он только что представлял себе. Но победить чувство страха в себе не смог.

– Гав-гав-гав! – подбежала к нему одна из собак.

Следом за ней медленно приблизилась вторая. Они были цвета грязного асфальта. Вдалеке Мевлют увидел еще одну собаку, черную.

Три собаки залаяли одновременно. Впервые за всю его жизнь уличного торговца Мевлюту стало страшно, точно так же страшно, как один или два раза в детстве. Он пытался вспомнить аяты^[6] и молитвы, которые следовало читать от собак, и застыл на месте. Но собаки продолжали лаять.

Мевлют судорожно искал глазами какую-нибудь открытую дверь, какое-нибудь убежище. А может, стоит поставить бидоны на землю и шестом разогнать собак?

Где-то открылось окно. Кто-то закричал: «А ну, вон пошли! Оставьте в покое торговца, вон, вон!»

Собаки вздрогнули и затем, замолчав, удалились.

Мевлют почувствовал огромную благодарность к человеку в окне третьего этажа.

– Ничего не бойся, торговец, – сказал человек в окне. – Эти псы трусливые, сразу понимают, кто их боится. Ты понял?

– Спасибо! – сказал Мевлют, собираясь продолжить свой путь.

– Подойди-ка сюда. Давай и мы купим у тебя немножко бузы.

Мевлюту не понравилось, как человек сверху разговаривает с ним, но к двери подошел.

Дверь жилого дома с жужжанием автоматически открылась. Внутри пахло газом, прогорклым маслом и масляными красками. Мевлют неторопливо поднялся по лестнице на третий этаж. Наверху его не стали держать в дверях, а обошлись с ним как было принято среди добропорядочных людей в прошлом:

– Входи, торговец, ты, должно быть, замерз.

Перед дверью в несколько рядов стояла обувь. Когда Мевлют наклонился, развязывая шнурки, то ему подумалось: его старинный друг Ферхат однажды сказал, что все жилые дома в Стамбуле делятся на три типа:

1. Дома богобоязненных людей, где совершается намаз и на пороге которых снимают обувь.

2. Дома европеизированных буржуа, куда можно входить в обуви.

3. Новые многоэтажные жилые дома, где живут семьи двух вышеперечисленных типов.

Этот жилой дом находился в богатом квартале. Здесь не было никого, кто бы снимал и оставлял на пороге квартиры обувь. Но Мевлют всегда уважительно снимал обувь на пороге, будь то дом человека среднего класса или дом богача. Он никогда не слушал, если ему говорили: «Торговец, не снимай обуви».

В квартире, куда вошел Мевлют, стоял сильный запах раки. Он услышал радостный гомон веселых людей, уже изрядно выпивших, хотя вечер еще не подошел к концу. За обеденным столом, занимавшим почти всю маленькую гостиную, сидели шесть или семь мужчин и женщин и, глядя в телевизор, включенный, как обычно в домах Стамбула, на полную громкость, одновременно смеялись и разговаривали.

Когда они заметили, что Мевлют вошел, за столом воцарилось молчание.

Мевлют прошел на кухню, а там изрядно подвыпивший человек пробормотал ему: «Ну-ка, братец, налей-ка нам бузы». Это был не тот человек, которого он видел в окне.

– А корица и жареный нут у тебя есть? – поинтересовался выпивший.

– Есть. Сколько вас человек?

– Сколько нас? – насмешливо крикнул человек невидимой компании в комнате.

Те, кто сидел за столом, принялись, подшучивая друг над другом, решать, сколько же их собралось.

– Приятель, если буза слишком кислая, я не буду ее пить! – раздался голос одной из женщин.

– Буза у меня сладкая, – отозвался Мевлют.

– Тогда я не буду, – послышался мужской голос. – Бузу лучше всего пить, когда она кислая.

Сидящие за столом заспорили.

– Иди сюда, торговец, – позвали его.

Мевлют перешел из кухни в гостиную и там почувствовал, как сильно он отличается от тех, кто был там, каким нищевродом кажется им. На мгновение воцарилась тишина и неловкость. Все за обеденным столом с любопытством смотрели на него. Это любопытство было вызвано и тем, что сидящие видели перед собой нечто из далекого прошлого – то, мода на что давно прошла. Такие взгляды Мевлют часто ловил в последние годы.

Три женщины были крашеными блондинками. Мевлют заметил, что человек, который спас его от собак, сидит во главе стола между двумя из них.

– Буза может быть и сладкой, и кислой, – ответил Мевлют с достоинством.

– Слышь, торговец, ты этим деньги хоть зарабатываешь?

– Зарабатываю, хвала Аллаху!

– Так, значит, это дело приносит деньги... Сколько лет ты этим занимаешься?

– Я торгую бузой уже двадцать пять лет. А прежде по утрам торговал еще и йогуртом.

– Если ты двадцать пять лет этим занимаешься, да еще и зарабатываешь деньги, ты, должно быть, богат. Разве не так?

– Мы, к сожалению, так и не разбогатели, – ответил Мевлют.

– Почему?

– Все наши родственники, с которыми мы приехали из деревни, сейчас богаты, но мне не повезло.

– Почему не повезло?

– Потому что я честный, – сказал Мевлют. – Я никогда не лгу, не продаю порченный товар, не совершаю харам^[7] ради того, чтобы у меня был большой дом и чтобы дочке сыграть богатую свадьбу.

– Ты что, святоша?

Мевлют давно заметил, что в домах богачей подобный вопрос с некоторых пор приобрел политический смысл. На выборах в мэрию Стамбула, которые прошли третьего дня, победила происламская партия, за которую голосовали в основном бедняки. За кандидата, неожиданно

выбранного мэром, голосовал и Мевлют, и потому, что тот был набожен, и потому, что тот окончил школу Пияле-Паша в районе Касым-Паша, куда ходили обе его дочери.

– Я простой торговец, – хитро ответил Мевлют. – Как может торговец быть набожным?

– Почему же не может?

– Я все время работаю. А когда ты с утра до вечера на улице, то как можно пять раз совершить намаз?

– Что ты делаешь по утрам?

– Чего я только не делаю... Я и плов из нута продавал, и официантом работал, и мороженщиком, и даже директором был... Я все могу.

– И где же ты директорствовал?

– В кафе «Бинбом». Оно было в Бейоглу, но закрылось. Может, знаете?

– А что ты сейчас делаешь по утрам?

– Сейчас я свободен.

– А что, у тебя нет жены, семьи? – спросила блондинка с приветливым лицом.

– Есть. Хвала Аллаху, у нас есть и два ангела-дочки.

– Ты ведь отправишь их учиться в школу, не так ли? А когда они подрастут, заставишь голову покрывать?

– Мы простые крестьяне из бедной степной деревни, – сказал Мевлют. – Мы привязаны к нашим обычаям.

– И ты поэтому торгуешь бузой?

– Большинство земляков из нашей деревни отправились в Стамбул торговать йогуртом и бузой, но, по правде говоря, у нас в деревне мы не знали ни бузы, ни йогурта.

– То есть впервые ты увидел бузу в городе?

– Да.

– А кто тебя научил кричать так, как кричат все уличные торговцы? У тебя, слава Аллаху, очень хороший, сильный голос, словно у муэдзина.

– Бузу торговцу помогает продавать его громкий голос, – ответил Мевлют.

– Торговец, а тебе по ночам на темных улицах не страшно? Не бывает тоскливо?

– Аллах Всемогуший помогает скромному торговцу. Я всегда думаю только о хорошем.

– И даже когда по ночам ты ходишь по темным окраинным улицам и видишь кладбища, собак, джиннов, пери?

Мевлют промолчал.

– Как тебя зовут? – продолжали допытываться сидящие.
– Мевлют Караташ.
– Мевлют-эфенди, ну-ка, продемонстрируй нам, как ты кричишь – буза!

Мевлют уже много раз имел дело с пьяными компаниями. В те годы, когда он только начал торговать на улице, ему очень часто приходилось выслушивать от пьяных следующее: «В вашей деревне есть электричество?» (когда он впервые приехал в Стамбул, не было), «Ты вообще учился в школе?» И после подобных вопросов следовали другие: «Что ты почувствовал, когда впервые прокатился на лифте?», «Когда ты впервые пошел в кино?». В те годы Мевлют не стеснялся показывать себя наивнее и глупее, чем он был на самом деле. Перед постоянными клиентами, с которыми у него были приятельские отношения, он нередко изображал, как кричит на улицах «Буза!», не заставляя себя долго упрашивать.

Но то было в прошлом. Сейчас если бы не благодарность, которую он испытывал к человеку, который спас его от собак, то он давно прекратил бы беседу, разлил бузу и ушел.

– Где ты берешь эту бузу? – спросил один из сидящих.
– Делаю сам.
– Все торговцы покупают ее в лавке «Вефа».
– Делаю уже пять лет, и к тому же заготовку для нее производят в Эскишехире, – сказал Мевлют. – Но я раньше покупал сырье, самое лучшее, которое было в лавке «Вефа», затем его обрабатывал, добавлял собственные приправы.

– То есть ты дома просто насыпаешь в нее сахара?
– Буза может быть и сладкой, и кислой.
– Да ладно, ну что ты такое говоришь! Буза бывает только кислой, а кислоту ей придает закваска.

– А в бузе есть спирт? – спросила одна из женщин.
– Девочка, ну ты совсем ничего не знаешь! – воскликнул один из мужчин. – Буза – это напиток Османов, у которых спирт и вино были под запретом. Мурад Четвертый по ночам переодевался и ходил по городу, приказывая закрыть не только пивные, не только кофейни, но и лавки, где торговали бузой.

– А почему он приказывал закрыть кофейни?
Начался пьяный спор, который Мевлют привык видеть у припозднившихся гуляк и в пивных. На мгновение о нем забыли.

– Вот, торговец, скажи – есть в бузе алкоголь?

– В бузе алкоголя нет, – соврал Мевлют. Его отец всегда отвечал именно так.

– Как это нет, торговец? В бузе есть алкоголь, но его очень мало. В османские времена некоторые богомольцы, которым хотелось расслабиться, именно поэтому и твердили, что в бузе алкоголя нет, а сами со спокойным сердцем выпивали по десять стаканов. Но во времена республики, когда Ататюрк^[8] разрешил пить раки и вино, торговля бузой, в которой не осталось смысла, сразу прекратилась. Это случилось еще семьдесят лет назад.

– Может, вернутся исламские запреты и вернется буза, – сказал Мевлюту пьяный человек с тонким носом, бросая на него провокационные взгляды.

– В бузе алкоголя нет, – повторил Мевлют как ни в чем не бывало. – Если бы он там был, я бы ее не продавал.

– Смотри, видишь, вот человек верующий, не то что ты, – сказал один из мужчин тонконосому.

– Ты говори за себя. Я все про свою веру знаю и раки пью, когда хочу, – ответил тот. – Торговец, а ты что, боишься, раз говоришь, что в бузе алкоголя нет?

– Я не боюсь никого, кроме Аллаха, – ответил Мевлют.

– Вай, ты слышал его ответ?

– Ты что, не боишься по ночам на улицах собак, грабителей?

– Бедный разносчик бузы никому не нужен, – с улыбкой отвечал Мевлют. – Он не нужен ни грабителям, ни разбойникам, ни вора. Я уже двадцать пять лет занимаюсь этим делом. Меня еще ни разу не ограбили. Разносчика бузы уважают все.

– За что?

– За то, что буза – это то, что осталось нам от прошлого, от наших предков. В наше время на улицах Стамбула не насчитается и сорока разносчиков бузы. Очень мало кто, как вы, покупает ее. Но многие, когда слышат голос торговца, вспоминают прошлое и радуются. Вот что позволяет торговцу бузой жить, и вот что делает его счастливым.

– А ты что, святоша?

– Да, я боюсь Аллаха, – ответил Мевлют, прекрасно зная, что эти слова их напугают.

– А ты любишь Ататюрка?

– Гази Мустафа Кемаль-паша в тысяча девятьсот двадцать втором году был у нас, в Акшехире, – сказал Мевлют. – После этого он отправился в Анкару, создал там республику и в конце концов в один прекрасный день

приехал в Стамбул, где остановился на Таксима в Парк-отеле. Однажды выглядывает он из окна и замечает, что за окном и шумно, и весело, но чего-то не хватает. Он спрашивает у своего адъютанта, в чем дело, а тот ему отвечает: «Паша, мы запретили всем уличным торговцам появляться на улицах, чтобы не прогневать вас. Потому что в Европе такого нет». В ответ на это Ататюрк очень рассердился. «Уличные торговцы как соловьи для улиц, они – радость и жизнь Стамбула. Вы ни в коем случае не должны их запрещать». С того самого дня в Стамбуле разрешено совершенно свободно торговать на улицах.

– Слава Ататюрку, – сказала одна из женщин.

Некоторые из сидевших за столом повторили за ней: «Слава Ататюрку». Мевлют повторил вслед за ними.

– Хорошо, а если к власти придут исламисты, разве Турция не уподобится Ирану?

– Армия не позволит этим исламистам ничего делать. Военные устроят переворот, закроют их партию, бросят всех в тюрьму. Разве не так, торговец?

– Я маленький человек, – ответил Мевлют. – Меня политика не касается. Политика – это дело больших людей.

Сидящие возбужденно загалдели.

– Торговец, я думаю точно так же, как и ты. Я боюсь только Аллаха и тещу.

– Послушай, торговец, а у тебя теща есть?

– К сожалению, я с ней так и не познакомился.

– А как же ты женился?

– Мы с женой влюбились друг в друга и сбежали. На такое не каждый способен.

– А как вы познакомились?

– На свадьбе у родственников. Я три года писал ей письма.

– Молодец, торговец, а ты парень не промах.

– А что сейчас твоя ханым делает?

– Занимается работой по дому. Это трудно, и на такое не каждая женщина способна.

– Торговец, если мы выпьем твоей бузы, мы опьянеем еще больше?

– От моей бузы никто не пьянеет, – сказал Мевлют. – Вас восемь человек, наливаю вам два литра.

Он вернулся на кухню, налил в стаканы бузу, отсыпал жареный нут и корицу, а затем пересчитывал деньги. Затем Мевлют решительно попрощался со всеми и надел ботинки, словно его ждали другие клиенты

и он вынужден торопиться.

– Торговец, на улице дождь и грязь, береги себя! – прокричали ему вслед. – Хорошей торговли, чтоб на тебя никогда ни воры, ни собаки не нападали!

– Торговец, приходи к нам еще! – крикнула одна из женщин.

Мевлют прекрасно знал, что на самом деле они больше не захотят бузы: они позвали его только ради того, чтобы развлечься. Уличный холод освежил Мевлута.

– Бууузаа!

За двадцать пять лет он повидал много людей, подобных этим людям, слышал эти вопросы тысячи раз и уже привык к ним. В конце 1970-х он множество раз видел подобные пьяные застолья: его расспрашивали о жизни картежники, сводники, жиголо, проститутки. Мевлют умел быстро завершать с ними свои дела и, не теряя времени, вновь оказываться на улице.

Впрочем, в последнее время его редко приглашали войти в дом, присоединиться к застолью. Двадцать пять лет назад почти каждый покупатель зазывал его к себе. Очень многие спрашивали: «Не мерзнешь ли ты, ходишь ли по утрам в школу, хочешь ли ты чая?» Некоторые звали его в гостиную и даже сажали за стол. Но он торопливо уходил, не успевая насладиться этими приглашениями и заботой, так как тогда у него было много работы и он постоянно был занят тем, что доставлял клиентам их заказы. В прежние времена горожане редко вели подобные пьяные беседы. Не то что сейчас! Его приятель Ферхат полушутя-полусерьезно говаривал ему: «Скажи мне, если люди пьют текелевскую раку в сорок пять градусов всей семьей, то зачем им твоя трехградусная буза? Это дело давно устарело, брось ты его, ради Аллаха, Мевлют. Теперь этим людям твоя буза не нужна, чтобы напиться».

Мевлют свернул на тихие улочки, спускавшиеся к Фындыклы, быстро налил пол-литра бузы постоянному клиенту и, выходя из здания, в тени дома напротив заметил две подозрительные тени.

Повинуясь интуиции, через какое-то время он обернулся и мгновенно убедился в том, что два подозрительных типа идут следом за ним. Он два раза сильно, два раза слабо тряхнул колокольчиком, который держал в руках, и вновь прокричал: «Буза!» Он решил быстро спуститься по лестнице, а затем вновь подняться уже по другой лестнице в Джихангир и, срезая путь, отправиться домой.

Когда он спускался, один из преследователей окликнул его:

– Торговец, торговец, постой-ка!

Мевлют сделал вид, что не слышит. Торопливыми шагами, сжимая шест на плечах, он продолжил осторожно спускаться. В том месте, куда не доставал свет фонарей, ему пришлось сбавить скорость.

– Торговец, мы же сказали тебе – постой! Что мы, враги тебе? Мы хотим купить бузы.

Мевлюту стало стыдно из-за собственной трусости, и он остановился. Пролет лестницы, на котором он стоял, был довольно темным из-за того, что финиковое дерево закрывало его от света фонаря. Тем летом, когда он украл Райиху и торговал мороженым, в этом месте он на ночь оставлял свою трехколесную тележку.

– Сколько стоит твоя буза? – развязным тоном спросил один из спускавшихся за ним.

Теперь все трое стояли под финиковым деревом в темноте. Обычно тот, кому хотелось бузы, спрашивал цену, однако спрашивал он ее, как правило, тихо и вежливо, не с таким вызовом. Мевлют всерьез забеспокоился. Он назвал цену вполосину меньше обычной.

– Ух ты, как дорого! – сказал один из мужчин, тот, что был крупнее. – Ну-ка, дай-ка нам два стаканчика. Надо же, какие ты деньги зарабатываешь.

Мевлют опустил на землю свои бидоны, вытащил из кармана передника большой пластмассовый стакан, налил бузы и протянул стакан второму человеку, который был меньше и моложе.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Когда Мевлют наливал второй стакан, он уже испытывал почти что чувство вины из-за повисшего странного молчания. Крупный это тоже почувствовал.

– Ты куда-то бежишь, торговец. Что, у тебя так много работы с твоей бузой?

– Нет, – покачал головой Мевлют. – Работы очень мало. Таких клиентов, как раньше, больше нет. Никто теперь не покупает бузу. Я сегодня и выходить-то не собирался, но дома у меня болят дочери, нужно заработать денег на суп.

– А сколько ты зарабатываешь за день?

– Говорят, нельзя спрашивать женщину о возрасте, а мужчину – о зарплате, – ответил Мевлют, протягивая крупному незнакомцу стакан бузы. – Скажу одно: иногда, как сегодня, возвращаюсь домой без денег.

– Ты не очень-то похож на того, кто голодает. Откуда ты?

– Я из Бейшехира.

– Сколько ты лет уже в Стамбуле?
– Двадцать пять!
– Ты живешь здесь уже двадцать пять лет и до сих пор говоришь, что ты из Бейшехира?

– Хотите корицы? – спросил Мевлют.
– Дай, пожалуй. Сколько стоит корица?

Посыпая корицей напиток в стаканах, Мевлют ответил: «Ну что вы, корица и жареный нут для наших клиентов бесплатно». Он вытащил из кармана два пакетика с жареным нутом. Вместо того чтобы отдать пакетики, как он обычно делал, он открыл их и, как внимательный официант, насыпал нут обоим в стаканы.

– Бузу лучше всего пить с жареным нутом, – проговорил он.

Те двое переглянулись и выпили стаканы до дна.

– Сегодня у нас был плохой день, так хотя бы ты для нас стараешься, – сказал тот, что был постарше.

Мевлют сообразил, к чему может привести продолжение, и перебил его:

– Если у вас нет денег, я могу взять их у вас потом, братцы! Если мы не будем помогать друг другу в эти трудные времена, то грош нам цена. Я угощаю вас.

С этими словами он взялся было за шест, собираясь улизнуть.

– Ну-ка, постой, торговец, – сказал крупный. – Мы же сказали, что сегодня *ты* для нас стараешься. Ну-ка, дай-ка нам все свои деньги.

– Братец, я же сказал, что сегодня у меня нет денег, – проговорил Мевлют. – Я сегодня продал всего-то пару стаканчиков одному-двум клиентам...

Второй, щуплый, мгновенно вытащил из кармана складной нож. Он нажал на кнопку, и нож с легким щелчком открылся. Он приставил острие ножа к животу Мевлюта. Тот, что был покрупнее, быстро встал за спиной Мевлюта и крепко схватил его за руки.

Щуплый, прижимая складной нож к животу торговца, другой рукой торопливо ощупал маленькие кармашки его передника и каждый уголок его пиджака. Все, что он находил, мелкие бумажные деньги и монеты, он тут же клал себе в карман. Мевлют разглядел, что этот человек очень молод и очень некрасив.

Но тут крупный ему сказал:

– Смотри себе под ноги, торговец. Ну, машаллах, денег у тебя оказалось много, так что ты не напрасно от нас бежал...

– Ну все, хватит! – перебил его Мевлют.

– Хватит? – хмыкнул молодой. – Ну какое там «хватит», ну конечно, не хватит. Ты тут двадцать пять лет назад приехал, город уже обобрал, а теперь будешь говорить, что хватит, да еще и указывать?

– А что у тебя есть в Стамбуле, дом, квартира, ну-ка, говори! – прорычал крупный.

– Видит Аллах, у меня даже дерева здесь своего нет, – соврал Мевлют. – У меня вообще ничего нет.

– Как это – нет? Ты что, дурак?

– Вот не повезло.

– Слышь, ты, каждый, кто двадцать пять лет назад приехал в Стамбул, себе уже хотя бы гедже-конду^[9] построил. А теперь на их участках красуются большие дома.

Мевлют постарался вырваться, но это не привело ни к чему, кроме того, что нож уколол его в живот. Мевлюта обыскали с головы до ног еще раз, и весьма тщательно.

– Говори, ты дурак или просто дурачком прикидываешься?

Мевлют молчал. Тот, кто стоял у него за спиной, ловким опытным движением завернул ему левую руку за спину:

– О, посмотрите-ка на него, что здесь есть. Машаллах, ты деньги свои тратишь не на дом, не на баню, а себе на часы, дружок наш из Бейшехира! Теперь с тобой все понятно.

Часы швейцарской марки, которые подарили Мевлюту на свадьбу, в мгновение ока исчезли с его запястья.

– Разве разносчика бузы можно грабить? – воскликнул Мевлют.

– Конечно можно, – нагло ответил тот, кто держал его руки. – Ты тут голоса особенно не подавай и назад не смотри.

Оба грабителя удалялись. Мевлют понял, что это были отец с сыном. Он подумал о том, что никогда бы не смог со своим собственным отцом вот так запросто заниматься грабежом. Он тихонько спустился с лестницы, свернул в одну из улиц, поднимавшихся в сторону спуска Казанджи. Вокруг царило безмолвие, не было ни души. Что он скажет дома Райихе? Сможет ли он скрыть от всех то, что с ним произошло?

Ему подумалось, что ограбление было плодом его фантазии. Он ничего не скажет Райихе, ведь его никто не грабил. На несколько секунд он поверил было в это, и горечь обиды стихла. Он позвенел колокольчиком.

«Буза!» – хотел было привычно крикнуть он и тут же почувствовал, что не сможет издать ни звука.

Впервые за двадцать пять лет Мевлют возвращался домой с полными бидонами, не выкрикивая свое обычное «Буза!».

Как только он вошел в свою однокомнатную квартирку, то по царившей внутри тишине понял – обе его дочери-школьницы уже давно спят.

Райиха сидела на краю постели, рукодельничала, краем глаза глядя в телевизор с выключенным звуком, и ждала Мевлюта.

– Все, я больше не торгую бузой, – сказал Мевлют.

– С чего это? – удивилась Райиха.

– Я бросил торговлю бузой, говорю тебе.

– Ферхат работает инспектором по электроснабжению и много зарабатывает, – сказала Райиха. – Позвони ему, пусть найдет тебе работу.

– Умру, но Ферхату не позвоню, – сказал Мевлют.

Часть III

(Сентябрь 1968 – июнь 1982)

Мой отец ненавидел меня с того дня, как я появился на свет...

Стендаль. Красное и черное

1. Дни Мевлюта в деревне

Если бы мир умел говорить, что бы он рассказал?

Теперь, чтобы понять, почему Мевлют принял именно такое решение, почему был так привязан к Райихе и почему боялся собак, мы вернемся в его детство. Мевлют появился на свет в 1957 году в деревне Дженнет-Пынар под городком Бейшехир провинции Конья и до двенадцати лет из своей деревни никуда не выезжал. Окончив с отличием начальную школу, он думал, что отправится продолжать учебу и работу к отцу в Стамбул, но отец не пожелал видеть его у себя, и до осени 1968 года Мевлют прожил в деревне, устроившись пастухом. До конца дней своих предстояло Мевлюту задаваться вопросом, почему его отец принял подобное решение. Его друзья, двоюродные братья Сулейман с Коркутом, в Стамбул уехали, а Мевлют остался один, отчего очень страдал. Он пас у холма небольшую отару – голов на восемь – десять. Каждый день его проходил в созерцании бесцветного озера вдали, автобусов и грузовиков, проносившихся по шоссе, птиц да тополей.

Иногда он прислушивался к шороху тополиных листьев, и ему казалось, что деревья пытаются ему что-то сказать. Бывало, деревья показывали Мевлюту потемневшие на солнце листья, а бывало – пожелтевшие. Внезапно задувал легкий ветерок, и картина смешивалась: потемневшие листья светились желтым, пожелтевшие мелькали темно-изумрудными краями.

Главным его развлечением было собирать сухие ветки, складывать их в кучу, а затем разводить костер. Когда ветки занимались пламенем, его пес Камиль принимался радостно носиться вокруг костра. Мевлют садился и протягивал к огню руки, пес тоже садился поодаль и, замерев, долго смотрел на огонь.

Все собаки в деревне узнавали Мевлюта, и даже если самой темной и тихой ночью он выходил за окраину, ни одна из них не лаяла ему вслед. Мевлют из-за этого чувствовал себя частью деревни. Деревенские собаки лаяли только на чужаков. Если собака набрасывалась на кого-то из деревенских, например на его двоюродного брата Сулеймана, лучшего друга Мевлюта, то тогда все говорили: «Смотри, Сулейман, ты, видно, замыслил что-то недоброе, как-то ты хитришь!»

Сулейман. По правде, ни одна из деревенских собак никогда на меня

не набрасывалась. Мы сейчас переехали в Стамбул, и мне жаль, что Мевлют остался там, в деревне, я скучаю по нему. Но деревенские собаки и ко мне, и к Мевлюту относились совершенно одинаково. Я это хотел сказать.



Иногда Мевлют и его пес Камиль взбирались на вершину холма. Когда Мевлют смотрел на бескрайний пейзаж, то в нем просыпалось желание жить, быть счастливым, занять важное место под солнцем. Он надеялся, что отец в конце концов придет за ним на автобусе из Стамбула и увезет его с собой. Ручеек, у которого он оставлял пастись своих овец, извивался внизу, и каждый его изгиб обрамляли невысокие скалы. Иногда Мевлют видел дым от костра, зажженного на другом конце равнины. Он знал, что костер зажгли такие же, как он, юные пастухи из соседней деревни Гюмюш-Дере, которые, как и он, не смогли поехать на учебу в Стамбул. Когда бывало ветрено и ясно, особенно по утрам, с холма, на который поднимались Мевлют и Камиль, можно было разглядеть маленькие домики Гюмюш-Дере, выбеленную изящную мечеть с тонюсеньким минаретом.

Абдуррахман-эфенди. Я живу в той самой деревне, Гюмюш-Дере, и поэтому чувствую в себе смелость кое-что сказать. Большинство из нас, жителей Гюмюш-Дере, Дженнет-Пынар и еще трех окрестных деревень, в 1950-е годы были бедняками. Каждую зиму у нас накапливались долги бакалейщику, которые мы с большим трудом возвращали весной. В марте мужчины отправлялись на заработки, на стройку в Стамбул. У некоторых совершенно не было денег, и Кривой Бакалейщик покупал им билет на автобус до Стамбула, а их имена записывал в самое начало списка должников в тетрадку. Был такой рослый, широкоплечий Юсуф, который в 1954-м уехал в Стамбул из нашей Гюмюш-Дере и который до того уже работал на стройке в Стамбуле. Он *случайно* стал разносчиком йогурта и, обходя улицу за улицей с йогуртом, заработал очень много денег. Так что он перевез к себе на работу в Стамбул сначала своих братьев, затем дядей, которые поселились в его холостом жилище. Мы, жители Гюмюш-Дере, до того совершенно не смыслили в йогурте. Но большинство из нас

поехали в Стамбул торговать йогуртом. Я уехал в Стамбул в двадцать два года, сразу после службы в армии. Признаться, я несколько раз нарушал там дисциплину, сбегал, меня ловили, колотили и сажали в тюрьму, и поэтому моя служба продлилась целых четыре года. В те времена наши доблестные офицеры еще не успели повесить премьер-министра Мендереса^[10], и он каждый день то утром, то вечером разъезжал по Стамбулу на своем «кадиллаке», и все старинные особняки, преграждавшие ему путь, тотчас сносились, чтобы уступить место широким проспектам. У торговцев и разносчиков, бродивших по стамбульским улицам среди руин, было очень много работы, но у меня торговать йогуртом не получилось. Все, кто родом из наших мест, обычно рослые, широкоплечие, сильные. А ваш покорный слуга, иншаллах, уродился худым и щуплым. Шест разносчика с привязанными к обоим концам бидонами с йогуртом, каждый по двадцать-тридцать литров, которые нужно было носить с утра до вечера, казался мне невыносимо тяжелым. Кроме этого, я начал по вечерам торговать и бузой, подобно большинству торговцев йогуртом. Шест разносчика, что ни погрузи на него, на шее и плечах новичка оставляет мозоли. Проклятый шест обошелся со мной еще хуже, чем с другими, – у меня искривился позвоночник, и, когда я заметил это, пришлось отправиться в больницу. Я месяц провел в больничных очередях, и наконец доктор объявил мне, что следует немедленно забыть про шест. Но конечно же, из-за денег я немедленно забыл не про шест, а про доктора. Так моя спина искривилась совершенно, и приятели придумали мне кличку Горбун Абдуррахман, а я страшно из-за этого переживал. Теперь в Стамбуле я старался держаться подальше от наших деревенских, но по-прежнему видел на улицах этого психа Мустафу, отца Мевлюта, с его братом Хасаном, дядей Мевлюта. В те дни я и пристрастился к раке, лишь бы забыть о терзавшей мою спину боли. Вскоре я совершенно забыл о своей мечте когда-нибудь обзавестись в Стамбуле домом (хотя бы каким-нибудь сараем гедже-конду) и мало-мальским имуществом – вместо этого принялся просаживать заработанное. На оставшиеся деньги в родной деревне я купил небольшой участок, а затем женился на самой бедной, самой безродной девушке Гюмюш-Дере. В Стамбуле я усвоил урок – для того чтобы задержаться там, человек должен привезти вместе с собой по меньшей мере трех сыновей. И я подумал, пусть у меня родится трое сильных, как львы, сыновей, я отправлюсь с ними в Стамбул, и на первом холме за чертой города построю свой собственный дом, и на этот раз завоюю город. Но в деревне у меня родились не три сына, а три дочери. А я сам два года назад навсегда

вернулся в деревню, где очень счастлив с моими дочерьми. Сейчас я хочу вам их представить:

Ведиха. Мне хотелось, чтобы мой львенок-первенец был серьезным и работающим и чтобы его звали Ведии. К сожалению, родилась девочка, так что я назвал ее Ведиха вместо Ведии.

Райиха. Она очень любит забираться к отцу на руки и очень приятно пахнет.

Самиха. Не ребенок, а джинн, все время плачет и капризничает, ей нет еще и трех лет, и она носится по дому.



По вечерам в деревне Дженнет-Пынар Мевлют сживал дома со своей матерью Атийе и двумя крепко любящими его старшими сестрами, писал письма в Стамбул отцу Мустафе-эфенди, просил его привезти из Стамбула ботинки, батарейки, пластмассовые прищепки, мыло и тому подобные вещи. Частым ответом на письма Мевлюта была одна-единственная фраза, что бóльшая часть заказанных ими вещей «есть в лавке у Кривого Бакалейщика». И тем не менее сын продолжал свои литературные упражнения, чувствуя в них потребность. НЕОБХОДИМОСТЬ ПИСЬМЕННО ПРОСИТЬ О ЧЕМ-ТО ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА требовала от него трех навыков:

1. Нужно было найти истинное желание, поскольку обычно никто не знает своих истинных желаний.

2. Нужно было выразить письменным языком то, чего хочешь, ведь, когда письменно говоришь о том, что хочешь, понемногу начинаешь понимать, что именно тебе нужно.

3. Нужно было написать Письмо – нечто такое, что создается по принципам, изложенным в пунктах 1 и 2, но на самом деле получается таинственный текст с совершенно другим смыслом.

Мустафа-эфенди. Вернувшись из Стамбула в конце мая, я привез дочерям разноцветные ткани в цветочек на платья; жене тапочки и лимонный одеколон «Pe-Re-Ja», о которых она просила в письмах, написанных Мевлютом; а Мевлюту – игрушку, о которой он просил.

Я разозлился, потому что Мевлют, завидев подарок, поблагодарил меня сквозь зубы. «Он хотел водяной пистолет, но такой, как у сына мухтара»^[11], – сказала его мать, пока старшие сестры хихикали. На следующий день мы с Мевлютом отправились к Кривому Бакалейщику и подробно прошлись по списку долгов. «Черт, а это что за жвачка „Чамлыджа“?» – то и дело спрашивал я, а Мевлют смотрел себе под ноги, ведь это он купил жвачку и сказал записать свой долг в тетрадь. «На будущее – не продавай ему жвачку!» – велел я Кривому Бакалейщику. «На будущее – пусть Мевлют поедет в Стамбул и поучится! – ответил хитрый бакалейщик. – Машаллах, голова у него хорошо работает, к счету, к математике способна, пусть и в нашей деревне появится хоть кто-нибудь, кто дойдет до университета».



Известие о том, что отец Мевлюта в последнюю зиму в Стамбуле поругался с дядей Хасаном, быстро разошлось по деревне... Дядя Хасан и оба его сына, Коркут и Сулейман, в самые холодные дни прошедшего декабря выехали из стамбульского дома в Кюльтепе, где они жили вместе с отцом Мевлюта, оставив того в одиночестве, и переехали в другой дом в Дуттепе. Сразу после этого жена дяди Хасана, доводившаяся Мевлюту теткой, отправилась из деревни в город в этот новый дом, чтобы заботиться о своих мужчинах. Перемены означали, что осенью Мустафа-эфенди может взять к себе Мевлюта, чтобы не оставаться в Стамбуле одному.

Сулейман. Мой отец и дядя Мустафа – братья, но фамилии у нас разные. В те дни, когда по приказу Ататюрка все брали себе фамилии, в деревню из Бейшехира приехал чиновник, отвечающий за акты гражданского состояния. И аккуратно записал, кто какую фамилию себе выбрал. Очередь подошла к нашему деду, который был очень богобоязненным и набожным человеком и жизнь которого никогда не выходила за границы Бейшехира. Он подумал-подумал и сказал: «Акташ». Рядом с ним были оба его сына, которые, как обычно, ссорились. «А меня пусть запишут Караташем», – упрямо сказал тогда еще маленький мой будущий дядя Мустафа, но ни дед, ни чиновник его не послушали.

Упрямый и привыкший делать все по-своему, дядя Мустафа, прежде чем записать Мевлюта в Стамбуле в среднюю школу, съездил в Бейшехир к судье и поменял себе фамилию, так что мы остались Акташами, а семья Мевлюта стала Караташами. Сын моего дяди, Мевлют Караташ, этой осенью приехал в Стамбул и жадно принялся за учебу. Правда, никто из наших мальчишек, которых увозили в Стамбул якобы на учебу, так и не сумел окончить лицей. Грустно, конечно, но лишь единственный парень из соседней деревни сумел попасть в университет. Потом этот ботан, который впоследствии даже надел очки, уехал в Америку, и больше о нем не слышали.



Однажды вечером в конце лета отец достал ржавую пилу, знакомую Мевлюту с детства. Он привел сына к старому дубу. Там они, сменяя друг друга, терпеливо и долго спиливали ветку толщиной с руку. Ветка была очень длинной и чуть кривой.

– Теперь это будет твой шест для торговли, – сказал отец Мевлюту.

Он взял на кухне спички и велел зажечь огонь. Подержав ветку над огнем, он опалил все сучки и подсушил будущий шест.

– Пусть пожарится до конца лета на солнце, а мы его еще над костром подсушим, чтобы он согнулся как следует. Он получится прочный, как камень, и мягкий, как бархат. Ну-ка, посмотрим, как он у тебя на плечах?

Мевлют положил шест на плечи. Затылком и плечами он с дрожью ощутил его тепло и твердость.

Уезжая в Стамбул в конце лета, отец и сын взяли с собой небольшой мешок, полный тарханы^[12], высушенного красного перца, булгура, несколько сумок с тонкими лепешками и корзину с грецкими орехами. Отец имел обыкновение дарить булгур и орехи консьержам богатых больших домов, чтобы они позволяли ему подниматься на лифте. Кроме того, уезжавшие прихватили фонарь, который нужно было починить в Стамбуле, любимый чайник отца, циновку, чтобы постелить ее на полу дома в Стамбуле, и всякие прочие мелочи. Набитые битком полиэтиленовые пакеты в поезде то и дело вываливались из углов, куда их

затолкали на время путешествия. Мевлют, который был полностью погружен в разглядывание мира за окном поезда и уже сейчас скучал по матери и старшим сестрам, то и дело вскакивал подбирать сваренные вкрутую яйца, выкатывающиеся из сумок на середину вагона.

В мире, который был за окном поезда, оказалось гораздо больше людей, пшеничных полей, тополей, быков, мостов, ишаков, домов, гор, мечетей, тракторов, надписей, букв, звезд и электрических столбов, чем Мевлют видел за всю свою двенадцатилетнюю жизнь. От этих столбов, пронесившихся мимо Мевлюта, у него кружилась голова, и, опустив голову на плечо отца, он засыпал, а проснувшись, замечал, что желтые поля, солнечные стога пшеницы исчезли, все вокруг превратилось в лиловые скалы, и после этого Стамбул представлял в его снах городом, созданным из этих лиловых скал.

А между тем показывалась очередная речушка и зеленые деревья, и он чувствовал, как настроение его тоже меняет цвет. Если бы мир умел говорить, что бы он рассказал? Поезд иногда подолгу стоял, но Мевлюту казалось из окна, что весь мир выстроился перед ним в очередь. Он с волнением громко читал отцу названия станций: «Хамам... Ихсание... Дёгер...» – глаза его то и дело слезились от синего сигаретного дыма, и он выходил в коридор, шатаясь, как пьяный, шел к уборной, с трудом открывал дверь с заедающим замком, нажимал на педаль и подолгу смотрел в отверстие в унитазе на проносящуюся внизу гальку. Колеса громко стучали. На обратном пути Мевлюту нравилось доходить до последнего вагона и разглядывать спящих в купе женщин, плачущих детей, резавшихся в карты мужчин. Он разглядывал тех, кто ел колбаски, тех, кто курил, тех, кто совершал намаз, – словом, всех, кто был в поезде.

На некоторых станциях в вагон поднимались мальчишки-разносчики, и Мевлют с большим вниманием смотрел на то, как они торгуют изюмом, жареным нуттом, печеньем, хлебом, сыром, миндалем и жвачкой, а затем принимался есть пирожки из слоеного теста, которые мать заботливо положила ему в сумку. Иногда он видел, как пастухи с собаками, издали заметив поезд, бегут к нему с холма, на ходу выкрикивая: «Дайте газету!» (молодым пастухам газеты нужны для того, чтобы делать самокрутки) – и, когда поезд проносился мимо них, Мевлют испытывал странную гордость. Иногда стамбульский поезд останавливался посреди степи, и тогда Мевлют думал, как на самом деле в мире тихо. Во время ожидания, казавшегося бесконечным, он смотрел из окна вагона на то, как в маленьком саду какого-нибудь деревенского дома женщины собирают помидоры, куры вышагивают вдоль железнодорожных путей, ишаки стоят

рядом с электрическим насосом, а поодаль на траве спит бородатый мужчина.

– Когда мы поедem? – спросил он во время одной из таких бесконечных стоянок поезда.

– Потерпи, сынок, Стамбул никуда не денется.

– Ой, мы, кажется, поехали.

– Это не мы, это мимо нас поезд проехал, – улыбнулся отец.

На протяжении всего путешествия Мевлют вспоминал карту Турции с флагом и Ататюрком, висевшую за спиной учителя в деревенской школе все те пять лет, что Мевлют там учился, и пытался представить, где же именно на этой карте они сейчас. Он уснул перед тем, как поезд приехал в Измит, и до самого вокзала Хайдар-Паша так и не раскрыл глаз.

Узлы, сумки и корзина, бывшие у них с собой, оказались очень тяжелыми. Целый час они потратили на то, чтобы перетащить их из вокзала Хайдар-Паша и сесть на пароход до Каракёя. Так Мевлют впервые в жизни увидел море. Море было темным и глубоким, словно сон. В прохладном воздухе ощущался сладковатый запах водорослей. Европейская часть Стамбула переливалась огнями. На всю свою жизнь Мевлют запомнил то, как впервые он увидел эти огни.

2. Дом

Холмы на окраинах города

Дом был лачугой гедже-конду. Отец его употреблял это слово, когда злился из-за невзрачности и бедности места, в котором они жили, а если не злился, что было редкостью, чаще употреблял слово «дом» с определенной нежностью, которую чувствовал и Мевлют. Подобная нежность давала Мевлюту обманчивое чувство, что здесь находится нечто из того идеально-прекрасного дома, которым они когда-нибудь в этом мире будут владеть, но верить в светлое будущее было сложно. Лачуга представляла собой средних размеров комнату. Неподалеку от нее стояла уборная. Сквозь маленькое, не закрытое стеклом окошко уборной по ночам можно было слышать, как в дальних кварталах лают и воют собаки.

В первый вечер Мевлюту показалось, что они ошиблись домом, потому что, когда они вошли внутрь в темноте, оказалось, в лачуге находятся мужчина и женщина. Позднее Мевлют понял, что пара снимала у отца дом, когда он на лето возвращался в деревню. Отец сначала о чем-то долго спорил с квартирантами, а потом устроил себе и сыну лежанку в углу.

Когда Мевлют проснулся около полудня, уже никого не было. Мевлют вспомнил рассказы Коркута и Сулеймана и постарался представить, как они жили в этой комнате, ибо дом казался ему заброшенной развалиной. Здесь ютились старый стол, четыре стула, две кровати (одна с пружинным матрасом, другая без), два шкафа и печка. Это было все, чем владел его отец в городе, куда он отправлялся на заработки каждую зиму вот уже шесть лет. Когда в прошлом году брат отца поругался с ним и переехал с сыновьями в другой дом, он забрал с собой все свои вещи и даже кровати. Мевлют не нашел ничего, что напомнило бы о родственниках. Ему было приятно увидеть в шкафу у отца несколько вещей, привезенных из деревни, например шерстяные носки, которые связала отцу мать, длинные кальсоны и ножницы, которые он видел раньше в руках у сестер, хотя эти ножницы уже поржавели.

Пол в доме был земляным. Отец уже постелил привезенную из деревни циновку.

На столе, грубо сколоченном из досок и фанеры, некрашеном и старом, для Мевлюта был оставлен на завтрак свежий хлеб. Чтобы стол не качался, Мевлют подкладывал под ножки пустые спичечные коробки или щепки, но все равно время от времени чай и суп проливались, а отец сердился.

Вообще отец часто сердился. Он постоянно обещал починить стол, но так этого и не сделал.

В первые годы жизни в Стамбуле Мевлюту особенно нравилось сидеть за столом с отцом по вечерам и ужинать. Конечно, эти трапезы не были такими веселыми, как в деревне с матерью и сестрами. Мевлют видел по движениям отца всегда только то, что родитель торопится. Как только Мустафа-эфенди клал в рот последний кусок, он закуривал сигарету, но, не успевала она догореть и до половины, поднимался и говорил: «Пошли торговать».

И они отправлялись на заработок.

Вернувшись из школы, Мевлют любил варить суп на печке, а если печка еще не была затоплена, на маленькой керосинке «Айгаз». В кипящую в кастрюле воду он клал ложку сливочного масла «Сана» и все, что находилось в шкафу, – морковку, сельдерей, картофель, который чистил сам, перец и две пригоршни булгура. Слушая, как все это кипит, он внимательно смотрел на бурлящее варево. Кусочки картофеля и морковки вертелись как безумные в супе, словно грешники в адском пламени, ему казалось, что он слышит в кастрюле их крики, их предсмертные стоны. Иногда, словно в жерле вулкана, появлялись и исчезали маленькие гейзеры, и тогда морковка и сельдерей всплывали в кастрюле, едва не касаясь носа Мевлюта. Мевлюту нравилось наблюдать, как картошка по мере готовности желтеет, морковь отдает супу свой цвет, нравилось слушать, как меняется звук кипения, и он думал о том, что перемещение всего кипящего в кастрюле очень похоже на вращение планет во Вселенной, о которых им начали рассказывать на уроках географии в мужском лицее имени Ататюрка. Ему нравилось греться теплым ароматным паром, поднимавшимся из кастрюли.

Отец каждый раз говорил: «Машаллах! Суп получился очень вкусным, у тебя золотые руки! Может, отдадим тебя в подмастерья какому-нибудь повару?»

Иногда Мевлют не шел с отцом торговать бузой и оставался дома, чтобы учить уроки. После того как отец закрывал за собой дверь, Мевлют убирал со стола и садился заучивать названия всех стран и городов из учебника географии. Разглядывая фотографии Эйфелевой башни и буддийских храмов в Китае, он представлял себя путешественником, оказавшимся в Париже или в Пекине.

Часто отключалось электричество, и тогда ему казалось, что огонь в печи становится больше, а из темного угла за ним начинает внимательно следить какой-то глаз. Он боялся встать из-за стола и засыпал, положив

голову на учебник.

Отец, замерзший на улице, был доволен, что дома тепло, но ему не нравилось, что дрова расходуются допоздна. Так как ему было стыдно об этом говорить, самое большее, о чем он просил сына, – погасить печь перед сном.

Что касается дров, отец иногда покупал их в маленькой бакалейной лавке дяди Хасана, а иногда колол сам какое-нибудь полено одолженным у соседа топором. Перед наступлением зимы отец показал Мевлюту, как растопить печь маленькими сухими ветками и обрывками газет, а также сказал, где на окрестных холмах эти сухие ветки и обрывки бумаг можно найти.

Их дом находился у подножия наполовину лысого глинистого холма Кюльтепе, на котором кое-где росли шелковицы и инжир. Раньше здесь, извиваясь среди окрестных холмов, тек в Босфор узкий и хилый ручей. В середине 50-х на берегу ручья женщины, переехавшие сюда из окрестностей Орду, Гюмюшхане, Кастамону и Эрзинджана, выращивали кукурузу и стирали белье, как у себя в деревне. Летом в нем плавали мальчишки. В те дни ручей все еще называли так, как во времена Османов, – Бузлу-Дере (Ледяной ручей), но из-за того, что на окрестных холмах поселилась тьма тьмущая мигрантов из Анатолии, которые завели кое-какое производство, за короткое время он стал Боклу-Дере – Поганым ручьем. Когда Мевлют приехал в Стамбул, уже никто не помнил ни Бузлу-Дере, ни Боклу-Дере – ручей от истока до конца был залит бетоном.

На вершине холма находились развалины огромной печи, в которой прежде сжигали мусор, вот почему холм получил название Пепельный. Отсюда были видны окрестные холмы, быстро покрывавшиеся лачугами гедже-конду (Дуттепе, Куштепе, Эсентепе, Кюльтепе, Хармантепе, Сейрантепе, Октепе и другие)^[13], самое большое городское кладбище (Зинджирликую), множество больших и маленьких фабрик, авторемонтные мастерские, ателье, склады, заводы по производству лекарств и электрических лампочек, наконец, высокие здания и минареты Стамбула. Сам город, в котором они торговали бузой и где располагалась школа Мевлюта, казался таинственным темным пятном на горизонте.

А еще дальше виднелись синие холмы анатолийского берега. Босфор лежал среди этих холмов. Увы, его не было видно, но Мевлют, поднимаясь на Кюльтепе в первые месяцы жизни в Стамбуле, всякий раз надеялся, что из-за гор хоть на мгновение покажется море. На каждом из холмов стояли огромные столбы линии электропередачи, по которым в город шло электричество. В дождливые дни провода издавали странное гудение,

пугавшее Мевлюта и его приятелей. Низ столбов был обмотан колючей проволокой, и там же висели таблички с отверстиями от пуль, на которых было написано: «Опасно для жизни» – и были нарисованы черепа с перекрещенными костями. Собирая под столбами сухие ветки и обрывки бумаги, Мевлют всякий раз, глядя на эти таблички, думал о том, что опасность для жизни проистекает не от электричества, а от самого города.

Мустафа-эфенди. Чтобы стало понятно, какая трудная у нас жизнь, я рассказал своему сыну, что, когда мы с его дядей шесть лет назад приехали сюда, здесь не было ни электричества, ни воды, ни канализации. Показав сыну соседние холмы, я рассказал ему о том, что там охотились и тренировали солдат османские падишахи; о том, что там были теплицы, в которых албанцы выращивали цветы и клубнику; о том, что те, кто жил рядом с Кяытхане, содержали там молочную ферму; о том, что на одном из холмов находится белое кладбище, на котором хоронили воинов, погибших от эпидемии тифа во время Балканской войны 1912 года. Чтобы моральный дух моего сына не упал, а энтузиазм не прошел, я показал Мевлюту мужской лицей имени Ататюрка, куда мы его запишем, поле футбольной команды Дуттепе^[14], кинотеатр «Дерья» и мечеть на Дуттепе, строительство которой продолжалось четыре года при поддержке владельца пекарен и строителя из Ризе Хаджи Хамита Вурала и его людей, которые все как один были похожи друг на друга своими массивными подбородками. Я показал ему и дом внизу, справа от мечети, на участке, который четыре года назад мы с дядей Хасаном обложили выкрашенными известкой камнями и строительство которого мой брат закончил в прошлом году. Когда шесть лет назад мы приехали сюда, все эти холмы были совершенно пустыми. Я растолковал Мевлюту, что главной заботой тех, кто переселился сюда из дальних краев, было найти работу, поэтому переселенцы строили свои дома как можно ближе к дороге, то есть почти у подножия холма, чтобы по утрам быстрее всех прибежать в город.

3. Предприимчивый человек, который строит дом на пустыре

Ах, сынок, ты испугался Стамбула

В первые месяцы в Стамбуле по ночам мальчику не давал спать шум города, доносившийся издалека. Иногда Мевлют в страхе просыпался, слышал собачий лай, понимал, что отец еще не вернулся домой, и, накрывшись с головой одеялом, пытался снова заснуть – но не тут-то было. Отец заметил, что Мевлют слишком сильно боится собак, и отвел его к одному шейху, жившему в деревянном особняке в Касым-Паша. Тот прочитал перед сыном Мустафы несколько молитв и подул на него. Мевлют помнил об этом долгие годы.

Кюльтепе, Дуттепе и другие окрестности он узнал с помощью Сулеймана, который освоился за год и пришел навестить брата. Мевлют повидал очень много лачуг гедже-конду. В большинстве из них жили только мужчины. Многие из тех, кто приехал сюда за последние пять лет из Анатолии, либо оставили своих жен с детьми в деревне, как отец Мевлюта, либо были такими нищими, что жениться у них не было никакой возможности. Иногда через открытую дверь Мевлют видел, что в доме, состоявшем из одной комнаты, на кроватях отдыхают без движения по шесть-семь холостых мужчин. Вокруг каждого дома слонялись злые собаки. Собаки сбегались на тяжелый запах мужского пота. Мевлют боялся и собак, и таких вот мужчин, потому что они были злыми, хмурыми и грубыми.

На рынке у подножия холма Дуттепе, на главной улице квартала (в конце ее находилось автобусное кольцо), были лавка с бакалейными товарами, которую его отец называл «из-под полы», магазинчик, где торговали мешками с цементом, снятыми с петель дверьми, старой черепицей, печными трубами, пластиковой пленкой, и палатка-кофейня, где коротали время, подремывая, неудачники, не нашедшие работу в городе. Посредине дороги, ведущей на вершину холма, дядя Хасан тоже открыл маленькую бакалейную лавку. Когда у Мевлюта было свободное время, он поднимался туда и со своими двоюродными братьями Коркутом и Сулейманом делал кульки из старых газет.

Сулейман. Из-за упрямства моего дяди Мустафы Мевлют впустую

потратил целый год в деревне, поэтому в мужском лицее имени Ататюрка был записан на класс младше, чем я. Когда я видел Мевлюта в школе на переменах, я сразу подходил к нему и болтал с ним. Мы очень любим Мевлюта и воспринимаем его отдельно от дяди. Однажды вечером они пришли с дядей Мустафой в наш дом в Дуттепе. Как только Мевлют увидел мою мать, он сразу обнял ее, должно быть затосковав по своей матери и сестрам.

– Ах, сынок, ты испугался Стамбула, – сказала моя мать, обнимая его. – Не бойся, мы всегда с тобой. – Она поцеловала его в макушку. – Ну-ка, скажи мне, кем ты будешь считать меня в Стамбуле – тетей по отцу или тетей по матери?

Моя мать является Мевлюту теткой и по отцу, и по матери; она старшая сестра его матери. Позднее, когда Мевлют принимал участие в бесконечных ссорах наших отцов, он называл ее «тетка», но, когда зимой к моему дяде Мустафе приезжала жена и сестры мило общались, он называл ее «милая тетушка».

В таких случаях Мевлют искренне говорил моей матери:

– Ты всегда будешь для меня милой родной тетушкой.

– Смотри, чтобы отец не рассердился, – отвечала моя мать.

Дядя Мустафа в таких случаях отзывался:

– Ну же, Сафийе, приласкай его, как мать. А то тут он совсем сиротка, небось плачет по ночам.

Когда они первый раз пришли к нам, Мустафа сказал:

– Я сейчас записываю его в школу. Но на книжки и тетрадки ушло много денег. Нужен пиджак.

Брат пошел в соседнюю комнату и, порывшись в сундуке, вытащил пиджак от старой формы, которую носили мы оба. Он вытряхнул из него пыль, расправил складки и осторожно надел его на Мевлюта.

– Очень тебе идет этот просторный пиджак, – сказал Коркут. – В тесном пиджаке труднее драться.

– Мевлют идет в школу не для того, чтобы драться, – сказал дядя Мустафа.

– Вряд ли там он сможет обойтись без драки, – сказал Коркут.

Коркут. Когда дядя Мустафа сказал, что Мевлют ни с кем не будет драться, я усмехнулся. Три года назад, когда мы жили в доме на Кюльтепе, построенном отцом вместе с дядей Мустафой (сегодня там живет семья Мевлюта), школу я бросил. В один из последних своих дней в школе я преподавал химику Февзи урок, отвесив ему перед всем классом две

пощечины и три раза дав в морду. Он давно заслуживал такого к себе отношения, потому что за год до этого, когда он спросил, что такое Pb_2SO_4 , а я ответил «Подошва», он влепил мне затрещину. Конечно, у меня не могло остаться уважения к лицу, в котором можно побить учителя прямо на уроке, пусть этот лицей хоть тысячу раз будет назван в честь Ататюрка.

Сулейман.

– В подкладке левого кармана пиджака есть дырка, но смотри не вздумай ее зашивать, – сказал я растерянному Мевлюту, – туда можно класть шпоры на уроках.

Впрочем, мы больше пользы от этого пиджака получали не в школе, а по вечерам, когда продавали бузу. Когда ночью на холодной улице видят ребенка в школьном пиджаке, никто не может устоять.

– Сыночек, ты что, в школе учишься? – спрашивают тебя и кладут тебе в карман шоколадки, шерстяные носки, деньги.

Ты приходишь домой, выворачиваешь пиджак и все вынимаешь.

– Смотри не вздумай бросать школу, – сказал я Мевлюту. – Ты должен в будущем стать доктором.

– Мевлют вовсе не собирается бросать школу, – ответил его отец. – Он на самом деле станет доктором. Разве не так, Мевлют?



Мевлют понимал, что нежность, обращенная к нему, смешана с жалостью, и это его огорчало. Дом, который их дядя построил и в который переехал в прошлом году, был гораздо чище и светлей, чем лачуга, в которой они жили с отцом. Дядя и двоюродные братья Мевлюта сидели за столом, покрытым клеенкой в цветочек. Пол был не земляным, а каменным. В доме пахло одеколоном, и отглаженные чистые занавески будили у Мевлюта невольную зависть. В доме дяди было три комнаты. Мевлют видел – семья Акташ, которая, продав в деревне все, включая скот, маленький сад и дом, переехала сюда, будет здесь жить очень счастливо. Он стеснялся и чувствовал злость к отцу, который ничего не добился, да еще и вел себя так, будто бы добиваться ничего

и не собирается.

Мустафа-эфенди. Я знаю, ты тайком от меня ходишь к дяде, бываешь у дяди Хасана в лавке, складываешь там газеты, садишься дома у них за стол, играешь с Сулейманом, но помни, что они обошлись с нами несправедливо. Какое горькое чувство для отца, когда его сын находится не рядом с ним, а с плутами, которые обманули и чуть не лишили последнего куса хлеба! Не надо стесняться того, что они отдали тебе тот пиджак. Он твой по праву! Заруби себе на носу: если ты будешь так близко общаться с теми, кто отобрал у твоего отца участок, тебя никогда не будут уважать! Ты все понял, Мевлют?



Шесть лет назад, ровно через три года после военного переворота 27 мая 1960 года, пока Мевлют учился в деревне читать и писать, а его отец и дядя Хасан отправились в поисках работы в Стамбул, поначалу они снимали дом на Дуттепе. В том доме они прожили вместе два года, но, когда арендная плата возросла, выехали оттуда и собственными руками построили из саманного кирпича, цемента и жести дом на Кюльтепе – холме напротив, – в котором впоследствии жили Мевлют с отцом. В первые годы жизни в Стамбуле отношения отца и дяди Хасана были очень хорошими. Они вместе изучили тонкости уличной торговли йогуртом и поначалу вдвоем отправлялись на улицы торговать им, о чем впоследствии рассказывали со смехом. Вскоре братья разделились, продавая йогурт в разных кварталах, но всегда складывали заработок в общий котел. Мевлют всегда с улыбкой вспоминал, как мать с теткой радовались, когда получали на почте в деревне сверток в оберточной бумаге. В те годы отец и дядя Хасан по воскресеньям вместе отдыхали в стамбульских парках на берегу пролива, вместе убивали время, подремывая в чайных, брились по утрам одной и той же бритвой и в начале лета, возвращаясь в деревню, привозили своим женам и детям одинаковые подарки.

В 1965 году, когда братья перебрались в гедже-конду на Кюльтепе, они с помощью старшего сына дяди Хасана Коркута, переехавшего к ним

из деревни, захватили себе два небольших участка, один на Кюльтепе, а другой на противоположном Дуттепе. Перед выборами 1965 года царила оптимистическая атмосфера, – дескать, Партия справедливости после выборов объявит амнистию самозахвату, и на этой волне наши воодушевленные захватчики приступили к постройке дома на Дуттепе.

В те дни что на Кюльтепе, что на Дуттепе не существовало никаких документов на недвижимость. Предприимчивый человек, начавший строить дом на пустом участке, высаживал по периметру дома пару-тройку тополей и ив, затем выкладывал первые камни будущего забора и после этого отправлялся к районному мухтару, давал ему денег и получал бумагу о том, что дом на этом участке и деревья принадлежат ему. На бумаге, совсем как в официальных документах на недвижимость, выдаваемых кадастровым управлением, был простой чертеж плана участка, который мухтар чертил сам по линейке. Рядом с чертежом мухтар часто неровным почерком выводил, что участок принадлежит такому-то, добавлял, что на участке находится дом, принадлежащий такому-то, колодец и забор (как правило, вместо забора валялось несколько камней), тополь. Если мухтару добавляли денег, то он приписывал, что на самом деле границы участка больше, чем указано на чертеже. Внизу он ставил печать.

Однако эти бумаги, полученные от мухтара, не гарантировали никаких прав, так как земля принадлежала либо казне, либо министерству лесного хозяйства. Дом, построенный на участке без документов, мог быть в любой момент снесен властями. Те, кто ложился спать в новых домах, построенных собственными руками, каждую ночь терзались кошмарами. Важность бумаг, полученных от мухтара, проявлялась раз в десять лет, когда государство во время выборов выдавало официальные бумаги на самозахваченные участки. Все официальные документы выдавались в соответствии с бумагами, полученными от мухтара. И тогда счастливчик, получивший бумажку от старосты, удостоверяющую его право на участок, мог тот участок продать. В те годы, когда из Анатолии постоянно приезжали в город в больших количествах безработные и бездомные люди, цена таких бумаг, выданных мухтаром, росла как на дрожжах, земля дорожала и быстро делилась на участки, а влияние мухтаров возрастало пропорционально росту миграции.

Несмотря на всю эту незаконную деятельность мухтаров, государство потворствовало им, и они могли в любой день, если им заблагорассудится, появиться с жандармами и предать суду владельца любой лачуги, а сам дом снести. Важно было как можно скорее достроить дом, переселиться в него и жить, ибо для того, чтобы снести заселенный дом, нужно было судебное

решение, а на связанную с этим волокиту уходило много времени. Умный человек, который захватывал участок, на следующую же ночь с помощью семьи и друзей возводил там четыре стены и сразу же вселялся в постройку. Мевлют любил слушать рассказы переселенцев, которые проводили свою первую ночь прямо под открытым небом, въезжая в дома, в которых не было ни крыши, ни окон. По преданию, слово «гедже-конду» впервые употребил какой-то строитель из Эрзинджана, за ночь построивший стены двенадцати домов. Когда он умер от старости, на его могилу на Дуттепе стали приходить помолиться тысячи людей.

Стройка отца и дяди Мевлюта, начавшаяся на волне воодушевления от предвыборных обещаний, застряла на половине, когда цены на строительные материалы и металлический лом внезапно взлетели вверх. Из-за ходивших в народе разговоров о том, что после выборов будет объявлена амнистия самозастрою, власти столкнулись с большим количеством незаконных строек на землях, принадлежащих казне. Даже те, кто ранее ни о чем не задумывался, обзавелись теперь участками на окраинах города и строили дома в самых труднодоступных, самых удаленных и самых невозможных местах. Большинство жилых домов в центре Стамбула, в свою очередь, обзаводилось незаконными этажами. Стамбул превратился в одну большую стройку. Газеты зывали к зажиточным домовладельцам, жалуясь на бессистемную застройку, но весь город жил строительным азартом. Крошечные фабрики, производившие саманный кирпич низкого качества, а также лавочки, где продавали цемент и строительные материалы, не закрывались до глубокой ночи. По холмам, по дорогам или вообще по бездорожью разъезжали повозки, грузовики, мини-автобусы, груженные кирпичом, цементом, песком, деревом, железом, стеклом. «Я целые дни работал молотком ради дома дяди Хасана, – жаловался отец Мевлюта, когда они ходили в гости на Дуттепе. – Говорю тебе об этом, чтобы ты знал. Но ты на дядю и братьев зла не тай».

Сулейман. Неправда. Мевлют знает, что стройка остановилась потому, что дядя Мустафа все заработанные деньги отправлял в деревню. И мне, и Коркуту очень хотелось, чтобы дядя Мустафа был с нами, но нашему отцу к тому времени уже совсем надоел строптивый характер Мустафы, его постоянные обиды и грубости даже по отношению к нам, своим племянникам.



Мустафа часто ругал своего брата и его сыновей и предупреждал Мевлюта: «Однажды они и тебя продадут за грош!»

По праздникам или в какие-нибудь другие особенные дни, например когда играла футбольная команда Дуттепе, они отправлялись к Акташам, однако радость бывала неполной. Мевлюту очень хотелось пойти – и ради вкусных чуреков, которые готовила тетя Сафийе, и ради двоюродных братьев, и вообще ему приятно и уютно было находиться в ухоженном и чистеньком доме. Но постоянные перебранки дяди Хасана и отца вселяли в него чувство одиночества и надвигающейся беды.

Во время их первых визитов к Акташам Мустафа-эфенди всякий раз многозначительно смотрел на окна и двери дома. Ему хотелось, чтобы Мевлют всегда помнил, что у него тоже есть права на это жилище. Всякий раз отец говорил что-нибудь вроде: «Боковую стену надо вновь оштукатурить».

Впоследствии Мевлют много раз слышал, как его отец твердил дяде Хасану: «Стоит деньгам попасть к тебе в руки, ты их сразу спустишь на самый заваливающий участок». – «Разве этот участок заваливающий? – возмущался дядя Хасан. – Уже сейчас за него дают в полтора раза больше». Обычно их беседа заканчивалась одним и тем же. Не успевал Мевлют допить компот и доест апельсин, подававшийся после обеда, как отец поднимался, брал сына за руку и командовал: «Вставай, сынок».

Когда они оказывались в ночной тьме, он бубнил: «Разве я не говорил тебе, не нужно нам сюда идти? Больше мы сюда не придем». А Мевлют, шагая к холму напротив, где был их дом, как зачарованный смотрел на сиявшие вдали огни города, на бархатную ночь, на неоновый свет стамбульских уличных фонарей. Иногда его внимание привлекала какая-нибудь из звезд, усыпавших темно-синее небо, и он, держась за огромную руку всю дорогу о чем-то говорившего отца, представлял себе, что они шагают прямо к ней. Бледно-желтые огни десятков тысяч домиков на окрестных холмах делали уже знакомый мир Мевлюта привлекательнее, чем он был на самом деле. Иногда в пасмурную погоду огни соседнего холма исчезали, и в клубах сгущавшегося тумана Мевлют слышал лишь лай собак.

4. Мевлют начинает торговлю

Не строй из себя взрослого

– Сынок, я бреюсь в честь того, что ты начинаешь работать, – сказал отец однажды утром проснувшегося Мевлюту. – Урок первый: когда ты продаешь йогурт, а особенно когда ты продаешь бузу, ты должен быть очень опрятным и чистым. Некоторые клиенты разглядывают твои руки, смотрят на твои ногти. Другие смотрят на твою рубашку, на твои штаны, на твою обувь. Когда тыходишь к кому-нибудь домой, ты должен немедленно снять обувь, и на носках у тебя не должно быть ни одной дырочки, от них не должно пахнуть. Мой дорогой сынок, мой львеночек, у которого душа ангела, должен и пахнуть мускусом, разве не так?

Неумело подражая отцу, Мевлют довольно скоро выучился сохранять равновесие, навесив на оба конца шеста миски с йогуртом. При этом он клал на миски, как отец, деревянные мешалки и закрывал все это деревянными крышками.

Поначалу он не чувствовал тяжести йогурта, которого отец специально клал ему поменьше, но, спускаясь по грунтовой дороге, связывавшей Кюльтепе с городом, понял, что профессия разносчика йогурта немногим отличается от профессии хамала^[15]. В тот первый день полчаса они шагали по пыльной дороге, по которой сновали грузовики, повозки и автобусы. Когда грунтовка перешла в асфальт, Мевлют принялся внимательно читать рекламные объявления, заголовки газет, развешенные в витринах бакалейных лавок, вывески суннетчи^[16] или учебных курсов. Всякий раз, входя в город, они видели еще не сгоревшие большие деревянные османские особняки; старые османские казармы; долмуши^[17] с шашечками; мини-автобусы, поднимавшие пыль столбом. Кроме того, Мевлюта развлекали солдаты, проходившие по улице строем; мальчишки, гонявшие в футбол на вымощенных брусчаткой переулках; мамыши, толкавшие перед собой коляски; витрины, заставленные разноцветными ботинками и сапогами; и дорожные полицейские, которые яростными свистками и руками в огромных белоснежных перчатках направляли движение.

Одни машины своими огромными круглыми фарами напоминали стариков с широко раскрытыми глазами («Додж-1956»); другие из-за решетки на радиаторе – усатых мужчин с полной верхней губой

(«Плимут-1957»); а третьи – сварливых женщин, которые оттого, что часто язвительно смеялись, так и остались с открытым ртом, в котором были видны бесчисленные маленькие зубки («Опель-рекорд-1961»). Длинноносые грузовики напоминали Мевлюту огромных волкодавов; муниципальные автобусы с ворчащим мотором марки «Шкода» – медведей, опустившихся на все четыре лапы.

Пока Мевлюту с огромных рекламных щитов, покрывавших фасад шести– либо семиэтажного жилого дома, улыбались прекрасные женщины с непокрытой головой, как в школьных учебниках (кетчуп марки «Тамек», мыло «Люкс»), его отец сворачивал с площади направо, выходил на маленькую тенистую улочку и принимался кричать: «Кому йогурт!» Мевлют чувствовал, что все взгляды узкой улочки устремлены прямо на них. Отец, не сбавляя шага, выкрикивал еще и еще, звеня в колокольчик (он не смотрел на сына, но Мевлют чувствовал, что отец думает о нем), и вскоре на одном из верхних этажей раскрылось окно. «Ну-ка, торговец, шагай сюда», – позвал отца женский голос. Затем их звали другие голоса. Мустафа с сыном входили в очередной дом и, поднявшись по лестнице, останавливались перед дверями. Мевлют прислушивался к звукам, доносившимся со стамбульских кухонь. За всю его жизнь уличного торговца ему предстояло зайти туда десятки тысяч раз, двери открывались, и какая-нибудь домохозяйка говорила: «Добро пожаловать, Мустафа-эфенди! Отвесь-ка на эту тарелку пол-литра». Звучали голоса детей, бабушек и дедушек: «О Мустафа-эфенди! Мы уже вас заждались, думали, вы этим летом из деревни не приедете». «Эй, торговец, смотри мне в глаза, йогурт у тебя сегодня не прокисший? Только правду говори. Положи-ка мне немного на эту тарелку. А весы у тебя небось подкручены?» «Мустафа-эфенди, кто этот красивый мальчик, неужели твой сын, машаллах?» «Ой, торговец, прости, напрасно мы тебя наверх погнали, йогурт уже купили в бакалее, в холодильнике стоит огромная миска». «Дома никого нет, запиши себе наш долг». «Мустафа-эфенди, наши дети не любят, когда ты кладешь сливки, сливок не клади». «Братец Мустафа, пусть только моя младшая дочка вырастет, поженим ее с твоим сыном». «Слушай, торговец, где ты там застрял, ты уже полчаса на второй этаж поднимаешься». «Торговец, куда удобнее налить, в этот бидон или дать тебе ту тарелку?» «Слышишь, братец, а в прошлый раз у тебя литр дешевле был». «Торговец, владелец дома запрещает разносчикам пользоваться лифтом, тебе ясно?» «Где же твой йогурт?» «Мустафа-эфенди, когда будешь выходить, потяни на себя с силой уличную дверь – ее некому открыть, наш привратник исчез». «Мустафа-эфенди, слушай меня, ты не должен таскать с собой

этого мальчика по улицам, словно хамала, ты должен отправить его учиться. Иначе я у тебя йогурт покупать перестану». «Слушай, торговец, раз в два дня заноси литр или пол-литра йогурта. Пусть наверх только мальчик поднимается». «Мальчик, не бойся, не бойся, собака не кусается, она только понюхает тебя, смотри – ты ей нравишься». «Братец Мустафа, Мевлют, присаживайтесь, посидите немного, сейчас никого дома нет – ни ханым, ни детей. Хотите, погрею для вас плов с томатами?» «Торговец, у нас работает радио, мы твой голос еле расслышали. В следующий раз, когда будешь проходить, громче кричи, ладно?» «Эти башмаки моему сыну малы, ну-ка, сынок, померь ты их».

Мустафа-эфенди. «Да благословит вас Аллах, госпожа», – говорил я всякий раз с низким поклоном, выходя. «Да обратит Аллах в золото все, чего ты коснешься, сестричка», – улыбался я, чтобы Мевлют видел, на какую скромность способен отец, лишь бы добыть свой кусок хлеба, пусть уже сейчас учится гнуть шею, чтобы стать богатым. «Спасибо тебе, господин мой, – почтительно склонялся я на прощание, – Мевлют проносит эти рукавицы всю зиму, награди вас Аллах. Ну-ка, поцелуй руку господину...» Но Мевлют руку целовать не желал. Когда мы выходили на улицу, я принимался втолковывать ему. «Сынок, – говорил я, – не будь гордецом, не вороти нос от добра – если тебе чашку супа нальют, пару рукавиц подарят. Это благодарность за наши труды. Мы приносим к их ногам лучший йогурт на свете. Вот они и благодарят. Только и всего». Проходил месяц, и потом вдруг однажды вечером какая-нибудь добросердечная ханым-эфенди вновь дарила Мевлуту ненужную шерстяную тубетейку, но он и на этот раз стоял с кислым лицом, а потом, будто испугавшись меня, вроде бы собирался поцеловать ее руку, но так и не целовал. «Слышь, ты, не строй из себя взрослого, – сердился я. – Коли тебе велят поцеловать клиенту руку, будешь целовать. К тому же это не простой клиент, а милая тетушка. Разве все клиенты такие, как она? Сколько в этом городе водится бесстыдников, которые знают, что ты принесешь им йогурт, заставят записать долг на их счет, а потом и след их простыл. Если ты будешь проявлять спесь перед людьми, которые добры к тебе, ты никогда не разбогатеешь. Смотри, как твой дядя и племянники стелются перед Хаджи Вуралом. Если ты стесняешься того, что они богатые, выкинь такие мысли из головы. Те, кого ты считаешь богатеями, просто раньше нас приехали в Стамбул и раньше нас разбогатели. Вот и вся разница между нами».



За исключением выходных, каждое утро с пяти минут девятого до половины второго Мевлют проводил в мужском лицее имени Ататюрка. Когда звенел последний звонок, он выбегал в школьный двор и, пробившись сквозь толпу уличных торговцев, собиравшихся у входа в школу, и дерущихся мальчишек, направлялся к торговавшему с раннего утра йогуртом Мустафе. Встречались они в закусочной под названием «Фидан». Оставив там свою сумку с книжками и тетрадками, Мевлют дотемна помогал отцу.

В круг постоянной клиентуры отца входили владельцы некоторых закусочных в различных кварталах города, вроде «Фидана», куда Мустафа два-три раза в неделю приносил подносы с йогуртом. Отец часто ссорился с хозяевами этих закусочных, так как они нещадно торговались, сбивая цену. Иногда он переставал с ними работать и договаривался с новыми. И все же отец не мог отказаться от подобных клиентов, хотя выгоды они приносили очень мало: он использовал их кухни, их большие холодильники, их балконы, их задние дворики в качестве кладовки, где можно было оставить подносы и миски. Главные официанты этих безалкогольных закусочных, в которых простым трудягам подавали домашнюю еду, донер^[18], компот и тому подобное, были друзьями отца. Иногда отца с сыном сажали в такой закусочной за дальний стол, ставили перед ними тарелку мясного либо нуттового плова, клали четвертинку хлеба, наливали йогурта. Посетители закусочных подолгу беседовали с ними. Мевлют любил эти застольные беседы: за стол садились торговец лотерейными билетами и контрабандными сигаретами «Мальборо», полицейский на пенсии, очень хорошо знавший, что происходит на улицах Бейоглу, подмастерье из фотомастерской по соседству – и разговор шел о постоянном повышении цен, о спортлото, о тех, кто торгует контрабандными сигаретами и алкоголем, и о том, как их ловят, о последних политических новостях из Анкары и о том, как полиция и мэрия контролируют улицы Стамбула. Слушая рассказы всех этих усачей-курильщиков, Мевлют чувствовал, что проникает в тайны уличной жизни Стамбула. Квартал на окраинах Тарлабаши, где жили столяры, постепенно обживали представители одного курдского племени из Агры.

Мэрия замышляла войну против бродячих торговцев, обсевших площадь Таксим, потому что те были связаны с левацкими группировками. Банды уличных грабителей, собиравшие деньги с владельцев припаркованных машин на улицах ниже Таксима, развязали в Тарлабаши войну с бандой из Причерноморья за право сохранять контроль над улицами.

Если Мевлюту с отцом случалось оказаться на месте уличных разборок, автомобильных аварий, карманных краж или насилия над женщинами, то они старались как можно скорее скрыться. Вслед им доносились крики, угрозы, ругательства и звенели ножи.

Мустафа-эфенди. «Я всегда говорил Мевлюту – берегись, не то запишут тебя в свидетели. С государством держи ухо востро, один раз тебя записали – дело твое труба. А если дашь свой адрес, будет еще хуже: сразу придет повестка из суда. Если не пойдешь в суд, к тебе явится полиция, ну а полиция всегда спрашивает, чем занимаешься, платишь ли налоги, где зарегистрирован, сколько зарабатываешь, за правых ты или за левых, – короче, не приведи Аллах».



Мевлют долго не понимал, почему иногда отец ни с того ни с сего сворачивал в какой-нибудь переулок, хотя только что изо всех сил кричал: «Йогурт! Кому йогурт!» Почему делал вид, что не слышит, как очередной клиент кричит ему: «Торговец, торговец! Я к тебе обращаюсь!» Почему, завидев обнимающихся и целующихся эрзурумцев, называл их «грязными». Почему какому-нибудь клиенту он отдавал два литра йогурта за полцены. Иногда отец входил в первую попавшуюся на пути кофейню, снимал с плеч шест, садился за стол, просил чая и долго сидел, совершенно не двигаясь, хотя нужно было обойти еще много клиентов и их ждали еще в очень многих домах.

Мустафа-эфенди. Разносчик йогурта проводит весь день на ногах. С его мисками его не пустят ни в муниципальный, ни в частный автобус, а на такси ему денег не хватит. Каждый день нужно пройти около тридцати километров с сорока, а то и с пятьюдесятью литрами на плечах. По правде говоря, наша работа ничем не отличается от работы хамала.



Отец Мевлюта два-три раза в неделю ходил от Дуттепе до Эминёню. Дорога занимала два часа. На пустырь неподалеку от вокзала Сиркеджи с одной фермы во Фракии привозили полный пикап йогурта. Во время разгрузки пикапа начиналась толкотня и давка стоявших там наготове торговцев йогуртом и владельцев закусочных. Они тут же меняли товар на деньги. На склад неподалеку возвращали пустые алюминиевые подносы, тут же сводили счета между собой, все это сливалось с бесконечной суматохой Галатского моста, к которой примешивались гудки паровозов, поездов и пронзительные сигналы автобусов. Отец требовал от Мевлюта в этой толкотне аккуратно записывать покупки в тетрадь. Иногда Мевлюту казалось, что его отец, не умеющий ни читать, ни писать, приводил его туда только для того, чтобы ввести в дело и показать людям.

Закончив покупки, отец с особенной решимостью взваливал себе на плечи бидон с йогуртом, затем шагал не останавливаясь, обливаясь потом, пока не доходил до одной закусочной на окраинах Бейоглу, где отливал часть ноши в специальную емкость, еще одну часть он оставлял в другой закусочной, в Пангалты, а затем, вернувшись на Сиркеджи, опять взваливал себе на плечи бидон, и все повторялось. И уж только потом он разносил этот йогурт по кварталам. Когда в октябре наступали холода, Мустафа-эфенди принимался за бузу, с которой проделывал то же самое два раза в неделю. В лавке «Вефа», где варили бузу, он заполнял до краев бидоны пустой бузой и, выбрав удобное время, разносил по закусочным, владельцы которых были его приятелями. Оттуда забирал бузу к себе домой, где добавлял в нее сахарную пудру и различные пряности, и каждый день в семь часов вечера вновь выходил на улицу, чтобы ее продать. Иногда отец, чтобы выиграть время, добавлял сахар и пряности в бузу на кухнях или на задних дворах закусочных, а Мевлют ему помогал. Он восхищался тем, как отец держит в памяти, где у него остались пустые, полупустые или полные бидоны с йогуртом или бузой, и тем, как он чувствует, где получится продать больше, а пройти меньше.

Мустафа-эфенди помнил всех своих клиентов по именам, а еще помнил, какой йогурт (со сливками или без) и какую бузу (кислую,

крепкую) каждый из них любит. Мевлют изумлялся, когда оказывалось, что отец хорошо знает и владельца крошечной, пропахшей плесенью чайной, в которую они зашли наобум только лишь потому, что внезапно хлынул дождь, и его сына. Старьевщик, проезжавший на повозке по улице, внезапно бросался на шею к задумчиво шагающему отцу. Выяснялось, что можно быть закадычными приятелями даже с постовыми. Мустафа-эфенди неустанно наставлял сына: «Здесь – еврейское кладбище, тут нужно проходить молча»; «В этом банке работает уборщиком один наш земляк из Гюмюш-Дере, он хороший человек, запомни»; «Здесь на другую сторону лучше не переходи, переходи вон там, где ограда кончается, там и машин меньше, и ждать не так долго».

– Видишь, шкафчик? – спрашивал отец, когда они с сыном оказывались на темной и грязной лестнице. – А теперь открой-ка дверцу.

В сумраке лестницы Мевлюту удавалось нащупать рядом с входной дверью в очередную квартиру шкафчик для ключей с незапертой дверцей. Мевлют осторожно открывал ее, словно Аладдин – крышку своей волшебной лампы, и в темноте шкафчика белели пустая миска, а рядом – записка. «Ну-ка, читай, что там пишут», – командовал отец, Мевлют подносил, затаив дыхание, вырванный из школьной тетради лист к единственной на всю лестницу тусклой лампе, словно на нем должен был быть план клада, и шепотом читал: «Полкило, со сливками!»

Когда отец замечал, что сын считает его мудрецом, который говорит с городом на особом, только ему ведомом языке, он ощущал гордость.

– Понемногу и ты всему научишься, – говорил он. – Ты будешь видеть все, а сам останешься невидимым. Ты научишься слышать все, но все будут уверены, что ты не слышишь ничего... Ты будешь ходить по десять часов в день, но тебе будет казаться, что ты не прошагал и часа. Ты устал, сынок? Хочешь, посидим?

– Давай посидим.

Не прошло и двух месяцев с того дня, когда отец привез Мевлюта в город. Похолодало. Они начали по вечерам торговать бузой, и Мевлют почувствовал, что надывается.

Утром он шел в школу, после полудня четыре часа разносил с отцом бузу, проходя по пятнадцать километров, и вечером, едва войдя в дом, падал замертво. Ему удавалось вздремнуть, положив голову на стол, где-нибудь в закуской или чайной, куда они заходили передохнуть, но отец будил его, не давая поблажек.

Иногда, еще сонный, с утра Мевлют говорил: «Отец, сегодня уроков нет», и Мустафа радовался, что сегодня они пойдут вместе и, значит,

больше заработают. Иногда в выходные отец жалел сына, поднимал свой шест, тихонько открывал дверь и уходил. Мевлют, проснувшись в такой день позже обычного, начинал сильно жалеть, что проспал, но не потому, что боялся оставаться, а потому, что скучал по отцу. Тогда Мевлют принимался ругать себя за то, что проспал, не мог сосредоточиться на уроках, а от этого злился на себя еще больше.

5. Мужской лицей имени Ататюрка

Хорошее образование устраняет различия между богачами и бедняками

Мужской лицей имени Ататюрка на Дуттепе был расположен в низине у дороги, связывавшей холмы со Стамбулом. Матери семейств за развеской свежевывстиранного белья, тетушки за раскатыванием теста, безработные мужчины за картишками или океем^[19] в чайных кварталах, расположенных вдоль Боклу-Дере, на холмах, быстро обрастающих лачугами, прекрасно видели оранжевое здание школы и тамошних учеников, которые в большом школьном дворе все время занимались физкультурой (в резиновых кедах, штанах и рубашках) под руководством Слепого Керима, школьного учителя физкультуры. Ученики и учитель казались издалека маленькими цветными живыми точками. Когда звенел звонок на перемену, не слышный на окрестных холмах, сотни учеников высыпали на школьный двор. Через некоторое время звенел еще один звонок, и школьники мгновенно исчезали. Все холмы слышали, как более тысячи глоток каждое утро на построении вокруг бюста Ататюрка хором выводят «Марш независимости»^[20]. Зычное эхо молодых голосов звенело между холмами, слышное в каждом доме.

Каждое утро, перед тем как звучал гимн, на крыльце лицея появлялся директор Фазыл-бей и держал перед учениками речь об Ататюрке, о любви к родине, к нации, о великих турецких победах, память о которых будет жить вечно (особенно он любил упоминать кровавые завоевательные битвы, как, например, при Мохаче^[21]), и призывал учеников стать такими, как Ататюрк. Заядлые школьные хулиганы то и дело отпускали в адрес директора всякие остроты и сальные шуточки, которых Мевлют первые годы не понимал, а заместитель директора по кличке Скелет, стоявший начеку рядом, грозно и пристально, словно полицейский, смотрел на каждого, кто осмеливался подать голос.

Школьного директора беспокоила лишь одна вещь: тысяча двести школяров были не в состоянии вместе спеть турецкий гимн. Каждый пел его как Аллах на душу положит, иногда путая и коверкая самые важные слова. Некоторые «недоделанные дегенераты» и вовсе стояли молча. Бывало так, что в одной части двора гимн уже кончался, а в другой – только-только доходил до середины, и директор, которому непременно

нужно было добиться, чтобы «Марш» пели дружным хором, «в один кулак», заставлял тысячу двести мальчишек петь его снова и снова, в любую погоду – хоть под дождем, хоть под снегом. Некоторые школяры от злости и упрямства специально сбивались с ритма, что кончалось общим смехом, а еще перепалками между хулиганами и вконец замерзшими школьными патриотами.

Мевлют кусал губы, чтобы не рассмеяться. Но когда он видел, как алое знамя с белым полумесяцем и звездой медленно ползет вверх по флагштоку, раскаяние охватывало его, на глаза наворачивались слезы и слова гимна начинали литься из самого его сердца. Так продолжалось всю его жизнь – где и когда бы он ни видел, как турецкий флаг ползет вверх по флагштоку, пусть даже в кино, на глаза его тут же наворачивались слезы.

Мевлюту очень хотелось «стать похожим на Ататюрка». Для этого требовалось окончить трехлетнюю среднюю школу, а затем трехлетний лицей. Так как до сих пор ни одному человеку среди его родни и земляков подобное не удавалось, цель стала для него священной, словно знамя, словно родина, словно сам Ататюрк. Почти все ученики лицея из районов гедже-конду в свободное время помогали отцам – либо уличным разносчикам, либо мелким ремесленникам. Все они знали, что через некоторое время им придется бросить учебу и пойти в подмастерья либо к пекарю, либо к автослесарю, либо к сварщику.

Директор лицея Фазыл-бей изо всех сил старался обеспечить порядок и согласие между выходцами из «хороших» семей и толпой мальчишек-бедняков. Он придумал ясный и четкий девиз, который начал повторять на каждом построении: «Хорошее образование устраняет различия между богачами и бедняками!» Наверное, этими словами Фазыл-бей хотел сообщить сыновьям бедняков: «Если будете хорошо учиться и окончите школу, вы разбогатеете!» А может быть, он хотел сказать: «Если будете хорошо учиться, никто не заметит, что вы бедны»? Мевлют этого так и не понял.

Директору хотелось доказать всей Турции, что в мужском лицее имени Ататюрка дают хорошее образование, и он желал во что бы то ни стало вывести команду лицея на организованные Стамбульским радио межлицейские соревнования знатоков. Ради этой цели он создал специальную команду учеников из хороших семей (школьные завистники и лентяи тут же обозвали их хафызами)^[22]. Эти ученики проводили все свободное время за тем, что зубрили даты жизни и смерти османских падишахов. На каждом построении Фазыл-бей посылал проклятия в адрес «слабаков», презревших учебу и науку, ругал тех, кто, подобно Мевлюту,

после уроков работал. Стремясь наставить на путь истинный подобных работяг, он кричал: «Турцию спасут не разносчики кебаба! Турцию спасет наука!» Говорил он и том, что Эйнштейн тоже был беден и даже остался на второй год по физике, но ему, Эйнштейну, никогда не приходило в голову бросить школу и отправиться продавать кебаб ради двух-трех жалких монет.

Скелет. Наш мужской лицей имени Ататюрка на Дуттепе, признаться, был основан для детей чиновников, адвокатов и врачей, проживающих в кооперативных домах района Меджидиекёй и его окрестностей, с целью дать детям качественное государственное образование. К сожалению, за последние десять лет холмы вокруг обросли целыми кварталами незаконно возведенных жилых домов, и, когда в лицей хлынули толпы детей мигрантов из Анатолии, обстановка в школе коренным образом изменилась. И хотя многие из учеников лицея занимаются торговлей и пропускают занятия, хотя многих отчисляют за воровство, драки и угрозы учителям, классы все равно заполнены до предела. Прекрасно оборудованные кабинеты, рассчитанные на тридцать учеников, к несчастью, вынуждены принимать до пятидесяти двух человек. За партами для двоих сидят по трое. Когда звенит звонок, на лестнице начинается такая давка, что некоторые слабые здоровьем ученики падают в обморок, и мы, учителя, вынуждены приводить их в чувство лимонным одеколоном у себя в учительской... Рассказывать о чем-то такой толпе невозможно... Приходится пользоваться лишь одним способом – заставлять школьников зубрить уроки. Ведь зубрежка не только улучшает память ученика – она прививает ему уважение к старшим.



Еще в первые полтора года своего пребывания в школе Мевлют понял – если он собирается стать, как говорил директор, «ученым человеком, которым гордился бы сам Ататюрк», то ему следует завести дружбу с мальчиками из верхних кварталов, у которых всегда в порядке и тетради, и галстук, и домашнее задание. Правда, в школьном дворе он познакомился с несколькими пареньками, которые хоть тоже и жили

в гедже-конду, но к учебе относились серьезно, однако в этом вавилонском столпотворении подружиться с ними не смог.

В конце концов он сблизился с некоторыми мальчиками из хороших семей, которые занимали первые парты и всегда делали домашнее задание. Мевлюту было приятно сидеть рядом с ними. Когда учитель задавал вопрос, то Мевлют, как и они, всегда с готовностью поднимал руку, хотя мог и не знать ответ.

Ребята из верхних кварталов, с которыми ему так хотелось подружиться, оказались странными: выяснилось, что они в любой момент могут обидеть ни за что ни про что. Однажды снежным зимним днем, в первом классе, одного из таких мальчиков, по прозвищу Дамат^[23], чуть было не задавила на перемене несущаяся и орущая толпа. Злой и испуганный, он внезапно повернулся к стоявшему рядом Мевлюту и сказал: «Понаехало тут деревенщин. Скажу отцу, чтобы забрал меня из этой школы, не хочу сюда больше ходить».

Дамат. Я очень люблю красивые галстуки и пиджаки, а еще иногда перед школой я пользуюсь отцовским лосьоном после бритья. Отец у меня врач по женским болезням. Из-за лосьона уже в первые месяцы в школе меня прозвали Женихом. Конечно, в классе, где стоит несвежий воздух и воняет потом, приятный запах обращает на себя внимание. В те дни, когда я не пользовался лосьоном, меня спрашивали: «Ну что, Жених, сегодня свадьбы не будет?» Но я-то не неженка какая-нибудь, как, видимо, решили некоторые. Однажды я здорово врезал одному шуту, который решил посмеяться надо мной. Мой скупой папаша не хочет платить за частную школу, поэтому я здесь.

Однажды мы с Мевлютом разговаривали на уроке и учительница по биологии Жирная Мелахат закричала: «Мевлют Караташ, ты слишком много болтаешь, ну-ка, марш за последнюю парту!»

– Ходжа^[24], мы больше не будем мешать вам! – примирительно ответил я, защищая Мевлюта. Мне хорошо известно: Мелахат никогда не сошлет за последнюю парту такого, как я, мальчика из хорошей семьи.

Но вредная биологичка настояла на своем.



Мевлют не слишком горевал. Его и раньше выгоняли за последнюю парту, однако прилежание, наивное и детское выражение лица и неизменно поднятая рука всегда давали ему возможность вернуться обратно. Некоторые учителя, чтобы хоть как-то успокоить орущий класс, специально пересаживали учеников. В таких случаях Мевлют особенно преданно и просительно смотрел учителю прямо в глаза, и его усилия обычно увенчивались успехом: его пересаживали вперед, но затем удача вновь отворачивалась, и он снова попадал на заднюю парту.

В другой раз, когда Мелахат вновь вознамерилась отправить Мевлюта за последнюю парту, Дамат стал смело спорить: «Ходжа, пусть он сидит впереди; вообще-то, он очень любит ваш урок».

– Ты что, не видишь, что он длинный как жердь? – не унималась тиранша Мелахат. – Из-за него никому с задних рядов ничего не видно!

Так как Мевлют потерял целый год в деревне после окончания начальной школы, он был старше одноклассников. Возвращаясь за заднюю парту, он неизменно смущался, ведь у него в голове возникали странные фантазии: он только-только научился ублажать себя, и эта привычка странным образом соединялась у него в голове с дородным телом биологички. К тому же и одноклассники с задних парт встречали его аплодисментами и кричали: «Мевлют идет в норку, Мевлют идет в норку!»

За последними партами обычно сидели хулиганы, лентяи, полные дурни, вечные второгодники, буяны-переростки и кандидаты на отчисление. Многие из этой публики вскоре находили работу и бросали школу, а кто-то, наоборот, не мог нигде найти себе места, кроме как в школе, и уныло взрослел на школьной скамье. В отличие от хулиганья, Мевлют воспринимал заднюю парту как наказание. И в своем убеждении он был прав. Учителя, и прежде всего учитель истории по кличке Рамзес (он и в самом деле был похож на мумию), по горькому опыту знали, что все попытки научить чему-то задние парты совершенно напрасны.

Ни один преподаватель не желал вступать в открытое противостояние с задними партами. Такие вещи в любой момент могли кончиться кровной враждой, и у несговорчивого учителя мог начаться конфликт уже не только с задними рядами, но вообще со всем классом. Некоторые щекотливые темы, давно ставшие предметом насмешек учителей, могли разозлить весь класс – например, анатолийский говор учеников из кварталов гедже-конду, их деревенский вид и невежество, а также прыщи, в изобилии покрывавшие молодые лбы. Одно время в школе работал молодой учитель

химии по кличке Хвастун Февзи, которого ненавидели все школьники без исключения. Всякий раз, когда он поворачивался спиной к классу, чтобы написать на доске какую-нибудь формулу, в него летела жеваная бумага. Дело в том, что химик постоянно обижал одного ученика из Восточной Анатолии: он смеялся над его говором и одеждой (тогда никто не употреблял слово «курд»).

Хулиганы с задних парт могли перебить очередного щуплого и робкого учителя прямо во время урока – иногда ради одного только удовольствия напугать его, а иногда и просто так, потому что им хотелось поболтать.

– Слушайте, ходжа, вы все твердите и твердите про Китай, нам уже надоело! Лучше расскажите, как вы ездили по Европе!

– Ходжа, вы и в самом деле доехали до Испании на поезде?

6. Средняя школа и политика

Завтра занятий нет

Мустафа-эфенди. На следующий год, когда Мевлют перешел во второй класс средней школы, он все еще стеснялся кричать на улицах: «Йогурт! Кому свежий йогурт!» – но уже привык носить на спине шесть с мисками, до краев заполненными бузой или йогуртом. Каждый день он забирал пустые бидоны из закуской позади Бейоглу и относил их на склад в Сиркеджи, а затем забирал полные йогурта или бузы миски и шел в центр Бейоглу, к Расиму, у которого пахло жареным луком и горелым маслом, и только потом возвращался на Кюльтепе. Если вечером я, вернувшись домой, заставал Мевлюта у стола за уроками, то обычно говорил: «Машаллах, ты, верно, коль так дальше пойдет, станешь первым профессором в нашей деревне». А он, если уже выучил урок, обычно просил: «Отец, послушай меня!» – и, уставившись в потолок, начинал рассказывать. Запнувшись, он переводил взгляд на меня. «Сынок, что ж ты ждешь помощи от отца? Твой отец неграмотный! У меня на лбу твой урок не записан», – усмехался я. Он, когда и во второй класс пошел, учился так же рьяно, да и работал тоже. Иногда вечером, бывало, он скажет мне: «Отец, я сегодня иду с тобой бузой торговать! Завтра занятий нет!» Я с ним не спорил. А в другие дни мог сказать: «У меня на завтра большое задание, я после школы сразу домой!»



Как и многие другие ученики мужского лицея имени Ататюрка, Мевлют скрывал свою жизнь вне школы и никогда не рассказывал таким же, как он, торгующим одноклассникам о том, как он живет. Когда Мевлют случайно видел кого-нибудь из них на улице, то поворачивал голову в другую сторону. Одного парня из Хёйюк, который вместе со своим отцом собирал старые газеты, пустые бутылки, жестяные банки, он заметил перед самым Новым годом, когда случайно встретил его в Тарлабаши. На лице у того паренька всегда было мечтательное выражение, на уроках

он смотрел в окно, а через четыре месяца после начала занятий во втором классе пропал, и о нем никто не спрашивал и не вспоминал. Подобным образом пропали многие его товарищи, находившие работу или оказавшиеся в подмастерьях.

У молодой учительницы английского языка Назлы Ханым были большие зеленые глаза, белоснежная кожа и передник, разрисованный зелеными листьями. Мевлют подозревал, что она родом из другого мира, и ему изо всех сил хотелось стать старостой класса, чтобы оказаться поближе к ней. Если какой-нибудь хулиган на уроке не слушался учителя, то старосты имели право успокоить такого хорошей затрепачкой. На задних партах находилось немало желающих оказать преподавательницам вроде учительницы Назлы подобную услугу. Добровольные помощники сами поднимались во время урока, чтобы усмирить расшалившихся малолеток. Они били очередного непоседу кулаком в спину и кричали на весь класс: «Ну-ка, заткнись и слушай урок!» или «Перестань хамить учителю!». Когда Мевлют замечал, что учительница Назлы довольна помощью, он ужасно ревновал ее к подобным доброхотам и злился. Вот если бы учительница назначила старостой его, Мевлюта, он бы не стал использовать грубую силу, чтобы заставить замолчать негодников, – нет, все хулиганы и лентяи слушались бы Мевлюта только потому, что он – бедняк из квартала геджеконду!

В марте 1971 года произошел военный переворот, и многолетний премьер-министр страны Демирель, опасаясь за свою жизнь, подал в отставку. Революционные группировки грабили банки, похищали дипломатов, требуя за них выкуп, государство то и дело объявляло диктатуру и вводило комендантский час, а военные и полиция целыми днями проводили обыски. Стены городских домов были усеяны портретами объявленных в розыск и подозреваемых, власти запретили продажу книг с уличных лотков. Все это было дурным знаком для уличных торговцев. Отец Мевлюта сыпал проклятиями в адрес тех, «кто устроил всю эту анархию». Десятки тысяч людей бросили в тюрьмы и осудили на пытки. Положение уличных торговцев и тех, кто перебивался случайными заработками, значительно ухудшилось.

Военные превратили Стамбул в казарму, выкрасив белой известью все тротуары в городе, все то, что выглядело, на их взгляд, грязным и неказистым (по правде, весь город был таким), стволы огромных платанов и заборы вокруг османских построек. Маршрутным такси запретили останавливаться, где им вздумается, уличным разносчикам запретили торговать на больших площадях и проспектах, а также

на пароходах и в поездах. Облавы полиции вместе с журналистами устраивали теперь в принадлежавших известным мафиози игорных и публичных домах и подпольных магазинах, где торговали нелегальным табаком и алкоголем из Европы.

После переворота Скелет уволил с административных должностей всех учителей, придерживавшихся левых взглядов, и мечта Мевлюта стать старостой класса окончательно испарилась. Теперь учительница иногда пропускала уроки, и говорили, что муж ее находится в розыске. По телевизору только и твердили что о порядке, дисциплине, чистоте, и эти слова всех глубоко воодушевляли. Все политические лозунги, а также неприличные слова и пошлые карикатуры на учителей (например, на одной такой карикатуре Скелет пользовал Жирную Мелакхат) на садовом заборе, на дверях уборных и в прочих, не видных с первого глаза местах закрасили. Всех, кто открывал рот, кто устраивал скандалы, кто выкрикивал на уроках политические лозунги или превращал их в политические диспуты, утихомирили. Директор со Скелетом установили рядом со статуей Ататюрка громкоговоритель, вроде тех, что вешают на минарет: к нестройному хору добавился новый, металлический голос. Гимн вообще стало петь меньше школьников, потому что голос громкоговорителя перекрывал все голоса. А историк Рамзес на уроках теперь все чаще и чаще говорил о том, что цвет турецкого флага связан с цветом крови, а кровь турецкой нации отличается от крови других народов.

Мохини. По-настоящему меня зовут Али Йалныз. Мохини – так звали красивого слона, которого в 1950 году подарил турецким детям президент Индии Джавахарлал Неру. Чтобы заслужить в стамбульском лицее прозвище Мохини, нужно быть не только огромным, как слон, но и ходить качаясь из стороны в сторону, как ходят старики и как хожу я. Нужно еще быть бедным и сентиментальным. Как изрек Пророк Ибрагим, да будет мир с ним, слоны – очень сентиментальные животные. Самым тяжелым последствием военного переворота 1971 года для нашей школы было то, что большинству из нас остригли длинные волосы, которые мы тщательно оберегали, героически сражаясь со Скелетом и другими преподавателями. Это, конечно же, истинное горе, из-за которого немало слез пролили не только детки врачей и чиновников, помешанные на поп-музыке, но и некоторые другие лицеисты – обладатели прекрасных локонов из кварталов гедже-конду. Директор со Скелетом во время еженедельных построений по понедельникам часто грозились остричь непокорных юнцов, пеняя, что негоже копировать буйных западных музыкантов,

но остричь нам волосы им удалось только после военного переворота. Дело в том, что тогда в школу приехали военные. Некоторые думали, что капитан, вышедший из армейского джипа, прибыл только для того, чтобы организовать помощь пострадавшим от землетрясения на востоке. Но пройдоха Скелет тут же привел в школу самого ловкого парикмахера на Дуттепе. И вот пришлось мне расстаться с волосами. Когда меня остригли, я стал выглядеть совершенным уродом и еще больше возненавидел себя за то, что, спасовав перед военными, я покорно склонил шею и как миленький сел под ножницы.



После военного переворота Скелет, догадавшийся о том, что Мевлют мечтает стать старостой, поручил послушному и прилежному ученику помогать Мохини. Это давало возможность выходить из класса во время уроков. Мевлют обрадовался. Теперь они с Мохини каждый день перед большим перерывом выходили из класса, проходили по темным и сырým коридорам и по лестнице спускались в подвал. Мохини прежде заходил в лицейскую уборную, одна дверь которой вселяла в Мевлюта ужас, выпрашивая в этом зловонном, окутанном облаками густого синего дыма месте у кого-нибудь сигаретный окуроч, жадно затягивался, а затем без церемоний бросал Мевлюту, терпеливо ожидавшему его на пороге: «Ну вот, я принял свое лекарство от стресса». На кухне Мохини долго стоял в очереди. Поставив себе на плечи бидон почти с себя ростом, он поднимался в класс.

В огромном бидоне было вонючее кипяченое молоко, которое делали на лицейской кухне из молочного порошка: его бесплатно, в качестве помощи, распространяла по школам бедных стран ЮНИСЕФ. На большой перемене Мохини, как заботливая домохозяйка, разливал школьникам молоко в разноцветные пластмассовые кружки, принесенные из дому, а в это время дежурный учитель бережно раздавал из синей коробочки таблетки с рыбьим жиром, также бесплатно доставшиеся от ЮНИСЕФ. Почти все мальчишки выкидывали таблетки за окно либо же давили их на полу, чтобы в классе как следует воняло. Некоторые догадывались стрелять этими таблетками из трубочек, используя вместо жеваной бумаги.

Поэтому все доски в мужском лицее имени Ататюрка на Дуттепе были скользкими и обладали странным запахом, от которого школьным новичкам делалось не по себе. Однажды в 9-м «С» классе на последнем этаже такая бомбочка угодила как раз в портрет Ататюрка, после чего Скелет разнервничался, затребовал ревизора из стамбульского Управления народного образования, желая, чтобы власти устроили расследование, однако многоопытный и добродушный инспектор доложил представителям военных властей, что не усматривает в произошедшем намерения оскорбить основателя Турецкой Республики, и закрыл дело за недостатком улик. В те годы попытки политизировать церемонию раздачи сухого молока и таблеток с рыбьим жиром провалились, однако много лет спустя и исламисты, и националисты, и левые будут часто жаловаться, как прозападные силы в детстве подвергали их насилию, заставляя принимать ядовитые и вонючие таблетки, и даже писать об этом мемуары.

На уроках литературы Мевлют с удовольствием читал поэмы, в которых говорилось о чувствах османских воинов-акынджы, когда они завоевывали Балканы. Иногда из-за болезни учителей уроки отменялись, и ученики часто пели всем классом, чтобы убить время. В тот момент даже самые отъявленные хулиганы на задних партах казались нежными и наивными, словно ангелы, а Мевлют, глядя в окно, за которым шел дождь (тут он вспоминал отца, который в это время торговал йогуртом где-то на улицах Стамбула), думал о том, что он мог бы сидеть в этом теплом классе и петь песни бесконечно, и о том, что жизнь в городе гораздо интереснее, чем в деревне, хотя мать и сестры очень далеко.

За несколько недель после военного переворота временное правительство успело бросить за решетку десятки людей, что было следствием комендантского часа и постоянных обысков, но вскоре запреты, как это обычно бывает, ослабели, разносчики стали появляться на улицах, и все, кто торговал семечками и жареным нутом, бубликами-симитами, конфетами и воздушной халвой, вновь начали выстраиваться вдоль забора мужского лицея имени Ататюрка. Мевлют, уважительно относившийся к запретам, однажды повстречал там знакомого паренька, которого звали Ферхат. В руках тот держал картонную коробку, на ней огромными буквами было выведено: «KISMET» («СУДЬБА»). В коробке, посреди каких-то разноцветных карточек и безделушек – пластмассовых солдатиков, жвачки, гребенок, значков с портретами футболистов, карманных зеркалец, пилочек, – Мевлют увидел большой резиновый футбольный мяч. Так он впервые столкнулся с лотереей.

– Ты что, не знаешь, что с рук покупать сейчас запрещено? – спросил

Мевлют, стараясь выглядеть строгим. – И что ты тут предлагаешь?

– Некоторых людей Аллах любит больше прочих. Такие люди потом становятся богатыми. Других Он любит меньше. И они остаются бедняками. Надо поскрести эти цветные карточки булавкой, и узнаешь, какой подарок ты выиграл, узнаешь, везучий ты или нет.

– Ты сам выдумал эту игру? – спросил Мевлют.

– Игру продают уже в готовом виде вместе с призами. Все вместе для тебя тридцать две лиры. Если немного побродишь по улице и продашь сотню карточек за шестьдесят курушей, то заработаешь уже шестьдесят лир. По выходным в парках можно хорошо заработать. Хочешь попробовать и узнать прямо сейчас, кем станешь – богачом или бедняком? На вот, сотри, прочти ответ. Тебе бесплатно.

– Я не останусь бедняком, вот увидишь.

Мевлют протянул руку и взял из рук паренька булавку с шариком на конце. Он не спеша выбрал одну из карточек и потер.

– Вот! Пустая! Не повезло тебе! – вздохнул Ферхат.

– Ну-ка, дай-ка сюда, – с досадой сказал Мевлют. Под стертой цветной фольгой не было ни слова, ни картинки с подарком. – И что теперь?

– Тем, кто проиграл, мы даем вот это. – Ферхат протянул Мевлюту вафлю размером со спичечный коробок. – Н-да, ты не очень везучий, но говорят, что тому, кому не везет в картах, повезет в любви. Все дело в том, чтобы научиться проигрывая выигрывать. Понятно?

– Понятно, – вздохнул Мевлют.

Они подружились. Ферхат хотя и был ровесником Мевлюта, но уже прекрасно знал язык улицы, адреса всех лавок в городе и тайны многих людей. Он-то и поведал Мевлюту, что школа на самом деле – сборище мошенников, историк Рамзес – просто идиот, а большинство учителей – негодяи, которые только и думают о том, как бы без приключений закончить урок, уйти домой да получить свое жалованье. Ферхат мог бы об этом не говорить, и так было все ясно!

В один прекрасный день Скелет организовал облаву на выстроившихся вдоль школьного забора торговцев, собрав небольшой отряд из уборщиков, поваров и сторожа. Мевлют с другими учениками наблюдал за битвой. Все были на стороне торговцев, но школа и государство оказались сильнее. Разносчик жареного нута и семечек дрался со сторожем Абдульвахалом. Скелет сыпал угрозами, что вызовет полицию или, что еще хуже, позвонит в комендатуру. Все это осталось в памяти Мевлюта как незабываемый пример обычного обращения властей – хоть школьных, хоть государственных – с торговой братией.

Новость о том, что учительница Назлы покидает школу, потрясла его. Мевлют чувствовал себя в пустоте. Три дня он не показывался в школе, а если его спрашивали почему, отвечал, что болен отец. Придя наконец на школьный двор, он опять встретил там Ферхата. Мевлют очень полюбил паренька за его шутки, острый язык и оптимизм. Они начали вместе торговать лотереей «Кысмет», вместе прогуливали школу, вместе ходили в Бешикташ и в парк Мачка. Мевлют научился у Ферхата многим новым острыми словечкам и шуточкам, которые отныне собирался говорить всем своим любимым покупателям йогурта и бузы. Например, тем, кто по вечерам покупал у него бузу, он говорил: «Нельзя узнать свою СУДЬБУ, не купив себе удачу!»

Еще одним свидетельством успеха Ферхата было то, что он умел переписываться с девочками из Европы. Все они были настоящими иностранками. У Ферхата даже были их фотографии. Ферхат находил их адреса в разделе «Молодежь всего мира» юношеского журнала «Миллийет Хей». «Хей» хвалился репутацией первого в Турции молодежного журнала и, чтобы не вызвать негодования людей традиционного склада, публиковал адреса только молоденьких иностранок, а адреса турецких девочек не принимал. Ферхат скрывал от иностранок, что он простой уличный торговец. Девочки присылали свои фотографии. Одни ученики, разглядывая их на уроках, влюблялись, другие считали, что фотографии ненастоящие, а третьи портили фото от зависти, разрисовывая девичьи лица чернилами.

В один из тех дней Мевлют прочел в журнале статью, которая оказала большое влияние на его жизнь. Учитель заболел, урока не было, и учеников на этот раз отвели в библиотеку. Заведующая библиотекой Айсель выдала школьникам старые журналы – их дарили лицею престарелые врачи и адвокаты из верхнего квартала.

Она бережно раздала ученикам по одному номеру на двоих пожелтевшие выпуски двадцати-тридцатилетней давности изданий «Красота Ататюрка», «Археология и искусство», «Материя и дух», «Наша Турция», «Мир медицины», «Сокровищница знаний». Кроме того, Айсель произнесла короткую и знаменательную речь о чтении, которую Мевлют внимательно выслушал.

– ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ КНИГ НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЮТ! То, что вы читаете, вы должны читать тихо, про себя. Иначе никакой пользы от того, что написано в книге, не будет. Когда вы дочитаете до конца страницы, не торопитесь сразу переворачивать ее, убедитесь, что и ваш товарищ дочитал ее. А затем аккуратно, не слюнявя палец

и стараясь не помять бумагу, переверните страницу. Ничего не пишите на полях. Не пририсовывайте портретам усы, очки или бороду. В этих журналах нельзя только разглядывать картинки – их нужно читать! Так что сначала читайте, что написано на каждой странице, а потом рассматривайте картинки. Когда вы дочитаете журнал до конца, то тихо поднимите руку, я увижу, подойду и принесу вам другой журнал. Правда, вы вряд ли успеете все прочесть. – Заведующая помолчала, пытаясь понять, как подействовали на одноклассников Мевлюта ее слова. Затем она положила руки в карманы собственноручно сшитого передника и властным голосом османского паши, который отдает приказ своим нетерпеливым воинам захватить штурмом и разграбить стан врага, произнесла последнюю фразу: – А теперь вы можете читать.

Тут же поднялся шум, послышался шелест пожелтевших страниц, переворачиваемых с волнением и любопытством. Мевлюту и сидевшему рядом Мохини достался выпуск первого турецкого журнала по парапсихологии «Материя и дух», двадцатилетней давности (июнь 1952). Осторожно, помня, что нельзя слюнявить палец, листали они страницы. На одной из них оказалась фотография пса.

Статья называлась «УМЕЮТ ЛИ СОБАКИ ЧИТАТЬ МЫСЛИ ЛЮДЕЙ?». Прочитав ее первый раз, Мевлют почти ничего не понял, но сердце его почему-то взволнованно заколотилось. Он попросил у Мохини разрешения не переворачивать страницу и прочел статью еще раз. Много лет спустя Мевлют будет вспоминать те чувства, которые охватили его во время чтения. В тот момент он ощутил, что в мире все взаимосвязано. Читая эту статью, он понял, что уличные собаки наблюдают за ним по вечерам с кладбищ и пустырей гораздо внимательней, чем он думал. Возможно, статья произвела на него такое действие потому, что на фотографии был запечатлен обычный уличный пес.

В первую неделю июня всем раздали дневники с оценками, и Мевлют увидел, что ему предстоит переэкзаменовка по английскому.

– Отцу ничего не говори, а то он тебя прибьет, – посоветовал Ферхат.

Мевлют был согласен, но помнил, что отец хотел своими глазами увидеть аттестат сына за среднюю школу.

Он слышал, что на переэкзаменовку в качестве инспектора может прийти учительница Назлы, которая работала в другой стамбульской школе. Ради того чтобы закончить среднюю школу, Мевлют все лето в деревне зубрил английский язык. В начальной школе деревни Дженнет-Пынар не было англо-турецкого словаря, а в самой деревне – никого, кто мог бы помочь ему. В июле в соседнюю Гюмюш-Дере на собственном

«форде-таунус» и с собственным телевизором приехал человек, который был на заработках в Германии, и Мевлют начал брать уроки у его сына. Каждый раз, чтобы провести час под деревом с книгой в компании паренька, который ходил в немецкую среднюю школу и говорил по-английски и по-турецки с немецким акцентом, Мевлюту требовалось идти пешком три часа туда и обратно.

Абдуррахман-эфенди. Коль уж история Мевлюта, которому улыбнулась судьба и который брал уроки английского у сына одного нашего земляка, работавшего в Германии, добралась до нашей деревни Гюмюш-Дере, то, если позволите, я тоже быстренько, не отняв понапрасну вашего времени, расскажу, что произошло с нами, злосчастными. В 1968 году, когда я впервые имел честь познакомиться с вами, мы – три мои дочки и их тихая, словно ангел, мать – были очень счастливы, видит Аллах! А после третьей моей доченьки, прекрасной Самихи, шайтан меня попутал. Мне хотелось иметь сына, и мы стали родителями четвертого ребенка. Он, и верно, оказался сыном, которого я, едва он родился, нарек Муратом. Но спустя час после родов Всевышний призвал к себе и его, и его окровавленную мать, так что мой Мурат и жена моя вознеслись к ангелам, а я остался вдовцом с тремя дочками-сиротками. Первое время дочки мои по вечерам забирались ко мне в постель, ложились рядом со мной и плакали до утра. Так что я старался обращаться с моими дочками, пока они еще маленькие, так, будто они – дочери самого китайского падишаха. Я покупал им платья в Бейшехире и Стамбуле. И всем скрягам, которые скажут, будто я сорю деньгами, хочу ответить: у такого человека, как я, который гнет спину на улицах, продавая йогурт, самая большая надежда на будущее – три дочери, каждая из которых драгоценнее самого дорогого бриллианта. Но теперь мои ангелочки сами о себе расскажут, лучше меня.

Ведиха. Почему учитель на уроке постоянно смотрит на меня? Почему я не могу никому рассказать, что мне хочется поехать в Стамбул и увидеть море с кораблями? Почему я первая должна начинать убирать со стола, убирать постель, помогать отцу? Почему я злюсь, когда вижу, что сестры перешептываются и хихикают между собой?

Райиха. Я никогда в жизни не видела моря. Некоторые облака напоминают вещи. Я хочу как можно скорее вырасти, стать такой, как мама, и выйти замуж. Я не люблю топинамбура. Я воображаю, что покойная

матушка с братцем Муратом смотрят на нас. Мне нравится засыпать, когда я плачу. Почему меня все называют умницей-девочкой и хвалят? Мы с Самихой часто смотрим издали, как два мальчика сидят с книжкой под платаном.

Самиха. Под платаном сидят двое. Мою руку сжимает рука Райихи. Я крепко держу ее. Потом мы возвращаемся.



Мевлют вернулся в Стамбул с отцом раньше обычного, в конце августа, чтобы успеть на пересдачу экзамена по английскому. В доме на Кюльтепе в конце лета, как и три года назад, когда Мевлют впервые вступил сюда, пахло сыростью и землей.

Учительница Назлы на экзамен, который состоялся три дня спустя в самом большом классе мужского лицея имени Ататюрка, не пришла. Сердце Мевлута было разбито. Но экзамен он сдал успешно, ответив на все вопросы. Спустя две недели, в те же дни, когда он начал учиться в лицее, он отправился в кабинет Скелета получать свой аттестат.

– Молодец, тысяча девятнадцатый, вот твой аттестат! – поздравил его Скелет.

Весь день Мевлют то и дело вытаскивал аттестат из сумки – посмотреть, а вечером показал его отцу.

– Теперь ты можешь стать полицейским или охранником, – сказал отец.

До конца своей жизни Мевлют вспоминал школьные годы с тоской. В школе он узнал, что быть турком – лучше всего на свете, а жизнь в городе гораздо интереснее, чем в деревне. Иногда он вспоминал, как после всех драк и ссор они всем классом пели песни и как на лице самых отъявленных хулиганов появлялось в этот момент нежное и наивное выражение, как у ангелов, и улыбался.

7. Кинотеатр «Эльязар»

Вопрос жизни или смерти

Однажды воскресным утром в ноябре 1972 года, когда отец с сыном шли по своему обычному маршруту, по которому всегда разносили йогурт, Мевлют понял, что больше они с отцом вместе торговать на улице не будут никогда. Фирмы – производители йогурта, производство которого все возрастало, теперь подвозили бидоны с йогуртом на пикапах прямо на Таксим или в Шишли, то есть чуть не к разносчикам домой. Теперь задача разносчика йогурта заключалась не в том, чтобы взять в Эминёню пятьдесят или шестьдесят литров йогурта и дотащить бидоны на плечах в Бейоглу или Шишли, а в том, чтобы забрать йогурт из пикапа и быстро разнести продукт по домам покупателей. Отец с сыном думали, что, если они сменят маршрут, заработок их увеличится.

Все эти перемены подарили Мевлюту чувство свободы, но вскоре он понял, что обманывается. У него уходило гораздо больше времени, чем раньше, на то, чтобы договариваться с теми, кому он отдавал на хранение свои бидоны с йогуртом и бузой, – с владельцами столовых, привередливыми домохозяйками и привратниками. В школу из-за этого он ходил реже.

Он начал чувствовать себя важным человеком и когда при отце вел тетрадь, и когда с удовольствием торговался, опуская гирьки на весы. Их соседи-братья из деревни Имренлер, оборотистые и сильные, которых весь квартал прозвал «бетонщиками», потихоньку начали прибирать к рукам все столовые и буфеты в окрестностях Бейоглу и Таксима. На улицах Ферикёя и Харбийе Мевлют старался снизить цену, чтобы не потерять прежних клиентов, и заводил новых друзей. Один его знакомый паренек из Эрзинджана, которого он знал по Дуттепе и школе, устроился на работу в одной котлетной, где продавали много айрана, в районе Пангалты, а Ферхат был прекрасно знаком с курдами-алевитами из Кахраманмараша, владельцами бакалеи по соседству. Теперь Мевлют чувствовал, что он повзрослел в этом городе.

В школе его «повысили», допустив в подвальную уборную, где собирались школьные курильщики, и, чтобы закрепиться, он стал носить туда сигареты «Бафра». Все знали, что Мевлют зарабатывает, а курить начал недавно, поэтому от него ждали, что он будет даром раздавать сигареты дармоедам. Мевлют пришел к выводу, что в средней

школе он слишком восторженно относился к сообществу из уборной, состоявшему из вралей, у которых не было никаких дел, кроме как ходить в школу, и которые, несмотря на это, все равно каждый раз оставались на второй год, нигде не работали и занимались только сплетнями.

Деньги, которые Мевлют зарабатывал торговлей, раньше он отдавал без остатка отцу. Но теперь тайно тратил часть их на сигареты, кино, спортлото и Национальную лотерею.

Здание кинотеатра «Эльязар» было построено на одной из больших улиц между Галатасараем и Тюнелем для армянского театрального сообщества в атмосфере свободы, царившей после свержения в 1909 году Абдул-Хамида^[25] (первое название кинотеатра было «Одеон»). Туда в основном ходили стамбульские греки и турецкие семьи высшего сословия. В последние два года «Эльязар» прослыл известным местом, где показывали эротические фильмы. Мевлют садился в темноте на самое дальнее кресло, стараясь не попасться на глаза безработным из нижних кварталов, старикам, печальным одиночкам и неприкаянным вдовцам, стыдясь самого себя (в зале был странный запах смеси несвежего дыхания и эвкалипта), и, пытаясь понять тему очередного пустого фильма, весь сжимался.

В «Эльязаре» не показывали первых турецких эротических фильмов, в которых турецкие актеры снимались в трусах. Фильмы были западными. Мевлюту не нравилось, что, например, в итальянских фильмах из-за турецкого дубляжа помешанная на сексе женщина кажется наивной и глупенькой. Немецкие фильмы вызывали в нем чувство неловкости, потому что сексуальные сцены, которые он ожидал со всей серьезностью, проходили под постоянные шутки героев, словно бы они занимались чем-то смешным. Во французских фильмах его изумляли, даже отпугивали женщины, которые сразу же, не ломаясь долго, ложились в постель. Так как все эти женщины и овладевавшие ими мужчины озвучивались одними и теми же турецкими голосами, Мевлюту казалось, что он смотрит один и тот же фильм. Сцены, ради которых зрители приходили в кино, всегда наступали слишком поздно. Так Мевлют в пятнадцать лет понял, что любовные отношения – это чудо, которое происходит, когда долго-долго ждешь.

Толпа мужчин постоянно курила перед входом в ожидании любовных сцен. Когда самая важная сцена фильма приближалась, контролеры кричали: «Начинается!»

Мужчины с шумом входили в зал, а затем сидели затаив дыхание. Мевлют чувствовал, что сердце его начинает биться быстрее, слегка

кружится голова, что он быстро потеет, и пытался держать себя в руках. Он никогда не позволял себе такую слабость, как онанизм. Поговаривали, что на тех, кто во время фильма расстегивал штаны и вытаскивал свой причиндал, в темноте нападали пожилые педерасты, которые приходили в такие кинотеатры только ради подобной цели. К нему тоже подсаживались какие-то дядюшки со словами: «Сынок, сколько тебе лет?» или «Да ты еще совсем мальчик», но Мевлют делал вид, что он глухой и их не слышит. Мевлюту бывало трудно уйти из кинотеатра, потому что в «Эльязаре», купив билет, можно было сидеть целый день и много раз подряд смотреть два крутившихся без остановки фильма.

Ферхат. Весной, когда открылись луна-парки и казино на открытом воздухе, а чайные, детские площадки, мосты, набережные на Босфоре заполнились людьми, Мевлют начал по выходным торговать со мной «Кысметом». Этим делом мы занимались два года со всей серьезностью и заработали немало денег. Мы вместе ходили в Махмут-Паша, чтобы купить готовые коробки, не успевали спуститься вниз, как начинали продавать игру детям, которые шли вместе с родителями, отправившимися за покупками; и иногда не успевали мы пройти Египетский базар, площадь Эминёню, перейти Галатский мост и оказаться в Каракее, как с радостью замечали, что почти половина карточек в наших коробках стерта.

Мевлют научился узнавать клиента издали, осторожно, с улыбкой подходил к нему и всякий раз начинал беседу с какого-нибудь неожиданного предложения. «А ты знаешь, почему ты должен испытать судьбу? Потому что у тебя носки одного цвета с нашей расческой, которую ты можешь выиграть», – говорил он какому-нибудь растерянному мальчишке, который понятия не имел, какого цвета на нем носки. «Смотри, у Ферхата в картонке было двадцать семь зеркал, а у меня как раз осталось двадцать семь нестертых карточек», – заговаривал он с каким-нибудь заумным мальчуганом в очках, который только спрашивал о правилах, не решаясь играть. В некоторые весенние дни мы так много всего продавали на пристанях и пароходах, что карточки в наших коробках кончались, и нам нужно было возвращаться на Кюльтепе. В 1973 году открылся мост через Босфор: очень успешно поторговав там три солнечных дня подряд, на четвертый мы туда не попали – продавцам вход был заказан. Нас очень часто прогоняли – например, со дворов мечетей, где бородатые улемы говорили нам: «Это не игра на удачу, это карты»; из кинотеатров, где нам твердили: «Вы еще маленькие», хотя на самом деле мы, купив билеты, могли спокойно смотреть в этих кинотеатрах неприличные

фильмы; из пивных и казино, где нам указывали: «Торговцам вход воспрещен».



Когда на сей раз в начале июня роздали дневники, Мевлют вновь увидел, что провалил курс. В разделе «Оценки» было написано: «Полностью провалил курс за год». Мевлют перечитал это предложение десять раз. Кара была справедливой. Он редко появлялся на уроках, пропустил много экзаменов, он даже пренебрег всегдашней привычкой давить на жалость учителям, что он «сын бедного разносчика йогурта и вынужден зарабатывать на пропитание», чтобы они ставили тройки. По трем предметам у него стояло «неудовлетворительно», и теперь даже занятия летом были совершенно бесполезны. Мевлюту было грустно – ведь Ферхат перешел в следующий класс, даже не попав на пересдачу, – но потом двоечник размышлял, сколько всякой всячины он сделает, если останется на лето в Стамбуле, так что грусть сама собой прошла. Услышав новость, отец лишь спросил: «А ведь ты еще и куришь?»

– Нет, отец, не курю, – отвечал Мевлют, сжимая в кармане пачку «Бафры».

– Ах ты, негодник такой! Ты еще и отцу собственному врешь! – взорвался Мустафа-эфенди.

– Нет, отец, я не вру!

– Накажи тебя Аллах! – взревел отец и отвесил Мевлюту хорошую оплеуху. Затем ушел, хлопнув дверью.

Мевлют бросился на кровать.

На душе у него было так тяжело, что он долгое время не мог подняться. Обида породила в его сердце такой гнев, что он сразу же понял: летом в деревню может и не поехать. А еще он понял, что намерен управлять собственной жизнью только сам. Однажды он совершит что-нибудь великое, и отец и все поймут, что Мевлют – совершенно особенный человек, а не такой, каким они его себе представляли.

В начале июля отец засобиравшись в деревню, и тогда Мевлют сказал, что не хочет терять постоянных клиентов в Пангалты и Ферикье. Он продолжал отдавать большую часть заработанного отцу. Мустафа-

эфенди говорил, что откладывает эти деньги, чтобы в деревне построить на них новый дом. Прежде, отдавая отцу деньги, Мевлют рассказывал, как и где он их заработал. Но теперь он больше не отчитывался. Да и отец больше не твердил, что эти деньги – на новый дом в деревне. Впрочем, Мевлют не собирался возвращаться, он решил провести всю оставшуюся жизнь в Стамбуле, как Коркут с Сулейманом. В минуты одиночества и душевной слабости он винил отца, который не смог толком заработать денег в городе и так и не сумел отказаться от мысли вернуться в деревню. Интересно, а об этих мыслях отец догадывался?

Лето 1973 года стало самым счастливым летом в жизни Мевлюта. Они с Ферхатом заработали очень приличные деньги, продавая после обеда и по вечерам игру «Кысмет» на стамбульских улочках. На часть заработанных денег Мевлют купил у одного ювелира в Харбийе, к которому отвел его Ферхат, сто немецких марок и спрятал их в своем матрасе. Он впервые в жизни прятал деньги от отца.

Часто бывало, что по утрам он не уходил из дома на Кюльтепе, в котором он теперь был совершенно один, и тратил время на то, что занимался рукоблудством, всякий раз убеждая себя, что этот раз – последний. Его тяготило чувство вины, что он развлекается сам с собой, но это чувство не переросло в боль либо в чувство неполноценности из-за того, что у него нет девушки или жены. Ведь никто же не станет презирать шестнадцатилетнего лицеиста за то, что у него нет возлюбленной, с которой можно заняться любовью? К тому же, даже если бы его сейчас и женили, Мевлют толком не знал, что нужно делать с девушкой.

Сулейман. Однажды жарким летним днем, в начале июля, решил я наведаться к Мевлюту. Я долго стучал в дверь, но никто не открывал! Я обошел дом, постучался в окна. Даже подобрал камешек и бросил в окно. Видно было, что за огородом давно никто не ухаживал, дом тоже казался заброшенным.

Наконец дверь открылась. «Что с тобой? Что случилось? Почему не открываешь?»

– Я спал! – ответил Мевлют.

Выглядел он усталым и измученным и не походил на только что проснувшегося человека.

Я решил, что он не один; меня охватила странная зависть. Я вошел. В единственной комнате дома давно не проветривали, пахло потом. Какая она маленькая... Тот же стол, та же кровать...

– Мевлют, отец говорит, чтобы ты пришел к нам в лавку, – сказал я. – Есть одно дело.

– Что еще за дело?

– Да легкое, не волнуйся. Ну же, пойдем.

Но Мевлют не двигался с места. Может, он ушел в себя с расстройства, что остался на второй год? Поняв, что идти он не собирается, я обиделся на него.

– Слишком часто не дрои, а то зрение испортишь, память ослабнет, ты понял? – сказал я.

Мевлют, судя по всему, обиделся и на Дуттепе долгое время не появлялся. Наконец мать стала настойчиво просить, чтобы я разыскал его и привел. В лицее имени Ататюрка чертовы псы, что сидят за последней партой, обычно дразнили и пугали младших: «Ой, смотри, а чего это у тебя синяки под глазами? А руки чего дрожат? Ой, и прыщи у тебя почти исчезли, машаллах! Ты что, ручонками баловался? Ах ты, безбожник!» – а могли даже и врезать. Интересно, знал ли Мевлют о том, что некоторые рабочие в общежитиях для холостяков на Дуттепе, куда Хаджи Хамит Вурал селил своих людей, до того увлекались этим делом, что не могли заниматься работой и вынуждены были уехать в деревню из-за того, что теряли силы? Разве его друг Ферхат не говорил ему, что самоудовлетворение запрещено даже у алевитов?^[26] Да и для тех, кто состоит в маликитском мазхабе^[27], подобное не допускается ни при каком условии... У нас, ханафитов^[28], этим можно заниматься лишь в случае опасности впасть в *зину*, в великий грех прелюбодеяния... Ведь ислам – религия терпимости и логики, а не религия кары. В нашей религии даже дозволено есть свинину, если есть опасность умереть с голоду. Если самоудовлетворение совершается только ради удовольствия, то шариатом это не допускается. Но об этом я Мевлюту не говорил никогда, потому что, уверен, он бы посмеялся надо мной, сказав: «А как можно этим заниматься без удовольствия, а, Сулейман?» – и впал бы в еще больший грех. Как вы считаете, может ли такой человек, как Мевлют, которого легко сбить с истинного пути, добиться успеха в Стамбуле?

8. Высота мечети Дуттепе

Неужели там живут люди?

Мевлют чувствовал себя на улицах за продажей «Кысмета» гораздо лучше, чем дома у Акташей рядом с Сулейманом. Вот Ферхату он мог сказать все, что только приходило ему на ум. Летними вечерами, ужиная у Акташей, к которым Мевлют ходил только потому, что боялся одиночества, он сидел не раскрывая рта, так как знал, что каждое его слово вызовет унижительные подколки со стороны Сулеймана или Коркута. «Ах вы, шакалы такие, оставьте в покое моего дорогого Мевлюта!» – часто говорила тетя Сафийе. Мевлют понимал – если он собирается задержаться в городе, то ему нужно сохранять хорошие отношения с дядей Хасаном, Сулейманом и Коркутом. Четырехлетняя жизнь в Стамбуле породила у Мевлюта мечту создать собственное дело, не доверяясь родственникам. Он собрался начать бизнес с Ферхатом. Однажды оба паренька отправились на ипподром Вели-эфенди, и там любопытные до скачек азартные мужчины смели все призы в их игре за два часа. Так им пришлось в голову ходить на футбольные стадионы, на церемонии открытия футбольных сезонов, на летние турниры, на баскетбольные матчи во Дворце спорта и искусств. Они мечтали о совместном деле, которое они создадут в будущем на деньги, заработанные этой новой идеей. Любимой их мечтой была мечта о собственной столовой или, по крайней мере, буфете, который они вместе когда-нибудь откроют в Бейоглу. Когда Мевлюта озаряла очередная новая идея насчет заработка, Ферхат всегда говорил: «А в тебе сидит настоящий капиталист!» Мевлют не считал, что это хорошо, но все равно гордился.

Летом 1973 года на Дуттепе открылся второй летний кинотеатр. Фильмы показывали на боковой стене старой двухэтажной лачуги. Мевлют иногда ходил туда по вечерам со своей игрой и в один прекрасный день увидел там Сулеймана и Коркута. Его двоюродные братья искали способ проникнуть внутрь без билета. А Мевлют купил билет и прошел внутрь со своей игрой – и фильм с Тюркян Шорай посмотрел, и хорошо заработал. Но затем ему там разонравилось. Ведь там его все знали.

В ноябре он перестал бывать и на Дуттепе. После того как открыли тамошнюю мечеть и расстелили на ее полу ковры фабричного производства, старики начали ругать Мевлюта за то, что он торгует картами. Все пенсионеры с Дуттепе и Кюльтепе, помешанные на намазе,

выходили из своих домов и с воодушевлением отправлялись в новую мечеть. А уж пятничный намаз совершался при большом стечении правоверного люда.

В начале 1974 года на Курбан-байрам мечеть Дуттепе открыли официально. В тот день Мевлют встал с отцом рано утром. Накануне они вымылись, приготовили чистую одежду, а Мевлют отгладил белую школьную рубашку. За полчаса до открытия прилегающая площадь заполнилась толпой из тысяч мужчин, пришедших с соседних холмов, так что Мевлют с отцом еле попали внутрь. Все же им удалось занять место в самых первых рядах, потому что отец, который непременно хотел стать свидетелем этого исторического дня, расталкивая всех локтями, прокладывая в толпе путь, приговаривая: «Простите, земляки... простите, братцы... тут человек с речью должен выступить».

Мустафа-эфенди. Когда мы совершали намаз в одном из передних рядов, то увидели, что на два ряда впереди нас молится строитель мечети Хаджи Хамит Вурал. Тем утром я поблагодарил этого человека, люди которого, привезенные им из деревни, занимались всевозможным разбоем и грабежом, но я пожелал, чтобы Аллах благословил его. Гомон толпы, заполнившей мечеть, воодушевленный шепот собравшихся на мгновение сделали меня счастливым. Мне стало так хорошо оттого, что мы все вместе с общим воодушевлением молились, оттого, что меня окружало целое войско безмолвных и степенных мусульман, что мне показалось, будто бы я читаю слова Священного Корана уже долгие недели. Смирненно на разные лады повторял я: «Аллах акбар!» Когда хаджа-эфенди, произнося хутбу^[29], сказал: «Аллах Всемогущий, храни этот народ, эту общину, всех, кто занят сейчас вместо нас трудом, невзирая ни на холод, ни на время!» – я очень расчувствовался. Хаджа говорил: «Храни Аллах всех, кто ради куска хлеба прибыл сюда из дальних деревень нашей Анатолии и зарабатывает торговлей, благослови их работу, прости им их грехи!» Слезы наворачивались мне на глаза. А проповедник продолжал: «Аллах Всемогущий, даруй нашему государству мощь, нашему войску – силу, а нашей полиции – терпение». Когда хутба закончилась и вся община, собравшаяся на молитву, начала друг друга поздравлять, я бросил в коробку для пожертвований обществу по строительству мечети десять лир. Потом взял Мевлюта за руку, подвел его к Хаджи Хамиту Вуралу, чтобы он поцеловал ему руку. В очереди к нему уже стояли Коркут и Сулейман вместе с их отцом Хасаном. Сначала Мевлют расцеловался с двоюродными братьями, затем поцеловал руку дяде Хасану и получил от него пятьдесят

лир в подарок. А вокруг Хаджи Хамита Вурала собралось такое количество его людей, желающих поцеловать ему руку, что до нас очередь дошла только через полчаса. Так что невестке моей Сафийе пришлось долго дожидаться нас дома, на Дуттепе, с ее пирожками. Дома у них нас ждал прекрасный праздничный ужин. В какой-то момент я не сдержался и сказал, что на этот дом имею право не только я, но и Мевлют, но Хасан сделал вид, что ничего не слышит. Дети решили, что их отцы вновь начнут ссору из-за имущества, и скрылись во дворе. Но мы в тот праздник решили не ссориться.

Хаджи Хамит Вурал. В конце концов мечетью все остались довольны. Сколько в тот день ни было на Дуттепе и Кюльтепе странных да неприкаянных (вот только еще алевитов не хватало) – все в тот благословенный день, отстояв в очереди, поцеловали мне руку. Каждому из них я в тот день вручил по новенькой хрустящей столировой купюре, деньги мы сняли ради праздника в банке. Со слезами благодарности на глазах молился я Всемогущему Аллаху за то, что Он явил мне этот день. Мой покойный отец в 1930-х годах ездил по горам Ризе из деревни в деревню на ишаке, торговал мелочью, торговал тем, что покупал в городе. А я уже должен был наследовать делу отца, как вдруг разразилась Вторая мировая война и меня забрали в армию. Отправили меня в Чанакале. В войну наши так и не вступили, но зато мы четыре года простояли на Босфоре, сохраняя выжидательную позицию. Наш капитан-интендант, родом из Самсуна, часто говаривал: «Хамит, ты такой умный, не возвращайся к себе в деревню, зачем она тебе? Поезжай в Стамбул, там я найду тебе дело». Да будет мир праху покойного! После войны с его помощью я поступил подмастерьем к одному бакалейщику в Ферикее, а тогда не было ни подмастерьев, ни доставки по домам. Работа моя состояла в том, чтобы вынуть хлеб из печи да на ишаке развезить его в большой корзине-кюфе. Потом я увидел, что такая работа по мне, и открыл бакалею неподалеку от начальной школы Пияле-Паша в районе Касым-Паша, а между делом взял несколько пустых и дешевых участков, что-то на них построил и выгодно продал. В Кытхане я открыл маленькую пекарню. В те годы в городе было полно работников, но все они были страшно неотесанными. Да и как можно верить деревенщине?

Что касается людей из нашей деревни – я начал со своих родственников. В те времена на Дуттепе стояли пустые бараки, и приехавших парней – все они стремились с почтением поцеловать мне руку – мы селили туда, потом занимали новые участки, и, хвала Аллаху,

дела шли хорошо. Столько бессемейных мужчин – такие, если будут всем довольны, работать будут хорошо, будут Аллаха за все благодарить! Когда я впервые поехал в хадж, я возносил молитвы Аллаху и посланнику Его и много думал обо всем этом. Часть денег, что удалось заработать на пекарне и стройках, я откладывал, покупал железо и цемент, потом мы отправились к мухтару просить участок, ходили мы и к нашим богатеям денег просить. Одни, помогай им Аллах, раскошелились, а другие только спросили, неужели на Дуттепе живут люди. И тогда я сказал себе, что построю на Дуттепе такую мечеть, что ее будет видно из особняка мухтара Нишанташи, со всех высоких жилых домов богатеев на Таксиме, и каждый поймет, живет ли кто на холмах.

Когда фундамент мечети был заложен и кое-как возведены стены, я каждую пятницу стоял на воротах с коробкой и собирал деньги. Бедняки отвечали – пусть богатеи платят, богатые говорили – он сам у себя цемент покупает, и не давали ничего. А я платил за стройку из своего кармана. Если где-то на какой-то стройке кто-то из рабочих сидел без дела, если где-то оставался какой-то материал, хоть кусок железа, – я все отправлял в мечеть. Завистники говорили: «Ай, Хаджи Хамит, купол у тебя слишком велик, слишком нескромно вышло, вот будут ставить доски в его сердцевину, обрушит Аллах его тебе на голову, тогда ты поймешь, что нельзя так гордиться!» Когда ставили доски, я стоял под самым куполом. Он не обрушился. Я благодарил Аллаха. Я поднялся на купол и рыдал. Потом у меня закружилась голова. Я представил себя муравьем на футбольном мяче – так бывает, когда разглядишь обод на вершине купола, а затем – весь мир у его подножия. Смутьяны-безбожники из города раньше спрашивали: «И где же твой купол? Чего это мы его не видим?» Прошло три года. И теперь они говорили: «Ты что, падишах, строишь минареты с тремя балконами?»^[30] По узкой лестнице минарета мы с нашим мастером поднимались все выше и выше, на самом верху у меня вновь закружилась голова, а в глазах потемнело. Мне говорили: «Ведь Дуттепе настоящая деревня! Разве бывают в деревне мечети с двумя минаретами по три балкона?»

«Если Дуттепе деревня, то пусть мечеть Хаджи Хамита Вурала на Дуттепе будет самой большой деревенской мечетью Турции», – отвечал я. А они мне ничего не отвечали. Снова прошел год, и на этот раз мне сказали: «Дуттепе уже не деревня, а Стамбул. Мы сделали вам муниципалитет. Так что теперь уступите игру нам». А перед выборами все они пришли, пили мой кофе и стали выклянчивать голоса, приговаривая: «Мечеть, машаллах, вышла красивая! Хаджи Хамит, скажи своим людям,

пусть голосуют за нас». А я им ответил: «Да, все они мои люди. Поэтому вам они не поверят, а голоса отдадут за того, за кого скажу я».

9. Нериман

То, что делает город – городом

Как-то раз под вечер в марте 1974 года Мевлют, оставив свой шест для разноски йогурта под лестницей у одного приятеля, уже направился было из Пангалты и Шишли, как вдруг перед кинотеатром «Сите» он внезапно столкнулся с женщиной, лицо которой ему показалось знакомым. Не соображая, что делает, он развернулся и пошел следом за ней. Мевлют знал, что некоторые его одноклассники и даже взрослые мужчины с Дуттепе любят такое развлечение – преследовать какую-нибудь незнакомку с улицы. Они с радостью потом об этом рассказывали, но Мевлют не одобрял их откровений, которые считал грязными, а некоторые рассказы так и вовсе не принимал всерьез. Но сейчас он сам спешил за женщиной.

Женщина вошла в жилой дом на окраине района Османбей. Мевлют вспомнил, что в этот дом он несколько раз приносил йогурт. Наверняка тогда-то он и увидел ее. В том доме постоянных клиентов у него не было. Он не попытался выяснить, на каком этаже, в какой квартире живет женщина. Но вскоре при первой же возможности вновь пошел туда же, где ее встретил. И в третий раз появился там... И в четвертый... Как-то после полудня, когда йогурта у него осталось совсем мало, он увидел ее издали и на этот раз пошел за ней прямо с шестом на плечах, а в Эльмадаге увидел, что она зашла в представительство «Британских авиалиний».

Оказалось, она работала там. Мевлют для себя назвал ее Нериман. Как-то раз по телевизору показывали историю другой Нериман – благородной и храброй, – которая пожертвовала жизнью ради чести.

Конечно, Нериман не была англичанкой. Но она продавала билеты на «Британские авиалинии» турецким клиентам. Иногда она сидела на первом этаже представительства и продавала билеты посетителям. Мевлюту нравилось, как серьезно относится она к своей работе. Иногда ее не было видно. Если Мевлюту не удавалось ее повидать, он огорчался. Ему казалось, будто его и Нериман объединяет какая-то общая тайна, общий грех. Он быстро заметил, что чувство вины привязало его к ней.

Нериман была довольно высокого роста. Мевлют мог сразу издали узнать в толпе ее каштановые волосы. Ходила она не очень быстро, но движения ее были порывистыми и решительными, как у лицеистки.

Мевлют предполагал, что она лет на десять старше его. Он пытался догадаться, какие мысли бродят у нее в голове. Сейчас она свернет направо, думал он, и она в самом деле поворачивала направо и входила в свой дом на окраине района Османбей. Странную силу давало Мевлюту знание о том, где находится ее дом, кем она работает. Однажды он увидел, как в одном буфете она покупала зажигалку (значит, она курила!). Свои черные туфли она надевала не каждый день – видно, берегла их – и замедляла шаги всякий раз, когда проходила мимо кинотеатра «Ас», чтобы посмотреть на плакаты и фотографии актеров.

Три месяца спустя после того, как он впервые ее встретил, ему захотелось, чтобы Нериман узнала, что он ходит за ней. Конечно, если бы кто-то у них в деревне начал преследовать его старших сестер, как он – Нериман, Мевлют бы давно отлупил подлеца.

Но Стамбул деревней не был.

Итак, Нериман шагала в толпе, Мевлют убыстрял шаг, расстояние между ними уменьшалось, и Мевлюту это нравилось.

Иногда он представлял, как кто-то пристаёт к ней, или вор пытается выхватить ее темно-синюю сумочку, или она роняет платок, – и тогда он немедленно прибежит на помощь, спасет Нериман, поднимет оброненный платок. Нериман будет его благодарить, а прохожие, собравшиеся вокруг, скажут, что этот молодой человек – настоящий эфенди, и только тогда Нериман заметит его интерес к ней.

Однажды один из уличных торговцев американскими сигаретами (почти все эти парни были из Аданы) слишком настойчиво предлагал ей свой товар. Нериман обернулась и что-то сказала ему. («Оставь меня в покое!» – представил Мевлют.) Однако назойливый парень не отставал. Мевлют тут же ускорил шаг. Внезапно Нериман обернулась, стремительно сунула парню купюру, схватила пачку «Мальборо» и тут же бросила ее себе в карман пальто.

А Мевлют представил, как он подходит к этому парню и говорит ему: «В следующий раз повежливее, хорошо?» – и дает ему понять, что он защитник Нериман. Правда, ему не понравилось, что Нериман покупает на улице контрабандные сигареты.

В начале лета, когда Мевлют окончил первый класс лицея и, как всегда, продолжал ходить за Нериман, произошел один случай, который он не мог забыть долгие месяцы. Дело было в районе Османбей. Началось с того, что двое каких-то мужчин сказали что-то явно скабрзное Нериман на улице. Она сделала вид, что не слышит их, и пошла дальше, а они отправились следом за ней. Мевлют кинулся бегом за ними, как вдруг...

Нериман остановилась, повернулась к этим двум мужчинам, улыбнулась обоим – оказалось, она их знает, – а затем принялась болтать с ними, размахивая руками, словно рада была встретить старых друзей. Когда они расстались, те двое прошли мимо Мевлюта, смеясь и разговаривая, а Мевлют попытался понять, о чем они говорят, но ни одного слова о Нериман он не услышал. Он лишь слышал что-то вроде: «Во второй части будет сложнее», но не был уверен, что расслышал правильно, да и не был уверен, что эти слова относятся к Нериман. Кем были эти двое? Когда они проходили мимо него, ему вдруг захотелось сказать: «Господа, я знаю эту женщину лучше вас».

Иногда он подолгу не видел Нериман и тогда обижался на нее. Несколько раз после работы, когда у него на плечах уже не было шеста, он находил похожих на Нериман женщин и провожал их до дому. Однажды он даже доехал на автобусе с остановки «Омар Хайям» до Лалели. Ему нравилось, что новые женщины ведут его в совершенно иные, незнакомые ему районы Стамбула. Но чувства привязанности они не вызывали. Признаться, все его фантазии не сильно отличались от фантазий его одноклассников и безработных шалопаев из его собственного квартала, тоже подобным образом бегающих за женщинами. Но Мевлют никогда не думал о Нериман, когда развлекался сам с собой.

В тот год он редко ходил в школу. Правда, преподаватели никогда не ставили плохие отметки ученику, оставшемуся на второй год, если, конечно, он не хулиганил в классе и не злил их, ведь второй раз на второй год оставить не могли и такого ученика из школы отчисляли. Мевлют очень надеялся на это негласное правило и договаривался, чтобы его имя не вписывали в список отсутствующих, а уроками не занимался вообще. В конце года они с Ферхатом успешно перешли в следующий класс и летом решили снова торговать «Кысметом». Потом отец, как обычно, уехал в деревню, а Мевлют принялся наслаждаться своим одиночеством. К тому же и дела у них с Ферхатом шли хорошо.

Однажды утром в дом постучался Сулейман, Мевлют на этот раз сразу открыл. «Началась война, братец, – сказал Сулейман, – мы напали на Кипр»^[31]. Мевлют оделся и направился с ним на Дуттепе, к дяде. Все сидели у телевизора. По телевизору передавали военные марши, показывали военные самолеты и танки, а Коркут подскакивал и тут же называл: «Это „С – сто шестьдесят“, а это – „М – сорок семь“». Затем несколько раз показали выступление премьер-министра Бюлента Эджевита, который говорил: «Благослови Аллах нашу нацию, всех жителей Кипра и все человечество». Коркут, называвший Эджевита коммунистом, сказал,

что прощает его. А когда на экране показывали президента Кипра архиепископа Макариоса^[32] или кого-то из греческих генералов, Коркут раздражался ругательствами, и они всей семьей смеялись. Затем они спустились на автобусную остановку Дуттепе, зашли в кофейню. Повсюду было много счастливых взволнованных людей, которые тоже смотрели телевизор, где крутили те же записи с военными самолетами, танками, флагами, Ататюрком и генералами. Через равные промежутки времени по телевизору объявляли, что мужчины призывного возраста обязаны немедленно явиться в призывной пункт по месту жительства, а Коркут всякий раз повторял: «А я и сам пойти собирался».

В стране, как всегда, объявили осадное положение. В Стамбуле ввели обязательную светомаскировку. Мевлют вместе с Сулейманом помогали дяде Хасану закрыть все лампы в лавке, так как ночью их мог заметить квартальный сторож и назначить штраф. Из дешевой грубой синей бумаги они нарезали стаканчиков и аккуратно закрыли ими, словно шапочками, все лампочки. Они то и дело переговаривались: «Видно что-нибудь снаружи?», «Задерни занавески!» – или шутили: «Греческий самолет этого не заметит, а вот квартальный сторож – увидит!» Той ночью Мевлют почувствовал, что он – потомок тех самых тюрок, которые пришли из Средней Азии и о которых он читал в учебниках.

Но едва он вернулся на Кюльтепе и вошел в свой дом, настроение его изменилось. Он рассуждал: «Греция гораздо меньше Турции, поэтому она никогда не нападет на нас, а если нападет, никогда не будет бомбить Кюльтепе», а после этого задумался о своем месте в мире. Дома он тоже света не зажигал. Он не видел людей, которые жили на соседних холмах, но чувствовал их незримое присутствие во тьме. Холмы, еще полупустые пять лет назад, теперь покрылись домами, и даже на самых дальних холмах возвышались теперь столбы линий электропередачи и минареты мечетей. Тем вечером хорошо видны были звезды на небе, потому что все погрузилось во тьму. Он лег на землю рядом с домом и долго-долго смотрел на звезды, думая о Нериман. Интересно, сделала ли она дома светомаскировку, как Мевлют? Он чувствовал, что его ноги все чаще будут носить его по тем улицам, по которым ходит она.

10. Чем кончаются попытки повесить на стену мечети коммунистический плакат

Да хранит турок Всевышний!

Соперничество Дуттепе и Кюльтепе принимало новые формы. Мевлют нередко становился свидетелем драк, заканчивавшихся кровью, но непохоже было, чтобы холмы разделяла кровавая междоусобица. Ведь у обитателей этих стоявших друг против друга холмов, на первый взгляд, не было глубоких противоречий, которые могли бы привести к такой войне, ибо:

- На обоих холмах первые лачуги гедже-конду из саманного кирпича, глины и жести были построены в середине 1950-х. В этих домах поселились нищие переселенцы из Анатолии.

- На обоих холмах половина мужчин по ночам спала в пижамах в синюю полоску (хотя ширина полосок всегда была разной), а представители другой половины всегда спали без пижам, в майках или футболках.

- Девяносто семь процентов женщин на обоих холмах выходили на улицу только с покрытой головой, как всегда делали в деревнях их матери. Все они были родом из деревни и сейчас только открывали для себя то, что в городе называлось улицей. Кроме того, они упрямо, даже летом, продолжали выходить на улицу в плащах темно-синего либо коричневого цвета.

- На обоих холмах обитатели лачуг воспринимали свое жилище не как постоянный дом, где им предстоит прожить до конца дней своих, а как временное пристанище, в котором они находятся, пока не разбогатеют и не вернутся в деревню или не переедут в один из многоквартирных жилых домов в городе.

- Обитателям Кюльтепе и Дуттепе обычно снилось одно и то же.

- Мальчикам: учительница начальной школы.

- Девочкам: Ататюрк.

- Взрослым мужчинам: Пророк Мухаммед.

- Взрослым женщинам: высокий блондин, европеец, звезда европейского кино.

- Пожилым мужчинам: ангел, который пьет молоко.

- Пожилым женщинам: молодой почтальон, который приносит добрую

весть. Женщины гордились, если после такого сна в самом деле получали какое-то известие, понимали, что подобное бывает только с особенными людьми, и изредка рассказывали свои сны другим.

- На обоих холмах электричество появилось в 1966 году, водопровод – в 1970 году, а первая асфальтовая дорога – в 1973 году.

- В середине 1970-х и на Кюльтепе, и на Дуттепе в каждом втором доме имелся черно-белый телевизор, который показывал крайне нечетко (отцы и сыновья раз в два дня занимались настройкой антенн собственного производства), а те, у кого не было телевизора, на время важных передач, например футбольных матчей, конкурса Евровидения или турецкого фильма, всегда ходили в гости к тем, у кого телевизор был. На обоих холмах толпу гостей угощали чаем женщины.

- Хлеб обитатели обоих холмов покупали в пекарне Хаджи Хамита Вурала.

- Пять самых популярных продуктов на обоих холмах, по списку:

- 1) хлеб;
- 2) помидоры (летом и осенью);
- 3) картофель;
- 4) лук;
- 5) апельсины.

Правда, некоторые считали, что такая статистика неверна, как неверны меры в пекарнях Хаджи Хамита. Ведь все то важное, что определяет жизнь общества, составляется не из того общего, что объединяет людей, а из того, что их отличает. Такие различия за двадцать лет образовались и на обоих холмах:

– Самое видное место на Дуттепе занимала мечеть Хаджи Хамита Вурала. В жаркие летние дни сквозь ее высокие изящные окошки внутрь струился солнечный свет, а в самой мечети было хорошо и прохладно, так что хотелось поблагодарить Аллаха за то, что Он создал этот мир, и все мятежные мысли исчезали сами собой. А на Кюльтепе место, откуда открывался самый красивый вид, было занято огромным ржавым электрическим столбом и табличкой с изображением черепа.

– По официальной статистике, девяносто девять процентов обитателей холмов соблюдали пост в Рамазан. Однако на деле среди обитателей Кюльтепе пост в Рамазан соблюдало не более семидесяти процентов. И все потому, что на Кюльтепе жили алевиты, приехавшие туда из Бингёля, Дерсима, Сиваса и Эрзинджана в конце 1960-х годов. Алевиты Кюльтепе не ходили и в мечеть Дуттепе.

- Курдов на Кюльтепе было тоже намного больше, чем на Дуттепе.
- Перед въездом на Дуттепе была кофейня «Мемлекет», столики которой облюбовали молодые национал-идеалисты. Их идеалом было освобождение из рабства русских и китайских коммунистов тюрок Средней Азии (в Самарканде, Ташкенте, Бухаре, Синьцзяне). Ради этого они были готовы на все, даже на убийство.
- Перед въездом на Кюльтепе была кофейня «Йюрт», столики которой облюбовали молодые леваки-социалисты. Их идеалом было создание свободного общества, такого как в Советском Союзе или Китае. Ради этого они были готовы на все, даже на смерть.

С трудом, оставшись на второй год, Мевлют окончил второй класс лицея и после этого окончательно забросил учебу. Он не приходил в школу даже на экзамены. Отец знал об этом. Мевлют теперь даже не делал вида, что готовится к экзаменам.

Как-то вечером ему захотелось курить. Он тут же вышел из дому и отправился к Ферхату. Во дворе у Ферхата какой-то парень что-то, помешивая, лил в ведро. «Это щелочь, – сказал Ферхат. – Если кинуть в нее муки, она станет липкой. Мы идем клеить листовки. Ты тоже иди с нами, если хочешь». Он повернулся к парню и сказал: «Мевлют хороший, он наш. Али – Мевлют».

Мевлют пожал руку рослому Али. Али держал сигарету, это была «Бафра». Мевлют начал им помогать. Он верил, что занимается этим опасным делом потому, что оно благородно.

Они медленно прошли по темным переулкам, не попавшись никому на глаза. Завидев подходящее место, Ферхат сразу останавливался и, опустив ведро на землю, начинал намазывать щеткой клей на стену. В это же время Али выхватывал из-под мышки плакат и ловко, быстро прижимал его к стене. Пока Али приклеивал плакат, вода по нему руками, Ферхат несколько раз проходил кисточкой по его поверхности и особенно по углам.

Мевлют стоял на страже. В нижних кварталах Дуттепе они чуть было не напоролась на веселую семью из отца, матери и маленького сына, которая явно возвращалась из «телевизионных» гостей («Я не буду спать!» – повторял мальчик). Когда семейка прошла мимо, все трое с облегчением вздохнули.

Расклейка плакатов по ночам напоминала ночную торговлю. Нужно было выходить на улицу, приготовив дома волшебную смесь. Разница заключалась в том, что ночной торговец привлекает к себе внимание

криками и звоночком, а тот, кто развешивает плакаты, должен соблюдать осторожность.

Они сделали крюк, чтобы обойти кофейни внизу холма, рынок и пекарню Хаджи Хамита. Когда они пришли на Дуттепе, Мевлют почувствовал себя партизаном, которому удалось проникнуть на вражескую территорию. Теперь на страже стоял Ферхат, а Мевлют нес ведро и мазал клеем стены. Пошел дождь, улицы опустели, и Мевлюту показалось, что пахнет странным запахом смерти.

Где-то вдалеке раздались звуки выстрелов, отозвавшиеся эхом между холмами. Троица остановилась, глядя друг на друга. Мевлют впервые внимательно прочитал, что написано на плакате, и задумался: **УБИЙЦАМ ХЮСЕЙНА АЛКАНА БУДЕТ ПРЕДЪЯВЛЕН СЧЕТ**. Под надписью красовался серп и молот, а еще – подобие красного знамени, декоративная красная лента. Мевлют понятия не имел, кто такой Хюсейн Алкан, но понимал, что он, вероятно, как и Ферхат с Али, алевит, что они хотят, чтобы их считали коммунистами, при этом Мевлют чувствовал легкую вину и в то же время превосходство за то, что сам не алевит.

Дождь пошел сильнее, и улицы совершенно опустели, даже собаки лаять перестали. Парни встали под карнизом, и тогда Ферхат шепотом рассказал: Хюсейн Алкан был убит идеалистами с Дуттепе две недели назад, когда возвращался из кофейни.

Они вошли на улицу, где жили дядя с братьями. Мгновение Мевлют смотрел на дом, в котором он бывал тысячи раз с момента приезда в Стамбул и в котором они с дядей, Коркутом, Сулейманом и тетей Сафией провели много счастливых часов, глазами яростного коммуниста, развешивавшего плакаты по ночам, и признал, как прав был в своей обиде отец. Акташи, дядя и братья, откровенно присвоили себе дом, который строили они всей семьей.

Вокруг никого не было. Мевлют взял кисть и на самом видном месте дома намазал побольше клея. Али наклеил даже два плаката. Дворовая собака узнала Мевлюта и поэтому не лаяла, а приветливо махала хвостиком. Они наклеили плакаты еще сзади и по бокам.

– Хватит, нас застукают, – прошептал Ферхат. Гнев Мевлюта напугал его.

Чувство свободы, которое возникает, когда делаешь что-то запретное, вскружило Мевлюту голову. Его поливало дождем, а он и не замечал, что щелочь клея жжет ему руки и у него горят кончики пальцев. Так добрались они до вершины холма, оставляя за собой плакаты на домах безлюдных улиц.

На стене мечети Хаджи Хамита Вурала, обращенной к площади, красовалось огромное объявление: «Клеить плакаты запрещено!» Поверх объявления было наклеено множество афиш и рекламных объявлений – здесь красовались и реклама стирального порошка, и плакаты от национал-идеалистов «Да хранит турок Всевышний!», и реклама курсов Корана. Мевлют с удовольствием вымазал все это клеем, и вскоре вся стена была заклеена только их афишами. Во дворе мечети никого не было, так что они наклеили афиш еще и на забор с внутренней стороны.

Раздался легкий шум. Кажется, от ветра хлопнула дверь, но им показалось, что лязгнул затвор ружья, и они побежали. Мевлют чувствовал, что облился клеем, но все равно продолжал бежать. С Дуттепе они убежали, но, так как им стало стыдно, что они испугались, они продолжили свою работу на соседних холмах, пока плакаты не закончились. На исходе ночи их руки покрылись ссадинами, волдырями и горели огнем.

Сулейман. Какой-то алевит подписал себе смертный приговор, приклеив на стену мечети коммунистическую афишу. Старший брат тоже так думает. Вообще-то, алевиты – тихие, работающие люди, от которых нет никому вреда. Правда, некоторые из них, любители приключений, хотят нас поссорить – и все на деньги коммунистов. У этих марксистов-ленинистов на уме было только одно: заставить холостых земляков Вурала, которых он понапривозил из Ризе, качать права и устроить профсоюзы. Правда, одинокие мужчины из Ризе приезжают в Стамбул не глупостями заниматься, а деньги зарабатывать; им вовсе не хочется оказаться в трудовых лагерях Сибири или Маньчжурии. Поэтому бдительные выходцы из Ризе всякий раз отражают атаки алевитских коммунистов. А люди Вурала еще и донесли на коммунистов-алевитов с Кюльтепе в полицию. В кофейни пришли полицейские в штатском и сотрудники Управления безопасности, закурили сигареты (как и все государственные служащие, они курили «Новый урожай») и принялись смотреть телевизор. Надо сказать, что люди Вурала захватили на Дуттепе участки земли, которые много лет назад присвоили курды-алевиты. Алевиты утверждают, что те старые участки на Дуттепе, да и участки на Кюльтепе, где они построили домов, законно принадлежат им! Неужели?! Братец, если у тебя никаких документов на землю нет, то будет так, как решит мухтар. Ну а мухтар у нас тоже из Ризе, и звать его Рыза. Если б правда была на твоей стороне, тебя бы не мучила совесть, если бы тебя не мучила совесть, то ты бы не развешивал среди ночи на наших улицах коммунистические плакаты, не вешал бы безбожной бумаги на стену

мечети!

Коркут. Двенадцать лет назад, когда я приехал из деревни к отцу, половина Дуттепе и почти все окрестные холмы были не застроены. В те времена все кому не лень, не только такие бездомные, как мы, кому в Стамбуле негде было голову склонить, но и те, у кого в самом центре города было много добра, принялись захватывать эти земли. Обеим фабрикам у главной дороги, ведущей к холмам, – одной по производству лекарств, другой – лампочек, да и новым цехам, постоянно открывавшимся вокруг, – требовались бесплатные участки для домов трудившихся за бесценок рабочим, которым нужно было где-то спать. И поэтому никто не издавал ни звука, когда каждый встречный-поперечный присваивал себе государственный участок. Так как новость об очередном захваченном участке разлеталась мгновенно, многие оборотистые люди, которые в городе служили в государственных учреждениях, работали учителями или даже были владельцами лавок, старались захватить на наших холмах по участку в надежде, что когда-нибудь это принесет деньги. А как ты объявишь участок своим, если у тебя нет на него документов? Или воспользуешься тем, что государство в упор ничего не видит, в одну ночь поставишь дом и начнешь жить в нем, или будешь охранять участок с оружием в руках. Или кому-нибудь денег заплатишь, чтобы он охранял твой участок. Но ведь и этого мало. С тем, кому ты заплатишь, нужно будет подружиться, делить с ним стол, чтобы он хорошенько охранял твое имущество и чтобы в один прекрасный день, когда государство объявит амнистию и начнет выдавать документы, этот человек не сказал: «Господин инспектор, вообще-то, это мое, у меня и свидетели есть!» Так что это непростое дело до сих пор лучше всех удавалось нашему старосте Хаджи Хамиту Вуралу из Ризе. Ведь он не только кормил своих холостых работников, которых он привез из деревни и которым дал работу на стройках или в пекарнях (ведь на самом деле они сами пекли себе хлеб), но и заставлял их охранять свои участки, и это была настоящая армия. Хотя парней из Ризе не очень-то просто сразу научить стать настоящей армией. Чтобы научить деревенских ребят уму-разуму, мы их сразу бесплатно записали в наше общество при будущей мечети, а еще в салоне карате и тхэквондо в Алтайлы, чтобы они хорошенько выучили, что значит быть турком, что такое Средняя Азия, кто такой Брюс Ли и что такое темно-синий пояс. А чтобы эти ребята, которые выматываются в пекарнях и на стройках, не отправились после работы в дома свиданий к проституткам Бейоглу или не стали добычей ячеек русских коммунистов,

мы отвели их в наше собственное общество в Меджидиекёе, где показываем им приличные семейные фильмы. Парней, глаза у которых начинались слезиться от взгляда на карту нынешней Средней Азии, я записывал в члены нашего общества. В результате наших стараний наша организация в Меджидиекёе и наши отряды и окрепли, и поумнели, и начали понемногу захватывать другие холмы. Коммунисты слишком поздно поняли, что на нашем холме они потеряли влияние. Первым это понял отец хитреца Ферхата, с которым так нравится дружить Мевлюту. Этот жадный, помешанный на деньгах человек, захватив здесь участок, тут же, чтобы закрепить его за собой, построил себе на нем дом и вместе со всей семьей переехал сюда из Каракёя. Потом он позвал сюда своих курдско-алевитских товарищей из Бингёля, чтобы сохранить за собой все участки, захваченные на Кюльтепе. Убитый Хюсейн Алкан был из их деревни, но кто его убил, я не знаю. Когда убивают какого-нибудь коммуниста, который доставлял много проблем, его дружки сначала устраивают демонстрацию с лозунгами, развешивают плакаты, а после похорон громят все вокруг. Они вообще любят похороны, потому что на похоронах всласть удовлетворяют свою страсть что-нибудь покрушить. Потом, правда, они понимают, что приближается их очередь, и либо пускаются в бега, либо бросают свои коммунистические идеи.

Ферхат. Наш дорогой погибший друг, братец Хюсейн, был очень хорошим человеком. На Кюльтепе из деревни в один из наших домов его привез мой отец. Его убили среди ночи выстрелом в затылок, и уж точно это дело рук людей Вурала. А полиция во всем обвинила нас. Я-то знаю, что вураловские фашики скоро нападут на Кюльтепе и всех нас зачистят по одному, но никому об этом не говорю – ни Мевлюту (ведь он такой простофиля, пойдет и расскажет все людям Вурала), ни нашим. Половина леваков – алевитов – за Москву, вторая половина – за Мао, и из-за этого они постоянно грызутся, так что если я и этим скажу, что скоро они потеряют Кюльтепе, то пользы тоже не будет. По правде, я не верю ни в какие идеалы. Я собираюсь открыть свое дело и с головой окунуться в торговлю. А еще я очень хочу поступить в университет. Как и большинство алевитов, я левак, атеист и очень не люблю националистов и всяких там карателей. Когда кого-то из наших убивают, я иду на похороны, кричу лозунги, машу кулаками, хоть и знаю, что дело наше гиблое. Отец мой все понимает и иногда предлагает: «Не продать ли нам дом и не уехать ли с Кюльтепе?» – но сделать он этого не сможет, ведь это он всех сюда привез.

Коркут. Наш дом так был обклеен афишами, что я понял – сделала это

не ячейка, а кто-то, кто нас знает. Два дня спустя к нам зашел дядя Мустафа и рассказал, что Мевлют по ночам где-то пропадает, а школу совсем забросил, и тогда я занервничал. Дядя Мустафа пытался расспросить Сулеймана, может, они вместе беспутничают. Но я-то чувствовал, что из-за этого пса по имени Ферхат наш Мевлют мог попасть на скользкую дорожку. А Сулейману я сказал, чтобы он через два дня позвал Мевлюта к нам на ужин отведать курицы.

Тетя Сафийе. Мальчики мои, особенно Сулейман, и дружить с Мевлютом хотят, и не обижать его не могут. Отец Мевлюта так и не накопил денег, и ни свой деревенский дом до ума не довел, ни тутошнюю их однокомнатную лачужку не достроил. Иногда я говорю себе, надо пойти на Кюльтепе, пусть женская рука коснется хоть раз этого хлева, в котором отец с сыном столько лет живут двумя холостяками, но всякий раз робею, боюсь, что сердце мое на части разорвется. После начальной школы мой птенчик Мевлют провел всю жизнь в Стамбуле, словно сиротка, когда отец его решил, что семья останется в деревне. Первые годы жизни в Стамбуле, соскучившись по матери, он часто приходил ко мне. Я обнимала его, целовала, гладила, говорила ему, какой он умный. Коркут с Сулейманом ревновали, но я не обращала на них внимания. А сейчас он все тот же – на лице такое же невинное, как у маленького, выражение, мне хочется обнять и расцеловать его, я знаю, ему тоже хочется, чтобы я его обняла, но теперь он здоровый как бык, весь в прыщах, а Коркута с Сулейманом стесняется. О школе я его теперь и не спрашиваю, потому что по нему видно – в голове у него полный беспорядок. Как только пришел он к нам в тот раз, я увела его на кухню и, пока Коркут с Сулейманом не видели, расцеловала. «Машаллах, теперь ты, сынок, вытянулся как жердь и сутулишься. погоди, хватит стесняться, дай я на тебя посмотрю!» – сказала я. «Тетя, я сутулюсь не потому, что ростом высок, а потому, что шест тяжело носить. Вообще-то, я бросить это дело хочу...» – сказал он. За обедом он так набросился на курицу, что сердце мое обливалось кровью. Когда Коркут принялся рассказывать, что коммунисты заманивают на свою сторону наивных простаков лживыми речами и посулами, Мевлют молчал. На кухне я отчитала Коркута с Сулейманом: «Ах вы бессовестные, что ж вы его пугаете, бедного?»

– Мама, мы его подозреваем! Не вмешивайся! – ответил Коркут.

– Ну-ка, вон отсюда, нашли кого подозревать! В чем можно подозревать моего бедного Мевлютика?! Он никак не связан с врагами-

безбожниками!

Я слышала, как, вернувшись к столу, Коркут произнес: «А Мевлют сегодня отправится вместе с нами писать обращения, чтобы доказать, что никак не связан с проклятыми коммуняками! Правда, Мевлют?»»



Братья шли втроем, в руках у Мевлюта было огромное ведро, но в нем плескался не клей, а черная краска. Когда они приближались к очередному подходящему месту, Коркут, державший огромную кисть, приноровившись, принимался писать очередной лозунг. А Мевлют, держа ведро с краской, читал лозунги, которые Коркут выписывал на стенах. Больше всего ему нравился такой: «ДА ХРАНИТ ТУРОК ВСЕВЫШНИЙ!» Лозунг нравился потому, что напоминал Мевлюту то, что они учили в школе на уроках истории. Мевлют вспоминал тогда, что он – часть огромной мировой тюркской семьи. Другие лозунги были угрожающими. Когда Коркут выводил: «ДУТТЕПЕ СТАНЕТ КОММУНИСТУ МОГИЛОЙ», Мевлют чувствовал, что здесь говорится о Ферхате и его товарищах, и надеялся – авторы этих слов не пойдут дальше угроз.

По случайно брошенной фразе Сулеймана, который стоял на страже («Инструмент при мне!»), Мевлют понял – у двоюродных братцев есть оружие. Если на стене было достаточно места, Коркут перед словом КОММУНИСТ дописывал слово БЕЗБОЖНИК. Часто у него не получалось написать аккуратно и ровно, так что слова и буквы выходили маленькими и кривыми, а Мевлют задумывался об этом беспорядке. (Он почему-то верил, что у торговца, который пишет вкривь и вкось название своего товара на стекле своего автомобиля или на коробке из-под бубликов-симитов, нет никакого будущего.) Один раз он не выдержал и сделал Коркуту замечание, что тот написал слишком большую букву «К». «Ну тогда давай сам пиши». Коркут сунул в руки Мевлюту кисть. Двигаясь по улицам в ночной тьме, Мевлют несколько раз написал «ДА ХРАНИТ ТУРОК ВСЕВЫШНИЙ!» поверх объявлений суннетчи, надписей «Тот, кто мусорит, – осел» и афиш, которые четыре дня назад он расклеил вместе с коммунистами.

Они шли мимо лачуг гедже-конду, заборов и лавок, словно по темному

и густому лесу. Той ночью на Дуттепе и других холмах Мевлют заметил многое. Квартальный источник был заклеен афишами и расписан лозунгами. Люди, которые сидели с сигаретой перед кофейней, оказались вооруженными охранниками. Мевлют думал о многом. Он думал и о том, что быть турком и чувствовать это, гораздо лучше, чем быть бедняком.

11. Война Кюльтепе и Дуттепе

Мы ни за кого

Однажды вечером в конце апреля к кофейне «Йюрт», что у въезда на Кюльтепе, подъехало такси, из которого по сидевшим перед телевизором и за картами посетителям открыли огонь. За пятьсот метров от этого места, в доме с другой стороны холма, Мевлют с отцом в редкой для них дружеской атмосфере черпали ложками чечевичный суп. Услышав выстрелы, они переглянулись и дождались, пока выстрелы не стихнут. Мевлют подошел было к окну, но отец воскликнул: «Отойди!» Через некоторое время выстрелы послышались на большем отдалении, и они снова взялись за суп.

– Ты слышал? – спросил отец с видом всеведущего мудреца, словно бы это было доказательством его прежних слов.

Расстреляли две кофейни, на Кюльтепе и на Октепе, в которые ходили леваки и алевиты. На Кюльтепе погибли двое, а на Октепе один, ранено было около двадцати человек. На следующий день начались беспорядки, инициированные марксистскими группировками, которые называли себя вооруженными пионерами, и родственниками алевитов. Мевлют с Ферхатом тоже были в толпе. Они не сжимали в гневе кулаки, как остальные, не пели вместе со всеми революционные песни, так как не знали слов, но ярость душила их... Ни люди Вурала, ни полиция так и не появились. И поэтому не прошло и двух дней, как не только на Кюльтепе, но и на Дуттепе все стены и заборы покрылись марксистскими или маоистскими лозунгами. Среди лозунгов появились и новые, которые соответствовали моменту.

На третий день подъехали голубые автобусы, из которых вышли усатые полицейские с черными дубинками. Вместе с ними появилась и толпа журналистов с камерами, которых тут же начали дразнить мальчишки: «А ну, сними-ка и меня!» После того как похоронная процессия достигла Дуттепе, часть толпы, как и ожидалось, отправилась на демонстрацию.

На этот раз Мевлют никуда не пошел. Участок дяди Хасана был рядом с площадью перед мечетью, и теперь дядя, Коркут и Сулейман вместе с людьми Вурала смотрели, покуривая сигареты, на толпу, собравшуюся внизу. Мевлют не стеснялся их, он не боялся того, что они его накажут или перестанут с ним разговаривать.

Толпа, направлявшаяся с похорон, у мечети была остановлена полицией, возникла давка. Несколько парней из толпы, завидев лавку, обклеенную националистическими лозунгами, тут же выбили в ней все стекла. За короткое время толпа разнесла агентство недвижимости «Фатих» и расположенный рядом небольшой офис строительной компании – ею управляла семья Хаджи Хамита. В помещениях, в которых молодые националисты, контролировавшие весь Дуттепе, убивали время за телевизором и сигаретами, не оказалось ничего ценного, кроме столов, пишущей машинки и все того же телевизора. Но из-за этого погрома война националистов с марксистами, иначе говоря, левых с правыми, а лучше – Коньи с Бингёлем, в полной мере предстала перед глазами всего квартала.

За активными и кровавыми беспорядками, длившимися чуть более трех дней, Мевлют наблюдал издали, вместе с зеваками. Он видел, как полицейские в шлемах, размахивая дубинками, с возгласами «Аллах! Аллах!», словно янычары, бросились на толпу. Мевлют видел и то, как толпу полили водой из бронированной брандспойтной машины. Во время всех этих беспорядков он уходил в город, чтобы доставить йогурт своим постоянным клиентам в Шишли и Ферикёе, а по вечерам отправлялся торговать бузой. Однажды вечером он увидел, что между Дуттепе и Кюльтепе сооружают ограждение, и на всякий случай спрятал лицейский билет. А у полиции его вид – вид бродячего торговца – никаких подозрений не вызвал.

Досада и чувство солидарности заставили его пойти в школу. За три дня обстановка в школе накалилась, пропитавшись политикой. Ученики левых взглядов то и дело поднимали палец и, бесцеремонно перебив учителя, принимались произносить политические речи. Мевлюту нравилась эта атмосфера свободы, но сам он хранил молчание.

Скелет отдал приказ учителям затыкать всех тех, кто, вместо того чтобы, вежливо подняв палец, рассказывать об османских завоеваниях и реформах Ататюрка, начинал ругать капитализм и американский империализм, а также пресекать любые попытки сорвать урок. Но даже самая главная мегера, Жирная Мелахат, сдерживалась перед учениками, которые, перебив ее, начинали жаловаться на «несправедливый строй» и обвиняли ее в том, что она своими рассказами о лягушатах служит эксплуататорам, пытающимся скрывать классовые различия. Учительница Мелахат принималась оправдываться, говоря, что ее жизнь тоже очень сложна, что работает она целых тридцать два года и что, по правде говоря, ждет пенсии. Мевлют сочувствовал ей, и ему очень хотелось, чтобы классные бунтари оставили ее в покое. Некоторые рослые «старички»

на задних партах пользовались политическим кризисом, чтобы похулиганить; умники и отличники с передних парт притихли, те из учеников, кто поддерживал националистов, – тоже, а некоторые стали реже появляться в школе. Иногда школьники откуда-то узнавали, что в квартале происходят новые столкновения и полиция вновь пытается усмирить толпу. Тогда все бросались носиться по всем этажам и коридорам мужского лицея имени Ататюрка, выкрикивая лозунги: «Будь проклят фашизм!», «Да здравствует независимая Турция!», «Даешь свободное образование!» – а затем обычно отбирали у старосты список отсутствующих, поджигали его сигаретами и после присоединялись к толпе или на одном холме, или на другом либо же – если были деньги или был знакомый контролер – просто отправлялись в кино.

За два месяца до этого физик Фехми, которого не любили, на глазах у всего класса, включая разгневанного и огорченного Мевлюта, при всех унизил одного лицеиста родом из Диярбакыра, передразнив его говор. Ученики потребовали, чтобы физик извинился перед их одноклассником, но этого не последовало, класс возмутился, а некоторые школяры даже объявили всем занятиям бойкот, как бывает в университетах, после чего Скелет вызвал в школу полицию. Прибыли полицейские в синей форме и в штатском, заняли проходы в здании наверху и внизу и, как это тоже нередко бывает в университетах, начали проверять документы у всех входящих. Мевлюту казалось, что в лицее царит такая же обстановка, какая бывает после пожара или землетрясения, но он не мог скрыть от себя, что бунт ему нравится. Он ходил на классные собрания, но, когда начинался жаркий спор или драка, осторожно отходил в сторонку, а после объявления бойкота отправился продавать йогурт.

Через неделю после того, как полиция прибыла в школу, Мевлюту преградил путь ученик третьего класса лицея, живший на одной улице вместе с Акташами, и сообщил ему, что этой ночью его ждет Коркут. Вечером Мевлют, показывая удостоверение личности различным наблюдателям правых и левых группировок и полиции и давая себя обыскивать, дошел до дядиного дома, где увидел незнакомого парня: тот ел фасоль с мясом за столом, за которым он, Мевлют, два месяца назад ел курицу. Звали парня Тарык. Мевлют сразу понял, что тете Сафийе этот Тарык не нравится, но что Коркут ему доверяет и относится к нему как к важному человеку. Коркут велел Мевлюту держаться подальше от Ферхата и других коммунистов. Он сообщил, что русские, желая добраться до теплых морей, планируют устроить в Турции, которая противостоит их империалистическим планам, внутренние столкновения

суннитов с алевитами, турок с курдами, богатых с бедными и ради этого провоцируют на конфликт даже тех курдов и алевитов, у которых нет собственного дома. С этой точки зрения стратегически важно удалить с Кюльтепе и остальных холмов курдов и алевитов из Бингёля и Тунджели.

– Передавай привет дяде Мустафе, – сказал на прощание Коркут тоном Ататюрка, склонившегося над картой перед боем. – Смотрите, в четверг сидите дома! Все бывает, к сожалению, рядом с сушняком может вспыхнуть и зелень, как говорится!

Сулейман, поймавший вопросительный взгляд Мевлюта, с гордым видом человека, который знает о событиях задолго до того, как они произойдут, добавил:

– В четверг назначена операция.

Той ночью Мевлют с трудом уснул из-за выстрелов.

Наутро он понял, что разговоров о предстоящей операции все больше, что в школе даже Мохини знает – в четверг произойдет нечто ужасное. За два вечера до того вновь было совершено нападение на кофейню у въезда на Кюльтепе, где часто собирались алевиты, погибло двое. Большинство же кофейен и лавок стояло с приспущенными ставнями, а некоторые вообще были закрыты. Мевлют слышал еще и то, что якобы на домах алевитов, на которые планируется напасть во время операции, ночью нарисуют крест. Мевлюту очень хотелось сходить в кино или поразвлечься с собой, но в то же время он желал своими глазами увидеть все, что произойдет.

В среду леваки вновь хоронили своих товарищей, сопровождая похороны выкрикиванием лозунгов, и вновь толпа разгромила пекарню, принадлежащую семейству Вурала. Полиция ни во что не вмешивалась, и поэтому работники пекарни, какое-то время пытавшиеся отбиться дровами и ухватами, в конце концов бросили помещение с благоухающим свежим хлебом и сбежали через заднюю дверь. Ходили слухи, что алевиты напали на несколько мечетей и, кроме того, подложили бомбы в нескольких националистических центрах в Меджидиекее.

– Пойдем сегодня продавать бузу в город, – сказал отец. – К бродячим разносчикам бузы никто никогда не пристанет. Мы ни за кого.

Они взяли свои шесты и бидоны, вышли из дому, но весь квартал был оцеплен полицией, никого не выпускали. Увидев вдалеке синие мигалки полицейских машин, «скорой помощи» и пожарных, Мевлют почувствовал, как заколотилось сердце. Вернувшись домой, отец с сыном совершенно напрасно какое-то время смотрели в экран черно-белого телевизора. Естественно, ни одной новости про события на холме там не было. В конце

концов, потеряв в тот вечер свой заработок, они просмотрели ток-шоу, посвященное завоеванию Стамбула. Взбешенный отец, как всегда, принялся честить без разбору и правых и левых – словом, «всех проклятых бездельников, из-за которых бедные торговцы теряют кусок хлеба».

Вскоре отец с сыном уснули и проснулись после полуночи от громких криков и топота множества ног. Отец встал проверить засов на двери, а затем придвинул к ней колченогий стол, за которым Мевлют учил уроки. Выглянув в окно, Мустафа с Мевлютом увидели на склоне Кюльтепе пламя пожара. Отблески пламени освещали низкие темные облака, создавая в небе странный свет; свет от пожара, разливавшийся по улицам, дрожал, дрожало и небо, и казалось, дрожит весь мир. Они услышали выстрелы. Потом Мевлют увидел второй пожар.

– Не стой у окна, – велел отец.

– Папа, давай проверим стены! Говорят, что на домах, которые должны быть зачищены, рисуют крест! – воскликнул Мевлют.

– Мы же не алевиты!

– Все равно! Давай проверим! А вдруг и нам нарисовали крест? – не успокаивался Мевлют, думая о том, как часто все его видели с Ферхатом и другими леваками в том квартале. Эти мысли от отца он утаил.

Улучив момент, когда на улице стало спокойнее, а крики поутихли, они открыли дверь и оглядели ее; на ней ничего не было. Но Мевлют для пущей уверенности хотел осмотреть еще и стены. «Вернись в дом!» – крикнул отец. Выбеленная лачуга, в которой они провели многие годы, сейчас, среди ночи, выглядела оранжевой и казалась каким-то призрачным домиком. Они затворили дверь и не сомкнули глаз до утра, пока выстрелы не смолкли.

Коркут. Я, признаться, тоже не поверил, что алевиты подложили бомбу в мечеть, но ложь обычно быстро расходится. Терпеливые, молчаливые и богобоязненные жители Дуттепе уже видели «своими глазами», как на стенах мечети и домов в самых дальних кварталах висели коммунистические плакаты, и теперь гнев их был велик. Как такое может быть? Ты и в Каракее хочешь жить, и в Сивасе, и в Бингёле – даже не в Стамбуле! – и землей на Дуттепе владеть хочешь! Вчера вечером по-настоящему стало ясно, кто тут настоящий хозяин, кто в самом деле живет у себя дома, а кто – проездом. Сложно остановить молодых националистов, если ты к тому же и веру их оскорбил. Разрушили много домов. В квартале наверху холма кто-то сам поджег свой дом, чтобы все увидели, и чтобы газетчики написали «националисты режут алевитов», и чтобы вмешалась

полиция «Пол-асс»^[33]. Турецкая полиция тоже разделилась, как и турецкие учителя. Народные полицейские жгут свои дома и даже себя поджигают, как недавно было в одной тюрьме, чтобы был повод лишний раз обвинить власти.

Ферхат. Полиция ни во что не вмешивалась, а если и вмешивалась, то только помогала разорять дома. Спрятав лица под балаклавами, националисты небольшими отрядами нападали на дома, все снося и круша на своем пути, а когда домов алевитов не осталось, начали громить их лавки. Лавка семейства Дерсимли сгорела полностью. В ответ наши начали стрелять. Тогда они отступили, это было уже поздно ночью. Но мы думаем, что они вернутся, когда рассветет.



– Пойдем в город, – позвал утром Мевлюта отец.
– Я останусь здесь, – отозвался тот.
– Сынок, послушай. Их разборки надолго, они ненасытны, не успокоятся, пока не перебьют друг друга, не напьются крови, а политика – лишь повод... А мы лучше будем продавать свой йогурт, свою бузу. Не вмешивайся ты в это. И держись подальше от алевитов, от леваков, от курдов, от этого Ферхата, чтобы нас тоже не выкинули из дому, когда будут выкидывать их.

Мевлют поклялся честью, что из дому шагу не сделает. Он обещал, что останется дома и будет его сторожить, но, как только отец ушел, ни минуты не сидел на месте. Насыпав в карманы тыквенных семечек, он взял с собой маленький кухонный нож и, словно мальчик, который торопится в кино, помчался в верхние кварталы.

Там улицы были полны народа; у многих были в руках дубинки. Видел он и девушек, которые, словно бы ничего не происходило, шли из бакалей, жуя жвачку и прижимая к груди свежий хлеб; видел и женщин, стиравших белье у себя перед домом. Ясно было, что население, состоявшее из набожных выходцев из Коньи, Гиресуна и Токата, алевитов не поддерживало, но и воевать с ними тоже не хотело.

– Братец, не переходи улицу перед этими домами, – сказал какой-то

парень задумчивому Мевлюту.

– Тут могут выстрелить с Дуттепе, – добавил его приятель.

Мевлют, не послушав, в один прыжок оказался на другой стороне улицы. Парни смотрели на него серьезно, хотя и засмеялись, когда он прыгал.

– Вы не пошли в школу? – спросил Мевлют.

– Школа закрыта! – весело крикнули они.

На пороге сгоревшего дома Мевлют увидел плакавшую женщину; она вытащила все свое имущество – соломенную корзину и намокший тюфяк, – совершенно такие корзина и тюфяк были у них дома. Он поднимался по резко уходящей вверх улице, как вдруг его остановили двое – один длинный, другой круглый, как мячик, – но тут кто-то третий сказал, что это Мевлют с Кюльтепе, и его отпустили.

Вершина Кюльтепе превратилась теперь в наблюдательный пункт. Стены этого наблюдательного пункта, созданные из бетонных фрагментов, железных дверей, жестяных ведер, заполненных землей, из саманных и обычных кирпичей, иногда упирались в какой-нибудь дом, а за ним шли дальше.

Пули были дорогим удовольствием. Стреляли нечасто. Перестрелки часто надолго стихали, и тогда Мевлют, как и другие, переходил по холму с одного места на другое. Ферхата он разыскал ближе к полудню, на крыше недавно построенного бетонного здания у столбов городской линии электропередачи.

– Скоро здесь будет полиция, – предупредил Ферхат. – Победить нам нет возможности. Полицейских с фашистами больше, да и вооружены они лучше. И пресса на их стороне.

Таковы были «личные» мысли Ферхата. При посторонних он твердил: «Никогда мы не пустим сюда этих сукиных детей!»

– Завтрашние газеты не будут писать о резне алевитов на Кюльтепе, – с горечью сказал он. – Напишут, что подавили восстание левых ячеек и что коммунисты сожгли себя заживо, чтобы устроить всем неприятности.

– Так зачем же мы сражаемся, если нас ждет плохой конец? – спросил недоуменно Мевлют.

– Ты хочешь, чтобы мы просто так сдались, ничего не предприняв?

Мевлют почувствовал, что совсем запутался. Он видел, что склоны Дуттепе и Кюльтепе были забиты домами; за эти восемь лет, что он провел в Стамбуле, многие лачуги гедже-конду обзавелись надстроенными этажами; некоторые глиняные здания снесли, а на их месте построили новые, из саманного кирпича или даже из бетона; лавки и дома выкрасили

свежей краской; взрастили деревья и сады; и склоны обоих холмов покрылись щитами с рекламой сигарет, кока-колы и мыла.

– Пусть лучше и левые и правые спустятся к пекарне Вурала и там сразятся отважно и открыто, – наполовину в шутку, наполовину всерьез проговорил Мевлют. – А тот, кто победит в драке, будет считаться победившим в войне.

– Случись такая заварушка, ты бы за кого болел, Мевлют? – спросил Ферхат.

– Я бы – за социалистов, – ответил Мевлют. – Я против капитализма.

– А вот мы с тобой, когда откроем свой магазин, разве не станем капиталистами? – улыбнулся Ферхат.

– Коммунистов я люблю за то, что они защищают бедняков, – сказал Мевлют. – Но вот почему они не верят в Аллаха?

Когда вновь появился желтый армейский вертолет, с десяти утра патрулировавший Кюльтепе и Дуттепе, население обоих холмов приумолкло. Все, кто занял на холмах позиции, видели, как летчик в прозрачной кабине надел наушники, и принялись смотреть, что будет дальше. Этот вертолет вселял в Мевлута с Ферхатом, как и во всех обитателей холмов, чувство тревоги. Кюльтепе всем своим видом – желто-красными флагами футбольных болельщиков; алыми знаменами с серпом и молотом; натянутыми между домами транспарантами из кусков ткани; толпой молодых людей в балаклавах, скандировавших лозунги вертолету, – напоминал о революции.

Перестрелка между холмами продолжалась весь день; никто не погиб, только нескольких ранили. Перед тем как стемнело, металлический голос объявил в мегафон, что на обоих холмах вводится комендантский час. Позже объявили, что на Кюльтепе к тому же ожидаются обыски – будут искать оружие. Некоторые особо воинственные защитники холма заняли боевую позицию с тем, чтобы сразиться теперь и с полицией, а безоружные Ферхат с Мевлютом пошли по домам.

Мустафа весь день продавал йогурт и вернулся без приключений. Сев за стол, отец и сын, хлебная чечевичный суп, стали делиться дневными впечатлениями.

Поздно вечером на Кюльтепе отключили электричество, и танки, освещая себе путь яркими фарами, вползли в кварталы, словно злобные неповоротливые раки. Вслед за ними вверх по склону, словно янычары, взбежали полицейские с дубинками и оружием. Какое-то время раздавались частые выстрелы, а затем воцарилась гнетущая тишина. Поздно ночью Мевлют выглянул из окна и увидел, как осведомители в балаклавах

показывают полицейским и солдатам дома, которые нужно обыскать.

Утром в дверь постучали. Два солдата искали оружие. Отец Мевлюта, почтительно поклонившись, пригласил их войти, усадил за стол, предложил чая и сказал, что здесь дом разносчика йогурта и они с сыном никакого отношения к политике не имеют. У обоих солдат нос был картошкой, но родственниками друг другу они не доводились: один был родом из Кайсери, другой из Токата. Полчаса солдаты сидели за столом и вели беседу с хозяином о том, что все эти невеселые события приведут лишь к страданиям невинных, а «Кайсериспор» в этом году сумеет выйти в первую лигу. Мустафа-эфенди осведомился, сколько обоим осталось до демобилизации, хороший ли попался командир или колотит без причины.

Пока они пили чай, на Дуттепе собрали все оружие, левацкие книжонки, ободрали плакаты и транспаранты. Большинство студентов и простых граждан, замеченных в беспорядках, арестовали. Вся эта невыспавшаяся братия поначалу отведала побои в полицейских автобусах, а затем прошла через более изощренные пытки – фалаку^[34], паяльник или электрический ток. Когда арестованные немного оклемались, их обстригли, сфотографировали вместе с собранным оружием, плакатами и книгами, а фотографии разослали в газеты. Долгие годы шли судебные разбирательства против этих людей. Прокуроры требовали для кого смертную казнь, а для кого пожизненное заключение. В конце концов одни получили десять лет, другие – пять, а нескольких оправдали. Были и такие, кто в тюрьме участвовал в мятежах и голодовках и после этого остался инвалидом или даже ослеп.

Мужской лицей имени Ататюрка тоже на время закрыли. После того как первого мая на площади Таксим в Стамбуле во время разгона демонстрации погибло тридцать пять молодых коммунистов^[35], политическая обстановка накалилась, а волна политических убийств захватила Стамбул, с открытием школы и вовсе спешить перестали. Так что Мевлют еще больше отдалился от учебы. Теперь он допоздна торговал йогуртом на расписанных политическими лозунгами улицах, а вечером большую часть заработка отдавал отцу. Когда школу наконец открыли, идти туда ему уже совсем не хотелось. Ведь теперь он был самым старшим не только в классе, но и среди тех, кто сидел на задних партах.

В июне 1977 года вновь роздали дневники, и Мевлют увидел, что не смог окончить лицей. Лето он провел в сомнениях и страхах. К тому же Ферхат с семьей, вместе с семьями некоторых алевитов, уезжал

с Кюльтепе. А ведь зимой, еще до всех политических происшествий, они с Ферхатом мечтали, что с июля заведут собственное дело на двоих, начнут что-то продавать. Теперь Ферхат был занят отъездом и с головой ушел в дела семьи. Мевлют в середине июля уехал в деревню. Мать твердила, что надо бы его женить, но он не придавал значения ее причитаниям. Денег у него не было, а женитьба означала возвращение в деревню.

В конце лета он отправился в лицей. Жарким сентябрьским утром в старом здании школы царил полумрак и прохлада. Мевлют сказал Скелету, что хочет взять отпуск в школе на год.

Теперь Скелет уважал своего ученика, которого знал уже восемь лет.

– Зачем тебе отпуск, потерпи еще годик, доучись, – сказал он с поразившей Мевлута нежностью. – Все тебе помогут! Ты самый давний ученик нашего лицея.

– Я хочу в следующем году пойти на подготовительные курсы в университет, – ответил Мевлют. – А в этом году мне нужно поработать и накопить денег. Лицей я окончу в будущем году. Это возможно.

Весь этот сценарий он тщательно продумал в поезде, когда возвращался в Стамбул.

– Возможно-то возможно, но тебе тогда будет двадцать два года, – возразил бессердечный бюрократ Скелет. – За всю историю лицея в нем еще никто не учился до двадцати двух лет. Ну да Аллах с тобой... Я даю тебе учебный отпуск на год. Но мне нужно, чтобы ты принес справку из районного управления здравоохранения.

Мевлют даже не спросил, что за справка нужна. Уже в школьном дворе он всем сердцем осознал, что сейчас в последний раз входил в здание, куда впервые вошел восемь лет назад. Разум советовал ему не поддаваться запаху молока ЮНИСЕФ, которое все еще раздавали на кухне; запаху угольной кладовки, который теперь не использовался; запаху лицейской уборной в подвале, на дверь которой он со страхом смотрел в средней школе. В последнее время, всякий раз приходя в школу, Мевлют думал только одно: «И зачем я прихожу сюда, я ведь все равно лицей не окончу?» А проходя последний раз мимо статуи Ататюрка, сказал себе: «Если бы я очень захотел окончить школу, я бы окончил».

Он утаил от отца, что бросил школу.

Иногда, раздав йогурт порядком поубавившимся клиентам, он оставлял где-нибудь у знакомых свой шест, весы и бидоны и отправлялся бродить по городу, куда несли ноги.

Он любил Стамбул за то, что в нем совершались многие события,

наблюдать за которыми было одно удовольствие. Самое интересное происходило в Шишли, Харбийе, на Таксима и в Бейоглу. Мевлют вскакивал утром на автобус, ехал безбилетником до этих районов, а затем совершенно свободно, без всякой ноши, ходил по тем улицам, по которым обычно ему было не пройти с йогуртом, и очень любил раствориться в городской суматохе и шуме. Ему нравилось смотреть на манекены в витринах, наблюдать за тем, как выстраиваются в ряд счастливые мамы в длинных юбках с детьми в костюмчиках. В его голове обязательно рождалась какая-нибудь история. Затем он наблюдал минут десять за какой-нибудь шатенкой, следовавшей по противоположной стороне улицы, или мог решительно войти в первую попавшуюся столовую, назвать имя любого лицейского приятеля и спросить, не здесь ли тот работает. А иногда Мевлют и спросить не успевал – его строгим голосом останавливали: «Мойщик посуды нам больше не требуется!» На улице ему вновь внезапно вспоминалась Нериман. Он принимался шагать в переулки за Тюнелем, отправлялся в кинотеатр «Рюйя», в тесном фойе которого подолгу разглядывал плакаты и фотографии актеров, надеясь, что билеты на входе в зал проверяет кто-нибудь из родственников Ферхата.

Спокойствие и красота, которые не способна была дать жизнь, проявлялись в фантазиях о других мирах. Когда Мевлют смотрел фильм или когда просто мечтал, где-то в глубине души его терзала боль. Он испытывал вину из-за того, что впустую тратил время. Во время просмотра фильма, иногда по понятным причинам, иногда просто так, его член напоминал о себе, и Мевлют прикидывал, получится ли сегодня вечером спокойно поразвлечься, не боясь быть застигнутым врасплох, если он вернется на два часа раньше отца.

Бывало так, что он шел навестить Мохини, работавшего подмастерьем у парикмахера в Тарлабаши, или заходил в кофейню, где собирались водители такси, по преимуществу алевиты и левые, и недолго беседовал с каким-нибудь парнишкой-официантом, с которым в свое время познакомил его Ферхат, а между делом краем глаза следил, как идет за соседним столом игра в окей, и прислушивался к новостям в телевизоре. Он понимал, что убивает время, что на самом деле бездельничает, что жизнь его свернула на неверный путь, но правда эта была так горька, что он утешал себя мечтами: они с Ферхатом смогут начать дело – сначала тоже будут торговать на улицах, но не так, как прочие разносчики. У них будет специальная тележка для йогурта, на которой будут стоять бидоны и которую нужно будет толкать перед собой, а колокольчик будет звенеть от движения. Или они откроют где-нибудь маленькую табачную лавку,

вроде той, которую он только что видел, а может, даже и собственную бакалею... В будущем они заработают много денег.

Между тем он с горечью видел – уличная торговля йогуртом становится все менее прибыльной. Люди привыкают к магазинному йогурту.

– Сынок, Мевлют, видит Аллах, мы теперь деревенский йогурт покупаем только для того, чтобы тебя повидать, – сказала ему как-то одна пожилая покупательница.

Мустафа-эфенди. Если бы дело ограничилось только стеклянными бутылками, появившимися в 1960-х годах, то было бы полбеды. Те первые стеклянные йогуртовые миски, которые по форме напоминали глиняные, были массивными и тяжелыми, за них брали дорогой депозит, у них постоянно обивались и трескались края. Домохозяйки привыкли использовать их для других вещей: для кошачьего корма, в качестве пепельницы, или черпалки воды в бане, или мыльницы. Они использовали их по любой хозяйственной необходимости, но в один прекрасный день что-то приходило им в голову, и они сдавали тару бакалейщику, чтобы получить деньги. Так что миску, в которую все бросали мусор и сливали помой и которую облизывала собака, кое-как мыли под шлангом на маленьком заводике в Кяытхане, и затем она попадала на семейный стол со свежайшим и полезным для здоровья йогуртом к другой стамбульской семье. Иногда, когда клиент ставил на чашу весов вместо моей чистой тарелки, на которой я собирался отвесить ему йогурт, такую вот бутылку, я не мог сдержаться и говорил: «Некоторые используют эти бутылки в больницах Чапа в качестве сосудов для мочи, а в санатории на Хейбелиаде их используют для сбора мокроты у туберкулезных больных».

Однако вскоре фирмы начали выпускать стеклянные бутылки, которые были легче и дешевле. Их не надо было возвращать в бакалею, за них не платили денег, они превращались в обычные стаканы, стоило их помыть, – настоящий подарок домохозяйкам. Стоимость их, конечно, включили в стоимость йогурта. Фирмы приклеили на свой продукт этикетку с коровой, огромными буквами написали название йогурта и дали рекламу по телевизору. А затем появились грузовики-«форды» с той же коровой на боках; качаясь, втиснувшись они в узкие улочки, поехали по бакалейным лавкам, отбирая у нас наш хлеб. Хвала Аллаху, по вечерам мы торгуем бузой, так что еще не всех заработков лишились! Если Мевлют не будет слоняться без дела, поработает еще немного, а все заработанные деньги отдаст своему отцу, мы отвезем в деревню немного денег на зиму.

12. Взять в жены девушку из деревни

Моя дочь не продается

Коркут. После прошлогодней войны большинство алевитов в течение полугода покинули холм. Некоторые из них отправились на другие холмы, подальше, например на Октепе, а другие уехали за город, в район Гази. Скатертью им дорожка. Иншаллах, там они не дадут ни нашему государству, ни нашей полиции повода заняться ими. Если уж к твоему курятнику, к твоей лачуге, выстроенной на птичьих правах, приближается скоростная дорога на шесть полос, выстроенная по самым современным международным стандартам, то ты можешь сколько угодно твердить, что единственный путь – бунт, но обманешь этим только самого себя.

Когда леваков-башибузуков выкинули отсюда, бумаги, выдаваемые мухтаром, тут же выросли в цене. Все те, кто не спешил раскошелиться, когда пожилой Хаджи Хамит Вурал говорил, что надо бы купить в мечеть новые ковры, все те, кто распускал о нем сплетни – он, дескать, наложил руку на участки сбежавших алевитов из Бингёля да Элязыга, так что пусть сам и платит, – все они теперь прикусили языки. А Хамит-бей трудился не покладая рук. Он открыл еще одну пекарню на Хармантепе, а для работников, которых привез из деревни, построил общежитие, не поскупившись ни на телевизоры, ни на зал для карате. После армии я работал прорабом на его стройке и смотрителем за стройматериалами. По субботам Хаджи Хамит-бей обычно обедал в столовой общежития вместе с молодыми бессемейными националистами. Я хочу выразить здесь ему мою благодарность за то, что он оказал мне щедрую финансовую поддержку, когда я женился.

Абдуррахман-эфенди. Я прилагаю все старания, чтобы найти моей старшей дочери Ведихе, которой уже минуло шестнадцать, какого-нибудь подходящего жениха. Конечно, лучше всего, когда такие дела решает женщина, но ведь у моих бедных сироток нет матери и родных теток, а потому этим занимается ваш покорный слуга. Те, кто знает, что я только ради этого сел на автобус и уехал в Стамбул, тут же принялись говорить, что я бегаю за богатым мужем для моей дорогой красавицы Ведихи, что хочу положить себе в карман богатый выкуп, что готов платить за раky. Я все слышу. Причина их сплетен и зависти к такому калеке, как я, в том, что я – счастливый человек, которому повезло с дочерьми. Несмотря

на свою горбатую спину, я радуюсь жизни и умею выпить как следует. Те, кто говорит, что я напивался и поколачивал мою покойную жену, кто болтает про меня, что я, несмотря на кривую спину, ездил в Стамбул, чтобы прогулять деньги с женщинами в Бейоглу, – лгут. В Стамбуле я ходил по кофейням повидаться со старинными друзьями, теми, кто еще работает разносчиками йогурта и бузы. Никто же не может сразу сказать как есть: «Я ищу дочке мужа!» Сначала я говорил о том о сем, а если дружеская беседа продолжалась уже в пивной – слово за слово, бутылочка за бутылочкой, – я хвастался, словно бы выпивший, фотокарточкой моей ненаглядной Ведиhi, которую мы с ней заказали в акшехирском ателье «Биллур».

Дядя Хасан. Иногда я вытаскивал из кармана фотографию девушки из Гюмюш-Дере и смотрел на нее. Красивая девушка. В один прекрасный день я показал ее на кухне Сафийе. «Что скажешь, Сафийе? – спросил я. – Подойдет такая девушка нашему Коркуту? Это дочка нашего Горбуна Абдуррахмана. Отец ее ради этого добрался аж до самого Стамбула, до моей лавки. Посидел немного. Прежде он был работающий человек, однако силы ему не хватает: не вынес он тяжести шеста разносчика йогурта да и вернулся в деревню. Может, сейчас у него и денег-то нет. Шайтан этот Абдуррахман-эфенди, а не человек!»

Тетя Сафийе. Очень уж измотали сынка моего Коркута эта стройка, это общежитие, машина эта, которую он водил, все это его карате. Очень уж хотелось нам женить его, но, машаллах, он у нас парень с характером, очень гордый! Если только мне сказать ему: тебе, сынок, уже двадцать шесть лет, съезжу-ка я в деревню, присмотрю там тебе девушку, как он тут же примется спорить – не надо никого присматривать, я сам себе в городе найду. А уж если я ему скажу: сам найди себе девушку в Стамбуле да женись, то он непременно ответит, что девушка нужна ему честная да послушная, а таких в городе не сыщешь. Так что я решила положить фотографию красавицы-дочки Горбуна Абдуррахмана в сторонку, на приемник. Коркут приходит домой такой усталый, что не отрывается от телевизора, а по радио слушает только лошадиные бега.

Коркут. Никто, даже матушка, не знает, что я ставлю на скачки. Играю я не ради азарта, а ради удовольствия. Четыре года назад мы пристроили к дому еще одну комнату. Вот там я обычно и сижу в одиночестве, слушаю прямые трансляции скачек. В этот раз я тоже сидел и смотрел в потолок,

и вдруг приемник словно бы озарился каким-то светом, и я увидел, что с фотографии на меня смотрит девушка, и сразу понял, что ее взгляд всегда утешит меня. На душе мне стало очень хорошо.

Позже, между делом, я осторожно спросил у матери: «Матушка, а что это за девушка там, на фотографии, которая лежит на приемнике?» – «Наша землячка, из Гюмюш-Дере! – ответила мать. – Правда, она как ангел? Хочешь, посватаю ее за тебя?» – «Я не хочу девушку из деревни! – сказал я. – И уж тем более такую, которая направо-налево раздает свои фотографии». – «Она вовсе не такая, – покачала головой мать. – Ее отец-горбун никому не показывает дочкиных фотографий, ревниво бережет дочь, всех сватов гонит прочь. Это твой отец насильно отобрал у него эту фотографию, потому что понял, как красива эта стыдливая девушка».

Я поверил этой лжи. Вы-то уж точно знаете, что все это ложь, и сейчас смеетесь над моим легковерием. Тогда я вот что вам скажу: те, кто готов осмеять что угодно, не могут ни по-настоящему любить, ни по-настоящему верить в Аллаха. Потому что они страдают гордыней. А ведь любовь к кому-то – такое же священное чувство, как любовь к Аллаху.

Звали девушку Ведиха. Неделью спустя я сказал матери: «Не могу забыть эту девушку. Хочу поехать в деревню, тайком повидать ее, но прежде поговорю с ее отцом».

Абдурахман-эфенди. Нынешний кандидат в женихи – нервный такой паренек. Повел меня в пивную. Он шестерит у Хаджи Хамита Вурала и водит автомобиль «форд», и поэтому меня оскорбляет, что этот каратист, у которого в кои-то веки завелись деньжонки, так уверен, что в конце концов все равно когда-нибудь за свои деньги сможет заполучить мою дочь. МОЯ ДОЧЬ НЕ ПРОДАЕТСЯ, повторил я несколько раз. За соседним столиком нас услышали, хмуро посмотрели, а потом заулыбались, решив, что мы шутим.

Ведиха. Мне шестнадцать лет, я уже не ребенок, я знаю, что отец хочет выдать меня замуж, но делаю вид, что не в курсе подобных намерений. Иногда мне снится, что за мной гонится какой-то злой человек... Три года назад я окончила начальную школу в Гюмюш-Дере. Если бы я уехала в Стамбул, то в этом году бы уже окончила лицей.

Самиха. Мне двенадцать лет, и я учусь в последнем классе начальной школы. Иногда из школы меня забирает старшая сестра Ведиха. Однажды, когда мы возвращались, за нами пошел какой-то человек. Мы шли молча и не стали оборачиваться, чтобы посмотреть на него. Вместо того чтобы

идти прямо домой, мы направились к бакалее, но входить туда не стали. Мы с сестрой долго еще гуляли и вернулись кружным путем через дальний квартал. А человек все не отставал. Сестра хмурилась. «Дурак чертов! – выругалась я, когда мы пришли домой. – Мужчины все дураки!»

Райиха. Мне тринадцать лет. В прошлом году я окончила начальную школу. К Ведихе сватаются многие. Нынешний – из Стамбула. Так говорят, но на самом деле это сын торговца йогуртом из Дженнет-Пынара. Ведиха, конечно, захочет поехать в Стамбул, но мне совсем не хочется, чтобы ей он понравился. Ведь когда Ведиха выйдет замуж, наступит моя очередь. Когда мне исполнится столько, сколько Ведихе, за мной не будут так бегать, как за ней, а если и будут – что из того, я ни о ком и слышать не хочу. «Какая ты умная, Райиха», – говорят мне. Мы с моим горбатым отцом смотрели из окна, как Ведиха с Самихой возвращаются из школы.

Коркут. Я почтительно наблюдал, как моя ненаглядная возвращается из школы со своей сестрой. Первая моя встреча с ней наполнила мое сердце такой любовью, которую было не сравнить с той, что возникла, когда я увидел ее фотографию. Ее фигура, ее стать, изящные руки – все в ней было прекрасно, и я возблагодарил Аллаха. Я понял, что если не женюсь на ней, то буду несчастен. Я терял покой при мысли о том, что хитрый горбун, своей торговлей за дочь распалив мою любовь, может оставить меня с носом.

Абдуррахман-эфенди. Этот кандидат в женихи был настойчив, мы встретились еще раз, в Бейшехире. Я с дрожью в коленях пришел в закусочную, потому что судьба и счастье моей дорогой Ведихи и других моих доченек были в моих руках; сел и, еще не выпив первого стаканчика, опять сказал ему: «Прости, парень, я хорошо тебя понимаю, но моя красавица-дочь НЕ ПРОДАЕТСЯ НИ НА КАКИХ УСЛОВИЯХ».

Коркут. Упрямец Абдуррахман-эфенди, не успев выпить первого стаканчика, вновь перечислил свои требования. Даже если всем нам постараться, если взять в долг, продать наш дом на Дуттепе и участок на Кюльтепе, то все равно не хватит.

Сулейман. Вернувшись в Стамбул, брат решил, что разрешить его любовные муки могут только деньги и влияние Хаджи Хамит-бея. В ближайший его приход в общежитие мы устроили для него красивый бой

карате. А опрятные, выбритые и одетые в форму рабочие дрались на совесть. За обедом Хамит-бей усадил нас с братом по обе стороны от себя. Всякий раз, когда я смотрел на белоснежную бороду этого праведного человека, который два раза совершил хадж, которому принадлежало столько земли, домов и который построил нашу мечеть, я ощущал себя счастливым, потому что сижу рядом с таким человеком. А он обращался с нами так, будто мы были его детьми. Спросил нас об отце («Почему Хасана нет?» – назвал он его по имени). Спросил он и о том, в каком состоянии наш дом, о комнате, которую мы недавно пристроили, о половине этажа, который мы только начали строить, о внешней лестнице и даже о месте пустого участка, который отец записал на себя вместе с дядей Мустафой. Вообще-то, он знал места всех участков, знал, кто с кем соседствует, кто с кем пересекается, знал, какие дома там строятся, какие еще недостроены, а какие еще долго не будут достроены, потому что владельцы перессорились; он знал, кто какой дом либо магазин построил за последний год; знал все вплоть до стены или печной трубы. Он знал, до какого места доходит электрический кабель, с какого холма на какую улицу поступает вода и где построят окружную дорогу. Он знал все.

Хаджи Хамит Вурал. «Парень! Ты влюбился по уши, ты очень страдаешь, правда это?» – спросил я его, а он в ответ лишь спрятал глаза: он стеснялся не того, что не на шутку влюблен, а того, что товарищи его об этом узнают и поймут, что он не может решить дело самостоятельно. Я повернулся к его брату-толстяку и сказал: «Если будет на то воля Аллаха, найдем мы средство против сердечной боли твоего братца! Правда, он совершил ошибку, а ты смотри ее не повтори. Сулейман, сынок, если ты хочешь полюбить какую-нибудь девушку всей душой, как твой брат... то полюби ее после свадьбы. Ну, если уж тебе совсем невтерпеж, то хотя бы после помолвки, после того как слово сказано... Или хотя бы после того, как ударили по рукам и приняли выкуп. Но если ты сначала влюбишься, как твой брат, а потом сядешь с ее отцом торговаться за размер выкупа, то уж тогда пройдоха-отец потребует от тебя богатства со всего света... В нашем мире любовь бывает двух видов. Первая – когда ты влюбляешься в ту, которую совершенно не знаешь. Если бы большинство пар были знакомы до замужества, они бы никогда не влюбились друг в друга. Сам Пророк Мухаммед не считал возможным сближение мужчин и женщин до свадьбы. А есть и другая любовь – ее испытывают те, кто влюбился после свадьбы, и в этом-то и заключается результат

женитьбы без знакомства».

Сулейман. «Я, господин, не могу влюбиться в девушку, с которой я незнаком», – сказал я. «Ты сказал, в девушку, с которой знаком или с которой не знаком? – переспросил праведный Хаджи Хамит-бей и продолжил: – Вообще-то, лучшая любовь – влюбиться в девушку, с которой ты не то чтобы незнаком, а которую ты до свадьбы никогда даже и не видел. Слепцы, например, прекрасно умеют любить». Хамит-бей расхохотался. Рабочие тоже засмеялись вместе с ним, не поняв, в чем дело. Когда Хаджи Хамит-бей уходил, мы с братом поцеловали его благословенную руку.

13. Усы Мевлюта

Хозяин земли без документов

Мевлют очень поздно, в мае 1978 года, из письма старшей сестры узнал о том, что Коркут женится на девушке из соседней деревни Гюмюш-Дере. Сестра писала письма отцу в Стамбул вот уже пятнадцать лет – то регулярно, то как в голову взбредет. Мевлют зачитал письмо Мустафе таким же торжественным и серьезным голосом, которым читал ему обычно газету. Узнав из письма о том, что Коркут приезжал в деревню и что причиной этого приезда была девушка из Гюмюш-Дере, оба, и отец, и сын, испытали странную зависть, даже гнев. Почему Коркут им ничего не сказал? Два дня спустя они отправились на Дуттепе и от Акташей узнали другие подробности истории, и тогда Мевлют подумал, что, если бы у него тоже появился такой влиятельный патрон, покровитель, как Хаджи Хамит Вурал, его жизнь в Стамбуле стала бы гораздо проще.

Мустафа-эфенди. Прошло две недели с того дня, как мы ходили к Акташам и узнали, что Коркут женится благодаря помощи Хаджи Хамита. В один прекрасный день, когда я находился в бакалее Хасана, он внезапно посерьезнел и торопливо поведал, что через Кюльтепе пройдет кольцевая дорога. На ту сторону, где она пройдет, не будет выдаваться кадастровый паспорт, а если и будет, то, сколько ни плати чиновникам взятки, им все равно придется приписать эти земли к дороге. Иначе говоря, на том склоне, где пройдет дорога, ни у кого и никогда не было свидетельства о праве собственности и ни у кого и не будет, и поэтому при строительстве дороги государство никому ничего за землю компенсировать не будет.

– Я посмотрел – наш участок на Кюльтепе все равно пропадет, – сказал он. – И я продал бумаги за тот наш участок Хаджи Хамиту Вуралу. Благослови его Аллах, он честный человек, хорошо заплатил!

– Как это? Ты что, продал мой участок, не спросив меня?

– Это не твой участок, Мустафа. Это наш общий участок. Это я его оформлял, а ты только помогал мне. А мухтар все верно записал, подписывая документ об участке. На нем он указал наши имена. Но бумаги отдал мне. Ты тогда ничего не сказал. Меньше чем через год эта бумага вообще потеряет всякую ценность. Знаешь, теперь на том склоне никто даже камня не кладет. Никто и гвоздя теперь там не вобьет.

– И за сколько же ты его продал?

– Успокойся, пожалуйста. Не надо кричать на своего старшего брата... – сказал Хасан.

Тут вдруг в лавку вошла какая-то женщина и попросила взвесить риса. Хасан запустил в мешок с рисом пластмассовую лопатку, а я от ярости бросился за дверь. У меня ведь не было совсем ничего, кроме того участка и этой лачуги! Я никому ничего не сказал. Даже Мевлюту. На следующий день я вновь отправился в бакалею к брату. Хасан складывал из старых газет бумажные кульки. «За сколько ты его продал?» – вновь спросил я. И вновь он не ответил. Я лишился сна. Прошла неделя, и как-то раз, когда в лавке никого не было, он внезапно признался, за сколько продал. Поклялся, что половину суммы отдаст мне. Но сумма была такой маленькой, что я вскричал: «Я С ТАКИМИ ДЕНЬГАМИ НИКОГДА НЕ СОГЛАШУСЬ». – «Так у меня и их-то нет! – воскликнул братец мой Хасан. – Мы ведь сейчас, хвала Аллаху, Коркута женим!» – «Что?! Что ты сказал?! Ты, значит, на мои деньги сына женишь?!» – «Ну, бедняжка Коркут так сильно влюбился, мы же тебе рассказывали! – оправдывался он. – Не сердись! И до твоего сына очередь дойдет, у дочери Горбатого еще две сестры есть. На одной из них и женим Мевлюта!» – «Не лезь к моему Мевлюту! – рявкнул я. – Он еще должен окончить лицей, отслужить в армии. Была бы там девушка хорошая, ты бы сразу взял ее в жены Сулейману».



О том, что участок на Кюльтепе, который его отец с дядей оформили на двоих тринадцать лет назад, продан, Мевлют узнал от Сулеймана. Сулейман вообще считал, что у «земли без документов у хозяина быть не может». Так как никто на том участке за тринадцать лет не построил ни дома, ни даже дерева не посадил, то ничего не значащая бумажка, выданная много лет назад, остановить государственное строительство шестиполосной дороги, конечно, никак не могла. Спустя две недели отец рассказал сыну обо всем, но Мевлют сделал вид, что впервые слышит об этом. Он тоже был вне себя от гнева на Акташей за то, что они продали общий участок, не спросив у них разрешения. К этому добавилась еще

и обида за то, что и он подвергся несправедливости, а также злость на то, что Акташи в Стамбуле разбогатели и процветают. Но Мевлют понимал, что не может вычеркнуть из своей жизни ни дядю, ни братьев, – если их не будет, он останется в Стамбуле совершенно одиноким.

– Послушай меня хорошенько, – сказал отец. – Теперь только через мой труп ты пойдешь без моего разрешения к своему дяде либо встретишься с Коркутом или Сулейманом. Ты все понял?

– Понял, – сказал Мевлют. – Клянусь твоей жизнью, что не пойду.

Вскоре он пожалел о клятве. Ферхата теперь тоже не было – в прошлом году друг Мевлюта окончил лицей, а потом его семья уехала с Кюльтепе. В июне отец уехал в деревню, и Мевлют какое-то время слонялся в одиночестве с «Кысметом» по чайным и паркам, где гуляли семьи с детьми, но ему удалось заработать только четверть от того, что они зарабатывали вместе с Ферхатом, так что денег едва хватало на пропитание.

В начале июля 1978 года Мевлют тоже уехал на автобусе в деревню. В первые дни он чувствовал там себя счастливым в окружении родных – отца, матери, сестер. Но вся деревня готовилась к свадьбе Коркута, и это действовало ему на нервы. Он часто бродил по горам со своим старым другом – постаревшим псом Камилем. Там он вспоминал запахи детства – высохшей на солнце травы, холодного ручья, протекавшего между горных дубов и скал. Он никак не мог избавиться от чувства, что в Стамбуле что-то идет не так и что он сам упускает нечто важное.

Дома, в саду под платаном, у него были припрятаны кое-какие деньги, и как-то раз после полудня он их достал. Сообщил матери, что возвращается в город. Мать сказала: «Как бы отец не рассердился!» – но Мевлют не обратил на эти слова никакого внимания. «У меня много дел!» – только и ответил он. Ему удалось не попасться на глаза отцу и сесте на маленький автобус из Бейшехира. Дожидаясь в Бейшехире автобуса на Стамбул, он пообедал баклажаном с мясом в одной закусочной напротив мечети Эшрефоглу. Трясаясь в ночном автобусе в Стамбул, он чувствовал, что теперь стал единственным хозяином собственной жизни и судьбы, самостоятельным мужчиной, и предвкушал все те бескрайние возможности, которые дарила ему будущая жизнь.

Вернувшись в Стамбул, он увидел, что всего за месяц потерял многих своих клиентов. Раньше такого не бывало. Конечно, иногда те или иные семьи завешивали окна плотными занавесками и исчезали из виду, а некоторые просто переезжали на дачу. (Были среди разносчиков йогурта и такие, кто переезжал вслед за клиентами в дачные районы: на Принцевы

острова, в Эренкёй и Суадие.) Но торговцы летом не особенно страдали, потому что покупать йогурт для айрана продолжали закусочные и буфеты. Однако летом 1978 года Мевлют осознал, что у уличной торговли йогуртом больше нет будущего. Теперь трудолюбивых ровесников его отца или жадных до денег молодых торговцев вроде него на улицах было все меньше и меньше.

Однако возраставшие трудности не озлобили, не ожесточили Мевлюта, как они озлобили его отца. Даже в самые плохие и неудачливые дни его лицо не утратило способности расцвести улыбкой перед клиентом. Тетушки, супруги привратников, старые ведьмы, всегда предупреждавшие: «Пользоваться лифтом разносчикам запрещено», стоя в дверях новых многоквартирных жилых домов, на пороге которых тоже красовалась табличка: «Торговцам вход воспрещен!» – едва завидев Мевлюта, любили в подробностях рассказывать ему, как открыть двери лифта, на какую кнопку нажать. Юные горничные с восторгом смотрели на него из кухонь, с лестничных пролетов, с порогов жилых домов. Однако он понятия не имел, как заговорить с ними. Эту свою неловкость он скрывал от себя тем, что якобы «не желает быть невежливым». В иностранных фильмах он часто видел, как молодые мужчины запросто болтают с ровесницами. Мевлюту очень хотелось походить на них. Но сами западные фильмы он недолюбливал, потому что в них не всегда было понятно, кто хороший, кто плохой. Правда, когда он развлекался сам с собой, он чаще всего представлял себе тех самых иностранок из западных фильмов и турецких журналов. Он любил погружаться в подобные фантазии, когда ласкал себя по утрам, а утреннее солнце согревало своими лучами постель и его полуобнаженное тело.

Ему нравилось жить одному. До приезда отца он был сам себе хозяином. Он переставил хромоногий стол, повесил оторвавшийся от карниза угол занавески, убрал все кухонную утварь, которой не пользовался, в шкаф. Он подметал и мыл пол намного чаще, чем раньше. При этом теперь его не покидало чувство, что этот дом, состоявший всего из одной комнаты, как его ни убирай, все равно грязен и в нем неприятно пахнет. Теперь Мевлюту был двадцать один год.

Он захаживал в кофейни на Кюльтепе и Дуттепе и подолгу болтал с приятелями по кварталу либо с ровесниками, которые часы напролет проводили в кофейне, подремывая перед телевизором. Заболтавшись с ними, он несколько раз оказывался там, где по утрам собирались искавшие работу на день. Собирались они каждый день в восемь утра на пустыре у въезда в Меджидиекёй. Сюда сходились

неквалифицированные рабочие, которых выгоняли с фабрик (их брали только на короткое время и не хотели страховать), а также те, кто кое-как перебивался в доме у родственников на одном из холмов и был готов на любую работу. Сюда приходили и молодые парни, стыдившиеся того, что у них нет постоянной работы, и неудачники, которым уже долго не везло. Здесь они ожидали работодателей, съезжавшихся со всех концов города на пикапах. Среди молодых людей, которые коротали время в кофейнях, были те, кто хвастался поездками на заработки в дальние концы города и тем, сколько заработано там, но Мевлют всего за полдня на йогурте зарабатывал столько, сколько они за целый день.

В конце одного из дней, когда безысходность и одиночество одолели его, он оставил свои подносы, шест и прочие принадлежности в одной закусочной и отправился искать Ферхата. Два часа занял путь в район в городском муниципальном автобусе, набитом как бочка с сельдью и пропахшем потом. Доехав, полный любопытства, он принялся рассматривать холодильники, которые бакалейщики использовали вместо витрин, и увидел, что йогуртовые фирмы оккупировали все и здесь. В бакалее в одном из переулков он увидел холодильник, в котором йогурт стоял на подносе и продавался на килограммы.

Он сел на микроавтобус, и, когда доехал до квартала Гази, который находился за городом, уже темнело. Почти по отвесному склону, на котором и располагался квартал, он прошел на другой его конец, до мечети. За холмом был лес, который можно было считать своего рода естественной зеленой границей города, однако все прибывавшие новые поселенцы постепенно отщипывали от его края кусок за куском, невзирая на ограждение из колючей проволоки. Квартал, стены домов которого были покрыты революционными лозунгами, красными звездами и серпом с молотом, показался Мевлуту еще более бедным, чем Кюльтепе и Дуттепе. Обуреваемый каким-то неясным страхом, он некоторое время бродил по улицам, словно пьяный, и даже зашел в несколько самых многочисленных кофейен, надеясь встретить кого-нибудь знакомого из числа изгнанных с Кюльтепе алевитов. Он спрашивал у всех про Ферхата, но такого никто не знал, да и знакомых он не встретил. Уже сильно стемнело, но в квартале Гази не было уличных фонарей, и улицы стали внушать Мевлуту такую тоску, какую он не испытывал даже в своей родной деревне в Анатолии.

Он добрался до дому и всю ночь мастурбировал. Кончив после очередного раза и успокоившись, он со стыдом и угрызениями совести давал себе слово никогда этим не заниматься, даже клялся в том. Через

некоторое время он начинал бояться, что сейчас нарушит клятву и совершит грех. Вскоре он решил быстро сделать это еще раз, потому что это лучший способ избавиться от плохой привычки до конца дней своих.

Иногда разум заставлял его думать о таких вещах, о которых он сам думать не хотел. Он задумывался о существовании Аллаха, либо размышлял о самых неприличных словах, которые только знал, либо представлял себе взрыв, от которого весь мир разносит на клочки, как в кино. Неужели все это были его мысли?

Брился он теперь только раз в неделю, ведь в школу он ходить перестал. Он чувствовал, что темнота в его душе использует любую возможность для того, чтобы проявить себя. Как-то раз он вообще не брился две недели. Когда его небритое лицо начало отпугивать постоянных клиентов, которые придавали особенное значение и тому, чтобы на йогурте были жирные сливки, и тому, чтобы покупать его у чистоплотного продавца, он решил все же побриться. Дома у него теперь не было так темно, как раньше. (Он не мог вспомнить, почему дома прежде было темно.) Но он по-прежнему выходил с зеркалом бриться на двор, как делал его отец. Сбрив в тот раз бороду, он понял, что вынужден смириться с истиной, которую он понимал уже давно. Он стер пену с лица и щек. И посмотрелся в зеркало: теперь у него оставались только усы.

Мевлюту не понравилось, как он выглядит с усами. Он показался сам себе некрасивым. Миловидный мальчик, который так нравился окружающим, исчез, вместо него появился обычный мужчина – миллионы подобных ходили по улицам. Неужели он мог понравиться в таком виде клиентам, которые считали его обаятельным; тетушкам, которые спрашивали, учится он или нет; служанкам с покрытой головой, многозначительно заглядывавшим ему в глаза? Его усы приобрели ту самую распространенную форму, как у всех, хотя он никогда не прикасался к ним бритвой. Теперь он был уже не тот мальчик, которого родная тетя могла усадить на колени и расцеловать; это огорчало его. Он понимал, что с ним происходит нечто необратимое, но в то же время чувствовал, что это необратимое придает ему сил.

Теперь он, увы, открыто и часто размышлял о том, о чем думать до сих пор себе запрещал: ему был двадцать один год и он еще ни разу не спал с женщиной. Красивая, добродетельная девушка с покрытой головой, на которой бы ему захотелось жениться, до свадьбы бы с ним спать не стала. Да и он сам не захотел бы жениться на такой.

Главным сейчас для него была не женитьба, а возможность встречи с добросердечной женщиной, которую можно обнять, поцеловать, заняться

с ней любовью. Но физический контакт оказался для него невозможен без женитьбы. Он мог бы, конечно, завести дружбу с какой-нибудь из заглядывавшихся на него девушек (например, можно было сходить с ней в парк или кино, где-нибудь попить газировки) и, заставив ее поверить в серьезность его намерений (эта часть могла быть самой сложной), уговорить ее переспать с ним. Правда, на такие безответственные поступки способны только безнравственные и эгоистичные мужчины, а Мевлют был не таков. А кроме того, отец или братья девушки могли убить Мевлюта. Переспать с женщиной, не создавая проблем и не ставя в известность семью, могли стамбульские девицы, которые не носили платков, но Мевлют знал, что любая девушка, которая родилась и выросла в Стамбуле, никогда не обратит на него внимания (как бы ни шли ему усы). Последним средством оставались публичные дома Каракёя. Но Мевлют там никогда не бывал.

Однажды вечером под конец лета в дверь постучали. Увидев перед собой Сулеймана, Мевлют очень обрадовался и, обнимая двоюродного брата, заметил, что Сулейман тоже отрастил усы.

Сулейман.

– Братец, дорогой, – сказал Мевлют и обнял меня изо всех сил, так что у меня слезы на глаза навернулись.

Мы посмеялись над тем, что одновременно, не сговариваясь, отпустили усы.

– Ты наконец бросил свои левацкие замашки! – заметил я.

– Что?

– Да ладно тебе, ты понимаешь, о чем я, – только леваки подрезают концы усов при помощи треугольника! Ты что, берешь пример с Ферхата?

– Ни с кого я пример не беру! Я просто подрезал их, как мне хотелось, как получилось... Тогда, выходит, у тебя усы как у националиста?

Достав с полки зеркало, мы долго рассматривали наши усы.

– Не ходи на деревенскую свадьбу, – посоветовал я, – но на праздник, который Коркут устроит через две недели в свадебном зале «Шахика», что в Меджидиекёе, ты должен прийти. Не бери примера с дяди Мустафы, не показывай характера и не ссорься с нами. Не разобщай семью. Смотри, как курды с алевитами друг за дружку держатся! Сначала все вместе строят кому-то из своих дом, а затем там же другому, третьему. Если кто-то находит завалящую, но постоянную работенку, то сразу зовет к себе всех, кто остался в деревне, своего рода-племени.

– Ну и что тут такого, мы тоже все вместе приехали из деревни! –

ответил Мевлют. – Вам, Акташам, машаллах, везет с прибылью, а вот мы с отцом так и не извлекли выгоды из благ Стамбула, хотя оба столько работаем! И участок наш пропал.

– Мы помним, Мевлют, о твоём праве на участок. Хаджи Хамит Вурал – очень справедливый, очень сердобольный человек. Если бы не он, то братец Коркут ни за что не достал бы денег на свадьбу. У Горбуна Абдуррахмана-эфенди есть ещё две дочери. Давай женим тебя на младшей, говорят, она очень красивая. Иначе кому искать тебе жену, кому заботиться о тебе, кому защищать тебя? В этом огромном городе невыносимо быть одиноким.

– Я сам найду для себя девушку и женюсь, мне не нужна ничья помощь, – упрямо сказал Мевлют.

14. Мевлют влюбляется

Такие встречи бывают только по воле Аллаха

В конце августа Мевлют отправился на свадьбу Коркута и Ведихи. Утром свадебного дня он надел пиджак, который купил со скидкой у знакомого портного. Еще он повязал светло-синий галстук, который отец надевал по праздникам. На давно отложенные деньги у одного ювелира в Шишли он купил двадцать немецких марок.

Свадебный зал «Шахика» находился на спуске между холмом Дуттепе и районом Меджидиекёй. Когда Мевлют торговал с Ферхатом, они несколько раз пробирались в этот зал в конце праздников по случаю обрезания, которые обычно устраивала либо мэрия, либо профсоюзы: там они бесплатно пили лимонад, ели печенье. Но в целом место, мимо которого он проходил множество раз, никаких особенных воспоминаний в его памяти не оставило. Когда он вошел в зал, там было такое количество народу, так гремел маленький оркестр и было так жарко и душно, что он едва смог дышать.

Сулейман. Мы все очень обрадовались, когда увидели, что Мевлют пришел на свадьбу. Брат, в кремово-белом костюме с ярко-синей рубашкой, встретил Мевлюта очень радушно, всем его представил и усадил за наш стол, за которым сидели молодые мужчины. «Пусть вас не обманывает его по-детски наивное лицо, – сказал он сидевшим за столом. – Он самый крутой парень в нашей семье».

– Ну что, дорогой мой Мевлют, судя по тому, что ты отпустил усы, простой лимонад теперь не по тебе, – пошутил я и осторожно показал ему на бутылку под столом, а затем взял его стакан и налил водки. «Ты когда-нибудь пил настоящую водку русских коммунистов?» – «Я даже и турецкой-то еще ни разу в жизни не пил, – ответил Мевлют. – Если она крепче раки, то сразу ударит мне в голову». – «Не бойся, не ударит, ты только расслабишься и, может быть, наберешься смелости и осмотришься вокруг! Вдруг что-нибудь особенное заметишь?» – «А я и так смотрю вокруг!» – сказал Мевлют. Но он не смотрел. Когда водка коснулась его языка, он вздрогнул, словно обжегся, но затем взял себя в руки. «Сулейман, я хочу приколоть Коркуту двадцать марок, но стесняюсь, потому что, боюсь, ему покажется мало!»^[36] – сказал Мевлют. «Черт тебя подери, где ты берешь эти марки? Смотри загребут

тебя в полицию!» – припугнул я его. «Да ну что ты! Все покупают марки. Если будешь хранить свои деньги в турецких лирах, то каждый день будешь терять половину из-за инфляции», – сказал он. Я обернулся к сидевшим за нашим столом. «Не верьте тому, что на первый взгляд этот парень – сама невинность, – сказал я. – Этот парень – самый хитрый и оборотистый уличный торговец, которого я знаю. То, что ты собираешься приколоть жениху целых двадцать марок, о многом говорит. Бросай-ка эту торговлю йогуртом, Мевлют, дорогой. У каждого из нас отцы были разносчиками йогурта, но сейчас у всех нас свои дела». – «Да не беспокойтесь вы за меня, однажды и я открою собственное дело. Тогда и вы удивитесь – как это вы не додумались до такого!» – «И чем же это ты заняться надумал, а, Мевлют?» – спросил я. Тут вмешался Боксер Хидайет: «Мевлют, иди сюда, посиди со мной! – (Кличку Боксер он получил за то, что у него был сломан нос, как у боксера, и за то, что сбил ударом кулака с ног химика Хвастуна Февзи.) – Я вот не стал открывать себе бакалею или кебабчную, как все они. У меня есть лавка с отличными стройматериалами», – похвастался Хидайет. «Слышь, ты, лавка-то не твоя, лавка дядина! – вмешался я. – Если так говорить, то тогда и у нас есть лавка!» – «Парни выглядывают сестер невесты!» – сказал кто-то. «Где?» – «За столом невесты». – «Ой, ну только все сразу не смотрите, – сказал я. – Они же теперь – моя семья». – «Да мы и не смотрим, – сказал Боксер Хидайет, продолжая таращиться в сторону сестер. «Вообще-то, они еще маленькие. Мы же не растлители малолетних!» – «Внимание! Парни, пришел Хаджи Хамит!» – «Ну и что?! Надо встать и спеть гимн?» – «Спрячьте вы эту водку, не пытайтесь даже мешать ее с лимонадом, с ним такие шутки не пройдут, он сразу все заметит. Он ненавидит подобные вещи, обязательно потом придется за такое платить!»



Мевлют рассматривал девушек, сидевших рядом с невестой за дальним столом, когда вошел Хаджи Хамит Вурал со своими людьми. Головы всех присутствовавших поворачивались ему вслед, и почти сразу его окружила толпа желающих поцеловать ему руку.

Мевлюту очень захотелось жениться на красивой девушке, такой

как Ведиха. А для этого, как он прекрасно понимал, нужно бросить торговлю йогуртом, отслужить в армии, усердно работать, заняться каким-нибудь серьезным делом или открыть небольшую лавку.

Наконец он начал рассматривать стол, за которым сидела невеста. В смелости его были виноваты и алкоголь, и оживление, царившее в зале для торжеств. Он также чувствовал, что Аллах помогает ему и что судьба его готова решиться.

Много лет спустя Мевлют будет вспоминать те минуты.

– Девочки-то ведь уже не такие и молоденькие, – произнес какой-то голос за столом. – Всем уже пора замуж.

– Даже та, которая в синем платке? Ребята, пожалуйста, не надо смотреть так откровенно, – попросил Сулейман. – Половина этих девушек уедет в деревню, а вторая половина останется в городе.

– Братец, скажи-ка, а где они живут в городе?

– Кто-то из них живет на Гюльтепе, а кто-то – на Куштепе.

– Вот теперь ты нас тудаводишь.

– Какой бы из них ты написал письмо?

– Никакой, – сказал какой-то честный парень, которого Мевлют видел впервые. – Потому что они сидят так далеко, что я их не могу разглядеть.

– Так напиши письмо, если разглядеть не можешь.

– Нашей невестке Ведихе, судя по ее паспорту, шестнадцать лет, но на самом деле семнадцать, – сообщил Сулейман. – А ее сестрам на самом деле шестнадцать и пятнадцать соответственно. Это все Горбун Абдуррахман постарался, чтобы их записали на год моложе, чтобы они дольше пожили с отцом.

– Как зовут вон ту, самую молоденькую?

– Да, она самая красивая.

– Да, а сестра у нее – ничего особенного.

– Одну – Семиха, другую – Райиха, – сказал Сулейман.

Мевлют удивился, что при этих словах сердце его забилось быстрее, и даже растерялся.

– ...А остальные три девушки – из их деревни...

– Та, что в голубом платке, тоже ничего...

– Ни одна из этих девушек не моложе четырнадцати.

– Да дети они еще, – сказал Боксер. – Будь я их отцом, я бы еще не разрешил им носить платок.

– У нас в деревне платок надевают сразу после начальной школы, – вставил Мевлют, так и не сумев сдержать волнения.

– Младшая окончила начальную школу в этом году.

– Это какая? Та, что в белом платке? – спросил Мевлют.
– Та, которая красивая. Младшая.
– Вот я бы никогда не женился на девушке из деревни, по правде говоря, – сказал Боксер Хидайет.
– А какая городская пойдет за тебя?
– Почему это не пойдет? – обиделся Хидайет. – Ты больно много девушек в городе знаешь!
– Мно-о-ого.
– Те, которые к вам в лавку заходят, не считаются, сынок, не тешь себя понапрасну.

Мевлют выпил еще немного противного лимонада с водкой и заел выпивку сладким печеньем. Когда наступило время дарить подарки и украшения^[37] жениху и невесте, ему представилась возможность долго смотреть на невероятную красоту Ведихи Йенге, на которой женился Коркут. Младшая сестра ее, сидевшая за столом для незамужних девушек, была такой же красивой. По мере того как он продолжал смотреть на тот окруженный несколькими девушками стол, не отрывая глаз от Райихи, он заметил, что в нем поднимается желание, такое же сильное, как жажда жизни, но в то же время эти чувства будили в нем стыд и страх потерпеть неудачу.

Свои двадцать марок Мевлют приколот на воротник пиджака Коркута безопасной булавкой, которую Сулейман выдал ему, при этом посмотреть в лицо невесте он не решался.

Возвращаясь к себе за стол, он сделал то, чего делать совершенно не собирался: подошел поздравить Абдуррахмана-эфенди, который сидел вместе с теми, кто приехал на свадьбу из Гюмюш-Дере. Эфенди сидел очень близко от стола девушек, но совершенно не смотрел в их сторону. Одет Абдуррахман-эфенди был великолепно: на нем была белоснежная рубашка с белым воротничком и изящный пиджак. Он уже давно привык к странным поступкам молодых уличных торговцев и разносчиков йогурта, которым красота его дочерей вскружила голову. Он протянул Мевлюту руку для поцелуя, словно ага, а Мевлют покорно поцеловал ее. Видела ли это его младшая дочь?

В какой-то миг Мевлют не выдержал и бросил взгляд на девичий стол. Сердце его в тот момент бешено заколотилось; и страх, и радость охватили его.

Младшая была самой красивой из девушек; в ней было что-то детское. Мгновение они смотрели в глаза друг другу. У нее было честное, открытое лицо, искренние, детские черные глаза.

В голове у Мевлюта все смешалось, но даже в этом он узрел знак судьбы – кысмет. Такие совпадения могут случаться лишь по воле Аллаха, подумал он. Он пытался привести в порядок мысли, принялся смотреть в сторону стола, где сидел ее горбун-отец, пытаясь еще раз увидеть ее, но вокруг было слишком много людей. К тому же он уже довольно далеко отошел. Но хотя он не видел ее лица, каждое ее движение он ощущал в своем сердце. Сейчас ему очень хотелось рассказать всем об этой прекрасной девушке, об их чудесной встрече и о той минуте, когда ее черные глаза заглянули в его глаза.

Сулейман сообщил ошалевшему брату:

– Абдуррахман-эфенди с дочерьми Семихой и Райихой погостят у нас неделю, прежде чем вернуться в деревню.

Последующие несколько дней Мевлют постоянно думал о девушке с темными глазами и детским лицом и о словах Сулеймана. Зачем Сулейман сказал об этом именно ему? Что будет, если он постучится в дверь к Акташам? Сможет ли он еще раз увидеть ту прекрасную девушку? Обратила ли она на него внимание? Мевлюту нужно было выдумать какой-то железный повод, чтобы идти к ним, иначе Сулейман догадается, что он пришел из-за Райихи, и, может быть, спрячет ее от него. А может, просто посмеется над Мевлютом или попытается все это прекратить, скажет, что она еще ребенок. Мевлют изо всех сил старался выдумать подходящий предлог для того, чтобы пойти к Акташам, но так его и не нашел.

Пролетели перелетные аисты над Стамбулом, закончился август, прошли первые две недели сентября, а Мевлют и в школу не пошел, и на курсы в университет не записался. Не получил он и справку о состоянии здоровья из районного управления здравоохранения, о которой говорил ему Скелет, чтобы оформить годовой учебный отпуск. Все это означало, что его мысли об образовании, которое он практически закончил два года назад, не могли иметь больше никакого продолжения даже в виде мечты. Жандармы из призывного пункта могли в любой момент явиться в деревню.

Мевлют был уверен, что отец не станет врать, чтобы помочь ему уклониться от армии. Он был уверен, тот скажет: «Пусть служит, а потом может жениться!» Правда, у его отца не было денег, чтобы найти ему подходящую жену. Между тем Мевлюту хотелось немедленно жениться на Райихе. Он допустил ошибку, он проявил слабость, он даже не сходил к Акташам. Он успокаивал себя следующими соображениями: если бы он пошел к Акташам и увидел Райиху, она, может быть, не обратила бы

на него никакого внимания, и тогда сердце Мевлюта было бы разбито. А ведь только мысли о Райихе делали шест разносчика йогурта на улицах Стамбула намного легче.

Сулейман. Мой брат нашел мне работу в фирме по продаже строительных материалов Хаджи Хамита Вурала. Теперь я единственный на фирме, кто водит пикап нашей фирмы марки «форд». Позавчера утром, примерно в десять часов утра, я вышел купить пачку сигарет в бакалейной лавке в Меджидиекёе, которая принадлежит одному человеку из Малатьи (у нас в лавке сигареты я не покупаю, потому что отец не одобряет моего курения), и уже садился в машину, как вдруг услышал, что кто-то тихонько стучит в правое стекло. Мевлют! Бедный парень! Он тащил на спине йогурт на шесте, нес торговать в город. «Прыгай!» – сказал я ему. Он сложил шест с мисками в кузов и сел. Я протянул ему сигарету, дал зажигалку прикурить; Мевлют первый раз видел меня за рулем – он не верил своим глазам. Мы промчались по той самой улице, которая идет то вверх, то вниз и по которой он обычно ходит со скоростью четыре километра в час, да еще в мисках тридцать килограммов йогурта тащит. Поговорили о том о сем. Потом он спросил об Абдуррахмане-эфенди и его дочерях.

– Они вернулись в деревню, – сказал я.

– Как звали сестер Ведихи?

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто так...

– Ведиха теперь моя невестка. И ее сестры – невестки моему брату...

Теперь мы – одна семья...

– А я разве не из вашей семьи?

– Конечно из нашей... И поэтому ты не должен ничего от меня скрывать.

– Я и не собираюсь... Но поклянись, что никому не скажешь.

– Клянусь перед Аллахом, нашей нацией и флагом, что сохраню твою тайну!

– Я влюбился в Райиху, – сказал Мевлют. – Самая младшая, с черными глазами, – ее ведь Райиха зовут? Мы с ней чуть не столкнулись в зале, когда она шла к столу отца. Ты не видел? Я заглянул ей прямо в глаза. Сначала я подумал, что забуду обо всем. Но не смог.

– Что ты не смог забыть?

– Ее глаза... То, как она смотрела на меня... Ты не видел, как наши пути пересеклись во время свадьбы?

– Видел.

– Как думаешь, это случайность или нет?

– Ты, дружок, влюбился в Райиху. Так что лучше я ничего не буду знать об этом.

– Она очень красивая, правда?.. Если я напишу ей письмо, ты ей передашь?

– Но они уехали с Дуттепе. Я же сказал, что они вернулись к себе в деревню... – сказал было я, но Мевлют так грустно посмотрел на меня, что я не выдержал: – Хорошо, я постараюсь ради тебя.

В Харбийе он, веселый, вышел из пикапа, забрал свой шест и миски из кузова. Поверьте, мне очень больно, что кто-то в нашей семье до сих пор торгует йогуртом на улицах.

15. Мевлют уходит из дома

*Если ты встретишь ее завтра на улице,
ты узнаешь ее?*

Мустафа-эфенди. Я не поверил, когда услышал, что Мевлют ходил на свадьбу Коркута в Стамбуле. Новость эта огорошила меня. Сейчас я еду в Стамбул на автобусе, он покачивается, а моя голова то и дело ударяется о холодное стекло. Хоть бы мне совсем не ездить в Стамбул, думаю я, хоть бы шагу не делать никуда из деревни.



Вечером в начале октября 1978 года, незадолго до того, как наступили холода и начался сезон торговли бузой, Мевлют пришел домой и обнаружил, что дома в полной темноте сидит отец. В большинстве окрестных домов горел свет, так что Мевлуту и в голову не пришло, что у них может кто-то быть. В первую минуту он испугался, решив, что в доме вор. Затем он испугался отца, который, должно быть, уже узнал о том, что он ходил на свадьбу. Скрыть это от Мустафы-эфенди было совершенно невозможно, все, кто ездил из деревни на свадьбу – на самом деле почти вся деревня, – доводились друг другу родственниками. Наверняка отца злило еще больше то, что Мевлют отправился на свадьбу, понимая, что Мустафа-эфенди сразу же узнает об этом.

Они не виделись два месяца. На такой долгий срок отец с сыном еще никогда не расставались с того момента, как Мевлют впервые приехал в Стамбул девять лет назад. Мевлют знал, что, несмотря на все прихоти и придирки отца, несмотря на все их бесконечные легкие раздоры, они с отцом являются друзьями и напарниками. Однако он уже был сыт по горло устанавливавшимся чуть что грозным молчанием отца и взрывами гнева.

– Ну-ка, поди сюда!

Мевлют подошел, ожидая, что отец ударит его. Но тот не ударил. Вместо этого он указал ему на стол. И только тогда Мевлют разглядел

в полутыме пачки с купюрами по двадцать немецких марок. Интересно, как это отец нашел их в матрасе?

– Кто дал тебе это?

– Я сам заработал.

– Как ты смог заработать столько денег?

Отец клал все скопленные деньги в банк, однако инфляция быстро превратила банковский вклад в ничто. Несмотря на это, отец упрямо отказывался признавать, что его небольшие сбережения растаяли, и продолжал складывать все на банковский счет, не желая хранить деньги в иностранной валюте.

– Здесь не очень много денег, – сказал Мевлют. – Всего тысяча шестьсот восемьдесят марок. Кое-что еще с прошлого года. Я скопил их, продавая йогурт.

– Ты спрятал от меня деньги. Ты лжешь мне? Ты что, замешан в чем-то недостойном? В чем-то запретном?

– Клянусь, я...

– Ты уже как-то поклялся, что не пойдешь на свадьбу.

Мевлют смотрел перед собой и чувствовал, что отец вот-вот его ударит.

– Не смей больше бить меня, – сказал он. – Мне уже двадцать один год!

– С чего это?! – взревел отец и ударил Мевлюта.

Мевлют успел поднять руку, чтобы закрыть лицо, и удар пришелся ему по руке. Отец тоже почувствовал боль от удара, но от этого рассвирепел еще больше и два раза сильно ударил Мевлюта в плечо.

– Вон из моего дома, негодяй! – закричал он.

Сила еще одного удара оттолкнула Мевлюта. Он упал на кровать, а затем свернулся на ней калачиком, как в детстве. Он лежал спиной к отцу, его била дрожь. Отец решил, что Мевлют плачет, а Мевлют решил его в этом не разубеждать.

Мевлюту хотелось немедленно собрать вещи и уйти из дома (представляя эту сцену, он воображал, что отец тут же пожалеет обо всем и будет пытаться его удержать), но в то же время боялся вступить на путь, возврата с которого нет. Если он хочет уйти из этого дома, то уходить нужно не сейчас, в гневе, а утром, успокоившись и хорошенько все обдумав. Теперь Райиха была единственным светлым пятном в его жизни, дарившим надежду. Ему нужно было где-то побыть одному и подумать о письме, которое он собирался написать ей.

Долгое время Мевлют лежал без движения. Он думал, что если

встанет, то стычка с отцом может продолжиться. Если это повторится и отец снова его ударит, то оставаться дома будет невозможно.

С кровати Мевлют слышал, как отец вышагивал по комнате, как налил себе сначала стакан воды, потом стаканчик раки, а затем закурил. За девять лет, которые Мевлют провел здесь, и особенно в школьные годы, он привык слышать легкий шум, связанный с присутствием отца в доме, его тихий разговор с самим собой, его дыхание, кашель и храп по ночам, и это вселяло в него чувство защищенности и покоя. Но теперь он больше таких чувств к отцу не испытывал.

Уснул он прямо в одежде. В детстве он любил засыпать в одежде, если бывал за что-то наказан и побит отцом, если долго торговал на улице и очень уставал, а еще когда долго учил уроки.

Когда утром он проснулся, отца дома не было. Он сложил в свой маленький чемодан, с которым ездил в деревню, свои носки, рубашки, бритвенный станок, пижаму, свитер и тапочки. Он удивился, когда увидел, что чемодан остается наполовину пустым после того, как он сложил туда все свои вещи, которые хотел взять с собой. Он обернул пачки денег, лежавшие с вечера на столе, старой газетой, сложил в полиэтиленовый пакет, на котором было написано «ЖИЗНЬ» и положил в чемодан. Когда он покидал дом, то не испытывал ни страха, ни угрызений совести, а лишь свободу.

Он направился прямо к Ферхату, в квартал Гази. На этот раз, в отличие от неудачной попытки год назад, двое человек сразу указали ему на дом Ферхата.

Ферхат. Мевлют лица закончить не смог, но я, хвала Аллаху, его в конце концов окончил. Правда, я не сдал вступительные экзамены в университет. После того как мы переехали сюда, я недолгое время работал сторожем на стоянке кондитерской фабрики, в бухгалтерии которой работали некоторые мои родственники, но там был один громила из Орду, который постоянно задирал меня. В какой-то момент я попал в политическую ячейку вместе с некоторыми из моих приятелей по кварталу. Впрочем, с чего вдруг я называю эту организацию «ячейкой», когда это была вполне себе маленькая партия? Но это было не по мне. Я мучился угрызениями совести, потому что продолжал оставаться с ними из чувства уважения к ним и страха. Хорошо, что в это время появился Мевлют со своими деньгами. Оба мы прекрасно понимали, что квартал Гази, совсем как когда-то Кюльтепе, не даст нам ничего хорошего. В декабре 1978-го в анатолийском городе Кахраманмараш был сожжен

и разграблен алевитский квартал, и алевитская резня всколыхнула даже квартал Гази и к тому же привела в движение новые силы. Мы решили, что если, перед тем как уйти в армию, мы переедем куда-нибудь в центр Стамбула, например в Каракёй или на площадь Таксим, то сможем больше работать и заработать больше денег и перестанем тратить время на дорогу и автобусы.



Ресторан «Карлыова» был маленькой греческой таверной, находившейся в переулках за улицей Невизаде, расположенной в квартале Тарлабаши стамбульского района Бейоглу. Настоящий хозяин таверны покинул Стамбул в 1964 году, когда премьер-министр Исмет-паша приказал грекам за ночь убраться из Стамбула, и она досталась простому официанту из Бингёля по имени Кадри Карлыовалы, который управлял ею пятнадцать лет, днем обслуживая портных, ювелиров, мелких ремесленников с окрестных улочек Бейоглу, а по вечерам разливая раки и угощая закусками посетителей среднего класса, которые отправлялись в Бейоглу выпить или в кино; но теперь он был на пороге банкротства. Ресторан был на грани краха не только потому, что эротические фильмы захватили кинотеатры, а политический террор – улицы Бейоглу, что вкупе напугало и отдалило от Бейоглу представителей среднего класса. Придирчивый и скаредный патрон, Карлыовалы обвинил мойщика посуды, совсем еще мальчишку, в какой-то кухонной краже, а немолодого официанта, который повысил на него голос и вступился за мойщика, пригрозил уволить, в ответ на что четверо остальных сотрудников таверны, давно недовольные положением вещей, все вместе взяли расчет – из чувства солидарности. Хозяин ресторана «Карлыова» был курдом-алевитом, йогурт он закупал у отца Мевлюта, семья Ферхата тоже знала его хорошо, поэтому двое друзей решили помогать усталому старику управляться с таверной до тех пор, пока не уйдут на военную службу. Они чувствовали, что этим им представляется шанс.

Они переехали в старую квартиру, которую владелец таверны держал для своих мойщиков посуды и официантов и которая опустела после их ухода. Трехэтажный греческий дом в Тарлабаши, в котором располагалась

квартира, был построен восемьдесят лет назад для одной семьи. Но после событий 6–7 сентября 1955 года^[38], когда близлежащие греческие православные церкви были разрушены, а лавки евреев, греков и армян – разграблены, социальный уровень района упал и дом, следуя той же тенденции, был разделен гипсовыми стенками на маленькие квартирки. Вместо истинного, по документам, владельца дома, который теперь жил в Афинах и не мог запросто взять и приехать в Стамбул, плату за аренду квартир собирал какой-то человек из причерноморского Сюрмене, которого Мевлют ни разу не видел.

В одной из комнат, где стояли железные двухъярусные кровати, жили двое мальчишек – мойщиков посуды из Мардина, оба окончили начальную школу, одному было четырнадцать лет, другому шестнадцать. А Мевлют с Ферхатом заняли по комнате, где тоже стояли двухъярусные железные кровати, и каждый украсил свою комнату на свой вкус. Впервые в жизни Мевлют жил отдельно от своей семьи и даже имел собственную комнату. У старьевщика в Чукурджуме он купил старый, облезлый кофейный столик, а патрон разрешил ему принести себе стул из зала таверны. После того как ресторан в полночь закрывался, они вчетвером иногда покрывали закусками стол (сыр, кока-кола, жареный нут, лед и много-много сигарет) и за бутылочкой раки проводили два-три часа в веселой компании. Парни рассказали им с Ферхатом, что конфликт между персоналом ресторана и владельцем на самом деле начался не потому, что один из мойщиков что-то украл на кухне, а потому, что между тем парнем и владельцем ресторана была связь, а официанты, которые жили на их квартире и спали на двухъярусных кроватях, были рассержены и возмущены этим. Ферхат с Мевлютом несколько раз просили парней повторить подробности этой истории, которая разбудила в них скрытую неприязнь к своему пожилому патрону из Бингёля.

Парни из Мардина мечтали когда-нибудь заняться продажей фаршированных мидий. В Стамбуле, как и во всей Турции, все торговцы фаршированными мидиями были родом из Мардина. Парни все время говорили о том, как выходцам из Мардина удалось захватить весь бизнес по продаже фаршированных мидий в Турции, хотя от города до моря было очень далеко, и, наверное, именно это лучше всего доказывало, что жители Мардина невероятно оборотисты и умны.

– Ладно вам, братишки! Все торговцы бубликами-симитами в Стамбуле родом из Токата, но я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то говорил, будто жители Токата так уж умны! – отвечал на это Ферхат, когда ему надоедала буйная преданность обоих парней Мардину.

Парни не соглашались:

– Фаршированные мидии и симиты – не одно и то же!

– Вот, например, все пекари родом из Ризе, и они тоже этим очень гордятся! – приводил тогда другой пример Мевлют.

Эти двое мальчишек, которые были на шесть или семь лет моложе самого Мевлюта, попали в Стамбул сразу после окончания начальной школы, и живой нрав двух дебоширов увлекал Мевлюта не меньше, чем их сомнительные истории и сплетни о хозяине ресторана и старших официантах. Слушая их, Мевлют часто замечал: все, что они рассказывали о Стамбуле, о его улицах, о Турции, увлекает его.

Журналист Джеляль Салик столь резко критикует правительство из-за конфликта Америки и России еще и потому, что владелец газеты «Миллийет»^[39] – еврей. Толстяк, который торгует мыльными пузырями на углу у мечети Ага-Джами и которого весь Стамбул называет «воздушным шаром», конечно же, полицейский агент, и главным его заданием является служить прикрытием для двух агентов на другом конце улицы, один из которых чистильщик обуви, а другой – продавец жареной печени. Когда клиенты кондитерской «Хюнкяр», что неподалеку от кинотеатра «Хюнкяр», где делают молочный кисель на рисовой муке, оставляют недоеденным куриный плов или куриный суп, официанты не выкидывают его, а перекладывают в алюминиевые кастрюли, смывают лишние объедки горячей водой и подают клиентам вновь. Банда выходцев из города Сюрмене, которая захватила дома, по закону принадлежавшие грекам, эмигрировавшим в Афины, сдала их владельцам борделей, у которых, в свою очередь, прекрасные отношения с полицейским управлением Бейоглу. ЦРУ скоро направит аятоллу Хомейни в Тегеран на частном самолете, чтобы подавить там начавшееся в эти дни восстание. Скоро произойдет военный переворот, и генерал Тайяр-паша будет объявлен президентом республики.

– Ну вы и заливать горазды! – сказал однажды Ферхат.

– Что ты, братец! Один из наших земляков из Мардина своими глазами видел, как генерал входил в шестьдесят шестой номер дома свиданий на улице Сырасельвилер!

– Генерал Тайяр-паша командует стамбульским гарнизоном, зачем ему самому ходить в бордели? Сводники сами приведут ему самую красивую женщину, какую он только пожелает!

– Братишка, паша, должно быть, жены своей боится! Наш земляк из Мардина собственными глазами видел генерала в шестьдесят шестом номере... Ты, конечно, не веришь, нос воротишь от тех, кто родом

из Мардина, но, если бы ты хотя бы раз там побывал, вдохнул тамошний воздух, попил бы тамошней воды, погостил бы у нас, тебе бы не захотелось оттуда уезжать.

Иногда Ферхат терял терпение:

– Раз уж Мардин так прекрасен, то чего вы тогда приехали в Стамбул?

Мойщики в ответ только смеялись, словно слышали шутку.

– На самом деле мы из деревни под Мардином. Мы приехали в Стамбул, не заезжая в Мардин, – серьезно сказал тем вечером один из них. – В Стамбуле нам никто, кроме мардинцев, не помогает... А мы таким способом их благодарим.

Иногда Ферхат ругал этих добродушных парней:

– Вы же курды, у вас вообще нет классового сознания, чтобы о чем-то таком рассуждать! – А потом добавлял: – Все, уже поздно, вам пора идти спать.

И они уходили к себе.

Ферхат. Если вы внимательно следите за этой историей, то вы, должно быть, давно поняли, что на Мевлюта очень сложно рассердиться, но я рассердился. Однажды к нам в ресторан пришел его отец. Мевлюта как раз не было. Я спросил, что случилось, Мустафа-эфенди рассказал мне, что Мевлют ходил на свадьбу к Коркуту. Когда я услышал, что Мевлют якшается с людьми Вурала, на руках которого кровь стольких парней, я понял, что не смогу переварить эту новость. Мне не хотелось ссориться с ним в ресторане перед другими официантами и клиентами, так что я побежал домой раньше его. Когда он пришел домой и я увидел невинное выражение его лица, половина моего гнева тут же улетучилась.

– Говорят, ты был у Коркута на свадьбе и даже денег ему подарил? – спросил я.

– Значит, отец был в ресторане. Так я и понял, – вздохнул Мевлют, поднимая голову от замеси бузы, которую готовил на вечер. – Ну что, грустным был мой отец? Как думаешь, с чего вдруг он рассказал тебе, что я ходил на свадьбу?

– Ему одиноко. Он хочет, чтобы ты вернулся домой.

– Он хочет, чтобы я с тобой поссорился и остался в Стамбуле, как он, совершенно один, без единого друга. Так что, идти мне домой?

– Не ходи.

– Всегда чувствую себя виноватым, когда начинается всякая политика, – сказал Мевлют. – Уму непостижимо все это. Я влюбился в одну девушку. Все время думаю о ней.

– Кто она?

Мевлют помолчал, а потом проговорил:
– Я скажу тебе вечером.



Но Мевлют должен был работать целый день, прежде чем с Ферхатом и обоими мойщиками посуды дома, вечером, он мог поговорить за стаканчиком раки. В обычный зимний день 1979 года Мевлют сначала должен был пойти в Тепебаши и взять заготовки бузы, которую последние два года лавка «Вефа» подвозила на пикапе торговцам; затем вернуться домой, чтобы добавить сахара в бузу, которую он будет продавать вечером, все это время думая о письме к Райихе; а затем с полудня до трех часов дня ему нужно было обслуживать столики в ресторане «Карлыова». С трех до шести он доставлял йогурт со сливками постоянным клиентам и еще в три рестораника, затем шел домой и, продолжая думать о письме, которое напишет Райихе, немного спал, а в семь часов вечера вновь возвращался в «Карлыова».

После трехчасовой работы в ресторане «Карлыова», то есть как раз тогда, когда клиенты напивались, а между самыми горячими головами и вечно недовольными вспыхивала перепалка, Мевлют снимал с себя фартук и отправлялся на холодную темную улицу торговать бузой. Ему не в тягость была эта лишняя работа в конце дня и потому, что его ждали клиенты, любители бузы, и потому, что ему нравилось бродить в одиночестве по ночным улицам, и потому, что на разноске бузы он зарабатывал больше, чем на работе официантом и на разноске йогурта, вместе взятых.

К тому же если спрос на услуги уличных торговцев йогурта постоянно падал, то спрос на уличную бузу в вечернее время только возрастал. Тут играли роль постоянные вооруженные столкновения между националистами и коммунистами. Многие стамбульские семейства, которые теперь боялись выходить даже по субботам, предпочитали улицу и торговцев на тротуарах разглядывать по вечерам из окна. Им нравилось ждать Мевлута, прислушиваясь к эху его шагов. Глотая бузу, они вспоминали прежние счастливые дни. С продажами йогурта дело обстояло трудно, но, несмотря на это, благодаря бузе уличные торговцы

из Бейшехира по-прежнему хорошо зарабатывали. В лавке «Вефа» Мевлют собственными ушами слышал, что разносчики бузы стали появляться там, куда они редко заходили прежде, – в районах Балат, Касым-Паша и Гази-Османпаша. По ночам город доставался вооруженным шайкам, развешивающим по улицам политические плакаты, собакам, бездомным, рывшимся в мусорных баках, и разносчикам бузы, и Мевлют после шумного ресторана и толпы Бейоглу, спускаясь по какой-нибудь темной тихой улице на окраине Ферикёя, ощущал себя дома, в своем собственном мире. Иногда ветви какого-нибудь дерева, давно потерявшего листья, дрожавшие, хотя ветра не было, или какой-нибудь политический лозунг на заброшенном мраморном чешме с расколотой раковиной отчего-то пугали его, словно крики совы на крошечном кладбище за мечетью, хотя все это было ему хорошо знакомо. «Буза-а-а!» – кричал тогда Мевлют прошлому. Иногда он заглядывал в окно какого-нибудь маленького дома и фантазировал, как в будущем они будут жить в таком же доме вместе с Райихой, представляя все прекрасные счастливые дни, которые ожидают их.

Ферхат.

– Если этой девушке – как, ты сказал, ее звали, Райиха? – если этой девушке действительно четырнадцать лет, то она и в самом деле еще маленькая, – сказал я.

– Но мы же не сразу поженимся, – ответил Мевлют. – Я уйду в армию... А когда вернусь, она как раз дорастет до свадьбы.

– С чего вдруг совершенно незнакомая с тобой девушка, и к тому же красивая, будет ждать твоего возвращения из армии?

– Я уже думал об этом, и на этот вопрос у меня два ответа, – сказал Мевлют. – Первый: на свадьбе наши взгляды встретились. Наверняка ей тоже хотелось смотреть на меня. И почему она специально пошла от своего стола к столу своего отца именно тогда, когда я был там? Даже если и это случайность, то я уверен, что Райиха все равно, как и я, почувствовала, что в том, что наши взгляды встретились, скрыт особый смысл.

– Расскажи, как ваши взгляды встретились.

– Знаешь, как бывает, когда смотришь человеку в глаза и понимаешь, что готов провести с ним всю жизнь...

– Запиши это, – посоветовал я. – Как она посмотрела на тебя?

– Она не стала стыдливо опускать глаза, как обычно делают девушки, когда смотрят в глаза молодого человека... Она смотрела прямо мне в глаза – смело и гордо.

– А как ты смотрел на нее? Покажи мне.

Мевлют представил, что перед ним Райиха, и посмотрел на меня так пылко, так искренне, что я был тронут.

– Ферхат, ты лучше меня напишешь письмо. Твои письма впечатляли даже европейских девушек.

– Хорошо, напишу. Но прежде ты должен мне сказать, что ты нашел в этой девушке. За что ты ее полюбил?

– Не называй Райиху «этой девушкой». Я люблю ее за все.

– И все-таки за что?

– У нее черные глаза... Мы стояли очень близко, когда смотрели друг на друга.

– Об этом я напишу... А еще? Ты знаешь о ней что-нибудь еще?

– Больше я о ней ничего не знаю, потому что мы еще не женаты... – с улыбкой сказал Мевлют.

– Если ты встретишь ее завтра на улице, ты узнаешь ее?

– Издалека не узнаю. Но глаза ее я узнаю сразу. Ведь все знают, какая она красивая.

– Если все знают, какая она красивая, тогда... – Я собирался сказать ему «тебе ее не отдадут», но вместо этого произнес: – Тогда дело твое трудное.

– Я на все готов ради нее.

– А вот письмо ей от тебя пишу я.

– Пожалуйста, будь так добр и напиши это письмо ради меня!

– Напишу. Но ты знаешь, одного письма недостаточно.

– Принести тебе ручку и бумагу?

– Погоди. Давай сначала поговорим и подумаем, что написать.

Вскоре нам пришлось прервать наш разговор, потому что пришли посудомойщики из Мардина.

16. Как написать любовное письмо?

Твои глаза как волшебные стрелы

У них ушло много времени на то, чтобы написать первое письмо Райихе. Они начали писать его в феврале 1979 года, когда на улице в Нишанташи был застрелен известный колумнист газеты «Миллийет» Джеляль Салик, а аятолла Хомейни прилетел в Тегеран и иранский шах сбежал из страны. Мойщики посуды из Мардина, давно предсказавшие все эти события, ободренные своей дальновидностью, принимали участие в ежевечерних обсуждениях любовного письма.

Только заядлый оптимизм Мевлюта позволял всем содействовать столь свободно. Когда над ним смеялись, он лишь улыбался. Даже когда ему специально давали бесполезные советы – например, «Отправь ей леденцы», или «Не пиши ей, что ты официант, напиши, что работаешь в пищевой промышленности», или «Напиши ей о том, как дядя забрал вашу землю», – он тут же начинал обдумывать это, а затем, благосклонно улыбаясь, принимался с серьезным видом обсуждать.

После многомесячных прений они решили, что эти письма должны основываться не на наблюдениях Мевлюта за женщинами, а скорее на том, что он знает о Райихе. Логика диктовала им сосредоточиться на ее глазах, поскольку глаза были единственным, что Мевлют знал в Райихе.

– Эти глаза сияют передо мной, когда я иду по темной ночной улице, – сказал однажды ночью Мевлют Ферхату.

Тому очень понравилось это предложение, так что он включил его в черновик, заменив «эти глаза» на «твои глаза». Правда, сначала Ферхат был против того, чтобы писать о ночных прогулках по улицам, потому что они могут выдать, что Мевлют работает разносчиком бузы, но Мевлют не послушал его. Райиха все равно когда-нибудь узнает, что Мевлют торгует бузой.

После бесконечных споров Ферхат записал второе предложение: «Твои глаза как волшебные стрелы, что вонзились мне в сердце и пленили меня». «Волшебные» было уж слишком книжным словом, но посудомойщики из Мардина уверили: «У нас в Мардине такое слово часто говорят», и это определило выбор. Написание этих двух предложений заняло у них две недели. Разнося по вечерам бузу, Мевлют в нетерпении размышлял о третьем предложении.

«Я стал твоим пленником, я могу думать только о твоих глазах с той

минуты, когда они нашли путь к моему сердцу». С этим предложением Мевлют и Ферхат были согласны оба и сразу, потому что Райиха должна была понять, почему Мевлют оказался пленен.

В один из вечеров, посвященных написанию третьего предложения, один из мардинских посудомойщиков, тот, что был повеселее и поспокойнее другого, спросил: «А что, братишка, ты и в самом деле весь день думаешь об этой девушке? – и, увидев, как Мевлют на мгновение замолчал, извиняющимся тоном переспросил: – Ну правда, как же можно думать о девушке, которую и видел-то одно мгновение?»

– Так об этом-то мы и пишем, дурень ты этакий! – рассердившись, пришел на выручку Ферхат. – Он видел ее глаза, вот о них он и думает...

– Не пойми меня неверно, братец, – продолжал парень. – Я уважаю чувство нашего брата Мевлюта и поддерживаю его. Но если ближе познакомиться с девушкой, то можно еще сильнее влюбиться.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ферхат.

– У нас был приятель из Мардина, он работал на фармацевтической фабрике «Эджзаджибаши». Каждый день на упаковочной линии завода он видел одну девушку своего возраста. Как и другие девушки этого цеха, она носила голубой передник. Наш приятель из Мардина и эта девушка проводили по восемь часов в день лицом к лицу друг с другом, а еще им нужно было разговаривать по работе. Его тоже вначале одолевали все эти странные чувства – то в жар его бросает, то в холод, даже в лазарет попал. Ну то есть сначала он не понял даже, что влюбился в эту девушку. И не хотел даже думать об этом. Потому что на самом деле в девушке не было ничего красивого – ни глаз там, ни еще чего другого. Но он по уши влюбился в нее только потому, что однажды целый день был рядом с ней и разговаривал.

– А что было потом? – спросил Мевлют.

– Девушку выдали замуж за другого. А парень уехал в Мардин и покончил с собой.

На мгновение Мевлют опечалился, что его может ожидать подобная участь. Насколько Райиха в действительности намеревалась встречаться с ним взглядом? В те вечера, когда Мевлют не пил раки, ему приходилось честно признаться себе, что их встреча носила элемент случайности. Но в минуты, когда глубокая любовь захватывала его, он говорил себе, что такое великое чувство может быть только по воле Всевышнего Аллаха. Что касается Ферхата, ему очень хотелось, чтобы Мевлют намекнул в своем письме, что этим взглядом, который длился мгновение, Райиха тоже хотела что-то сказать. В итоге написали они так: «Я подумал,

что если бы у тебя не было беспощадного намерения, то ты никогда бы не преградила мне путь многозначительным взглядом и никогда бы не похитила мое сердце, словно разбойник на дороге».

Можно было обращаться к Райихе на «ты» в середине письма, но они с Ферхатом долго не могли решить, как Мевлюту следует обратиться к ней в начале письма. Однажды вечером Ферхат вернулся с книгой «Образцы прекрасных любовных писем и о том, как их писать». Он громко прочитал все формы обращения, которые выбрал из нее, чтобы убедиться, что они воспринимаются всерьез, но каждый раз Мевлют перебивал его и спорил. Нельзя было обратиться к Райихе «госпожа». «Уважаемая Райиха» тоже. «Маленькая госпожа» тоже звучало странно. (Хотя слово «маленькая» годилось.) Такие слова, как «моя любимая», «моя красавица», «мой друг», «мой ангел», «моя единственная», казались Мевлюту слишком развязными. (В книге было полно предостережений о том, что первые письма не должны быть развязными.) Тем же вечером Мевлют забрал книгу у Ферхата и принялся внимательно ее изучать. Ему, конечно, понравились такие выражения, как «О красавица с томными глазами!», «О красавица с глазами шайтана!», «О красавица с таинственными глазами!», но он боялся быть неверно понятым. И только спустя много недель, когда они дописывали девятнадцатое, последнее предложение, они определились с обращением, которое устраивало всех: «Нежноглазая».

Когда Ферхат увидел, что книга, которую он принес, вдохновляет Мевлюта, он отправился по складам букинистических магазинов на проспекте Бабыали, в которых пылились книги на популярные темы, такие как народная поэзия; истории о доблестных богатырях-пехливанах; ислам и секс-советы; о том, как провести брачную ночь; Лейла и Меджнун [\[40\]](#); и принес своему другу еще шесть пособий. Мевлют должен был внимательно рассмотреть картинки, на которых были изображены белокожие женщины с голубыми глазами, каштановыми волосами, губами в красной помаде и ногтями с красным лаком и мужчины при галстуках, похожие на героев американского кино; ему предстояло разрезать кухонным ножиком ароматные страницы и, когда выдастся минутка, то есть или утром, перед тем как отправиться разносить йогурт, или вечером, после того как он вернется, распродав бузу, внимательно прочесть образцы писем и советы авторов этих книг влюбленным.

Книги были составлены по одному принципу, образцы писем были расположены в том же порядке, в котором обычно развивается любовь: первая случайная встреча, взгляд, следующая встреча, уже не случайная, свидание, счастье, тоска, ссора. Пролистав каждую книгу до конца

в поисках подходящих фраз и выражений, которые он мог бы использовать в письмах, Мевлют обнаружил, что все любовные истории проходят одни и те же ступени развития. Они с Райихой еще в самом начале. В некоторых книгах вместе с письмами-образцами для мужчин приводились возможные ответы девушек. Мевлют представлял себе самых разных людей, страдавших от любви, флиртовавших, переживавших разочарование. Их жизни открывались перед ним, словно страницы романа, и он сравнивал с ними свою.

Его заинтересовали любовные истории, которые развивались неудачно и завершились расставанием. Мевлют узнал, что, когда «романтические отношения не заканчиваются свадьбой», обе стороны могут попросить друг друга вернуть свои письма.

«Если с Райихой не сложится, упаси Аллах, и она попросит меня вернуть свои письма, то я их верну, – решил он однажды вечером после второго стаканчика раки. – Но свои письма я у нее назад никогда не попрошу, она может хранить их до Судного дня».

Мужчина и женщина на обложке одной из книг выглядели звездной парой европейского кино. Перед этой парочкой на столе лежала пачка писем, перевязанных розовой лентой. Мевлют поклялся написать Райихе столько писем, чтобы получилась такая же пачка, – наверное, не меньше двухсот. Он понимал, что именно бумага, которую он выберет для своих писем, ее запах, конверты, в которые они будут запечатаны, и, конечно же, подарки, которые он может отправить вместе со своими посланиями, станут ключом к ее сердцу. Спорили они с Ферхатом до утра. Например, однажды до утра проспорили о том, какими духами надушить письмо и где их купить, и даже опробовали несколько дешевых ароматов.

Они уже почти решили, что лучшим подарком к письму будет синяя бусина, амулет от сглаза, когда Мевлюта встревожило совершенно иное письмо. Письмо в грубом государственном конверте, сделанном из грубой пеньковой бумаги, прошло через многие руки, прежде чем однажды вечером было отдано Мевлюту Сулейманом, и к этому моменту уже многие знали его содержание. Так как Мевлют больше не числился в мужском лицее имени Ататюрка, власти начали его розыск в деревне для регистрации в военном комиссариате.

Когда полицейские из управления Бейоглу впервые нагрянули в ресторан, где работал Мевлют, тот вместе с Ферхатом искал в Султанхамаме и на крытом рынке подходящий амулет от сглаза и носовой платок для Райихи, и, хотя другие сотрудники ресторана были застигнуты вопросами врасплох, они сообщили полицейским то, что обычно сообщают

в таких ситуациях все люди в Стамбуле: «Ах, вам нужен он? Так он вернулся в деревню!»

– Теперь они отправят жандармов в деревню, и пока узнают, что тебя там нет, пройдет два месяца, – сказал Курд Кадри. – В твоём возрасте от армии пытаются увернуться либо холёные сынки богатеёв, для которых армия – слишком грубая штука, либо те, кто в двадцать лет додумался, как заработать много денег, и не может бросить все как раз тогда, когда тесто уже совсем подошло. Сколько тебе лет, Мевлют?

– Двадцать два.

– Ну что, ты теперь уже большой мальчик. Тебе пора идти служить в армии. В этом ресторане все равно дела плохи. А то, что вы тут зарабатываете, – не деньги. Ты что, боишься службы, боишься побоев? Не бойся, ну побьют тебя немного, но в армии все по справедливости. Мальчика с таким невинным лицом много бить не будут, если станешь делать, что тебе велят.

Мевлют решил воспользоваться советом. Он отправился в военный комиссариат Бейоглу, который располагался у дворца Долмабахче, и, когда показывал полученное письмо дежурному офицеру, какой-то другой офицер, звания которого он определить не смог, отругал его за то, что он стоит по стойке смирно в неположенном месте. Подобное обращение напугало Мевлута, но он не растерялся. Когда он вышел на улицу, то почувствовал, что после армии сумеет сразу вернуться к обычной жизни.

Он подумал и о том, что отец воспримет эту весть с радостью. Мевлют сходил повидать отца на Кюльтепе. Они обнялись и поцеловались. Пустой дом показался ему ещё более печальным и грустным, чем был. Только теперь Мевлют понял, как любит эту комнату, в которой он провёл десять лет своей жизни. Он открыл кухонный шкаф: старая помятая кастрюля на полке, ржавый подсвечник и тупые столовые приборы задели его за живое. Высохшая паста для заделки швов на окне, обращённом в сторону Дуттепе, пахла как старое воспоминание дождливой ночью. Остаться там на ночь с отцом Мевлют побоялся.

– Ты бываешь у дяди? – спросил отец.

– Нет, я вообще их не вижу, – сказал Мевлют, сознавая, что отец понимает, что он врет.

Говори они на эту тему раньше, он не смог бы не моргнув глазом выдать такую дерзкую ложь, он бы подыскал другой ответ, который бы немного расстроил отца, но ложью бы не был. Уже на пороге сын сделал то, что делал на каждый праздник: уважительно поцеловал руку отца.

– В армии из тебя сделают настоящего мужчину! – сказал Мустафа-

эфенди, провожая сына.

Зачем отец в последний момент произнес эти унижительные слова? Шагая к подножию Кюльтепе на автобусную остановку, Мевлют чувствовал, как на глаза ему навернулись слезы – из-за этого, а еще из-за дыма от бурого угля.

Спустя три недели в военном комиссариате Бейоглу он узнал, что обучение для новобранцев будет проходить в Бурдуре. Какое-то время он не мог вспомнить, где находится этот Бурдур.

– Не переживай, братец, из Харема в Бурдур каждый вечер отправляется четыре автобуса, – сообщил ему вечером один из мардинских посудомойщиков, тот, что был потише, и перечислил названия автобусных фирм. – Самая хорошая – «Газанфер Бильге». – А затем продолжил: – Ты уходишь в армию, но в сердце у тебя имя твоей возлюбленной, а в мыслях – ее глаза. Если у тебя есть возлюбленная, которой можно писать письма, служба в армии пройдет очень быстро... Откуда мне знать? У нас есть один приятель из Мардина...

17. Армейские будни Мевлюта

Ты решил, что ты дома?

За неполных два года службы Мевлют признал, что, не отслужив в армии, «настоящим мужчиной» стать невозможно; более того, в конце концов он сам начал рассуждать на свой лад: «Настоящим мужчиной не станешь, пока в армии не отслужишь». Ведь в армии он узнал свою мужскую суть, свое тело и познал его хрупкость.

До того как стать «настоящим мужчиной», Мевлют никогда не разделял свое тело и душу, считая все это «собой». Но в армии ему предстояло открыть, что тело его ему полностью не принадлежит и что даже если он полностью поручит его своим командирам, то сможет, по крайней мере, спасти свою душу и сохранить, таким образом, свои мысли и мечты. Во время знаменитого первого осмотра, который освобождал от армии злополучных парней, даже не знавших, что у них проблемы со здоровьем (уличные торговцы с туберкулезом, близорукие рабочие, глухие шведы), и хитрых богатеньких умников, которые, будучи здоровыми, платили докторам взятку, чтобы отвертеться, пожилой врач сказал Мевлюту: «Давай, сынок, снимай все с себя, здесь казарма, а вокруг одни мужчины», увидев, как тот стесняется.

Поверив доброму доктору, Мевлют разделся, полагая, что его сейчас же и осмотрят, но вместо этого его в одних трусах поставили в очередь таких же, как он, бедолаг. Все они держали свою одежду в руках, положить ее не разрешали, чтобы не было краж. Стоявшие в очереди, словно верующие перед входом в мечеть, держали в руках свои туфли, поставленные одна на другую, сверху на туфлях была сложена одежда, а на самом верху красовался лист осмотра, который врачам, проводившим его, предстояло заполнить, подписать и поставить свои печати.

Прождав в совершенно недвижавшейся очереди в холодном коридоре два часа, Мевлют узнал, что доктор еще даже не пришел. Что за осмотр предстоял, тоже никто не знал. Некоторые говорили, что проверять будут глаза, другие испуганно говорили: «Доктор, когда придет, будет не в глаза нам смотреть, а в задницу, так что гомиков всех сразу отсеют». Мевлют так испугался вероятности того, что кто-то засунет палец в его самое интимное место, что, забыв о неловкости, начал разговаривать с обнаженными товарищами по очереди. Он выяснил, что большинство, как и он сам, приехали из деревни, жили в кварталах гедже-конду и каждый из них, будь

то самый жалкий или самый тупой, непременно хвалился, что «у него здесь есть своя рука». Мевлют тут же вспомнил Хаджи Хамита Вурала, которому он даже не сказал, что идет в армию, и сказал, что «у него тоже есть рука», которая поможет ему пройти военную службу без забот.

Так он с первого дня понял, что частое упоминание о высоких связях спасет его от жестокости и насмешек других новобранцев. Он рассказывал в очереди одному парню, который тоже оказался с усами (хорошо, что я отпустил усы, думал Мевлют), что Хаджи Хамита Вурала знают абсолютно все, что он очень справедлив и всегда поможет, как вдруг раздался крик какого-то командира: «А ну-ка, молчать!» Все испуганно замолчали. «Не надо тут болтать, словно бабы в хамаме! Хватит скалиться! Сохраняйте достоинство! Здесь военный комиссариат. А вы хихикаете, как девочки!»

Одни новобранцы, застеснявшись командира, бросились прикрывать наготу одеждой и обувью, другие сделали вид, что очень испугались, а едва тот ушел, принялись болтать и перешучиваться еще громче. Мевлют чувствовал, что сможет договориться и с теми, и с другими, но боялся, что, если в армии все такие, он может показаться им всем чужаком и остаться в одиночестве.

Однако до самого момента присяги, когда закончилась строевая подготовка новобранцев, у него не нашлось времени ни на то, чтобы почувствовать себя чужаком, ни на то, чтобы почувствовать себя одиноким. Каждый день он, распевая народные турецкие песни-тюркю, по два-три часа бегал вместе со всей ротой, преодолевал препятствия, выполнял физические упражнения, наподобие тех, которые в лицее их заставлял делать Слепой Керим, и учился отдавать честь, раз за разом повторяя армейское приветствие перед настоящими или воображаемыми офицерами.

Уже спустя три дня пребывания на военной базе побои стали обычным делом, многократно свершавшимся у него на глазах. Кто-то из дуралееновобранцев умудрялся неверно надеть головной убор, хотя сержант много раз показывал, как надо его надевать; кто-то сгибал пальцы, отдавая честь, и тут же получал за это затрещину; кто-то путал право и лево во время тысячной по счету тренировки, а в ответ слышал унижительную брань командира и к тому же получал наказание отжаться на земле сто раз, на потеху всему взводу.

Однажды вечером за чаем Эмре Шашмаз из Анталы сказал:

– Братец, вот если бы мне кто-то рассказал, я бы не поверил – сколько в нашей стране тупиц и дурней! – (Он был владельцем лавки автозапчастей, и Мевлют испытывал к нему уважение, потому что считал

его серьезным человеком.) – Я до сих пор не могу понять, как можно быть такими тупыми? Таких даже колотить бесполезно!

– Братец, я думаю, главный вопрос заключается вот в чем. Их колотят потому, что они такие тупые? Или они тупеют потому, что их бьют? – вмешался в разговор Ахмет из Анкары.

У Ахмета тоже была своя лавка, только галантерейная. Мевлют тогда понял, что для того, чтобы иметь право выносить суждения о чьей-либо глупости, нужно, по крайней мере, иметь хотя бы одну лавку. На самом деле ему не очень-то нравилось, что говорят эти умники, с которыми он случайно оказался в одном взводе. Один капитан в четвертой роте, любивший погорлопанить, так жестоко обошелся с одним солдатом из Диярбакыра (в армии запрещено было употреблять слово «курд» или «алевит»), что бедолага-солдат, оказавшись в карцере, тут же повесился на собственном ремне. Мевлют очень сердился на обоих лавочников, которых совершенно не расстроило это происшествие; более того, они считали, что капитан был прав, и называли погибшего идиотом. Как и большинство солдат, Мевлют сам, бывало, задумывался о самоубийстве после каждой очередной нахлобучки, но потом, как и все, сводил любое происшествие к шутке и вскоре о нем забывал. Как-то через несколько дней после обеда Эмре и Ахмет, смеясь и разговаривая, выходили из столовой и в дверях наткнулись на рассерженного чем-то майора. Безмолвно и с удовольствием наблюдал Мевлют издали, как майор залепил обоим в хорошо выбритые щеки по две звонкие затрешины.

Вечером за чаем Ахмет из Анкары пообещал:

– После армии я разыщу этого говнюка, и пойдет он у меня туда, откуда мать его родила!

– Перестань, не бери ты в голову, братец! – попытался успокоить его Эмре из Анталы. – Разве можно искать какую-то логику в том, что происходит в армии!

Мевлют зауважал Эмре за гибкость и опытность, которые помогли ему быстро забыть о пощечине. Однако слова о том, что в армии нет логики, принадлежали не ему, а были любимой поговоркой командиров. Если кто-то из подчиненных пытался отыскать логику в очередном приказе, они обычно кричали: «Я могу лишить вас увольнительной на два выходных подряд только потому, что мне так хочется, или заставить вас ползать в грязи, и вы тогда вообще пожалеете, что на свет родились!» – а затем обычно выполняли обещанное.

Несколько дней спустя Мевлют тоже получил свою первую затрещину и понял, что побои были на самом деле не так ужасны, как он себе

представлял. Так как заняться было нечем, его взводу велели убирать мусор вокруг части, и они собрали все спички, окурки и сухие листья, какие только нашли. Когда все собрали, солдаты разошлись по сторонам и закурили, как вдруг откуда ни возьмись появился какой-то командир (Мевлют так и не научился разбираться в званиях по знакам отличия на погонах), который тут же заорал: «Это что за самоволка!» Он выстроил взвод и ударил каждого из солдат по лицу. Мевлюту было очень больно, но он был доволен, что так быстро, без особых проблем, пережил то, чего так сильно боялся, – первые побои. Высокий Назми из Назилли был первым в шеренге, поэтому ему достался самый сильный удар, и после удара он смотрел вокруг себя так, будто готов убить любого. Мевлют попытался его утешить.

– Не печалься, братец, – сказал он ему. – Посмотри на меня, я уже обо всем и думать забыл!

– Тебя он так сильно не бил, как меня! – сердито отозвался Назми. – Это все потому, что ты смазливый, как девчонка.

Мевлют подумал, что в чем-то он прав.

Кто-то рядом произнес:

– Армии все равно, красивый ты или урод, симпатичный или страшный. Бьют всех одинаково.

– Не надо себя обманывать, ребята. Если ты с востока, смуглый, если у тебя темные глаза, то побоев тебе достанется намного больше.

Мевлют не стал принимать участия в этом споре. Он уверил себя в том, что полученная затрещина не была оскорбительной, потому что получил он ее не по своей вине.

Однако два дня спустя, когда он шел задумавшись (интересно, сколько прошло времени с тех пор, как Сулейман доставил письмо Райихе?), с расстегнутым воротничком, абсолютно не по уставу, его вдруг остановил лейтенант. Он два раза наотмашь ударил Мевлюта ладонью и тыльной стороной руки и обозвал его идиотом. «Ты что, у себя дома, что ли? Из какой ты роты?» А затем зашагал прочь, даже не удосужившись выслушать ответ Мевлюта.

Хотя за двадцать месяцев службы в армии Мевлюту предстояло получить еще множество пощечин и затрещин и не раз быть битым, но этот случай задел его гордость особенно, а все потому, что Мевлют решил – ведь лейтенант прав. Верно, в ту минуту он и вправду думал о Райихе и совершенно позабыл и о своей форме, и о должном приветствии, и о том, куда идет.

Тем вечером Мевлют лег раньше всех, натянул на голову одеяло

и принялся с тоской размышлять о собственной жизни. Конечно же, ему хотелось оказаться сейчас в доме на Тарлабаши с Ферхатом и ребятами из Мардина, но ведь и тот дом не был его собственным. Единственное место, которое он мог называть своим домом, была их с отцом лачуга на Кюльтепе, где сейчас отец наверняка дремлет перед телевизором, но тот дом до сих пор и документа-то никакого не имел.

По утрам Мевлют открывал наугад книгу про то, как писать любовные письма, которую прятал под свитерами на дне шкафа, и, прикрываясь дверцей шкафа, несколько минут читал какую-нибудь страницу, которая будет занимать его разум весь день, а затем, во время бессмысленных тренировок и бесконечных пробежек, размышлял о будущих письмах к Райихе. Он старался запомнить те прекрасные слова, а когда по выходным его отпускали в увольнение, тщательно записывал все на бумагу, а записанное отправлял в Стамбул, на Дуттепе. Самым большим счастьем для него было сидеть где-нибудь за столом в забытом Аллахом углу на междугороднем автовокзале и писать письмо Райихе, иногда даже ощущая себя поэтом, а вот кофейни и кинотеатры, куда ходили другие солдаты, он не любил.

Когда четырехмесячный курс молодого бойца подошел к концу, Мевлют уже знал, как обращаться со штурмовой винтовкой G-3, как рапортовать офицеру (это ему удавалось немного лучше, чем другим), как стоять по стойке смирно, как подчиняться приказам (это он делал так же, как и все), как докладывать обстановку и как лгать и вести двойную игру, если того требуют обстоятельства (это ему удавалось несколько хуже, чем другим).

Некоторые вещи ему не удавались, но он не мог решить отчего – из-за собственной ли неловкости или из-за моральных убеждений.

– Слушайте все, сейчас я ухожу и вернусь через полчаса, а рота все это время будет продолжать тренировку, – говорил капитан. – Всем ясно?

– Есть, командир! – горланила в один голос рота.

Но как только командир скрывался за углом желтого здания штаба, половина роты тут же ложилась на землю и принималась курить и болтать. Из оставшихся часть продолжала тренироваться до тех пор, пока не убеждалась, что командир действительно ушел, а часть делала вид, что тренируется (Мевлют был как раз из этих последних). Так как над теми, кто искренне и ретиво выполнял задание, все смеялись и даже пинали их со словами: «Вы что, чокнутые?» – в конце концов и они бросали выполнять задание. И зачем тогда все это было нужно?

Как-то раз, на третий месяц службы, за вечерним чаем Мевлют

набрался смелости и спросил обо всем этом обоих лавочников.

– Ну какой же ты все-таки наивный, Мевлют! – воскликнул лавочник из Анталы.

– Или ты просто прикидываешься! – засомневался лавочник из Анкары.

«Если бы у меня была своя лавка, как у них, пусть маленькая, я бы обязательно окончил лицей, университет и в армии служил бы офицером», – размышлял Мевлют. Он больше не уважал обоих лавочников, но знал, что, если он разорвет с ними дружбу прямо сейчас, за ним все равно останется роль «смазливого дурачка на побегушках» и с ним больше никто не станет дружить. И ему все равно придется снимать кепи, чтобы взяться за чайник с разбитой ручкой, как это делали все.

При жеребьевке ему досталась служба в танковой бригаде Карса. Были и такие счастливчики, кто вытянул Западную Анатолию и даже Стамбул. Поговаривали, что жеребьевка не совсем честная. Но Мевлют не завидовал, не обижался и не печалился, что ему предстоит провести шестнадцать месяцев в самом холодном и бедном городе Турции на русской границе.

Не заезжая в Стамбул, он доехал на автобусе до Карса за один день, сделав пересадку в Анкаре. В 1980-м году Карс был невероятно бедным городом, население которого составляло пятьдесят тысяч человек. Шагая с чемоданом в руке с автовокзала в расположенную прямо в центре города казарму, он разглядывал улицы, исписанные левацкими лозунгами, а подписи под лозунгами были совсем такими же, как на стенах домов Кюльтепе.

Гарнизон показался Мевлюту тихим и спокойным. Военные, стоявшие в Карсе, держались подальше от политических распри – не считая, конечно, сотрудников Национального разведывательного управления. Жандармы, конечно, иногда устраивали облавы на левацких боевиков в деревнях, на фермах и сыродельнях, но их казармы стояли далеко от гарнизонных казарм.

В первый месяц по приезде в город как-то на утреннем построении командир спросил, чем он занимался до службы в армии, и Мевлют ответил, что был официантом. После этого его отправили работать в гарнизонную столовую. Это помогло ему в дальнейшем избежать караулов на морозе, а также глупых приказов командиров. Теперь у него появилось время на письма Райихе за маленьким столиком в спальне или за кухонными столами в гарнизонной столовой, пока никто не видел. По радио передавали народные анатолийские песни-тюркю, а еще знаменитую песню «Нихавенд» турецкого композитора Эрола Сайина,

которую исполняла известная певица Эмель Сайин. В песне были такие слова: «Нельзя забыть тот первый взгляд, проникший в сердце». Мевлют слушал песню, и слова лились на страницы сами собой. Почти все солдаты, которых отправляли в штаб гарнизона либо в казармы, чтобы что-то отремонтировать или покрасить, и которые из всех сил старались изобразить, будто что-то делают, держали у себя в кармане маленькие переносные транзисторы. Так что у Мевлюта в тот год развился музыкальный вкус, и, вдохновленный анатолийскими народными песнями-тюркю, он написал своей возлюбленной множество писем, в которых говорил, что у нее «кокетливый взгляд», «глаза как у газели», «нежный взгляд из-под ресниц», «черные как ночь глаза», «нежный взгляд с поволокой», «глаза роковой женщины», «взгляды как кинжалы», «взгляд, который околдовывает».

По мере того как он писал Райихе, ему начинало казаться, что он знаком с ней давно, с самого детства, что они – родственные души. Ему казалось, что с каждым письмом, с каждым словом, с каждым предложением создается и даже укрепляется их близость с Райихой и что в будущем они обязательно переживут вместе все то, что сейчас рисует ему фантазия.

Как-то раз в конце лета Мевлют на кухне выговаривал одному из поваров (баклажанное ассорти, поданное одному из командиров, оказалось холодным). Тот был изрядно рассержен. Кто-то взял Мевлюта за руку. Человек оказался огромным, Мевлют на мгновение даже испугался.

– О господи, Мохини! – затем воскликнул он.

Двое друзей обнялись и расцеловались.

– Обычно в армии худеют, высыхают, а ты, смотрите-ка, поправился! – смеялся Мохини.

– Я состою официантом при столовой, – сказал Мевлют. – Ну и отъелся, как кот в мясной лавке.

– А я при казармах состою парикмахером! – радостно сообщил Мохини.

Мохини прибыл в Карс две недели назад. Лицей он окончить так и не смог, и отец отдал его в подмастерья одному дамскому парикмахеру. Так что, конечно, совершенно не сложно было, служа в армии, осветлять волосы офицерским женам. Но когда они вдвоем отправились в увольнение и зашли в чайную напротив отеля «Азия» посмотреть футбольный матч, Мохини начал жаловаться.

Мохини. Работенка моя в парикмахерской при казарме, по правде,

совсем не сложная. Единственная забота – оказывать внимание и почтение каждой посетительнице согласно званию ее мужа. Самую красивую прическу нужно сделать и самые приятные слова нужно сказать коротышке-жене нашего командира гарнизона генерала Тургут-паши. Чуть поменьше надо хвалить тощую жену его подчиненного, подполковника, а еще меньше времени и сил тратить на жен офицеров званием помладше, но при этом следить, чтобы не нарушился порядок старшинства. Все это невероятно изматывало меня. Я рассказал Мевлюту, как однажды так расхвалил каштановые волосы красавицы-жены одного молоденького офицера, что все жены старшего командования, начиная с жены Тургут-паши, начали презрительно воротить от меня нос.

Внимательная жена нашего майора говорила: «Смотри не осветли мне волосы ярче, чем жене Тургут-паши». Я знал, кто, где и с кем играет в кункен^[41], у кого когда гости, кто, где, с кем и какой смотрит сериал и в какой печке какое курабье получится. У некоторых клиенток я пел на днях рождения детей; перед кем-то жонглировал; бегал в магазины за покупками для тех дам, которые не любят выходить за ворота гарнизона; а дочери одной из дам даже помогал делать домашнее задание по математике.

– Можно подумать, ты в математике разбираешься, Мохини! – насмешливо перебил меня Мевлют. – Ты что, трахнул дочку паши?

– Что ты мелешь такое, Мевлют? Как не стыдно! Я смотрю, ты в армии испортился и язык твой испортился... Так всегда говорят солдаты, которые находят себе работу при штабе или в казармах, прислуживают, пресмыкаются по домам генералов и которых ругают и унижают целый день, так что вечером они, вернувшись в казарму, чтобы хоть как-то спасти свою гордость, рассказывают всем: «У меня интрижка с дочерью паши». Ты что, тоже веришь в эти рассказы? А ведь Тургут-паша, между прочим, настоящий солдат, который совершенно не заслуживает таких мерзких слов. Именно он всегда защищает меня от капризов и ругани собственной жены. Ты понял?



То были самые правдивые слова, слышанные им от солдата за все

время службы в армии. Мевлюту стало стыдно.

– Признаться, паша действительно хороший человек, – сказал Мевлют. – Прости меня. Давай обнимемся, не держи на меня зла.

Как только он произнес это, сразу понял одну вещь, которую скрывал даже от самого себя: с того момента, как он видел Мохини последний раз в лицо, тот стал выглядеть как-то женоподобно, и стало ясно, что на самом деле он гей. Замечал ли это сам Мохини? Следовало ли Мевлюту показать, что он это заметил? Мгновение они пристально смотрели друг другу в глаза.

Тургут-паша быстро узнал, что солдат-парикмахер его жены – школьный друг солдата-официанта из гарнизонной столовой. Так Мевлют начал бывать в доме паши по особым поручениям. Иногда его просили что-нибудь покрасить, например шкаф на кухне, иногда он играл с детьми генерала в кучера и лошадей (в Карсе вместо такси все ездили на повозках). Командованию взвода и коменданту казарм сообщили, что Мевлют иногда будет задерживаться дома у генерала, чтобы подготовить все необходимое к приходу гостей, а это мгновенно подняло Мевлюта в глазах товарищей на целую ступень, и про него стали говорить, что он пользуется протекцией «самого генерала». Мевлюту нравилось наблюдать, как сплетни о его новом особенном положении разлетелись сначала по взводу, а потом и по всему гарнизону. Те, кто раньше, завидев его, спрашивали с издевкой: «Ну что, как там дела, смазливенький?» – и принимались к нему приставать, словно он гей, шутки свои прекратили. Лейтенанты стали обращаться с Мевлютом так внимательно, будто он был сыном богатых родителей, по ошибке попавшим в Карс. Некоторые даже просили разузнать его от жены паши секретные подробности маневров, которые должны были пройти на границе с Россией. Больше никто Мевлюта ни в чем не упрекал.

18. Военный переворот

Кладбище индустриального квартала

Маневры, секретные подробности которых всем так хотелось узнать, так и не были проведены, потому что в ночь на 12 сентября произошел еще один военный переворот. Мевлют понял, что происходит что-то необычное, по тому, как опустели городские улицы за забором гарнизона. Военные объявили по всей Турции чрезвычайное положение и комендантский час. Мевлют целый день смотрел по телевизору обращения генерала Эврена ^[42] к нации. Нынешняя пустота улиц, обычно заполненных крестьянами, ремесленниками, безработными, робкими горожанами и полицейскими в штатском, казалась ему собственной странной фантазией. Вечером Тургут-паша собрал весь гарнизон и сказал, что беспечные политики, которые только и думают что о собственной выгоде и голосах, привели страну к краю пропасти, но теперь трудные дни позади, единственный настоящий хозяин страны – ее вооруженные силы не дадут Турции погибнуть, а все террористы и сепаратисты понесут наказание. Потом он еще долго говорил о флаге, о крови героев, цвет которой и дан флагу, и об Ататюрке.

Через неделю в одном из обращений по телевизору Тургут-пашу объявили мэром Карса, и Мевлют с Мохини начали регулярно бывать в здании мэрии, которое находилось в десяти минутах ходьбы от гарнизона. По утрам паша работал в гарнизоне, отдавая распоряжения относительно судебных коммунистов, о которых ему докладывали осведомители, а перед обедом переезжал на своем джипе в мэрию, которая располагалась в старинном русском особняке. Иногда он шел до мэрии пешком, сопровождаемый телохранителями, и был очень доволен, когда по дороге ему встречались владельцы каких-нибудь лавок, благодарившие его за такой нужный стране военный переворот, а некоторые даже целовали руку, и если кто-то из них передавал ему письма, то он читал их лично и сразу по приходе в штаб. Важной задачей паши, ставшего теперь не только мэром города, но и главой временного правительства всей области, было выявлять случаи злоупотреблений и коррупции, расследовать их, а затем передавать подозреваемых в руки военной прокуратуры. А прокурор, который, как и паша, думал: «Всех невинных оправдают!» – с легкостью заводил судебные дела, а всех, против кого они были открыты, тут же помещал под стражу и принимался устрашать.

Военные не слишком изводили богачей, прославившихся беззаконием. Виновных по политическим статьям, коммунистов, которых, как правило, объявляли террористами, обычно в качестве наказания отправляли на фалаку. Ветер доносил до гарнизона крики арестованных во время облав в карсских гедже-конду молодых парней, которых пытали во время допросов, и Мевлют, шагавший в это время в казарму, виновато смотрел себе под ноги.

Как-то раз после Нового года, на одном из утренних построений, лейтенант из новеньких выкрикнул имя Мевлюта.

– Мевлют Караташ, Конья, слушаю, командир! – крикнул Мевлют и сделал шаг вперед, приветствуя офицера.

– Кониец, подойди-ка сюда, ко мне! – сказал лейтенант.

«Этот, наверное, еще не знает, что я пользуюсь протекцией паши», – подумал Мевлют. Хотя он ни разу в жизни не был в Конье, его каждый божий день называли конийцем, и все потому, что Бейшехир административно относился к Конийскому илу^[43], Мевлюта это раздражало, но виду он никогда не подавал.

– Соболезную тебе, кониец, отец твой в Стамбуле умер, – сказал новенький лейтенант. – Иди в роту, капитан даст тебе увольнительную.

Мевлюту дали отпуск на неделю. Ожидая на автовокзале автобуса в Стамбул, он выпил стаканчик раки. Он сидел в трящемся по ухабам автобусе и чувствовал, как глаза слипаются от странной тяжести. Наваливалась дремота, и в полусне он слышал, что отец ругает его за то, что он не успел на похороны, и за многие другие проступки в жизни.

Отец умер ночью во сне. Соседи обнаружили его два дня спустя. Пустая кровать была вся перевернута, словно отец торопливо ушел из дому. Пожившему в армейской казарме Мевлюту стамбульский дом вдруг показался жалким и убогим. Но в доме он почувствовал тот неподобный запах, которого почувствовать больше не мог нигде: то был запах отца и его собственный, Мевлюта, запах; запах их с отцом дыхания, запах пыли, печи и супов, которые на ней варились на протяжении двадцати лет; запах грязного белья, запах старых вещей. То был запах его жизни. Сначала Мевлют полагал, что проведет в комнате много часов, со слезами вспоминая отца, но в доме на него навалилась такая печаль и тоска, что он тут же убежал.

Похороны Мустафы-эфенди прошли через два часа после приезда Мевлюта на Кюльтепе, во время полуденного намаза в мечети Хаджи Хамита Вурала на Дуттепе. Мевлют привез с собой свою обычную одежду, но переодеваться не стал. Все, кто с грустным видом намеревался утешить

его, увидев, что он показался в солдатской форме, тут же начинали улыбаться.

Мевлют вместе с другими родственниками нес гроб на плече до самой могилы. Бросил в могилу несколько лопат земли. В какой-то момент он почувствовал, что вот-вот заплачет, у него подогнулись ноги, и он чуть было не упал в могилу. На похоронах было примерно тридцать пять – сорок человек. Сулейман обнял Мевлюта, они присели на соседнюю могилу. По надгробиям Мевлют понял, что он находится на участке кладбища индустриального квартала, где обычно хоронят приезжих. Оно располагалось на холмах, и, оглядевшись, Мевлют увидел, что все холмы покрыты могилами. Рассеянно вглядываясь в тексты надгробий, он понял, что на этом быстро увеличивавшемся кладбище нет ни одного человека, который родился бы в Стамбуле. Большинство похороненных здесь людей были родом из Сиваса, Эрзинджана, Эрзурума и Гюмюшхане.

На выходе с кладбища он, не торгуясь, договорился с мастером-мраморщиком об изготовлении памятника средних размеров. Текст надписи, навеянный текстами с только что виденных им надгробий, он набросал на бумажке и отдал мастеру: «Мустафа Караташ (1927–1981). Дженнет-Пынар, Бейшехир. Разносчик йогурта и бузы. Фатиха^[44] за упокой души его».

Он заметил, что военная форма красит его и в то же время придает солидность. Когда все пришедшие на похороны направились в кофейню на рынок Дуттепе, Мевлют ощутил, как он привязан к Кюльтепе, Дуттепе и ко всем этим людям, которые сейчас обнимали и утешали его. С изумлением заметил он и то, что в его сердце по отношению ко всем этим людям, и даже к дяде с двоюродными братьями, теплился и гнев, близкий к ненависти. Ему вдруг захотелось обложить их всех ни с того ни с сего по матери, как это делали все в армии, и он с трудом сдерживался.

Вечером за ужином тетя сказала Мевлюту, как ему идет армейская форма. Жаль, что мать не смогла приехать из деревни и увидеть сына таким. Мевлют не стал спрашивать Сулеймана о Райихе, оставшись с ним на несколько минут на кухне вдвоем, хотя спросить ему не терпелось. Потом они все вместе ели в тишине курицу с картошкой, глядя в телевизор.

Он представлял, как вечером сядет за колченогий стол и напишет письмо Райихе. Но, вернувшись домой на Кюльтепе, едва войдя в их с отцом невзрачную комнатушку, подумал о том, что отец больше никогда не войдет сюда, и его охватила такая тоска, что он тут же, бросившись на кровать, зарыдал. Плакал он очень долго, так и не сумев понять из-за чего – то ли из-за отца, то ли из-за собственного одиночества. Так он

и уснул, прямо в армейской форме.

Утром Мевлют снял форму и надел свою обычную одежду, которую почти год назад положил в чемодан, а затем отправился в Бейоглу, в ресторан «Карлыова». Но там его встретили не так, как он ожидал. Ферхат ушел в армию вскоре после него, почти все официанты сменились, а те, кто оставался из старых, были заняты клиентами. Так что Мевлют ушел разочарованный, так и не дождавшись того приема, который он воображал себе, когда часами стоял в карауле.

Кинотеатр «Эльязар» был на расстоянии десяти минут ходьбы от ресторана, и он направился туда. Войдя внутрь, он понял, что теперь совершенно не стесняется других мужчин. Теперь он прошел через толпу мужчин в фойе кинотеатра с высоко поднятой головой, глядя многим в глаза.

Все же, усевшись в кресло, он почувствовал облегчение, что наконец избавился от посторонних взглядов и что сейчас останется наедине с бесстыжими женщинами с экрана. Когда начался фильм, он сразу заметил, что бранные разговоры товарищей-солдат и нищета их духа оставили след и в его душе, – теперь он по-иному смотрел на женщин. Он чувствовал, что огрубел, стал циничным, то есть таким, как все. Теперь он мог смеяться, когда кто-то из зрителей непристойно шутил. Когда в антракте загорелся свет, Мевлют посмотрел на сидевших рядом с ним мужчин и увидел, что многие из них, как и он, острижены наголо. Он и раньше замечал таких людей, но только сейчас понял, что они, как и он, солдаты в увольнительной. Он просмотрел три фильма от начала до конца. Когда в немецком фильме, на середине которого он пришел, началась любовная сцена, во время которой герои ели виноград, он вышел. Дома он долго, много раз подряд, ублажал себя – до самого вечера.

Вечером, до крайности утомленный угрызениями совести и одиночеством, он направился на Дуттепе, к дяде.

– Все в порядке, можешь не беспокоиться, – сказал Сулейман, когда они остались вдвоем. – Райиха с восторгом читает все твои письма. Как ты научился писать такие красивые письма? Напишешь как-нибудь и для меня?

– Райиха будет писать мне ответ?

– Ей хочется, но она не будет... Отец ее сильно разгневается, если узнает. Когда они приезжали в последний раз – незадолго до переворота, – я еще раз убедился в том, как дочери любят отца. Они жили в нашей новой комнате.

Сулейман открыл дверь комнаты, в которой Горбун Абдурахман

с двумя дочерьми прожили неделю, когда приезжали из деревни навестить сестру, зажег свет и показал ее Мевлюту, словно экскурсовод – посетителю музея. Мевлют увидел две кровати.

Сулейман сразу понял, о чем подумал Мевлют. «Отец спал на этой кровати, а дочери первую ночь спали вместе на другой, но оказалось, что им тесно. Так что Райихе мы по вечерам стелили на полу».

Мевлют сконфуженно взглянул на пол, где была кровать Райихи. Каменный пол в доме у дяди был застелен паласами.

Он узнал, что и Ведиха в курсе их переписки, это его обрадовало. Ведиха, конечно же, не показывала виду, что знает о письмах и помогает доставлять их, но всякий раз, видя Мевлюта, нежно улыбалась ему. Так Мевлют сделал вывод, что Ведиха на его стороне.

А сама Ведиха, доводившаяся ему двоюродной невесткой, была тоже очень красива. Мевлют недолго поиграл с двумя ее сыновьями – старшим сыном Бозкуртом, который родился еще тогда, когда Мевлют работал в ресторане «Карлюова», и с младшим Тураном, который родился, уже когда Мевлют был в армии. После рождения второго сына Ведиха стала еще красивее, превратившись теперь уже в зрелую, статную женщину. Мевлюту очень нравилось смотреть, как любовно она обращается с детьми, и он чувствовал, что похожим образом, проявляя сестринскую любовь, она относится и к нему. Это ему очень нравилось. Правда, он считал, что Райиха даже красивее ее.

Большую часть времени в Стамбуле он провел за написанием новых писем Райихе. За год город стал для него чужим. После военного переворота Стамбул очень изменился. Со стен вновь исчезли все политические лозунги, а с проспектов и площадей – уличные торговцы. Все дома свиданий в Бейоглу были закрыты, а спекулянтов контрабандным виски и американскими сигаретами и дух простыл. Транспортное сообщение в городе стало лучше. Теперь водителям запретили останавливаться где попало. Из-за этих перемен Мевлют почему-то чувствовал себя чужим в городе, хотя некоторые из этих перемен нравились ему. Может быть, так было потому, что сейчас он слонялся без дела.

На следующий вечер он сказал Сулейману:

– Я попрошу тебя кое о чем, только не пойми меня неправильно. Ты можешь раздобыть мне ее фотографию?

– Райихи? Это невозможно.

– Почему?

– Она сестра моей невестки.

– Если бы у меня была ее фотография, я бы писал ей еще красивее.

– Поверь, Мевлют, красивее, чем пишешь ты, писать невозможно.

Свой домик Мевлют при помощи Сулеймана сдал одному из доверенных лиц Хаджи Хамита. Сдал он его без договора, потому что Сулейман сказал: «Человека мы хорошо знаем, зачем тебе договор, ты что, налоги платить собираешься?»

Прежде чем пустить нового жильца в дом, Мевлют собрал все свои вещи. Одежду, рубашки отца он решил сложить в один чемодан и, складывая, вновь ощутил тот самый запах. Мевлют почувствовал, что вот-вот снова заплачет, лег на кровать, свернувшись калачиком, но так и не заплакал. Он был обижен, зол на весь мир. Он уже давно понял, что после армии не станет возвращаться на Кюльтепе, в этот дом. Но когда настало время возвращаться в Карс, ему вдруг совершенно не захотелось уезжать. Все его существо протестовало. Ему не хотелось ни надевать форму, ни вновь возвращаться в армейскую жизнь. Теперь он ненавидел и командиров, и всех этих хвастливых дурней, с которыми служил. Сейчас он со страхом осознал, почему некоторые становятся дезертирами. Пересилив себя, он отправился в путь.

За последние несколько месяцев службы в Карсе он написал Райихе сорок семь писем. Времени у него на это было достаточно: его взяли в группу солдат, которым командир гарнизона приказал охранять мэрию. К тому же теперь он контролировал работу столовой мэрии, ее небольшую чайную комнату, а кроме того, был личным официантом Тургут-паши. Паша, не доверяя никому и будучи очень придирчив в еде, в мэрии никогда не обедал, поэтому быть его личным официантом было совсем не трудно: Мевлют сам заваривал генералу чай, сам варил ему кофе с одним кусочком сахара, доводя кофе до кипения два раза, и сам подносил ему воду или лимонад. Как-то раз генерал положил перед Мевлютом пирожок, купленный в одной из городских пекарен, а в другой раз – коробку с курабье, которую прислали из мэрии, и объяснил Мевлюту, на что в продуктах следует обращать внимание.

– Ну-ка, откуси немного... Чтобы нас в мэрии никто не отравил.

Мевлюту очень хотелось написать Райихе обо всем, что с ним происходит, но каждый раз он чего-то боялся и продолжал ей писать еще более поэтичные, страстные и красивые письма о прекрасных и нежных глазах. Эти письма он писал до последнего дня в армии, который очень долго не наступал, а когда наступил, никак не мог закончиться.

19. Мевлют и Райиха

Украсть девушку – трудное дело

Служба в армии для Мевлюта закончилась 17 марта 1982 года, и он на первом же автобусе вернулся из Карса в Стамбул. Он снял себе крошечную квартирку, занимавшую весь второй этаж в старом греческом доме на две улицы ниже от общежития ресторана «Карлыова», и устроился на работу официантом в самое обычное кафе. На блошином рынке в Чукурджуме он купил себе стол (этот уже не качался), у двоих старьевщиков на улице – четыре одинаковых стула, очень долго и тщательно выбирал кровать, и выбрал наконец большую, с деревянным изголовьем. На изголовье этой старой, выдавшей виды кровати были вырезаны птицы и листья. Обставляя комнату с покрытым линолеумом полом, он мечтал, как однажды они заживут здесь с Райихой.

Однажды вечером в начале апреля Мевлют увидел в доме дяди Абдуррахмана-эфенди. Засунув за ворот рубахи полотенце, тот сидел у стола, попивая раки и одновременно играя с внуками Бозкуртом и Тураном. Мевлют понял, что Горбун приехал из деревни один. Дяди Хасана, который в последние годы выходил каждый вечер из дому под предлогом того, что идет на намаз, а на самом деле шел к себе в лавку, где в одиночестве смотрел телевизор и поджидал клиентов, дома не было. Мевлют почтительно поздоровался с будущим тестем.

Коркут и Абдуррахман-эфенди жарко спорили о ростовщиках. До Мевлюта донеслось множество имен: «ростовщик Хаджи», «ростовщик Ибо».

Абдуррахман-эфенди допил уже третий стаканчик раки. Теперь он уже рассказывал, что дочери его – красавицы, каких свет не видывал, и что он дал им в деревне очень хорошее образование. Ведиха лишь сказала: «Папа, боже, перестань нас хвалить» – и с этими словами унесла детей спать, а Абдуррахман-эфенди пошел вслед за ней.

– Иди жди меня в кофейне, – сказал Сулейман.

– Что вы там опять задумали? – спросила тетя Сафийе. – Не лезьте в политику, не то не сносить вам головы. Жениться вам надо!

В кофейне из телевизора Мевлют узнал, что между Аргентиной и Англией началась война. Он с восторгом смотрел на английские военные корабли, когда пришел Сулейман.

– Абдуррахман-эфенди приехал в Стамбул затем, чтобы забрать

у одного ужасного ростовщика свои деньги и отдать их ростовщику хуже прежнего... Мы не можем понять, есть у него деньги или нет. А он все твердит, что есть одно выгодное дельце!

– Что еще за выгодное дельце?

– На Райиху появился богатый претендент, – сказал Сулейман. – Один из тех деревенских ростовщиков. Раньше, говорят, он был разносчиком чая. Дело серьезное. Помешанный на деньгах Горбун в мгновение ока отдаст дочку ростовщику. И никого слушать не станет. Надо тебе украсть Райиху, Мевлют.

– Ты серьезно? Аллах-Аллах, Сулейман, так помоги мне, и я ее украду!

– Ты думаешь, украсть девушку – простое дело? – спросил Сулейман. – Если сделать что-то неправильно, если убьют кого-то, начнется кровная вражда, все как идиоты примутся годами убивать друг друга, а еще будут при этом хвалиться, что защищают честь. Сможешь ли ты принять на себя такую ответственность?

– Мне придется, – сказал Мевлют.

– Да, придется, – согласился Сулейман. – Но пусть никто не думает, что ты это делаешь из-за мелочности. Что ты можешь дать за девушку, за которую такой богатей отдаст целое состояние, кроме простого платка?

Пять дней спустя они встретились в том же месте, Сулейман поглядывал в телевизор, где рассказывали, как англичане прибрали к рукам Фолклендские острова, а Мевлют вытащил из кармана и положил на стол одну бумагу.

– Возьми это, – сказал он с гордостью.

– Что это? – удивился Сулейман. – Ой, это бумага мухтара на твой дом. Дай-ка сюда. На самом деле тут стоит имя моего отца. Они вдвоем с дядей захватили тот участок. Зачем ты это мне принес? Не играй этой бумажкой, лишь бы пустить пыль в глаза, братец. Если однажды будут раздавать свидетельства регистрации по Кюльтепе, то ты сможешь получить документы только с ней.

– Отдай ее Горбуну Абдуррахману, – сказал Мевлют. – Скажи ее отцу, что никто не любит его дочь так, как я.

– Я скажу, только ты положи это себе в карман, – сказал Сулейман.

– Я принес ее не для того, чтобы пустить пыль, а чтобы на самом деле отдать, – обиделся Мевлют.

Проснувшись на следующее утро после той порции раки, которую они накануне выпили, Мевлют первым делом заглянул в карман. Он не знал, расстраиваться ли ему или радоваться, что бумага на дом, которую пятнадцать лет назад отец с дядей Хасаном получили от мухтара, осталась

у него.

Десять дней спустя Сулейман сообщил: «Скажи спасибо нам с твоей невесткой Ведихой! Ради тебя она аж в деревню поехала. Посмотрим, получится ли все так, как тебе хочется. Закажи-ка мне раки».

Ведиха увезла в деревню и своих сыновей – трехлетнего Бозкурта и двухлетнего Турана. Мевлют ожидал, что они быстро вернутся, поскольку детям быстро наскучит в грязном деревенском доме, где то и дело отключается электричество, а из кранов не течет вода, но случилось ровно наоборот. Мевлют два раза в неделю с нетерпением шел на Дуттепе, надеясь, что сестрица Ведиха уже вернулась, но в полутемном доме никого не было, кроме тети Сафийе.

– Как видно, веселье в этом доме наступает, когда невестушка наша тут, а мы этого и не замечаем, – сказала как-то вечером тетя Сафийе Мевлюту. – С тех пор как Ведиха уехала, и Коркут заходит не каждый день. И Сулеймана дома нет. У меня есть чечевичный суп, погреть тебе? Давай посмотрим телевизор. Видишь, Кастелли сбежал, все ростовщики обанкротились. Ты держал у них деньги?

– Откуда у меня деньги, тетя Сафийе?

– Не печалься... Не заботься о деньгах; когда придет день, заработаешь столько, сколько тебе надо. Счастье не в деньгах. Смотри, сколько Коркут зарабатывает, но с Ведихой они как кошка с собакой... Видит Аллах, жаль мне Бозкурта с Тураном, которые ничего, кроме родительских ссор, не видят... Ну да ладно... Если будет на то воля Аллаха, выгорит твое дельце, иншаллах...

– Какое дельце? – спросил Мевлют, отвернувшись от телевизора, сердце его заколотилось, но тетя Сафийе больше ничего не сказала.

Три дня спустя появился Сулейман.

– У меня для тебя хорошие новости. Сестрица Ведиха вернулась из деревни. Райиха очень тебя любит, дорогой мой Мевлютик. А все из-за твоих писем. А за ростовщика, за которого хочет выдать ее отец, она идти не желает. По бумагам тот банкрот, но на самом деле на деньги клиентов он купил долларов и золота, закопал где-то в саду. Когда буря стихнет, а газетчики забудут обо всем, он выкопает деньги и, пока жадные клиенты, доверившие ему деньги, будут таскаться по судам, будет, как он говорит, жить с Райихой как король. Горбуну он предложил за нее мешки денег. Если отец позволит, они немедленно заключат официальную помолвку и проживут с Райихой в Германии, пока все не уляжется. Этот обанкротившийся ростовщик, бывший разносчик чая, сейчас тайком учит немецкий, хочет, чтобы и Райиха его выучила настолько, чтобы суметь

купить в Германии мяса в лавке, где свининой не торгуют.

– Каков подлец, какой негодяй! – возмутился Мевлют. – Если я не смогу украсть Райиху, я его убью как собаку!

– Не надо никого убивать. Я возьму свой фургон, поеду в деревню, и мы преспокойно увезем Райиху! – сказал Сулейман. – Я все тебе устрою.

Мевлют обнял и расцеловал двоюродного брата. Ночью от волнения он не мог сомкнуть глаз.

Когда они встретились вновь, Сулейман, оказывается, уже все организовал: в четверг, после вечернего азана, Райиха придет с вещами в сад за их деревенским домом.

– Нужно немедленно выезжать, – сказал Мевлют.

– Сиди, братец, где сидишь! На нашем фургоне дорога займет у нас всего день.

– Может, дождь пойдет, может, сель случится... А еще нам в Бейшехире надо все подготовить.

– Не нужно нам ничего готовить. Когда стемнеет, ты найдешь девушку в саду за домом ее горбатого отца, так найдешь, будто сам туда ее привел и поставил. Я отвезу вас на фургоне в Акшехир к вокзалу. Вы вдвоем приедете на поезде, а я один вернусь в Стамбул, чтобы ее отец ничего не заподозрил.

Уже одно то, что Сулейман говорил о них с Райихой «вы вдвоем», делало Мевлута пьяным от счастья. Он отпросился на несколько дней с работы, а потом даже продлил свой отпуск еще на неделю, сославшись на «семейные обстоятельства». Когда он попросил еще неделю, теперь за свой счет, хозяин заворчал. Но Мевлют тут же предложил ему вычесть отпуск из своей зарплаты.

Он в любой момент мог найти работу в простом кафе вроде этого. К тому же ему давно хотелось заняться продажей мороженого. Он знал одного продавца, который хотел сдать в аренду трехколесную тележку и набор для торговли мороженым начиная с Рамазана.

Мевлют прибрался в доме и, глядя на комнату с порога, задумался, пытаясь представить, какой она покажется Райихе, на что она обратит внимание, постаравшись поставить себя на ее место. Может, стоит купить покрывало на кровать или пусть это должна решить уже сама Райиха? Каждый раз, когда он представлял Райиху у себя дома, он первым делом думал о том, что будет ходить перед ней в трусах и майке, и такая близость и смущала, и манила его.

Сулейман. Я все устроил и всех предупредил – старшего брата,

Ведиху, мать, в общем, всех – и сказал всем, что исчезну с фургоном на два дня. Вечером дня накануне отъезда я отвел в сторонку нашего будущего жениха, парившего от радости на крыльях.

– Мевлютик, дорогой, сейчас я говорю с тобой не как лучший твой друг, не как твой двоюродный брат, а как родственник этой девушки. Слушай меня внимательно. Райихе еще нет восемнадцати. Если отец ее сильно прогневается, если скажет: «Не прощу никогда того, кто украл мою дочь» – и отправит в погоню жандармов, тогда тебе придется скрываться до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать, и жениться на ней ты не сможешь. Но поклянись сейчас честью, что ты рано или поздно все равно на ней женишься.

– Клянусь честью, – сказал Мевлют. – К тому же я совершу никак [\[45\]](#) в мечети.

Когда они утром уезжали на фургоне, Мевлют радовался, веселился, шутил и с большим любопытством разглядывал каждую фабрику, каждый мост, который попадался им на пути, болтал без умолку и все время приговаривал: «Поддай газу, езжай быстрее!» Но вскоре он сник.

– Что случилось, братец? Ты уже испугался, что едешь воровать девушку? Мы въезжаем в Афьон. Если мы останемся ночевать в фургоне, полиция нас в чем-нибудь заподозрит, нас заберут в участок, так что лучше нам остановиться в каком-нибудь дешевеньком отеле, я как раз такой видел неподалеку, – сказал я.

Под гостиницей «Незахат» находилось кафе, где продавали спиртное. Вечером мы сели за столик, и я уже допивал второй стаканчик раки, как Мевлют принялся вновь рассказывать, какой пыткой была для него армия. Тут я не сдержался:

– Братец, я – турок. Никому не позволю неуважительно об армии моей страны говорить. Конечно, наверное, кого-то пытали, кого-то били, сотни тысяч людей попали за решетку, может быть, это чересчур, но я доволен военным переворотом. Смотри – не только Стамбул, но и вся страна успокоилась, стены – чистенькие; закончились все судебные разбирательства – не важно, кто правый, кто левый; закончились заказные убийства; движение в Стамбуле теперь как по маслу, а все потому, что военные порядок навели; публичные дома закрыли; всех проституток, коммунистов, торговцев контрабандными «Мальборо», спекулянтов, всю мафию, всех контрабандистов, сутенеров и торгашей на улицах прижали. Их больше не видно. Так что ты сейчас на меня не обижайся, а признай, что в этой стране у уличной торговли нет будущего, Мевлютик, дорогой. Вот берет кто-то в аренду лавку в самом дорогом и хорошем месте

города, открывает в ней овощной магазин, и что – ты будешь сидеть перед этой лавкой, разложив на земле товар, и торговать картошкой и помидорами из деревни?.. Справедливо ли это? Военные во всем навели порядок. Если бы Ататюрку хватило жизни, то первым делом после фесок и тюбетеек он бы запретил уличную торговлю по всей Турции, начиная со Стамбула. В Европе такого нет.

– Как раз наоборот, – возразил Мевлют. – Однажды, приехав из Анкары в Стамбул, Ататюрк увидел, что в Стамбуле на улицах очень тихо, и пожалел, что нет уличных торговцев.

– Если наши военные перестанут охаживать этот народ палкой, то он или в коммунизм, или в исламизм ударится. А еще не забывай о курдах, которые хотят нам карту разделить. Знаешь, чем твой Ферхат занимается, ты видишься с ним?

– Не знаю.

– Подлец он, твой Ферхат.

– Он мой друг.

– Ну раз так, тогда пусть он тебя и везет в Бейшехир, дорогой Мевлют, посмотрим, как ты сможешь украсть девушку.

– Перестань, Сулейман, – попытался успокоить меня Мевлют.

– Братец, послушай, я все устрою так, что самая красивая девушка на свете сейчас свалится тебе в руки, как спелая груша. Словно бы одного этого недостаточно, я, словно твой слуга, лично везу тебя на фургоне за семьсот километров в деревню девушки, чтобы ты мог увезти ее. За бензин тоже я плачу. Гостиница, в которой мы остановились на ночь, и раки, которую ты пьешь, тоже за мой счет. А ты в ответ на это не можешь хотя бы раз притвориться и сказать: «Да, ты прав, Сулейман, Ферхат очень плохой человек». Раз уж ты сам такой умный, если, как в нашем детстве, ставишь себя выше меня, то чего ты тогда пришел просить о помощи?

– Прости меня, Сулейман, – сказал Мевлют.

– Повтори.

– Прости меня, Сулейман.

– Я тебя прощу, но мне нужно выслушать твои оправдания.

– Оправдание у меня такое, Сулейман. Мне страшно.

– Братец, бояться тут нечего. Когда выяснится, что Райиха сбежала... они, конечно же, побегут к нам в деревню. А вы пойдете через горы. Может, для виду постреляют. Но ты не бойся, за горами я буду ждать вас на фургоне. Пусть Райиха сразу сядет в кузов, чтобы она меня не увидела, не узнала. В Стамбуле она однажды ездила на этом фургоне, но она девушка, им все машины одинаковые. Обо мне, конечно, ни слова. А ты

пока подумай о том, что ты будешь делать после того, как вы сбежите, приедете в Стамбул и останетесь вдвоем в одной комнате. Вот этого бойся. Ты ведь еще ни разу не спал с женщиной, Мевлют?

– Нет, Сулейман. Но я боюсь только того, что вдруг девушка передумает и не придет.

Утром мы прежде осмотрели вокзал города Акшехир. Оттуда за три часа по грунтовой горной дороге мы доехали до нашей деревни. Мать Мевлют повидать не захотел – он очень боялся, чтобы не испортить все дело, – так что в деревню мы даже не стали заезжать, чтобы не привлекать внимания. Мы поехали к Гюмюш-Дере и подъехали к дому Горбуна Абдуррахмана-эфенди, к его саду за полуразвалившимся забором. Затем повернули назад. Я проехал некоторое расстояние, а затем остановил машину на обочине.

– Уже скоро стемнеет, до вечернего намаза недолго осталось! – сказал я. – Нечего бояться. Счастливого пути, Мевлют!

– Да услышит тебя Аллах! – сказал он. – Помолись за меня.

Я слез с фургона вместе с ним. Мы обнялись... Я готов был расплакаться. С нежностью смотрел я ему вслед, когда он уходил по пыльной дороге в сторону деревни, мне очень хотелось, чтобы он был счастлив до конца дней своих. Конечно, вскоре ему предстоит узнать, что суждена ему другая, посмотрим, что он будет делать, размышлял я, направляя фургон к месту нашей встречи. Если бы я желал ему зла, если бы хотел обвести его вокруг пальца, как некоторые могут подумать, разве я вернул бы ему тогда, в Стамбуле, бумагу на дом на Кюльтепе, которую он дал мне, чтобы я доставил ему Райиху? Тот дом, в который я нашел квартирантов, был единственным достоянием Мевлюта. Я не считаю, конечно, его мать и сестер, которые живут в деревне. Ведь и они наследники покойного Мустафы-эфенди, но я в это не вмешиваюсь.



Когда Мевлют учился в средней школе, всегда перед важным экзаменом он чувствовал, что сердце его бьется сильно и все лицо пылает огнем. Сейчас, приближаясь к деревне Гюмюш-Дере, он почувствовал то же самое, только гораздо сильнее.

Он зашел на деревенское кладбище на холме у окраины деревни, побродил среди надгробий, сел на одну из могил и, глядя на старый могильный камень, таинственный и поросший мхом, хотя еще было видно, какой пышной резьбой он покрыт, задумался о своей жизни. «Аллах Всемогущий, прошу Тебя, пусть Райиха придет, пусть придет во что бы то ни стало!» – повторял он. Ему захотелось помолиться, но он не смог вспомнить слова ни одной из знакомых ему молитв. «Если Райиха придет, то обещаю выучить наизусть весь Священный Коран и стать хафызом. Клянусь знать на память все молитвы», – сказал он себе. Он горячо и истово молил Аллаха услышать его, чувствуя себя перед Его лицом всего лишь ничтожным, крошечным рабом. Он когда-то слышал, что просить в молитвах надо очень настойчиво и это помогает.

Вскоре после того, как стемнело, Мевлют подошел к полуразвалившемуся забору сада. Окно, выходившее на задний двор белоснежного дома Абдуррахмана-эфенди, было темным. Он пришел на десять минут раньше. Ожидая условного знака, которым должна была стать зажженная в окне лампа, он почувствовал, что стоит в самом начале своей жизни. То же самое чувствовал он, когда тринадцать лет назад впервые приехал с отцом из деревни в Стамбул.

Затем залаяли собаки. В окне на мгновение вспыхнул и сразу погас свет.

Часть IV

(Июнь 1982 – март 1994)

Он был потрясен тем, что наткнулся в жизни на какие-то следы того, что до сих пор казалось ему гнусной болезнью его психики.

Джеймс Джойс. Портрет художника в юности

1. Мевлют и Райиха женятся

Только смерть разлучит нас

Сулейман. Как вы думаете, когда Мевлют понял, что девушка, бежавшая с ним, была не та красавица, чьи глаза он лишь раз увидел на свадьбе моего брата и которую, как оказалось, звали Самиха, а ее не столь красивая сестра Райиха? В тот ли момент, когда встретил ее в темноте деревенского сада? Или позже, когда они пробирались вместе через реки и горы? Знал ли он это уже тогда, когда сидел рядом со мной в фургоне? Вот почему я спросил его: «Что-то случилось? Язык проглотил?» Но Мевлют ничего не ответил.



Когда они сошли с поезда и слились с толпой садившихся на паром от вокзала Хайдар-Паша на Каракёй, мысли Мевлюта были заняты не свадьбой и брачными хлопотами, а тем, что в конце концов он окажется в комнате с глазу на глаз с Райихой. Он находил несерьезным, что ее так заинтересовала суэта на Галатском мосту и белый дым пароходов, но он не мог думать ни о чем, кроме того, что вскоре им вдвоем предстоит войти в их общий дом и остаться там наедине.

Когда Мевлют достал ключи от дома – бережно хранимые в кармане, словно драгоценность, – и отпер дверь в квартирку на Тарлабаши, он почувствовал, что дом как будто изменился за те три дня, что ушли на поездку в деревню: по утрам в начале июня в квартире было почти холодно, но теперь, в разгар лета, стояла удушающая жара, и старый линолеум на полах, разогретый солнцем, распространял запах дешевого пластика, смешанный с запахами воска и пеньки. Снаружи, с Бейоглу и Тарлабаши, проникал шум толпы и транспорта. Мевлюту всегда нравились эти звуки.

Райиха. «Какой красивый у нас дом, – сказала я. – Но его надо проветрить». Я не могла повернуть ручку, чтобы открыть окно, так что

Мевлют подбежал, чтобы показать мне, как обращаться с задвижкой. Я сразу почувствовала, что стоит только сделать тщательную уборку и снести всю паутину, как все разочарования, все страхи и демоны из мыслей Мевлюта тоже будут смыты. Мы вышли купить немного жидкого мыла, пластиковое ведро и тряпки, и, когда мы вышли на улицу, напряжение из-за совместного уединения спало, и мы расслабились. Вторую половину дня мы провели за покупками, разглядывая вещи на витринах и полках магазинов от Тарлабаши до Рыбного рынка и приобретая все, что было нужно. Мы купили кухонные губки, жесткие щетки и чистящую смесь и, вернувшись в дом, вычистили его сверху донизу. Мы были так увлечены тем, что делаем, что забыли о смущении от совместного уединения.

К вечеру я взмокла от пота. Мевлют показал, как зажечь газовую колонку, как регулировать подачу газа и какая из ручек пускает горячую воду. Нам пришлось залезть на стул, чтобы всунуть горящую спичку в темное отверстие на колонке и включить ее. Мевлют посоветовал мне, всякий раз зажигая колонку, приоткрывать маленькое окно с матовым стеклом, которое выходило в темный внутренний дворик.

– Если ты оставишь его немного открытым, газ будет выветриваться и никто при этом тебя не увидит... – прошептал он. – Я уйду на час.



На Райихе все еще была та одежда, которая была на ней, когда они убегали из деревни, и Мевлют понял, что ей будет неудобно раздеваться и мыться, если он в доме. Он сел в кофейне сразу за Истиклялем. Зимними вечерами это место было заполнено швейцарами, продавцами лотерейных билетов, водителями и усталыми уличными торговцами, но сейчас здесь было пусто. Он смотрел на чашку чая, которую поставили перед ним, и думал о моющейся Райихе. С чего он взял, что у нее светлая кожа, увидев только ее шею? Почему он сказал «на час», когда уходил? Время тянулось очень медленно. Он смотрел на одинокую чайинку на дне чашки.

Не желая возвращаться домой, пока не прошел час, он выпил еще и пива, а затем отправился назад длинной дорогой по закоулкам Тарлабаши – ему доставляло удовольствие находиться на этих улочках:

здесь дети ругались друг с другом, играя в футбол, а их матери сидели на ступенях маленьких трехэтажных домов с подносом на коленях, перебирая рис, и каждый знал всех.

На пустом участке между домами в тени палатки из черной ткани сидел человек, торговавший арбузами. Мевлют постучал пальцами по нескольким арбузам, пытаясь угадать, насколько красные они внутри, выбрал арбуз и поторговался за него. По арбузу полз муравей. Когда Мевлют вертел арбуз в руках, муравья переворачивало вверх ногами, но он не падал; он просто полз по кругу, пока не возвращался наверх арбуза. Договорившись о цене, Мевлют дал арбуз продавцу взвесить, стараясь не сбросить терпеливого муравья. Потом Мевлют добрался до дому, бесшумно вошел и положил арбуз на кухне.

Райиха. Я вымылась, переоделась в чистую новую одежду, а затем легла на кровать спиной к двери и заснула, не покрыв волосы.



Мевлют тихо подошел к ней. Долгое время он смотрел на Райиху, лежавшую в постели, понимая, что он никогда не забудет этой минуты. Под одеждой ее тело и ноги выглядели изящными и красивыми. Плечи легко вздымались каждый раз, когда она делала вдох. На мгновение Мевлуту показалось, что она только притворяется спящей. Он лег тихо и осторожно на другой стороне двуспальной кровати, не раздеваясь.

Его сердце колотилось. Если они займутся любовью прямо сейчас – а он даже толком не знал, как к этому приступить, – он воспользуется ее доверием.

Райиха доверилась Мевлуту, она доверила ему свою жизнь и даже сняла платок, показав ему длинные красивые волосы, до того, как они поженились, и до того, как стали близки. Глядя на ее длинные вьющиеся локоны, Мевлют чувствовал, что этого доверия и подчинения ему достаточно, чтобы привязаться к Райихе, и понимал, насколько сильно ему хочется любить ее. Теперь он был не один в мире. Он следил за вдохами и выдохами Райихи, и его счастье казалось безграничным. Ей даже понравились его письма.

Они заснули в одежде. Позже ночью они обнялись в темноте, но любовью не занялись. Мевлют знал, что ночью девушку легче склонить к сексу. Но ему хотелось, чтобы их с Райихой первый раз был при свете дня, чтобы он мог смотреть ей в глаза. Наступившим утром, однако, каждый раз, когда они заглядывали друг другу в глаза, они смущались и старались чем-то отвлечься.

Райиха. На следующее утро мы вновь отправились по магазинам. Я выбрала синтетическую скатерть, которая выглядела как навощенная, пододеяльник с синими цветами, пластиковую хлебницу и пластмассовую соковыжималку для лимона. Мевлют вскоре устал бродить со мной по магазинам, ведь я рассматривала тапочки, чашки, банки, солонки просто для удовольствия, ничего не покупая. Мы вернулись домой. Сели на край кровати.

– Никто не знает, что мы здесь, правда? – спросила я.

На мальчишеском лице Мевлута в ответ появилось такое выражение, что я пробормотала: «Еда на плите» – и сбежала на кухню. Во второй половине дня, когда солнце нагрело маленькую комнату, я почувствовала усталость и пошла прилечь на кровать.



Мевлют тоже лег рядом с ней, они впервые обнялись и поцеловались. Его желание усилилось, когда он увидел детское выражение вины на умном лице Райихи. Но каждый раз, когда его желание давало о себе знать в плотской форме, они оба начинали сгорать от стеснения. Мевлют просунул руку под платье Райихи, на мгновение коснулся ее левой груди, и голова у него закружилась.

Она оттолкнула его. Он тут же встал, его гордость была уязвлена.

– Не бойся, я не сержусь! – сказал он, решительно выходя на улицу. – Я скоро вернусь.

На одной из улиц за мечетью Ага-Джами жил курдский торговец металлоломом, который окончил лицей имамов-хатибов^[46] в Анкаре. За небольшую плату он совершал короткие религиозные брачные обряды для пар, которые уже прошли гражданские процедуры, но хотели

подстраховаться; для бедолаг, у которых в деревне были жены, но которые встретили в Стамбуле других дам; для юнцов из консервативных семей, которые, скрывая свою страсть от родителей и старших братьев, зашли слишком далеко, а теперь терзались угрызениями совести. Торговец металлоломом говорил, что он ханафит, потому что только суннитам ханафитской школы разрешалось женить молодых людей без разрешения родителей.

Мевлют застал этого человека дремавшим над ежедневной стамбульской газетой «Акшам» среди старых радиаторов, крышек плит и ржавых деталей моторов в задней комнате его магазина.

– Ходжа, я хотел бы заключить брак по законам нашей веры.

– Понимаю, но что за спешка? – спросил ходжа. – Ты слишком беден и слишком молод, чтобы брать вторую жену.

– Я украл девушку! – признался Мевлют.

– С ее согласия, конечно?

– Мы любим друг друга.

– Мир полон негодяев, которые любят похищать девушек и насиловать их, заявляя, что все это по любви. Этим бессовестным иногда даже удается уговорить беспомощные семьи девушек позволить им жениться на их дочерях...

– Это вовсе не так, – сказал Мевлют. – Мы женимся по взаимному согласию и любви.

– Любовь – это болезнь, – сказал ученый человек. – И женитьба – единственное лекарство. Но это лекарство подобно страшно горькому хинину, и тебе придется принимать его всю оставшуюся жизнь, даже после того, как жар прошел.

– Я не пожалею об этом, – сказал Мевлют.

– Тогда зачем спешить? Вы еще не делали этого?

– Только после того, как поженимся должным образом, – сказал Мевлют.

– Или она уродина, или ты на редкость чист душой. Как тебя зовут? Ты приятный парень, присядь и выпей чая.

Мевлют выпил чай, поданный бледной помощницей с большими зелеными глазами, и постарался побыстрее завершить разговор, но человек собирался набить цену, рассказывая ему, как плохо идут дела. Увы, количество юношей и девушек, которые утром женились, а вечером как ни в чем не бывало расходились по своим домам, ни слова не сказав об этом родителям, постоянно уменьшалось.

– У меня денег не много! – признался Мевлют.

– Поэтому ты бежал с девушкой? Симпатичные парни вроде тебя иногда превращаются в настоящих распутников и, как только утолят жажду, сразу произносят «талак»^[47] и выбрасывают девушку на улицу. Я знал многих прекрасных, но простодушных девушек, покончивших с собой или оказавшихся в борделе из-за таких, как ты.

– Мы собираемся заключить и гражданский брак тоже, как только ей исполнится восемнадцать, – сказал Мевлют виновато.

– Хорошо. Я сделаю добрый поступок и совершу ваш никах завтра. Куда мне прийти?

– Можем ли мы с вами просто сделать никах здесь, чтобы мне не приводить девушку? – спросил Мевлют, осматривая пыльный магазин.

– Я не беру платы за саму церемонию, но взимаю за использование комнаты.

Райиха. После того как Мевлют ушел, я вышла и купила у уличного продавца два килограмма немного перезрелой, но недорогой клубники, а еще сахар в бакалейном магазине и, до того как Мевлют вернулся, вымыла клубнику и начала варить варенье. Когда он вернулся, то обрадовался, почувствовав сладкий клубничный запах, но даже не попытался приблизиться ко мне.

Вечером он сводил меня на двойной сеанс в кинотеатр «Ляле». В перерыве между первым фильмом, в котором играла Хюлья Кочийгит, и вторым, в котором играла Тюркян Шорай, когда воздух в кинотеатре был таким влажным, что сиденье, казалось, промокло, он сказал мне, что мы поженимся завтра, и я немного всплакнула. Однако второй фильм я посмотрела внимательно. Я была так счастлива.

Когда фильм закончился, Мевлют сказал: «Пока твой отец не даст благословения или пока тебе не исполнится восемнадцати, давай, по крайней мере, будем уверены, что женаты в глазах Аллаха, так чтобы никто уже не мог разлучить нас... Я знаю одного торговца металлоломом. Никах пройдет в его лавке. Он сказал, что тебе нет нужды приходить... Все, что тебе надо сделать, – это дать кому-нибудь полномочия действовать от твоего имени».

– Нет, я хочу быть там, на церемонии, – сказала я, нахмурясь. Но затем улыбнулась, чтобы Мевлют не волновался.



Вернувшись домой, Мевлют и Райиха вели себя, пока переодевались в свои ночную рубашку и пижаму, словно два незнакомца, вынужденные жить в одном гостиничном номере в провинциальном городке. Стараясь не глядеть друг на друга, они выключили свет и осторожно легли рядом в кровать, убедившись, что между ними остается немного места; Райиха вновь легла спиной к Мевлюту. Он ощущал смесь радости и страха, и как только он подумал, что это волнение не даст ему заснуть всю ночь, как тут же заснул.

Проснувшись среди ночи, он обнаружил, что погрузился в густой клубничный запах кожи Райихи и аромат детского печенья от ее шеи. Они оба вспотели в духоте и стали жертвами прожорливых комаров. Их тела обнялись сами собой. Глядя на темно-синее небо и неоновые огни вдаль, Мевлют ненадолго представил, как будто они плывут где-то вне мира, в сказочном месте, в невесомости, но тут Райиха сказала: «Мы еще не женаты» – и оттолкнула его.

От официанта, которого он знал по ресторану «Карлюова», Мевлют услышал, что Ферхат вернулся с военной службы. На следующее утро один из двух парней-посудомойщиков из Мардина отвел его туда, где остановился Ферхат, – в дешевую гостиницу для холостяков на Тарлабаши. Ферхат жил здесь с официантами на десять лет моложе его самого и с курдскими и алевитскими ребятами из Тунджели и Бингёля, едва окончившими школу и уже мывшими в ресторанах посуду. Мевлют решил, что это зловонное, душное место не подходит для Ферхата, и ему стало жаль его, так что он почувствовал облегчение, когда узнал, что Ферхат все еще проводит много времени в доме родителей. Мевлют видел, что Ферхат играет роль старшего брата для парней в этом общежитии и что там к тому же вовсю процветают контрабанда сигарет, которая стала почти невозможной после переворота, и торговля травкой. В общежитии царил дух политического возмущения и солидарности, однако лишних вопросов Мевлют задавать не стал. Увиденное и перенесенное на военной службе, а также истории, которые он слышал от знакомых, которых посадили и пытали в Диярбакыре, произвели неизгладимое впечатление на Ферхата, приблизив его к политике.

– Тебе надо жениться, – посоветовал Мевлют Ферхату.

– Мне надо найти городскую девушку и сделать так, чтобы она влюбилась в меня, – сказал Ферхат, – или сбежать с девушкой из деревни. На женитьбу у меня денег нет.

– Я сбежал с девушкой, – признался Мевлют. – Так что и ты можешь. Потом мы начнем вместе дело, откроем магазин и разбогатеем.

Мевлют поведал Ферхату несколько приукрашенную историю о том, как он украл Райиху. В ней не фигурировали ни Сулейман, ни его фургон. Мевлют сказал, что они бежали, держась за руки, по грязи и по горам, целый день, всю дорогу до вокзала Акшехир, пока ее отец гнался за ними.

– Райиха так красива, как описывалось в письмах? – спросил взволнованно Ферхат.

– Она даже красивее и умнее, – сказал Мевлют. – Но семья девушки, Вуралы, Коркут, Сулейман, они продолжают нас преследовать даже в Стамбуле.

– Чертовы фашисты, – сказал Ферхат и немедленно согласился стать свидетелем на их свадьбе.

Райиха. Я надела длинное платье с цветами и под него чистые джинсы. На голове завязала лиловый платок, который купила в каком-то из переулков Бейоглу. Мы встретились с Ферхатом в кафе «Кара-Дениз» на Истикляле. Ферхат оказался высоким, вежливым человеком с высоким лбом. Он угостил нас вишневым соком.

– Поздравляю, сестрица, ты выбрала себе хорошего мужа, – сказал он. – Он иногда бывает странным, но у него золотое сердце.

Когда мы пришли в лавку, торговец металлоломом нашел другого свидетеля в соседней бакалее. Он открыл ящик и достал потертую конторскую книгу с османской надписью на обложке. Раскрыв ее, он тщательно записал наши имена, а также имена наших отцов. Мы знали, что эти записи не имеют официального значения, но были впечатлены зрелищем, как этот человек тщательно записывает все арабскими буквами.

– Сколько ты заплатил за выкуп невесты? Сколько ты заплатишь, если вы разойдетесь? – спросил торговец металлоломом.

– Какой еще выкуп? – сказал Ферхат. – Он девушку украл.

– Сколько ты заплатишь ей, если разведешься с ней?

– Только смерть разлучит нас, – сказал Мевлют.

Другой свидетель сказал:

– Просто напиши, что за одно – десять золотых монет султана Решада^[48] и семь золотых турецких лир за другое.

– Это слишком много, – сказал Ферхат.

– Похоже, я не смогу провести эту церемонию в полном уважении к законам шариата, – сказал торговец металлоломом, уходя к весам в передней комнате лавки. – Любая физическая связь, которая могла иметь место без заключения религиозного союза, считается прелюбодеянием. В любом случае девушка слишком молода.

– Я не слишком молода, мне семнадцать! – сказала я, показывая ему свидетельство, которое я забрала из шкафа моего отца.

Ферхат отвел торговца металлоломом в сторонку и положил ему в карман деньги.

– Теперь повторяйте за мной, – сказал торговец металлоломом.

Мевлют и я посмотрели друг другу в глаза и повторили длинную череду арабских слов.

– Аллах Всемогуций! Благослови их союз! – сказал торговец металлоломом, завершая церемонию. – Да царят мир, уважение, понимание и любовь между этими двумя рабами Аллаха, и молю Тебя, Всевышний, позволь их браку устоять перед испытанием временем и защити Мевлюта и Райиху от ненависти, раздоров и расставания.

2. Мевлют торгует мороженым

Счастливейшие дни его жизни

Вернувшись домой, они сразу отправились в постель. Теперь, поженившись, они могли расслабиться; то, чего они оба так жаждали, к чему так стремились, но никогда не делали, теперь стало обязанностью, исполнения которой от них ждало общество и которую им надо было исполнять. Они стеснялись видеть друг друга обнаженными (хотя некоторые части их тел оставались прикрытыми) и прикасаться к телам друг друга там, где они пылали огнем – на руках, на груди, – но чувство, что все это неотвратимо, несколько ослабило стыд. «Да, все это действительно неловко, – говорили их глаза. – Но к сожалению, это надо сделать».

Райиха. Мне хотелось, чтобы в комнате было темно! Мне не нравилось ощущение застенчивости, возникающее каждый раз, когда наши глаза встречались. Полинявшие шторы не защищали от яркого летнего послеполуденного солнца. Мне пришлось раз или два оттолкнуть Мевлюта, когда он становился слишком страстным и грубым. Но напор его мне отчасти нравился, и я просто дала волю своему естеству. Я дважды увидела этот самый причиндал Мевлюта, и он меня немного испугал. Я решила прижать к себе голову моего красивого и безгрешного Мевлюта, как ребенка, так чтобы причиндал этот огромный не попадался мне на глаза.



В отличие от того, что Мевлют и Райиха всегда слышали от своих друзей, они еще в деревне выучили в религиозном классе, что в физической связи между мужем и женой нет никакой похоти и блуда, но все еще чувствовали себя неуютно, встречаясь друг с другом глазами. Однако вскоре их стыдливость начала ослабевать, и они почувствовали, что теперь могут смотреть на секс как на обычное человеческое занятие, возможно

даже как на признак зрелости.

– Мне так пить хочется, – сказал в какой-то момент Мевлют, чувствуя, что задыхается.

Казалось, вспотел теперь весь дом – стены, окна и потолок.

– Стакан рядом с кувшином с водой, – отозвалась Райиха, зарываясь в простыни.

Мевлюту показалось по ее взгляду, что она смотрит на все вокруг как бы извне своего тела. Он ощущал то же самое, наливая воду в стакан, – будто бы он покинул собственное тело и теперь существует только как душа. Передавая жене стакан воды, он понял, что даже хотя в сексе и было что-то неприличное и стыдное, в нем также была и божественная, духовная сторона. Пока Мевлют с Райихой пили воду, они разглядывали тела друг друга, чувствуя себя опустошенными. Им было неловко, но жизнь изумила их.

Мевлюту виделся свет, разливавшийся по комнате от молочно-белой кожи Райихи. Он вдруг понял, что это он виноват в тех розовых и светло-лиловых пятнах на ее теле. Вновь забравшись под покрывало, они обнялись со счастливым сознанием, что все будет хорошо. Ласковые слова, произнести которые он совершенно не готовился, внезапно сорвались с губ Мевлюта.

– Моя дорогая, – сказал он ей. – Моя любимая, ты так прекрасна...

Когда он был маленьким, его мать и сестры часто говорили ему такие вещи, но делали это нормальными голосами, он же горячо прошептал это сейчас на ухо Райихе, как будто это был секрет. Он звал ее беспокойным голосом взволнованного странника, боявшегося заблудиться в лесу. Они занимались любовью до утра, проваливаясь в сон и пробуждаясь, вставая попить воды в темноте, даже не зажигая света. Самым лучшим в женитьбе было то, что они могли заниматься сексом столько, сколько хотели.

Утром, когда они увидели на простынях разводы вишневого цвета, Мевлют и Райиха смутились, но в то же время почувствовали, что довольны, – хотя и скрывали это удовлетворение друг от друга. Они никогда этого не обсуждали, но тем летом всякий раз, когда они готовили вишневое мороженое для вечерней продажи Мевлюта, он всегда вспоминал те вишневые пятна.

Райиха. Мы оба постились во время Рамазана – Мевлют начал в тот год, когда окончил школу и остался в деревне, я начала даже раньше, когда мне было всего десять. Когда я была маленькой, мы с Самихой однажды

дремали в ожидании, пока не наступит ифтар^[49]. Именно тогда моя сестра Ведиха ослабела от голода и рухнула, как минарет во время землетрясения, рассыпав все содержимое подноса, который она несла. Так мы узнали, что, когда чувствуешь себя слишком слабым от этого поста и в глазах вдруг начинает темнеть, надо немедленно сесть на пол. Даже когда мы не чувствовали слабости, то просто забавы ради изображали, что мир вертится и шатается туда-сюда, а потом падали на землю от смеха. Каждый, кто соблюдает пост, знает – в часы поста не должно быть физической близости между мужьями и женами. Но Рамазан наступил уже через три дня после того, как мы поженились, и мы с Мевлютом засомневались.

Ходжа-эфенди, нарушает ли пост поцелуй руки? Нет! А как насчет поцелуя плеча? Вероятно, нет. А что насчет поцелуя в шею своей законной супруги? А в щеку? Совет по религиозным делам говорит, что целомудренные поцелуи допустимы, если вы не собираетесь двигаться дальше. Поживший нас торговец металлоломом говорил, что даже поцелуй в губы не нарушает поста, если не происходит обмена слюной. Мевлют верил ему и полагал, что раз он поженил нас, то он один может судить о таких вещах. В нашей вере о вещах можно судить по-разному. Ведиха однажды рассказывала, что длинными жаркими летними днями юноши, которые соблюдают пост, уходят в леса и прячутся в пересохших ручьях, где бесстыдно играют сами с собой, и оправдывают это тем, что «имам запретил трогать свою супругу, а не себя самого...». Может быть, в священной книге вообще нет ни слова о запрете секса в месяц Рамазан.

Вы, конечно же, уже поняли: в длинные жаркие дни Рамазана мы с Мевлютом не смогли сдержать желание и занимались любовью. Если это грех, пусть он падет на мою голову. Я так люблю моего прекрасного Мевлюта! Мы никому ничего плохого не делали! Тем, кто назовет нас грешниками, я бы задала один вопрос: тысячи молодых людей, чьих родители в спешке поженили прямо перед Рамазаном, чем, как вы думаете, занимаются дома в долгие часы изматывающего поста?



Хызыр на Рамазан вернулся к себе в деревню возле Сиваса, оставив

Мевлюту свою трехколесную тележку для мороженого, несколько ковшей и деревянный ледник. Каждое лето множество уличных торговцев, таких как Хызыр, находили, кому поручить на время свои тележки и покупателей, так чтобы не потерять постоянных клиентов, пока они в деревне.

Хызыр не потребовал с Мевлюта залога за оборудование, потому что он доверял его честности и аккуратности. Он пригласил Мевлюта к себе домой, в сумрачные закоулки района Долап-Дере, где его низенькая пухлая жена немедленно подружилась с Райихой и присоединилась к мужу, чтобы показать Мевлюту и Райихе, как делать мороженое, как месить его постоянным вдумчиво-равномерным движением, пока оно не достигнет нужной консистенции; и как добавлять лимонной кислоты в лимонный сок и пищевой краситель – в вишневый. Хызыр сказал, что мороженое любят не только дети, но и взрослые, которые думают, что они все еще дети. Помимо собственно вкуса мороженого, ключ к успеху в продаже лежал еще и в энтузиазме и юморе уличного торговца. Хызыр усадил Мевлюта за стол и показал ему карту, которую сам составил с большим тщанием, отметив на ней, по каким улицам ходить и какие места в какие часы самые людные, так чтобы Мевлют мог верно направлять свои усилия. Мевлют запомнил карту наизусть и мог вспомнить ее в любой момент, толкая тележку с мороженым от вершины Тарлабаши вниз к Истиклялю и Сырасельвилер.

На маленькой белой тележке мороженщика красовалась табличка, где красными буквами было выведено:

МОРОЖЕНОЕ ОТ ХЫЗЫРА

клубничное, вишневое, лимонное, шоколадное, сливочное

К вечеру, как раз когда Мевлют начинал скучать по Райихе, у него заканчивались разные сорта. «У меня нет вишневого», – говорил он покупателю, который начинал умничать с ним: «Тогда почему ты пишешь „вишневое“ на табличке?» Мевлют думал о Райихе, чувствовал себя счастливым и не отвечал на подобные колкости. Он оставлял дома старый колокольчик, унаследованный от отца, выходил с более громким и веселым, который дал ему Хызыр, размахивая им так, что тот болтался, как белье, которое ветер треплет на веревке, и выкрикивал: «Мороооооженое!» – так, как его научил сам Хызыр. Но дети, которые бежали за ним, едва слышав звон колокольчика, кричали: «Мороженщик, мороженщик, ты не Хызыр!»

– Хызыр уехал на свадьбу в деревню, я его младший брат, – говорил Мевлют детям, появлявшимся из темноты, словно бесенята, и выскакивавшим из-за углов, из окон домов, из-за деревьев, из дворов мечетей, где они играли в прятки.

Мевлюту не хотелось оставлять тележку без присмотра, и ему было трудно заходить в дома и на кухни, так что большинство семей, желавших мороженого, посылали кого-нибудь на улицу забрать его. Большие семьи отправляли слуг с огромными подносами, инкрустированными перламутром, либо спускали на веревке корзину, в которой мог стоять целый десяток пузатых чайных стаканчиков и кусочек бумаги с подробными указаниями о желаемых сортах, и Мевлют вскоре обнаружил, что исполнение этих указаний при свете уличных фонарей было столь же трудной и сложной задачей, как и работа аптекаря. Иногда несколько новых покупателей выходили из-за угла еще до того, как он заканчивал раскладывать очередной заказ, и даже дети, которые слетались к нему, как мухи на блюде с вареньем, и никогда не замолкали, теряли терпение. Иногда, когда на улице, кроме него с тележкой, не было ни души (например, во время особых молитв во время Рамазана), большая семья могла отправить вниз слугу с подносом, и каждый в доме, начиная с детей, их родителей, их дядей, счастливых гостей, болтливых теток, кричал с пятого этажа на весь мир, сколько вишневого мороженого и сколько сливочного следует положить внутрь рожка. Клиенты требовали мороженого с нахальством, которое удивляло даже Мевлюта. Иногда люди настаивали, чтобы он поднялся наверх, и он стоял у стола, вокруг которого сидела семья, или останавливался в дверях заставленной утварью кухни богатого дома и смотрел, как маленькие дети весело кувыркаются по ковру. Некоторые семьи, заслышав звон колокольчика, думали, что там внизу Хызыр. Дядюшки и тетушки высовывались из окон и кричали: «Хызыр-эфенди, как ваши дела, машаллах, хорошо выглядите!» – даже если смотрели Мевлюту прямо в лицо. Чтобы не поправлять их, он, не смущаясь, вежливо отвечал: «Спасибо, мы только вернулись из деревни со свадьбы... Рамазан очень щедр в этом году!» – но после всегда чувствовал угрызения совести.

Больше всего во время Рамазана совесть мучила Мевлюта за его неспособность противиться соблазну любиться с Райихой. Как и она, он прекрасно понимал, что это самые счастливые дни в его жизни, и это счастье было слишком велико, чтобы огорчаться из-за мук совести. Он понимал также, что чувство вины коренится глубже: в сердце того, кто попал в рай случайно, не заслужив этого.

Примерно в десять тридцать, еще и полпути не пройдя по маршруту, который нарисовал Хызыр, он начинал сильно скучать по Райихе. Что она делает дома прямо сейчас? Две недели спустя после начала Рамазана, когда оставалось немного полуденного времени после приготовления мороженого и любовных утех, они пару раз ходили в кино в закоулках Бейоглу, в один из тех кинотеатров, где, по цене одного большого рожка мороженого, показывали три комедии с известными турецкими актерами Кемалем Суналом и Фатьмой Гирик. Может быть, если Мевлют купит ей подержанный телевизор, Райиха не будет скучать в ожидании?

Каждую ночь перед тем, как идти домой, он напоследок останавливался на уличной лестнице, с которой были видны десятки тысяч огней в окнах Стамбула (именно в этом месте двенадцать лет спустя, как описывается в начале нашей книги, Мевлюта ограбят отец с сыном), и, глядя на нефтяные танкеры, пересекающие Босфор в темноте, светящиеся украшения, развешанные на Рамазан между минаретами, Мевлют думал, как ему повезло, что он имеет дом в Стамбуле и что такая милая девушка, как Райиха, дожидается его возвращения. Когда какого-либо сорта мороженого оставалось совсем мало в бадье, он выбирал самого симпатичного из детей, круживших вокруг него, как чайки вокруг рыбацкой лодки, и говорил: «Ну-ка, покажи, сколько денег у тебя в карманах». Этот мальчик и еще несколько малышей рядом с ним получали каждый по полному рожку мороженого, даже если их мелочи не хватало заплатить за него, а Мевлют отправлялся домой. Он даже не смотрел на детей, у которых не было денег, но которые все равно шли за ним и кланчили: «Дядя Хызыр, дай нам хотя бы пустой рожок!» – или тех, кто дразнил его. Он знал, что, как только даст такому ребенку мороженое бесплатно, он завтра не сможет продать ничего ни ему, ни другим детям.

Райиха. Я слышала, что Мевлют вернулся, по звуку, с которым он затаскивал тележку на задний двор, и, пока он привязывал цепью переднее колесо к ореховому дереву, я уносила наверх бадьи, грязные тряпки, которые надо было стирать, и черпаки. «Ни капли не осталось, хорошо поработал!» – говорила я каждый раз. Войдя в дом, Мевлют сразу снимал фартук и бросал его на пол. Некоторые люди обращаются с деньгами, которые заработали, с таким благоговением, как будто купюры – это листки бумаги, на которых написано имя нашего Пророка, держатся за них, как за собственную жизнь, так что было приятно видеть, как Мевлют сбрасывает фартук, карманы которого набиты деньгами, торопясь

вернуться в наше блаженство. Я целовала его.

Летом по утрам он отправлялся к албанским торговцам фруктами или на Рыбный рынок за клубникой, вишней, дыней и другими ингредиентами к мороженому, а я, пока он собирался, тоже надевала обувь и платок, и Мевлют всегда говорил: «Пойдем вместе!» – как будто сам решал брать меня с собой. Когда Рамазан кончился, Мевлют начал продавать мороженое и после обеда.

Если я замечала, что, перекидываясь парой словечек с приятелями и знакомыми в парикмахерских, гаражах или столярных мастерских, Мевлют начинает смущаться или скучать в моем присутствии, я немного отступала, так чтобы он мог свободно с ними поговорить. Иногда он говорил: «Подожди здесь минутку» – и входил в какую-нибудь лавку, оставляя меня снаружи. Я стояла, разглядывая, чтобы не скучать, через открытые двери мастерской напротив рабочих, которые делали пластиковые миски. Мевлют расслаблялся, когда мы отходили дальше от дома. Он рассказывал мне об этих ужасных подпольных кинотеатрах в закоулках Бейоглу, которые мы видели по пути, о ресторане, в котором он работал с Ферхатом. Он чувствовал себя неудобно, когда замечал знакомое лицо в толпе на Таксима и в Галатасарае. Потому ли, что чувствовал себя злодеем, соблазнившим девушку, а я казалась глупой девочкой, поддавшейся на его уловки? «Пойдем домой», – бросал он, гневно вышагивая в пяти шагах впереди, и я бежала вдогонку, гадая, из-за чего он опять так разъярился. (Я всю жизнь пыталась понять, отчего Мевлют иногда внезапно начинает злиться.) Он успокаивался, как только мы начинали перебирать фрукты, и, пока мы мыли и давили их, он покрывал поцелуями мне шею и щеки, рассказывая, что знает, где на самом деле самые вкусные вишни и клубника, отчего я краснела и смеялась. В комнате никогда не было темно, как бы плотно мы ни задергивали шторы, но мы представляли, что не можем видеть друг друга, пока **ЗАНИМАЕМСЯ ЛЮБОВЬЮ**.

3. Свадьба Мевлюта и Райихи

Только самые отчаянные продавцы йогурта занимаются бузой

Абдуррахман-эфенди. Тяжело, когда твоя дочь сбегает. Если не хватаешься тут же за оружие, стреляя во все стороны во тьму, за спиной тут же поднимается шепот: «Отец знал». Всего четыре года прошло с тех пор, как одна красивая девушка была похищена средь бела дня тремя вооруженными бандитами, когда работала в поле. Ее отец пошел к судье и убедил того послать за ними жандармов; целыми днями мучил он себя мыслями о том, что за ужасы происходят с его дочерью, но все равно не смог избежать сплетни: «Ее отец все знал». Я снова и снова просил Самиху рассказать мне, кто похитил Райиху, я даже сказал ей, что побью ее, если она будет продолжать меня сердить, но она, конечно, мне не поверила – мои дочери знают, что я не способен даже надрать им уши, – и я не выжал из нее ничего.

Чтобы сплетни в деревне утихли, я отправился к мировому судье в Бейшехире. «Ты ведь даже не смог спрятать паспорт своей дочери, – попенял он мне. – Ясно, что девушка сбежала по собственной воле. Правда, ей еще нет восемнадцати, так что я могу выдвинуть обвинение. Я могу послать за ними жандармов. Но тогда, если злоба твоя пройдет и ты решишь простить зятя, разрешишь им пожениться должным образом, тебе долго придется иметь дело с этим судом. Иди в кофейню и хорошенько обо всем подумай, и, если не передумаешь, я здесь».

По пути в кофейню я зашел в столовую «Кырык Кепче» поест чечевичного супа и прислушался к разговорам за соседним столом. Там говорили, что в Обществе защиты животных вот-вот начнется петушиный бой, и я пошел за ними. В общем, так я и вернулся в деревню, не решив, что делать. Месяц спустя, сразу после Рамазана, через Ведиху дошли кое-какие новости: Райиха в Стамбуле, у нее все хорошо, она беременна, а человеком, с которым она сбежала, оказался Мевлют, двоюродный брат ее мужа Коркута. Ведиха видела этого придурка Мевлюта и знала, что он совершенно нищий. Я сказал: «Никогда не прощу их», но Ведиха уже поняла, что прощу.

Ведиха. Райиха появилась у нас на Дуттепе как-то раз вскоре после

праздника Разговения^[50] тайком от Мевлюта. Она рассказала, что очень счастлива с ним и что ждет ребенка. Затем она обняла меня и заплакала. Она рассказала, как ей одиноко, как все ее пугает, и поведала, что хочет жить так, как привыкла в деревне, со своими сестрами, в семье, среди деревьев и цыплят, другими словами, в доме с садом, как наш на Дуттепе, – а не в облезлой тесной лачуге. На самом деле милая моя Райиха просто хотела, чтобы наш отец перестал говорить: «Не может быть свадьбы у сбежавшей девушки» – и просто простил ее, позволив ей гражданский обряд и свадьбу. Не могу ли я уговорить всех помириться, успокоить Коркута и моего тестя Хасана, не тревожа чувств моего отца, и решить все это прежде, чем ребенок в ее животе слишком вырастет? «Посмотрю, что можно сделать, – сказала я. – Но вначале ты должна еще раз поклясться, что никогда не скажешь ни папе, ни кому-либо еще, что в этом принимал участие Сулейман и что я передавала письма Мевлюта». Райиха, беззаботная по натуре, тут же поклялась. «Я уверена, что каждый в душе рад тому, что я сбежала и вышла замуж, потому что теперь очередь Самихи», – сказала она.

Коркут. Я ездил в Гюмюш-Дере и после недолгого разговора с рыдавшим у меня на руках тестем-горбуном я убедил его простить свою дочь Райиху. Я был вначале слегка раздражен, потому что он вел себя так, будто я участвовал в побеге (позже я понял его тон как знак того, что он знает, что Ведиха и мой брат Сулейман приложили к этому руку), но на самом деле он был доволен, что Райиха вышла замуж, – просто его бесило, что Мевлют спер его дочь даром. Чтобы улестить его, я пообещал помочь починить обрушившийся забор у него в саду; позже я переслал ему две тысячи лир с Ведихой.



Мевлют встревожился, когда узнал, что Горбун Абдуррахман простит их только при условии, что они приедут в деревню, чтобы извиниться и поцеловать ему руку. В ходе такого визита Мевлют неизбежно должен был встретиться лицом к лицу с красавицей Самихой – предполагаемым адресатом всех его писем, – и он был уверен, что не сможет скрыть

смущение, когда увидит ее. Мевлют не спал все четырнадцать часов, что они ехали на автобусе от Стамбула до Бейшехира, думая о такой перспективе, пока Райиха посапывала рядом, как ребенок. Самым сложным было скрыть затруднение от Райихи, которая радовалась, что все разрешилось наилучшим образом. Мевлют боялся, что, даже позволив себе думать об этом, он даст Райихе повод для ревности. Райиха почувствовала, что ее мужа что-то гложет. Когда они пили чай на автобусной станции с заправкой «Дагбаши», где автобус остановился ненадолго посреди ночи, она наконец спросила: «Ради Аллаха, скажи, в чем дело?»

– Мои странные мысли, – сказал Мевлют. – Что бы я ни делал, чувствую себя совершенно одиноким в этом мире.

– Ты больше никогда не будешь чувствовать себя одиноким, теперь я с тобой, – сказала Райиха тоном женщины, утешавшей ребенка.

Она нежно прижалась к нему, а Мевлют смотрел на ее призрачное отражение в окне чайной и знал, что никогда этого мига не забудет.

Сначала они два дня побыли в Дженнет-Пынар, в деревне Мевлюта. Его мать постелила Райихе лучшее белье и принесла орехов с цукатами, любимое лакомство Мевлюта. Она постоянно целовала свою невестку, показывала Мевлюту руки Райихи, ее ладони, ее уши и говорила: «Какая она красавица, не так ли» Мевлют грелся в материнской ласке, которой был лишен с тех пор, как в двенадцать лет переехал в Стамбул, но в то же время чувствовал недовольство и легкое презрение, которых совершенно не мог объяснить.

Райиха. За те пятьдесят дней, что я провела в Стамбуле, я так соскучилась по моей деревне, нашему дому, саду, по нашей старой деревенской дороге, деревьям и цыплятам, что ненадолго ушла от всех. В той самой комнате, в которой я зажигала и гасила свет, чтобы дать сигнал Мевлюту в ту ночь, когда мы сбежали, мой муж теперь стоял перед моим отцом, как нашаливший школьник, и просил его о прощении. Я никогда не забуду, как счастлива была в ту минуту, когда он целовал руку моего дорогого отца. После этого я вошла с подносом и подала кофе, очаровательно улыбаясь всем, кто был в комнате. Мевлют так нервничал, что выхлебал горячий кофе, как лимонад, даже не подув на него, и из его глаз покатились слезы. Они беседовали о том о сем. Мевлют очень расстроился, поняв, что я остаюсь с отцом и Самихой и не вернусь в Стамбул до свадьбы, прямо как настоящая невеста.



Мевлют был раздосадован тем, что Райиха скрыла от него свои планы остаться некоторое время дома. Он в раздражении шагнул в сторону своей деревни, но в глубине души был очень доволен, что не увидел в доме Самиху. Он радовался временной отсрочке позора, зная тем не менее, что эта проблема не решена, а только отложились до свадьбы в Стамбуле. Райиха упоминала сестру, но по какой-то причине та не показывалась. Означало ли это, что она тоже сгорает со стыда и хочет обо всем забыть?

На следующий день, по дороге назад в Стамбул, в автобусе, который скрипел и раскачивался в ночи, как старый корабль, Мевлют крепко заснул. Он проснулся, когда автобус снова остановился на заправке «Дагбаши», сел за тот же стол, за которым пил чай с Райихой на пути в деревню, и только теперь осознал, как сильно любит ее. Достаточно было провести один день наедине с самим собой, чтобы понять, что всего за пятьдесят дней его любовь к Райихе превзошла все, что он когда-либо видел в фильмах или слышал в сказках.

Самиха. Мы так рады, что Райиха нашла мужа, который любит ее и такой честный, такой милый, как маленький мальчик. Я поехала в Стамбул на свадьбу с отцом и Райихой. Это наша вторая поездка, и, конечно, мы опять живем у Ведиhi. Мы с сестрами прекрасно провели время с другими женщинами на Ночи Хны накануне свадьбы и смеялись до слез: Райиха изображала, как отец ругается с кем-то, а Ведиha представляла Коркута, потерявшего терпение в пробке и орущего на всех вокруг. Я показала кавалеров, которые пришли свататься ко мне в дом, но не знают, как себя вести, куда положить коробку сладостей и одеколон, которые они купили у торговца Аффана через улицу от мечети Эшрефоглу в Бейшехире. Теперь была моя очередь выходить замуж. Это усложняло мне жизнь. Мне не нравилось ни то, что отец охраняет меня, ни все эти любопытные глаза, разглядывающие нас, когда кто-нибудь открывал дверь в комнату, где мы проводили Ночь Хны. Мне нравились проникновенные взгляды кавалеров, бросаемые издали, как будто они уже безнадежно влюблены (некоторые из парней при этом поглаживали усы). Но были и такие, кто считал, что проще произвести впечатление на моего отца, и это

приводило меня в ярость.

Райиха. Я сидела на стуле посреди толпы шумных женщин. На мне было розовое платье, которое Мевлют купил мне в Аксарае и которое его сестры расшили цветами и кружевами; Ведиха надела мне фату, сквозь которую было не очень видно, однако перед глазами была полупрозрачная вуаль, и я могла следить за тем, как девушки вокруг танцуют и веселятся. Жгли растертую хну, над моей головой водили подносом со свечами, и все девушки и женщины, пытаясь заставить меня грустить, говорили: «Бедная наша Райиха, покидаешь ты отчий дом, отдают тебя чужим людям, кончились твои беззаботные денечки, ты стала взрослой женщиной, бедняжка», но я так и не смогла заставить себя плакать. Каждый раз, когда Ведиха и Самаха поднимали мою вуаль, чтобы проверить, плачу ли я уже, я думала, что вот-вот расхохочусь, и им приходилось поворачиваться и объявлять: «Нет, она еще не плачет», что только больше вдохновляло женщин вокруг меня на всякого рода провокационные намеки: «Машаллах, она даже не думает волноваться! Ей замуж невтерпех!» Я беспокоилась, что более завистливые среди них могут заметить мой округлившийся живот, так что подумала о смерти мамы, постаравшись вспомнить тот день, когда мы ее похоронили, изо всех сил попыталась выжать из себя немного слез, но так и не заплакала.

Ферхат. Когда Мевлют пригласил меня на свадьбу, я отказался. «Забудь об этом!» – сказал я, но Мевлют расстроился. Должен признаться, мне хотелось снова побывать в свадебном зале «Шахика». Я столько раз бывал там на левацких сборищах! Социалистические политические партии и левацкие объединения обычно проводили в том зале свои конференции и общие собрания. Они начинали с пения народных песен-тюркю и «Интернационала», но заканчивалось все кулачными боями и летающими стульями, причем не из-за каких-нибудь националистов, пытающихся разогнать собрание с палками, а из-за того, что соперничавшие просоветские и прокитайские фракции не могли обойтись без драки до крови. После того как леваки Кюльтепе проиграли уличную войну 1977 года, зал достался поддерживаемым государством правым организациям, и больше наша нога туда не ступала.



Мевлют даже не сказал Ферхату, что свадебный зал «Шахика» принадлежал одному из Вуралов и что без этих людей бракосочетание могло не состояться. Но Ферхат все равно нашел повод уколоть его:

– А тебе хорошо удастся быть и нашим и вашим. С таким умением станешь добрым лавочником.

– А я и хочу стать добрым лавочником, – сказал Мевлют, смешивая для Ферхата под столом водку с лимонадом, прежде чем перейти на чистую водку. – Однажды, – сказал он, обнимая товарища, – мы с тобой откроем лучший магазин в Турции!

В ту минуту, когда Мевлют произнес «да» в ответ на вопрос женившему их чиновнику, он почувствовал, что может с уверенностью вручить свою жизнь в руки рассудительной Райихи. Во время свадебного ужина он с удовольствием почувствовал, что отныне может не заботиться ни о чем, а лишь следовать за женой (он так и будет поступать на протяжении всей семейной жизни с ней), сознавая, что так жить легче и что именно так ребенок в его душе (не путать с ребенком в чреве Райихи) станет счастлив. Через полчаса, приняв поздравления от всех вокруг, он направился к Хаджи Хамиту Вуралу, который сидел за столом, как политик, окруженный своими телохранителями, чтобы поцеловать ему руку и затем руки всех, кого он привел с собой (всех восьмерых).

Сидя с Райихой на двух предназначенных для невесты и жениха позолоченных, обитых ярко-красным бархатом стульях посреди свадебного зала, Мевлют осматривал стол для мужчин (который занимал больше половины комнаты) и видел много знакомых лиц: большинство из приглашенных были бывшими торговцами йогуртом из поколения его отца, их спины давно сгорбились, а плечи давно ссутулились под тяжестью многолетней ноши. Так как торговля йогуртом была в упадке, самые бедные и неуспешные днем работали на обычных работах, а по вечерам разносили бузу, как и Мевлют. Некоторые ранее построили себе лачуги на окраинах города (эти строения иногда сносили, и их приходилось строить заново), а сейчас, когда стоимость этих земель возросла, могли наконец позволить себе отдохнуть или даже возвращались в деревню. У некоторых было по два дома: и в деревне, с видом на озеро Бейшехир,

и в одном из беднейших районов Стамбула – районе лачуг гедже-конду. Эти люди сидели, пуская дым сигарет «Мальборо». Они доверяли газетам, рекламировавшим депозиты в «Рабочем банке», и складывали в банк каждый куруш своего заработка затем лишь, чтобы вскоре увидеть, как сбережения превращаются в пыль во время последнего витка инфляции. Были среди приглашенных бедолаги, которые, пытаясь избежать такой судьбы, доверяли деньги самозванным банкирам и тоже теряли все. Так что теперь сыновья этих людей тоже работали уличными торговцами, как и Мевлют, который хорошо понимал: человек, который состарился, четверть века проторговав на улице, может так ничего и не заработать. Мать сидела с женами торговцев, усталыми, немолодыми женщинами, которых обычно оставляли в деревне; Мевлуту не хватало сил смотреть в их сторону.

Заревела зурна, забили в барабан, и Мевлют присоединился к пустившимся в пляс мужчинам. Пока он выплясывал, его глаза следили за лиловым платком Райихи – она принимала поздравления от молодых и пожилых женщин на женской половине зала. Следя краем глаза за Райихой, он заметил и Мохини, который недавно вернулся с военной службы. Оставалось недолго до того момента, как гости начнут прикалывать деньги и золото к одежде невесты и жениха. Порыв энергии захлестнул разгоряченный свадебный зал, и толпа, пьяная от смешанного с водкой лимонада, шума и спертого воздуха, потеряла всякую видимость порядка. «Я не могу смотреть спокойно на этих фашистов Вуралов, если хорошенько не выпью», – сказал Ферхат, передавая незаметно под столом другу стакан водки с лимонадом. Мевлют на мгновение потерял Райиху из виду, но тут же увидел ее и бросился к ней. Она выходила из дамской комнаты в сопровождении двух девушек в платках того же цвета, что и у нее.

– Братец Мевлют, вижу, как счастлива Райиха, и так радуюсь за вас обоих! – воскликнула одна из девушек. – Простите, не успела поздравить вас в деревне.

– Ты узнал ее? Это моя младшая сестра Самиха, – сказала Райиха, когда они снова сели на свои красные бархатные стулья. – Самое красивое у нее – это ее глаза. Ей так нравится здесь, в Стамбуле. Так много поклонников, что отец и Ведиха не знают, что делать со всеми любовными письмами, которые наша Самиха получает.

Сулейман. Вначале я подумал, что Мевлют искусно сдерживает чувства. Но потом я понял – нет, он даже не узнал Самиху, прекрасную

девушку, которой писал так много писем.

Мохини. Мевлют и Райиха попросили меня побыть в роли распорядителя на церемонии поднесения подарков. Каждый раз, когда я брал микрофон и объявлял новый подарок – «Почтенный господин Вурал, бизнесмен и строительный магнат из Ризы, щедрый благодетель и строитель мечети Дуттепе, дарит жениху швейцарские часы, сделанные в Китае!», – раздавалась слабая волна аплодисментов, сопровождавшаяся перешептыванием и смешками, и скряги, которые думали, что смогут уйти, отделавшись маленьким подношением, не желая опозориться перед всеми, быстро доставали банкноту покрупнее.

Сулейман. Я не поверил собственным глазам, когда увидел в толпе Ферхата. Пять лет назад этот подонок со своей бандой приспешников Москвы собирался напасть на моего брата и его друзей из-за угла! Если бы мы знали, что Мевлют пригласит его на свадьбу, выдумав какие-то оправдания, дескать «Он друг, он теперь исправился!», то уж, будьте уверены, мы бы не стали утруждаться доставлять письма Мевлюта, устраивать его женитьбу и даже устраивать эту свадьбу...

Но «товарищ» Ферхат выглядел довольно уныло. Теперь он больше не смотрел свысока, с умным видом, вертя свои четки, как ключи на цепочке, и не вел себя как коммунистический бандит, по которому тюрьма плачет. После переворота, случившегося два года назад, большинство его товарищей гнили в тюрьме или стали калеками после пыток. Самые умные сбежали в Европу, чтобы избежать мучений. С тех пор наш «товарищ» Ферхат не говорил ни на каком языке, кроме курдского, перестал заниматься политикой и вел себя тихо, поняв, что не сможет смыться отсюда со всей этой правозащитной толпой. Как говорит мой брат, умный коммунист забудет об идеологии, как только женится и начнет зарабатывать деньги; а глупый коммунист, вроде Ферхата, неспособный нормально жить из-за своих нелепых идей, будет искать таких бедняков, как Мевлют, чтобы «советовать» им.

Я-то лично думаю вот о чем: есть такие типы, которых нормальные ребята, вроде наших, не одобряют. Например, влюбляется богач в красивую девушку и приходит в дом ее семьи просить руки, но, когда он входит и видит, что у нее есть сестра красивее и моложе, он тут же поворачивается к ее отцу и говорит ему, что на самом деле хочет не ту девушку, за которой пришел, а младшую! Хотя младшая еще играет в классики в углу. Подобный человек – настоящий подонок; но, по крайней мере, можно

понять, откуда он такой. Но как вообще объяснить поступки таких, как Мевлют, который годами пишет девушке слезливые любовные письма, а потом ничего не говорит, когда видит, что бежал в ночной тьме не с красавицей, в которую влюблен, а с ее сестрой?



Чистая, детская радость Райихи умножала счастье Мевлюта. Она выглядела по-настоящему счастливой, когда гости прикалывали к ее платью банкноты, и не показывала того притворного изумления, которое Мевлюту доводилось видеть на других свадьбах. Мохини пытался смешить толпу комментариями к подаркам, отмечая количество денег, золота или украшений, подносимых гостями («Пятьдесят американских долларов от самого молодого из всех торгующих йогуртом дедушек!»), и, как на любой свадьбе, гости аплодировали даже самым неудачным шуткам.

Пока все вокруг были заняты своим делом, Мевлют незаметно рассматривал Райиху. Ее ладони, руки, уши, лицо казались ему прекрасными. Единственным недостатком в ней было то, что Райиха выглядела усталой, но, несмотря на усталость, она продолжала излучать дружелюбие, которое так шло ей. Она не нашла, кому бы отдать свою сумку, набитую подарками, конвертами и пакетами, и просто повесила ее на свой стул. Ее нежные маленькие руки лежали на коленях. Мевлют помнил, как он держал ее за руку, когда они бежали по горам, и помнил тот миг, когда он впервые внимательно ее рассмотрел на вокзале в Акшехире. День, когда они сбежали, уже казался далеким прошлым. За прошедшие три месяца они так много занимались любовью, так много времени проводили вместе, так сблизились, что Мевлют с удивлением понял, что никого он не знает лучше, чем Райиху, и теперь все мужчины, которые изощрались в танце перед незамужними девушками, казались ему детьми, ничего не знавшими о жизни. Мевлюту казалось, что он знает Райиху много лет, и он начинал понемногу верить, что его письма предназначались именно ей.

4. Плов с нутом

Еда вкуснее, если в ней немного грязи

Вернувшись домой, Мевлют и Райиха обнаружили, что многие из конвертов, которые гости так картинно дарили им, были пустыми, но это их не удивило. Не доверяя ни банкам, ни банкирам, Мевлют на бóльшую часть полученных денег купил Райихе несколько золотых браслетов. Он также купил в Долап-Дере подержанный черно-белый телевизор, чтобы Райиха не скучала, дожидаясь его дома по вечерам. Иногда они смотрели телевизор вместе, держась за руки. По субботам Мевлют начал приходить домой раньше, и субботними вечерами всегда шел сериал «Маленький домик в прериях», а по воскресеньям – «Даллас».

В начале октября Хызыр вернулся из деревни и забрал свою тележку, поэтому Мевлют некоторое время был без работы. Ферхат после свадьбы притих. Даже если им случалось столкнуться в кофейне на Тарлабаши, прежних разговоров о будущем, в котором они оба разбогатеют и откроют совместный магазин, между ними больше не было. Мевлют ходил по ресторанам Бейоглу, где он работал раньше, разговаривал с метрдотелями и директорами, которые коротали послеполуденные часы, заполняя конторские книги, читая газеты или делая ставки на футбол, но никто не мог предложить ему работу с достойной зарплатой.

В городе открылось несколько новых дорогих ресторанов, но в этих местах искали людей с «гостиничным образованием», которые говорили по-английски достаточно, чтобы отличать «yes» от «no», а не таких деревенщин, как Мевлют. В начале ноября он устроился в один ресторанчик, но уже через пару недель уволился. Какой-то умник в галстук разорался, что его томатная паста не была достаточно острой, Мевлют резко ответил ему, а потом в досаде снял и отбросил собственный передник. Правда, этот поступок не был импульсивным жестом грустной и усталой души: шли счастливейшие дни его жизни. Вскоре ему предстояло стать отцом, и он собирался потратить все подаренные на свадьбу украшения на новое дело, которое должно было обеспечить будущее его сыну, – на торговлю пловом с нутом.

Один официант познакомил Мевлюта с торговцем из Муша, который много лет продавал на улице плов с нутом, но недавно перенес удар. Заболевший торговец хотел продать свою тележку и свое место у причала автомобильного парома в Кабаташе. Мевлют знал по опыту,

что большинство уличных торговцев, собиравшихся продать дело, преувеличивают свои права на конкретное место. Если кому-то из них и удавалось подкупить и задобрить ближайшего городского, выпросив разрешение ставить свою тележку на несколько дней, подобный счастливчик, как правило, забывал, что этот угол не является его законной собственностью, а принадлежит народу и государству. Но несмотря на это, после многих лет работы на улице с шестом на спине Мевлют питал большие надежды и начал наслаждаться мечтами о собственном месте в Стамбуле, совсем как у какого-нибудь настоящего владельца магазина. Он знал, что его немного обманывают, но не стал слишком торговаться с полупарализованным стариком. Чтобы завершить сделку, Мевлют и Райиха пару раз ходили к торговцу и его заике-сыну в квартал геджеконду за Ортакем, где те снимали лачугу, которую делили с тараканами, мышами и свистящими на огне кастрюлями. После этого Мевлют пришел еще один раз, чтобы забрать тележку и откатить ее к своему дому. Он купил по мешку риса и нута у оптовика в Сиркеджи и поставил мешки дома между кухней и телевизором.

Райиха. Перед тем как ночью лечь спать, я хорошенько замачиваю нут и ставлю будильник на три утра, чтобы встать и проверить, достаточно ли он размяк, а затем поставить его в котле на слабый огонь. После того как я ставлю котел на плиту, мы с Мевлютом обнимаемся и возвращаемся спать под убаюкивающее побулькивание кипящего котла. Утром я обжариваю рис в небольшом количестве масла, в точности как нас учил человек из Муша, и оставляю его ненадолго томиться на медленном огне. Пока Мевлют ходит за покупками, я варю и затем обжариваю курицу. Затем чищу куриное мясо от кожи и костей, добавляю на свой вкус тимьяна и перца и, может быть, одну или две дольки чеснока, разделяю оставшееся мясо на четыре части и раскладываю рядом с рисом.



Мевлют возвращался домой с утреннего похода за покупками с большой сеткой томатов, вдыхал восхитительный аромат стряпни Райихи и гладил руки жены, ее спину, ее растущий живот. Курица Райихи

нравилась всем покупателям Мевлюта – конторским служащим, которые ходили на работу в банках и офисах Фындыклы в строгих костюмах, шумным студентам из близлежащих школ и университетов, рабочим с ближних строек, водителям и пассажирам, коротающим время в ожидании парома. Вскоре он обзавелся постоянными покупателями. Среди них были большой, дружелюбный охранник местного отделения «Ак-банка», который выглядел как бочка и всегда носил солнцезащитные очки; щеголяющий своей белой формой господин Недим, который продавал билеты на паром; мужчина и женщина, работающие в страховой компании поблизости. Мевлют всегда находил, о чем поговорить с каждым покупателем, – разговоры шли о пенальти, который не поставили «Фенербахче» в последнем матче, или о слепой девушке, которая знала все ответы на вчерашней телевикторине. Он сдружился даже с муниципальной полицией, угощая городских бесплатной курицей и сладкими речами.

Как опытный уличный торговец, знавший, что разговоры с людьми – часть работы, Мевлют никогда не обсуждал политику. Он заботился не столько о деньгах, сколько о том, чтобы покупатель несколько дней спустя вернулся просто потому, что ему понравились рис и курица.

Большинство покупателей Мевлюта давали понять, что главная привлекательность его еды – в ее дешевизне и доступности, а некоторые даже говорили об этом прямо. Иногда покупатели бывали столь любезны, что говорили ему: «Поздравляю, торговец, твоя еда восхитительна», и это так радовало Мевлюта, что он на некоторое время забывал о суровой реальности, которую старался скрывать и от себя, и от Райихи: он совершенно ничего не зарабатывал на этой торговле рисом. Он подозревал, что в этом не было его вины. Уличный торговец из Муша провел восемь лет на том же месте только затем, чтобы умереть в немощи и нищете.

Райиха. Чаще всего Мевлют приносил назад половину наготовленного утром. Куриное мясо теряло свежесть, кусочки кожи теряли яркость, жир обветривался, но я все складывала в котел на завтра, добавляя свежего риса, затем вновь немного варила. Вкус риса от повторной варки на слабом огне только улучшался. Мевлют не говорил, что мы используем остатки; вместо этого он называл это «приправой». В тюрьмах главари и их богатые сокамерники ужасную еду, которую там дают, варят снова с припрятанным оливковым маслом, специями и перцем. Мевлют слышал об этом от богатого курда из Джизре, который был в тюрьме, а теперь содержал автостоянку. Глядя на то, как я готовлю, Мевлют любил приговаривать,

что еда всегда вкуснее, когда в ней немного грязи, – истина, известная любому стамбульцу, который покупает уличную еду. Мне это не нравилось, и я отвечала ему, что в еде, которую готовят повторно, нет ничего «грязного». Но он твердил, что эти кусочки кожи, которые попадают на сковородку несколько раз, и нут, который неоднократно варится, обычно больше всего нравятся его покупателям и, вместо того чтобы идти за свежим и чистым куском мяса, они с удовольствием поглощают потроха, которые переварились несколько раз, густо намазывая их горчицей и кетчупом.



В октябре Мевлют вновь начал продавать бузу по вечерам. Каждый вечер проходил он много километров по стамбульским улицам, и в голове у него витали все его прежние фантазии и странные мысли. Во время походов по улицам он открыл, что тени деревьев в некоторых кварталах шевелятся, даже если совсем нет ветра, а бродячие собаки становятся смелее и нахальнее, если уличные фонари сломаны или выключены. Слушая то, что город рассказывал ему по ночам, Мевлют читал язык улиц, и это переполняло его гордостью. Но когда он утром возвращался к своей тележке с пловом и стоял на холоде, держа руки в карманах, сила его воображения исчезала, и ему казалось, что мир пуст и бессмыслен. Мевлют ощущал потребность как можно скорее вернуться домой, к Райихе, и страшился непреодолимого одиночества, нараставшего в его душе. Тем не менее он говорил себе: «Постою еще чуть-чуть» – и терпеливо кружил вокруг своей тележки с большими колесами и стеклянной витриной или просто переминался с ноги на ногу, поглядывая на свои швейцарские часы.

Райиха. «Он подарил тебе эти часы, потому что у него был свой интерес сделать это, – говорила я, когда замечала, как Мевлют смотрит на подарок Хаджи Хамита. – Он сделал это, чтобы тебе казалось, что должен ему не только ты, но и твой дядя, и двоюродные братья тоже». Когда Мевлют возвращался домой к обеду, я заваривала ему липовый чай, листья для которого собирала с дерева во дворе армянской церкви

неподалеку. Он проверял бузу, которая уже была приготовлена мной, включал телевизор на единственную программу, которую тот показывал, – там шла лекция по геометрии для лицеев – и пил свой липовый чай с сахаром, а затем ложился спать и спал, покашливая, пока не наступало время обедать. Я готовила нут и рис, покупала, варила и жарила курицу, добавляла сахар в бузу, чтобы она была готова к его вечерним походам; я отмывала все грязные приборы, ложки, бидоны и тарелки, которые нужно было вымыть. Слушая ребенка в своей утробе, я старалась, чтобы меня не стошнило в плов от запаха жареной курицы. Под этот запах я устраивала для ребенка уголок с кроваткой и подушками. В лавке какого-то старьевщика Мевлют отыскал книгу под названием «Исламские имена для вашего ребенка». Он перелистывал страницы перед ужином и читал некоторые имена в то время, когда по телевизору шла реклама, ожидая, чтобы я одобрила какое-нибудь из них, – Нурулла, Абдулла, Сейдулла, Фазлалла, – а мне не хотелось ранить его сердце, и я продолжала скрывать от него, что наш ребенок будет девочкой.

Ведиха, Самаха и я узнали это, когда мы сходили в больницу «Этфаль» в Шишли. Я шла из больницы обеспокоенная. «Да ради Аллаха, чего расстраиваться! – сказала заметившая мою печаль Самаха. – По улицам Стамбула и так полно мужчин шатается».

5. Мевлют становится отцом

Не вылезай из фургона

Самиха. Мы с отцом приехали в Стамбул на свадьбу Райихи, а остались надолго. В доме у Ведихи живем в той же комнате, что и прежде. Каждое утро, просыпаясь, я смотрю на кувшин с водой и пузырек одеколона на столе и погружаюсь в мысли: отец надеется найти мне в Стамбуле хорошую партию... Но я здесь еще близко не видела никого, кроме Сулеймана... Я не знаю, что они с Коркутом пообещали отцу, но знаю, что они заплатили за его зубные протезы. Он кладет протезы в стакан перед сном; мне всегда хочется взять эти фальшивые зубы и выкинуть в окно. По утрам я помогаю Ведихе по дому, вяжу кое-что на зиму, а после полудня, если по телевизору что-нибудь начинается, мы все вместе садимся смотреть телевизор. Отец с утра играет с Бозкуртом и Тураном, но им нравится дергать его за бороду, так что он в конце концов принимается ругать внуков. Однажды мы с отцом, Ведихой и Сулейманом ходили на Босфор; в другой раз – в кино в Бейоглу, а после него зашли поесть мухалеби^[51].

Сегодня утром Сулейман пришел ко мне, вертя на пальце ключи от машины, как четки; он сказал, что ему в полдень надо на ту сторону Босфора, чтобы забрать шесть мешков цемента и какое-то железо в Юскюдаре. Он собирался проехать по Босфорскому мосту и пригласил меня поехать с ним. Я спросила сестру Ведиху, можно ли. «Как хочешь, – сказала она. – Но ради Аллаха, будь осторожна». Что она имела в виду? Когда мы ходили в тот раз в «Палас-синема», отец и Ведиха не возражали, чтобы Сулейман сидел рядом со мной, так что когда я посреди фильма почувствовала, как его рука ползет, словно осторожный краб, чтобы потрогать мою ногу, я старалась понять, было ли это намеренно или случайно, но так и не поняла... В этот морозный зимний день, когда мы проезжали по Босфорскому мосту под лучами полуденного солнца, Сулейман был безупречно вежлив и внимателен. Он только спросил: «Самиха, хочешь, я сверну в правый ряд, чтобы тебе было лучше видно?» – и перестроился на своем фордовском фургоне так близко к краю, что мне показалось – мы вот-вот упадем на русский корабль с красной трубой, проплывающий внизу.

Мы пересекли Босфорский мост и поехали по ужасной, изрытой дороге на окраину Юскюдара, которая была далеко от всех туристических

красот: здесь находились цементные фабрики, окруженные колючей проволокой; мастерские с разбитыми окнами; брошенные дома, выглядевшие хуже, чем деревенские, и тысячи ржавых железных бочек. Их было так много, что я подумала, не падают ли они с дождем с неба.

Мы остановились на площадке, окруженной полуразвалившимися домами. Если хотите знать мое мнение, все выглядело очень похоже на Дуттепе (нищета, другими словами), только поновее и поуродливей. «Это филиал нашей строительной фирмы „Акташ Иншаат“, мы ее вместе с Вуралами основали!» – сказал Сулейман, выходя из машины. Двинувшись в сторону уродливого строения, он повернулся и угрожающе предупредил: «Не вылезай из фургона!» Конечно, мне сразу захотелось вылезти. Но вокруг не было ни одной женщины, так что я осталась дожидаться на переднем пассажирском сиденье.

К тому времени, когда мы пробрались через пробки, обедать было уже поздно, и Сулейман решил не довозить меня до дому. Когда мы подъехали к Дуттепе, он заметил каких-то друзей и резко остановил машину. «Ладно, мы уже близко, тут не так уж трудно забраться на холм, – сказал он. – Вот, возьми это и купи матери немного хлеба по дороге!»

Я купила хлеб и медленно поплелась к дому Акташей.

Райиха. Безымянная девочка в моем животе выросла так сильно, что мне было уже трудно садиться. Однажды вечером Мевлют читал имена из своей книжки: «Хамдуллах – тот, кто благодарит Аллаха; Убейдуллах – слуга Аллаха; Сейфуллах – воин Аллаха». Я решила прервать его: «Дорогой, в этой книге есть что-нибудь про имена девочек?» Он сказал: «О, гляди-ка, есть, кто бы мог подумать?» Он сказал это как человек, который однажды обнаружил, что в его любимом ресторанчике, куда он ходит много лет, есть «семейная комната» на втором этаже, предназначенная для женщин. Такой человек мог бы кинуть сквозь щель в двери быстрый, застенчивый взгляд на женщин, и точно таким же образом Мевлют мельком посмотрел на последние страницы, перед тем как снова вернуться к именам мальчиков. К счастью, Ведиха сходила и принесла мне еще две книги из славного магазинчика в Шишли, в котором также продавались и игрушки. В одной из них содержались в основном национальные имена Средней Азии, такие как Куртджебе, Алпарслан или Атабек, а имена девочек жили на отдельных страницах, подобно тому как мужчины и женщины жили отдельно в османских дворцах. В «Энциклопедии современных имен», однако, мальчики и девочки были перемешаны, словно в частной школе или на свадьбе

в богатой европеизированной семье, но Мевлют лишь смеялся, когда читал женские имена – Симге, Сюзан, Мине, Ирем. Внимательно он изучил только мужские: Толга, Хакан, Кылыч.

Рассказывая все это, я не хочу, чтобы вы подумали, что для Мевлюта рождение дочери Фатьмы в апреле оказалось какой-то трагедией или что он начал иначе относиться ко мне за то, что я не смогла подарить ему сына. Все было совсем наоборот. Мевлют был так счастлив стать отцом, что повторял каждому, что всегда хотел девочку, да и сам в это поверил. На нашей улице жил фотограф по имени Шакир, который делал фотографии людей, пивших раки и вино в барах Бейоглу, потом быстро бежал в свою старую лабораторию, чтобы побыстрее проявить их, напечатать и продать. Мевлют однажды привел его к нам, чтобы он снял его, улыбающегося во весь рот, с малышкой на руках. Мевлют приделал фото к стеклу на своей тележке и роздал немного риса бесплатно, говоря покупателям: «У меня девочка родилась». Вернувшись вечером домой, он сразу сажал Фатьму на колени, подносил ее левую ручку близко к глазам, тщательно разглядывал ее пальчики, словно часовщик у себя в лавке, и приговаривал: «Смотри, у нее тоже есть ноготки» – и затем сравнивал свои и мои пальцы с дочкиными и целовал нас обеих со слезами на глазах, полный восхищения этим чудом Аллаха.



Мевлют был очень счастлив, но в душе его шевелилось нечто странное, о чем Райиха не подозревала. «Благослови Аллах вашего красивого сына!» – говорили покупатели, увидев фотографии Фатьмы у него на тележке, где они отсыревали от пара, поднимавшегося от риса, и тогда Мевлют признавался им, что это девочка. Немало времени ушло и на признание перед самим собой того, что настоящей причиной его грусти стала ревность к ребенку. Вначале он думал, что его раздражает необходимость просыпаться несколько раз посреди ночи, когда Райихе надо покормить Фатьму. Кроме того, все лето была проблема с комарами, которые пробирались под детскую москитную сетку и пили малышкину кровь, из-за чего она все время плакала. Наконец Мевлют заметил, что странное чувство охватывает его каждый раз, когда он видит,

как Райиха воркует над ребенком и дает ей свою огромную грудь: ему было неприятно видеть, что Райиха смотрит на девочку с той любовью и восхищением, которые, казалось, должны быть предназначены ему. Однако он не мог сказать ей об этом и начал обижаться на нее. Райиха и ребенок стали одним целым, и Мевлют ощущал себя ненужным.

А ведь ему нужна была жена в доме, которая бы постоянно говорила ему, как он важен. Но с тех пор как родилась Фатъма, Райиха перестала говорить ему: «Ты сегодня очень хорошо поработал, Мевлют!», «Как мудро ты придумал использовать оставшийся фруктовый сироп, чтобы подсластить бузу, Мевлют!», «Надо же, как ты сумел заманить к себе всех чиновников из муниципалитета, Мевлют!». Во время Рамазана никто не продавал еду на улицах, так что Мевлют днем сидел дома. Ему хотелось заниматься с Райихой любовью все утро, чтобы отвлечься от ревности, но она не хотела «делать этого» перед ребенком. «Прошлым летом ты боялась, что Аллах увидит нас, теперь ты боишься, что ребенок увидит нас! – однажды закричал на нее Мевлют. – Тогда вставай и замеси мороженое». Мевлуту доставляло удовольствие следить, как Райиха, пьяная от счастья материнской и женской любви, покорно вылезает из постели и месит мороженое, сжимая длинную ложку обеими руками, вены на ее изящной шее выступали от напряжения, а он, глядя на нее, время от времени покачивал детскую кроватку.

Самиха. Прошло много времени с нашего приезда в Стамбул. Мы все еще живем у сестры в Дуттепе. Спится мне с трудом, потому что отец сильно храпит. Сулейман подарил мне витой золотой браслет. Я приняла подарок. Сестра говорит, что пойдут разговоры, если вскоре не дойдет до сватовства.

Райиха. Мевлют так ревновал меня, когда я кормила Фатъму, что сначала я всерьез расстроилась, а потом у меня совсем пропало молоко. В ноябре я снова забеременела. Что мне теперь было делать? Я не могла сказать Мевлуту о новом ребенке, пока не буду уверена, что это мальчик. Но что, если нет? Мне не сиделось дома; я решила поехать к Ведихе, а заодно и с Самихой поговорить. С почтового отделения на Таксима я позвонила им, узнала, что случилось, и в ужасе вернулась домой.

6. Самиха сбегает

Ради чего живет человек?

Ведиха. Однажды днем Самиха появилась в дверях нашей спальни, в платке и со своим чемоданчиком в руках. Она дрожала как лист на ветру.

– Что случилось? – спросила я.

– Сестра, я влюблена, я убегаю с ним, такси уже здесь.

– Что?! Ты с ума сошла? Не делай этого!

Она заплакала, но не передумала.

– Кто он? Где ты нашла этого парня? Смотри, как Сулейман любит тебя, не ставь отца и меня в такое положение, – сказала я. – Кто вообще убегает на такси?!

Моя младшая сестра, ослепленная любовью, была так взволнована, что даже не могла говорить. Она взяла меня за руку и отвела в комнату, где жила с отцом. Она сложила подарки Сулеймана аккуратной кучкой на столе – браслет и два платка, один украшенный лиловыми цветами, а другой с вышитыми газелями. Она указала на них, будто была немой.

– Самиха, у отца будет удар, когда он вернется домой, – сказала я. – Ты ведь знаешь, он принимал от Сулеймана подарки и взял деньги на вставные зубы и кучу других вещей. Ты в самом деле хочешь устроить отцу такое?

Она смотрела себе под ноги и молчала.

– Мы с отцом будем опозорены на всю оставшуюся жизнь.

– Райиха тоже убежала, но все закончилось хорошо.

– У Райихи не было других поклонников, к ней никто не сватался, ее никому не обещали, – сказала я. – Но ты не такая, как Райиха, ты красивая. И отец не брал ни у кого денег за руку Райихи. За такое прольется кровь.

– Я не знала, что меня кому-то пообещали, – всхлипнула Самиха. – Почему отец дал слово, почему он взял деньги, не спросив вначале меня?

Мы слышали, как такси сигналит с улицы. Самиха двинулась к двери.

– Если ты убежишь, Коркут будет бить меня несколько недель, об этом ты знаешь, Самиха? Он избьет меня до полусмерти, я буду вся в синяках, ты знаешь об этом, да? – повторяла я.

Самиха. Мы обнялись и заплакали... Мне было так жаль сестру и так страшно...

Ведиха. «Сначала вернись с отцом в деревню! – советовала я. – Тогда можешь бежать. Если ты сбежишь сейчас, они обвинят меня; они будут думать, что я устроила это. Ты знаешь, Самиха, они убьют меня. Кто вообще этот человек?»

Самиха. Сестра была права. Я сказала: «Дай я отошлю такси». Но все равно прихватила свой чемоданчик, когда шла на улицу. Я шла через сад к воротам, когда Ведиха, следившая из окна, увидела у меня в руках чемодан, зарыдала и начала умолять: «Не уходи, Самиха, не уходи, сестрица, милая!» Когда я вышла за ворота и подошла к такси, я не знала, что говорить и делать, затем решила сказать им: «Я передумала, сестра плачет», но дверца такси открылась, и они втащили меня внутрь. У меня даже не было возможности обернуться и напоследок посмотреть на сестру.

Ведиха. Они втащили Самиху в машину. Я видела все через окно. Я закричала: «На помощь! Эти негодяи похищают мою сестру, на помощь!»

Сулейман. Я проснулся после обеденного сна, выглянул в окно и увидел у задней двери машину... Бозкурт и Туран играли в саду... Я услышал, как Ведиха закричала в доме, затем она выбежала в сад.

Ведиха. Сколько я могла пробежать в тапочках?.. «Остановите такси! – кричала я. – Самиха, милая, вылезай из этой машины!»

Сулейман. Я бросился за ними, но не смог их поймать! Я был так взбешен, что думал, лопну от ярости. Вернулся, вскочил в свой фургон. К тому времени, как я проехал наш магазин и достиг подножия холма, черная машина уже сворачивала за угол в сторону Меджидиекёя. Но еще не все было кончено. Самиха добродетельная девушка. Она не сбежала. Она вернется. Не пишите об этом, не РАЗДУВАЙТЕ ЭТО. Не губите честь хорошей девушки. Я видел черную машину далеко впереди, но не мог догнать ее. Я полез в бардачок, достал оттуда пистолет «кырык-кале»^[52] и пару раз выпалил в воздух. Но все равно не пишите об этом, потому что неправда, что она сбежала. Люди неправильно поймут!

Самиха. На самом деле я сбежала. Я убежала по своей собственной воле. Я влюблена! Любовь заставила меня совершить это, и мне стало легче, когда я услышала выстрелы. Может быть, потому, что теперь не было пути назад? Мы сами выстрелили пару раз в небеса, просто так,

чтобы дать понять, что не безоружны, но, как только подъехали к Меджидиекёю, оружие убрали. Оказывается, Сулейман был дома в это время дня, и сейчас он гнался за нами на своем фургоне, мне было страшно, но я знала, что он не сможет найти нас в таком потоке. Я так счастлива теперь. Теперь вы сами видите: никто не может купить меня... Меня так все это злило!

Сулейман. Я нажал на газ, едва в потоке машин появился просвет. Но тут – черт! – из ниоткуда возник грузовик, я крутанул вправо и, конечно, – это было неизбежно – врезался в стену! Теперь у меня все плыло перед глазами. Где я? Лучше не двигаться и попытаться понять, что происходит. Похоже, я обо что-то ударился головой. Ну да, правильно! Самиха сбежала. Толпа любопытных детей уже сбегалась к фургону, радуясь забаве... Я ударился головой о зеркало заднего вида, и с моего лба текла кровь, но я развернул фургон и снова погнался за ними.

Ведиха. Дети слышали выстрелы и радостно бросились в сад, думая, что кто-то пускает фейерверк. «Бозкурт, Туран, – крикнула я им вслед, – немедленно в дом и закройте дверь!» Они не слушались, так что я догнала их, шлепнула одного и втащила за руку в дом другого. Я подумала, что следует вызвать полицию. Но стрелял-то Сулейман, умно ли будет звонить? «Что вы здесь торчите, идиоты, звоните отцу!» – кричала я. Вообще-то, я запрещала им трогать телефон без моего разрешения; иначе бы они играли с ним все время. Бозкурт набрал номер и сказал Коркуту: «Папа, тетя Самиха сбежала!»

Я заплакала, хотя понимала, что Самиха поступила правильно, – только никому не говорите, что я так сказала. Конечно, бедный Сулейман безнадежно влюблен в нее. Но он не самый умный парень на свете и не самый красивый. Уже сейчас немного растолстел. Правда, у него такие длинные ресницы, что некоторым девушкам они могут понравиться, но Самиха всегда находила это нелепым и девчачьим. Главной проблемой, думаю, было то, что, влюбившись в Самиху, Сулейман продолжал совершать поступки, которые действовали ей на нервы. Почему мужчины так черствы к женщинам, в которых влюблены? Самиха не выносила его напыщенности, попыток выглядеть мачо, а он такой выпендрежник, думал, что каждый хочет его совета просто потому, что у него в кармане водятся кое-какие деньги. Я сказала себе, что моя младшая сестра молодец, не отдала себя мужчине, которого не могла любить, но потом я задумалась, можно ли доверять тому, другому парню, с которым она убежала. В конце

концов я засомневалась: втащить девушку в такси среди бела дня – не лучшая идея. Мы в Стамбуле, а не в деревне! Ему действительно нужно было прикатить прямо под дверь?

Самиха. Все, что я видела на нашем пути по Стамбулу, мне очень нравилось и меня поражало: толпа, люди, уворачивавшиеся от автобусов и перебегавшие на другую сторону, девушки в смелых юбках, парки, большие старые жилые дома. Мне нравилось все это. Сулейман знал, как мне нравилось ездить по городу в его фургоне (я постоянно просила его взять меня с собой), но он редко брал меня, и знаете почему? (Мне пришлось изрядно поломать голову над этим.) Потому что, с одной стороны, ему хотелось быть ближе ко мне, а с другой – он не мог уважать девушку, которая слишком близко дружит с юношей до того, как выйдет за него замуж. Но я такая девушка, которая выйдет лишь за того мужчину, которого любит, – это ясно? Я не думаю о деньгах, я только следую за своим сердцем и готова принять последствия того, что совершила.

Сулейман. Еще до того, как я доехал до Меджидиекёя, они уже проехали Шишли. Я вернулся домой и припарковал фургон, пытаясь сохранять спокойствие. Я все еще не мог поверить в произошедшее, так как не мог представить, что кто-то посмеет украсть мою суженую прямо среди бела дня в самом сердце Стамбула. Никто не стал бы даже пытаться совершить подобное безумство; каждый знает, что за такое убивают.

Самиха. Дуттепе вовсе не «сердце Стамбула», да и я, как вы знаете, не обещала Сулейману ничего. Правда, что за такое могут убить, но, во-первых, каждый день кто-то умирает, а во-вторых, именно поэтому мы и сбежали так далеко. Стамбул бескраен. Теперь, когда горизонт был чист, мы остановились в кафе и пьем айран из картонных коробок. Усы моего любимого от айрана побелели. Я никогда не скажу вам его имя, и вы никогда не найдете нас, так что даже не пытайтесь спрашивать.

Сулейман. Когда я вернулся домой, Ведиха приложила кусок ваты к ране у меня на лбу. Я вышел в сад и дважды выстрелил из «кырык-кале» в шелковичное дерево. После этого воцарилась странная тишина. Я не переставал думать, что Самиха, конечно, вернется домой со своим чемоданчиком как ни в чем не бывало. Тем вечером все собрались в доме. Кто-то выключил телевизор, будто кто-то умер, и я понял, что больше всего

меня мучила тишина. Брат курил не переставая. Горбун Абдуррахман был пьян; Ведиха плакала. В полночь я вышел в сад и, глядя с Дуттепе на рассыпанные огни города, поклялся Аллаху, что отомщу за случившееся. Самиха стояла у окна где-то среди миллионов огней там внизу. Осознание того, что она не любит меня, причиняло невыносимую боль, так что я представлял, будто ее увезли против воли, и мне сразу захотелось поубивать тех ублюдков. Наши предки пытали преступников перед тем, как казнить их, – в такие моменты по-настоящему понимаешь важность традиции.

Абдуррахман-эфенди. Каково это – быть отцом, дочери которого сбегает одна за другой? Я немного смущен, но в то же время горд тем, что мои дочери не дожидаются мужа, которого для них выберет кто-то другой, а смело идут с мужчиной. Если бы у них была мать, она бы нашла подходящий путь и никому не пришлось бы убегать... В браке доверие важнее любви, это все знают. Меня беспокоит то, что будет с бедной Ведихой, когда я уеду в деревню. Но моя старшая мудрее, чем выглядит, и, может, она найдет способ избежать наказания.

Сулейман. Я полюбил Самиху даже сильнее после того, как она убежала. До ее бегства я любил ее потому, что она красива и умна, и потому, что все восхищались ею. Это было понятно. Теперь я люблю ее за то, что она покинула меня. Это еще более понятно, но боль невыносима. Я провожу утренние часы в нашем магазине, погруженный в мечты о ее возвращении. Она обязательно должна вернуться – тогда мы поженимся и устроим пышную свадьбу.

Коркут. Пока в доме никто не помогает, украсть девушку трудно. Несколько раз заводил я этот разговор, но Ведиха будто ничего и не слышала. Она лишь плакала и причитала: «Откуда мне знать, город такой огромный». Однажды мы остались дома вдвоем с Абдуррахманом-эфенди. «Некоторые отцы берут с мужчин деньги и все, что пожелают, а затем, когда находят лучший вариант, тайно продают своих дочерей богачам и притворяются, будто дочь сбегала. Пожалуйста, не пойми меня неправильно, Абдуррахман-эфенди, ты уважаемый человек, но как могла Самиха не подумать об этом, когда убегала?» – спросил я. «Я первый заставлю ее заплатить за это», – ответил он. Позже он обиделся на мои слова и перестал приходить домой на обед. Тогда я сказал Ведихе: «Я не знаю, кто из вас помог ей, но ты не покинешь этот дом, пока я

не узнаю, куда Самиха убежала и с кем». – «Прекрасно, – ответила жена, – ты все равно никогда не позволял мне выйти за пределы квартала, так что теперь буду сидеть дома. Но хоть в сад-то мне можно выйти?»

Сулейман. Однажды вечером я посадил Абдуррахмана-эфенди в фургон и поехал вниз к Босфору, сказав ему, что нам надо поговорить. Мы отправились в рыбный ресторан «Таратор» в Сарыере и сели в углу подальше от аквариума с рыбой. Мы заказали жареных мидий, но их еще не принесли, а мы уже допивали по первому стаканчику раки на пустой желудок, и я сказал: «Абдуррахман-эфенди, вы прожили намного больше меня, я уверен, что вы знаете ответ на мой вопрос. Ради чего живет человек?» Абдуррахман-эфенди еще в дороге почувствовал, что наш разговор может принять опасный оборот, так что он надолго задумался, стараясь подобрать самый безобидный ответ. «Ради любви, сынок!» – сказал он. «А ради чего еще?» Он снова задумался и сказал: «Ради дружбы». – «И?..» – «Ради счастья, сынок. Ради Аллаха... ради родины...» – «Человек живет ради чести, отец!» – оборвал его я.

Абдуррахман-эфенди. На самом деле я живу ради дочерей, но ему я этого не сказал. Я старался поддакивать этому злому молодому человеку, потому что в душе понимал, что он в чем-то прав, к тому же мне было жаль его. Мы выпили так много, что все мои позабытые воспоминания поплыли вокруг меня, словно рыбы в аквариуме. В конце застолья я набрался смелости: «Сулейман, сынок, я знаю, как тебе больно и как ты сердит, и я понимаю тебя. Нам тоже больно и мы тоже сердиты, потому что поступок Самихи поставил нас в очень трудное положение. Но нет причин притягивать к этому задетые гордость и честь! Твое достоинство никоим образом не пострадало. Ты не был женат на Самихе и даже не сватался к ней. Да, я хотел бы, чтобы вас связали узы брака до того, как вы узнаете друг друга. Я совершенно уверен, что вы были бы счастливы. Но сейчас неправильно тебе превращать это в дело чести. Все знают, что пышные фразы про честь на самом деле просто оправдание для того, чтобы позволить людям с чистой совестью убивать друг друга. Ты собираешься убить мою дочь?»

Сулейман, конечно, рассердился. «Простите, отец, но разве у меня не должно быть, по крайней мере, права последовать за ублюдком, который сбежал с Самихой, и покарать его за содеянное? Этот мерзавец унизил меня, разве не так?» – «Успокойся, сынок». – «Имею я право или нет?» – «Потише, сынок». – «Когда ты приезжаешь из деревни и годами трудишься

изо всех сил, стараясь обустроить свою жизнь на этой городской свалке, а затем какой-то жулик приходит, обманывает и обирает тебя до нитки, очень трудно оставаться спокойным». – «Поверь мне, сынок, если бы все зависело от меня, я бы взял Самиху за загривок и сам привел бы ее домой. Я уверен, она понимает, что совершила ошибку. Как знать, может быть, пока мы пьем здесь, она возвращается с поджатым хвостом». – «Кто сказал, что мы с братом примем ее назад?» – «Ты не примешь назад мою дочь, если она вернется?» – «Мне надо думать о своей чести». – «Но что, если никто к ней пальцем не прикоснулся?»

Мы пили до полуночи, пока бар не закрылся. Я не помню, как так вышло, но в какой-то момент Сулейман встал и попросил у меня прощения, с почтением поцеловав мою руку, а я пообещал ему, что никому не скажу о нашем разговоре. И даже сказал: «Я не скажу Самихе». Сулейман заплакал. Он сказал, что мои глаза и жесты напоминают ему Самиху. «Дочери всегда похожи на отцов», – сказал я с гордостью. «Я совершил ошибку, я выделялся, я не попытался подружиться с ней, – сокрушался Сулейман. – Но у нее острый язычок. Трудно разговаривать с девушками, не у кого даже спросить совета, нас никто этому трудному делу не учил. Я просто разговаривал с ней, как говорил бы с мужчиной, только без грубостей. Ничего не вышло».

Перед тем как мы поехали домой, Сулейман пошел умыться и, когда он вернулся, был совершенно трезв. По пути домой дорожная полиция в Истиние остановила нас, чтобы проверить машину, и пришлось дать им изрядную взятку, чтобы от нас отстали.

7. Вторая дочь

Будто его жизнь происходит с кем-то другим

Мевлют долго ничего не знал обо всех этих событиях. Он не утратил воодушевления в работе: он был полон надежд, как «предприниматель, который верит в идею», излюбленный герой книг под названием типа «Как стать успешным бизнесменом». Он был убежден, что сможет заработать больше денег, если установит яркую лампочку в стеклянную витрину своей трехколесной тележки, договорится торговать с кем-нибудь из разносчиков айрана, чая или колы, которых вокруг то становилось много, то не было совсем, а с клиентами будет разговаривать еще сердечнее и искреннее. Мевлют делал все, что мог придумать, чтобы обзавестись постоянными покупателями в районе от Кабаташа до Фындыклы. Он не переживал, если конторские служащие, которые перекусывали у его тележки, не замечали его стараний, но приходил в ярость, если торговцы напитков, с которыми он сотрудничал, спрашивали его о выручке. Он использовал свою сеть привратников, швейцаров, охранников и разносчиков чая, которые работали внутри офисных зданий, пытаясь установить отношения с бухгалтерами и управляющими. Однажды ночью Райиха сказала ему, что снова беременна и что снова ждет девочку.

– Откуда ты знаешь, что будет девочка? Вы что, вновь втроем ходили в больницу?

– Нет, не втроем, Самихи не было. Она сбежала с кем-то, чтобы не выходить за Сулеймана.

– Что?!

Райиха рассказала ему, что знала.

Той же ночью Мевлют бродил по Ферикёю как лунатик, выкрикивая свое «Бузааа!..». Ноги сами привели его на кладбище. Светила луна; остроконечные кипарисовые деревья и надгробия то озарял серебристый свет, то покрывала густая темнота. Мевлют пошел по мощеной дорожке к середине кладбища, чувствуя себя как во сне. Человек, гулявший по кладбищу, был не он сам, и ему казалось, будто все события его жизни тоже происходят с кем-то другим.

Чем дальше он шел, тем дальше уходило кладбище, разворачиваясь, как ковер, и Мевлют наконец обнаружил себя на крутом склоне. Кем был тот человек, с которым убежала Самиха? Скажет ли она ему когда-нибудь: «Мевлют годами писал мне любовные письма о красоте моих глаз, а потом

женился на моей сестре»? Знала ли вообще Самиха о письмах?

Райиха. «В прошлый раз ты перебрал все имена мальчиков, а в конце концов у нас родилась девочка, – сказала я Мевлюту, передавая ему книгу исламских имен. – Может быть, если ты попытаешься прочесть все имена девочек, на этот раз у нас будет мальчик? Проверь, есть ли женские имена с упоминанием Аллаха!» – «В женском имени не может упоминаться Аллах!» – отрезал Мевлют. Согласно Корану, самое большее, на что могли надеяться девочки, – это быть названными в честь одной из жен Пророка Мухаммеда. «Может, если мы будем есть рис каждый день, мы станем китайцами», – заметила я. Мевлют рассмеялся со мной, подхватил дочку и покрыв ее лицо поцелуями. Он даже не замечал, что Фатма расплакалась от его колючих усов, пока я не сказала ему об этом.

Абдуррахман-эфенди. Покойную мать моих дочерей звали Февзие. Я предложил назвать в ее честь их вторую дочь. Вы удивитесь, если узнаете, что, хотя все три ее дочери были сейчас в Стамбуле и две из них взбунтовались и сбежали из дома, Февзие, да покоится она в мире, жила не очень богатой приключениями жизнью: она вышла замуж за меня, за первого мужчину, попросившего ее руки, в возрасте пятнадцати лет и мирно жила до двадцати трех, шагу не сделав за пределы нашей деревни Гюмюш-Дере. Сейчас я возвращаюсь туда, признав горькую правду, что снова не смог устроиться в Стамбуле, и, сидя в автобусе, мрачно глядя в окно, думаю, что хотел бы, как Февзие, никогда не покидать деревню.

Ведиха. Мой муж едва разговаривал со мной, редко приходил домой и смеялся надо всем, что я говорила. Молчание Коркута и Сулеймана и все их намеки измотали моего отца до того, что он собрал чемоданы и уехал в деревню. Я много плакала тайком. Всего за месяц комната отца и Самихи опустела. Я иногда захожу в нее, чтобы посмотреть на постель отца с одной стороны и Самихи – с другой, и плачу, со стыдом вспоминая произошедшее. Каждый раз, когда я смотрю на Стамбул в окно, я пытаюсь представить, куда убежала Самиха и с кем она сейчас. Храни тебя Создатель, Самиха, я рада, что ты сбежала.

Сулейман. Прошел пятьдесят один день с побега Самихи, а новостей все не было. Все это время я безостановочно пил раки. Правда, я никогда не пил за обеденным столом, чтобы не злить брата; я это делал либо у себя в комнате, как будто принимая дозу лекарства, либо в Бейоглу. Иногда я

катался по окрестностям на фургоне просто для того, чтобы отвлечься.

По четвергам, когда нам надо было закупаться для магазина гвоздями, краской или штукатуркой, я ездил на рынок и, нырнув в людской поток рынка и в море лавочной суеты, выныривал лишь спустя несколько часов. Время от времени я заезжал на случайную улицу где-нибудь на холме за Юскюдаром, проезжая дома, построенные из саманных кирпичей, бетонные заборы, мечети, фабрики, площади. Я продолжал ездить мимо банков, ресторанов, автобусных остановок, но нигде не было ни следа Самихи. Тем не менее во мне росла уверенность, что она где-то рядом, и, сидя за рулем, я представлял, что гонюсь за своей мечтой.



Вторая дочь Мевлюта и Райихи, Февзие, родилась в августе 1984 года, легко и без лишних больничных расходов. Мевлют был так счастлив, что написал на своей тележке: ПЛОВ «ДВЕ ДОЧКИ». Если не считать хаоса, который обе малышки устраивали, плача ночью в унисон, хронического недосыпа и зачавшей к ним Ведихи, которая постоянно являлась помочь и часто лезла не в свое дело, Мевлюту было не на что жаловаться.

– Брось ты этот плов, дорогой зятек, присоединяйся-ка к семейному бизнесу и обеспечь Райихе лучшую жизнь, – сказала однажды Ведиха.

– У нас и так все очень хорошо, – ответил Мевлют.

Райиха выразительно посмотрела на сестру, как бы говоря: «Это неправда», что задело Мевлюта, и, как только Ведиха ушла, он начал бурчать: «Кем она себя вообразила, чтобы вмешиваться в нашу жизнь?» Он даже думал запретить Райихе ходить в дом к сестре на Дуттепе, но настаивать на этом не стал, понимая, что несправедливо требовать от нее подобного.

8. Капитализм и традиции

Счастливая семейная жизнь Мевлюта

В конце февраля 1985 года, когда длинный, холодный, неудачный рабочий день тянулся к завершению, Мевлют собирал тарелки и стаканчики, чтобы отправиться с Кабаташа домой. Неожиданно прикатил Сулейман на своем фургоне.

– Все уже передали подарки для твоей новой дочки, даже амулеты от сглаза на одежду прикололи, а я только собираюсь, – сказал он. – Давай посидим в машине, поговорим. Как работа? Ты тут не замерз?

Карабкаясь на переднее сиденье, Мевлют вспомнил, как часто прекрасногоглазая Самиха сидела на этом самом месте до того, как убежала год назад, как много времени она провела здесь, катаясь с Сулейманом по Стамбулу.

– Я уже два года торгую пловом и за все это время ни разу не садился в машину покупателя, – сказал он. – Здесь слишком высоко, у меня голова кружится, я лучше выйду.

– Сиди-сиди, нам о многом надо поговорить! – сказал Сулейман, хватая за руку Мевлюта, взявшегося было за дверную ручку. Сулейман посмотрел на друга детства взглядом, полным страдания и любовной тоски.

Мевлют видел, что глаза двоюродного брата говорят ему: «Мы квиты теперь!» Он жалел Сулеймана, и в этот момент ему открылась истина: Сулейман расставил ловушку, он заставил Мевлюта думать, что девушку с мерцающими глазами зовут Райиха, а не Самиха. Если бы Сулейман сумел жениться на Самихе, как планировал, Мевлют продолжал бы делать вид, что никакой ловушки не было, чтобы все были счастливы...

– У вас с братом дела отлично идут, машаллах, Сулейман, а вот мы все никак не можем найти способ разбогатеть. Я слышал, что Вуралы уже продали больше половины новых квартир, которые строят, хотя еще не закончили и фундамента.

– Да, у нас все идет хорошо, хвала Создателю, – сказал Сулейман. – Но мы хотим, чтобы и у тебя дела шли хорошо. Мой брат думает так же.

– Так что за работу вы предлагаете? Мне что, завести чайную в конторе у Вуралов?

– Ты хотел бы завести чайную?

– Покупатель идет, – сказал Мевлют, выбираясь из машины.

Никакого покупателя не было, но он повернулся спиной к фургону Сулеймана, зачерпнул немного плова на тарелку, разровнял горку обратной стороной ложки. Он выключил газовую плиту, которая была устроена в его трехколесной тележке, и с удовольствием отметил, что Сулейман вылез вслед за ним из фургона.

– Смотри, если не хочешь говорить, не будем, но дай мне самому преподнести ребенку подарок, – сказал Сулейман. – По крайней мере, я хочу увидеть ее.

– Если ты не знаешь дорогу к моему дому, следуй за мной, – сказал Мевлют и начал толкать тележку.

– Давай погрузим тележку ко мне в фургон! – сказал Сулейман.

– Не стоит недооценивать эту тележку, это как ресторан на трех колесах. Кухонная часть и плита очень хрупкие, а весят много.

Мевлют взбирался на холм Казанджи (что обычно занимало у него двадцать минут) в сторону Таксима, пыхтя за своей тележкой, когда Сулейман позвал его:

– Мевлют, давай привяжем твою тележку к бамперу, и я осторожно оттащу ее.

Брат выглядел достаточно искренним и дружелюбным, но Мевлют продолжал двигаться, как будто ничего не слышал. Через несколько метров он подтолкнул свой «ресторан» на колесах к обочине дороги и поставил его на тормоз. «Поднимайся к Таксиму и жди меня на автобусной остановке Тарлабаши».

Сулейман нажал на газ, исчезнув на холме, а Мевлют забеспокоился, что брат сейчас увидит состояние дома и поймет, как они бедны. На самом деле его радовало покорное дружелюбие и заботливость Сулеймана. Где-то в глубине души он надеялся, что сможет использовать двоюродного брата для того, чтобы подобраться ближе к Вуралам и, может быть, обеспечить лучшую жизнь Райихе и детям.

Он привязал тележку на цепочку к дереву в заднем саду. «Где ты?» – позвал он Райиху, которая застряла на кухне, вместо того чтобы спуститься и помочь ему. Они встретились наверху в кухне, куда он нес грязную посуду из-под плова.

– Сулейман едет сюда, он везет подарок ребенку! Ради Аллаха, прибери здесь немного и сделай, чтобы выглядело красиво! – сказал Мевлют.

– Зачем? – сказала Райиха. – Пусть он видит, как на самом деле мы живем.

– У нас все хорошо, – сказал Мевлют. Он теперь улыбался,

обрадованный видом дочерей. – Но мы не должны давать ему никакого повода для разговоров. Тут пахнет, давай немного проветрим.

– Не открывай окно. Девочки замерзнут, – сказала Райиха. – Мне что, стыдиться того, как у нас пахнет? Разве у них в доме на Дуттепе не пахнет точно так же?

– Нет. Они развели огромный сад, провели электричество и водопровод, все работает как часы. Но мы здесь намного счастливее. Буза готова? По крайней мере, убери эти полотенца подальше.

– Извини, но когда тебе надо следить за двумя детьми, трудно успевать с бузой, с рисом, с курицей, тарелками, стиркой и всем остальным.

– Коркут и Сулейман хотят предложить мне работу.

– Что за работа?

– Мы собираемся стать деловыми партнерами. Собираемся открыть чайный дом в компании Вуралов.

– Я думаю, что нет никакой работы. Это просто повод, и Сулейман надеется вывести у нас, с кем убежала Самаха. Если они думают, что ты такой замечательный, почему они тянули столько времени, прежде чем появиться с этим своим предложением?

Сулейман. Я предпочел избавить Мевлюта от огорчения знать, что я следил за ним на Кабаташе, пока он хмуро ждал покупателей под ударами ветра. Я знал, что не смогу припарковаться на Таксима с таким-то движением, так что я оставил фургон на боковой улочке и с грустью смотрел, как Мевлют из последних сил толкает свою тележку на холм.

Я немного поездил по Тарлабаши. Генерал, который стал мэром после переворота в 1980 году, выгнал из района всех плотников и механиков, выселив их за край города. Он также закрыл все общежития для холостяков, в которых обычно спали работавшие в ресторанах Бейоглу посудомойщики, заявив, что эти места являются рассадником микробов. В результате здешние улицы опустели. Вуралы появились здесь в поисках возможных участков для строительства, которыми можно дешево завладеть, чтобы построить хоть что-то, но они сдались, когда обнаружили, что бóльшая часть зданий вокруг принадлежит грекам, которых за одну ночь депортировали в Афины в 1964 году. Мафия здесь была сильнее и злее, чем банды, державшие Дуттепе. За последние пять лет здесь все заполонили бродяги и нищие, и так много крестьян из бедных деревень, курдов, цыган и прочих приезжих обосновалось на этих улицах, что район стал хуже, чем Дуттепе пятнадцать лет назад. Теперь только еще один переворот мог бы помочь вновь очистить этот район.

Войдя к Мевлюту, я вытащил куклу, которую купил Райихе для ребенка. Единственная комната, в которой они жили, была в ошеломляющем беспорядке: пеленки, тарелки, стулья, стопки белья, мешки с нутом, пакеты с сахаром, газовая плитка, коробки детской еды, пачки моющего средства, кастрюли и сковородки, бутылки из-под молока, пластиковые банки, матрасы и одеяла – все сливалось в одно большое цветное пятно, как одежда, вертящаяся внутри стиральной машины.

– Мевлют, я никогда не верил Ведихе, когда она рассказывала мне о вас, но теперь вижу собственными глазами, какую красивую, счастливую семейную жизнь ты ведешь здесь с Райихой и девочками! Я счастлив за тебя!

– Почему ты не верил рассказам Ведихи? Почему ты не верил ей? – спросил Мевлют.

Райиха подала нам чай.

– Для тебя, похоже, все девушки недостаточно хороши, Сулейман, – поддразнила она. – Давай садись.

– Есть девушки, которые думают, будто я недостаточно хорош, – сказал я. И не стал садиться.

– Моя сестра говорила мне – все красавицы влюблены в Сулеймана, но Сулейману не нравится ни одна из них.

– Ну да, конечно, Ведиха такая услужливая. Она всегда приходит и рассказывает вам обо всем? Кто же эта красавица, которая так влюблена в меня?

– Ведихе виднее.

– Я знаю кто, но эта девушка мне не подходила. Она болела за неправильную команду, за «Фенербахче», – пошутил я, сам удивленный своим остроумием.

– Что насчет той высокой?

– Аллах Всемогуший, есть ли что-нибудь, о чем ты не знаешь? Она была слишком современной, Райиха, она тоже не подходила мне.

– Сулейман, если бы ты встретил девушку, которая бы тебе понравилась, была бы красивой и порядочной, но не носила бы платок, для тебя это было бы достаточной причиной, чтобы не жениться на ней?

– Откуда к тебе вообще приходят такие идеи, Райиха? – воскликнул Мевлют из другого конца комнаты, где он проверял консистенцию бузы. – Из телевизора?

– Ты представляешь все так, будто я в самом деле задрал нос и считаю, что никто мне не подходит. Может, я почти договорился жениться на горничной, дочери Касима из Кастамону, – сказал я.

Райиха нахмурилась.

– Я тоже могу оказаться горничной, – гордо ответила она. – Что плохого в любой работе, пока ты сохраняешь свое достоинство?

– Ты думаешь, я позволю тебе подобное? – отозвался Мевлют.

Райиха улыбнулась:

– Дома я все равно как уборщица, горничная, повар трехколесного ресторана и поваренок в магазине бузы. – Она повернулась к Мевлюту. – Так что подпиши со мной трудовой контракт, и обязательно нотариально заверенный, или я объявлю забастовку. Закон говорит, что я имею право.

– Кому какое дело, что закон говорит или не говорит. Правительство не имеет права влезать к нам в дом! – вызывающе сказал Мевлют.

– Райиха, если ты знаешь о таких вещах, то должна знать и другое, о чем я на самом деле хотел бы услышать, – отважился я.

– Мы понятия не имеем, куда Самиха уехала и с кем она уехала, братец Сулейман. Не трать время понапрасну, пытаясь вытащить из нас это. Вот Коркут ужасно ведет себя с моим бедным отцом просто потому, что думает, будто тот что-то знает...



– Мевлют, тут за углом пивная «Пергола», пошли туда, посидим немного, – предложил Сулейман.

– Не давай Мевлюту пить слишком много, хорошо? Он разболтает все после первого же стаканчика. Не то что я, – попросила Райиха.

– Я знаю, сколько мне пить! – обиделся Мевлют. Его начал раздражать запанибратский и в чем-то заискивающий тон, с которым его жена обращалась к Сулейману. Она даже не покрыла голову как надо. Очевидно, что Райиха бывала в доме на Дуттепе намного чаще, чем ему рассказывала, вовсю купаясь в тамошнем комфорте. – Не замачивай больше нута на ночь, – скомандовал Мевлют, выходя из дому.

– Естественно. Ты все равно принес назад весь плов, что я наварила утром, – парировала Райиха.

Сулейман долго не мог вспомнить, где он припарковал свой фургон. Он обрадовался, когда они нашли его на несколько шагов дальше предполагаемой парковки.

– Не надо тебе парковаться здесь, соседские дети стащат зеркало заднего вида, – сказал Мевлют. – Они стащат даже фордовский логотип... Продадут их торговцам запчастями, что вверх по улице, или носят как ожерелье. Если бы это был «мерседес», они бы уже давно срезали значок.

– Сомневаюсь, что в этом районе когда-нибудь видели «мерседес».

– Я бы на твоём месте не торопился сомневаться. Здесь прежде жили самые умелые греки и ассирийцы. Ремесленники – это кровь Стамбула.

Пивная «Пергола», бывшая некогда греческим рестораном, находилась всего в трех улицах вверх к Бейоглу, но Мевлют и Райиха никогда там не бывали. Было еще рано, так что ресторан пустовал. Братья сели, и Сулейман, даже не подумав спросить Мевлюта, заказал две двойные раки и немного закусок (брынза, жареные мидии). Он сразу взял быка за рога:

– Настало время оставить споры наших отцов об имуществе. Мой брат передает тебе свое почтение... У нас есть серьезное предложение о работе, которое мы хотим обсудить с тобой.

– Что за работа?

В ответ Сулейман поднял для тоста свой стаканчик раки. Мевлют ответил тем же, но сделал только маленький глоток, перед тем как поставить стаканчик обратно на стол.

– Что такое, ты не пьешь? – встревожился Сулейман.

– Я не могу допустить, чтобы мои покупатели видели меня пьяным. Да и все, кто привык по вечерам покупать бузу, скоро будут ждать меня.

– Мало того что ты со мной не откровенен, так еще думаешь, что я хочу тебя напоить и что-нибудь выведать, да? – спросил Сулейман. – Разве я кому-нибудь выдал твой большой секрет?

Сердце Мевлюта ухнуло в груди.

– Что за мой большой секрет?

– Дорогой мой Мевлют, похоже, ты все же веришь мне. Да так слепо, что кое-что забыл. Поверь, я тоже забыл и никому ничего не говорил. Но позволь освежить твою память, чтобы ты припомнил, что я на твоей стороне. Когда ты влюбился на свадьбе Коркута, предложил я тебе свою помощь и совет или нет?

– Конечно предложил...

– Я проехал в своем фургоне от Стамбула до Акшехира, просто чтобы ты мог убежать с девушкой, не так ли?

– Я благодарен тебе, Сулейман... Я так счастлив теперь, и все благодаря тебе.

– Ты в самом деле счастлив, это правда? Иногда наше сердце хочет

сказать одно, но мы вместо этого говорим другое... Мы все равно говорим, что счастливы.

– Зачем человеку кому-то говорить, что он счастлив, если это не так?

– От стыда... и потому, что признание правды сделает его еще более несчастным. Но это все не имеет к тебе отношения. Ты более чем счастлив с Райихой... Теперь твоя очередь помочь мне добыть счастье.

– Я помогу тебе так же, как ты помог мне.

– Где Самаха? Как ты думаешь, она вернется ко мне? Скажи правду, Мевлют.

– Выбрось эту девушку из головы, – сказал Мевлют, недолго помолчав.

– Можно ли перестать думать о ней! Ты и мой брат женились на двух сестрах, прекрасно. Но я обломался с третьей сестрой. Чем больше я хочу забыть Самаху, тем больше думаю о ней. Я не могу перестать думать о ее глазах, о том, как она ходит и разговаривает, о том, как она красива. Что мне делать? Кроме нее, я могу думать только о том человеке, который причинил мне это унижение.

– Кто это?

– Сукин сын, который украл у меня Самаху средь бела дня. Я не знаю, кто он. Скажи мне правду, Мевлют. Я отомщу этому ублюдку. – Сулейман поднял свой стакан, как бы предлагая мир, и Мевлют тоже неохотно допил свою раку. – Аааах... как раз то, что нужно, – довольно протянул, глотнув раку, Сулейман. – Правда?

– Если бы мне не надо было работать ночью, я бы выпил еще одну... – сказал Мевлют.

– Мевлют, ты годами называл меня националистом и жалким маленьким фашистом, а теперь напоминаешь тех, кто так опасается согрешить, что боится раку. Что случилось с этим твоим другом-коммунистом, который пристрастил тебя к вину? Как там этого курда звали?

– Хватит о старом, Сулейман, лучше расскажи о деле.

– А каким делом ты бы хотел заниматься?

– Ага... Значит, нет никакого дела, есть... Ты просто пришел сюда, чтобы выпытать у меня, кто увел Самаху.

– Ты вообще уже должен торговать своим пловом на мотогрузовике от «Арчелика»^[53], – сухо сказал Сулейман. – Их продают в рассрочку. Мевлют, если бы у тебя были деньги, то какой магазин ты хотел бы открыть и где?

Мевлют знал, что не должен всерьез воспринимать вопрос, но не смог удержаться:

– Я бы открыл магазин бузы на Бейоглу.

– Разве буза пользуется спросом?

– Я уверен, что каждый, кто попробует бузу, обязательно вернется еще попробовать, если только ее правильно готовить и подавать, – горячо сказал Мевлют. – Я с тобой говорю, как капиталист... У бузы прекрасное будущее.

– Это товарищ Ферхат дает тебе такие капиталистические советы?

– То, что люди пьют мало бузы сегодня, не значит, что они не будут пить ее завтра. Ты ведь слышал историю про двух сапожников, которые поехали в Индию? Один из них сказал: «Люди здесь везде ходят босыми, они не станут покупать обувь» – и вернулся домой...

– У них там что, своих капиталистов не хватало? – перебил Сулейман.

– ...а другой сказал: «Здесь полмиллиарда босых людей, это гигантский рынок», – продолжал Мевлют. – Так что он упорно трудился и в итоге разбогател, продавая в Индии обувь. Если я теряю в деньгах, продавая плов с нутом днем, то потом, вечером, более чем не внакладе с бузой.

– Ты, как видно, стал настоящим капиталистом, – хмыкнул Сулейман. – Но позволь напомнить тебе, что буза была популярна в османские времена, потому что тогда пили ее вместо спиртного. Буза – это одно, а обувь для босых индусов – другое... Нам больше не надо обманывать себя, представляя, что в бузе нет алкоголя. Теперь пить спиртное все равно можно.

– Нет, пить бузу не значит обманывать себя. Все ее любят, – сказал Мевлют, возбуждаясь. – Тем более если продавать ее в чистом магазине в хорошей обстановке... Что за работу предлагает мне твой брат?

– Коркут не может решить, оставаться ли ему со старыми друзьями из национал-идеалистов или выдвинуться кандидатом от Партии Отечества, – вздохнул Сулейман. – А теперь скажи, почему ты посоветовал выбросить Самиху из головы?

– Потому что все кончено, она сбежала с другим, – заплетающимся языком пробормотал Мевлют. – Нет ничего сильнее любви.

Он вздохнул.

– Если ты не хочешь помочь мне, то знай, что есть те, кто поможет. Теперь взгляни на это. – Сулейман достал из кармана потрепанную черно-белую фотографию и передал ее Мевлюту.

На фотографии была женщина с темным и слишком сильным макияжем вокруг глаз, которая что-то пела в микрофон. Выражение ее лица свидетельствовало о пресыщенности. Она была одета консервативно и была не очень красива.

– Сулейман, эта женщина по меньшей мере на десять лет старше нас!

– На самом деле всего на три или четыре. Если ты ее встретишь, то вообще не дашь ей больше двадцати пяти. Она очень хорошая, все понимает. Я вижу ее пару раз в неделю. Не говори об этом Райихе или Ведихе и, главное, Коркуту. У нас с тобой много секретов, да?

– Но разве ты не хотел бы остепениться с порядочной девушкой? Разве Ведиха не собиралась подыскать тебе хорошую девушку? Что это за певичка?

– Я все еще холостяк, я ведь не смог жениться. Не завидуй.

– Чему мне завидовать? – спросил Мевлют.

Он уже понял, что нет никакой работы от Коркута и что Сулейман пришел сюда просто для того, чтобы выудить у Мевлюта сведения о Самихе, в точности как Райиха и предвидела.

– Да ладно, садись, побудь еще несколько минут. Сколько стаканов бузы ты надеешься продать сегодня вечером?

– Я выхожу с двумя бидонами, налитыми до половины. Я уверен, что распродам все до конца вечера.

– Отлично, я покупаю у тебя полный бидон. Сколько это будет чашек? Конечно, ты мне небольшую скидку сделаешь.

– Зачем тебе это?

– Я покупаю у тебя бидон бузы, чтобы ты побыл здесь со мной, составил мне компанию и не шел мерзнуть на улицы.

– Мне не нужна твоя благотворительность.

– Но мне очень нужна твоя дружба.

– Хорошо, можешь заплатить мне за треть бидона, – сказал Мевлют. – Я не стану на тебе зарабатывать. Это покроет себестоимость. Не говори Райихе, что я остался здесь с тобой выпивать. Что ты хочешь сделать с бузой?

– Что мне с ней делать? – сказал Сулейман, задумавшись. – Я не знаю... Я отдам ее кому-нибудь... Или просто вылью ее.

– Куда?

– Что значит «куда»? Она моя, так? Вылью в туалете.

– Стыдно, Сулейман.

– В чем дело? Ты что, не капиталист? Я плачу тебе за нее.

– Сулейман, все твои деньги, которые ты зарабатываешь в Стамбуле, впрок тебе явно не идут.

– Можно подумать, твоя буза священна, или что-то в этом духе.

– Да, буза *священна*.

– Эту твою бузу просто кто-то придумал, чтобы мусульмане пить

могли, это гребаное пойло маскирует алкоголь, все об этом знают.

– Нет, – сказал Мевлют. – В бузе нет алкоголя.

Он ощутил, что ему удалось совладать с собой, и на его лице появилось выражение полного спокойствия. За шестнадцать лет торговли Мевлют говорил ложь про бузу людям двух видов:

1. Консервативным покупателям, которые и бузы выпить хотели, и при этом хотели быть уверенными, что не совершают греха. Умные из них знали, что в бузе есть алкоголь, но вели себя так, будто смесь, которую продавал Мевлют, была особым изобретением, вроде диетической колы, а если в ней есть алкоголь, то, значит, Мевлют солгал и грех на нем.

2. Светским, европеизированным покупателям, которым хотелось выпить бузы и при этом просветить деревенщину-торговца, который продает ее им. Умные среди них понимали, что Мевлют знает про алкоголь в бузе, но им хотелось пристыдить хитрого религиозного крестьянина, который лгал им, чтобы заработать денег.

– Нет, я не шучу, буза священна, – повторил Мевлют.

– Я мусульманин, – сказал Сулейман. – Священно только то, что разрешено моей верой.

– Священным может быть не только что-то строго исламское, но и то древнее, что нам досталось от наших предков, – сказал Мевлют. – Когда я выхожу ночью на мрачные пустые улицы, я иногда прохожу мимо старой замшелой стены. Меня охватывает удивительная радость. Я хожу на кладбище, и даже если я не могу прочесть арабские буквы в надписях на надгробиях, мне все равно так хорошо, как будто я помолился.

– Брось, Мевлют, ты же всегда боялся собак на кладбище.

– Я не боюсь бродячих собак. Они знают, кто я. Что мой покойный отец говаривал тем, кто утверждал, будто в бузе есть алкоголь?

– Что он говорил?

– Он говорил им: «Господин, если бы в ней был алкоголь, я бы ее не продавал», – сказал Мевлют, подражая отцу.

– Они не знали, что в ней есть алкоголь, – сказал Сулейман. – Если бы буза была так благословенна, как вода священного Земзема^[54], люди пили бы ее целый день и ты бы уже разбогател.

– Не обязательно то, что пьют все, будет священным. Мало кто на самом деле читает Коран. Но во всем Стамбуле непременно в любой момент найдется хотя бы один человек, который читает его прямо сейчас, и миллионы людей чувствуют себя лучше, просто думая об этом человеке. Людям достаточно знать, что буза была любимым напитком наших предков. Вот о чем напоминают им крики торговцев бузой, и людям

приятно слышать их.

– Почему им приятно?

– Я не знаю, – сказал Мевлют. – Но, хвала Создателю, это так, вот почему они пьют бузу.

– Ты, выходит, вроде символа чего-то великого, Мевлют.

– Да, точно, – сказал Мевлют с гордостью.

– Но ты все равно согласен продать мне свою бузу без прибыли. Единственное, чего ты не хочешь, так это то, чтобы ее вылили в туалет. Ты прав, выбрасывать еду – грех, так что мы должны бы раздать ее бедным, но я не знаю, захотят ли люди пить что-то, в чем есть алкоголь.

– Если ты собираешься оскорблять бузу после того, как читал мне лекции о патриотизме и хвастался тем, какой ты хороший фашист, то ты на неправильном пути, Сулейман...

– Ну вот, как только люди видят, что ты разбогател, достиг успеха, они завидуют и говорят, что ты на неправильном пути.

– Я не завидую тебе. Просто ясно, что ты проводишь время с плохой женщиной, Сулейман.

– Ты хорошо знаешь, что нет никакой разницы, с хорошей ты женщиной или с плохой.

– Я женат, и, хвала Аллаху, очень счастливо, – сказал Мевлют, поднимаясь с места. – Ты тоже найди себе хорошую девушку и женись на ней как можно скорее. Ладно, пойду я. Хорошего вечера.

– Я не женюсь, пока не убью ублюдка, который украл Самиху! – крикнул ему Сулейман вдогонку. – Можешь передать это тому курду!

Мевлют шел домой как во сне. Райиха уже перенесла к его приходу бидоны с бузой вниз. Ему оставалось лишь привязать их к своей палке и затем отправиться на улицы. Вместо этого он поднялся по лестнице в дом.

Райиха кормила грудью Февзие.

– Он тебя напоил? – прошептала она, стараясь не напугать ребенка.

Мевлют чувствовал действие раки у себя в голове.

– Я вообще не пил. Он просто все время спрашивал, с кем убежала Самиха и куда. О каком курде он все время говорил?

– А ты что сказал?

– Что я мог сказать, я ничего не знаю.

– Самиха убежала с Ферхатом! – сказала Райиха.

– Что?! Почему ты мне раньше ничего не говорила?

– Сулейман сошел с ума, – сказала Райиха. – Ты бы слышал, что он твердил там, дома, в Дуттепе... Если он найдет, кто украл Самиху,

то убьет его.

– Не может быть... он просто болтает, – сказал Мевлют. – Сулейман крикун, но не способен никого убить.

– Но почему ты так напрягся, что тебя рассердило?

– Я не напрягся и я не сердит! – выкрикнул Мевлют и вышел, хлопнув за собой дверь.

Было слышно, как заплакал ребенок.

Мевлют знал – понадобится бессчетное количество раз пройти ночью по темным улицам, чтобы начать смириться с тем, что он только что услышал. Той ночью он прошел от закоулков Ферикёя до самого Касым-Паша, хотя у него там не было никаких покупателей.

В какой-то момент он заблудился, спустился по нескольким крутым улочкам и, проходя мимо маленького кладбища, зажатого между двумя деревянными домами, зашел туда, чтобы среди надгробий выкурить сигарету. Одно надгробие, еще старых османских времен, увенчанное большим скульптурным тюбаном, наполнило его благоговением. Надо было выбросить Самиху и Ферхата из головы. Длинной дорогой этой ночью он убедил себя, что не должен заикливаться на новостях. В любом случае, когда он придет домой и ляжет спать в обнимку с Райихой, он забудет обо всех своих проблемах. Кроме того, все, что обычно его беспокоило в этом мире, было всего лишь отражением его странных мыслей. На самом деле даже собаки на кладбище той ночью встретили его хорошо.

9. Квартал Гази

Мы спрячемся здесь

Самиха. Да, я убежала с Ферхатом. Я храню молчание уже два года, чтобы быть уверенной, что никто не узнает, где мы. Но мне так много надо сказать.

Сулейман был действительно влюблен в меня. Правда, что любовь может сделать любого мужчину глупцом. Он вел себя со мной так странно – особенно прямо перед моим побегом, – и, когда говорил со мной, у него во рту пересыхало от волнения. Как бы он ни старался, он никогда не мог понять, как говорить те милые вещи, которые мне хотелось бы услышать. Обычно он насмехался надо мной, словно озорной мальчишка над своим младшим братом, и пусть ему нравилось возить меня, но каждый раз, как мы оказывались в фургоне, он все равно твердил: «Будем надеяться, что никто нас не видит» или «Мы потратили слишком много бензина».

Убегая, я оставила все подарки от Сулеймана, хотя и не могла себе представить, как отец будет возвращать свои вставные зубы и прочее... Он, должно быть, очень сердит. Но признаться, и я очень сердита: они все решили, будто Сулейман хорош для меня, даже не подумав спросить мое мнение.

Ферхат сказал, что впервые увидел меня на свадьбе Райихи и Мевлюта. Я его тогда даже не заметила. Но он не мог забыть меня; об этом он сказал, когда однажды остановил меня на Дуттепе, чтобы в глаза мне сказать, что он влюблен и собирается жениться на мне.

Мне понравилась его дерзость – ведь многие юноши хотели на мне жениться, но так и не сумели набраться храбрости и подойти: он сказал мне, что учится в университете и работает в ресторанном деле (он не сказал, что официантом). Обычно он звонил мне домой в Дуттепе, хотя я не имею представления, где он взял наш номер. Если бы Сулейман с Коркутом узнали об этом, они бы его в кровь избили и кости переломали, но Ферхата это не пугало, он все равно мне звонил и пытался договориться о встрече. Когда Ведиха была дома, я не подходила. «Алло... Алло? Алло, алло! – говорила моя сестра, поглядывая на меня. – Никто не отвечает... Должно быть, снова тот парень. Осторожнее, Самиха, этот город полон разных искателей приключений, поджидающих удобного момента». Я не отвечала. Но Ведиха прекрасно понимала, что я всегда предпочту

веселого плута толстому, ленивому богатею.

Когда отца и Ведиhi не было дома, трубку брала я, так как Бозкурту и Турану не разрешалось трогать ее. По телефону Ферхат говорил мало. За футбольным стадионом «Али-Сами-Йен» было место, где он обычно ждал меня под шелковицей. Там были старые конюшни, где жили бездомные. Был еще маленький магазин, где Ферхат покупал мне бутылку апельсинового лимонада «Фруко», и мы проверяли под крышкой, выиграли ли что-нибудь. Я никогда не спрашивала его, много ли он заработал в ресторанном деле, накопил ли денег, или где мы будем жить. Так я влюбилась.

Когда я села в такси, в котором сидели Ферхат со своим другом, мы не поехали сразу в квартал Гази. Сначала мы повернули назад, в сторону всегда оживленной площади Таксим, где, как думали, сможем потеряться от Сулеймана в толпе, на случай если он все еще гонится за нами на своем фургоне. Оттуда мы поехали вниз к Кабаташу, где меня восхитила глубокая синева моря, и я была просто потрясена видом бесчисленных кораблей с пассажирами и машин вокруг нас, когда мы ехали по Галатскому мосту. Я плакала от мысли о разлуке с отцом и сестрой и от страха, что я оказалась в незнакомом месте, и в то же время сердце говорило мне, что весь этот город теперь мой и что у меня начинается очень счастливая жизнь.

– Ферхат, ты приведешь меня сюда? Мы будем гулять здесь вместе? – спросила я его.

– Как хочешь, любимая, – сказал он. – Но вначале нам надо попасть домой.

– Сестричка, ты правильно поступила, что сбежала, – сказал водитель такси, как оказалось, еще один друг Ферхата, который помогал нам. – Пальба не напугала тебя?

– Она смелая! – улыбнулся Ферхат.

Мы проехали Гази-Османпаша, ранее известный как Ташлы-Тарла – «Каменное поле». Пока мы ехали в гору по пыльной проселочной дороге, мир, казалось, старел с каждым домом, дымовой трубой, деревом, что мы проезжали. Я видела одноэтажные лачуги, которые еще даже не были достроены, но уже выглядели старыми; жалкие пустые участки земли; стены, построенные из саманного кирпича, металлолома и кусков дерева, и собак, которые лаяли на всех. Дорога была грунтовой, сады были большими, дома стояли редко; тут все напоминало деревню, но всё, от окна до последней двери, когда-то, до того как кто-то выломал и притащил все это сюда, стояло в старых стамбульских домах. Люди здесь все время

суетились, будто бы этот район был для его обитателей просто временным пристанищем до того времени, пока они не переедут в настоящие стамбульские дома, которые купят со дня на день. Я видела женщин, которые, как и я, носили юбки поверх линялых синих штанов; старых деревенских тетушек в мешковатых штанах и платках, плотно обвязанных вокруг лица; я видела прямые, свободные штаны, которые напоминали дымоходы, длинные юбки и женщин в пальто.

Дом, который снял Ферхат, стоял на середине склона. Через окно на задней стене можно было видеть вдалеке участок земли, который Ферхат отметил камнями, предварительно вымазав известкой, так что летней ночью, когда луна была полной, участок светился во тьме, словно привидение, и был прекрасно виден из постели. «Земля зовет нас», – шептал Ферхат, а потом начинал рассказывать мне про дом, который мы построим здесь, как только скопим достаточно денег.

В первую ночь после моего побега мы легли в постель одетыми и не занимались любовью. Если я делюсь такими интимными подробностями с вами, дорогие читатели, то только потому, что надеюсь – моя история послужит примером для всех. Ночью я плакала, но мне нравилось, что Ферхат гладит меня по волосам. Целую неделю мы спали одетыми и любовью не занимались. Однажды ночью я увидела за окном чайку и, поскольку мы находились далеко от моря, решила, что это знак прощения Всевышнего. Ферхат понял, что я теперь готова отдать себя ему: я поняла по его глазам, что он знает.

Он никогда не заставлял меня делать что-либо, чего я не хотела, отчего я стала еще больше любить и уважать его. Тем не менее я сказала ему:

– Нам лучше зарегистрировать государственный брак, как только мне исполнится восемнадцать. Если ты откажешься, я тебя убью.

– Застрелишь или отравишь? – поинтересовался он.

– Это мое дело, – сказала я.

Он поцеловал меня так, как это делают в кино. Я никогда не целовалась с мужчиной в губы, так что я смутилась и забыла, о чем говорила.

– Сколько тебе осталось до восемнадцати? – спросил Ферхат.

Я гордо достала из чемодана свой паспорт и вычислила, что оставалось еще семь месяцев и двенадцать дней.

– Если тебе семнадцать, а ты еще не вышла замуж, можешь уже называть себя старой девой, – сказал Ферхат. – Даже если мы займемся любовью сейчас, Аллах пожалеет тебя и не станет считать это грехом.

– Я не знаю... но если Всевышний простит нас, то только потому,

что нам приходится прятаться здесь вдвоем, не имея больше никого, на кого можно положиться, кроме друг друга.

– Неправда, – сказал Ферхат. – У меня есть семья; у меня есть родственники и друзья по всем здешним холмам. Мы не одни.

И на этом слове – «одни» – я разрыдалась. Ферхат гладил мои волосы, чтобы успокоить, в точности как отец, когда я была маленькой. Не знаю почему, но от этого я заплакала еще сильнее.

Мы занялись любовью с чувством большой неловкости, хотя я никогда не хотела, чтобы это происходило именно так. Вначале я немного растерялась, но достаточно быстро свыклась со своей новой жизнью. Я гадала, что мои сестры и отец говорят про меня. Ферхату к полудню нужно было уезжать на старом пыльном мини-автобусе, вроде тех, которыми мы пользовались в деревне, в ресторан «Мюррювет модерн» на Гази-Османпаша, где он работал официантом. По утрам он смотрел по телевизору университетские лекции, и я тоже смотрела на профессора, пока Ферхат слушал урок.

– Я не могу сконцентрироваться, если ты сидишь рядом, – говорил Ферхат.

Но если я не сидела рядом с ним, он начинал беспокоиться, куда я девалась в нашем однокомнатном домике, – а может, я снаружи, кормлю кур хлебными крошками? – и тоже не мог собраться.

Не стану вам рассказывать, как мы занимались любовью или что я делала, чтобы не забеременеть до того, как мы поженимся, но, когда бы я ни оказалась в городе, я ходила к Райихе, не говоря ничего Ферхату, и все рассказывала сестре. Мевлют торговал своим пловом, так что его никогда не было дома. Ведиха тоже иногда приходила. Мы играли с детьми, пока Райиха готовила бузу и курицу, и смотрели телевизор. Кроме того, Ведиха часто делилась своей премудростью с нами, младшими сестрами.

– Не верьте мужчинам, – говорила она в начале каждого разговора. Я заметила, что она начала курить. – Самиха, ты не должна беременеть, пока вы с Ферхатом не зарегистрируете брак. Если он не женится, когда тебе исполнится восемнадцать, не трать больше ни секунды на этого ублюдка. Твоя комната на Дуттепе всегда ждет тебя. Райиха, ни слова ни Мевлюту, ни Сулейману о том, что мы втроем здесь встречаемся. Возьми сигарету, милая. Она успокоит твои нервы. Сулейман все еще бесится. Мы не можем найти ему подходящую девушку, ему ни одна не нравится, он словно помешан на тебе, и – помоги нам Аллах – он все еще грозит убить Ферхата.

– Ведиха, Самиха, я выйду на полчаса, последите за детьми

немного, ладно? – говорила Райиха. – Я три дня не выходила из дому.

В былые времена квартал Гази всякий раз, когда я появлялась на улице, выглядел совершенно по-другому. Я встретила молодую женщину, которая носила джинсы вроде меня и которая тоже сбежала с кем-то, чтобы избежать нежеланного замужества. Она, как и я, неплотно завязывала платок. Еще одна женщина из курдской семьи любила поговорить о том, как сбежала из Малатьи и как полиция и жандармы гнались за ней, и, пока мы шли домой от колодца, неся полные канистры воды, рассказывала о своей боли в почках, о скорпионах в своем сарае и даже о том, как недавно во сне поднималась в гору.

Квартал Гази располагался на крутом склоне холма, населенном людьми из самых разных городов, сторон света, рас, племен и языков. За холмом был лес, а чуть ниже располагалась плотина с зеленым прудом – водохранилищем, снабжавшим водой весь Стамбул. Если вновь прибывшим удавалось поладить с алевитами, с курдами, да еще с фанатиками какого-нибудь неизвестно откуда взявшегося тариката [\[55\]](#) и их шейхом, то их оставляли в покое. Здесь никто про себя ничего не рассказывал, откуда он на самом деле. Я последовала совету Ферхата и давала разные ответы каждый раз, когда кто-то спрашивал.

Ферхат ездил на Гази-Османпаша каждый день, избегая Стамбула, опасаясь столкнуться с Сулейманом (конечно, он не догадывался о моих походах в город); он говорил мне, что откладывает деньги, хотя у него даже не было счета в банке. Когда он уходил, я находила себе занятие: например, подметала грязный пол (у меня заняло месяц понять, что чем больше я мету земляной пол, тем выше становится потолок); передвигала черепицу и листы жести на крыше, которая протекала, чтобы защититься от ветра, который даже в тихие безоблачные дни все равно находил себе дорожку через расколотые кирпичи и неровные камни, пугая нервных ящериц на наших стенах. В некоторые ночи вместо свиста ветра мы слышали вой волков, а с крыши стекала не вода, а ржавая слизь с гвоздей. Зимними вечерами на печную трубу, торчащую из окна, могли слететься чайки, чтобы погреть свои оранжевые ноги и гузки, и, когда их крики заглушали голоса американских гангстеров и полицейских в телевизоре, я начинала бояться своего одиночества и с сожалением думала об отце, который вернулся в деревню.

Абдурахман-эфенди. Моя любимая дочь, моя красавица Самиха! Даже сидя за этим самым столом в деревенской кофейне, где я попиваю кофе перед телевизором да дремлю, я чувствую, что ты думаешь обо мне;

я знаю, что у тебя все хорошо, и не сержусь на того ублюдка, который украл тебя, и я рад за тебя, дорогая моя. Будь неладны все эти деньги. Выходи за кого хочешь, дитя мое, хоть за алевита, только приезжайте с мужем в деревню, чтобы вы оба могли поцеловать мне руку. Я гадаю, где ты... Гадаю, достигают ли тебя мои чувства и мои слова.

Ферхат. Как только я понял, что Самаха боится оставаться дома одна, пока я работаю допоздна в ресторане «Мюррүвет модерн», я сказал ей, что она может ходить по вечерам смотреть телевизор к нашим соседям Хайдару и Зелихе из Сиваса. Хайдар был алевитом и работал привратником в новом жилом квартале на Гази-Османпаша, а его жена Зелиха там же мыла лестницы пять дней в неделю и еще помогала жене булочника с верхнего этажа с готовкой и мытьем посуды. Самаха заметила, что Хайдар и Зелиха всегда по утрам выходили из дома вместе и приезжали на автобусе вечером тоже вместе. Это очень понравилось ей. Однажды ночью мы поднимались по склону к нашему дому, ледяной ветер с Черного моря пронзал нас насквозь, и тогда Самаха сказала мне, что в том здании, где работает жена Хайдара, есть еще вакансии.

Дома я топнул ногой: «Я лучше буду голодным ходить, чем позволю тебе работать прислугой!»

В тот вечер я принес с собой старый ржавый обод от колеса и положил его к куче старых дверных створок, металлолома, проводов, жестяных бочек, кирпичей и камней. Эти вещи я собирал для постройки дома, который я когда-нибудь возведу на участке, отмеченном фосфоресцирующими камнями.



Все жители квартала Гази помогали друг другу строить дома из дверей, труб и кирпичей, которые они сами и собирали; все это продолжалось с тех пор, как леваки, алевиты и курды заселили этот район шесть лет назад. До того кварталом правил Лаз^[56] Назми. В 1972 году Лаз Назми с двумя своими людьми (которые тоже были родом из Ризе) открыл магазин у подножия этого холма, на котором прежде была только крапива да кусты. Он втридорога продавал черепицу, кирпичи, цемент и другие строительные материалы бедным мигрантам из Восточной Анатолии,

которые приезжали туда в надежде построить себе лачугу на пустом клочке государственной земли. Поначалу он вел себя радушно по отношению ко всем вновь прибывшим, предлагал им советы и чай (позже он открыл чайную), и его магазин вскоре превратился в место встреч для тех бедолаг, мечтавших о крыше над головой, которые стекались в Стамбул со всех углов Анатолии – особенно из Сиваса, Карса и Токата.

Лаз Назми брал свою знаменитую, запряженную лошадьми телегу на резиновом ходу и объезжал сносящиеся в Стамбуле дома, собирая деревянные двери, стойки для перил, оконные рамы, обломки мрамора и мостовой, железные балконные ограды, старую черепицу, а затем выставлял весь этот строительный мусор вокруг своего магазина и чайной. За ржавое гнилье, возраст которого бывал порой и сто, и сто пятьдесят лет, он требовал заоблачные цены, так же как и за цемент, и за кирпичи в своем магазине. Те, кто платил и нанимал телегу Назми, чтобы доставить материалы на свою стройку, могли рассчитывать, что Назми и его люди будут присматривать за захваченной землей и домами, которые на ней строились.

А те, кто не был готов платить Назми, или те, кто думал, что практичнее купить строительные материалы в другом месте, возвращаясь однажды вечером к своему участку, обнаруживали, что их дома сносят власти. Как только бригада по сносу и полиция удалялись, Лаз Назми приходил с соболезнованиями к глупым скрягам, рыдавшим над обломками домов; он говорил, как дружен с капитаном отделения полиции в Гази-Османпаша (они каждый вечер в кофейне играют в карты) и, если бы только знал, что случится, он бы что-нибудь да предпринял.

На самом деле Лаз Назми был связан с правящей партией националистов. Благодаря этим связям число посетителей в его чайной возросло. Когда те, кто построился на правительственной земле, используя купленные у Назми материалы, начали спорить за землю друг с другом, Лаз Назми устроил так называемый офис, чтобы записывать все эти операции, в точности как официальный земельный регистратор. Для тех, кто платил ему за право объявить своим участок пустой земли, он также делал бумаги, напоминающие подлинные правоустанавливающие документы. Чтобы сделать эти документы как можно более похожими на официальные, он следовал практике официальных государственных бумаг, приделывая фотографию владельца (в офисе Назми был установлен небольшой киоск-фотоавтомат для удобства клиентов), внося имя предыдущего владельца (он всегда с гордостью указывал свое имя), отмечая точное расположение и размеры участка, прежде чем окончательно закрепить все красной

печатью, которую он заказал в магазине канцелярских товаров на Гази-Османпаша.

– Когда правительство соберется оформить здешнюю землю в собственность, чиновники посмотрят в мои записи и примут к сведению документы на право собственности, которые выпускаю именно я, – хвастался Назми.

Иногда он часами рассказывал о том, что счастлив оказывать услуги безработным, которые покинули беднейшие деревни Сиваса и проделали путь в Стамбул, не имея ни кола ни двора, и которых он за одну ночь превратил в землевладельцев; такую речь он держал перед безработными, игравшими в окей в его собственной чайной. Он даже знал ответ на вопрос: «Когда нам сюда проведут электричество, Назми-бей?» – и всегда отвечал, что сейчас как раз ведутся работы, намекая на то, что, если когда-нибудь квартал Гази объявят муниципалитетом, он пойдет на местные выборы под флагом правящей партии.

Однажды высокий бледный человек с мечтательным взглядом появился на пустых холмах за кварталом, на земле, которую Назми еще не расписал. Звали его Али. Он никогда не приходил ни в магазин, ни в чайную Лаза Назми; он жил один, избегая соседских сплетен, на самом дальнем участке, в компании с дешевыми кирпичами, кастрюлями, сковородками, масляными лампами и матрасами. Лаз Назми послал к Али двух своих свирепых усатых приспешников напомнить, кто здесь хозяин.

– Эта земля не принадлежит ни Лазу Назми, ни Турку Хамди, ни Курду Кадри, ни государству, – сказал им Али. – Все – вся земля, вся вселенная и даже народ – все принадлежит Аллаху. Мы лишь Его смертные рабы, влачащие бременное существование!

Люди Лаза Назми показали этому безрассудному Али, как прав он был, разрядив в его голову револьверы. Они похоронили его рядом с водохранилищем, сделав все чисто и аккуратно. Но соседские псы-кангалы, что сражались с волками, которые каждую зиму проникали в квартал в поисках еды, вскоре нашли тело. Тут же вмешалась полиция, однако, вместо того чтобы схватить усатых людей Лаза Назми, полицейские арестовали и отправили на пытки семью из Сиваса, которая жила в ближайшем к водохранилищу доме. Копы игнорировали множество анонимных доносов, что за всем этим стоит Лаз Назми, применяя ко всем семьям, которые жили неподалеку от водохранилища, свои излюбленные и привычные приемы – от битья по пяткам до электрического тока.

Когда курд из Бингёля умер от сердечного приступа во время допроса,

жители всего района возмутились и разграбили чайную Лаза Назми. Сам Назми в этот день был далеко, гулял на свадьбе в своей деревне под Ризе. Его люди, захваченные врасплох, растерялись и убежали, ограничившись несколькими бесполезными выстрелами в воздух. Молодежь, состоящая из леваков, марксистов и маоистов из разных районов и университетов Стамбула, едва узнав о том, что случилось в квартале Гази, устремилась возглавить это «спонтанное народное восстание».

Ферхат. За два дня контора Лаза Назми и его земельные записи были разграблены студентами, и вскоре по всей Турции, особенно среди курдов и алевитов, разлетелась новость о том, что все, кто приедет в квартал Гази и объявит, что он «бедняк левых взглядов» (или «безбожник», как писали националистические газеты), получит немного земли. Так шесть лет назад и я получил свой участок, который все еще отмечен фосфоресцирующими камнями. Я не устроился там тогда, потому что, как и все вокруг, думал, что Назми вернется с помощью государства. Кроме того, Бейоглу, где Мевлют и я работали официантами, был так далеко от квартала Гази, что просто съездить туда и вернуться на автобусе занимало полдня.

Мы все еще жили в опасении мести Сулеймана. Никто из родственников не хотел ввязываться, чтобы помочь нам помириться с семьей Акташ. Так что Самиха и я в итоге сыграли тихую, простую свадьбу в квартале Гази. Никто не прикалывал никакого золота или стодолларовых купюр к нашей одежде, как на свадьбе у Мевлюта с Райихой. Мне было грустно оттого, что нельзя пригласить Мевлюта и я вынужден жениться в отсутствие лучшего друга, но в то же время меня приводила в ярость мысль, как близок он к компании Акташей и как много дел имеет с этими фашистами просто потому, что вообразил, будто сможет от них что-то получить.

10. Отряхнуть городскую пыль

Боже, откуда берется вся эта грязь?

Самиха. Ферхат очень беспокоился, что скажут люди, оттого и умолчал о лучших частях нашей истории, может быть, потому, что они «слишком личные». У нас была скромная, но чудесная свадьба. Мы взяли мне напрокат белое платье в свадебном магазине «Бейяз султан» на втором этаже синего здания в Гази-Османпаша. Я не оступилась ни разу за вечер и не позволила никому вывести меня из себя – ни уродливым, завистливым старым сплетницам, твердившим: «Бедняжка, что за отребье для такой красавицы!» – ни тем, кто держал рот на замке, но смотрел на меня, как будто говоря: «Ты такая красивая, зачем выходить за нищего официанта?» Я никогда не стала бы чьей-то рабыней, гаремной девушкой или пленницей... Посмотрите на меня, и вы узнаете, как выглядит свобода. Той ночью Ферхат так напился раки, которую тайком наливал под столом, что мне в конце концов пришлось тащить его домой. Но я высоко держала голову и гордо смотрела в лицо толпе завистливых женщин и восхищенных мужчин, включавшую в себя безработных, которые пришли только ради бесплатных бисквитов и лимонада.

Два месяца спустя Хайдар и его жена Зелиха, проявив настойчивость, зазвали меня работать прислугой в Гази-Османпаша. Хайдар иногда выпивал с Ферхатом, и они с женой были на нашей свадьбе. Так что, предлагая мне начать работать, они знали, о чем говорили. Ферхат вначале воспротивился, стесняясь, что отправляет девушку, с которой только что сбежал, работать прислугой всего через два месяца после женитьбы. Но одним дождливым утром мы все вместе сели в мини-автобус до Гази-Османпаша. Ферхат приехал вместе с нами, он собирался встретиться с привратниками жилого комплекса «Дживан», где работала Зелиха и несколько ее родственников. Мы – трое мужчин и три женщины – спустились в подвал, где сели пить чай в помещении привратника, которое было меньше, чем комната, в которой мы сами жили. После этого Зелиха отвела меня в квартиру номер пять, где мне предстояло работать. Пока мы поднимались по лестнице, я застеснялась входить в чужой дом и испугалась оказаться вдали от Ферхата. Ведь с того дня, как мы сбежали, мы словно бы приросли друг к другу. Вначале Ферхат приходил со мной каждое утро и сидел, покуривая, внизу, в комнате привратника, до обеда, пока я не закончу, а в четыре часа, когда я приходила из квартиры номер

пять и находила его в том душном подвале, он или провожал меня на автобус, или поручал меня Зелихе с ее родственниками, чтобы быть за меня спокойным, а потом мчался в ресторан «Мюррювет». Но спустя три недели я уже начала сама добираться до работы по утрам, а к началу зимы и домой по вечерам стала возвращаться одна.

Ферхат. Я только вмешаюсь на минуточку, потому что не хочу, чтобы у вас создалось неверное впечатление обо мне: я человек чести и человек трудолюбивый, который знает свои обязанности, и, если бы это зависело от меня, я бы никогда не позволил жене работать. Но Самиха постоянно твердила, как скучно ей дома. Она еще и часто плакала, хотя и не рассказывает вам об этом. Кроме того, Хайдар и Зелиха были нам уже как семья, да и все, кто работал в «Дживане», были как родственники, ну вроде как братья и сестры. Так что, когда Самиха сказала мне: «Я сама могу туда добраться, оставайся дома и лучше слушай свои телевизионные лекции!» – я сдался. Но теперь я чувствовал себя все более виноватым перед ней каждый раз, когда не мог понять урока по бухгалтерии или не успевал вовремя отправить домашнее задание в Анкару. Вот и сейчас профессор математики, у которого из огромного носа и ушей растет столько белых волос, что кажется, его можно за них вытащить из телевизора, пишет на доске все свои цифры, а я волнуюсь, что не смогу их запомнить. Я терплю эту пытку только потому, что Самиха верит – больше, чем я, – что все изменится, когда я получу аттестат и найду работу на государственной службе.

Самиха. Мой первый «работодатель», дама из квартиры номер пять, которой меня представила Зелиха, оказалась беспокойной и вспыльчивой. «Вы совершенно друг на друга не похожи», – говорила она, подозрительно косясь на меня (Зелиха сказала ей, что мы родственницы). Вначале Налан-ханым^[57] засомневалась, что у такой изнеженной на вид девушки получится хорошо убрать дом. Еще четыре года назад она занималась уборкой сама, поскольку не имела лишних денег. Но затем ее первенец умер от рака, хотя учился еще в средней школе, и с тех пор Налан-ханым повела беспощадную войну против пыли и микробов.

– Ты протерла под холодильником и в белой лампе? – спрашивала она даже после того, как я только что делала это прямо у нее на глазах. Она тревожилась, что пыль заразит раком и ее второго сына, и, когда приближалось время его возвращения домой из школы, я тоже принималась волноваться, вытирая пыль со все большей настойчивостью и беспрерывно

бегая к окну вытряхнуть тряпку, злая, как хаджи, который забрасывает камнями шайтана в долине Мина^[58]. – Тщательнее вытирай, Самиха, тщательнее! – подгоняла меня Налан-ханым. Она стояла, разговаривая по телефону, одновременно указывая мне на пятнышки, которые я пропустила. – Боже, откуда берется вся эта грязь! – ругалась она. Она тыкала мне пальцем, и я чувствовала себя виновной, как будто принесла всю эту грязь на себе из своего бедного района.

Через два месяца Налан-ханым доверила мне приходить три раза в неделю. С этого времени она начала оставлять меня дома одну, вооруженную мылом, ведрами и тряпками, пока сама ходила по магазинам или играла в кункен с теми же подругами, с которыми всегда болтала по телефону. Иногда она тихонько возвращалась без предупреждения, делая вид, что что-то забыла, и, увидев меня все так же старательно занятой уборкой, с удовольствием говорила: «Хорошая работа, благослови тебя Создатель!» Иногда она брала фотографию своего умершего сына, которая стояла на телевизоре рядом с китайской собачкой, и плакала, протирая серебряную рамку снова и снова, так что я откладывала свою тряпку и старалась успокоить ее.

Однажды Зелиха заглянула ко мне вскоре после того, как Налан-ханым ушла.

– Ты сбрендила! – воскликнула она, увидев, что я безостановочно и усердно тружусь, а затем включила телевизор и уселась его смотреть.

С этого времени Зелиха начала приходить всякий раз, когда дама, на которую она работала, уходила из дому (иногда хозяйка Зелихи и Налан-ханым уходили вместе). Пока я вытирала пыль, она обсуждала происходящее в телевизоре и шарил по холодильнику перекусить, сообщая мне, что шпинат неплох, но йогурт прокис (этот йогурт доставляли из магазина в стеклянной чашке). Когда она начала лазить по ящикам Налан-ханым, комментируя ее бюстгалтеры, носовые платки и другие вещи, которым она даже не знала названия, я не выдерживала, бросала работу, подходила к ней, слушала и не могла не смеяться. Среди шелковых платков и фуляров в глубине одного из ящиков лежал треугольный амулет, заговоренный на богатство и удачу. В другом углу, среди старых документов, налоговых деклараций и фотографий, мы нашли резной деревянный ящик, чудесно пахнувший, – мы так и не поняли, для чего он. В ящике у кровати со стороны мужа Налан-ханым Зелиха нашла спрятанную среди лекарственных пузырьков и сиропов от кашля странную бутылочку с жидкостью табачного цвета. Бутылочка была розовой, с этикеткой, на которой была изображена арабская женщина

с полными губами, но больше всего нам понравился ее запах (наверно, это было что-то вроде лекарства, а может, Зелиха была права, это был яд), но мы слишком боялись, чтобы капнуть себе на руки даже каплю. Месяц спустя, исследуя секреты квартиры уже одна (мне нравились рисунки умершего сына Налан-ханым и его старые домашние задания), я заметила, что бутылочка исчезла со своего обычного места.

Однажды Налан-ханым сказала, что ей надо со мной поговорить. Она сказала мне, что Зелиху уволили из уважения к желанию ее мужа (я так и не поняла, о чем муже идет речь), и, к сожалению, хотя она абсолютно уверена в моей невиновности, это значило, что я тоже больше не могу у нее работать. Я не совсем поняла, что происходит, но, увидев, что она плачет, сама тоже заплакала.

– Не плачь, дорогая моя, мы приготовили для тебя кое-что замечательное! – сказала Налан-ханым оживленным тоном, каким гадалки-цыганки говорят: «Тебя ждет прекрасное будущее!»

Оказалось, что богатая, уважаемая семья из Шишли искала прислугу, честную и заслуживающую доверия горничную вроде меня. Налан-ханым собиралась отослать меня туда, и мне предстояло отправиться прямо к ним без всяких объяснений.

Мне было все равно, но Ферхату не нравилась моя новая работа. Теперь мне приходилось вставать еще раньше, затемно, чтобы успеть на первый мини-автобус в сторону Гази-Османпаша. В Гази-Османпаша мне нужно было ждать еще полчаса автобус до Таксима. Эта часть поездки занимала больше часа, и автобус обычно бывал так полон, что все поджидавшие его толкались локтями, чтобы вскочить первыми и занять свободное сиденье. В окно автобуса я разглядывала спешивших на работу клерков, уличных торговцев, толкавших перед собой свои тележки, лодки на Золотом Роге и детей, торопившихся в школу. Я старалась рассмотреть крупные заголовки газет в магазинных витринах, рекламные объявления на стенах, огромные рекламные щиты, мимо которых мы проезжали. Я рассеянно читала стихи, которые умники приклеивали на задние стекла своих машин и грузовиков, и мне начинало казаться, что город разговаривает со мной. Было приятно думать, что Ферхат провел свое детство в Каракёе, прямо в центре города, и, вернувшись домой, я просила его рассказать о тех днях. Но он поздно возвращался по вечерам, и мы видели друг друга все меньше и меньше.

На Таксиме, где я снова пересаживалась на другой автобус рядом с почтой, я покупала бублик-симит у одного торговца и либо съедала его в автобусе, глядя в окно, либо прятала в свой пакет и ела позже, в доме,

где работала, за чашкой чая. Иногда дама, у которой я трудилась, говорила мне: «Позавтракай, если ты еще не поела сегодня». Так что я подкреплялась сыром и оливками из холодильника. Около полудня я начинала жарить ей котлетки к обеду, и она говорила мне: «Брось еще три для себя, Самиха». Она клала себе на тарелку пять штук, но съедала только четыре; я доедала оставленную котлетку на кухне, так что мы обе в итоге съедали по четыре.

Но ханым-эфенди (так я обычно ее называла – я никогда не обращалась к ней по имени) не садилась за стол со мной, и мне не разрешалось есть одновременно с ней. Она хотела, чтобы я находилась достаточно близко, чтобы услышать ее вопрос: «Где соль?» – или приказание: «Убери это», так что я стояла в дверях обеденной комнаты во время ее обеда. Она часто задавала мне один и тот же вопрос: «Откуда ты?» И всегда забывала ответ. Когда я сказала ей про Бейшехир, она воскликнула: «Где это? Я там никогда не была», так что в конце концов я начала говорить, что я из Коньи. «Ах да, Конья! Я собираюсь туда однажды поехать и посетить могилу Руми», – ответила она. Позднее, когда я уже работала в других домах (один находился в Шишли, другой в Нишанташи), я снова сказала, что я из Коньи, и, хотя люди там тоже сразу вспомнили про Руми, они тут же испугались, что я буду пять раз в день совершать намаз. Впрочем, Зелиха давно научила меня отвечать «нет», если кто-то спросит: «Молишься ли ты?»

В те дома я попала по рекомендации ханым-эфенди, и тамошним семьям не нравилось, что я использую ту же туалетную комнату, что и они. В тех старых домах были устроены маленькие уборные для слуг, которые мне иногда приходилось делить с кошкой или собакой и где я оставляла свою сумку и пальто. У ханым-эфенди была кошка, которая никогда не слезала с ее рук, но при этом воровала еду с кухни, так что иногда, когда мы с кошкой оставались дома одни, я давала ей пинка, а дома жаловалась на воровку Ферхату.

Однажды ханым-эфенди заболела, и мне пришлось провести несколько дней в Шишли, чтобы присмотреть за ней, потому что я понимала – она найдет кого-нибудь другого, если я не сделаю это. Мне выделили маленькую чистую комнатку, окошко которой выходило в проем между двумя домами; солнце в нее никогда не заглядывало, зато простыни приятно пахли, и мне там нравилось. В конце концов эта комнатка стала моей. Дорога в Шишли и обратно занимала четыре-пять часов в день, так что иногда я оставалась у ханым-эфенди, подавала ей завтрак наутро, а потом шла работать в другой дом. Но я всегда рвалась

назад к Ферхату, в наш квартал Гази, и всего одного дня разлуки хватало, чтобы заставить меня скучать по нашему дому и всем нашим вещам. Мне нравилось время от времени уходить с работы пораньше, в полдень, и немного бродить по городу перед пересадкой на Таксиме, но я все же беспокоилась, что кто-то из Дуттепе может увидеть меня на улицах и сказать об этом Сулейману.

Когда дамы, у которых я работала, уходили днем, они говорили мне: «Самиха, когда закончишь, не трать время на молитвы и телевизор, иди сразу домой». Я иногда работала так усердно, что могла вычистить весь город, но потом мои мысли начинали блуждать, и я останавливалась. В глубине нижнего ящика шкафа, среди рубашек и жилеток хозяина, я нашла иностранный журнал с картинками мужчин и женщин в таких непристойных позах, что, даже просто посмотрев на них, я почувствовала себя такой же развратной. В медицинском шкафчике ханым-эфенди, с левой стороны, была странная коробочка, которая пахла миндалем, а внутри нее, под гребешком, лежала иностранная банкнота. Мне нравилось перелистывать забытые в редко открывавшемся ящике семейные альбомы, старые свадебные, школьные либо летние фотографии и рассматривать их, открывая, каковы были люди, на которых я работала, в молодости.

В каждом доме, где я трудилась, была груда старых пыльных газет, пустых бутылок, неоткрытых коробок, задвинутых и забытых где-то в углу, и мне приказывали не прикасаться к этой куче – как будто в ней было что-то священное. В каждом доме был угол, к которому я не должна была приближаться, но, когда никого не было дома, я давала волю своему любопытству и заглядывала, стараясь не тронуть банкноты, золотые монеты, странно пахнущее мыло и декоративные коробки, которые хозяйка оставляли с целью просто проверить меня. У сына ханым-эфенди была коллекция пластмассовых игрушечных солдатиков; он выстраивал их на своей кровати или на ковре и играл в войну. Пока один отряд у него сражался с другим, я забавлялась, глядя на него, увлеченного своей игрой, забывшего обо всем вокруг, а иногда, оставшись одна, я садилась и играла в солдатиков сама. Многие семьи покупали газеты просто для того, чтобы собирать купоны, и мне приходилось вырезать их. Раз в месяц, когда наступало время получать по этим купонам эмалированные чайники, иллюстрированные кулинарные книги, декоративные чехлы для подушек, выжималки для лимонного сока и шариковые ручки на батарее, наигрывавшие мелодию, хозяйка отправляла меня стоять полдня в очереди в ближайший газетный киоск. Был один электрический кухонный прибор, который ханым-эфенди прятала вместе со своими зимними шерстяными

вещами в шкафу, пропахшем нафталином, и, хотя ханым никогда им не пользовалась, она продолжала тщательно хранить эту машину, потому что это была настоящая импортная вещь из Европы. Иногда я рассматривала квитанции, газетные вырезки, рекламные листовки, письма и фотографии, которые находились прямо на дне шкафа, как будто должна была вот-вот найти что-то, что я давно искала. Иногда мне казалось, что эти письма были предназначены мне и что на этих фотографиях тоже я сама. Еще мне казалось, что это по моей вине сын ханым-эфенди взял красную губную помаду своей матери и спрятал у себя в комнате. Я чувствовала одновременно глубокую привязанность к этим людям и в то же время некоторую обиду на них, раскладывающих напоказ свой личный мир передо мной.

Иногда к середине дня я уже начинала скучать по Ферхату, нашему дому и фосфоресцирующему контуру нашей земли, который был виден с кровати. Два года спустя после того, как я устроилась горничной, я начала обижаться на Ферхата, который не забирал меня от этих хозяев, от их ужасных сыновей и избалованных дочерей, от подручных из бакалейных лавок и сыновей привратников, которые гонялись за мной, потому что я была миленькой.

Ферхат. Через год после того, как я начал работать в ресторане «Мюррювет», мне стали поручать обязанности кассира. Во многом это было результатом тех университетских курсов, занятия которыми Самиха всегда поощряла, даже если они были всего лишь заочными курсами по телевизору. Но по вечерам, когда ресторан был полон и шумен, а в воздухе висел запах раки и супа, брат владельца садился за кассу и делал все сам. Владелец, главный ресторан которого был в Аксараете (наш был дочерним заведением), имел одно правило, которое постоянно повторял поварам, посудомойщикам и нам, официантам и помощникам официантов: каждая тарелка французского картофеля фри, томатного салата, жареных котлеток, риса с курицей, каждое маленькое пиво и стаканчик раки, каждая миска чечевичного супа, тушеной фасоли, ягнятины в луке должна быть учтена кассиром перед тем, как быть подана клиенту на стол.

Ресторан «Мюррювет», выходивший на проспект Ататюрка и обладавший четырьмя большими витринами (всегда задернутыми кружевными занавесями) и толпой нетерпеливых завсегдатаев – местных лавочников, которые жевали тушеное мясо в обед, мужских компаний по вечерам, неторопливо потягивавших раки, – был целым предприятием,

таким деятельным, что иногда было нелегко следовать указаниям менеджеров. Даже в обед, когда я присаживался на место кассира, я не всегда успевал уследить, где официанты брали свои тарелки тушеных цыплят с овощами, сельдереем в оливковом масле, бобовым пюре и запеченной макрелью. Официанты выстраивались перед моим столом, дожидаясь, пока каждая порция не будет учтена (пока нетерпеливые клиенты кричали: «Это моя порция и уже остывает!»). Иногда уже не оставалось выбора, кроме как позволить официантам вначале разнести заказы и принять их отчеты позже, когда все немного поутихнет: «Ферхат, братец, фаршированный перец и рулетики с сыром на семнадцатом столе, две куриные грудки на шестнадцатом». Но проблемы с очередью оставались, потому что официанты теперь норовили перекричать один другого, вместо того чтобы ждать: «Салат на номер шесть, два йогуртовых салата на номер два». Некоторые выкрикивали заказы, пробегая со стопкой тарелок, и у меня, кассира, не всегда хватало времени все записать. Официант мог забыть номер и блюдо и, забыв, просто придумывал на ходу, сколько и чего захватил с кухни. Официантов вообще не волновало то обстоятельство, что часть порций оставалась неучтенной; они знали – если покупатели думают, что получили что-то бесплатно, они дадут больше чаевых.

Обслуживая посетителей ресторана по вечерам, я выучил все эти уловки нечистых на руку официантов и, когда во время обеденной смены садился на кассу, учитывал это. Одна из самых простых уловок, которой я сам пользовался время от времени, выглядела так: вы находите подходящего клиента и подаете ему больше, чем он заказывал (шесть котлеток вместо четырех, например), но говорите, что возьмете только за меньшую порцию, и он обычно так радуется, что добавляет разницу к чаевым. Теоретически все чаевые надо было складывать в общую коробку и затем делить поровну между персоналом (хотя владелец первым забирал свою долю), но на практике каждый официант припрятывал часть того, что получал, в кармане брюк или своего белого фартука. Попасться означало быть уволенным, так что никто из официантов даже не задавался вопросом, что у другого в фартуке.

Вечером я обслуживал столики у входа, и вдобавок ко всем моим трудностям у меня была дополнительная обязанность – помогать владельцу, сидевшему за кассой. Я был не то чтобы главным официантом, но помогал ему контролировать работу других. «Иди проверь тушеное мясо для четвертого стола, там ругаются», – говорил он, и, пусть это был стол официанта Хади из Гюмюшхане, я сам шел на кухню проследить

за поваром, скрытым в облаках дыма, поднимавшегося от мяса и жира на гриле. Убедившись, что он трудится не покладая рук, я шел к столу номер четыре и говорил клиентам с улыбкой, что их гювеч – тушенная баранина с овощами уже на пути к ним, а затем уточнял, хотят ли они поперчить ее или оставить все как есть, интересовался, добавить ли в нее чеснока или нет, и после этого старался угадать, за какую они футбольную команду болеют, поговорить о футболе – например, о скандалах с договорными играми, подкупленными судьями и пенальти, который нам не дали в воскресенье.

Если идиот Хади умудрялся вывести из себя клиентов, подав блюда, которых не заказывали, я шел на кухню, брал тарелку картофеля фри или большое блюдо жареных, с пылу с жару, креветок, которых наверняка готовили для другого стола, и презентовал их за счет заведения обиженному столу. Если оставалось никем не заказанное блюдо с жареным мясным ассорти, я мог отнести его на стол к пьяным посетителям.

– А вот и мясо наконец! – торжественно объявлял я и тут же приписывал его к счету.

Подобные клиенты так хорошо проводили время за разговорами о политике, футболе или инфляции, что даже не замечали моих уловок или не придавали им значения. В поздние часы я успокаивал скандалистов, умирал те столы, за которыми начинали горланить песни, решал любые нелепые разногласия (их было множество: например, требовали то включить, то выключить телевизор, то открыть, то закрыть окно), напоминал помощникам официантов почаще менять людям пепельницы («Парень, иди-ка глянь на стол десять, ну чего стоишь? Пошел, пошел...») и разгонял официантов с посудомойщиками, которые, спрятавшись на кухне, в коридоре или в дальней кладовке, тайком курили и сплетничали.

Иногда директор какой-нибудь юридической фирмы или архитектурного бюро по соседству приводил своих сотрудников, включая женщин, на обед; бывало и так, что мать в платке потчевала своих негодников-сыновей котлетками с айраном. Таких посетителей мы всегда сажали за столики у входа, которые были специально зарезервированы для семей. Наш владелец, у которого на стене висели три портрета Ататюрка, был немного повернут на мысли привлечь в ресторан «Мюррүвет» побольше клиентов-женщин. Ему хотелось, чтобы вечер, проведенный без приставаний, споров, ненужных разговоров и шуточек со стороны окружающих, стал для женщины настолько приятным, что она пожелала бы наведаться сюда еще раз; правда, за всю неоднозначную

историю «Мюррювета» такого, к сожалению, никогда не случилось. На следующий день после того, как какая-нибудь женщина заходила вечером в ресторан, наш разъяренный владелец твердил нам, официантам, что в следующий раз, когда женщина придет поесть, мы не должны толпиться вокруг нее, а вместо этого обязаны вести себя так, будто ее присутствие в ресторане – совершенно нормальное явление. Кроме того, мы просто обязаны оберегать каждую посетительницу от громогласных, грязных на язык мужчин за другими столами, вежливо и аккуратно делая замечание последним. Это последнее требование выполнить было труднее всего.

Поздно ночью, когда казалось, что пьяные клиенты уже никогда не разойдутся, владелец говорил мне: «Теперь можешь идти домой, тебе далеко добираться». Всю дорогу к дому я думал о Самихе и чувствовал вину, убеждая себя, что нехорошо ей работать горничной. Просыпаясь по утрам и обнаруживая, что она уже ушла, я проклинал свою бедность и то, что вообще разрешил ей работать. Днем я сидел в своем ресторане за столом в углу, включив телевизор, и старался вникнуть в то, что показывали по государственному каналу в программе «Учим бухгалтерское дело». Даже если мне и удавалось усвоить урок, таблицы домашних заданий, приходившие по почте, ставили меня в тупик. Я вставал, выходил из ресторана и бродил по улицам Ташлы-Тарла как лунатик, чувствуя беспомощность и злость и мечтая о том, чтобы угнать такси, наставив на водителя дуло пистолета, как в кино, найти Самиху и увезти ее в наш новый дом где-нибудь в дальнем районе. В моих мечтах дом, который я собирался построить на том самом участке, огороженном фосфоресцирующими камнями, имел уже двенадцать комнат и четыре двери. Но в пять часов вечера, когда работники ресторана «Мюррювет», от посудомойщиков до старшего официанта, собирались у большого котла, который ставили на длинном столе в глубине зала, чтобы все могли поесть супа с мясом и картошкой со свежим хлебом, перед тем как надеть форму и приступить к смене, ко мне приходили горькие мысли о том, что я трачу свою жизнь здесь, в то время как должен вести собственное дело в центре города.

Если Самиха вечером должна была прийти домой, мой добрый начальник, видя, как мне не терпится покинуть «Мюррювет» как можно раньше, говорил: «Снимай фартук и ступай домой, господин молодожен». Я был страшно благодарен ему за такую доброту. Самиха несколько раз заходила в ресторан, так что другие официанты, их помощники и посудомойщики знали, как она красива; они посмеивались и завистливо

называли меня «господин молодожен», и, пока я ждал автобус в свой квартал Гази (в наш район недавно пустили прямой маршрут), я сетовал на свою неспособность выжать все из своей удачи и от разочарования в себе начинал опасаться, что делаю что-то неправильно.

Автобус в квартал Гази, как мне казалось, полз ужасно медленно. Когда я наконец сходил на последней остановке, то мчался в гору к нашему дому, забыв об усталости. Тишина темной ночи, бледные огни соседских домов вдалеке, вонь угольного дыма, поднимавшегося из некоторых труб, были знаками того, что Самиха ждет меня дома. Может быть, она уже упала от усталости и заснула, как это часто случалось. Или, может быть, она заварила мне липовый чай и смотрит телевизор, дожидаясь меня. Я думал о ее умных и веселых разговорах и переходил на бег, надеясь, что если я побегу, то Самиха точно будет дома.

Если ее не было, я быстро выпивал немного раки, чтобы успокоиться и облегчить страдания, а затем начинал ругать себя за все. На следующий день я уходил из ресторана еще раньше, чем накануне, и в таком же нетерпении, как и вчера.

– Прости, – говорила Самиха, когда мы виделись. – У ханым-эфенди прошлым вечером были гости... Она очень хотела, чтобы я осталась, и дала мне это!

С этими словами она клала купюры куда-нибудь в сторонку.

Я выхватывал и бросал их.

– Ты больше вообще не будешь работать, ты никогда больше не покинешь этого дома, – объявлял я. – Мы останемся прямо здесь, вместе, до конца света.

Первые несколько раз, когда это случилось, Самиха спрашивала: «А что мы будем есть?» Вскоре, однако, она начала над этим смеяться и говорила: «Хорошо, я больше не пойду работать». Но конечно, все равно каждое утро уходила на работу.

11. Девушки, которые отказываются принимать своих поклонников

Мы просто проходили мимо

Сулейман. Вчера вечером я пошел к дяде Асиму в Умранийе. Он друг моего отца и бывший продавец йогурта. Он мудрый человек, достаточно умный, чтобы бросить торговлю йогуртом много лет назад и открыть свой собственный бакалейный магазин. Теперь он отошел от дел. Вчера он показывал мне тополя, которые насадил в своем саду, и огромное ореховое дерево, которое было маленьким саженцем, когда он занял эту землю двадцать лет назад. Шум и свет, которые проникали в сад с трубного завода по соседству, придавали всему странный и причудливый вид. Мы оба совершенно упились раки, которую потягивали до полуночи. Его жена была дома и давно уже спала.

– Мне за эту землю предлагали по-настоящему хорошие деньги, но я знаю, что она еще подорожает, и уже пожалел о той части, что продал, она ушла слишком дешево, – сказал дядя Асим.

Пятнадцать лет назад у него был бакалейный магазин в Топхане и съемная квартира на Казанджи. Трижды за тот вечер он говорил мне, как умно было с его стороны перебраться сюда из города и захватить немного свободной земли в надежде, что потом ему дадут право на нее. Еще он тоже трижды повторил, что его дочери все уже замужем, «хвала Всевышнему», и их мужья все хорошие люди – хотя и не такие хорошие, как я. На самом деле он пытался сказать: «Сынок, зачем ты стучишься в мою дверь, проделывая длинный путь через Босфор из Дуттепе, если у меня для тебя не осталось дочерей на выданье?»

Прошло два года с тех пор, как Самиха сбежала. Я поклялся, что найду мерзавца, который забрал ее, этого ублюдка Ферхата, и заставлю его заплатить за оскорбление и унижение. Но дело в другом. Даже теперь я все еще мечтал, что Самиха вернется ко мне, хотя в глубине души я знал, что это не случится никогда, так что хватит предаваться фантазиям. Если я освобожусь от этих проблем, то буду должником Мелахат и Ведихи. Ведиха всерьез решила найти мне жену.

Ведиха. Однажды ночью Сулейман был дома, пьяный.

– Родственничек, – сказала я, – ты и Самиха погуляли немного,

неплохо друг друга узнали, и в конце концов ничего не вышло. Может быть, больше смысла тебе жениться на девушке, с которой ты совсем незнаком... Любовь приходит после свадьбы.

– Думаю, ты права, – сказал он, повеселев. – Так что же, ты нашла мне новую девушку? – Но затем он вновь помрачнел. – Я не могу жениться на какой-то там дочери деревенского продавца йогурта.

– Твой брат Коркут и двоюродный брат Мевлют оба женаты на дочерях продавца йогурта. Что такого страшного в нас?

– Это совсем другое дело, я на вас так не смотрю.

– А как ты смотришь на нас?

– Не обижайся на меня...

– Я не обижаюсь, Сулейман. Но почему ты думаешь, что мы хотим женить тебя на деревенской девушке? – спросила я его твердым голосом.

Вообще-то, Сулейману нужна строгая женщина, которая бы постоянно выговаривала ему; ему такое даже нравилось.

– Мне не нужен никто из этих восемнадцатилетних лицейских выпускниц. Им не нравится все, что я скажу, и все они спорщицы... Кроме того, такие девушки всегда хотят встречаться до свадьбы, делать вид, будто мы встретились в университете, а не познакомились через сватов, но при этом они всегда боятся попасться родителям, да еще и вечно указывают, как мне поступить... Это вечный бой.

Я сказала Сулейману, чтобы он не беспокоился, ведь Стамбул полон девушек, которые ищут именно такого приятного на вид, успешного, умного мужчину, как он.

– Ну и где они все? – спросил он с горечью.

– Они дома со своими матушками, Сулейман; они не ходят по улицам. Просто слушай мои советы, и обещаю тебе, что покажу тебе самых милых и хороших, а потом, когда ты выберешь из них самую красивую, ту, которую захочет твое сердце, мы пойдем и попросим ее руки.

– Спасибо, Ведиха, но, если честно, мне никогда не нравились такие домашние козочки, которые сидят по домам с мамочками и всегда делают то, что им сказано.

– Если ты ищешь девушку другого сорта, то почему никогда не пытался привлечь Самиху одним-двумя ласковыми словами?

– У меня просто не было возможности! – сказал Сулейман. – Она смеялась надо мной всякий раз, когда я пробовал.

– Сулейман, я обшарю каждый дюйм Стамбула, если понадобится, но найду тебе девушку. Но если она тебе понравится, обращайся с ней как надо, хорошо?

– Хорошо, но что, если она испортится?

Сулейман. Я посадил Ведиху в фургон, и мы поехали встречаться с подходящими девушками. Опытные люди сказали, что мы должны взять с собой и мою мать тоже, чтобы ее присутствие придало нашей делегации большей солидности, но я не хотел втягивать в это дело еще и свою матушку. Одежда моей матери и ее манеры слишком деревенские. Ведиха надела синие джинсы под длинное темно-синее пальто и платок такого же цвета, который отлично шел к синему; ее можно было принять за доктора или за судью. Ведихе так нравилось выходить из дому, что, как только я нажал на газ и мы понеслись по улицам Стамбула, она почти забыла о нашей цели, так как была захвачена разглядыванием города. Она безостановочно болтала, пока я не засмеялся.

– Сестрица Ведиха, этот автобус не муниципальный, а принадлежит частной компании, поэтому он ездит с открытыми дверями, – говорил я ей, пытаюсь обогнать автобус, ползущий впереди нас.

– Осторожно, не протарань его, – говорила она, смеясь.

Приближаясь к нашей цели, я притих.

– Не волнуйся, Сулейман, – сказала Ведиха. – Это прекрасная девушка. Но если она тебе не понравится, мы просто встанем и уйдем.

Ведиха легко заводила друзей благодаря своей сердечности и доброте: она находила подходящих девушек, а потом мы вдвоем ездили к ним домой знакомиться. Девушки либо приехали в Стамбул после окончания деревенской школы, как и я, либо ходили в школу в бедном районе города, что было хуже деревни. Одни были намерены продолжать образование; другие с трудом читали и писали. Было приятно услышать от Ведихи, что все эти девушки устали от своих родителей и ищут возможность уехать из дома, но часто я видел, что это не всегда правда.

Ведиха. Братец мой, Сулейман! Если тебе нужна девушка вроде Самихи, девушка с характером, ты не должен искать ее дома рядом с мамочкой, ожидающей зятя. Ты ждешь, что девушка со своим умом и со своей индивидуальностью будет кланяться каждому твоему желанию? Этого не будет. Ты хочешь, чтобы она была чиста и невинна, но при этом страстно удовлетворяла все твои дикие желания? Этого тем более не будет. Чего ты не понимаешь, бедный Сулейман, так это того, что тебе нужна девушка, которая не носит платка, – хотя я уверена, что ты не захочешь такую девушку.

Я продолжала поиски, потому что лучшим способом получить разрешение выйти из дому было сказать Коркуту, что я иду искать

Сулейману жену. Довольно быстро Сулейман признал пропасть между своими ожиданиями и реальностью.

Когда семьи хотят поженить своих сыновей и дочерей, первым делом они ищут вторую половину у себя в деревне, среди собственных родственников, по ближайшим улицам и вокруг в квартале. Только девушка, которой не удастся найти мужа поблизости – обычно потому, что всем соседям про нее известно что-то плохое, – может сказать, что хочет выйти замуж за незнакомца из другой части города. Некоторые пытаются представить это как красоту свободного духа. Но когда я слышу про любящих свободу девушек, я всегда стараюсь понять, что скрывает подобная любовь к свободе. Естественно, у этих девушек и их семей есть свои поводы для подозрений (в конце концов, разве мы тоже не проделали долгий путь в поисках пары?), и они очень пристально смотрят на нас, пытаясь понять, что скрываем мы. В любом случае я предупредила Сулеймана – если в девушке на вид нет ничего плохого, а она все еще не нашла мужа, значит у нее, вероятно, слишком завышенные ожидания.

Сулейман. На втором этаже нового здания в переулках Аксарая жила одна школьница, учившаяся в старших классах в лицее. Она не только встретила нас в школьной форме (и в платке), но и провела все время с нами за обеденным столом, уткнувшись в свою тетрадь и учебник математики. Между тем другая девушка, дальняя родственница, старательно исполняла роль вежливой молодой женщины, которая развлекает гостей, хотя ей очень надо учить уроки.

В дом за Бакыркеем мы пришли, чтобы увидеть Бехидже, которая за время нашего короткого визита пять раз вставала со стула, чтобы подойти к окну и взглянуть через кружевные занавески на детей, игравших на улице в футбол. «Бехидже нравится смотреть в окно», – сказала ее мать, как бы извиняясь за ее поведение, но в то же время подразумевая, как это делают многие матери, что эта маленькая причуда лучше всего показывает, какой чудесной женой непременно станет ее дочь.

В доме напротив мечети Пияле-Паша в Касым-Паша две сестры постоянно шептались, хихикали и прикусывали губы, чтобы не рассмеяться громче. После того как мы покинули дом, Ведиха сказала мне, что наша цель – их хмурая старшая сестра. Однако рекомендуемая Ведихой невеста проходила как привидение, пока мы пили чай с миндальным курабье, пересекая комнату так тихо, что я даже не заметил свою потенциальную жену и ушел, не зная, была ли она симпатичной.

– Мужчина не должен жениться на девушке, которую он даже

не заметил, – мудро посоветовала Ведиха, пока мы неспешно ехали домой на фургоне. – Я ошибалась насчет нее; она тебе не подходит.

Ведиха. Некоторые женщины рождены свахами, получая свыше благословение делать людей счастливыми. Я к ним не отношусь. Но когда Самиха сбежала после того, как мой отец уже взял деньги у Коркута и Сулеймана, я стала быстро осваиваться не только из страха, что они обвинят меня в том, что случилось, но и потому, что я чувствовала жалость к глупому Сулейману. Мне также очень понравилось уходить из дому и кататься на фургоне.

Я начинала с рассказа, что у моего мужа есть младший брат, который уже отслужил в армии. Затем, становясь серьезной, я пускалась в несколько приукрашенное повествование о том, как умен, приятен на вид, уважаем и трудолюбив Сулейман.

Сулейман просил меня обязательно говорить людям, что он происходит из религиозной семьи. Отцы девушек ценили это, но я не уверена, насколько подобное заявление привлекало самих девушек. Я объясняла, что, разбогатев после переезда в город, семья не хочет деревенской невесты для своего сына. Иногда я намекала, что в деревне у Акташей есть враги, но это отпугивало некоторые семьи. Если я знакомилась с кем-то, я почти всегда сообщала, что ищу подходящую девушку, чтобы женить брата, и спрашивала, не знают ли люди такую. Правда, вскоре терпение Коркута по поводу моих отлучек начало заканчиваться, и список кандидаток у меня сократился.

Люди всегда говорили, что знают именно такую девушку, которую я ищу, но, к сожалению, она никогда не согласится на сватовство или даже на визит потенциального поклонника. Мы вскоре обнаружили, что при посещении предполагаемой кандидатки лучше не раскрывать нашу цель и просто вести себя так, как будто бы мы оказались по соседству: к примеру, наши общие друзья настоятельно рекомендовали нам зайти поздороваться к уважаемым имярек, если мы когда-нибудь очутимся здесь, в Аксарае. Или мы могли сказать, что Сулейману надо было проверить стройку, которой он руководил в своей строительной компании...

Иногда «забежать в гости» надо было с тем, кого принимали в этом доме. Это была, по существу, взаимная помощь между свахами, не сильно отличающаяся от способа, которым агенты по недвижимости иногда помогают друг другу. Приглашенная гостя объясняла наше присутствие каким-нибудь предлогом, который придумывался на ходу. Помню, маленькие, старомодные квартирки неизменно были набиты толпой

любопытных мамаш, теток, сестер, подруг и бабушек. Ожидаемая гостя представляла нас как известную семью Акташ из Коньи, владельцев преуспевающего строительного бизнеса, в котором Сулейман курировал многие проекты; мы неожиданно позвонили ей, и она решила привести нас с собой. Сулейман, который курировал единственный проект – баранку своего фургона, – начинал и сам верить в эту ложь.

Все, видимо, понимали, что слышат ложь, однако никто ни разу не спросил нас: «Если вы и в самом деле просто проходили мимо, тогда почему Сулейман начисто выбрит, приторно пахнет и надел праздничный костюм и галстук?» В свою очередь мы тоже никогда не спрашивали: «Если вы в самом деле не знаете, зачем мы пришли, почему вы начистили дом, принесли свой лучший фарфор и постелили новые покрывала на все диваны?» Ложь была частью ритуала и сама по себе не означала нашей неискренности. Мы понимали личные мотивы друг друга, при этом сохраняя внешние приличия. Эти пустые слова все равно были всего лишь прелюдией к наступлению главного акта. Через несколько минут юноша и девушка встретятся. Понравятся ли они друг другу? Что еще более важно, сочтут ли их хорошей парой?

Проходило не слишком много времени, как появлялась сама девушка в своей лучшей одежде и в лучшем платке; она была ни жива ни мертва от волнения и пыталась, не привлекая внимания, держаться равнодушно, усевшись где-нибудь в углу переполненной комнаты. В комнате обычно было так много подающих надежды молодых женщин примерно одного возраста, что маме и тетям, собаку съевшим на этом деле, приходилось искать удобный способ сообщить нам о появлении той самой застенчивой девушки, которую мы и пришли повидать.

– Где ты была, дорогая? Сидела над своими книгами? Смотри, у нас гости.

За четыре года таких визитов две из пяти студенток, которыми Сулейман интересовался, использовали учебу как повод отказать нам, так что Сулейману теперь не нравилось слышать о девицах, которые «сидят над своими книгами».

Когда матери притворно удивлялись («О, я смотрю, у нас сегодня гости!»), их дочери иногда смущали всех фразами типа: «Да, мама, мы знаем; ты готовилась весь день!» Мне нравились такие живые, честные девушки, и Сулейману тоже, но по той скорости, с которой он потом выбрасывал их из головы, я поняла, что его, должно быть, немного пугало то, что с ним потом они могут обращаться так же резко.

Когда нам приходилось иметь дело с девушками, которые наотрез

отказывались принимать поклонников, мы скрывали свою истинную цель. Однажды одна очень невежливая и невоспитанная девица в самом деле поверила, что мы просто принесли подарок ее отцу, и не обращала на нас никакого внимания. Другой девушке мы представились друзьями врача ее матери. Однажды весной мы зашли в старый деревянный дом в Эдирнекапы, неподалеку от городских стен. Девушка, которую мы пришли посмотреть, играла в вышибалочку с друзьями на улице и даже не догадывалась, что ее мать принимает потенциального мужа. Тетя высунулась в окно, чтобы заманить домой: «Поднимайся, дорогая, я купила тебе кунжутного печенья!» Она сразу появилась, полная очаровательной красоты. Но она игнорировала нас. Она слопала два печенья, уставившись в телевизор, и уже собиралась уйти, чтобы продолжить свою игру, как ее мать сказала: «Подожди, посиди немного с нашими гостями».

Она инстинктивно села, но, лишь взглянув на меня и на галстук Сулеймана, потеряла самообладание:

– Опять сватовство! Я тебе говорила, что не хочу больше никаких приходящих мужчин, мама!

– Не говори так со своей матерью...

– Ладно, они здесь за этим, не так ли? Кто этот человек?

– Имей уважение... Они видели тебя, ты им понравилась, и они проделали путь через весь город, просто чтобы поговорить с тобой. Ты знаешь, какие сейчас пробки. Ну-ка, садись.

– Ну и что я должна сказать этим людям? Я что, должна выйти за этого толстяка?

Невеста вылетела, хлопнув дверью.

Это было весной 1989 года, и это был наш последний визит. Время от времени Сулейман просит: «Найди мне жену, сестричка Ведиха», но теперь мы все знаем о Махинур Мерйем, так что я не думаю, что он по-прежнему хочет жениться. Кроме того, он все еще поговаривает, как отомстит Самихе и Ферхату.

Махинур Мерйем. Некоторые завсегдатаи баров и ночных клубов могли слышать мое имя раньше, хотя вряд ли его вспомнят. Мой отец был скромным правительственным чиновником, честным, трудолюбивым, но вспыльчивым человеком. Я училась в средней школе Таксима для девочек и подавала большие надежды, когда наша команда прошла в финал городского песенного конкурса, организованного газетой «Миллийет» для старшеклассников, и мое имя появилось в газетах. Джезяль Салик, колумнист газеты «Миллийет», однажды написал обо мне

в своей колонке: «У нее бархатный голос звезды». Это лучшая похвала, что я получила в своей песенной карьере. Я бы хотела поблагодарить покойного господина Салика и тех, кто позволил мне использовать свое сценическое имя в этой книге.

Мое настоящее имя Мелахат. К несчастью, как я ни старалась, моя песенная карьера оборвалась после этого первоначального успеха в школе. Мой отец никогда не понимал моей мечты, он часто бил меня, а когда увидел, что я не собираюсь поступать в колледж, попытался сбыть меня замуж. Так что, когда мне исполнилось девятнадцать, я сбежала из дома и вышла замуж по собственному выбору. Мой первый муж любил музыку, хотя его отец был уборщиком в муниципалитете Шишли. К сожалению, из этого брака ничего не вышло, как не вышло и с моим вторым замужеством, и со всеми отношениями, что были после того, – все разрушено моей страстью к пению, бедностью и неспособностью мужчин держать свои обещания. Если я расскажу обо всех мужчинах, которых знала, то можно будет написать роман и меня обвинят по триста первой статье за оскорбление Турции и турецкой нации. Я почти не рассказывала Сулейману об этом. Не буду и ваше время занимать этими подробностями.

Два года назад я пела в одной ужасной дыре в переулках Бейоглу, упорно держась за турецкий поп, который с трудом доходил до всех, и поэтому меня всегда ставили в самый конец программы. Так что я перешла в другой крохотный бар, где директор убедил меня, что я могу быть очень успешной, если переключусь на турецкие классические и народные песни, но меня вновь не выпускали до самого конца ночи. Впервые я встретила Сулеймана именно там, в «Парижском павильоне», – и он показался мне одним из тех настырных парней, которые пытаются познакомиться со мной между номерами. В «Париж» обычно приходили разочаровавшиеся в любви мужчины, неспособные справиться со своими невзгодами и которым нравилась традиционная турецкая музыка. Вначале я Сулеймана игнорировала. Но вскоре он сумел расположить меня к себе своим постоянством и своей детской невинностью.

Теперь Сулейман оплачивает мне аренду квартиры на четвертом этаже дома по улице Сормагир в Джихангире. После пары стаканчиков раки вечером он может сказать: «Давай пойдем, я покатаю тебя на фургоне». Он не понимает, что в его поездках нет ничего романтического, но мне не важно. Год назад я перестала петь народные песни и выступать в маленьких ночных клубах. Если Сулейман поможет, я хотела бы снова

петь турецкую поп-музыку. Но даже это не столь важно.

Я люблю кататься с Сулейманом по ночам. Я тоже выпиваю парочку стаканчиков, и, когда мы подвыпьем, мы становимся закадычными друзьями и можем говорить обо всем на свете. Как только Сулейман освобождается от своего страха перед братом и ускользает от своей семьи, он превращается в милого, очаровательного парня.

Он везет меня с холма к Босфору, сворачивая в узкие переулки, заставляя свой фургон ехать то вправо, то влево.

– Прекрати, Сулейман, когда-нибудь мы попадемся полиции! – говорю я.

– Не беспокойся, это все наши люди, – отвечает он.

Иногда я говорю ему то, что он хочет слышать: «Ох, пожалуйста, прекрати, Сулейман, мы свалимся и умрем!» Был период, когда у нас был один и тот же разговор каждый вечер.

– Чего ты боишься, Мелахат, ты правда думаешь, что мы свалимся с дороги?

– Сулейман, новый мост через Босфор еще строят, веришь?

– Чего тут не верить? Когда мы только приехали из деревни, про нас думали, что мы так и останемся толпой нищих продавцов йогурта, – взволнованно говорил Сулейман. – Теперь те же парни умоляют нас продать им нашу землю и используют посредников, чтобы попытаться пробраться в наши проекты. Сказать тебе, почему я так уверен, что скоро будет еще и второй мост, такой же в точности, как первый?

– Скажи, Сулейман.

– Потому что теперь Вуралы начали скупать всю землю вокруг места, где должно быть шоссе к мосту. Холмы Кюльтепе и Дуттепе принадлежат им. Правительство еще даже не начало отводить землю для шоссе. Но земля, которую Вуралы купили в Умранийе, Сарае и Чакмаке, стоит вдесятеро против того, что они заплатили. Сейчас мы с тобой слетим с холма. Не пугайся, хорошо?

Я помогла Сулейману забыть о дочке продавца йогурта, которую он любил. Когда мы впервые встретились, он не мог думать ни о ком, кроме нее. Без следа смущения он рассказывал мне о том, как его невестка перевернула вверх дном весь город, квартал за кварталом, пытаясь найти ему жену. Должна признать, мне будет грустно, если Сулейман отыщет себе суженую. Однако я не переживаю, когда он ходит смотреть потенциальных невест. Однажды ночью он сильно напился и признался, что у него не осталось никакого уважения к девушкам.

– Не переживай, это общая проблема, особенно среди женатых

мужчин, – сказала я, стараясь утешить его. – Это не в тебе дело, а во всех этих иностранках из телевизора и газет с журналами, так что не зацкливайся на этом.

А вот моего больного места он никогда не понимал.

– Сулейман, мне не нравится, когда ты говоришь со мной приказным тоном, – говорила я ему иногда.

– Ох, я думал, тебе это нравится... – всякий раз отвечал он.

– Мне нравится играть с твоим пистолетом, но мне не нравится, что ты так груб и холоден со мной.

– Я груб? Я что, правда холоден, Мелахат?

– Думаю, что чувства у тебя есть, Сулейман, но, подобно большинству турецких мужчин, ты не знаешь, как выразить их. Почему ты никогда не говоришь мне то, что мне больше всего хочется услышать?

– Это ты про свадьбу хочешь? Ты начнешь носить платок?

– Да нет, я сейчас не об этом. Скажи мне то, другое, что ты никогда не говоришь.

– О, я понял!

– Хорошо, если ты понял, скажи это... Это не тайна, ты знаешь... Все теперь знают о нас... Я знаю, как сильно ты меня любишь, Сулейман.

– Если ты уже знаешь, зачем все время просишь, чтобы я сказал?

– Я не прошу ничего. Все, что я хочу, – это просто чтобы ты сказал это когда-нибудь... Почему ты не можешь просто сказать: «Мелахат, я люблю тебя»? Что, так трудно произнести эти слова? Ты проиграешь спор или что-то в этом роде, если скажешь это?

– Мелахат, когда ты так говоришь, мне делается еще труднее такое сказать!

12. В Тарлабаши

Счастливейший человек на земле

Ночами Мевлют и Райиха спали в одной кровати со своими дочерьми Фатьмой и Февзие. В доме было холодно, но под одеялом тепло и приятно. Иногда малышки засыпали к тому времени, когда Мевлют вечером уходил продавать бузу. Он возвращался домой поздно ночью и заставал их спящими точно в тех же позах, в которых оставил их. Райиха сидела закутавшись на краю постели, перед выключенным обогревателем и смотрела телевизор.

У девочек была своя маленькая постель рядом с окном, но, как только их туда укладывали, они начинали плакать. Мевлют, с крайним уважением относившийся к их чувствам, говорил Райихе: «Надо же! Они такие маленькие, но уже боятся одиночества». Девочки быстро привыкли к родительской кровати. Если их клали в маленькую постель, они просыпались от малейшего шороха и начинали реветь, будя Мевлюта и Райиху, и не успокаивались, пока их не переносили в большую постель. В конце концов Мевлют и Райиха поняли, что спать всем вместе в одной кровати будет лучше для всех.

Мевлют купил подержанную газовую плиту «Арчелик». Она могла превратить дом в настоящий хамам, но потребляла слишком много газа. Иногда, для экономии, Райиха подогревала на ней и еду. Газ она покупала у курда, чей магазинчик был в трех улицах книзу в сторону Долап-Дере. По мере того как конфликт на востоке Турции с каждым годом все более разгорался, Мевлют видел, как улица за улицей Тарлабаши заполняются курдскими мигрантами. Новоселы были крутыми людьми, не то что добродушный Ферхат. Их деревни в ходе войны были сожжены дотла. Курды были нищими и никогда не покупали бузу, так что Мевлют редко ходил в их районы. Он окончательно перестал ходить туда, когда в тех местах появились наркоторговцы, продававшие гашиш, разные таблетки и снотворное, и бездомные, нюхавшие клей юнцы.

С того момента, как Ферхат умчался с Самихой на такси в начале 1984 года, Мевлют ни разу не видел его. Это было очень странно, учитывая, как близки они были в детстве и юности. Время от времени Мевлют неловко объяснял Райихе: «Они живут слишком далеко». Только изредка он позволял себе подумать о том, что настоящей причиной расстояния между ними были письма, которые Мевлют писал, думая о жене Ферхата, Самихе.

К тому же неумолимое разрастание Стамбула разносило их все дальше и дальше. Поездка на автобусе из одного дома в другой занимала полдня. Мевлют скучал по Ферхату, и в нем нарастала обида на него, хотя причины этой обиды постоянно менялись. Он удивлялся, почему Ферхат никогда не дает о себе знать. Какая бы ни была тому причина, ясно, что это признание вины. Когда Мевлют узнал, как счастливы молодожены там, в квартале Гази, он испытал приступ зависти.

Иногда по ночам, после двухчасовой продажи бузы, он принимался мечтать о счастье, ожидавшем его дома. От самих мыслей о том, как пахнет их постель, о звуках, которые издают под одеялом Фатьма и Февзие, о том, как их с Райихой тела соприкасаются во сне, как их кожа все еще горит от соприкосновений, у него наворачивались слезы радости. Вернувшись домой, он хотел только одного – надеть пижаму и нырнуть в большую уютную постель. Пока они смотрели телевизор, он рассказывал Райихе, как много он сделал этим вечером, что происходит на улицах, что он видел в домах, куда его приглашали, и не мог заснуть, пока не рассказывал ей обо всем и не утопал в ее ярких, влюбленных глазах.

– Они говорили, что в бузе слишком много сахара, – шептал он, продолжая смотреть телевизор и передавая все комментарии покупателей к распроданной партии.

– Ну, у меня не было выбора, вчерашние остатки были слишком кислыми, – отвечала Райиха, защищая, как всегда, смесь, которую готовила.

Мевлют рассказывал ей, как весь день думал о странном вопросе, который задала ему в одном из домов, пока он отвечивал бузу на кухне, старая дама. Указывая на его фартук, дама спросила: «Ты сам это купил?» Что она имела в виду? Цвет фартука? Или хотела сказать, что такое обычно носят женщины?

По ночам Мевлют следил, как весь мир превращается в волшебную страну теней, темнота накрывает закоулки города и дальние улицы вздымаются сквозь туман, как скалистые утесы. Автомобили, гонявшиеся друг за другом в телевизоре, были такими же странными, как и те улицы ночью.

Райиха. Иногда Мевлют вылезал из постели посреди ночи, брал со столика, стоявшего в дальнем углу комнаты, сигарету, зажигал ее и курил, глядя на улицу сквозь щель в занавесках. Я лежала и смотрела на его силуэт в свете фонаря, гадала, о чем он думает, и хотела, чтобы он вернулся в кровать. Иногда он так задумывался, что я вставала сама, выпивала стакан воды, проверяла, хорошо ли укрыты девочки. Наконец он

возвращался ко мне, пытаясь скрыть свое стеснение.

– Это ничего, – говорил он мне. – Я просто задумался.

Мевлют любил летние вечера, потому что он мог тогда проводить время с нами. Но позвольте рассказать вам то, о чем он сам вам никогда не скажет: мы зарабатывали летом намного меньше денег, чем зимой. Мевлют держал окна открытыми весь день, очевидно для мух, залетающих в дом, и для всей этой пыли со зданий, которые сносили ради строительства на их месте нового проспекта; весь день он смотрел телевизор, одновременно приглядывая за девочками, смеявшимися и игравшими или в заднем саду, или на улице, или на дереве, прислушиваясь, не начали ли они драться и не пора ли их разнимать. Иногда вечером он без всякой причины терял терпение, и если был достаточно зол, то уходил из дому, хлопая дверью (девочки в конце концов к этому привыкли, но это всегда их немного пугало); шел он обычно в кофейню поиграть в карты или сидел с сигаретой на крыльце. Иногда я садилась рядом, и девочки тоже приходили. Их подружки вскоре сбегались со всех углов, и, пока наши дочки играли с ними в свои игры на улице или в саду, я сидела на крыльце при свете фонаря, просеивая рис на плов, который потом Мевлют продавал в Кабаташе.

На этих ступеньках я познакомилась с Рейхан, женщиной, которая жила через дорогу, двумя домами ниже. Однажды она высунула из окна голову на улицу и сказала: «Я думаю, ваш фонарь ярче нашего!» – после чего захватила свое шитье и пришла посидеть со мной.

– Я из Восточной Анатолии, но я не курдянка, – сказала она так, как будто говорила о своем возрасте.

Она была по меньшей мере лет на десять-пятнадцать старше меня. Она восхищалась моими руками, которыми я просеивала рис.

– Посмотрите на эти руки, гладкие, как у младенца! Ни единой морщинки! Посмотрите, как быстро они двигаются, словно голубиные крылья, – говорила она. – Ты должна заниматься рукоделием, поверь мне, ты заработаешь больше, чем я и этот ангел, которого ты получила в мужья. Я рукоделием зарабатываю больше, чем мой супруг на своей полицейской зарплате, и ему это очень не нравится...

Когда Рейхан было пятнадцать, ее отец решил – ни с кем не советуясь – отдать свою дочь торговцу войлоком, так что ей пришлось сбежать с будущим мужем из дома с одним только маленьким узелком, жить в Малатье и никогда больше не видеть ни отца, ни других родственников. Она была одной из семи детей в крайне бедной семье, но не считала это оправданием того, что ее пытались продать, и до сих пор

спорила с родственниками, как будто они были прямо перед ней.

– Какие же бывают на свете родители, Райиха! Они не только не считаются с дочерьми, они даже не позволяют дочерям хотя бы издали посмотреть на мужчин, за которых не задумываясь их выдают, – говорила она, качая головой и не отводя взгляда от своего рукоделия.

Рейхан страшно огорчало то, что отец пытался продать ее без обязательств заключить государственный брак. Однако она, убежав от него со своим суженым, настояла на государственной регистрации.

– Мне еще надо было ставить условие – жить без побоев, – говорила она иногда, смеясь. – Никогда не забывай, как тебе повезло с Мевлютом.

Рейхан притворялась, что не верит тому, что существуют мужчины вроде Мевлюта, которые ни разу не ударили своих жен, и утверждала, что, должно быть, дело во мне. Она постоянно просила меня повторить историю того, как я нашла моего «ангельского мужа», как мы встретились и понравились друг другу на свадьбе, как Мевлют через посредников отправлял мне письма, пока был на военной службе. Ее муж, служивший в полиции, бил ее каждый раз, как напивался раки, так что по вечерам, когда стол накрывался для выпивки, она садилась и ждала. Как только муж начинал вспоминать какой-нибудь очередной допрос, в котором участвовал, – что обычно было первым знаком приближающегося избиения, – она вставала, брала свое шитье и шла ко мне. Если я была в это время в доме, меня предупреждал о ее появлении на нашем крыльце голос ее мужа Неджати, уговаривавшего: «Пожалуйста, вернись домой, моя любимая Рейхан, я больше не буду пить, обещаю». Иногда я брала девочек с собой и садилась на ступеньках крыльца с ней.

– Аллах, хорошо, что ты пришла, давай посидим вместе немного, он скоро завалится спать, – говорила Рейхан.

Когда Мевлют зимними вечерами продавал бузу, она приходила к нам и садилась смотреть за семечками телевизор со мной и девочками, рассказывая им истории, от которых они смеялись весь вечер. Она улыбалась Мевлюту, когда тот возвращался поздно ночью, и говорила ему: «Благослови Создатель счастье вашего очага!»



Мевлют чувствовал, что это самые счастливые годы его жизни, но обычно он держал подобные мысли глубоко в себе. Если бы он позволил себе подумать о том, как счастлив, он мог бы потерять все это. В жизни всегда хватало причин для гнева и ругани, заслоняющих любое мимолетное счастье. Он не выносил, что Рейхан постоянно торчит в их доме допоздна, суя свой нос в их дела. Иногда Фатъма и Февзие начинали спорить, крича и визжа друг на друга, а затем заливались слезами. Это выводило его из себя. Он приходил в ярость, когда люди просили его принести назавтра не меньше десяти стаканов бузы, а на следующий вечер притворялись, что их нет дома, хотя Мевлют подолгу звонил в дверной звонок. Он багровел, видя по телевизору, как мать из Кютахьи рыдает из-за смерти сына, убитого в Хаккари в результате нападения на военный конвой курдских повстанцев. Он не выносил паникеров, которые перестали покупать плов и бузу на улице только потому, что на Украине произошла авария на Чернобыльской АЭС, и считали, что ветер наверняка донес радиоактивные облака до Стамбула. Он не мог сдержаться, когда дочери вновь отрывали руку куклы, которую он только что с тщательностью приделал. Он еще терпел, когда ветер качал телеантенну и в телевизоре появлялись белые пятна, которые носились по всему экрану, как снег, но терпение его лопалось, когда весь экран покрывался тенями и изображение скрывалось в тумане. Он злился, когда во всем районе отключалось электричество посреди передачи с народными песнями. Он выходил из себя, когда новости были полны известием о покушении на президента Озала и кадры (их Мевлют видел до того по меньшей мере раз двадцать), показывающие скорчившегося на полу несостоявшегося убийцу, внезапно прерывались рекламой йогурта «Хайят», и всегда говорил Райихе: «Эти ублюдки и их химический йогурт разрушили уличную торговлю».

Однако, когда Райиха просила: «Возьми девочек погулять завтра утром, чтобы я могла хорошенько прибраться в доме», Мевлют забывал обо всем, что его огорчало. Гуляя по улицам с Февзие и Фатъмой, он чувствовал себя счастливейшим человеком на земле. Ему нравилось возвращаться домой после целого дня торговли пловом и дремать под разговоры дочерей, а потом просыпаться и играть с ними в пятнашки. Ему нравилось быть окликнутым на улице новым покупателем – «Я возьму стаканчик бузы, торговец».

Все эти годы Мевлют только смутно чувствовал мягкое течение времени, хотя и видел, как медленно засыхают некоторые деревья, как некоторые деревянные дома исчезают за одну ночь, как на пустых

участках, где дети обычно играли в футбол, а днем дремали уличные торговцы и безработные, возводят шести– или семиэтажные здания, как растут размеры рекламных щитов на улицах, но все это он замечал не сразу – так же, как не сразу он замечал смену времен года и то, что листья желтеют и падают с деревьев. Таким образом, конец сезона бузы или футбольного чемпионата всегда заставлял его врасплох, и только в последнее воскресенье сезона 1987 года, вечером, он понял, что «Антальяспор» вылетел из высшей лиги. Однажды, когда Мевлют попытался и не смог перейти проспект Халаскаргази, он заметил множество надземных пешеходных переходов, появившихся в городе после военного переворота в 1980 году, и металлические барьеры, выстроившиеся вдоль тротуаров, чтобы направить людей к этим переходам. Мевлют слышал от людей в кофейне и по телевизору про планы мэра, касающиеся большой новой дороги от Таксима к Тепебаши, которая должна была соединить Таксим и Шишхане по маршруту через Тарлабаши всего в пяти улицах от их дома, но он никогда не думал, что это произойдет. Большую часть новостей, которые Райиха приносила ему от соседских старух-сплетниц, Мевлют уже знал, ибо слышал их на улицах и в кофейне и от пожилых гречанок, обитательниц обветшалых, сумрачных, затхлых квартир в старинных домах в районе «Цветочного Пассажа», Рыбного рынка и британского консульства.

Прежде в Тарлабаши проживали греки, армяне, евреи и айсоры, хотя теперь об этом никто из ныне живущих жителей предпочитал не вспоминать. Когда-то на месте здешних улиц тек ручей – теперь залитый в бетон и всеми забытый, – который сбегал от Таксима вниз к Золотому Рогу, называясь разным именем в каждом квартале, который он пересекал (Долап-Дере, Биледжик-Дере, Папаз-Кёпрю, Касымпаша-Дере), а с другой стороны склона, по которому он тек, находились районы Куртулуш и Ферикий, где шестьдесят лет назад, в начале 1920-х, можно было видеть только греков и армян. Первым ударом по немусульманскому населению Бейоглу после рождения Турецкой Республики стал налог на недвижимость от 1942 года, которым правительство, ставшее все более открытым германскому влиянию во время Второй мировой войны, обложило все христианское сообщество Тарлабаши, а после этого правительство отправило армян, греков, ассирийцев и евреев мужского пола в трудовые лагеря в Ашкале. Мевлют сотни раз слышал истории про аптекарей и мебельщиков, которые жили в Стамбуле поколениями и которых отправили в трудовые лагеря за неспособность платить налоги. Оставшиеся были вынуждены отдавать магазины своим турецким

подмастерьям или месяцами скрываться от властей, хватавших людей по улицам. Бóльшая часть греческого населения уехала в Грецию после антихристианского погрома 6 и 7 сентября 1955 года, во время войны с Кипром и Грецией, когда толпы, вооруженные палками и размахивающие флагами, грабили и разрушали церкви и магазины, убивали священников, насиловали женщин. Те, кто тогда не уехал, были выселены в 1964 году по правительственному постановлению за двадцать четыре часа.

Эти истории обычно пересказывались приглушенным голосом соседями-старожилами после нескольких стаканчиков в пивной или теми, кому нравилось ругать новоселов, занявших пустые дома, оставленные депортированными греками. Мевлют слышал, как люди говорили: «Греки были лучше, чем эти курды»; теперь в Тарлабаши появились и нищие африканские мигранты, потому что правительство ничего не делало, чтобы остановить их; что, черт возьми, будет дальше?

Тем не менее, когда какая-нибудь греческая семья возвращалась в Стамбул и на Тарлабаши, чтобы проверить старый дом, владельцем которого она все еще оставалась по закону, ее встречали не очень хорошо. Людям не хотелось сообщать прежним владельцам правду («В ваших домах поселились анатолийские бедняки из Битлиса и Аданы!»), так что даже наиболее доброжелательные люди уклонялись от встреч со старыми знакомыми. Были такие, кто возмущался визитами прежних хозяев и открыто угрожал им насилием, убежденный, что греческие землевладельцы вернулись только для того, чтобы получить арендную плату; были и те, кто встречался со старыми друзьями в кофейне и обнимал их со слезами на глазах, вспоминая былые деньки. Но такие эмоциональные моменты никогда не длились долго. Мевлют видел, как некоторых греков, что приходили посмотреть на свои старые дома, оскорбляли и избивали банды подростков, нанятых какой-нибудь из многочисленных криминальных группировок, действовавших в этом районе заодно с правительством и полицией с целью захватить пустые дома и сдавать их нищим мигрантам, приезжавшим из Восточной Анатолии. При виде каждой подобной сцены первым побуждением Мевлюта, как и любого другого человека, было вмешаться: «Прекратите, ребята, как не стыдно!» Но он немедленно передумывал: подростки все равно никогда бы его не послушали. В конце концов Мевлют уходил, не сказав ни слова, и думал: «Ладно, грекам все равно достался Кипр».

Была объявлена программа сноса, ставшая попыткой расчистить и модернизировать город. Программа обещала следующее: преступники, курды, цыгане и воры, засевшие в пустовавших домах, будут разогнаны;

наркопритоны, склады контрабанды, публичные дома, общежития студентов и руины, которые служили центрами незаконной деятельности, будут снесены и на их месте пройдет новая шестиполосная магистраль, которая провезет честных граждан Стамбула от Тепебаши до Таксима за пять минут.

Греческие землевладельцы заявили протест, их юристы подали на правительство в суд за изъятие собственности. Протестовали также активисты от Союза архитекторов и горсточка студентов университета, боровшихся за сохранение исторических зданий, но голоса протестующих были практически не слышны. На стороне мэра была пресса, и однажды, когда судебный ордер на снос одного из старинных зданий слишком долго не исполнялся, мэр сам сел в бульдозер, украшенный турецким флагом, и лично снес дом под аплодисменты зрителей. Пыль, поднятая этим сносом, пробралась даже в дом Мевлюта пятью улицами ниже, просачиваясь сквозь трещины в закрытых оконных рамах. Бульдозеры были всегда окружены любопытствующей толпой безработных, прохожих и детей. Уличные торговцы сутились среди них с айраном, симитами и початками кукурузы.

Мевлют старался держать свою тележку для плова подальше от пыли. В те годы, когда шла всеобщая перепланировка города, он никогда не возил свой плов туда, где было слишком шумно илилюдно. Что его в самом деле поразило, так это снос больших шестидесяти- и семидесятилетних зданий на Таксимае, в конце шестиполосного бульвара. Когда он только приехал в Стамбул, светлая приветливая блондинка предлагала ему с рекламного щита высотой в шесть или даже в семь этажей на одном из этих зданий, обращенных на площадь Таксим, томатный кетчуп «Тамек» и мыло «Люкс». Мевлюту нравилось, как она ему улыбалась – с молчаливой, но настойчивой нежностью, – и поэтому он всегда с удовольствием смотрел на нее, когда оказывался на Таксимае.

Ему было жаль, что известный магазин сэндвичей «Кафе-Кристалл», который размещался в том же здании, был снесен. Ни в одном другом месте в Стамбуле не продавалось так много айрана. Мевлют пробовал их фирменное блюдо дважды – острый гамбургер, политый томатным соусом, – покупал он и их айран. «Кристалл» брал йогурт для своего айрана у двух рослых братьев, которые были родом из деревни Имренлер, по соседству с Дженнет-Пынаром. Абдуллах и Нуруллах снабжали йогуртом не только «Кафе-Кристалл»; они также вели регулярные дела с целым сонмом ресторанов и кафе на Таксимае, в Османбее и Бейоглу, которые покупали у них очень много йогурта до самой середины 1970-х,

когда большие компании начали распространять свой продукт в стеклянных чашках и деревянных бидонах. Братья, заработав к тому времени много денег, сумели захватить территорию на Кюльтепе и Дуттепе, а также в азиатской части города, а потом пропали вместе со всеми другими торговцами йогуртом. Мевлют понял, как сильно он завидовал богатым и могущественным братьям, которые были настолько умнее его, что им даже не нужно было продавать бузу по вечерам, чтобы сводить концы с концами, только тогда, когда заметил, что считает снос «Кафе-Кристалл» своеобразным наказанием для них.

Мевлют жил в Стамбуле уже двадцать лет. Было грустно видеть, как старое лицо города, которое за двадцать лет он успел узнать, исчезает на его глазах, стирается новыми дорогами, стройками, рекламными щитами, магазинами, туннелями и эстакадами, но было также отраднo чувствовать, что кто-то работает, чтобы улучшить Стамбул. Мевлют не воспринимал город как что-то, что существовало до его появления. Ему нравилось представлять, каким чистым, красивым и современным Стамбул станет в будущем. Он был привязан к людям, которые жили в исторических зданиях с лифтами пятидесятилетней давности, центральным отоплением и высокими потолками, построенными еще до его рождения, и он никогда не забывал, как эти люди относились к нему. Но старые здания неизбежно напоминали ему, что он здесь все еще чужак.

Иногда он думал о том, что вокруг него каждый, кто тоже приехал издалека, богатеет, обзаводится недвижимостью, строит свой собственный дом на своей собственной земле, в то время как он ломает себе спину каждый день, просто чтобы наскрести что-то на своем рисовом бизнесе, который далеко не доходен, но в такие моменты он говорил себе, что роптание будет проявлением неблагодарности по отношению к Создателю в ответ на то счастье, которое Аллах уже даровал ему. Иногда он замечал аистов, летевших над головой, и понимал, что времена года сменяют друг друга, заканчивается еще одна зима, а он медленно стареет.

13. Сулейман доставляет неприятности

Именно так все и было

Райиха. Раньше я часто брала Фатьму и Февзие на Дуттепе (всего один билет на троих), чтобы они могли побыть с тетей Ведихой, побегать и пособирать шелковицу, но теперь больше не могу делать этого. В последний раз, когда я туда ездила, два месяца назад, меня зажал в углу Сулейман, который начал спрашивать про Мевлюта. Я сказала ему, что все в порядке. Но потом он перешел к Ферхату и Самихе в своей обычной саркастической манере.

– Мы не виделись с тех пор, как они убежали, Сулейман, поверь мне, – говорила я, привычно повторяя одну и ту же ложь.

– Вообще-то, я верю тебе, – сказал Сулейман, – и, кроме того, сомневаюсь, что Мевлют захотел бы иметь какие-нибудь дела с Ферхатом и Самихой. Знаешь почему?

– Почему?

– Ты наверняка должна знать, Райиха. Все эти письма, что Мевлют писал из армии, были предназначены Самихе.

– Что?

– Я читал некоторые из них перед тем, как передать их Ведихе для тебя. Глаза, о которых писал Мевлют, – это не твои глаза, Райиха.

Он произнес это с ухмылкой, как будто хорошую шутку. Хвала Создателю, я сохранила самообладание.

Сулейман. У меня не было намерения расстраивать бедную Райиху. Но в конце концов, разве истина не превыше всего? Она не сказала мне ни слова, просто попрощалась с Ведихой, взяла своих девочек и ушла. Раньше, когда им надо было уходить, я сажал их всех в свой фургон и сам подвозил до автобусной остановки в Меджидиекёй, просто чтобы они вернулись вовремя и Мевлют не обиделся на то, что никого нет дома. Дочки Мевлюта обожали кататься на фургоне. Но в этот день Райиха даже не потрудилась попрощаться со мной. Сомневаюсь, что, когда Мевлют вернулся, она спросила его: «Все эти письма ты писал Самихе?» Конечно, она недолго поплакала. Но, обдумав, она поймет, что я сказал ей чистую правду.

Райиха. Я сидела рядом с Фатьмой, держа Февзие на коленях, пока

автобус ехал от Меджидиекёя до Таксима. Мои дочери всегда чувствовали, когда мама грустна или расстроена, даже если я им ничего не говорила. Когда мы пришли домой, я сказала, нахмурившись: «Не говорите отцу, что мы ходили повидаться с тетей Ведихой, ладно?» Мне пришло в голову, что, может быть, Мевлют потому и не хотел, чтобы я ездила на Дуттепе, чтобы держать меня как можно дальше от наветов Сулеймана. Как только я увидела вечером милое, детское лицо Мевлюта, я поняла, что Сулейман лгал. Но на следующее утро, когда девочки играли снаружи в саду, я вспомнила, как Мевлют посмотрел на меня на вокзале в Акшехире, и вновь забеспокоилась... В тот день Сулейман был за рулем фургона.

Я вынула письма и, снова перечитывая их, успокоилась. Я чувствовала себя виноватой за то, что поверила в ложь Сулеймана. Но затем я вспомнила, что Сулейман сам приносил мне письма и что он использовал Ведиху, чтобы убедить меня бежать с Мевлютом, и ощутила неуверенность. Вот так я пообещала себе больше никогда не ездить на Дуттепе.

Ведиха. Однажды днем я вышла из дому, не сказав никому ни слова, и села на автобус до Тарлабаши, чтобы повидаться с Райихой. Увидев меня, сестра так обрадовалась, что слезы заблестели у нее на глазах. Она жарила курицу, перевязав сзади волосы, как шеф-повар, с огромной вилкой в руке, вся в клубах пахнувшего кухней дыма. Я обняла и поцеловала девочек, после чего она отослала их в сад поиграть.

– Они обе болели, иначе мы бы приехали, – пожаловалась Райиха. – Мевлют не знает о моих визитах.

– Но, Райиха, Коркут вообще не позволяет мне выходить из дому, даже в Бейоглу не отпускает. Как нам вообще видется?

– Девочки теперь боятся твоих мальчиков. Помнишь, как Бозкурт и Туран привязали бедную Фатьму к дереву и начали стрелять в нее из лука? Они ей бровь рассекли.

– Не беспокойся, Райиха, я их сильно побила за это и заставила поклясться, что они никогда больше не будут обижать девочек. В любом случае Бозкурт и Туран до четырех часов в школе. Скажи, ты правда из-за девочек не приезжала или это Мевлют тебя не пускал?

– Мевлют здесь ни при чем. Винить надо Сулеймана; он пытается создать проблему. Он, например, говорит, что письма, которые Мевлют писал мне, когда был в армии, предназначались Самихе.

– Ох, Райиха, ты не должна верить Сулейману...

Райиха выхватила пачку писем со дна своей плетеной коробки для ниток и открыла наугад пожелтевший от времени конверт одного

из них. «Моя жизнь, моя душа, моя единственная Райиха с глазами газели», – читала она, заливаясь слезами.

Сулейман. Я не выношу, когда Махинур начинает насмехаться над моей семьей и говорить, что мы все еще деревенщина. Как будто сама она чиновница, дочка паши или жена доктора. После двух стаканчиков раки она обычно начинает: «А правда, что ты был пастушком в деревне?» – и при этом поднимает свои брови так важно, будто это серьезный вопрос.

– Ты опять выпила слишком много, – говорю я ей.

– Кто, я? Ты пьешь намного больше меня, а потом теряешь контроль над собой. Ударь меня еще раз, и я познакомлю тебя с горячими щипцами для волос.

Я вернулся домой. Мать и Ведиха смотрели по телевизору, как целуются Горбачев с Бушем. Коркута не было, и я только подумал, что надо бы выпить последнюю на сегодня, как Ведиха поймала меня на кухне.

– Слушай меня, Сулейман, – сказала она. – Если из-за тебя Райиха перестанет приходить в этот дом, я тебе этого никогда не прощу. Она всерьез верит твоей лжи и твоим тупым шуткам, ты до слез бедную девочку довел.

– О, прекрасно, Ведиха, я ей ни слова больше не скажу. Но почему бы нам сначала не договориться о том, что было на самом деле, раз уж мы собираемся продолжать лгать, чтобы потом никому не было обидно?

– Сулейман, давай представим на минуту, что Мевлют и *правда* видел Самиху и влюбился в нее, но письма по ошибке писал Райихе, потому что думал, что это ее имя.

– Ну, как раз так все и было...

– Нет, больше похоже на то, что ты обманул его с целью...

– Я просто помог Мевлюту жениться.

– Пусть так, но что хорошего в том, чтобы беречь это сейчас? Зачем причинять бедной Райихе столько боли?

– Ведиха, ты долго делала все, чтобы найти мне жену. Теперь тебе пора посмотреть правде в лицо.

– Ничего из того, что ты говоришь, не было, – сказала Ведиха стальным голосом. – Я и твоему брату скажу. И на этом разговор окончен. Хватит с меня этого. Ясно?

Как видите, если ей надо припугнуть меня, Ведиха называет своего мужа «твой брат» вместо «Коркут».

Райиха. Я читала письма Мевлюта, перелистывала их, отыскивая, к примеру, то место, где Мевлют сравнивал мои глаза с «печальными горами Карса». Вечерами, дожидаясь возвращения мужа, слушая болтовню Рейхан и сопение девочек во сне, я вставала и вновь шла читать его письма. Мевлют писал: «Мне не нужно другого взгляда, другого солнца в жизни». По утрам, на Рыбном рынке, стоя с Фатьмой и Февзие посреди вони и грязи, я следила, как птичник Хамди ощипывает курицу перед тем, как порубить ее на куски и опалить кожу, и вспоминала, как Мевлют однажды назвал меня своей «любимой, которая пахнет розами и раем», и мне сразу становилось лучше. Когда лодос обдавал город запахами сточных вод и водорослей, небо приобретало цвет тухлого яйца, мне становилось тяжело на душе, и я возвращалась к письму, в котором Мевлют говорил мне, что у меня глаза «черны, как безлунная ночь, и чисты, как свежий весенний родник».

Абдуррахман-эфенди. В деревенской жизни больше нет ничего хорошего, теперь обе девочки замужем, так что я поехал в Стамбул, как только появилась возможность. Засыпая и просыпаясь в дребезжащем автобусе, я каждый раз с горечью гадал, ждут ли меня там. В Стамбуле я остановился у Ведиhi и как мог старался избегать вечно недовольного чем-то Коркута и его отца-бакалейщика Хасана, который с каждым годом все больше походил на привидение. Я усталый старик без гроша в кармане и в жизни никогда не останавливался в гостиницах. Мне кажется, есть что-то недостойное в том, чтобы платить за место для сна.

Неправда, что я брал подарки и деньги от Сулеймана и Коркута в обмен на разрешение Сулейману жениться на моей дочери Самихе. То, что Самиха сбежала, не значит, что я все это время их обманывал. Коркут оплатил мои зубы, но я считал эту щедрость подарком от мужа Ведиhi, а не выкупом за мою младшую дочь. Кроме того, просто оскорбительно предполагать, что такая красавица, как Самиха, равноценна каким-то протезам!

Сулейман все еще не успокоился, так что я старался держаться от него подальше, когда бывал в доме Акташей, но однажды ночью он поймал меня на кухне. Мы обнялись, словно отец и сын, что было для нас необычно. Его отец уже ушел спать, так что мы с большим удовольствием «приговорили» полбутылки раки, которую Сулейман прятал за корзиной картошки. Я не вполне помню, что было дальше, но перед самым призывом к молитве на рассвете слышал, как Сулейман снова и снова говорит одно и то же.

– Отец, ты прямой человек, так что скажи мне сейчас честно, именно так все и было? – повторял он. – Мевлют писал все свои любовные письма Самихе.

– Сулейман, сын мой, не важно, кто в кого был вначале влюблен. Важно быть счастливым после свадьбы. Вот почему наш Пророк сказал, что, когда девушка и юноша собираются пожениться, им не должно встречаться до свадьбы и растрачивать любовное волнение преждевременно, и поэтому же Коран запрещает женщинам ходить с непокрытой головой...

– Очень правильно, – сказал Сулейман.

Правда, я не думаю, что он действительно согласился со мной, он просто не осмеливался спорить с тем, что связано с Пророком или Священным Кораном.

– В нашем мире, – продолжал я, – девушки и юноши, которые помолвлены, не должны знать друг друга до тех пор, пока не поженятся, так что не важно, кто должен был получить те любовные письма. Письма – это просто знак; на самом деле важно, что в твоём сердце.

– То есть ты говоришь, что не важно, что Мевлют писал письма Самихе, если его судьба была быть с Райихой?

– Это не важно.

Сулейман насупился:

– Аллах видит истинные НАМЕРЕНИЯ своих созданий. Всевышний предпочитает человека, который постится во время Рамазана, имея НАМЕРЕНИЕ, тому, который голодает, оттого что у него нет еды. Потому что один из них делает это со смыслом, а другой – нет.

– Мевлют и Райиха – добрые люди в глазах Аллаха. Не беспокойся о них, – сказал я. – Аллах доволен ими. Он любит счастливых людей, которые знают, как довольствоваться тем малым, что имеют. Могли бы Мевлют и Райиха быть счастливы, если бы Он не любил их? И если они счастливы, нам больше не о чем говорить, не так ли, Сулейман, сынок?

Сулейман. Если Райиха и правда верила, что письма были предназначены ей, почему она не сказала Мевлюту просить ее руки у отца? Их бы сразу поженили, без необходимости сбегать. Непохоже, чтобы у нее были еще поклонники. Но всегда считалось, что Горбун Абдуррахман просит много денег за руку своих дочерей... Так что Райиха могла остаться старой девой, а ее отец не имел бы возможности перейти к выдаче замуж следующей дочери, Самихи, – той, которая действительно красавица. Вот так просто. Конечно, все равно он не получил бы денег за свою

младшую дочь, но это другое дело.

Абдурахман-эфенди. Вскоре я перебрался к своей младшей дочери в квартал Гази, на другом конце города. Сулейман еще не оправился после произошедшего, так что я никому не сказал, что собираюсь остановиться у Самихи и Ферхата, и притворился, что возвращаюсь в деревню. Мы с Ведихой поплакали, обнимаясь на прощание. Я взял свою сумку и сел на автобус от Меджидиекёя до Таксима. Так как машины почти не двигались в плотном потоке, некоторые пассажиры, которым надоело быть прижатыми друг к другу, кричали: «Открой дверь, водитель!» – всякий раз, как мы приближались к очередной пробке, но водитель отказывался: «Мы не на остановке». Я следил за их перебранкой, не вмешиваясь. В следующем автобусе, на который я сел, людей тоже набилось как сельди в бочке, и к тому времени, как я вышел на Гази-Османпаша, я чувствовал себя совершенно расплюснутым. Я сел на синий мини-автобус от Гази-Османпаша и к закату добрался до квартала Гази.

В этой части города казалось темнее и холоднее; облака висели ниже и выглядели более грозными. Я заторопился вверх по склону холма, на котором располагался весь район. Вокруг никого не было, и я чувствовал запахи леса и озера на краю города. Глубокая тишина спускалась с гор на призрачные дома.

Моя любимая дочь открыла дверь, и мы оба заплакали, обнявшись. Я сразу понял, что моя Самиха плачет оттого, что она одинока и несчастна. Ферхат пришел домой только после полуночи и сразу рухнул в кровать. Они оба так много работали, что к ночи у них не оставалось ни энергии, не сердечных сил быть вместе в этом доме у подножия горы. Ферхат показал мне свой сертификат Анатолийского университета; он наконец-то сумел получить высшее образование на соответствующих курсах. Надеюсь, теперь они будут счастливы. Но уже в первую ночь я лежал без сна. Этот Ферхат никогда не сделает мою красивую, умную, любимую Самиху счастливой. Не потому, что они сбежали! Как вы понимаете, меня беспокоило то, что этот человек заставляет ее работать горничной.

Но Самиха отказывалась признать, что несчастна оттого, что вынуждена прибираться в чужих домах. Когда ее муж утром ушел на работу, Самиха вела себя так, как будто была совершенно довольна своей жизнью. Она взяла выходной, чтобы побыть со мной. Она взбила мне яйцо в медном блюде. Она подвела меня к окну и показала участок земли, отмеченный фосфоресцирующими камнями. Мы вышли в маленький сад, вокруг нас были сплошные холмы, покрытые бедными соседскими домами,

которые смотрелись как белые коробки. Очертания самого города были почти не видны с этого расстояния.

– Папа, видишь те склоны? – сказала Самиха, указывая на бедные строения вокруг нас. – Когда мы только поселились здесь пять лет назад, все эти холмы были пусты.

Она заплакала.

Райиха.

– Вы можете говорить отцу, что дедушка Абдуррахман и тетя Ведиха приходили повидать вас, но вы не должны говорить ему, что тетя Самиха была здесь. Вам ясно? – сказала я девочкам.

– Почему? – спросила всегда любопытная Фатьма.

Я нахмурилась и слегка покачала головой, как обычно делала, когда уже была готова потерять терпение и отшлепать их, после чего они обе замолчали.

Как только отец, Ведиха и Самиха появились, одна из девочек забралась отцу на руки, а другая села Самихе на колени. Отец тут же принялся играть с Фатьмой в камень-ножницы-бумагу, загадывать ей загадки, а потом показал ей свое маленькое карманное зеркальце, часы на цепочке и сломанную зажигалку. Когда Самиха крепко обняла Февзие, осыпая ее поцелуями, я сразу поняла, что только большой шумный дом с тремя или четырьмя собственными детьми может облегчить боль одиночества, которую она носит внутри. Каждый поцелуй сопровождался выражениями удивления («Посмотрите на эту ручку! А посмотрите на эту родинку!»), и каждый раз мне ничего не оставалось делать, как наклоняться и рассматривать руку Февзие или родинку на шее Фатьмы.

Ведиха.

– Ну-ка, давайте отведите тетю Самиху посмотреть говорящее дерево в саду и сказочный двор ассирийской церкви, – сказала я девочкам, и они вместе с моей сестрой ушли.

Я собиралась сказать Райихе, что больше нет причин бояться Сулеймана и что она может начать снова приводить девочек, но здесь отец сказал нечто, что нас обеих сильно рассердило.

Абдуррахман-эфенди. Не знаю, почему они так рассердились на меня. Любой отец должен беспокоиться о счастье своих дочерей. Когда Самиха ушла в сад с девочками, я рассказал Райихе и Ведихе об одиночестве и нищете их младшей сестры в развалюхе-лачуге на другом конце города, где не бывает ничего, кроме холода, тоски и призраков, и о том, что, побыв

там всего пять дней, я сыт по горло и решил вернуться в деревню.

– Между нами говоря, вашей сестре надо найти настоящего мужа, который сможет сделать ее счастливой.

Райиха. Не знаю, что на меня нашло, но внезапно я так вышла из себя, что наговорила вещей, которые могли бы разбить сердце моему бедному отцу.

– Ты не смеешь разрушать брак дочери, отец! – сказала я. –
МЫ НЕ ПРОДАЕМСЯ.

Краешком сознания я признавала правоту отца, ведь я видела, что у бедной Самихи больше не хватает сил скрывать нищету. Было еще кое-что, к чему постоянно возвращались мои мысли. Мы провели все детство и юношество, слушая речи вроде «Самиха самая милая и очаровательная из вас, она самая красивая девушка в мире», и где теперь она оказалась, без копейки, без детей, полная уныния, в то время как Мевлют и я были счастливы. Проверял ли так Всевышний веру людей, или это была Божественная справедливость?

Абдуррахман-эфенди. Ведиха дошла до того, что сказала: «ЧТО ТЫ ЗА ОТЕЦ?» «Что за отец, который пытается разрушить брак девушки просто ради того, чтобы продать свою дочь и получить за нее выкуп?» Это было так больно, что я подумал: может быть, лучше сделать вид, что ничего не слышал, но не смог удержаться. «Стыдно тебе, – сказал я. – Все, что я вытерпел, все унижения – все это ради того, чтобы найти вам мужей, которые будут обеспечивать вас, а не для того, чтобы продать вас с прибылью. Отец, который просит у поклонников дочерей денег, просто пытается возместить часть затрат на их воспитание, обучение в школе, одежду для них, чтобы они впоследствии превратились в хороших матерей. В этой стране все мужчины хотят, чтобы у них рождались сыновья, а не дочери. Но разве, в отличие от всех этих низких людей, я не ликовал при рождении каждой из моих дочерей? Разве я хоть пальцем тронул кого-нибудь из вас? Кричал ли я когда-нибудь на вас или сказал что-нибудь, причинившее вам боль? Повысил ли я хоть раз голос или позволил легчайшей тени печали упасть на ваши прекрасные лица? Теперь ты скажи мне, ты не любишь своего отца? Прекрасно, тогда мне лучше умереть!»

Райиха. Снаружи в саду девочки показывали тете Самихе заколдованный мусорный ящик, гусениц, которые ползли по разбитому горшку, и замок, который принадлежал плачущей принцессе, которая

издавала два дрожащих крика каждый раз, когда по ней стукнут. «Если бы я в самом деле был жестоким человеком, который держит своих дочерей взаперти в клетке, как бы они могли обмениваться письмами со своими возлюбленными прямо под моим носом?» – возмущался отец.

Абдуррахман-эфенди. Такому гордому отцу, как я, трудно вынести тяжесть ужасных слов. Еще не наступило время слепополуденной молитвы, а мне уже захотелось стаканчика раки. Я встал и открыл холодильник, но Райиха остановила меня.

– Мевлют не пьет, папа, – сказала она. – Я могу пойти купить тебе бутылку «Йени раки», если хочешь.

– Тебе нечего стыдиться, дорогая моя... Холодильник Самихи еще более пустой.

– Все, что есть в нашем, – это остатки плова и курицы, которые Мевлют не смог продать, – сказала Райиха. – Мы также начали ставить сюда нашу бузу на ночь, иначе она пропадает.

Я упал в кресло в углу. Я, должно быть, заснул, потому что во сне я скакал на белой лошади среди стада овец, но, как только я понял, что овцы были на самом деле облаками, нос у меня заболел, раздувшись, как лошадиные ноздри, и в этот момент я проснулся. Фатъма схватила меня за нос и тянула его изо всех сил.

– Что ты делаешь! – закричала Райиха.

– Папа, пойдем в магазин и возьмем тебе бутылку раки, – сказала моя дорогая Ведиха.

– Фатъма и Февзие могут показать своему дедушке дорогу в магазин, – сказала Райиха.

Самиха. Мы с Райихой следили за отцом, согнувшимся и уменьшившимся еще больше из-за своей горбатой спины. Отец держал девочек за руки. Они дошли до угла узкой улочки и уже собирались завернуть за угол, но вдруг повернулись и замахали, почувствовав, что мы смотрим на них из окна.

Райиха. Самиха впервые зажгла сигарету в моем присутствии. Она сказала мне, что позаимствовала эту привычку у богатых людей, дома которых убирает, а не у Ферхата.

– Не беспокойся за Ферхата, – сказала она. – Он теперь получил образование, у него есть связи в управлении по электроснабжению в мэрии, и он найдет себе работу; вскоре у нас все будет хорошо, так что

не беспокойся за нас. Не позволяй отцу приближаться к Сулейману. Со мной все хорошо.

– Ты знаешь, что этот змей Сулейман сказал мне однажды? – спросила я.

Я заглянула в свою коробочку с шитьем и достала оттуда пачку, перевязанную лентой.

– Ты знаешь, что эти письма мне писал Мевлют из армии... Похоже, они были адресованы не мне, а тебе, Самиха.

До того как она ответила, я начала вытаскивать конверты и читать первые попавшиеся фразы. Там, в деревне, я часто читала письма Мевлюта Самихе, когда отца не было дома. Забавляясь с письмами, мы всегда улыбались. Но я уже знала, что в этот раз мы не будем улыбаться. Когда я читала сестре о своих глазах, «темных, словно печальные солнца», внезапно мне перехватило горло, и я поняла, какая ошибка повторять Самихе ту же ложь, что распространял Сулейман.

– Не будь дуручкой, Райиха, как такое может быть? – сказала Самиха, но в то же время смотрела на меня так, как будто то, что я сказала, могло быть правдой.

Я почувствовала, что Самиха польщена письмами, словно Мевлют и в самом деле говорил про нее. Так что я прекратила читать. Я скучала по своему Мевлюту. Я только сейчас поняла, как злилась Самиха на меня и на всех нас далеко-далеко в своем районе. Мевлют должен был прийти домой с минуты на минуту, так что я переменила тему.

Самиха. Сердце мое оборвалось, когда Райиха упомянула, что ее муж скоро вернется домой. Ведиха посмотрела на меня и сказала: «Мы с отцом как раз собирались уходить». Сначала они меня обидели, потом огорчили. Я теперь в автобусе, еду назад в Гази-Османпаша, сижу у окна, и настроение у меня очень плохое. Я вытираю глаза краешком платка. С самого начала я подозревала, что они хотят, чтобы я ушла до возвращения Мевлюта. В чем моя вина? Я задумалась, а правда ли Мевлют мог писать все эти письма мне? Я сказала себе: Самиха, не думай об этом, это неправильно. Однако женщина может контролировать свои мысли не более, чем свои сны; и подобные мысли принялись бродить в моей голове, как грабители в темном доме.

Я легла в своей крохотной комнате прислуги в шикарном доме богачей из Шишли, и, пока голуби в проеме между домами продолжали ворковать в темноте, сидя на своих насестах, я думала, что бы Ферхат сделал, если бы узнал об этом. Я даже подумала, что, может быть, моя милая Райиха

сказала мне все это, чтобы облегчить мой жребий.

Однажды ночью, после утомительного путешествия на утомительном автобусе, я пришла домой, застала Ферхата лежавшим перед телевизором, и на меня напало желание растормошить его, пока он не заснул.

– Ты знаешь, что Райиха однажды мне сказала? – спросила я. – Все эти письма, что Мевлют отправлял ей... Он все время писал их для меня.

– С самого начала? – спросил Ферхат, не отрывая глаз от телевизора.

– Да, с самого начала.

– Мевлют не писал этих писем Райихе, – сказал он, внимательно посмотрев на меня. – Я писал их.

– Что?

– Что понимает Мевлют в любовных письмах? Он пришел ко мне перед армией, сказал, что влюблен, так что я написал несколько писем для него.

– Ты писал их мне?

– Нет. Мевлют попросил меня написать для Райихи, – сказал Ферхат. – Он все время говорил мне, как сильно он ее любит.

14. Мевлют находит новое место

Я первым делом завтра утром пойду и заберу ее

Зимой 1989 года, на седьмой год торговли пловом, Мевлют начал ясно понимать, что растущее молодое поколение считает его чужаком на улицах. «Если вам не понравится мой плов, можете получить свои деньги назад», – говорил он им. Но до сих пор никто из этих молодых трудящихся не заговаривал о возврате. Вечно голодные неотесанные его покупатели, из тех, кто победнее, одиночки, которым было наплевать, кто что о них подумает, часто оставляли половину заказа несъеденным и иногда требовали у Мевлюта брать с них только полцены, что Мевлют выполнял беспрекословно. Затем одним движением, украдкой, он кидал нетронутую часть недоеденной порции обратно в кастрюлю, а объедки – в коробку, содержимое которой отдавал кошкам или просто выкидывал на пути домой. Он никогда не рассказывал жене о том, что возвращает деньги покупателям, оставлявшим недоеденные порции. Райиха уже шесть лет старательно готовила рис и курицу, и в том, что покупатели все не съедали, не было ее вины. Когда Мевлют попытался разобраться, почему покупатели нового поколения не восторгаются его пловом так, как восторгались им люди постарше, в голову Мевлюту пришло несколько возможных объяснений.

Среди молодого поколения царило прискорбное заблуждение, поддерживаемое газетами и телевидением, что уличная еда «грязна». Компании, производившие молоко, йогурт, томатную пасту, говяжьи сосиски и консервированные овощи, постоянно бомбардировали население рекламой о том, как «гигиеничны» их продукты. Они постоянно твердили, что все продаваемое ими проходит машинную обработку и изготавливается «бесконтактным способом». Это вдалбливалось так навязчиво, что Мевлют иногда кричал экрану: «Да заткнись ты, черт тебя разорви!» – пугая Фатмю и Февзие, которым, наверно, казалось, что телевизор живой. Перед тем как купить рис, некоторые покупатели теперь проверяли чистоту его тарелок, чашек и приборов. Мевлют знал, что те же самые люди без проблем едят что угодно из одной общей тарелки с друзьями и родственниками. Они не беспокоились о чистоте, когда были среди людей, которых считали близкими. Они только хотели дать понять, что не доверяют Мевлюту и не считают его равным.

За последние два года он также заметил, что тот, кто на бегу набивает

живот тарелкой его плова, рискует «выглядеть бедным». К тому же пловом с нутот и курицей не наешься, если не использовать его как закуску к другим блюдам, вроде бублика-симита или чуреков. В плове с нутот не было ничего необычного или экзотического в отличие, например, от фаршированных изюмом и корицей мидий. Всего два года назад эти мидии были очень дорогим лакомством, подававшимся только в избранных барах и ресторанах, и Мевлют никогда их не пробовал, хотя ему всегда было любопытно, каковы они на вкус; потом сообщество мигрантов из Мардина превратило мидии в дешевую уличную закуску, которую мог себе позволить каждый. Те дни, когда офисы давали уличным торговцам крупные оптовые заказы, остались далеко позади. Золотые годы уличной османской еды – жареная печень, голова ягненка, котлетки гриль – давно были забыты, а все благодаря новому поколению офисных работников, пристрастившихся к одноразовой пластиковой посуде. В те времена можно было начать свое дело с прилавка на улице рядом с любым большим офисным зданием, а закончить его настоящим рестораном на том же самом углу, обслуживая ту же постоянную обеденную клиентуру.

Каждый год, когда становилось холоднее и приближался сезон бузы, Мевлют ходил к оптовику на Сиркеджи и покупал огромный мешок сухого нута, которого ему хватало до следующей зимы. В тот год, однако, он не скопил достаточно денег, чтобы купить такой мешок. Его доход от плова был прежним, но его уже не хватало, чтобы покрыть растущие расходы на еду и одежду для дочерей. Он тратил все больше и больше денег на бесполезные вкусности с западными названиями, раздражавшие его всякий раз, как он слышал их рекламу по телевизору, – жевательную резинку «Типи-Тип», шоколадки «Голден», мороженое «Супер», конфеты в форме цветов. Кроме того, приходилось продавать игрушечных медвежат на батарейках, которые умели петь, разноцветные заколки для волос, игрушечные часы и карманные зеркала. Если бы не буза, а также арендная плата с дома его покойного отца на Кюльтепе и деньги, что Райиха зарабатывала, расшивая простыни для магазинов свадебных товаров, Мевлюту было бы трудно покрывать аренду собственного дома и расходы на газ, которым он топил плиту холодными зимними днями.

Толпа на Кабаташе всегда редела после обеда. Мевлют начал подыскивать другое место, где он мог бы поставить тележку с двух до пяти дня. Стамбул менялся просто на глазах. Часть Тарлабаши, что осталась по ту сторону дороги, быстро наполнилась ночными клубами, барами и другими заведениями, в которых можно было послушать классическую турецкую музыку в ожидании заказанного алкоголя, так что вскоре бедные

семьи выехали оттуда из-за повывисившихся цен на жилье, и весь тот район стал продолжением Бейоглу, крупнейшего развлекательного района Стамбула. А улицы, расположенные ниже, ближе к Мевлюту, остались в стороне от такого богатства. Более того – металлические ограждения и бетонные барьеры, вытянувшиеся посреди дорог и вдоль всех тротуаров, чтобы помешать пешеходам переходить улицу, оттеснили район Мевлюта еще дальше в сторону Касым-Паша и нищих рабочих кварталов, выросших вокруг руин старой верфи.

Мевлют не мог теперь перекатить свою тележку через бетонные барьеры и металлические ограждения вдоль всей шестиполосной магистрали, не мог он использовать и надземные пешеходные переходы. Самая короткая дорога, по которой он раньше всегда добирался домой, продираясь через толпы на проспекте Истикляль, была уже недоступна. У него оставался только один выход – идти длинным путем через Талимхане. Проспект Истикляль сделали пешеходной зоной, оставив только одну трамвайную линию, которую в газетах называли «ностальгической» (это слово не нравилось Мевлюту, а бесконечные дорожные работы привели к рытвинам всю улицу); в результате крупные иностранные компании наоткрывали магазинов вдоль всего проспекта, из-за чего уличным торговцам стало просто нечего там ловить. Полиция Бейоглу патрулировала проспект, не давая жить всем, кто торговал бубликами-симитами, кассетами, жареными мидиями, фрикадельками, орехами, кто чинил зажигалки, жарил сосиски и делал сэндвичи не только вдоль Истикляля, но и на боковых улочках. Один из торговцев, который торговал жареной печенью по-албански и не делал секрета из своих связей с полицейским отделением Бейоглу, поведал Мевлюту, что все уличные торговцы, работавшие вокруг Истикляля, либо переодетые полицейские, либо осведомители, ежедневно докладывавшие в полицию о ситуации в районе.

Толпы на Бейоглу, неумолимо текущие по улицам, как притоки огромной реки, вновь изменили направление – люди начали собираться на других углах и перекрестках. Уличные торговцы немедленно бросились к этим новым местам сборищ, хотя полиция беспощадно разгоняла их. Со временем торговцев сменили ларьки по продаже сэндвичей и кебабов, потом на место ларьков пришли кафе с кебабами и киоски с сигаретами и газетами. В конце концов местные мини-маркеты принялись продавать перед входом денер-кебабы и мороженое, а продавцы фруктов и овощей начали работать всю ночь, и все это сопровождалось включенным на всю катушку непрерывным потоком турецкой поп-музыки. Эти изменения,

маленькие и большие, выявили множество интересных новых мест, где, как думал Мевлют, он мог на некоторое время оставлять свою тележку.

На улице в Талимхане, на углу, где шла стройка и была свалена куча старых деревянных лесов, стоял старый заброшенный греческий дом. Некоторое время Мевлют начал появляться здесь со своей тележкой и ждать дневных покупателей. Через дорогу располагалось управление по электроснабжению, и люди, выстроившиеся там в очередь для оплаты счетов, установки счетчиков, восстановления электроснабжения, вскоре обнаруживали поблизости продавца плова. Мевлют уже начал было думать, что может продавать больше риса, если станет проводить обеденное время здесь, а не в Кабаташе, но охранник стройки, который ел бесплатно в обмен на то, что смотрел в другую сторону, велел Мевлюту убираться, потому что его боссам не нравилась подобная торговля.

На пару сотен метров дальше Мевлют нашел другое место, прямо рядом с руинами театра «Шан», сгоревшего два года назад. Это столетнее деревянное здание, принадлежавшее армянскому благотворительному фонду, исчезло холодной зимней ночью 1987 года. Мевлют помнил – он тогда поздно вечером продавал бузу на Таксима, увидел вдали огонь и пошел смотреть на пожар вместе со многими другими горожанами. Распространились слухи о поджоге, поскольку старый театр, известный концертами западной музыки, однажды дал представление, в котором содержались насмешки над исламистами. Мевлют считал, что представление, которое хотя бы в чем-то высмеивало ислам, было, конечно, недопустимым, но в то же время сжечь целое здание было чересчур. Теперь, стоя здесь, замерзая от холода и дожидаясь покупателей, он думал о душе ночного сторожа, который сгорел в этом здании; о распространенном суеверии, что каждый проводивший приятный вечер в этом театре обречен умереть молодым, и о том, что в давнее время эта местность и вся площадь Таксим были армянским кладбищем. Здравый смысл подсказывал – никто не придет в это укромное место ради тарелки плова с курицей. Он провел здесь пять дней, прежде чем отправился на дальнейшие поиски.

В конце концов пристанищем ресторана на колесах стал маленький уголок в Талимхане, на окраинных улицах квартала Эльмадаг, на одной из улиц, которая спускалась к Долап-Дере и шла вокруг Харбийе. Здесь у Мевлюта еще были постоянные ночные покупатели бузы, но днем этот мир совершенно менялся. Иногда Мевлют оставлял свою тележку в парикмахерской у сгоревшего театра, чтобы свободно погулять мимо местных магазинов автозапчастей, бакалейных, дешевых закусовых,

крошечных агентств недвижимости, мастерских мебельщиков и лавок электриков. В Кабаташе, если Мевлюту нужно было в туалет или он хотел пройтись, он оставлял тележку соседу, который рядом продавал фаршированные мидии, но всегда торопился назад, чтобы не упустить покупателя. Здесь, однако, он оставлял свою тележку так, будто бы убегал от нее. Иногда он чувствовал грешное желание совсем ее бросить.

Однажды в Харбийе Мевлют вновь увидел Нериман, шагавшую впереди, и с удивлением почувствовал, как забилося его сердце. Впечатление было странным, он чувствовал себя так, будто столкнулся на улице с самим собой молодым. Когда женщина остановилась рассмотреть витрину, Мевлют увидел, что это была совсем не Нериман. Он понял, что мысль о ней таилась где-то в глубине сознания в те дни, когда он ходил мимо турагентств в Харбийе. Внезапно забытые видения пятнадцатилетней давности начали проступать сквозь туман памяти: улицы Стамбула, которые были намного свободнее; наслаждение от мастурбации; листья, которые осенью падали с каштановых и платановых деревьев; доброта, которую люди проявляли к маленькому мальчику, продававшему йогурт... Все это было связано с бременем одиночества и печали, которые он тогда носил в своем сердце, но теперь он вспоминал свою жизнь пятнадцать лет назад как совершенно счастливое время. Теперь он ощущал необычное чувство сожаления, как будто прожил свою жизнь зря. И все же он был счастлив с Райихой!

Когда после одной такой прогулки он вернулся к сгоревшему театру, тележки не было. Мевлют не поверил своим глазам. Стоял хмурый зимний день. Он пошел к парикмахерской, в которой уже горели вечерние огни.

– Твою тележку жандармерия забрала, – сообщил парикмахер. – Я говорил им, что ты скоро вернешься, но они не слушали.

За все годы работы уличным торговцем такое с Мевлютом случилось впервые.

Ферхат. Мевлют лишился своей тележки в то время, когда я начал работать контролером счетчиков в управлении по электроснабжению, офис которого располагался на Таксимае в здании, похожем на отель «Хилтон». Но с Мевлютом мы никогда не сталкивались. Если бы я знал, что он торчит со своей тележкой поблизости, подошел бы я посмотреть на него? Не уверен.

На свадьбе Коркута Мевлют только мельком взглянул на других дочерей Абдуррахмана-эфенди – так что мне до того, писал ли он свои письма одной или другой. Я понятия не имел, что он мечтал о Самихе

до тех пор, пока не сбежал с Райихой. Он ведь стеснялся сказать это мне. Так что я не беспокоюсь ни о чем. Но с точки зрения внешних приличий, которым мы должны следовать в обществе, теперь нам трудно оставаться друзьями: Мевлют писал любовные письма девушке, которая в конце концов стала моей женой... Вне зависимости от того, что мы лично чувствуем, в этой стране трудно двоим мужчинам в такой «публичной» ситуации воздержаться от того, чтобы немедленно не набить друг другу морду при случайной встрече на улице. О том, чтобы пожимать друг другу руки и оставаться друзьями, как раньше, и речи не идет.



В тот день, когда полиция конфисковала его тележку для плова, Мевлют вернулся в обычное время. Вначале Райиха даже не заметила, что тележка не привязана к ореховому дереву в саду за домом. Но, взглянув на лицо мужа, она поняла, что произошло какое-то несчастье.

– Ничего, – сказал Мевлют. – Я первым делом завтра утром пойду и заберу ее.

Он сказал дочерям, что из одного колеса выпал винтик и он оставил тележку другу в соседнем квартале, который починит ее. Он дал дочерям по жевательной резинке с картинкой под оберткой. На обед все досыта наелись свежего риса, который сварила Райиха, и курицы, которую она нажарила Мевлюта продавать на следующий день.

– Давайте оставим немного плова для наших покупателей на послезавтра, – предложила Райиха, возвращая недоеденную курицу в кастрюлю и ставя ее в холодильник.

Тем же вечером одна из постоянных покупательниц Мевлюта, когда он наливал ей на пороге кухонного черного хода бузу, сказала:

– Мевлют-эфенди, сегодня вечером мы пили раки и бузу покупать не собирались. Но ваш голос звучал так жалобно, так печально, что мы не смогли удержаться.

– Это голос продавца, который продает свой товар, – вздохнул Мевлют, повторяя фразу, которую говорил своим покупателям тысячи раз.

– Как ваши дела? Какой-нибудь из ваших дочерей уже пора в школу?

– У меня все хорошо, хвала Всевышнему. Моя старшая пойдет

в начальную школу этой осенью, с благословения Создателя.

– Отлично. Вы же не позволите им выйти замуж, пока они не окончат среднюю школу! – сказала пожилая женщина, закрывая за ним дверь.

– Я собираюсь отправить обеих дочерей в университет, – сказал Мевлют закрывшейся за ним двери.

Ни этот обмен любезностями, ни разговоры с другими постоянными покупателями, которые все, как по заказу, были особенно добры с ним тем вечером, не отвлекли Мевлюта от страданий по потерянной тележке. Он гадал, где она могла бы быть, пострадает ли она, если попадет в плохие руки, как она перенесет дождь и не украли ли газовую плиту. Он не мог вынести мыслей о том, как она там, без его присмотра.

На следующий день он отправился в жандармерию Бейоглу. Жандармерия располагалась в некогда помпезном, а ныне ветхом деревянном особняке османского периода, где к приходу Мевлюта уже собрались другие уличные торговцы, чьи тележки и прилавки были подобным образом конфискованы. Старьевщик, с которым Мевлют несколько раз встречался в Тарлабаши, был удивлен, услышав, что утащили тележку с пловом. Торговцев плова, фрикаделек, жареной кукурузы или каштанов, которые торговали со сложных, остекленных прилавков со встроенными газовыми или угольными плитами, жандармерия трогала редко, так как они не занимали свои места без того, чтобы первым делом не поднести подарки и бесплатную еду муниципальным жандармам. Так всегда поступал и Мевлют.

Но в тот день ни Мевлют, ни другие торговцы не смогли получить свои тележки назад. Один старик, который торговал лахмаджуном^[59], пробормотал: «Да наверное, они уже всё поломали», но Мевлюту о таком и думать было страшно.

Муниципальные предписания по здравоохранению и гигиене не останавливали уличную торговлю, а все штрафы, благодаря инфляции, давно превратились в ничто, так что местные власти в назидание конфисковывали и ломали тележки уличных торговцев и выбрасывали их товары. Такие рейды кончались спорами, драками и даже поножовщиной, и иногда торговцы устраивали рядом с мэрией голодовку или даже самосожжение, хотя подобное случалось редко. Только перед выборами, когда на счету был каждый голос, торговцы могли надеяться получить конфискованные прилавки назад. Бывалый продавец лахмаджуна сказал Мевлюту, что уходит, чтобы завтра купить себе новую тележку.

Мевлют расстроился. Денег у него на тележку и плиту не было. Он просто не мог представить, что его белая тележка сломана жандармами.

Образ тележки, которая ждет его на каком-нибудь муниципальном складе, на бетонном полу, стоял перед ним.

На следующий день он снова пошел в жандармерию. Там Мевлют узнал, что сгоревший театр был официально в юрисдикции Шишли, а не Бейоглу, и это наполнило его сердце надеждой. В муниципалитете Шишли были связи у Вуралов и Коркута, они помогут ему. Той ночью во сне он видел свою белую трехколесную тележку.

15. Святой Наставник

Я – жертва страшной несправедливости

Райиха. Прошло две недели, а мы так и не получили никаких новостей о тележке. Мевлют ходил по городу до глубокой ночи, продавая бузу. Вставал он поздно и до вечера бегал по дому в пижаме, играя с Фатьмой и Февзие в прятки и камень-ножницы-бумага. Шестилетняя Фатьма и пятилетняя Февзие понимали, что в доме произошло что-то нехорошее, потому что я больше не готовила рис и курицу и белая трехколесная тележка, которую они так любили, исчезла. Они играли с отцом, словно бы стараясь скрыть от самих себя правду. Когда их вопли становились слишком громкими, я кричала Мевлюту:

– Своди их куда-нибудь на свежий воздух, в парк Касым-Паша.
– Позвони-ка Ведихе, – отзывался Мевлют. – Может быть, есть какие-нибудь новости.

Наконец однажды ночью Коркут позвонил: «Скажи Мевлюту, чтобы он шел в управу Шишли. Там есть один парень из Ризе, он работает на втором этаже, он из людей Вуралов и поможет Мевлюту».



Той ночью Мевлют не мог заснуть от радости. Он поднялся рано утром, побрился, надел свой лучший костюм и отправился в Шишли. Он собирался заново покрасить тележку, добавить украшений и больше никогда не оставлять ее без присмотра.

Человек из Ризе, который работал на втором этаже управы, оказался важной и страшно занятой персоной. Он постоянно покрикивал на граждан, ожидавших в очереди приема. Сидевшего в углу Мевлюта он продержал полчаса в ожидании, прежде чем подозвал его движением пальца. Он повел его вниз по темной лестнице, по коридору, пахнувшему дешевым моющим средством для полов, через душевые комнаты, набитые читавшими газеты чиновниками, через столовую, наполнявшую весь цокольный этаж запахами дешевого масла и жидкости для мытья посуды, –

наконец они вышли во двор.

Двор был темным, окруженным темными зданиями, а в углу было свалено множество тележек. Сердце Мевлюта подпрыгнуло при виде их. Бросившись к тележкам, он заметил в другом углу двух жандармов, ломавших одну из них. Третий сортировал колеса, деревянные рамы, газовые плиты и стеклянные витрины в отдельные кучи.

– Ну, какую выбираешь? – спросил человек из Ризе.

– Моей тележки здесь нет, – сказал Мевлют.

– Ты ведь говорил, что твою тележку забрали месяц назад? Мы обычно разбираем их на следующий день после того, как заберем. Твою, значит, давно разломали, я уверен. Это те, что жандармы собрали вчера. Поверь, если мы вообще ничего не будем делать, завтра на Таксима полстраны будет продавать картошку и помидоры. Это будет конец Бейоглу и мечте о красивых чистых улицах... Обычно мы не позволяем забирать тележки, ведь тогда они вернутся на площадь на следующий день. Но за тебя попросили, так что можешь выбрать одну из этой кучи, пока не поздно...

Мевлют смотрел на тележки, как покупатель в магазине. Ему приглянулась одна – со стеклянной витриной и прочной деревянной рамой с толстыми прочными колесами. У нее не хватало газовой плиты, которую, наверно, украли. Но тележка была более чистой и новой, чем у него. Ему стало стыдно.

– Мне нужна именно моя тележка, – прошептал он.

– Слушай, земляк, ты торговал там, где не положено. Твоя тележка была конфискована и уничтожена. Но за тебя попросили серьезные люди, так что можешь получить новую бесплатно. Бери себе новую и иди торгуй, не заставляй своих детей голодать.

– Мне новая не нужна, – твердо сказал Мевлют.

– Ты уверен, что не хочешь брать тележку? – спросил человек из Ризе.

– Уверен, – ответил Мевлют, делая шаг назад.

– Чудак ты... Откуда ты знаешь Хаджи Хамита Вурала?

– Просто знаю, – сказал Мевлют, пытаясь говорить загадочно.

– Что же, если ты так близок с ним, что он о тебе заботится, бросай уличную торговлю и иди попроси его о работе. Ты больше заработаешь в месяц прорабом на одной из его строек, чем с такой тележкой за целый год.

За воротами управы, на площади, текла обычная будничная жизнь. Мевлют видел гремящие автобусы, идущих за покупками женщин, мужчин, заправлявших зажигалки, парней, торговавших лотерейными билетами, мальчиков в школьных куртках, уличного торговца, продававшего чай

и сэндвичи с трехколесной тележки, жандармов и каких-то мужчин в костюмах и при галстуках. Мевлют был зол на них всех.

Он бесцельно бродил по улицам, чувствуя обиду на весь мир, и в конце концов набрел на какую-то кофейню в незнакомой части Куртулуша, где провел три часа. Он скурил пачку сигарет «Мальтепе» и пытался подразмыслить о семейных деньгах. Райихе придется приналечь на свое вышивание.

Он пришел домой позже обычного. Увидев лицо Мевлюта, Райиха и девочки поняли, что ему не удалось получить назад тележку: она исчезла – по сути, умерла. Мевлюту не было нужды ничего им говорить. Весь дом погрузился в скорбь. Надеясь, что Мевлют завтра пойдет торговать, Райиха приготовила немного плова с курицей; теперь они сидели и ели его в молчании.

– Надо было мне брать ту красивую тележку! – жалел теперь Мевлют. – Хотя владелец той тележки, наверно, где-то сейчас тоже терзается мрачными мыслями.

На сердце лежал камень. Мевлют чувствовал, как огромная волна неизбежной тьмы накатывается, угрожая поглотить его. Он взял шест и бидоны с бузой и ушел из дому раньше обычного, еще до того, как стемнело: ходьба была облегчением, и ему всегда становилось лучше, когда он резво шагал в ночи и покрикивал: «Буузааа!!!»

С того дня, как его тележка была конфискована, он уходил торговать намного раньше, задолго до выхода вечерних новостей. Он направлялся прямо к новой дороге в сторону моста Ататюрка через Босфор. В поисках новых покупателей и новых мест он переходил через Золотой Рог.

В эти районы они наведывались с отцом покупать бузу в лавке «Вефа», когда Мевлют только-только приехал в Стамбул. В те дни они редко сворачивали в переулки с главных улиц и никогда не приходили сюда после наступления темноты. В те времена здесь были только двухэтажные особняки из некрашеного дерева с эркерами; их обитатели держали шторы плотно задернутыми, рано гасили свет и никогда не пили бузу, а после десяти часов вечера улицы захватывали те же стаи бездомных псов, которые царили здесь с османских времен.

Мевлют перешел мост Ататюрка и дошел до Зейрека, шествуя по переулкам через Фатих, Чаршамбу и Карагюмрюк. Чем больше он кричал «Буу-заа», тем лучше себя чувствовал. Большинство старинных деревянных зданий, которые запомнились ему двадцать лет назад, теперь исчезли, сменившись четырех– или пятиэтажными блочными домами, похожими на безликие строения в Ферикье, Касым-Паша и Долап-Дере.

Иногда обитатели этих новых зданий раздвигали шторы и открывали окна, чтобы с любопытством поприветствовать Мевлюта как странного вестника из прошлого.

– Лавка бузы «Вефа» здесь, прямо за углом, но мы туда никогда не ходили. Нам бы и в голову не пришло. Но когда мы слышали твой звонкий голос, то не стерпели. Сколько за стаканчик? Откуда ты, кстати?

Мевлют видел, что большие многоквартирные дома заняли всю пустовавшую землю, что все кладбища странным образом исчезли, что даже в самых удаленных районах появились огромные мусорные баки, заменившие прежние груды мусора, выраставшие на перекрестках, – но бродячие собаки по-прежнему царили на ночных улицах.

Сталкиваясь с этими собаками в темных проулках, он не мог понять, почему они были такими злыми. Заслышав шаги Мевлюта и его «Бузаааа!», они выбирались из своих нор или отвлекались от рытья в мусоре, собирались, как солдаты, в боевой строй и следили за каждым его движением, иногда с рычанием обнажая зубы. Мевлют решил, что собакам было так нестерпимо его присутствие, потому что продавцы бузы обычно не появлялись здесь.

Как-то вечером он вспомнил, что однажды в детстве отец привел его в дом с линолеумными полами к одному старому шейху и попросил старика прочесть несколько специальных молитв, чтобы избавить сына от страха перед собаками. Отец относился к посещению Святого Наставника как к посещению врача. Теперь Мевлют не мог вспомнить, где находился дом священного бородатого старца, – шейх, вероятно, умер много лет назад, – но Мевлют помнил, как внимательно он, юнец, слушал советы и как он поживался, пока старик читал над ним свои заклинания, изгоняя боязнь собак из его сердца.

Он понимал, что в этих старых кварталах ему придется водить знакомство с семьями, которые пытались торговаться и задавали бессмысленные вопросы об алкоголе в бузе, а в целом считали Мевлюта каким-то странным созданием, но ради торговли готов был идти на все.

Он продолжал думать о своей рисовой тележке. Ему с трудом верилось, что кто-то мог разломать ее топором. Может быть, ее кому-то отдали. Может, новым владельцем оказался кто-то из Ризе; ведь люди из Ризе всегда найдут друг друга.

Тем вечером никто не купил у него бузы, никто не пригласил на порог. Деревянные дома, угольный дым, тянущийся по улицам, осыпающиеся стены... Мевлют не мог понять, где он и как сюда попал.

Вдруг в трехэтажном здании открылось окно, и в нем показался

молодой человек. «Эй, продавец! Продавец бузы! Иди сюда».

Его пригласили в квартиру. Снимая обувь, Мевлют понял, что в квартире было много народу. Горел приятный желтый свет. Мевлют разглядел людей, сидевших вокруг двух столов.

Они все что-то очень сосредоточенно писали, но, увидев Мевлута, заулыбались.

– Здравствуй, брат, мы рады видеть тебя, – обратился к Мевлуту, мягко улыбнувшись, старик с серебристыми волосами и добрым лицом.

Остальные выглядели так, будто были учениками старца. Они держались серьезно и уважительно, но при этом весело. Седовласый сказал: «Нас семеро. Всем по стаканчику».

Кто-то отвел Мевлута на маленькую кухню. Там он аккуратно разлил бузу в семь стаканчиков.

– Все хотят нута и корицы? – крикнул он, обращаясь к людям в другой комнате.

Седовласый заглянул на кухню.

– Сколько мы тебе должны? – спросил он и затем подошел ближе и заглянул Мевлуту в глаза. – В твоём голосе столько печали, торговец, что даже мы здесь расстроились.

– Я жертва страшной несправедливости, – пожаловался Мевлют, воспользовавшись возможностью поговорить. – У меня забрали тележку для плова, сломали ее или отдали кому-то другому. Один чиновник из Ризе в управе Шишли грубо обошелся со мной. Сейчас уже поздно, я не хочу досаждать вам своими проблемами.

– Нет-нет, рассказывай, – велел старик, а его дружелюбный взгляд говорил: «Я сочувствую тебе и внимательно тебя слушаю».

Мевлют объяснил, что его несчастная тележка для плова куда-то пропала. Он не стал говорить о своих проблемах с деньгами, но видел, что старик и так все понял. Главное, что удручало Мевлута, – это то, что люди вроде чиновника из Ризе и других людей его круга старались унижить его, никогда не выказывая ему того уважения, которое он заслуживал.

Вскоре Мевлют со стариком присели на два маленьких стула на кухне.

– Человек – это самый драгоценный плод древа жизни, – говорил старик восхищенному Мевлуту. Говорил он с ним вовсе не как старый святоша, который то ли молится, то ли бормочет что-то себе под нос. Он говорил с ним просто, глядя прямо в глаза, словно старому другу, но в то же время с мудростью ученого, и это Мевлуту очень нравилось. – Человек – величайшее творение Создателя. Никто не может опорочить

драгоценность, которая есть в твоём сердце. Ты найдёшь свою тележку, если на то будет воля Всевышнего... Ты найдёшь её по воле Создателя.

Мевлют был польщён тем, что такой умный и важный человек нашёл время поговорить с ним, но в то же время он с некоторым огорчением подозревал, что этот интерес может быть проявлением жалости.

– Ваши ученики вас ждут, ходжа, – напомнил он. – Не буду больше отнимать вашего времени.

– Пусть подождут, – сказал седовласый старец. Несколько последовавших фраз произвели глубокое впечатление на Мевлюта. – Самые сложные узлы могут быть развязаны по повелению Всевышнего Аллаха. Его могущество устранит любые препятствия!

Может быть, дальше последовали бы ещё более красивые выражения, но Мевлюту стало совершенно неуютно, так что старик замолчал, вынул из кармана немного денег и протянул ему.

– Ходжа, я не возьму это! – взмолился Мевлют.

– Бери, бери! – настаивал старец.

На пороге они долго уступали дорогу друг другу, словно двое английских джентльменов. На прощание старик сказал:

– Торговец, пожалуйста, возьми сейчас деньги. Я обещаю, что не буду платить тебе в следующий раз, как придёшь. Мы собираемся каждый четверг по вечерам.

– Благослови вас Создатель, – вырвалось у Мевлюта, хотя он не был уверен, что такой ответ будет подходящим. Повинуясь порыву, он наклонился, чтобы поцеловать большую морщинистую руку старика. Рука старца была в пигментных пятнах.

Тем вечером Мевлют вернулся домой поздно и осознал, что о произошедшей встрече не поделится с Райихой. В последующие несколько дней он чуть было не рассказал ей о старике, чьё лицо сияло божественным светом и чьи слова врезались в память Мевлюту; он чуть было не рассказал, как благодаря ему смог снести горечь от потери тележки. Но каждый раз он сдерживался. Райиха могла посмеяться над ним, и это разбило бы ему сердце.

Из головы у Мевлюта не выходил и свет, который он видел в доме седовласого старца в Чаршамбе. Что там было ещё? На стенах висели прекрасные старинные надписи. Почтительная атмосфера, царившая за столом, вокруг которого торжественно сидели ученики, тоже запомнилась ему.

Всю следующую неделю, куда бы он ни пошёл продавать бузу, он видел призраки своей белой тележки по всему Стамбулу. Однажды он

обратил внимание на чиновника из Ризе, тащившего в гору белую тележку по извилистой дороге в Тепебаши. Мевлют побежал за чиновником, но понял свою ошибку еще до того, как догнал: та белая тележка была намного более элегантной, чем его, низенькая и грубая.

Вечером в четверг он прошел по закоулкам Фатиха и, покрикивая «Буу-заа», оказался у того самого дома в Чаршамбе. Его вновь пригласили войти, и он взлетел по лестнице. За эту короткую встречу он узнал, что ученики называют седовласого старца «ходжа», в то время как другие посетители обращаются к нему «Святой Наставник»; что ученики, которые сидят за столом, макают кончики тростниковых перьев-каламов в чернильницы и не рисуют, а записывают слова учителя крупными буквами, и что эти буквы складываются в арабские слова, взятые из Священного Корана. В доме было несколько старинных священных вещей: Мевлуту особенно понравился старый кофейник. На стенах висели таблички с цитатами из Корана, полка для тюрбанов, инкрустированная перламутром, старинные часы в огромном корпусе, чье тиканье заглушало любое перешептывание, и фотографии Ататюрка и еще каких-то серьезных бородатых авторитетов.

Святой Наставник спросил Мевлута о его тележке, и Мевлют ответил, что продолжает ее поиски, но еще не нашел ее. Он признался, что еще не нашел дневной работы (на этом ответе он постарался не задерживаться, чтобы не создалось впечатление, что он пришел просить работу). Настал удобный момент упомянуть вещь, о которой Мевлют размышлял последние две недели: его долгие ночные прогулки теперь были не просто частью его работы – они давно стали его потребностью. Когда он подолгу не выходил на улицу ночью, сила его мыслей и воображения ослабевала.

Святой Наставник напомнил ему, что в исламе работа является частью молитвы. Интуитивная потребность Мевлута продавать бузу до конца дней была, безусловно, знаком и следствием высшей истины, согласно которой в этом мире только Создатель на нашей стороне и только к Нему должны мы обращаться за помощью. Мевлют был встревожен этими словами, которые приводили его к выводу, что странные мысли, бродившие в его голове, пока он ходил по улицам, были вложены туда Всевышним.

Когда старик попытался заплатить за бузу (в этот вечер с ним было девять учеников), Мевлют напомнил ему о договоре накануне – буза на этот раз будет за счет торговца.

– Как тебя зовут? – спросил старец с одобрением в голосе.

– Мевлют.

– Какое благословенное имя! Ты *мевлидхан*? – спросил старец громко,

чтобы все ученики услышали.

Мевлют не мог ответить на вопрос, потому что не знал, что это такое. Его прямота и смирение заставили учеников улыбнуться.

Старик объяснил, что, как всем известно, *мевлид* – это длинные стихотворения-месневи, написанные в честь дня рождения Святого Пророка Мухаммеда. А *мевлидхан* – человек, который пишет музыку к этим месневи. Если когда-нибудь у Мевлюта родится сын, ему стоит назвать его Мевлидхан; такое имя принесет мальчику большую удачу. К тому же Мевлют обязательно должен приходить каждый четверг – теперь ему даже не нужно оповещать о себе криками с улицы.

Сулейман. Ведиха сказала мне, что, лишившись тележки и не сумев вернуть ее, Мевлют решил поднять плату за свой однокомнатный дом на Кюльтепе, где по-прежнему живут найденные мной арендаторы. В противном случае он просит плату за несколько месяцев вперед. Вскоре он сам позвонил мне.

– Послушай, братишка, – сказал я ему, – у тебя там живет один бедняга из Ризе, человек Вурала, в общем, наш человек; если мы велим ему покинуть дом, он покинет его мгновенно, едва мы ему скажем, даже без разговоров. Он очень боится господина Хамита. Но я хочу заметить, что он платит тебе не так уж и мало, он платит вовремя каждый месяц, наличными в руки, и Ведиха передает деньги тебе без налогов, без отговорок. Ты думаешь, что найдешь кого-то лучше?

– Извини, Сулейман, но именно теперь я больше не верю никому из Ризе, так что пусть он уходит.

– Что ты за черствый хозяин! Человек только женился, у него только ребенок родился! Мы что, выкинем их на улицу?

– А меня кто-то когда-то в Стамбуле жалел? – спросил Мевлют. – Ты знаешь, что я имею в виду. Ладно, хорошо, не надо никого выкидывать на улицу прямо сейчас.

– Мы жалели тебя, мы заботились о тебе, – сказал я осторожно.



Месячной платы, что передавала Мевлюту Ведиха, едва хватало

на покрытие недельных расходов семьи. Но после телефонного разговора с Сулейманом оплата, которую Ведиха привезла за март вместе с оплатой вперед за апрель и май, была больше обычной. Мевлют не слишком задумывался о том, какую роль Сулейман и Коркут могли сыграть в этом. Он использовал деньги, чтобы купить подержанную тележку для мороженого, черпак, металлические ванночки и миксер, решив провести лето 1989 года за продажей мороженого.

Когда Мевлют пошел забирать тележку в соседний район ниже по холму, Фатма и Февзие увязались с ним; на обратном пути они помогали толкать тележку и были в восторге. Когда соседка Рейхан, неправильно поняв причину всего этого веселья, высунулась в окно, чтобы поздравить Мевлюта с возвращением его рисовой тележки, никто не стал ее поправлять. Пока Мевлют с девочками чинили тележку и заново окрашивали ее в саду за домом, в вечерних новостях показывали толпу протестующих на площади Тяньаньмэнь в Пекине. В начале июня по телевизору показали китайца, который в одиночестве стоял перед танками, и Мевлют был потрясен его смелостью. Он подумал, что тот храбрец вполне может быть уличным торговцем. Что продавал его китайский брат, перед тем как встать перед этими танками с пластиковым пакетом в руке? Может быть, рис, как и он, думал Мевлют. По телевизору он видел, как китайцы варят свой рис, но рис с нутом и курицей, как делала Райиха, они не готовили и вообще варили рис очень долго. Мевлют был на стороне протестующих, хотя считал, что в протестах против правительства не стоит заходить слишком далеко, особенно в бедных странах, где, кроме государства, некому позаботиться о бедняках или уличных торговцах.

За семь лет, что прошло с тех пор, как Мевлют убежал с Райихой, все крупнейшие молочные, шоколадные и сахарные фабрики страны ожесточенно соревновались за то, чтобы поставить мощные холодильники во все бакалейные магазины, кондитерские, бутербродные и сигаретные киоски Стамбула. Каждый год, начиная с мая, магазины расставляли холодильники на тротуарах, так что люди перестали покупать мороженое у уличных торговцев. Муниципальная жандармерия могла в любой момент конфисковать и уничтожить тележку Мевлюта только за то, что он загораживает проход или задерживается больше пяти минут на одном месте. Но никто никогда не говорил ни слова об огромных холодильниках, которые так мешали прохожим. По телевизору потоком шла реклама незнакомых новых марок мороженого со странными названиями. И на дальних узких улочках, где Мевлюту удавалось все же поставить

тележку, дети подбегали к нему с вопросами: «У тебя есть „Флинта“, мороженщик? У тебя есть „Ракета“?»

Когда Мевлют бывал в хорошем настроении, он отвечал: «Мое мороженое пролетит дальше, чем любая из ваших ракет». Эта шутка помогала ему продать хоть что-то. Но чаще всего вечером он приходил домой рано и в дурном настроении. Когда Райиха спускалась, чтобы помочь ему с тележкой, он рычал на нее: «Почему в такое время девочки еще на улице? Почему за ними никто не смотрит?» Райиха шла посмотреть, как там девочки, а он просто бросал тележку и шел наверх, чтобы в одиночестве посидеть перед телевизором, прежде чем лечь в постель. В один из таких моментов уныния он увидел, как по телеэкрану катятся гигантские волны из океана его собственных темных мыслей. Его беспокоило, что, если к осени не найдется подходящей работы, он не сможет купить девочкам в школу учебники, тетради и платья, не будет денег на пропитание и на газ для плиты.

16. Кафе «Бинбом»

Дай им понять, чего ты стоишь

Ближе к концу августа Райиха сказала мужу, что бывший владелец ресторана в Трабзоне, близкий к Вуралам человек, хочет нанять на работу квалифицированного сотрудника. Мевлют был просто убит, со стыдом поняв, что его финансовые затруднения снова стали темой обсуждения за обеденным столом Акташей.

Райиха. «Они ищут честного и опытного человека, знающего, как работает кухня и ресторан, а такого сейчас в Стамбуле непросто найти, – сказала я Мевлюту. – Когда будешь с ними обсуждать зарплату, убедись, что дал им понять, чего ты стоишь. Ты должен это сделать ради своих дочерей», – добавила я, потому что Фатьме предстояло идти в начальную школу примерно в то же время, когда Мевлют должен был приступить к новой работе. Мы вдвоем пошли на церемонию начала учебного года, которую проводили в начальной школе Фатьмы, Пияле-Паша. Нас выстроили в линию вдоль забора, ограждавшего игровую площадку. Директор школы рассказал, что здание школы около четырехсот пятидесяти лет назад было резиденцией паши, который захватил несколько средиземноморских островов, принадлежавших французам и итальянцам. Паша сам бросился в атаку на вражеский военный корабль, и, когда он пропал, все решили, что он взят в плен, а он на самом деле сумел захватить корабль в одиночку. Дети не слушали рассказ директора; они болтали или молча жались к родителям, боясь того, что произойдет. Когда детей выстроили парами и повели в школу, Фатьма испугалась и заплакала. Мы махали ей, пока она не вошла в здание. Стоял холодный, пасмурный день. По пути домой во время подъема в гору я видела слезы и облака печали в глазах Мевлюта. Он не пошел домой, а отправился сразу в кафе, где работал управляющим. В тот день я единственный раз забирала Фатьму из школы. Она всю дорогу болтала, рассказывая про усы учителя и про окна в их классе. После того раза она ходила в школу и возвращалась из нее с соседскими девочками.



Райиха назвала Мевлюта «управляющим» с одинаковой долей любви и насмешки, потому что на самом деле в этой роли выступал не Мевлют, а сам хозяин кафе, шеф Тахсин из Трабзона. Он называл трех работников своего кафе «сотрудниками» и требовал, чтобы они избегали называть его «шеф», а вместо этого называли бы «капитан». Однако новшество привело только к тому, что работники от волнения стали называть его «шефом» гораздо чаще.

Мевлют вскоре понял, что ему предложили эту работу только потому, что шеф Тахсин не доверял своим подчиненным. Он обедал дома с семьей и приходил каждый день к вечеру, чтобы принять кассу у управляющего. Он сам проверял все чеки и затем закрывал кафе до следующего дня. Круглосуточные закусочные на проспекте Истикляль были всегда переполнены и оживленны, но кафе «Бинбом» располагалось в таком закоулке, что любой, кто добирался туда вечером, был либо заблудившимся, либо пьяным или находился в поисках сигарет и выпивки.

В обязанности Мевлюта входило открывать кафе по утрам в десять часов и сидеть за кассой до восьми вечера, а также следить, чтобы все шло гладко. Несмотря на то что маленькое и тесное кафе было далеко от центральной улицы, дела у него шли неплохо. Посетителями кафе «Бинбом» были в основном случайные прохожие и наемные рабочие из крошечных контор в близлежащих переулках – фотостудий, рекламных агентств, дешевых ресторанов и ночных забегаловок с классической турецкой музыкой.

Мевлют сразу понял, что опасения шефа Тахсина по поводу честности работников были небезосновательны. Работники кафе использовали уловку, о которой Мевлют знал раньше и о которой предупреждал его шеф: они недокладывали в сэндвичи сыр, мясной фарш, соленья, говяжьи сосиски и томатную пасту и то, что получали за лишние порции, забирали себе. Капитан Тахсин, однако, разработал контрмеры, о которых он с гордостью рассказал Мевлюту: каждый день владелец пекарни «Тайфун», его хороший знакомый из Ризе, который поставлял в «Бинбом» хлеб для сэндвичей и булочки для гамбургеров, звонил капитану, чтобы сообщить, сколько именно батонов он доставил в тот день. Подобная

арифметика мешала персоналу использовать сыр и фарш, сэкономленный на других порциях. Правда, работники легко проворачивали то же самое с апельсиновым, гранатовым или яблочным соком, а так как тут услужливого булочника не было и лишние стаканы подсчитать было некому, управляющему Мевлюту оставалось смотреть в оба.

Главной обязанностью Мевлюта, однако, было следить за тем, чтобы ни один посетитель не уходил без кассового чека: это великое изобретение получило распространение в Стамбуле пять лет назад. Капитан верил, что не важно, как много пройдохи украдут сыра, не важно, сколько подслащенной воды они тайком под прилавком подливают в неполный стакан апельсинового сока. Работники не смогут обмануть его, если каждый покупатель получит чек. Чтобы обеспечить дисциплину, капитан время от времени подсылал в кафе одного или другого своего знакомого. Секретный ревизор должен был попросить скидку на заказ в обмен на согласие забыть про чек. Если кассир соглашался, это значило, что он крадет деньги и должен быть немедленно уволен – как предшественник Мевлюта.

Мевлют относился к коллегам по кафе не как к врагам, ожидающим удобного случая, чтобы обмануть своего трабзонского босса, а как к усердной команде ресторанного корабля, на котором они все плывут. Он всегда работал с улыбкой и получал подлинное удовольствие, хваля работу коллег: «Ах, как ты чудесно пожарил этот тост!» или «Господи, какой у тебя денер-кебаб получился приятный и хрустящий!». Если команда кафе работала хорошо, а день выдался удачный, то Мевлют, полный гордости, послушно докладывал об этом вечером начальнику.

Сдав вахту капитану, он бежал домой, чтобы глотнуть чашку мерджимека или тарханы^[60], заботливо сваренного Райихой, краешком глаза поглядывая в телевизор. Так как работникам позволялось брать для собственного употребления столько сэндвичей и кебабов, сколько они хотели, Мевлют никогда не приходил домой голодным и не просил много на обед. Прихлебывая суп, он любил рассматривать школьные учебники Фатмы, особенно буквы, цифры и фразы, которые она выводила красивой ручкой по белым страницам тетради (в его время тетрадки были из дешевой желтой бумаги). Он по-прежнему уходил торговать бузой ближе к концу вечерних новостей и продавал ее до половины двенадцатого.

Теперь, когда Мевлют имел постоянный источник дохода, он не чувствовал давящей необходимости продать на стаканчик больше или искать новых покупателей в старых районах за Золотым Рогом, где водились злые собаки. Однажды летним вечером он навестил Святого

Наставника и его учеников, прихватив тележку с мороженым; те вынесли ему поднос, на котором стояли пузатенькие чайные стаканчики, которые он наполнил до краев. С того самого дня он стучался к ним в дверь всегда, когда чувствовал потребность с кем-то поговорить, а буза всегда служила тому оправданием, так что с наступлением зимних холодов его визиты продолжились. Чтобы никто не подумал, что он приходит ради торговли, а не ради возвышенной беседы, он настоял, чтобы мороженое или буза каждый третий визит были за его счет, пока один из посетителей однажды не назвал это «пожертвованием святой обители». Встречи со старцем назывались «беседами».

Прошел почти год с первого прихода его к старику. Наконец Мевлют догадался, что квартира, в которой старец давал своим ученикам частные уроки по искусству османской каллиграфии, была также тайным местом встречи его секты. Одной из причин, почему Мевлют так поздно понял это, было то, что посетители квартиры, которая служила духовным центром, были по характеру тихими и замкнутыми. К тому же сам Мевлют долго не придавал значения происходящему. Он был так счастлив бывать у старца и знать, что в каждый четверг вечером старик найдет время поговорить с ним и выслушать его проблемы – даже если это займет всего пять минут, – что старался не думать обо всем, что могло испортить его счастье. Кто-то однажды пригласил Мевлюта на «вторничные беседы», обычно собиравшие от двадцати пяти до тридцати человек, на которых Святой Наставник беседовал с каждым, кто стучался в его дверь, но Мевлют отказался от приглашения.

Иногда он беспокоился, что, посещая тайную секту, совершает что-то незаконное, но всякий раз успокаивал себя, что, если бы это были плохие люди, которые совершают нечто дурное, у них бы не было огромного портрета Ататюрка на стене. Вскоре, однако, он понял, что портрет Ататюрка был там только для прикрытия – вроде того плаката с Ататюрком в шляпе, который висел прямо на входе в логово коммунистов на Кюльтепе, где они с Ферхатом часто бывали школьниками. Если полиция нагрянет в дом, благочестивые ученики могли бы сказать: «Какая-то ошибка! Мы все любим Ататюрка!» Единственным различием между коммунистами и политическими исламистами было то, что коммунисты критиковали Ататюрка постоянно. Но на самом деле верили в него; а исламисты никогда не говорили ни слова против лидера нации, хотя совершенно его не любили. Мевлют в душе сочувствовал последним, однако, когда некоторые наиболее дерзкие и откровенные из последователей Святого Наставника заявляли: «Ататюрк разрушил нашу славную пятисотлетнюю

традицию каллиграфии, пытаясь подражать Западу со своей алфавитной революцией», он делал вид, что ничего не слышит.

Точно так же Мевлют не одобрял тех учеников, которые лезли из кожи вон, чтобы обратить на себя внимание учителя, но сразу начинали сплетничать и обсуждать телепрограммы, как только он выходил из комнаты. Ни в одной из комнат в квартире Святого Наставника Мевлют не заметил телевизора, и это беспокоило его, потому что в его глазах отсутствие «ящика» служило подтверждением тому, что здесь затевается что-то опасное. Посещавшие старца неопиты легко могли бы обрасти проблемами при следующем военном перевороте. С другой стороны, старик никогда не говорил Мевлюту ничего, что могло бы быть истолковано как политическая пропаганда или идеологическая обработка.

Райиха. Когда Мевлют работал в кафе, а Фатма уходила в школу, у меня появилось много времени на вышивание. Нам больше не надо было беспокоиться о том, как свести концы с концами, и я работала потому, что мне нравилось вышивать, и потому еще, что мне было приятно самой зарабатывать деньги для себя. Чаще всего клиенты мне давали какую-нибудь картинку или страницу из журнала... Но иногда говорили: «Сама реши». Когда приходилось решать самой, я оказывалась в тупике, бесконечно рассматривая ткань, спрашивая себя, что я должна сделать, что я должна вышить на ней? Иногда идеи переполняли меня: узоры, цветы, облака, скачущие по полям газели. Я могла нанести их на занавески, наволочки, пододеяльники, скатерти и салфетки.

– Прервись, Райиха, ты опять обо всем забыла за работой, – говорила Рейхан.



Два или три раза в неделю Райиха брала за руку Фатму и Февзие и отводила их в кафе. Девочки не часто видели отца, только по вечерам, когда он ненадолго заходил домой выпить чашку супа. Мевлют все еще спал, когда Фатма уходила в школу, и обе девочки обычно были уже в постели, когда он возвращался домой в полночь. Фатма и Февзие хотели бы ходить в кафе почаще, но отец запрещал им самостоятельно туда

выбираться и настаивал, чтобы они всю дорогу держали мать за руку. Райихе не разрешалось ходить в Бейоглу, а особенно на проспект Истикляль. Когда она с девочками перебегала с одной стороны проспекта на другую, ей казалось, что она не столько уклоняется от потока машин, сколько бежит от толпы мужчин Бейоглу.

Райиха. Раз у меня есть такая возможность, мне хотелось бы объяснить – неправда, что я кормила Мевлюта во время обеда только супом. Я часто делала ему менемен^[61] с петрушкой и зеленым перцем, жарила картошку, пекла пирожки и тушила фасоль с большим количеством сладкого перца и моркови. Как вы знаете, Мевлют любит жареную курицу с картошкой. Теперь он больше не продает плов, но раз в месяц я покупаю ему и девочкам курицу у Хамди-птичника; Хамди все еще делает мне скидку.



Они никогда не говорили об этом дома, но настоящей причиной, по которой Райиха водила девочек в кафе «Бинбом», было то, что там они могли до отвала наесться кебаба в лаваше и сэндвичей с сыром и сосисками, по горло напиться айрана и апельсинового сока.

Вначале Райиха всегда чувствовала себя обязанной как-то объяснять эти визиты: «Мы просто проходили мимо и зашли поздороваться!» – «Отличная мысль», – отвечал непременно кто-то из работников кафе. После первых нескольких приходов девочкам готовили и накрывали их любимые блюда, хотя они даже не успели еще попросить их. Райиха не ела ничего, и, если любезный улыбающийся работник кафе сам предлагал ей кебаб или горячий сэндвич с сыром, она всегда отказывалась, говоря, что сыта. Мевлют гордился принципиальностью жены и никогда не уговаривал ее: «Ладно-ладно, поешь немного», как ожидали его подчиненные.

Позже, когда Мевлют узнал, что работники «Бинбома» обманывают капитана Тахсина, бесплатные кебабы и сэндвичи для его дочерей начали тяготить его совесть.

17. Крупное мошенничество в кафе

Не вмешивайся в это

В начале 1990 года Мевлют раскрыл сложную, но отлично продуманную схему, с помощью которой работники кафе «Бинбом» обходили правила, установленные их трабзонским хозяином, чтобы помешать им обманывать его. Каждый день работники кафе скидывались и на свои собственные деньги покупали хлеб и булочки в разных пекарнях, а затем аккуратно наполняли их хозяйской начинкой. Эти гамбургеры, кебабы и сэндвичи прятали, как наркотики, в секретные пакеты, которые каждый день в обед доставляли по близлежащим офисам. Работник по имени Вахит посещал каждый офис самостоятельно с маленькой записной книжкой, в которую он заносил отзывы людей о еде, и собирал выручку мимо кассы. У Мевлюта ушло много времени, чтобы понять, как работает эта тайная, хорошо смазанная машина, а работникам «Бинбома» потребовалась целая зима, чтобы осознать, что Мевлют раскрыл их, но шефу на них не донес.

Поначалу Мевлют собирался повесить все проступки в кафе на самого молодого сотрудника, по кличке Бацилла. Тот недавно вернулся из армии, и в его обязанности входила работа в кухне – кладовке, расположенной в подвале кафе, в жуткой и грязной дыре размером два на два с половиной метра, где он готовил котлеты для гамбургеров, томатный соус, айран и жарил картошку, а также небрежно мыл – а точнее сказать, мочил – стаканы и алюминиевые тарелки. Эти труды периодически прерывались в моменты наплыва посетителей вылазками наверх, где Бацилла помогал во всем, от поджарки сэндвичей до развозки айрана. Именно на кишевшей тараканами и крысами кухне Бациллы Мевлют впервые заметил хлеб из посторонней булочной.

Мевлют не питал добрых чувств и к другому работнику, Вахиту; ему не нравилось, как неприлично долго тот глазет на каждую симпатичную женщину. Он пришел в смятение, когда общая работа начала сближать их. Если не было покупателей, они часами вместе смотрели телевизор. В эмоциональные моменты, происходящие на экране (таких моментов бывало в день по пять-шесть), они всегда обменивались понимающими взглядами. В конце концов у Мевлюта возникло ощущение, что он знает Вахита много лет. Но когда Мевлют понял роль Вахита в незаконной схеме (Вахит отвечал за выручку), то был поставлен в крайне

неловкое положение.

Раньше, когда Мевлют торговал пловом на улицах, он мог стоять весь день на холоде, но был свободен. Он мог отпустить свои мысли на волю, он мог повернуться спиной к миру когда хотелось. Теперь же он был прикован к магазину. Днем он отрывал взгляд от кассы и пытался мечтать, утешая себя мыслью, что чуть позже увидит своих дочерей, а потом пойдет продавать бузу.

Управляя кафе «Бинбом», Мевлют стал более преданным и страстным продавцом бузы, чем когда-либо раньше. Когда он кричал «Буу-заа» на полуосвещенных улицах, он не просто взывал к закрытым шторам, скрывавшим жизни целых семей, к голым неоштукатуренным стенам или к псам, чье незримое присутствие он чувствовал на темных углах улиц; он также обращался к вселенной у себя голове. Потому каждый раз, как он кричал «Буу-заа», он чувствовал, как образы его мыслей вылетают у него изо рта, словно пузыри со словами в комиксах, чтобы раствориться на усталых улицах, подобно облакам. Каждое слово было предметом, и каждый предмет был образом. Он ощущал теперь, что улицы, на которых он продавал бузу, и вселенная у него в голове – одно и то же. Иногда Мевлют думал, что он, может быть, единственный, кто открыл эту замечательную истину. Или, возможно, это был Божественный свет, которым Всевышний одарил его одного. Одолеваемый смешанными чувствами, он выходил из кафе и шел вечером домой, а потом бродил в ночи с шестом на плече, и именно тогда он открывал мир своей души, отраженный в тенях города.

Однажды он ходил и кричал «Буу-заа» поздно ночью после очередного дня, проведенного в мучительных раздумьях, как поступить со сговором в кафе «Бинбом». Неожиданно приятный оранжевый свет пролился из открывшегося окна. Его попросили подняться.

Мевлют оказался в старом греческом доме в закоулках Ферики. Он вспомнил, что как-то уже носил йогурт в эту квартиру с отцом, вскоре после первого своего приезда в Стамбул (как и многие уличные торговцы, он раз и навсегда запоминал названия домов и имена их жильцов). Этот дом назывался САВАНОРА и все так же пах пылью, сыростью и жареным маслом. Мевлют прошел в дверь на втором этаже и оказался в большой, ярко освещенной комнате: старая квартира была превращена в маленькую текстильную фабрику. Он увидел девушек, сидевших за швейными машинками. Некоторые были еще почти детьми, но большинство было возраста Райихи, и все в них выглядело пугающе знакомым Мевлюту. Человек с доброжелательным лицом, который прежде появился в окне,

был владельцем ателье.

– Торговец, эти трудолюбивые девушки мне как дочери. Нам нужно успеть выполнить заказ из Англии; они будут героически трудиться, пока утром мини-автобус не развезет их по домам, – сказал он. – Не мог бы ты оказать любезность и подать им свою лучшую бузу?

Мевлют пристально посмотрел на гипсовую лепку на стенах, на большое зеркало в золоченой раме и на люстру с искусственным хрусталем – все это наверняка осталось от греческой семьи, которая когда-то жила здесь. Он часто потом вспоминал ту комнату. В его воспоминаниях девушки за швейными машинками выглядели в точности как его дочери Фатма и Февзие.

Фатма и Февзие уже в черных школьных передниках надевали друг на друга белые воротнички – смесь синтетики и хлопка, – которые выглядели всегда свежеевыглаженными, прикрепляя их к пуговицам с задней стороны фартуков, закалывали волосы, хватали ранцы, которые Мевлют купил им со скидкой в магазине в Султанхамаме (место, которое он знал еще со школы, когда они с Ферхатом торговали там «Кысметом»), и выбегали в школу в семь сорок пять каждое утро, пока их отец, все еще в пижаме, выбирался из постели.

После того как их вторая дочь, Февзие, немного подросла, у Мевлюта с Райихой почти никогда не было возможности остаться в одиночестве в комнате. Дом бывал в их распоряжении, только когда девочки были с Рейхан или с другой соседкой или когда Ведиха или Самаха приходила рано утром и забирала их. В летний день девочки иногда могли исчезнуть на несколько часов в саду по соседству, играя с подружками. Оставшись одни, Мевлют и Райиха всегда прежде обменивались многозначительными взглядами. «Где они?» – спрашивал Мевлют. Райиха говорила: «Они, должно быть, играют у соседей в саду». – «А вдруг они вернутся?» Этого вопроса было достаточно, чтобы удержаться от столь желанной близости.

Вот уже шесть или семь лет объятия супругов начинались только после полуночи, когда девочки спали в своих кроватках на другом конце комнаты, погрузившись в самый крепкий сон. Если Райиха не спала, когда Мевлют поздно возвращался из своих походов с бузой, и если она встречала его нежными словами, вместо того чтобы просто смотреть телевизор, Мевлют считал это приглашением и, убедившись, что девочки крепко спят, выключал свет. Муж и жена осторожно, стараясь сделать это потише и побыстрее, занимались любовью под одеялом. Иногда они засыпали на несколько часов, чтобы, проснувшись, вновь заняться любовью в молчаливой спешке, хотя и с глубоким, подлинным чувством.

Наличие дочерей приводило к тому, что они наслаждались своими супружескими правами реже, чем раньше, но Мевлют и Райиха воспринимали подобное положение вещей как естественное свойство семейной жизни.

После того как в школу пошла и младшая дочь, энтузиазм первых дней их супружества вернулся, и теперь они еще чувствовали себя свободнее вместе, поскольку знали и доверяли друг другу и больше никого не стеснялись. Оставаясь наедине, они начали снова ощущать то взаимное доверие, которое существует только между мужем и женой, и понимать, как им повезло найти друг друга.

Счастье помогло Райихе забыть сомнения по поводу писем Мевлюта, которые поселил в ней Сулейман, хотя она все еще не забыла об этом полностью. У нее случались моменты неуверенности, но в таких случаях она перечитывала пару писем из своей пачки, и красивые слова Мевлюта ее успокаивали.

Супружеские радости, начинавшиеся сразу после того, как девочки уходили в школу, никогда не длились более полутора часов, включавших и совместное чаепитие за единственным их столом (завтракал Мевлют всегда горячим сэндвичем с сыром и томатами в «Бинбоме»); в «Бинбоме» Мевлюта ждали к десяти утра. В это время совместного блаженства Мевлют и начал рассказывать Райихе о коварном предательстве в кафе «Бинбом».

Райиха.

– Не вмешивайся, – сказала я ему. – Следи за всем, но делай вид, что ничего не видишь.

– Но шеф поставил меня туда для того, чтобы я знал, что происходит, – ответил Мевлют, и он был прав. – Шеф – человек Вуралов... Нельзя, чтобы они потом сказали про меня, что я дурень, который под своим носом воровства не заметил!

– Мевлют, знаешь, они все заодно. Если ты донесешь хозяину, они объединятся против тебя и докажут твоему работодателю, что ты сам обманываешь его в одиночку, а он им поверит, потому что их много. И тогда именно ты потеряешь работу, да еще и перед Вуралами опозоришься.

Я видела, как Мевлют паниковал каждый раз, как я это говорила, и мне становилось грустно.

18. Последние дни в кафе «Бинбом»

Двадцать тысяч овец

Ночью 14 ноября 1991 года ливанское торговое судно и корабль с Филиппин, перевозивший кукурузу, столкнулись перед древней Анатолийской крепостью, в самом узком месте Босфора. Ливанский корабль затонул, и пятеро из его команды погибли. По телевизору, который Мевлют смотрел со всеми остальными в кафе «Бинбом», сказали, что ливанский корабль перевозил двадцать тысяч овец.

Жители Стамбула узнали об этом происшествии, когда овец начало выносить к причалам вдоль Босфора, на берег около Румелийской крепости, в Кандилли, Бебеке, Ваникее и Арнавуткее. Оставшиеся в живых овцы пробирались на городские улицы через лодочные гаражи старинных прибрежных особняков-ялы, которые еще не успели сжечь, и через пристани современных ресторанов, сменивших рыбацкие кофейни. Овцы были измученными. Их кремово-белые шкуры были покрыты грязью и испачканы в нефти, их усталые тощие ноги, которые они с трудом передвигали, пропитались ржавой жидкостью, напоминавшей бузу, а их глаза были полны вечной жалобы. Мевлют был потрясен этими овечьими глазами, смотревшими на него во весь экран телевизора, и он ощутил всю силу этой жалобы в своей душе.

Некоторые из овец были спасены – люди, услышав о происшествии, поплыли прямо во тьму ночи им на помощь, – но большинство животных погибло. Частные доки, парки и чайные дома, выстроившиеся вдоль Босфора, были запружены тушами утонувших овец.

Мевлют слышал истории о том, как некоторые овцы, сумев выбраться на улицы города, необъяснимо нападали на людей, а потом ни с того ни с сего падали замертво; о том, как они забредали на дворы мечетей, священных гробниц и на кладбища, или о том, что они были на самом деле предвестниками апокалипсиса, который случится в 2000 году и явится прямым доказательством того, что пророчества покойного журналиста Джелея Салика, который был застрелен за свои взгляды, были воистину правдивы. В этом происшествии Мевлюту виделся знак чего-то более сокровенного – как и тем рыбакам, которые продолжали каждый день находить мертвых овец, запутавшихся в их сетях, раздувшихся, как огромные пузыри, и видели в них предвестники несчастья.

Еще хуже оказались ставшие городским ночным кошмаром сообщения

о том, что бóльшая часть из двадцати тысяч овец осталась запертой в трюме, что они все еще живы и ожидают спасения. Мевлют читал интервью с аквалангистами, которых посылали к затонувшему судну, но он просто не мог вообразить, каково было овцам, сидевшим в темноте в недрах корабля. Было ли там темно, воняло ли там, или же все напоминало мир сновидений? Участь овец напомнила ему Пророка Юнуса во чреве кита^[62]. Какой грех совершили эти овцы, чтобы закончить жизнь в таком мрачном месте? Что оттуда ближе – рай или ад? Всемогущий Господь послал овцу Пророку Ибрагиму, чтобы уберечь его от жертвоприношения собственного сына. Зачем тогда Он отправил двадцать тысяч овец в Стамбул?

Говядина и баранина были редкой роскошью в доме Мевлюта. А теперь Мевлют еще и перестал на некоторое время есть сэндвичи с кебабом. Он скрывал возникшее отвращение к мясу от окружающих; это отвращение осталось его тайной, не превратившись в серьезную моральную установку, и было полностью забыто в тот день, когда работники «Бинбома» решили поделить остатки хрустящего кебаба.

Мевлют чувствовал, как быстро бежит время; он ощущал, что стареет с каждым днем, проведенным в попытках смириться с воровством в кафе, до тех пор, пока постепенно не понял, что меняется сам. Наконец зимой 1993 года, на третий год работы управляющим, Мевлют осознал, что предупреждать хозяина о хитростях его работников уже слишком поздно. Он попробовал объяснить свое моральное затруднение Святому Наставнику, но не получил ответа, который облегчил бы его тревогу.

Еще больше его загоняло в тупик следующее обстоятельство – даже если работники уходили из кафе на военную службу или на лучшую работу, те, кого нанимали взамен, продолжали воровать без всякого страха, отягощая совесть Мевлюта.

Человек по имени Мухаррем, который был известен среди персонала как Толстяк и которого Мевлют должен был разоблачить перед шефом, и был создателем всей схемы. Работа Толстяка заключалась в том, что он жарил денер-кебаб прямо в витрине кафе, поворачивая кебаб на вертеле, следил, чтобы не подгорел, и отрезал части для покупателей. Он орудовал длинным ножом, как разносчики знаменитого турецкого мороженого «Мараш»^[63] – ложкой, вертя им с ловкостью, которая должна была привлекать с улицы покупателей, особенно туристов. Мевлют совсем не обращал внимания на это представление. Все равно вряд ли какой-нибудь турист забрел бы в такой глухой переулок.

Мевлют подозревал, что Толстяк Мухаррем прилагает все усилия, чтобы не зарабатывать много, для того, чтобы скрыть от него и от всех остальных свою роль главного мошенника. Редко встречавший в своей работе чудаков с подлинными моральными принципами, Мевлют гадал, не может ли скромность Толстяка означать, что тот – главный организатор всех махинаций, и пришел к выводу, что может. В свою очередь Толстяк раскрыл, что Мевлют знает о схеме, и объяснил ему, что рассматривает все это как способ для малооплачиваемых и лишенных всех доходов работников обеспечить себе заработок, не тревожа хозяина. Мевлют был поражен силой его левацких аргументов, что зародило в нем уважение к Толстяку.

В июле, когда исламисты напали на алевитов в Сивасе и тридцать пять человек – включая писателей и поэтов – сгорели заживо в отеле «Мадимак», Мевлют начал снова скучать по своему школьному другу и жаждать поговорить с ним о политике. Райиха узнала, что Ферхат занимается проверкой электрических счетчиков для муниципальной службы, сохранил свою работу после приватизации сетей и зарабатывает много денег. Мевлюту не хотелось верить, что Ферхат устроился так хорошо, но, когда он с завистью сознавал правду, он успокаивал себя, вспоминая, что единственный способ заработать деньги быстро – нечестный (подобным образом деньги делались в кафе «Бинбом»), и соответственно осуждал Ферхата. Мевлют повидал уже много молодых коммунистов, превратившихся в капиталистов после женитьбы. Они обычно становились намного более ушлыми, чем столь проклинаемые ими раньше дельцы.

Когда наступила осень, Вахит начал посвящать Мевлюта в детали схемы. Сам он настаивал на своей невиновности. Мевлют не должен выдавать его хозяину, но, если он это сделает, у Вахита не будет иного выбора, как сделать то же самое в ответ. Высказав это напрямую, Вахит посмотрел на Мевлюта, как бы говоря: «Это жизнь, парень!» – именно так он смотрел на управляющего недавно во время самых пронзительных сцен в телевизионных репортажах о разрушении моста Мостар в Боснии. Вахит хотел жениться, что было еще одной причиной, почему ему были нужны деньги. Его эксплуатировал не только хозяин, но и Толстяк с остальными. Доля его в схеме с краденым была маленькой. Фактически Толстяк, настоящий шеф кафе, был намного хуже, чем капитан. Если Вахит перестанет получать положенное, он пойдет к хозяину и сам расскажет ему о всех махинациях Толстяка.

Все это было неожиданностью для Мевлюта. По сути, Вахит грозил

ударить его в наиболее уязвимое место – ведь Мевлют был с Вуралами невольно связан. Неумеренные похвалы капитана, которые тот расточал своему новому управляющему, чтобы запугать других служащих и показать, что его, хозяина, человек неподкупен, мучили несчастного торговца бузой. Нередко по вечерам, закрыв кассу, хозяин хвалил Мевлюта перед всеми, твердя: Мевлют из Коньи – это честный, нравственный и воистину достойный гражданин. Ему присущи чистота и искренность людей Центральной Турции. Хозяин говорил о коренных турках, как будто он был первым, кто открыл их в Стамбуле.

Вуралы тоже тщательно заботились о своей чести. Мевлют был одним из их людей, что означало: он не должен никогда никого обманывать и в этом случае может рассчитывать на их поддержку, когда придет время наказать того, кто обманул. Из того, что говорил Вахит, у Мевлюта создалось впечатление, что он верит, будто черноморские Вуралы являются подлинными владельцами кафе «Бинбом», и что его хозяин из Трабзона всего лишь еще одна из их пешек. Это не удивило Мевлюта: за годы своей работы на улицах Стамбула он встречал сотни людей, которые неизменно верили в то, что миром управляют невидимые кукловоды – те, кто дергает за веревочки.

Одним холодным зимним днем в феврале Мевлют пришел на работу на двадцать минут позже обычного и увидел, что кафе «Бинбом» закрыто. Замок поменяли, так что он даже не смог попасть внутрь. В соседнем магазине, торговавшем орехами и семечками подсолнуха, ему рассказали, что прошлой ночью в кафе была большая драка, вынудившая явиться полицию Бейоглу. Владелец из Трабзона решил наказать своих работников, привел нескольких «горилл», и в итоге все оказались в полицейском участке. После того как полиция отпустила участников потасовки, хозяин вернулся со слесарем, который поменял замок и намалевал на окне: ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ.

Это официальная версия, подумал Мевлют. Несмотря на это, краешком сознания он продолжал надеяться, что уволен за опоздание на работу этим утром. Может быть, хозяин раскрыл схему работников, а может, и нет. Все, чего ему хотелось, так это пойти немедленно домой и обсудить случившееся с Райихой, чтобы разделить с ней горе очередной безработицы, – но домой он не пошел.

Следующих несколько дней он провел, бродя по кофейням и пытаясь понять, как теперь свести концы с концами. Он был полон чувства вины, но была и доля радости, которую он быстро перестал скрывать от себя самого. Причина была в ощущении полной свободы, которое он

испытывал, когда прогуливал школу еще в юности. Давно прошли те времена, когда у него была возможность бесцельно погулять днем по городу, без неотложных дел, и он направился к Кабаташу, наслаждаясь моментом. Кто-то торговал нутovým пловом с тележки ровно на том же месте, где годами стоял он сам. Он рассмотрел этого продавца, стоявшего у большого старинного общественного источника, но не захотел подходить ближе. На короткое время ему показалось, что он смотрит на свою собственную жизнь со стороны. Много ли зарабатывает этот парень? Человек был худым, вроде Мевлюта.

Парк за источником был наконец-то достроен и открыт для публики. Мевлют сел на скамейку. Его взгляд бродил по очертаниям далекого дворца Топкапы, по огромным серым призракам мечетей, по бесшумно скользящим большим кораблям. Он чувствовал прилив уныния, накатывавшего с неодолимой решительностью, как те огромные океанские волны, что он видел по телевизору. Только Райиха могла утешить его. Мевлют знал, что не может жить без нее.

Двадцать минут спустя Мевлют был дома в Тарлабаши. Райиха даже не спросила, почему он вернулся так рано. Он солгал, что его отпустили из-за переучета – и он сразу же побежал домой, чтобы заняться с ней любовью. На следующие сорок минут они забыли о мире.

На следующий день пришла Ведиха и передала Райихе все новости. Она начала с резкого вопроса: «Почему у вас все еще нет телефона?» – перед тем как поведать, как один из работников кафе рассказал начальнику, что того обманывают его собственные служащие. Капитан Тахсин созвал своих друзей из Трабзона, произвел облаву в кафе и восстановил свои права. Обмен оскорблениями привел к драке между Толстяком и капитаном, в результате которой их увезли в полицейский участок, где они в конце концов пожали руки и объявили перемирие. Тот же информатор заявил, что Мевлют был в курсе всех этих подлых уловок, но брал деньги в обмен на свое молчание; хозяин поверил и пожаловался Хаджи Хамиту Вуралу на Мевлюта.

Коркут и Сулейман сказали сыновьям Хаджи Хамита, что их двоюродный брат – честнейший человек, который никогда не падет так низко, и что они отвергают эту клевету на семейную честь. Но семья Акташ разозлилась на родственника за ситуацию, повредившую их отношениям с Вуралами.

Мевлюта больше всего расстроило, что Фатма и Февзие больше не смогут получать в кафе горячие сэндвичи с сыром и сосисками и кебабы. Персонал всегда так любил их, так ласково обращался с ними.

Толстяк часто смешил их представлениями со своим ножом. Неделью спустя до Мевлюта донеслись слухи, что Толстяк и Вахит на него очень злы, называют его предателем, который воспользовался ими, получив свою долю добычи. Мевлют не ответил на эти обвинения.

Он вновь обнаружил в себе сильное желание восстановить дружбу с Ферхатом. Когда бы Мевлют ни спрашивал его о чем-то, Ферхат всегда имел ясный ответ. Ферхат дал бы лучший совет, как вести себя с тайными делами в кафе. Но Мевлют знал, что это желание покоится на слишком оптимистичном представлении о природе дружбы. Улицы научили его, что после тридцати лет мужчина всегда одинокий волк. Если ему повезет, он может найти себе волчицу, такую как Райиха. Конечно, единственным противоядием от уличного одиночества были сами улицы. Пять лет, которые Мевлют провел, управляя кафе «Бинбом», оторвали его от города.

Отправив утром дочерей в школу, он занимался любовью с Райихой, после чего шел по местным чайным в поисках работы. По вечерам он рано уходил продавать бузу. Он дважды посещал собрание в Чаршамбе. За пять лет Святой Наставник постарел и теперь проводил меньше времени за столом – чаще он сидел в кресле возле окна. Рядом с креслом была кнопка, с помощью которой он мог впустить людей в здание через парадный вход. Большое зеркало было прикручено к стене под таким углом, что Святой Наставник мог видеть с третьего этажа того, кто у двери, без необходимости вставать. В оба прихода Мевлюта Святой Наставник видел его в зеркале и давал войти еще до того, как тот успевал закричать «Буу-заа». Теперь приходили новые ученики и новые посетители. У Мевлюта со старцем не было возможности долго разговаривать. Никто – даже Святой Наставник – не заметил, что Мевлют не взял денег за свою бузу; и он никому не сказал, что больше не управляет кафе.

Почему иногда ночью он чувствовал настоящую потребность пойти на далекое кладбище и посидеть среди кипарисовых деревьев при лунном свете? Почему огромная черная волна, подобная той, которую он видел по телевизору, накрывала его иногда, так что он тонул в набухающем потоке печали? Каждая бродячая собачья стая в Куртулуше, Шишли и Джихангире начинала лаять, рычать и скалить зубы, заведя его. Почему Мевлют вновь начал бояться собак до такой степени, что они замечали его страх?

Вновь было время выборов; весь город был увешан политическими плакатами и флагами партий, в то время как целые стаи агитационных грузовиков гремели народными песнями и маршами из громкоговорителей, мешая проезду и надоедая всем. На Кюльтепе люди обычно голосовали

за ту партию, которая обещала новые дороги, электричество, воду и маршруты автобусов в район. Стоит ли упоминать, что Хаджи Хамит Вурал был одним из тех, кто организовывал все эти услуги, так что он решал, за какую партию проголосуют избиратели.

Мевлют обычно не ходил на выборы. Единственным его требованием к любому кандидату было: «Они должны хорошо относиться к уличным торговцам». Но на позапрошлых выборах военное правительство послало солдат в каждый дом по всей стране. Солдафоны переписывали имена людей и угрожали тюрьмой любому, кто не придет голосовать. Так что на этот раз Райиха взяла паспорта и зарегистрировала себя и мужа.

Во время муниципальных выборов в 1994 году урны для голосования стояли в начальной школе Пияле-Паша, куда ходили девочки, так что Мевлют взял Райиху, Фатьму и Февзие и в приподнятом настроении отправился голосовать. В классе Фатьмы стояла урна для голосования и толклись люди. В классе Февзие было пусто. Они с Райихой сели за одну из парт и смеялись, глядя, как Февзие изображает учительницу, а также восхищались ее рисунком под названием МОЙ ДОМ, который Февзие нарисовала на уроке и который так понравился учительнице, что она повесила его на стену. Февзие пририсовала к красной крыше их дома две дымовые трубы и турецкий флаг и нарисовала ореховое дерево сзади с потерявшейся рисовой тележкой. Она не стала рисовать цепь, которой тележку приковывали.

На следующий день газеты написали, что в Стамбуле победила партия исламистов, и Мевлют подумал: «Если они религиозны, то очистят от столов с пьяницами тротуары Бейоглу и для нас, торговцев, наступят времена полегче, люди будут покупать больше бузы». Два дня спустя он подвергся нападению собак, а потом был ограблен, лишившись денег и своих швейцарских часов; с этого момента он решил бросить торговлю бузой.

Часть V

(Март 1994 – сентябрь 2002)

В раю воля сердца приравнивается к воле слова.

Ибни Зерхани^{[\[64\]](#)}. Скрытый смысл утерянных тайн

1. «Буза от свояков»

Почетное и важное для нации дело

Итак, в ночь на среду 30 марта 1994 года на Мевлюта напали сначала собаки, а потом грабители, которые отобрали у него вместе с деньгами свадебный подарок – швейцарские часы, преподнесенные двенадцать лет назад Хаджи Хамитом Вуралом, и это потрясло Мевлюта. Наутро, после того как Фатма и Февзие ушли в школу, Мевлют за разговором с Райихой вновь подумал о том, что будет правильным оставить работу уличного разносчика бузы. А кроме того, он больше не смог спокойно ходить по темным улицам, так как боялся собак.

Одно время он спрашивал себя, случайно ли то, что и собаки, и грабители напали на него в одну ночь? Если бы его сначала ограбили, можно было подумать, что он испугался грабителей, а собаки почуяли запах страха. Но первыми напали собаки. По мере того как Мевлют пытался найти какую-либо внутреннюю связь между двумя этими событиями, он вспоминал, как читал в школьной библиотеке в старом журнале «Материя и дух» одну статью: там было написано, что собаки умеют читать мысли человека.

Райиха. Когда Мевлют решил бросить торговать бузой из-за того, что начал бояться собак, я отправилась к сестре Ведихе на Дуттепе.

– Наши все после истории в кафе «Бинбом» сердятся на Мевлюта и больше не будут искать ему работу, – объявила Ведиха.

– А Мевлют обижен на братьев, – ответила я. – Но я думаю о Ферхате. Он сейчас работает в управлении по электроснабжению и очень хорошо зарабатывает. Он найдет работу Мевлюту. Но пока Ферхат не захочет помириться и не позовет его, сам Мевлют никогда к нему не пойдет.

– Это почему это?

– Ну ты же знаешь почему...

Ведиха многозначительно посмотрела на меня.

– Ради всего святого, Ведиха! Только ты можешь уговорить и Ферхата, и Самиху! – взмолилась я. – Они с Мевлютом были ближайшими друзьями. Раз уж Ферхату непременно хочется показать, как он много зарабатывает, пусть поможет старому другу!

– В детстве вы с Самихой всегда были против меня, – вздохнула Ведиха. – А теперь я должна мирить вас обеих.

– Нас с Самихой мирить не нужно, – сказала я. – А вот мужчины наши очень уж гордые.

– Они это называют не гордостью, а честью, – вздохнула Ведиха.



Неделю спустя Райиха объявила мужу, что они вместе с дочерьми приглашены в воскресенье в гости к Ферхату с Самихой и что Самиха специально ради гостей будет готовить бейшехирский кебаб.

– То, что ты называешь бейшехирским кебабом, на самом деле то же самое, что обычная лепешка с фаршем, только еще и с орехами, – проворчал Мевлют. – Я такое блюдо последний раз ел лет двадцать назад. А сейчас с чего о нем вспомнили?

– Ты и Ферхата последний раз лет двадцать назад видел! – ответила Райиха.

С того вечера, как его ограбили, Мевлют был обижен на весь мир и стал еще более чувствительным. Он больше не ходил по вечерам торговать бузой, а сидел дома. По утрам он бродил, обиженный и злой, по Тарлабаши и Бейоглу, неподалеку от ресторанов и кафе, в поисках хоть какой-то подходящей работы.

Стоял солнечный воскресный день, когда они сели в пустой муниципальный автобус на площади Таксим и отправились в гости. Райиха немного успокоилась, когда услышала, как Мевлют рассказывает Фатьме и Февзие, какой смешной у него друг детства, дядя Ферхат, к которому они сейчас едут.

Благодаря малышам, Фатьме и Февзие, момент встречи с Самихой и Ферхатом, которого Мевлют так старательно избегал десять лет, прошел без каких-либо затруднений. Два старых друга обнялись, а потом Ферхат взял Февзие на руки, и они все вместе отправились посмотреть на участок, который Ферхат пятнадцать лет назад выложил выбеленными известкой камнями.

Малышки радовались возможности поноситься по лесу, начинавшемуся там, где кончался город, и в который постепенно переходили пригородные сады, окутанные легким туманом. Кудахтали куры с цыплятами, лаяли собаки, а дочери Мевлюта радостно носились

друг за другом. Мевлют думал о том, что Фатъма и Февзие с самого рождения еще ни разу не видели ни полей, ни деревенских домов, ни даже фруктового сада. А тех радовало все: и деревья, и колодезный журавль, и поливной шланг, и старый усталый ишак, и жестяные бочки, выставленные у садовых заборов.

Когда Самиха внесла гостям бейшехирский кебаб, Мевлют уселся в самом дальнем углу от нее. И все-таки какая-то тайная радость согревала ему душу. По мере того как он пил раки, которую с шутками да прибаутками подливал ему Ферхат, он все больше забывал о своих печалях, хотя не забывал соблюдать осторожность: специально поменьше говорил, боясь ляпнуть что-нибудь лишнее.

Когда от раки зашумело в голове, он разволновался и решил вообще не разговаривать. Он сидел и слушал застольную беседу.

В какой-то момент он сказал себе: «Да, я писал письма Самихе, ее глаза поразили меня!» Он даже не смотрел в ее сторону, но, черт, Самиха была чудо как хороша, а глаза ее были прекрасны.

Однако Мевлют вот о чем думал: Сулейман обманул его, но на самом деле счастлив Мевлют мог быть только с Райихой. Аллах создал их друг для друга. Он очень любил жену; если бы ее не было, Мевлют бы просто умер. Такие красавицы, как Самиха, обычно имеют плохой характер и слишком много требуют, жизнь с ними быстро становится невыносимой. Красавица может сделать счастливым только богача. А девушка вроде Райихи будет любить своего мужа, даже если он небогат. Самиха много лет проработала на поденной работе, а довольна стала только сейчас, когда появились деньги, потому что Ферхат устроился работать контролером счетчиков.

«Если бы я писал письма не Райихе, а Самихе, интересно, что бы сейчас было? – размышлял Мевлют. – Сбежала бы со мной Самиха?»

Мевлюту пришлось признаться самому себе: нет, Самиха никогда не сбежала бы с ним.

– Хватит тебе, не пей больше, – тихонько, на ухо, сказала ему Райиха.

– Я не пью, – прошептал Мевлют и занервничал.

– Не трогай ты его, Райиха, пусть пьет сколько хочет, – сказал Ферхат. – Он наконец бросил эту свою дурацкую торговлю, вот и празднует...

– Потому что торговцев бузой теперь на улицах грабят, – отозвался Мевлют. – Да и я не рад, что бросил.

Он чувствовал, что Райиха уже давно рассказала Самихе с Ферхатом о его непростом положении, а сюда они пришли для того, чтобы Ферхат

помог ему найти работу. От этого ему делалось стыдно.

– Ладно, Мевлют. Давай будем торговать бузой до конца наших дней! – улыбнулся Ферхат. – На улице Имама Аднана есть маленький магазин. Я хотел открыть там кебабочную. Но будет лучше, если там торговать бузой. Бывший хозяин этого магазина не смог расплатиться по долгам, так что магазин достался мне.

– Из Мевлюта получится очень хороший управляющий кафе, – сказала Райиха. – Ведь у него уже и опыт есть.

Мевлюту не понравилось, что Райиха договаривается о его работе. Но сейчас он был не в состоянии продемонстрировать характер и смолчал. Райиха, Самаха и Ферхат явно о чем-то заранее договорились. Он догадывался об этом. И по правде, такое положение вещей ему даже нравилось. Он опять будет директором. А сейчас, на пьяную голову, не стоит спрашивать, на какие такие деньги Ферхат обзавелся собственным магазином в Бейоглу.

Ферхат. Едва я получил аттестат, как сразу же поступил на работу в управление по электроснабжению к одному родственнику-алевиту из Бингёля. Потом, когда электрические сети были приватизированы в 1991 году, самые трудолюбивые и инициативные из нас получили свой шанс. Некоторые из контролеров счетчиков взяли выходное пособие и ушли. Тот, кто думал, будто сможет работать так же, как тогда, когда был государственным служащим, был быстро уволен. Но с теми, кто проявил инициативу – вроде меня, – обошлись хорошо.

Правительство годами работало над тем, чтобы провести электричество в каждый уголок Стамбула, от трущоб на самых дальних окраинах, где жили только самые бедные, до незаконных застроек, где правили самые страшные головорезы. Жители Стамбула всегда находили способы прицепиться к линиям электроснабжения и не платить ни гроша. Правительство, чтобы решить проблему, передало бразды правления частным компаниям. Я работал на одну из таких компаний. Вскоре был принят закон о большом ежемесячном пени в случае неуплаты, так что те самые люди, которые когда-то встречали меня с пренебрежением и даже насмехались надо мной, когда я проверял их счетчики и требовал оплаты, теперь были вынуждены платить, хотели они того или нет.

Человек из Самсуна, который продавал газеты, сигареты и сэндвичи в магазине на улице Имама Аднана, оказался не очень опытным мошенником. Ранее магазин принадлежал старому греку, которого выслали в Афины. Самсунец забрал брошенный магазин без каких-либо документов

о праве собственности, но сумел добиться установки счетчика через связи в мэрии. Затем он прицепил свою линию к магистральной в обход счетчика и от этого источника питал свой тостер для сэндвичей и две массивные электропечи, настолько мощные, что магазин превратился в хамам. К тому времени, когда я поймал его, просроченный баланс плюс пени, пересчитывавшиеся с инфляцией согласно новому закону, были столь высоки, что ему пришлось бы продать свою квартиру в Касым-Паша, чтобы оплатить их. Так что торговец из Самсуна предпочел исчезнуть, бросив все.



Площадь магазина не составляла и половины кафе «Бинбом», комнаты внутри едва хватало на стол для двух клиентов, которые бы пришли сюда пить бузу. Райиха по утрам отправляла девочек в школу и затем, как всегда, добавляла сахар в замешанную бузу и мыла дома бидоны, перед тем как отправиться купить что-нибудь для магазина. Свое дело она выполняла со рвением собственника. Мевлют открывал магазин каждое утро в одиннадцать, и, поскольку никто не желал бузы в такую рань, он занимался тем, что наводил внутри красоту и порядок, брал стаканы, бидоны и мельнички для корицы, которые сам закупил, и красиво выстраивал их на столике перед витриной, вспоминая, как их выставляли в лавке «Вефа».

Сезон бузы подходил к концу, но стояли затяжные холода, так что уже через пять дней к предприятию Мевлюта возник большой интерес. Окрыленный первоначальным успехом, Ферхат вложил в магазин: отремонтировал холодильник, перекрасил дверь и фасад в сливочно-желтый цвет бузы по настоянию Мевлюта, установил фонарь прямо над дверью, который привлекал бы внимание клиентов в темное время суток, и принес из дома зеркало.

Друзья также поняли, что новому предприятию требуется название. Мевлют считал, что будет достаточно повесить над дверью вывеску: МАГАЗИН БУЗЫ. Но умный мастер по вывескам, работавший с новейшими магазинами Бейоглу, сказал, что с таким названием дело процветать не будет. Когда он понял, что Ферхат и Мевлют женаты

на сестрах, он уже точно знал, как они должны назвать это место:

БУЗА ОТ СВОЯКОВ

Со временем название сократилось до простого «Свояки». Ферхат предоставлял имущество (свободный магазин в Бейоглу, без арендной платы и счетов за электричество), а Мевлют брал на себя расходы на ежедневную деятельность (буза, сахар, жареный нут, корица) и вкладывал труд, свой и Райихи. Доходы они договорились делить поровну.

Самиха. После многих лет, что я проработала горничной, Ферхат не хотел, чтобы я маялась в магазине Мевлюта. «Чего суетиться, все равно бузу не на улице, а в лавке покупать никто не станет», – говорил он, и эти слова обижали меня. На самом деле в первые месяцы он был увлечен магазином и проводил там большинство вечеров, помогая Мевлюту, а домой приходил очень поздно. Однако вскоре наш магазин стал похож на тысячи стамбульских кафе, в которых мужчины обслуживают клиентов и принимают деньги, а женщины в платках сидят в дальних комнатах, следя за кухней и намывая тарелки. Единственной разницей было то, что мы продавали бузу.

Спустя десять дней после открытия «Свояков» Ферхат снял квартиру в квартале Чукурджума, с центральным отоплением, и мы наконец уехали из квартала Гази. Вокруг нас были сплошные лавки старьевщиков, мастерские по ремонту мебели, больницы и аптеки. Из окна я могла видеть часть проспекта Сырасельвилер и толпу, текущую на Таксим и обратно. Днем, когда мне становилось скучно, я шла в «Свояки». Райиха всегда уходила в пять, чтобы девочки не находились дома одни, к тому же ей нужно было готовить обед, так что поначалу я тоже уходила, чтобы не остаться наедине с Мевлютом. Несколько раз, когда я оставалась после ухода Райихи, Мевлют держался спиной ко мне и только время от времени поглядывал в зеркало. Я тоже смотрела в зеркало и никогда не обменивалась с ним ни словом. Ферхат заглядывал позже, зная, где найдет меня; он вскоре привык к моему постоянному присутствию в магазине.



Мевлют и Ферхат вскоре поняли, что «Свояки» не принесут большого дохода, но не стали об этом говорить. В лучшем случае они продавали в три раза больше бузы, чем Мевлют зарабатывал холодной зимней ночью в те времена, когда дела у него шли хорошо. Но всех заработанных денег хватало лишь на оплату половины необходимых расходов одной бездетной семьи. Их спасало отсутствие арендной платы и возможность не давать взятки в мэрию и в налоговую инспекцию, так как Ферхат имел в обоих вышеперечисленных заведениях обширные связи. Хотя в таком оживленном районе – всего в одной улице от проспекта Истикляль – продать можно было все, что только положишь на прилавок.

Мевлют никогда не терял надежды. Многие прохожие, увидев вывеску, заходили взять стаканчик. Большинство покупателей радостно говорили Мевлюту: как здорово, что есть такой магазин. И он был рад поговорить с любым заглянувшим.

«Бузу надо пить вечером, продавец, что вы делаете здесь в такую рань?»; «Вы готовите ее дома?»; «Вы берете слишком дорого, стаканчики у вас слишком маленькие, и в бузе должно быть больше жареного нута»; «Благослови вас Аллах, вы делаете почетное и даже важное для всей нации дело»; «Продавец, я только что выпил полбутылки „Клубной“ раки, теперь скажи мне, что будет, если я выпью это?»; «Извините, бузу нужно пить перед ужином или после еды, вроде десерта?»; «Знаешь ли ты, брат, что слово „буза“ произошло от английского слова „booze“?»^[65]; «Вы доставляете на дом?»; «Ты, случайно, не сын торговца йогуртом Мустафы-эфенди? Я помню, как ты работал с отцом. Молодец!»; «В нашем районе был разносчик бузы, но он перестал приходить»; «Если продавать бузу в магазине, что станет с уличными торговцами?»; «Продавец, крикни „Буу-заа“ так, чтобы мои дети услышали и запомнили».

Когда Мевлют был в хорошем настроении, он никогда не разочаровывал любопытную клиентуру, особенно если приводили детей. «Буу-заа!» – кричал он, улыбаясь. Он замечал, что покупатели, которые говорили: «Ты делаешь очень важное дело» – и начинали читать лекцию о значении традиций османской эпохи, обычно никогда не возвращались. Мевлют раньше и представить себе не мог, сколько вокруг подозрительных

людей, которые хотели, чтобы стаканы мыли при них и как следует, или агрессивно спрашивали, сделана ли буза только из натуральных ингредиентов. Зато он не удивлялся, если люди, никогда не пробовавшие бузу до того, охали, скривившись сразу после первого глотка, или жаловались, что напиток слишком кислый или слишком сладкий, и не допивали стакан. «Буза, что я купил ночью у уличного торговца, была настоящая», – говорил кто-то. Находились и фыркающие: «Я-то думал, это горячий напиток».

Спустя месяц после открытия Ферхат начал приходить и справляться о делах в лавке через вечер. Деревня его отца попала в число эвакуированных во время армейской операции против курдских повстанцев на востоке страны, и его бабушка по отцу, которая совсем не говорила по-турецки, приехала в Стамбул. Ферхат жаловался Мевлюту, что прилагает все усилия, чтобы общаться с ней на своем ломаном курдском. Курды, переселенные в Стамбул после того, как их деревни были сожжены турецкой армией, поселились на нескольких улицах и организовались в местные банды. Ходили слухи, что новый мэр от партии исламистов собирается закрыть все рестораны и бары, в которых подают алкоголь и выносят столы на тротуары. С наступлением лета Мевлют и Ферхат начали торговать еще и мороженым.

Райиха. Мы тоже принесли свое зеркало в магазин, как Ферхат с Самихой. Иногда я замечала, что Мевлют смотрит не на улицу, а в зеркало рядом с витриной. Я стала подозрительной. Однажды он вышел, я села на его обычное место и посмотрела в зеркало. С этого самого места я увидела в зеркале лицо Самихи. Я решила, что они оба переглядываются через зеркало тайком от меня, и меня охватила ревность.

Я думала об этом все время, хотя понимала, что могу ошибаться. Самихе незачем приходить в магазин днем, когда я там. Карманы Ферхата набиты деньгами, которые он собирает с тех, кто не платит за электричество, так что с чего бы Самихе работать? И тем не менее она посещала магазин. Обычно, когда я возвращалась домой к девочкам, Самиха уходила со мной, но иногда она оставалась в магазине после моего ухода, наедине с Мевлютом.

Помимо магазина, Самиха была, конечно, занята своим новым домом в Джихангире. Я как-то взяла с собой девочек и пошла туда вечером в гости. Ее не было дома, так что мы заглянули в магазин – я не смогла удержаться. Мевлют был там, но Самихи не было.

– Что ты делаешь здесь так поздно? – разозлился он. – Сколько раз

тебе говорить, чтобы ты не приводила сюда детей?!

Это был не тот добрый, милый Мевлют, которого я знала. Мне стало так больно, что я не ходила в магазин целых три дня. Сама вскоре пришла ко мне.

– В чем дело? Я беспокоюсь! – сказала она. Она казалась искренней.

– Я заболела, – ответила я, стыдясь своей ревности.

– Нет, ты не больна. Мне Ферхат тоже грубит, – сказала она, но не потому, что пыталась разговорить меня, а потому, что моя умная младшая сестра давно поняла, что у таких девушек, как мы, главные проблемы всегда начинаются с мужей. Я хочу, чтобы у нас вообще не было этого магазина; я хочу снова остаться с Мевлютом, чтобы были только он и я.



Примерно в середине октября они снова начали продавать бузу. Мевлют считал, что будет лучше всего убрать сэндвичи, бисквиты, пирожки, шоколадки и другие летние угощения и торговать только бузой с корицей и жареным нутом, но его не послушали. Раз или два в неделю Мевлют оставлял вечером магазин на Ферхата и уходил продавать бузу своим постоянным покупателям. Война на востоке вызвала теракты по всему Стамбулу, по ночам проходили марши протеста. Экстремисты обстреливали редакции газет, но люди все равно толпились на Бейоглу.

В конце ноября набожный мастер по ключам через дорогу сказал Мевлюту, что в газете «Праведный путь» что-то написали о его магазине. Мевлют помчался в киоск на проспекте Истикляль. Вернувшись в магазин, он сел с Райихой и пристально изучил газету от корки до корки.

В ней была колонка под названием «Три новых магазина», которая начиналась с похвалы «Своякам» и продолжалась репортажем о новой кебабной в Нишанташи и о лавке в Каракее, где продавались розовая вода и печенье к Рамазану и Ашуре^[66]. Суть статьи – сохранение древних турецких традиций, вместо отказа от них в подражание Западу, есть священный долг, подобно почитанию предков; если турки хотят сохранить национальный характер, сохраниться как цивилизация, сохранить свои идеалы и убеждения, они должны научиться в первую очередь оставаться

верными традиционным еде и напиткам.

Едва Ферхат появился тем вечером, Мевлют с гордостью показал ему газету. Он объявил, что подобная реклама принесет им множество новых покупателей.

– А, брось, – отмахнулся Ферхат. – Никто из читателей «Праведного пути» не собирается приходить в наш магазин. Они даже не написали наш адрес. Не могу поверить, что нас использовали для пропаганды какого-то гнусного исламистского барахла. Ты только посмотри на эти заголовки: «Святой Хамза и битва при горе Ухуд», «Намерение, предопределение и свободная воля в исламе», «Почему хадж является долгом».

– Что плохого в том, чтобы говорить о таких вещах? – удивился Мевлют. Святой Наставник так красиво рассуждал на все эти темы, и Мевлюту всегда нравились его разговоры. Хвала Создателю, он никогда не докладывал Ферхату о своих походах к Святому Наставнику. Иначе тот обозвал бы и Мевлюта «гнусным исламистом».

Ферхат продолжал в ярости листать страницы «Праведного пути»: «Что сделал Фахреддин-паша со шпионом и извращенцем Лоуренсом?..»^[67], «Масоны, ЦРУ и красные...», «Британские правозащитники оказались евреями!..».

Хвала Создателю, что Мевлют никогда не рассказывал Святому Наставнику, что его партнер по бизнесу – алевит! Святой Наставник думал, что Мевлют работает с нормальным турком-суннитом, и, когда их разговор затрагивал алевитов, иранских шиитов и халифа Али, Мевлют всегда менял тему, боясь услышать от Святого Наставника что-нибудь плохое про них.

– Полноцветное издание тафсира^[68] к Священному Корану в твердом переплете всего за тридцать купонов «Праведного пути», – издеваясь, читал Ферхат. – Знаешь, если эти люди придут к власти, первое, что они сделают, – запретят уличную торговлю совсем, как они это сделали в Иране. А парочку таких, как ты, – повесят.

– Ни в коем случае, – сказал Мевлют. – В бузе есть алкоголь, но разве кого-то из них это беспокоит?

– Это потому, что алкоголь в ее вкусе не важен, – возразил Ферхат.

– Ну да, конечно, по сравнению с твоей «Клубной» раки буза – ерунда, – сказал Мевлют.

– Подожди, а что ты имеешь против раки? Если грешно прикасаться к алкоголю, не важно, как много его в напитке. Мы должны будем немедленно закрыть этот магазин.

Мевлют почувствовал угрозу. В конце концов, этот магазин был у них

только благодаря деньгам Ферхата.

– Уверен, ты голосовал за этих исламистов, – продолжал Ферхат.

– Нет, не голосовал, – солгал Мевлют.

– Ай, ну тебя, поступай как хочешь, – махнул рукой Ферхат.

С этого разговора началась их взаимная обида. На некоторое время Ферхат перестал приходить по вечерам. Это означало, что Мевлют не мог разносить бузу своим старым покупателям.

В часы затишья, по вечерам, когда не было посетителей, Мевлют скучал. А в городе он никогда не скучал, разнося бузу ночью, даже на самых пустынных улицах, где никто не открывал окон и ничего не покупал. Походы по улицам наполняли его воображение силой и напоминали ему о существовании в мире иного бытия, скрытого за стенами мечетей, в обваливающихся деревянных особняках и на кладбищах.

«Праведный путь» напечатал рисунок такого мира, именно такого, какой существовал в голове Мевлюта. Рисунок иллюстрировал серию статей под названием «Иной мир». Сидя поздно вечером один в магазине, Мевлют доставал газету, в которой было написано про «Свояки», и открывал ее на странице с этим рисунком, на котором было изображено старое забытое кладбище.

Почему эти могильные камни покосились? Почему они все разные, а некоторые из них склонились в печали? Почему от старых кипарисов Мевлюту всегда делалось так хорошо на душе?



2. В маленьком магазине с двумя женщинами

Другие счетчики и другие семьи

Райиха. Самаха все так же красива. По утрам некоторые бесстыжие мужчины пытаются потрогать ее за пальцы, когда она дает им сдачу. Поэтому мы начали класть деньги на стеклянный прилавок, вместо того чтобы давать прямо в руки. Я сама обычно подаю айран или бузу и стою за прилавком, но, когда я сижу за кассой, никто не обращает на меня внимания. Может пройти все утро без единого посетителя. Иногда заходит пожилая дама, которая садится как можно ближе к электрообогревателю и просит чая. Так мы начали подавать и чай тоже. Еще одно время к нам заходила одна очень симпатичная женщина, которая ходила каждый день по магазинам в Бейоглу.

– Вы сестры, не правда ли? – спрашивала она, улыбаясь нам. – Вы так похожи. Ну-ка, скажите мне, у которой хороший муж, а у которой плохой?

Еще рано по утрам заходит этот грубиян с лицом уголовника, который не выпускает из рук сигарету, спрашивает бузу и, выпив три стакана, глазеет на Самаху, приговаривая: «А что, в бузе есть алкоголь или почему тогда у меня кружится голова?»

Иногда Самаха бросала все и говорила: «Я ушла, ты последи за той женщиной за столом и приberi пустые стаканы, ладно?» Как будто она владелица заведения, а я просто официантка... Понимает ли она, что пытается разговаривать как те богатые женщины, в домах которых она прибиралась? Иногда я хожу к ним домой в квартал Фирюз-Ага, где Ферхат всякий раз «вот только что вышел». «Пойдем в кино, Райиха», – говорит Самаха. Иногда мы смотрим телевизор. Иногда она сидит за своим новым туалетным столиком и красится.

– Давай подкрасься немного сама, – говорит она, смеясь надо мной. – Не беспокойся, я не скажу Мевлюту.

Что она хочет этим сказать? Я так обижалась на нее, так ревновала, так плакала.

Сулейман. Однажды вечером я шел по улице Имама Аднана, и один магазин привлек мое внимание. Когда я присмотрелся, то не мог поверить своим глазам.



Бывали дни, когда Ферхат приходил вечером в магазин подвыпившим.

– Крутой мы были командой, а? – говорил он Мевлюту. – Сколько плакатов развесили, сколько битв выстояли!

Мевлют предпочитал вспоминать время, когда они продавали «Кысмет», а не политические баталии, коим был свидетелем. И все равно легче быть персонажем юношеских воспоминаний своего друга, которые тот уже почитал как легенду, чем выслушивать обвинения в голосовании за исламистов, так что Мевлют теперь не одергивал Ферхата.

Они могли провести часы за болтовней про исламистов, которые уезжали на войну в Боснию, рассуждать о женщине премьер-министре Тансу Чиллер или о бомбе, которая рванула рядом с рождественской елкой в кондитерской отеля Мармара (полиция обвинила исламистов в тот же день, а курдов на следующий). Иногда даже в вечерние часы у них по полчаса не было клиентов, и Ферхат с Мевлютом развлекали себя долгими рассуждениями на темы, о которых оба ничего не знали, – говорят ли дикторы по телевизору в прямом эфире, или они тоже, как многие певцы, выступают «под фанеру»? Была ли полиция, атаковавшая протестующих на площади Таксим, вооружена настоящими пистолетами или только муляжами, для вида?

Мевлют поместил в рамочку статью про их магазин и повесил ее на стену. Он мечтал украсить стены помещенными в рамочки иностранными банкнотами, как в кебабной на главной улице, но, к сожалению, с самого открытия к ним не зашел еще ни один иностранный турист. Расстроился ли Ферхат, увидев статью из «Праведного пути» на стене? Не потому ли он больше не приходил так часто? Мевлют понял, что начал считать Ферхата своим хозяином; и это вызвало в нем обиду как на друга, так и на собственную мягкотелость.

Иногда Мевлют думал, не открыл ли Ферхат магазин с единственной целью – ублажить его. Мевлют говорил себе в моменты слабости: «Ферхат сделал это, потому что чувствовал вину за то, что сбежал с девушкой, на которой я хотел жениться». Но когда он злился на Ферхата, то думал: «Забудь о доброте! Ферхат теперь всего лишь капиталист. Это я подучил его, что буза – хорошее вложение».

Во время двух снежных, ветреных недель в конце января 1995 года Ферхат совсем не показывался в магазине. Когда он наконец-то зашел вечером, Мевлют сказал: «Продажи сейчас хорошо идут», но Ферхат даже не слушал его.

– Мевлют, ты знаешь, что иногда я совсем не появляюсь в магазине. Не говори Самихе об этом, если понимаешь, что я имею в виду...

– Что? Присядь на минутку, пожалуйста.

– У меня нет времени. Не говори ничего и Райихе... Сестры не могут хранить секреты друг от друга...

С этими словами Ферхат удалился.

– К вашим услугам! – крикнул Мевлют вслед.

Ферхат, у которого не было даже времени посидеть со своим старым другом, не уловил сарказма. Отец Мевлюта обычно говорил такие слова только самым богатым, самым влиятельным клиентам. Но Мевлют еще ни разу в жизни никому не сказал «К вашим услугам». Ферхат был так занят своими махинациями, мафиозными друзьями и распутством, что, вероятно, не имел времени вникать в подобные тонкости.

Вернувшись домой и увидев, как дочки посапывают во сне, а Райиха смотрит телевизор, приглушив звук, Мевлют понял истинную причину, по которой был зол на Ферхата: тот покинул свою добродетельную и красивую жену и бродил неизвестно где. Святой Наставник прав: раки и вино к добру не приводят. Стамбул был набит украинскими челночницами, африканскими мигрантами и прочими сомнительными людьми, опустошавшими карманы людей; город постепенно превращался в рассадник разврата и взяточничества, а правительство палец о палец не ударило.

Мевлют теперь понял, почему Самиха была такой печальной даже после того, как ее муж внезапно начал зарабатывать много денег. Он следил за ней в зеркало и видел, как ей грустно.

Ферхат. Мевлют читал «Праведный путь» и, должно быть, думал, что я жестокий глупый болван, переступивший через умницу и красавицу. Но он ошибается. Я не бабник.

Я влюбился. Женщина, в которую я влюбился, исчезла, но я когда-нибудь найду ее здесь, в Стамбуле. Но вначале я должен рассказать вам о тех возможностях, которые открылись перед инспекторами счетчиков вроде меня, после того как электросети были приватизированы, чтобы вы могли лучше понять мою любовную историю и выбор, который я сделал.

Сулейман. Я все еще постоянно хожу на Бейоглу, но по работе, а не для того, чтобы заглушить выпивкой свою печаль, как раньше. Сердечная боль уже прошла. Я давно забыл эту горничную, и теперь все в порядке. На самом деле я наслаждаюсь любовью со зрелой женщиной – артисткой и певицей.

Ферхат. Когда сбор счетов за электроэнергию был приватизирован, я никогда не преследовал бедняков, делавших незаконные соединения в обход счетчика. Вместо этого я следил за бессовестными богачами. Так что я держался подальше от кварталов гедже-конду и дальних заброшенных районов, где, сидя на одном хлебе и воде, безработные мужчины жались под одним одеялом со своими женами и тремя голодными детьми и люди должны были или украсть немного энергии для своего единственного электрообогревателя, согревавшего им дом и жизнь, или замерзнуть насмерть зимними ночами.

Но когда я находил людей, живших в восьмикомнатных домах прямо на Босфоре, с горничными, поварами, водителями, но все равно не плативших за свет, я отрубал им электричество. Однажды в квартире одного старинного дома, которому было лет восемьдесят и в котором когда-то жили богатые греки, я нашел человека, собравшего в нескольких комнатах шестьдесят девочек из бедных семей: девчонки пришивали там молнии на платья и куртки от зари до зари. Когда я поймал этого барыгу на воровстве электричества, я был безжалостен. Я проверял духовки в дорогом ресторане, из которого был виден весь город; ткацкие станки текстильного барона, который экспортировал рекордное количество тканей для штор; строительные краны одного подрядчика-лаза с Черного моря, который похвалялся, что он так далеко ушел от своей деревни, что теперь строит четырнадцатизэтажные здания; и, когда я уличал их в воровстве электричества, я не колебался. Я отключал им свет, я забирал их деньги. В электрокомпании «Семь Холмов Электрик» было много молодых идеалистов вроде меня, готовых наказывать богатых и щадить бедняков. Я многому научился у них.

Сулейман. Я разговаривал с владельцами ночных клубов, которые хорошо разбираются в музыке, чтобы мир мог узнать о таланте Махинур. Клуб «Солнечный свет» – лучший из многих. Время от времени я не мог удержаться от того, чтобы не прогуляться мимо магазинчика бузы наших оборотистых родственничков. Не поймите меня неправильно: вовсе не для того, чтобы побаловать свое раненое сердце или чего-то в этом роде;

просто ради смеха, конечно.

Ферхат. Пойманные богачи не оплачивали счета, потому что им либо было на все наплевать, либо их счета иногда пропадали на почте. Таким образом, долги богачей росли ежеминутно. Самым быстрым способом преподать подобным людям урок было просто отрезать им провода, даже не постучавшись в дверь. В те времена, когда электричество поставляло государство и посылало своих инспекторов для сбора платежей и предупреждения должников о предстоящем отключении, богатые просто говорили: «Ох, дорогой мой, похоже, я забыл заплатить!» – и отмахивались от угроз. В редких случаях, когда честный инспектор отключал электричество, эти ублюдки бежали в Главное управление по электроснабжению на Таксима и, вместо того чтобы заплатить, звонили какому-нибудь знакомому политику. В результате бедного инспектора выкидывали с работы. Но когда электроснабжением стала заниматься банда безжалостных капиталистов, все эти богатые сволочи начали бояться нас. Мои начальники были родом из Центральной Анатолии – из Кайсери – и никогда не придавали значения крокодиловым слезам избалованных стамбульских богатеев. Если я хотел показать богачам их настоящее место, я отключал им электричество вечером в пятницу, как раз перед выходными. Проведя два дня в темноте, они очень быстро приучались уважать закон и оплачивать свои счета. В прошлом году Курбан-байрам был близко к Новому году, так что в преддверии длинных, десятидневных, выходных я решил преподать урок очередным богатым должникам.

После четырех часов я спустился в подвал дорогого многоквартирного дома в Гюмюшсую. Ржавые счетчики всех двенадцати квартир скрипели, как старые стиральные машины, в самом темном и дальнем углу узкого, пыльного коридора. Я спросил привратника:

– В одиннадцатой кто-нибудь дома?

– Хозяйка, – сказал привратник. – Эй, братец, что ты делаешь, не отключай их!

Я не слушал его. У меня заняло меньше двух минут достать из своей сумки для инструментов отвертку, пару кусачек и пару специальных гаечных ключей. Счетчик квартиры номер одиннадцать перестал трещать.

– Поднимись вверх примерно через десять минут, – велел я привратнику. – Скажи, что я поблизости и что ты знаешь, где меня найти. Я буду в кофейне внизу спуска.

Пятнадцать минут спустя привратник пришел в кофейню и поведал, что ханым-эфенди очень расстроена и ждет меня. «Скажи ей, что я занят,

но постараюсь зайти попозже», – ответил я. Однако задумался. Зимой темнота наступает очень рано.

– Господин, ханым-эфенди очень обеспокоена. Она ждет гостей вечером, – продолжал привратник.

Естественно, люди всегда беспокоятся, когда им отключают электричество. Жены звонят мужьям; кто-то становится агрессивным, кто-то использует мягкий подход. Некоторые без всяких рассусоливаний предлагают взятку: «Может быть, я могу заплатить штраф вам прямо сейчас наличными?» Когда вы отвергаете их предложение, они поднимают цену. У дамы из одиннадцатой квартиры накопился большой долг за свет, а с учетом инфляции он вырос в двадцать раз. Так что если ей не удастся убедить меня, то ей с мужем и детьми предстоит провести десять самых холодных дней зимы без света.

Выйдя из кофейни, я направился назад к тому дому. Я вошел в лифт с деревянными дверями и сеткой с потертой старой позолотой и весело ждал, пока он со скрипом вез меня наверх, к квартире номер одиннадцать.

Сулейман. В один морозный день ближе к концу февраля я наконец-то зашел к «Своикам» как обычный покупатель.

– Продавец, буза у вас сладкая или кислая?

Мевлют сразу узнал меня.

– Ах, Сулейман! – воскликнул он. – Рад тебя видеть!

– Надеюсь, у вас все хорошо, дамы, – обратился я к Райихе и Самихе с фамильярностью старого друга, который просто проходил мимо.

– Добро пожаловать, Сулейман, – сказала Райиха, занервничав, что я могу что-то устроить.

– Слышал, ты теперь замужем, Самиха. Поздравляю, наилучшие пожелания.

– Спасибо, Сулейман.

– Это было десять лет назад, – сказал Мевлют. – Тебе потребовалось столько времени, чтобы пожелать Самихе добра?

Выходит, Мевлют-эфенди был счастлив в этом маленьком магазинчике с двумя женщинами. «Осторожнее, – хотелось мне сказать, – тебе лучше внимательно следить за этим заведением, ты же не хочешь, чтобы оно лопнуло, как „Бинбом“». Но я сдержался.

– Десять лет назад мы были всего лишь компанией горячих молодых парней, – сказал я. – В том молодом и буйном возрасте легко потерять голову из-за вещей, о которых спустя десять лет даже не вспомнишь. Я хотел принести тебе свадебный подарок, Самиха, но Ведиха не давала

мне ваш адрес, только сказала мне, что вы живете где-то далеко, в квартале Гази.

– Они теперь переехали в Джихангир, – сообщил идиот Мевлют.

– Спасибо, буза у вас очень-очень вкусная, – сказал я, сделав глоток из поданного ими стакана. – Я возьму немного с собой.

Я попросил налить целую бутылку. Своим визитом я показал, что справился со своим наваждением. Но главной моей целью было предупредить Мевлюта. Когда он вышел проводить меня, я крепко обнял его и сообщил:

– Скажи Ферхату, пусть ходит осторожно.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Мевлют.

– Он знает.

3. Электрическая страсть Ферхата

Давай сбежим отсюда

Коркут. Однокомнатный дом – вот и все, что мой покойный дядя Мустафа сумел построить на земле, которую огородил с моим отцом на Кюльтепе еще в 1965 году. Мевлют приезжал из деревни, чтобы помочь ему, но дело далеко не пошло, и вскоре они выдохлись. Мы на нашем участке на Дуттепе начали с двухкомнатного дома. Мой отец посадил в саду тополя, как у него было в деревне; могу поспорить, что их теперь видно от самого Шишли. Когда моя мать в 1969 году уехала из деревни к нам на Дуттепе, мы за ночь добавили маленькую красивую комнату, а потом еще одну, в которой я слушал по радио лошадиные бега. В 1978 году, примерно в то время, когда я женился на Ведихе, мы пристроили к дому гостевую комнату и еще одну большую комнату с собственным туалетом, и очень скоро наш разрастающийся дом стал как дворец. В нашем царском саду было даже две шелковицы и фиговое дерево, которые выросли сами по себе. Вокруг сада мы построили стену и поставили железные ворота.

Хвала Всевышнему, семейный бизнес процветал, так что шесть лет спустя (официальное свидетельство о праве собственности на землю у нас уже было) мы решили добавить к дому целый новый этаж, ведь все соседи на холмах уже сделали это. Мы построили лестницу прямо на второй этаж снаружи дома, так что матери теперь не приходилось постоянно волноваться, куда пошла Ведиха и вернулись ли домой мальчишки. Вначале маме, папе и Сулейману не терпелось переселиться наверх, где все было новым и откуда открывался вид получше. Но вскоре родители спустились вниз; наверху было слишком просторно, слишком пусто, слишком холодно и слишком одиноко. По требованию Ведихи я установил на втором этаже ванную с синей фаянсовой плиткой и самую новую, самую дорогую сантехнику, но она все равно не переставая пилила меня: «Давай переедем в город». Я ей неизменно отвечал: «Дуттепе считается Стамбулом», но это было все равно что разговаривать с кирпичной стенкой. Некоторые ублюдки из богатых семеек, которые ходили в среднюю школу в Шишли с Бозкуртом и Тураном, дразнили их, что они живут в районе гедже-конду. «Мои родители никогда не переедут в Шишли. У них здесь сад с замечательной прохладой, их бакалейный магазин, их куры и их деревья, – говорил я. – Мы что, оставим их здесь одних?»

Ведиха ругалась по поводу любой ерунды: за то, что я прихожу домой поздно, за то, что уезжаю по делам на десять дней, и ревновала меня к косоглазой женщине с крашеными волосами, работающей в нашем офисе в Шишли.

Это правда, что иногда я исчезал на десять дней или на две недели, хотя дела строительства этого не требовали. Мы ездили в Азербайджан. Тарык и еще несколько друзей-националистов из нашего старого движения пантюркистов ругались: «Правительство поручило нам это святое дело, но у нас нет никаких денег». Из Анкары передали, что им надо найти спонсоров для нашего переворота среди частных предпринимателей. Как я мог сказать «нет» этим патриотам, которые пришли просить моей помощи? В России коммунизм кончился, но азербайджанский президент Алиев был членом КГБ и советского Политбюро. Так что хотя он и был тюрком, но единственное, чего он хотел для соотечественников, – только чтобы они подчинялись руководству русских. У нас было несколько секретных встреч с кое-какими военачальниками в Баку. Абульфаз Эльчибей был первым демократически избранным азербайджанским президентом. Он набрал большинство голосов славного азербайджанского народа (азербайджанцы на самом деле турки с небольшой долей русских и персидских кровей), но он был свергнут обычным для КГБ переворотом и, оскорбленный, вернулся в свою деревню. Он страдал от предателей, которые отдали врагу победу в войне против Армении; он устал от некомпетентности окружавших его и от русских шпионов, которые привели его к падению. Он отказался встречаться с нами, потому что подозревал и в нас русских агентов, так что Тарык и я убивали время в барах и гостиницах Баку. Еще до того, как мы получили возможность поехать в деревню к Эльчибею, чтобы выразить наше уважение этому великому человеку и сказать ему: «Америка на нашей стороне, будущее Азербайджана связано с Западом», мы получили известие, что планы нашего турецкого переворота провалились. Кто-то в Анкаре запаниковал и сообщил Алиеву, что мы приехали свергнуть его правительство. Мы также узнали, что Эльчибей был под домашним арестом и даже не мог выйти в свой собственный сад, не говоря уже о том, чтобы присоединиться к нашему перевороту. Так что мы поспешили в аэропорт и вернулись в Стамбул.

Вот чему эта поездка с приключениями научила меня: верно, что весь мир против турок, но самые главные враги турок – это сами турки. Все равно моя готовность присоединиться к делу уже укрепила мои позиции в правительстве и в партии. Между тем Сулейман пользовался моей занятостью, чтобы делать то, что он хотел делать.

Тетя Сафийе. Мы с Ведихой так и не смогли найти ему подходящую девушку. Сулейман больше не приходит домой. Мы растеряны и беспокоимся, что случится что-то нехорошее.

Райиха. Холодным зимним вечером, когда в магазине были клиенты, Ферхат пришел помочь, и мы с Самихой повели девочек к ним. Девочки любили свою тетю за легкость языка; за ее обширные познания о звездах кино и телевидения, например о том, кто с кем сбежал; за ее советы (она советовала одной: «Причесывай волосы вот так», а другой: «Заколи заколку вот так»). На обратном пути домой девочки так усердно подражали ей, что у меня чуть не вырвалось: «Не превращайтесь в свою тетю», но я сдержалась, ведь мне не хотелось выглядеть завистливой. Мне очень хотелось выяснить: когда Мевлют и Самиха одни в магазине, смотрят ли они друг на друга по-настоящему или прикидываются, что их взгляды случайно встретились в зеркале. Часто я чувствовала, что яд ревности проникает в мое сердце, и бралась читать стопку армейских писем от Мевлюта.

Вчера, когда я выходила из магазина, Мевлют улыбнулся самой нежной улыбкой, но я не поняла, мне он улыбнулся или Самихе, и тайное подозрение, что он мог предназначать улыбку моей сестре, начало пожирать мою душу, так что, как только вернулась домой, я открыла одно из его писем. «Ни на какие глаза я больше не взгляну, никакому лицу я больше не улыбнусь, ни перед чьим порогом больше умолять не стану! – писал он. – Твои глаза пленили меня, как магнит притягивает металл, я стал твоим пленником, Райиха, всего один твой взгляд сделал меня твоим вечным рабом».

Иногда Мевлют бросал кому-нибудь из нас: «Вымой-ка эти грязные стаканы!» – таким тоном, каким разговаривает с прислугой хозяин ресторана. Если он просил меня, я злилась на него за то, что он поручает грязную работу мне, а не Самихе, но, если он просил Самиху, расстраивалась, что он подумал о ней первой.

Мевлют знал, что я ревную. Он старался избегать оставаться в магазине наедине с Самихой или проявлять излишний интерес к ней. «Если он так осторожен, ему, должно быть, есть что скрывать!» – думала я и все равно ревновала. Однажды Самиха сходила в магазин игрушек и принесла моим девочкам водяной пистолет, будто мальчикам. Вечером дома Мевлют начал с ними играть. На следующий день, когда девочки ушли в школу, а Мевлют в магазин, я начала искать пистолет, чтобы

выкинуть его (они изрядно и меня забрызгали), но не смогла найти – Фатьма унесла его в портфеле в школу. На следующую ночь, пока все спали, я достала его и хорошенько спрятала. В другой раз Самиха принесла нам куклу, которая пела песни и моргала. Фатьме почти двенадцать, ей уже неинтересно играть в куклы, подумала я, но ничего не сказала. Девочки эту куклу почти не замечали. А потом кто-то ее, должно быть, куда-то задевал.

Главную боль, однако, причиняло то, что я все время гадала, не находятся ли прямо сейчас Мевлют с Самихой в магазине наедине? Я знала, что ошибаюсь, но не могла выкинуть эту мысль из головы, потому что Сулейман, который знал все сплетни Бейоглу, рассказал Ведихе, что Ферхат приходит домой очень поздно и топит свою печаль в барах по всему городу, как это делают в кино мужчины, сердце которых разбито.

Ферхат. Старый лифт – позолоченная клетка с зеркалом – остановился. Я все еще помню тот день, который теперь кажется далеким, как сновидение. Отключив у очередных должников электричество, я всегда находил особое удовольствие в том, чтобы постучаться к ним в дверь вместо того, чтобы звонить, вроде какого-нибудь мушкетера, пришедшего удовлетворить честь в историческом фильме.

Дверь открыла горничная и сказала, что у ханым-эфенди лежит в постели больная дочка с температурой (это самая популярная ложь), но ханым-эфенди выйдет ко мне через минуту. Я сел на стул, который горничная подала мне, и принялся любоваться видом Босфора. Причина моего будущего счастья вошла в комнату, как луч света, одетая в черные джинсы и белую блузу.

– Здравствуйте, инспектор. Эрджан, наш привратник, сказал мне, что вы желали встретиться.

– Мы больше не правительственные инспекторы, – сказал я.

– Вы не из комитета по электроснабжению?

– Электричество теперь приватизировано, госпожа...

– Вот как!

– Я был вынужден отключить вам электричество. У вас есть неоплаченные счета.

– Благодарю вас. Пожалуйста, не беспокойтесь. Это не ваша вина. Вы просто следуете своим инструкциям, вне зависимости, работаете ли вы на правительство или на частную компанию.

Я смолчал. Я влюбился мгновенно и не мог думать ни о чем, кроме того, как быстро это произошло. Я собрал остаток сил.

– К сожалению, мне пришлось опечатать счетчик внизу, – солгал я. –

Если бы я знал, что ваша дочь больна, я бы никогда вас не отключил.

– Ну что теперь об этом говорить, инспектор, что сделано, то сделано, – сказала она.

– Десятидневный национальный праздник официально начнется через двадцать минут, – напомнил я, посмотрев на часы.

– Господин инспектор, – сказала она строго, – боюсь, я за всю жизнь не давала взятки никогда и никому, и я не выношу тех, кто делает это. Я живу, чтобы быть примером своей дочери.

– Как бы то ни было, госпожа, – сказал я, – таким людям, как вы, надо понять, что те инспекторы, о которых вы составили неправильное мнение, на самом деле ценят свою честь больше, чем вы можете себе представить.

Я пошел к двери, кипя внутри, понимая, что женщина, в которую я влюбился, никогда не скажет: «Стойте». В ту минуту я уже знал, что моя любовь безнадежна.

– Посмотрите на всех здешних людей, господин инспектор, – сказала она мне в спину. – Вы лучше меня знаете, что эти десять миллионов собрались здесь в Стамбуле ради хлеба насущного, гоняясь за прибылью, собирая свои счета и проценты. Но только одна вещь может сохранить личность – это любовь.

Она ушла, прежде чем я успел повернуться. В этих старых домах уличным торговцам и инспекторам по счетчикам не разрешается пользоваться старинными лифтами, чтобы спускаться. Так что я шагал вниз по лестнице, обдумывая произошедшее.

Я спустился в душный цоколь, в самый конец коридора. Моя рука протянулась опечатать счетчик, который я уже отключил. Но мои шустрые пальцы сделали ровно противоположное, и в следующую минуту провода, что я обрезал, были сплетены друг с другом. Счетчик квартиры номер одиннадцать ожил.

– Хорошо, что ты вернул им электричество, – сказал привратник Эрджан.

– Почему?

– Любовник ханым-эфенди – знаменитый Сами из Сюрмене, который очень влиятелен в Бейоглу. У него повсюду глаза и уши... Он бы доставил тебе проблем. Эти черноморцы просто мафия.

– Нет никакой больной дочери, да?

– Какой дочери? У человека из Сюрмене жена в деревне и взрослые сыновья. Сыновья про ханым-эфенди знают, но ничего не говорят.

Райиха. Однажды вечером после ужина, когда я смотрела телевизор

с девочками у Самихи, пришел Ферхат и очень обрадовался, увидев нас вместе.

– Твои дочки растут с каждым днем! Посмотри на себя, Фатьма, ты уже молодая девушка! – сказал он.

– Девочки, уже поздно, нам пора домой, – обратилась я к девочкам, но он перебил:

– Не уходите, Райиха, побудьте еще немного. Мевлют способен просидеть в магазине хоть до ночи, дожидаясь какого-нибудь пьяного, чтобы подать ему стакан бузы.

Мне не понравилось, в каком тоне он говорит о Мевлуте перед девочками.

– Ты прав, Ферхат, – сказала я. – То, чем мы зарабатываем себе на пропитание, кажется, стало развлечением для других. Идемте, девочки.

Мы вернулись поздно, и Мевлют был сердит.

– Ты не должна ни шагу делать на проспект Истикляль, девушкам туда нельзя, – ругался он. – И ты не должна выходить из дому, когда стемнеет.

– Ты знаешь, что девочек у тети угощают фрикадельками, бараньими котлетами и жареной курицей? – выпалила я. Обычно я никогда не говорю ничего подобного, опасаясь гнева Мевлута, но тут, должно быть, Аллах вложил эти слова мне в уста.

Мевлют обиделся и не разговаривал со мной три дня. А мы с девочками перестали ходить к тете Самихе и по вечерам просто сидели дома. Когда я чувствовала уколы ревности, то брала свое рукоделие. Но ничто не могло угасить мой гнев!

– Мевлют больше не разрешает нам ходить к вам, Самиха... Приходи ты к нам, пока он в магазине, – сказала я однажды сестре.

Вот так Самиха начала приходить к нам по вечерам с сумками котлеток и хрустящих лепешек с фаршем. Вскоре я начала гадать, приходит ли Самиха, чтобы просто повидать моих дочерей, или она надеется дождаться Мевлута.

Ферхат. Вернувшись на улицу, я понял, что в той квартире номер одиннадцать я оставил уверенность в себе. Я влюбился и был обманут. Я пожалел, что так и не отключил этой ханым-эфенди электричество. Привратник называл ее так, хотя из счетов за электричество я знал, что ее зовут Сельвихан.

Я начал предаваться мечтам, в которых моя Сельвихан становилась жертвой этого мафиози, а я спасал ее. Парню вроде Сулеймана, чтобы влюбиться в женщину, надо увидеть ее полуголой на полосе воскресной

газеты, предназначенной для сексуально озабоченных мужчин. Мевлюту важно вообще не знать девушку, тогда ему будет достаточно беглого взгляда, чтобы разжечь фантазии. Но для такого человека, как я, чтобы влюбиться в женщину, надо почувствовать, что я играю с ней партию в шахматы на доске жизни. Мои начальные ходы, согласен, были несколько дилетантскими. Но я задумал гамбит, чтобы завоевать эту Сельвихан. Я знал одного парня в нашем департаменте учета и контроля, опытного, общительного товарища, который любил раки, и с его помощью я начал просматривать самые последние чеки и банковские переводы, касающиеся моей новой возлюбленной.

Помню, как проводил ночи, глядя на мою Самиху, красивую, как роза в цвету, и думая – отчего человек с такой женой теряет голову из-за любовницы какого-то бандита, запертой в квартире с видом на море? Иногда по вечерам, после того как мы вдвоем выпивали по стаканчику раки, я напоминал Самихе, что после всего пережитого мы наконец перебрались в сердце города, как и хотели.

– У нас теперь даже есть деньги, – говорил я. – Мы можем делать все, что хотим. Так что же нам делать?

– Давай сбежим отсюда, – отвечала Самиха. – Сбежим куда-нибудь, туда, где нас никто не найдет, где нас никто даже не знает.

Слушая эти слова, я понял, как счастлива была Самиха в те первые несколько месяцев, что мы провели наедине в квартале Гази. Я сохранил связи с некоторыми своими старыми друзьями как из маоистской, так и из просоветской фракций, и всем им, так же как и нам, до тошноты надоела городская жизнь. Если после многолетних мучений им удавалось скопить немного денег, они говорили: «Мы накопим еще немного, а потом уедем из Стамбула на юг». Как и я, они мечтали об оливковых деревьях и виноградниках и о сельском доме в каком-нибудь средиземноморском городке. Мы с Самихой представляли, как живем на ферме на юге, как она наконец беременеет и у нас появляется ребенок.

По утрам я говорил:

– Мы так долго терпели, так долго, теперь мы заработали кое-какие деньги, давай затянем пояса еще ненадолго и накопим чуть больше. Тогда нам хватит на то, чтобы купить большое поле на юге.

– Мне скучно дома по вечерам, – отвечала Самиха. – Своди меня как-нибудь в кино.

Однажды вечером я устал болтать с Мевлютом в магазине, выпил немного раки и отправился к апартаментам в Гюмюшсую. Я позвонил в звонок привратника, словно полицейский, пришедший с арестом.

– В чем дело, шеф? Я думал, это продавец бузы. Все в порядке? – сказал привратник Эрджан, увидев, как я опять осматриваю счетчики. – Да, а те люди из квартиры одиннадцать уже съехали.

Он был прав: счетчик номера одиннадцать был неподвижен. На мгновение мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног.

Я отправился повидаться с любителем раки в офис на Таксиме: он познакомил меня с двумя дряхлыми секретарями, которые присматривали за архивами и старыми рукописными записями. Те два старых мудрых чиновника – одному было семьдесят, другому шестьдесят пять – взяли выходное пособие и уволились только для того, чтобы снова вернуться на то место, где служили сорок лет, теперь уже по контракту с частной компанией, стремясь научить новое поколение инспекторов всем изобретательным уловкам, которые жители Стамбула придумали за восемьдесят лет для того, чтобы обманывать электрическую компанию и ее сотрудников. Увидев во мне молодого предприимчивого человека, они очень захотели показать мне все нити. Они все еще могли вспомнить детали каждой хитрости. Но моей целью были не архивы; мне надо было проверить последние записи. Я не сомневался, что однажды постучу в какую-нибудь дверь в Стамбуле и мне откроет Сельвихан. У каждого в этом городе есть электрический счетчик.

Райиха. Я снова беременна, и я не знаю, что делать.

4. Ребенок – это святое

Наверно, ты будешь счастливее, если я просто умру и ты сможешь жениться на Самихе

Мевлют никогда не забывал историю, которую рассказал ему однажды Ферхат в те дни, когда у них еще был магазин бузы «Свояки».

«В самые тяжелые дни военной диктатуры, последовавшей за переворотом 1980 года, когда люди в Диярбакыре – городе с большой долей курдского населения – глохли от криков пытаемых в тюремных камерах, из Анкары в город приехал человек, похожий на государственного инспектора. В такси по дороге из аэропорта в гостиницу загадочный посетитель спросил таксиста-курда, на что похожа жизнь в Диярбакыре. Водитель сказал ему, что все курды очень рады новому военному правительству, что они смотрят только на турецкий флаг, и больше ни на что, и что все жители очень счастливы теперь, когда все курдские сепаратисты и террористы брошены в тюрьму. „Я адвокат, – сказал гость из Анкары. – Я здесь для того, чтобы защищать тех, кого пытаются в тюрьме и травят собаками за разговоры по-курдски“. Услышав это, водитель немедленно сменил тон. Он подробно рассказал о пытках, применяемых к курдам в тюрьме, о людях, которых живыми сбрасывают в канализацию и которых забивают до смерти. Адвокат из Анкары не удержался, чтобы не перебить его. „Но вы мне только что говорили прямо противоположное“, – сказал он. „Вы правы, господин адвокат, – ответил водитель из Диярбакыра. – То, что я вам говорил раньше, было моей официальной точкой зрения. А сейчас я вам высказываю свое личное мнение“».

Много подобных историй порассказывал Мевлюту его друг. Увы, их дружеские беседы остались в прошлом. Сейчас Ферхат всегда был занят. Может быть, он стал меньше времени уделять магазину, потому что его раздражали моралистические рассуждения Мевлюта. Иногда Мевлют заводил речь про раки или про вино, про распущенность, про ответственность женатых мужчин. Ферхат огрызался: «Ты это вычитал в „Праведном пути“?» Мевлют пытался ему объяснить, что купил эту газету лишь однажды, из-за статьи, в которой было написано про магазин, но Ферхат всегда отмахивался от него. Он также насмехался над рисунком «Иной мир», который Мевлют повесил на стену, с его кипарисовыми

деревьями, надгробиями и божественным светом.

По мере того как исламистские партии набирали голоса и последователей, Мевлют видел, как Ферхат и многие другие леваки и алевиты начинают тревожиться и, наверно, даже бояться. Он сам утвердился во мнении: первое, что сделают исламисты, – это запретят алкоголь, что, в свою очередь, заставит всех понять важность бузы. Об этом Мевлют часто мечтал – то ли в шутку, то ли всерьез. Тем не менее если кто-нибудь в магазине поднимал эту тему, он старался избегать ее.

Мевлют также начал думать, что еще одна причина редких появлений Ферхата, должно быть, связана с теми письмами, которые Мевлют писал из армии. «Если бы кто-то три года писал письма моей жене, мне бы не хотелось видеться с ним каждый день», – говорил он себе.

В один из вечеров Мевлют так рассердился на отсутствие друга, что решил закрыть магазин пораньше и отправиться домой. Дома он понял, что Самиха только что ушла. Она, наверно, начала пользоваться какими-то духами, а может, достигший носа Мевлюта запах шел от новых игрушек, которые она принесла девочкам.

Райиха не выглядела обрадованной его ранним возвращением, как надеялся Мевлют. Вместо этого она вспыхнула и встревоженно спросила мужа, отчего тот вернулся так рано. Мевлют нашел подозрения Райихи необоснованными. В «Свояках» он давно уже избегал оставаться наедине с Самихой, а когда надо было дать женщинам какую-нибудь работу, всегда разговаривал с Райихой с мягкой фамильярностью, а с Самихой более отстраненным, формальным тоном, как со служащими в кафе «Бинбом». Очевидно, этих предосторожностей было недостаточно. К счастью, когда он пришел домой на этот раз, девочки еще не ушли спать, так что Райиха сдержалась, и напряжение спало.

Райиха. Однажды, работая с нашей соседкой Рейхан над приданным для очередной невесты, я смущенно рассказала ей о своих подозрениях. Она встала на мою сторону, заявив, что любая женщина будет ревновать, если ее муж проводит время с такой красавицей, как Самиха. Конечно, это лишь усилило мою ревность. По словам Рейхан, я не должна сдерживать свои чувства и обязана поговорить с Мевлютом и попросить его быть немного тактичнее. Я решила обсудить проблему с мужем. Но все закончилось скандалом.

– Ну и что? – заявил Мевлют. – Я что, не могу в собственный дом приходить, когда мне хочется?

По правде говоря, я с сомнением отнеслась ко многому из сказанного

Рейхан, а считала, что, играя с девочками, Самиха не просто утешала муки бездетности – она еще и растравляла боль и наслаждение РЕВНОСТИ.

– Бесплодной женщины надо бояться, Райиха, в ее молчании скрывается бешеная ярость, – говорила Рейхан. – Когда она в кебабной покупает твоим дочерям фрикадельки, она совсем не так простодушна, как ты думаешь.

В своем гневе я обвинила Самиху в том, о чем говорила Рейхан.

– Ты не должна так говорить о своей сестре, – ответил Мевлют.

Так что же, мой глупенький Мевлют попался в сети Самихи и готов броситься на ее защиту?

– Она БЕСПЛОДНА! – закричала я еще громче.

Мевлют отмахнулся от меня, как будто говоря: «Ты отвратительна».

Я схватила пачку чая «Филиз» и швырнула ему в голову.

– НАВЕРНО, ТЫ БУДЕШЬ СЧАСТЛИВЕЕ, ЕСЛИ Я ПРОСТО УМРУ И ТЫ СМОЖЕШЬ ЖЕНИТЬСЯ НА САМИХЕ! – крикнула я.

Мевлют попытался взять верх:

– ХВАТИТ, ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО!

– Я знаю свое место, и хорошо знаю, и вот почему я больше не хожу в магазин, – сказала я. – Там воняет.

– Что?

– Магазин бузы «Свояки»... ОН ВОНЯЕТ. Меня там тошнит.

– Тебе от бузы плохо?

– Хватит с меня твоей бузы...

Выражение лица Мевлюта стало таким угрожающим, что я испугалась и со слезами крикнула:

– Я БЕРЕМЕННА!

Я не собиралась говорить ему; я собиралась пойти и сделать аборт, но теперь было поздно, так что пришлось продолжить.

– В моем животе твой ребенок, Мевлют. Тебе надо было быть осторожнее, – сказала я, обвиняя его. Я уже жалела, что проговорились, но в то же время мне было приятно видеть, как он смягчился.

О да, Мевлют-эфенди, ты сидел в своем магазине, фантазируя о своей свояченице, с такой самодовольной улыбкой, но теперь все узнают, чем ты занимаешься со своей женой, когда девочки уходят в школу. Все скажут: «Мевлют не теряет времени зря, он молодец!»

А бесплодная Самиха теперь станет ревновать еще сильнее.

Сев рядом со мной на край кровати, Мевлют положил мне руку на плечо и притянул к себе.

– Интересно, мальчик или девочка? – сказал он. – Конечно,

ты не должна ходить в «Свояки» в таком состоянии. Я брошу магазин. Мы от этого только ссоримся. Намного лучше продавать бузу по ночам на улице.

Мы немного поперерекались.

– Это все из-за Самихи, это она себя ведет неправильно, – сказал Мевлют. – Не надо было ей вообще ходить в магазин. Она изменилась, и Ферхат тоже, они больше не такие, как мы, только посмотри, какими духами она пользуется...

– Какими духами?

– Весь дом пропах ими, когда я вернулся прошлым вечером, – сказал он, смеясь.

– Так вот почему ты пришел вчера так рано! – воскликнула я и снова зарыдала.

Ведиха. Бедная Райиха вновь беременна. Однажды утром она пришла на Дуттепе и сказала:

– Ох, Ведиха, мне так стыдно перед девочками. Ты должна мне помочь, отведи меня в больницу.

– Твоим дочерям уже самым замуж пора, Райиха. Тебе тридцать, Мевлюту почти сорок. Что с вами обоими происходит, милая? Вы что, до сих пор не поняли, когда надо это делать, а когда не надо?

Райиха сообщила мне множество интимных подробностей, о которых раньше не считала нужным упоминать, и в конце концов вспомнила про Самиху, найдя несколько поводов поругать ее. Из этого я сделала вывод, что не из-за неосторожности Мевлюта она беременна, а по собственной хитрости.

– Моя дорогая Райиха, дети – отрада семьи, утешение для женщины и самое большое счастье в жизни. Так в чем же беда, роди и этого тоже, – сказала я. – Я иногда так сержусь на Бозкурта и Турана; они так непочтительны. Помнишь, как они мучили твоих девочек? Я годами выходила из себя и раздавала им столько тумачов, но они – основа моей жизни; они моя плоть и кровь. Я умру, если с ними что-нибудь случится, не дай Аллах. Они уже дают прыщи; они так выросли, что не позволяют своей матери даже прикоснуться к ним, даже слегка поцеловать... Если бы у меня появилось еще двое детишек, я бы посадила маленьких себе на колени, я бы целовала их и обнимала, я бы не страдала так, как сейчас. Теперь я хотела бы не совершать всех тех аборт... Множество женщин сходят с ума от раскаяния после аборта, но за всю историю не было женщины, которая сожалела бы о рождении ребенка. Жалеешь ли ты о том,

что дала жизнь Фатьме, Райиха? Жалеешь ли ты о том, что ты родила Февзие?

Райиха заплакала. Она сказала, что Мевлют мало зарабатывает, что он не справился как управляющий и теперь она боится, что магазин бузы тоже прогорит; если бы не шитье, которым она занимается для магазинов белья в Бейоглу, они вряд ли бы дотягивали до конца месяца. У нее не выходит из головы, что она не должна заводить ребенка и надеяться, что Аллах его прокормит. Они вчетвером еле дышат в своей однокомнатной квартире; там уж точно нет места для еще одного.

– Моя дорогая Райиха, – сказала я, – твоя сестра всегда протянет тебе руку помощи в трудную минуту. Но ребенок – это святое; это огромная ответственность. Иди домой и обдумай все еще раз. Я позову Самиху, и мы обсудим все вместе на той неделе.

– Не зови Самиху, я ее не выношу. Я не хочу, чтобы она знала, что я ношу ребенка. Она бесплодна; она позавидует. Я приняла решение. И думать мне тут не о чем.

Я объяснила Райихе, что спустя три года после переворота в 1980 году наш диктатор генерал Кенан Эврен совершил доброе дело, разрешив незамужним женщинам, срок беременности которых меньше десяти недель, делать аборт в больницах. Это пошло на пользу тем отчаянным городским девушкам, которые занимаются сексом до свадьбы. Но замужние женщины должны получить у своих мужей письменное подтверждение, что те согласны на прерывание беременности. Мужчины с Дуттепе часто отказывались подписывать подобное, говоря, что в состоянии прокормить семью, так что после долгих споров с мужьями жены в конце концов рожали четвертого или пятого ребенка. Некоторые доводили себя до выкидыша примитивными способами.

– Даже не думай сделать что-нибудь подобное, если Мевлют не подпишет, Райиха, ты об этом пожалеешь, – сказала я сестре.

Еще я сказала Райихе, что есть мужчины вроде Коркута, которые легко подписывают такие документы. Они находят более удобным поставить свою подпись, чем принимать необходимые меры предосторожности, так что продолжают брюхатить своих жен! После того как был принят закон Эврена, Коркут трижды делал меня беременной. Я три раза делала аборт в клинике «Этфаль».

– Первое, что мы сделаем, Райиха, – это пойдем в управу и возьмем сертификат, который подтверждает, что ты замужем за Мевлютом, потом пойдем в клинику и найдем двух докторов, которые подпишут форму, что ты беременна, и, наконец, возьмем чистый бланк разрешения, которое

должен подписать Мевлют. Хорошо?



Ссора Мевлюта и Райихи разгорелась еще сильнее, но теперь не из-за ревности, а по более деликатному вопросу – надо ли Райихе сохранить ребенка. Супруги не могли говорить об этом в магазине или перед девочками, так что единственной возможностью было утро после ухода дочерей в школу. Мевлют был очень расстроен, когда понял, что Райиха воспринимает его нерешительность как тактику затягивания.

Он предвкушал мальчика и уже начал мечтать о такой возможности. Он назовет его Мевлидхан. Он думал о том, как Бабур^[69] завоевал Индию с помощью троих своих сыновей, у которых были сердца львов, и о том, как четверо верных сыновей Чингисхана сделали своего отца самым грозным повелителем мира. Он все время твердил Райихе, что неудачи его собственного отца в Стамбуле были связаны с отсутствием помощника: когда Мевлют приехал на помощь из деревни, было уже слишком поздно. Но каждый раз, когда Райиха слышала слова «слишком поздно», она могла думать только о десятинедельном пределе для законных аборт.

Эти утренние часы после ухода девочек в школу, ранее бывшие для них временем для радостей любви, теперь были отданы бесконечной грызне и упрекам. Только слезы Райихи могли заставить Мевлюта немного смягчиться и сказать ей: «Все будет хорошо», и в такой момент смущенная Райиха могла ответить, что, может быть, действительно ей лучше оставить ребенка. Но она тотчас же жалела о своих словах.

Мевлют сам гадал – с нарастающей обидой, – было ли решение Райихи прервать беременность ее ответом на его бедность и все его жизненные неудачи. Ему казалось, что если он сможет убедить ее сохранить ребенка, это покажет всему миру, что у них есть все, что нужно в жизни. От этого станет ясно, что они более счастливы, чем даже Акташи, Коркут и Ведиха, у которых только двое детей. У счастливых людей детей много. Богатые и несчастные люди завидуют многодетным беднякам – как те европейцы, которые продолжают твердить, будто Турции надо заняться планированием семьи.

Однажды утром Мевлют поддался настояниям Райихи и ее слезам

и пошел к мухтару местной управы за сертификатом, подтверждающим, что они женаты. Советника, который был еще и агентом по недвижимости, не было в конторе. Опасаясь вернуться к Райихе с пустыми руками, Мевлют немного побродил по улицам Тарлабаши: по старой привычке безработных дней его глаза блуждали по сторонам. За последние десять лет улицы Тарлабаши наполнились пустыми тележками торговцев, некоторые тележки оставались прикованными на цепи даже днем. Мевлют подумал о том, что с тех пор, как он перестал продавать бузу по ночам, он чувствует тесноту в груди.

Он посидел с чашечкой чая и немного поговорил о религии и о новом мэре с курдским торговцем металлоломом, который поженил его с Райихой тринадцать лет назад. Теперь на улицах Бейоглу было еще больше баров с выставленными на тротуары столиками. Он спросил торговца металлоломом про аборт. «В Коране сказано, что это великий грех», – сказал торговец, пускаясь в подробные объяснения, но Мевлют не слишком серьезно слушал его. Если бы это действительно был ужасный грех, почему так много людей все время делают аборт?

Но было кое-что из сказанного торговцем, что засело в голове у Мевлюта: души детей, вырванных до рождения из материнских утроб, живут в раю на деревьях, перепрыгивая с ветки на ветку, словно осиротевшие птицы, и неустанно скачут, как крохотные белые воробьи. Он не сказал об этом разговоре Райихе, опасаясь, что она не поверит, будто он не застал мухтара на месте.

Когда он пришел снова четыре дня спустя, мухтар сказал ему, что паспорт его жены просрочен и что, если Райихе надо получить какую-либо услугу от государства (Мевлют не уточнял, какую именно услугу), она должна прийти за новым паспортом. Такие вещи всегда пугали Мевлюта. Главный урок его покойного отца состоял в том, чтобы держаться подальше от правительственных записей и тех, кто их ведет. Мевлют никогда не платил государству никаких налогов. За это государство забрало его белую тележку для плова и уничтожило ее.

Убедившись, что муж в конце концов подпишет разрешение, которое требуется для аборта, Райиха устыдилась, что покинула его в магазине, так что с начала апреля она вновь начала появляться в «Свояках». Однажды там ее вырвало. Мевлют убрал следы, прежде чем их мог заметить кто-то из покупателей. Райиха больше туда не возвращалась.

Супругами было решено, что днем, после школы, Фатма и Февзие будут ненадолго заходить в «Свояки» помогать мыть стаканы и наводить чистоту. Райиха затруднилась объяснить им, почему она сама не может

помогать отцу. Чем меньше людей будет знать про ее ребенка – включая дочерей, – тем проще будет от него избавиться.

Мевлют велел детям мыть стаканы и убирать со столов, но он был слишком заботливым отцом, чтобы позволить им обслуживать покупателей и брать деньги, да и вообще заговаривать с кем-либо.

Фатьма была поумнее сестрички. Она знала, сколько стоят еда и одежда и что продается в каждом магазине; она знала, какие люди приходят в «Свояки», какая обстановка на улице. Она знала привратника, который продавал контрабандный товар через нищего на углу, знала, что ее мать дома одна, и знала даже то, что ждет бизнес ее отца. Она была полна покровительственной любви к нему, и Мевлют глубоко это чувствовал. Как он часто с гордостью говорил Райихе, если его магазин когда-нибудь стал бы успешным предприятием, он бы со спокойной душой оставил его в двенадцатилетних руках дочери.

Февзие в свои одиннадцать была еще ребенком: она ненавидела мыть, убирать, протирать и всегда находила причины увильнуть от работы. Мевлют пытался быть с ней строгим, но ему было трудно сохранять суровость на лице, ведь он знал, что это бесполезно. Мевлют любил болтать с младшенькой, обсуждая с ней заходивших покупателей.

Некоторые, не успев сделать глоток бузы, уже заявляли, что она им не нравится, и требовали деньги назад. Такой маленький инцидент мог дать Мевлюту и Февзие пищу для разговоров на два или три дня. Мевлюту нравилось подбирать забытую или оставленную покупателем газету и просить одну из дочерей почитать отцу вслух. Слушая, он удовлетворенно улыбался. Иногда он останавливал чтение, если что-то привлекало его внимание, и сразу же объяснял прочитанное. Таким образом, газета помогала ему преподавать дочерям небольшие уроки жизни, нравственности и ответственности.

Иногда одна из девочек со смущением рассказывала ему о своих текущих трудностях (учитель географии придирается к ней, или ей нужны новые туфли, потому что те, что есть, уже разваливаются, или она не хочет больше надевать старое пальто, потому что другие девочки смеются над ним), и, когда Мевлют понимал, что он никак не может помочь, он говорил: «Не переживай, все пройдет» – и постоянно завершал наизидание следующим советом: «Пока ты хранишь свое сердце в чистоте, ты всегда в конце концов получишь то, что хочешь». Однажды ночью он подслушал, как дочери смеются над его привязанностью к одной-единственной мудрости насчет чистоты сердца, но не рассердился на эти маленькие дерзости.

Каждый вечер, перед тем как темнело, Мевлют оставлял магазин без присмотра на несколько минут, брал за руку дочь, чья очередь была помогать ему в этот день, переводил ее через необъятные толпы проспекта Истикляль на сторону Тарлабаши, следил, пока она не скрывалась из виду, а затем спешил обратно в «Свояки».

Однажды вечером, проводив Фатьму и вернувшись, он увидел Ферхата.

– Люди, которые отдали нам эту старую греческую лавку, присоединились к нашим врагам, – сказал Ферхат. – Цены на недвижимость и аренду растут в этом месте, мой дорогой Мевлют. Можно продавать здесь все, что пожелаешь, – носки, кебабы, белье, яблоки – и все равно зарабатывать вдесятеро больше, чем имеем мы с дорогой тебе бузы.

– Мы, в сущности, толком ничего не зарабатываем... – грустно согласился Мевлют.

– Вот именно. Я бросаю лавку.

– Что ты имеешь в виду?

– Нам придется закрыть ее.

– А что, если я останусь? – спросил Мевлют неуверенно.

– К тебе придут бандиты. Они потребуют с тебя оброк... И если не заплатишь, заставят тебя сильно пожалеть об этом...

– Почему бандиты не приходят к тебе?

– Я держу дома, которые курируют бандиты, подключенными к сети, так что оставленные греками особняки приносят хоть какую-то пользу для подобных ребят. Если ты заберешь все прямо сейчас, ты ничего не потеряешь. Забирай, продавай или делай с нашим имуществом все, что хочешь.

Мевлют сразу закрыл лавку, купил в бакалее маленькую бутылку раки и пошел домой ужинать с Райихой и девочками. С таким видом, будто он сообщает замечательную новость, Мевлют объявил, что будет снова продавать бузу на улицах по ночам. Он рассказал, что после долгих размышлений они с Ферхатом решили закрыть лавку. Не скажи Райиха: «Помоги нам всем Всевышний», дочери не поняли бы, что услышали плохую новость. От слов жены Мевлют пришел в раздражение:

– Не припутывай к этому Всевышнего, пока я пью раки. Все будет отлично.

На следующий день Фатьма и Февзие помогли отцу перенести всю кухонную утварь из лавки домой. Мевлют был возмущен, когда старьевщик из Чукурджумы предложил ему жалкие гроши за стойку, стол и стулья,

так что он искал знакомого столяра, но тот предложил за рухлядь еще меньше, чем предлагал старьевщик. Мевлют принес домой меньшее из двух зеркал. Второе, более тяжелое, в серебряной раме, которое купил Ферхат, он велел Фатьме и Февзие отнести в дом к тете. Рамку с вырезкой из «Праведного пути» и рисунок кладбища с надгробиями, кипарисовыми деревьями и лучами света Мевлют повесил рядом на стене за телевизором. Созерцание рисунка «Иной мир» вселяло радость в душу Мевлюта.

5. Мевлют становится охранником на парковке

Вина и удивление

После провала в кафе «Бинбом» Мевлют знал, что не может просить семейство Акташ найти ему новую работу. Он приготовился отложить обиду в сторону и позволить Ферхату облегчить свою совесть помощью – но Райиха не хотела об этом и слышать: она кляла Ферхата за закрытие лавки и неустанно повторяла, что он плохой человек.

По вечерам Мевлют продавал бузу, а по утрам обходил своих знакомых в городе в поисках какой-нибудь работы. Когда метрдотели и управляющие ресторанами, которых он знал годами, предлагали ему место старшего смены или кассира, он вел себя так, будто собирается серьезно обдумать их предложение, но на самом деле искал работу, которая позволила бы ему работать поменьше и зарабатывать побольше, оставляя достаточно времени и сил на продажу бузы по вечерам.

Однажды в середине апреля Мохини, который старался помочь другу с самого закрытия «Свояков», сказал, что Дамат, их старый школьный приятель, ждет его в офисе своего рекламного агентства на Пангалты.

Когда Мевлют появился, одетый в свой лучший костюм, Дамат встретил его церемонным рукопожатием. Два старых друга даже не обнялись. Тем не менее Дамат представил его своей миловидной, улыбчивой секретарше («Они, должно быть, любовники», – подумал Мевлют) как «очень достойного и очень смышленного человека» и как «большого друга». Секретарша хмыкнула от мысли, что ее состоятельный буржуазный начальник может быть другом гостю, который явно беден и явно бестолков. Мевлуту любезно предложили заведовать чайным киоском под лестницей на четвертом этаже, но Мевлют, оскорбленный тем, что ему придется весь день подавать чай подчиненным своего гипотетического босса, немедленно отказался. Однако он моментально согласился на другое предложение – присматривать за корпоративной парковкой на заднем дворе офиса Дамата.

На парковку можно было попасть с улицы, которая проходила за зданием; задачей Мевлута было не пропускать не имевшие разрешения машины и охранять место от банд, которых обычно называли «парковочной мафией».

За последние пятнадцать лет такие банды, состоящие из пяти или шести мошенников, которые часто были родом из одной деревни,

появились по всему городу. Приметив какую-нибудь дорогу, угол на улице, пустой участок, то есть любое место в центре Стамбула, где парковка не была запрещена, негодяи заявляли свое право владения – с ножами и пистолетами, если потребуется; требуя оплаты от любого, кто хотел припарковаться там, и наказывая тех, кто артачился, они разбивали фары, прокалывали шины или царапали гвоздем новые машины, которые хозяева привезли из Европы за большие деньги. За те шесть недель, что Мевлют провел охранником парковки, он был свидетелем бесчисленных споров, ругани и драк с людьми, которые отказывались платить: некоторые считали плату возмутительно высокой; другие говорили: «Ты кто такой, откуда ты, почему я должен платить тебе за право парковаться перед домом, в котором живу сорок лет?» Были и такие, кто искал другие отговорки: «Если я заплачу, вы дадите мне чек?» Путем убедительной дипломатии и хитрых уверток Мевлют смог остаться в стороне от этих споров, установив с самого начала четкую границу между территорией рекламного агентства и улицей, где очередная банда занималась своим вымогательством.

Несмотря на склонность к насилию, наглость, жестокость и разрекламированную привычку ломать людям машины, стамбульские легионы парковочных банд предоставляли беспечным городским богачам неоценимую услугу. Когда поток машин сбивался в огромную пробку, в которой было невозможно найти место, богатый водитель мог остановиться на тротуаре или даже посреди дороги и доверить свою машину «мальчику» – тот следил за ней, чистил стекла и мог даже полностью, до блеска, вымыть всю машину за небольшую дополнительную плату. Когда молодые, наглые члены местной банды влезали к Мевлюту, чтобы припарковать какую-нибудь машину на его территории, он смотрел в сторону, поскольку Дамат ясно дал понять, что не хочет «никаких проблем». Это делало работу легче. С помощью полицейского Мевлют останавливал движение, когда Дамат или кто-нибудь из его работников приезжал утром и уезжал вечером; он давал ободряющие советы паркующимся («Еще немного влево» или «У вас полно места сзади») и открывал дверцы важным персонам (для Дамата это всегда делалось в товарищеском духе). Покровительство Дамата позволило Мевлюту получить стул, который был установлен в том месте, которое называли воротами, хотя там не было никаких ворот. Мевлют большую часть времени проводил, сидя на этом стуле и следя за движением по улице; за двумя привратниками, что стояли, разговаривая друг с другом, перед своими домами; за нищим, который время от времени приходил с главной улицы, где он демонстрировал свою искаленную ногу; за трудолюбивым

учеником одного бакалейщика из Самсуна; за обычными прохожими; за окнами на окружающих домах и за бродячими кошками и собаками. Он также болтал с самым молодым членом местной парковочной банды, которого товарищи насмешливо называли «мальчик».

Самым удивительным в Кемале, парковщике из Зонгулдака, было то, что, пусть даже он был глуповатым и чересчур много болтал, Мевлют все сказанное им находил интересным. Секрет привлекательности Кемала был в свободном потоке откровенности о самых интимных подробностях его ежедневной жизни: о его сексуальных склонностях; о яичнице с сосисками и о том, что он ел вчера на ужин; о том, как его мать в деревне стирала белье; о том, как он поссорился с отцом, и даже о том, что он чувствовал, глядя на любовную сцену по телевизору прошлой ночью. Эти личные истории часто перемежались высказываемыми без всякой надобности мнениями о политике, бизнесе и местных делах: так, Кемаль не моргнув глазом утверждал, что половина мужчин, работавших в рекламном агентстве напротив, педики, а половина женщин – лесбиянки; весь Пангалты принадлежит армянам, и однажды они с помощью американцев потребуют все назад; мэр Стамбула тайно владеет долей в компании, которая делает автобусы с резиновым сцепом посередине (стамбульцы называли такие автобусы «гусеницами»).

Мевлют всегда чувствовал нотку угрозы в лакейском хвастовстве: тот богатый ублюдок, что припарковал «мерседес» на территории Кемала, даже не подумав отдать бедняге немножко мелочи за беспокойство, не думает ли он, что может вернуться и не найти своей машины? А те скряги, что отказываются платить парковочный сбор (который, кстати, меньше, чем цена пачки «Мальборо») и угрожают пожаловаться на его банду в полицию, – они что, не понимают, что половина денег уходит полицейским? Придурки, готовые всыпать скромному парковщику, даже не догадываются, что за три часа с момента, как они оставят машину, аккумулятор, дорогую коробку передач и кондиционер их нового «БМВ» поменяют на хлам. И это еще ничего: банда из черноморского городишки Юние однажды за полдня сумела заменить двигатель «мерседеса» 1995 года на снятый со старого драндулета. Сделали они это так ловко и быстро, что вернувшийся владелец оставил парковщику еще и очень большие чаевые за то, что тот вымыл ему машину. Но Мевлуту было не о чем беспокоиться: на машины, находившиеся под его ответственностью, у банды не было никаких планов. Взамен Мевлют всегда разрешал Кемалю поставить несколько машин на участке компании, если были лишние места, хотя и держал Дамата в курсе своих

договоренностей.

Иногда весь двор, парковка, тротуар и тихая улица погружались в глубокую тишину и молчание, и Мевлют тогда понимал, что, помимо привязанности к Райихе и дочерям, самым приятным в мире было рассматривать прохожих (как по телевизору), выдумывать истории, навеянные тем, что видел, и потом рассказывать кому-нибудь о них. Дамат платил ему не слишком много, но, по крайней мере, Мевлют был в гуще жизни, а не торчал где-нибудь в офисе, так что он не возражал. Он мог даже сходить домой после шести, когда офис закрывался и машины разъезжались. Позже ночью, когда парковка становилась до утра территорией банды, у Мевлюта было время продавать бузу.

Как-то днем, спустя месяц после начала работы на парковке, Мевлют, наблюдая за бродячим чистильщиком обуви, внезапно вспомнил, что первые десять недель беременности Райихи, в которые она имела право на аборт, уже истекли. Мевлют искренне верил, что его неспособность прийти к решению по этому вопросу проистекала как из неуравновешенности жены, так и из его собственной неуверенности. Даже в государственной клинике аборт был всегда опасным делом. Но ребенок принесет радость в дом и укрепит семью. Райиха все еще не сказала Фатьме и Февзие, что она беременна. Когда она сделает это, то поймет, что поступила правильно, с удовольствием глядя на то, как ее взрослые дочери нежно заботятся о новом ребенке.

Он погрузился в мысли о жене, ожидавшей его дома. Думая о том, как сильно он к ней привязан, как сильно любит ее, он чуть не заплакал. Было еще только два часа; девочки еще не вернулись из школы. Мевлют почувствовал себя таким же свободным, как в школьные деньки; он попросил молодого Кемаля из Зонгулдака присмотреть за парковкой и почти побежал домой на Тарлабаши. Он жаждал оказаться дома наедине с Райихой так же сильно, как в те прекрасные, блаженные первые годы брака, когда они никогда не спорили. Но на душе у него была еще и какая-то тяжесть, будто он забыл что-то очень важное. Может быть, поэтому он так торопился.

В то мгновение, когда он вошел, он понял, что это Аллах послал его домой с такой спешкой. Райиха поступила очень по-деревенски: попыталась вызвать выкидыш, но что-то пошло не так, и теперь от потери крови и боли она была почти без сознания.

Он подхватил ее на руки и бросился искать такси. Он знал, что запомнит каждую секунду происходящего до самой своей смерти. Он беспрерывно молился, чтобы их счастье осталось нетронутым, чтобы ее

боль ушла. Он целовал волосы жены, мокрые от пота; он в ужасе смотрел на ее белое как простыня лицо. Он видел, что оно сохраняет все то же выражение вины и удивления, которое было на нем в ту ночь, когда они сбежали вместе.

К тому времени, когда такси добралось до клиники, Райиха истекла кровью и умерла. Ей было тридцать лет.

6. После Райихи

Люди не будут сердиться на вас, если вы плачете

Абдуррахман-эфенди. В нашей деревенской гостинице теперь есть телефон. «Скорей, твоя дочь звонит из Стамбула!» – позвали меня туда. Я поспел как раз вовремя: Ведиха сказала, что моя дорогая Райиха скончалась в клинике после выкидыша. Я дважды выпил на пустой желудок, пока ждал автобуса в Бейшехир, и в тот момент всем сердцем чувствовал, что мы прокляты. Я тонул в отчаянии, потому что именно таким же образом мои сиротки потеряли свою мать. Слезы, по крайней мере, приносят облегчение.

Ведиха. Теперь я знаю, что мой милый ангел Райиха, да покоится она с миром, лгала и мне, и Мевлюту. Она говорила мне, что он не хочет оставлять ребенка, что было неправдой. Она говорила Мевлюту, что ребенок – девочка, чего она не могла знать наверняка. Но наше горе так велико, что не знаю, есть ли у кого-то силы говорить об этом прямо сейчас.

Сулейман. Я беспокоился, не покажется ли Мевлюту, что я недостаточно опечален. Но на самом деле, как только я увидел его таким убитым и несчастным, то сам заплакал. Вслед за этим заплакали и Мевлют, и моя мать. В конце концов я почувствовал, что плачу не потому, что Райиха умерла, а потому, что плачут все вокруг. Когда мы были маленькими, Коркут, застав кого-то плачущим, говорил ему: «Прекрати хныкать, как девчонка», но, конечно, сейчас он помалкивал. Я сидел и смотрел в одиночестве телевизор в гостиной, когда он вошел.

– Плачь сколько хочешь, – сказал он, – но когда-нибудь Мевлют снова станет счастливым, вот увидишь.

Коркут. Я поехал с Сулейманом в клинику забрать тело Райихи. Они сказали нам: «Лучше всего омыть ее в купальне при мечети Барбарос в Бешикташе, у них есть люди, которые специализируются по женским трупам, они вымоют ее правильными губками и жидким мылом, они используют лучшие саваны и полотенца и розовую воду. Однако сперва дайте им немного денег». Так что туда мы и отправились и там курили во дворе, дожидаясь, когда омоют тело Райихи. Мевлют пошел с нами в дирекцию кладбища в Индустриальном квартале. Но он забыл свой паспорт, так что нам пришлось возвращаться на Тарлабаши. Дома он

рухнул на кровать, рыдая, но потом справился с собой. Мы вернулись на кладбище. Не поверите, какие пробки.

Тетя Сафийе. Я готовила халву, особую, которую делают из муки и масла. Мои слезы капали в миску, исчезая среди маленьких комков муки и сахара, и с каждой исчезающей слезой мне казалось, что я теряю кусочек памяти. Не кончился ли у нас газ? Надо ли мне положить немного больше мяса в тушеные овощи? Когда люди уставали плакать, они приходили на кухню и поднимали крышку кастрюли, чтобы быстро посмотреть на ее содержимое. Как будто от этого им становилось легче.

Самиха. Бедные Фатъма и Февзие провели ночь у меня. Ведиха тоже пришла и сказала: «Приведи их к нам». Вот так я вернулась в дом семьи Акташ на Дуттепе в первый раз после того, как одиннадцать лет назад убежала, чтобы избежать свадьбы с Сулейманом. «Опасайся Сулеймана!» – сказал Ферхат, но Сулеймана даже близко не было. Подумать только, одиннадцать лет назад каждый – включая меня – думал, что я выйду за него замуж! Мне было странно видеть комнату, в которой мы жили тогда с отцом: она теперь выглядела меньше, но все еще пахла воском. Они добавили два этажа к дому. От всей ситуации мне стало очень неуютно, но сейчас мы все думаем только о Райихе. Я снова заплакала. Люди не будут сердиться на вас, если вы плачете, и не станут задавать никаких вопросов.

Тетя Сафийе. Девочки Мевлюта, Фатъма и Февзие, а потом еще и Ведиха приходили на кухню, когда уставали плакать, и смотрели в кастрюли и холодильник, как будто это был телевизор. Потом еще и Самиха появилась. Мне всегда нравилась эта девушка. Я ничего против нее не имею, пусть она и вскружила голову Сулейману, очаровав его своей красотой.

Ведиха. Хвала Всевышнему, что женщинам нельзя присутствовать на похоронах. Не знаю, как бы я вынесла это. После того как мужчины ушли в мечеть, все женщины в доме, включая дочерей Мевлюта, начали плакать. Рыдания начинались в одном углу комнаты, и, когда они затихали, подхватывала другая сторона. Я и не собиралась ждать, пока мужчины не возвратятся с похорон, – просто пошла на кухню и принесла всем халвы. При виде халвы плач закончился. Фатъма и Февзие выглянули в окно и увидели черно-белый футбольный мяч Бозкурта и Турана в заднем саду.

Как только мы покончили со сладким, слезы потекли снова.

Хаджи Хамит Вурал. Молодая жена племянника Акташей уже покинула этот мир и отправилась навстречу своему Создателю. Двор мечети был набит старыми продавцами йогурта из Коньи. Большинство этих людей продали мне свои участки земли, которые они захватили в шестидесятых и семидесятых годах. Теперь все они жалели об этом и говорили, что надо было тогда подождать еще немного и заработать больше денег. Они ругают меня, мол, Хаджи Хамит забрал их землю почти даром. Среди них нет ни одного, кто бы сказал: «Я благодарен Хаджи Хамиту, ибо мы захватили государственную землю на этой Аллахом забытой горе, и несмотря на то, что у нас не было никаких законных прав на участки, он все равно купил их». Если бы эти скупердяи пожертвовали хотя бы один процент от тех денег в фонд поддержки мечети, мне бы не пришлось сегодня выворачивать собственные карманы, чтобы чинить дырявые водостоки, заменять свинцовые листы на куполе и воздвигать надлежащую комнату для уроков Корана. Но не важно, я привык уже к этим людям; я все так же любезно им улыбаюсь, и я счастлив протянуть руку любому, кто хочет поцеловать ее в знак уважения. Муж покойной был в ужасном состоянии; я спросил, чем этот Мевлют занимался после того, как был продавцом йогурта; то, что я услышал, опечалило меня. Люди разные, как пальцы на руке. Некоторые становятся богатыми; некоторые становятся мудрыми; некоторые попадают в ад; некоторые в рай. Кто-то напомнил мне, что я был на его свадьбе много лет назад и даже подарил ему часы. Я увидел, что кто-то бросил несколько пустых коробок рядом со ступеньками, ведущими в мечеть; я сказал: «Мечеть теперь что, частный склад?» С появлением имама начала собираться толпа. Наш Святой Пророк Мухаммед, мир ему и благословение, однажды объявил, что «во время поминальной молитвы лучше всего стоять в заднем ряду». Я люблю смотреть, как молящиеся поворачивают свои лица направо, а потом налево, вот почему я стараюсь никогда не пропускать поминальную молитву. О Всевышний, молился я, пожалуйста, пошли эту женщину в рай, если она была достойным человеком, и, пожалуйста, забудь ее, если она была грешницей, – как там ее имя? Райиха? Какой худой и маленькой, должно быть, была эта Райиха при жизни.

Сулейман. Коркут попросил меня приглядывать за бедным Мевлютом, так что я не оставлял своего несчастного двоюродного брата. Он упал бы в могилу, когда сыпал туда землю, если бы я не схватил его сзади. В какой-

то момент силы оставили его, и он не мог больше стоять. Я усадил его на надгробие. Он не шевелился, пока Райиха не была похоронена и все не разошлись.



Если бы это зависело от него, Мевлют никогда бы не покинул то надгробие, на которое Сулейман усадил его. Он чувствовал, что Райиха нуждается в его помощи. Вокруг было слишком много людей, и он позабыл некоторые из молитв, которые должен был сказать, но был уверен, что, как только все разойдутся, слова сами потекут с его языка и он сможет дать Райихе то, что ей нужно. Мевлют знал, что чтение молитв во время похорон усопших, когда их души поднимаются из могилы, предназначено утешать их. Зрелище этих надгробий, кипарисов по сторонам, прочих деревьев и травы напомнило Мевлуту рисунок в «Праведном пути». Схожесть вызвала в нем ощущение, будто он уже переживал этот момент.

Разум Мевлута откликнулся на смерть Райихи тремя различными путями.

Самой стойкой реакцией был отказ верить, что Райиха ушла. Пусть жена и умерла у него на руках, но Мевлуту часто казалось, что ничего такого вообще не случилось: Райиха просто в другой комнате, она вот-вот войдет; жизнь течет как обычно.

Второй реакцией была злость на всё и на всех. Он злился на водителя такси, который слишком медлил, пока вез Райиху в клинику, и на правительственных клерков, которые слишком долго выдавали ей новый паспорт, он был зол на районного мухтара, на врачей, на тех, кто покинул его, на тех, из-за кого все так дорого, на террористов и на политиков. Больше всего он был зол на Райиху: за то, что оставила его одного; за то, что не родила Мевлидхана; за отказ быть матерью.

Третьей реакцией его разума было желание помочь Райихе в ее путешествии по потустороннему миру. Он хотел быть чем-то полезным ей, по крайней мере в загробной жизни. Райихе было так одиноко теперь, в той могиле. Ее мучения облегчатся, если Мевлют приведет девочек на кладбище прочесть несколько молитв. Мевлют начинал молиться над могилой Райихи, но вскоре начинал путаться и пропускал некоторые

молитвы. Однако он успокаивал себя мыслью, что реальное значение имеет намерение молящегося.

В первые несколько месяцев Мевлют и его дочери, сходя на могилу Райихи, отправлялись на Дуттепе повидаться с семьей Акташ. Тетя Сафийе и Ведиха приносили поесть осиротевшим девочкам и угощали их шоколадом и печеньем, всегда бывшими под рукой в те дни, а потом все вчетвером садились смотреть телевизор.

Дважды во время визитов на Дуттепе они видели там и Самиху. Мевлют понимал, зачем она возвращается в дом, из которого убежала столько лет назад с Ферхатом: Самиха была готова на все ради встречи с племянницами, чтобы успокоить их и успокоиться самой в их присутствии.

Однажды, когда они были на Дуттепе, Ведиха сказала Мевлюту, что, если он собирается взять девочек этим летом в деревню в Бейшехир, она может тоже поехать. Старую школу в Дженнет-Пынаре, объяснила она, превратили в гостиницу, и Коркут регулярно отправляет пожертвования деревенскому совету. Мевлют впервые слышал о такой организации, как деревенский совет. Он подумал, что, по крайней мере, не потратит много денег, если поедет в деревню.

В автобусе на Бейшехир с Фатьмой и Февзие Мевлют подумал, что он может никогда не вернуться в Стамбул. Но, приехав в родные края, понял, что мысль остаться в деревне была бессмысленной фантазией. Деревня была тупиком, и они здесь не могли быть никем иным, кроме как гостями. Он захотел вернуться в город. Его жизнь, его обида, его счастье, Райиха – все вращалось вокруг Стамбула.

Заботы бабушки и тети немного отвлекли девочек от их горя, но им быстро надоели все развлечения, которые могла предложить деревенская жизнь. Деревня оставалась очень бедной. Любой мальчик их возраста вскоре начинал доставлять Фатьме и Февзие неудобства своим вниманием. Ночью девочки спали в одной комнате с бабушкой, разговаривали с ней и слушали ее рассказы о деревенских легендах, старых спорах и нынешней вражде и соперничестве между соседями; это было забавно, но иногда и пугало их, а потом они вспоминали, что потеряли мать. Во время этого визита в деревню Мевлют понял, насколько глубоко он обижен на мать за то, что она не приехала в Стамбул и оставила его с отцом в городе одних. Если бы его мать и сестры присоединились к ним там, возможно, Райиха никогда не дошла бы до того состояния, из которого она не видела иного выхода, кроме как попытаться самой избавиться от ребенка.

Но так нравилось ему слышать, как мать говорит: «Мой бедный

Мевлют», чувствовать, как его целуют и обнимают, будто он еще ребенок. В эти нежные моменты он всегда испытывал желание прижаться к ней. Казалось, что любовь его матери всегда была переплетена с болью, не только из-за смерти Райихи, но и из-за трудностей Мевлюта в Стамбуле и его продолжающейся зависимости от поддержки двоюродных братьев. В отличие от отца, Мевлют за двадцать пять лет ни разу не смог отправить матери денег; это вызывало в нем стыд.

Мевлют получил больше удовольствия от общества своего горбатого тестя, которого он ходил повидать трижды в неделю. Когда они с дочерьми приходили в обед, Абдуррахман-эфенди плескал Мевлюту немного раки в небьющийся стеклянный стакан и рассказывал зятю иносказательные, аллегорические истории. И Абдуррахман, и Мевлют похоронили своих жен, когда те были еще молодыми женщинами. Они оба собирались посвятить остаток жизни дочерям. Они оба знали, что для каждого из них вид дочерей будет вечным болезненным напоминанием об их матери.

В последние дни в деревне Мевлют еще чаще водил дочерей к их деду. Когда они шли по усаженной деревьями дороге, всем троим нравилось время от времени останавливаться, чтобы полюбоваться очертаниями небольших дальних городков и мечетей с их стройными минаретами. Они долго в тишине смотрели на пятна зелени на каменистой земле, на ярко-желтые поля, освещенные солнечными лучами, на узкую полосу озера вдали, на кладбища среди кипарисовых рощ. Где-то вдалеке лаяли собаки. В автобусе по пути назад, в Стамбул, Мевлют понял, что деревенские пейзажи будут всегда напоминать ему о Райихе.

7. История потребления электричества

Сулейман попадает в трудное положение

Ферхат. Лето 1995 года я провел на улицах и в архиве «Семь Холмов Электрик» в поисках следов Сельвихан, моей электрической любви. Я потерял счет сигаретам и чашкам чая, пока сидел с двумя упорными архивариусами в комнате с бесконечными полками картотек, скрепленных металлическими кольцами и запертых на замок, среди полинялых конвертов и папок, полных восьмидесятилетних пачек грязной бумаги. «Семь Холмов Электрик» несколько раз меняла название, но в пыльных архивах сохранилась полная история производства и распределения электроэнергии в Стамбуле начиная с 1914 года.

Новые владельцы «Семь Холмов Электрик» намеревались продать архивы на макулатуру торговцам, которые покупали бумагу на вес, или сжечь их. «Им придется сжечь это вместе с нами!» – сказал один из стариков в ответ на эти слухи, а второй заявил, что если и есть что-то хуже капитализма, то только такая разбогатевшая деревенщина из Анатолии. Вскоре секретари переменили тон и решили, что еще лучше будет отправить меня с жалобой к нашим новым владельцам из Кайсери и заставить их понять, что архивы являются ключевым и незаменимым инструментом для сбора счетов; может быть, это спасет бесценный клад от уничтожения.

Мы начали с самых старых записей, которые были покрыты рукописными пометками на арабском и французском. Затем перешли к записям тридцатых, перечислявших, какие районы были подключены к сети и где потребление было наибольшим. Пара моих историков сообщила мне, что в те годы в Стамбуле все еще жило очень много немусульман. Старики перелистывали желтые страницы журналов, в которые предыдущие секретари заносили подробные записи про остроумные воровские хитрости, которые были обнаружены, объясняя мне, что введенная в пятидесятых система выделила каждому инспектору конкретный район для надзора и что это новшество позволило инспекторам установить наблюдение за жизнью людей, подобно полиции.

Эти потертые и подранные журналы имели цветовую кодировку: белые для жилых домов, фиолетовые для магазинов, красные для фабрик. Магазины и фабрики обычно были самыми злостными нарушителями, но, если «молодой инспектор господин Ферхат» посмотрит повнимательнее

в колонку «разъяснения» на каждой странице и ознакомится с героическими попытками старых правительственных инспекторов записать то, что они видели, он заметит, что после семидесятых бедные районы Зейтинбурну, Ташлы-Тарла и Дуттепе, а также их окрестности стали плодородной почвой для воровства электричества. Старики еще много чего показывали и объясняли. Моя интуиция подсказывала, что эти знания ведут меня все ближе к Сельвихан.

Отметки вроде «новый холодильник» или «замечена вторая электроплитка» помогали инспекторам оценивать, сколько киловатт-часов дом должен потреблять в конкретный период. Два секретаря верили, что, основываясь на записях, можно было уверенно установить дату, когда любой данный дом приобрел холодильник, утюг, стиральную машину, электроплиту или любую другую домашнюю технику. Другие пометки – «вернулся в деревню», «уехал на свадьбу на два месяца», «уехал на дачу» – обеспечивали учет движения потребителей в город и из города, что также могло влиять на плату за электричество. Но если я находил показания счетчиков из ночного клуба, кебабной или бара с турецкой музыкой, принадлежавших Сами из Сюрмене, я интересовался только ими и игнорировал все прочие разъяснения. Тогда два старых секретаря начинали привлекать мое внимание к еще более интригующим замечаниям: «Прибил счет гвоздем к дверной ручке»; «Иди вдоль стены к водяному фонтану – счетчик за фиговым деревом»; «Высокий человек в очках псих. Избегать»; «Берегись пса в саду. Его зовут Граф. Не нападает, если позвать по имени»; «Свет на втором этаже клуба подключен вторым проводом, идущим снаружи здания».

Тот, кто написал последний комментарий, был, по мнению моих поводырей, героем, храбрецом, воистину преданным своей работе. Обычно, если инспекторы находили, что ночной клуб или тайный игорный притон (я слышал, что Сами из Сюрмене был вовлечен и в такие дела) тайно ворует энергию, они избегали делать об этом официальную запись и брали взятки за спиной у начальства. Я представлял себе свою внезапную инспекцию в кафе, ресторан или ночной клуб, предаваясь фантазиям о том, как я побеждаю Сами из Сюрмене и спасаю мою любимую Сельвихан из его когтей.

Махинур Мерйем. Мне было почти сорок, когда я забеременела от Сулеймана. В таком возрасте женщине надо задумываться о своем будущем и о том, как она будет жить оставшуюся жизнь. Мы были вместе десять лет. Я, может быть, несколько наивно верю всем уверткам

и отговоркам Сулеймана, но мне кажется, что мое тело лучше знает, что нужно делать, чем я сама.

Как я и ожидала, Сулейману новость не понравилась. Вначале он обвинил меня в попытке заставить его жениться. Но когда мы кричали друг на друга в той квартире в Джихангире, он начал понимать, что я и в самом деле ношу ребенка, и испугался. Он сильно напился и учинил разгром, что было очень обидно, но я видела еще и то, что он доволен. После того мы спорили каждый раз, как он приходил, хотя я старалась задобрить его. Однако его угрозы и пьянство только усиливались. Он угрожал, что перестанет поддерживать мою карьеру певицы.

– Забудь про музыку, Сулейман, я умру ради этого ребенка, – сказала я ему.

Мои слова смягчили его, и он снова стал нежен. Но даже когда он и не был таким, у нас все равно был безумный секс после каждого спора.

– Как ты можешь так заниматься любовью с женщиной и после этого просто уходить? – спрашивала я.

Сулейман опускал взгляд в смущении. Но иногда, уходя, он говорил, что если я не перестану запугивать его, то больше никогда не увижу снова.

– Тогда это наше прощание, Сулейман, – говорила я, закрывая за ним дверь со слезами на глазах.

В последнее время он начал приходиться каждый день, и в то же время ребенок продолжал расти в моей утробе. Это не остановило его от нескольких попыток дать мне пощечину.

– Ну давай, Сулейман, ударь меня, – сказала я. – Может быть, ты сможешь избавиться от меня тем же способом, как вы избавились от Райихи.

Иногда он выглядел таким беспомощным, что я испытывала к нему жалость. Он сидел в сторонке – ТИХИЙ и ВЕЖЛИВЫЙ, – переживая за свою жизнь, подобно купцу, чей корабль отправился на дно Черного моря, и пил раки словно воду, а я говорила ему, как счастливы мы будем.

– Твой брат достаточно понукал тобой, но, если ты уйдешь от него, Сулейман, ты станешь новым человеком. Нам нечего и некого бояться.

Эта тема уводила нас к разговору о том, собираюсь ли я начать носить платок.

– Я подумаю об этом, – говорила я. – Но есть то, что я могу сделать, и то, чего просто не могу.

– Я тоже, – говорил Сулейман удрученно. – Так скажи мне, что, как ты чувствуешь, ты можешь.

– Иногда женщины соглашаются на никах в мечети сверх гражданской

регистрации, просто чтобы избавить своих добропорядочных мужей от головной боли... Это я могу. Но вначале твоя семья должна прийти в дом в Юскюдаре и формально попросить у моих родителей моей руки.



Осенью 1995 года, после того как Мевлют вернулся с дочерьми в Стамбул, он приступил к своей работе на парковке рекламного агентства. Дамат вернул ему все его обязанности, которые на время его отсутствия были поручены привратнику. Мевлют увидел, что за эти три месяца, когда его не было, Кемаль из зонгулдакской банды расширил свою территорию, сдвинув ее границы с помощью двух цветочных кадок и нескольких свободно стоявших тумб. Более того, он стал агрессивен по отношению к Мевлюту. Но Мевлют не обращал на это внимания. После смерти Райихи он был постоянно зол на всех, но по какой-то причине не мог вызвать в себе это чувство по отношению к наглому юнцу из Зонгулдака.

Ночью он все так же ходил продавать бузу, а остаток своих сил посвящал дочерям. Но его внимание никогда не шло дальше нескольких простых вопросов: «Домашнее задание сделали?», «Вы голодны?», «Все в порядке?». Он знал, что дочки теперь больше времени проводят с тетей Самихой, но что с ним об этих визитах они говорить не хотят. Однажды утром, после того как Фатьма и Февзие ушли в школу, зазвонил дверной звонок. Открыв дверь, Мевлют увидел Ферхата.

– Ты больше не можешь жить в этом районе, – сказал Ферхат. – Наркотики, проститутки, транвеститы, банды всех сортов... Мы найдем тебе и девочкам другое место...

– Мы здесь счастливы; это дом Райихи.

Ферхат сказал, что хочет поговорить с другом, и повел Мевлюта в одно из новых кафе на площади Таксим. Они долго смотрели на текущую по Бейоглу толпу. В конце концов Ферхат предложил Мевлюту работу – что-то вроде ученика инспектора по электричеству.

– Эта работа сделает тебя счастливым, она сделает девочек счастливыми и даже сделает Райиху счастливой, ибо твоя жена беспокоится о тебе даже там, в раю. Ты собираешься зарабатывать хорошие деньги?

На самом деле зарплата, которую Мевлют мог получить от «Семь

Холмов Электрик», была не очень большой, но Мевлют чувствовал – для того чтобы достичь «хороших денег», надо отрезать немного от того, что он сможет собрать с клиентов.

– Принеси свой школьный аттестат, справку о регистрации, паспорт и шесть фотографий, и мы оформим тебя за три дня, – сказал Ферхат. – Мы сначала походим вместе, и я научу тебя всему, что нужно знать. Ты честный, беспристрастный человек, Мевлют, вот поэтому я и хочу, чтобы ты присоединился ко мне.

– Да вознаградит Аллах твои добрые дела, – сказал Мевлют и, пока они ходили вокруг парковки, думал о том, что Ферхат даже не заметил сарказма в этих словах.

Три дня спустя он позвонил по номеру телефона, который оставил ему Ферхат.

– Впервые в своей жизни ты принял верное решение, – сказал Ферхат.

Через два дня они встретились на автобусной остановке в Куртулуше. Мевлют надел свой лучший пиджак и незапачканные брюки. Ферхат принес сумку, которая когда-то принадлежала одному из двух старых архивариусов.

– Тебе нужна такая инспекторская сумка, – сказал он. – Это пугает людей.

Они пошли по улице на окраине Куртулуша. Мевлют раньше приходил в этот район продавать бузу. Ночью неоновые лампы и свет телевизоров придавали этой улице более современный вид, но в своем непритязательном дневном облике она выглядела так же, как и двадцать пять лет назад, когда он ходил в школу. Они провели в этом районе все утро, проверив двести пятьдесят счетчиков.

Первым делом, войдя в здание, они должны были проверить счетчики на лестнице возле комнатки привратника.

– У номера семь полно неоплаченных счетов; хозяйева получили два предупреждения за последние пять месяцев и все еще не заплатили, но глать: их счетчик все равно вертится, – говорил Ферхат менторским тоном. Он доставал из сумки журнал. – Номер шесть подал жалобу на два завышенных счета с того же времени в прошлом году. Похоже, что мы никогда не отключали ему электричества. И все равно их счетчик неподвижен. Давай посмотрим.

В одном из домов они поднялись на третий этаж и позвонили в дверь номер семь. Не дожидаясь ответа, Ферхат крикнул: «Электрическая компания!» – как беспощадный инквизитор.

Инспектор по электричеству поверг дом в панику. В уверенной

и напористой манере Ферхата держаться было нечто, что могло разворошить личную жизнь семьи и заставить жильцов вспомнить о реальности. Возможно, не только из-за честности Мевлюта Ферхат позвал его на помощь, но и из-за его опыта обращения с интимным миром частных жилищ – например, способности говорить с женщинами, не создавая у них впечатления домогательств.

Дверь в квартиру с неоплаченными счетами могла открыться, но могла и остаться запертой. Если шаги, приближавшиеся к двери после того, как они позвонили, внезапно стихали после крика «Электрическая компания!», это означало, конечно, что хозяин квартиры совершенно не желает разбираться со своими долгами. Однако обычно дверь открывалась, и они оказывались лицом к лицу с тетушкой среднего возраста, пытающейся запахнуть свой платок, с женщиной с ребенком на руках, с похожим на привидение старым дедом, с сердитым лоботрясом, с женщиной в розовых перчатках для мытья посуды или с очень старой дамой, которая еле видела.

– Электрическая компания! – вновь говорил Ферхат официальным тоном. – У вас есть неоплаченные счета!

Некоторые сразу отвечали: «Приходите завтра, инспектор, у меня нет даже мелочи» или «У нас сейчас нет никаких денег!». Другие говорили: «О чем ты, сынок, мы оплачиваем счета в банке каждый месяц». Попадались наглецы, которые настаивали: «Мы оплатили только вчера!» или «Мы каждый месяц отдаем деньги за электричество привратнику вместе с квартирной платой».

– Я ничего не знаю, здесь написано, что у вас есть просроченные платежи, – говорил Ферхат. – Сейчас все автоматизировано; все делает компьютер. Нам придется отключить вам электричество, если вы отказываетесь платить.

Ферхат бросал взгляд на друга, гордый своей властью и довольный демонстрацией тонкостей работы. Иногда он молчал, заставляя таким образом Мевлюта общаться с жильцами.

– На этот раз я вас оставляю, но помните, сейчас все приватизировано, вы не уйдете от ответственности! – миловал Ферхат очередного неплательщика. Или: – Когда я отключу, вам придется платить дополнительно за повторное подключение, так что лучше подумайте и об этом тоже. – Иногда вердикт всесильного Ферхата звучал как: – Я не отключу вас сегодня, поскольку вижу беременную женщину в доме, но это в последний раз!

– Если вы не собираетесь платить за свое электричество, по крайней

мере, постарайтесь не тратить его так много! – мог сказать Ферхат, на что человек в дверях с облегчением отвечал:

– Храни вас Всевышний!

Иногда Ферхат указывал на сопливого ребенка в коридоре и говорил:

– Я оставляю вам свет на этот раз только ради него. Но я не буду таким великодушным в следующий раз.

Иногда дверь открывал мальчик и хныкал, что никого нет дома. Некоторые дети сильно нервничали, оказавшись в подобном положении, в то время как другие вели себя так же нахально, как и взрослые, уже усвоив то, что ложь легко может быть ловкостью. Ферхат уже знал, когда ребенок лжет, но часто он подыгрывал, чтобы не ранить чувства мальчика.

– Ладно, парень, – говорил он, как добрый дядюшка. – Скажи своим, когда они вернутся, что у вас есть неоплаченные счета за электричество, хорошо? А теперь ответь мне, как тебя зовут?

– Талат!

– Хороший мальчик, Талат! Теперь закрывай дверь, чтобы волки не забрали тебя.

Но все это было представлением, которое Ферхат устраивал Мевлюту в первые дни, чтобы работа казалась более легкой и приятной, чем была на самом деле. Они встречали пьяных, твердивших заплетающимся языком: «Мы должны только Всевышнему, инспектор»; людей, кричавших: «Правительство превратилось в ростовщиков, вы обираете нас, ублюдки!»; восьмидесятилетних стариков, шамкавших вставной челюстью: «Эти взятки, что вы берете, отправят вас на дно ада», а также нахальных бездельников, спрашивавших: «Откуда мне знать, что вы на самом деле из электрической компании?» Ферхат даже глазом не моргал, выслушивая целые потоки лжи: «Моя мать на смертном одре», «Наш отец отправился на военную службу!», «Мы только что переехали, эти счета, должно быть, на предыдущих жильцов».

Когда они выходили из здания, он подробно объяснял Мевлюту правду: человек, который ругался: «Вы обираете нас!» – всегда утверждает, что каждый раз вынужден давать взятку новой команде инспекторов. Старик со вставной челюстью – не религиозный ортодокс, а обыкновенный барыга; Ферхат множество раз видел его в баре на площади Куртулуш...

– Мы здесь не для того, чтобы мучить этих людей, а для того, чтобы заставить их платить, – говорил Ферхат позже в кафе. – Твоя работа заключается в том, чтобы понять, кто на самом деле не имеет возможности внести счет за электричество, кто может оплатить часть своих долгов, а кто

легко может оплатить все, но не хочет этого делать. Боссы дали мне власть решать в таких случаях, как судье; это моя работа – делать нужные оценки. Твоя работа тоже, конечно... Понимаешь?

– Я понимаю, – кивал Мевлют.

– Теперь, мой дорогой Мевлют, два правила: первое – если ты не пошел и не проверил счетчик лично, никогда не придумывай показания, прикидываясь, будто снял их. Второе – мы никогда не должны заигрывать с женщинами. Компания дорожит своей репутацией; они не будут долго думать, что с тобой делать... А теперь как насчет того, чтобы отправиться в клуб «Бахар» и отпраздновать новую работу?

– Я иду продавать бузу сегодня ночью.

– Даже сегодня? Ты теперь будешь много зарабатывать.

– Я хожу продавать бузу каждую ночь, – сказал Мевлют.

Ферхат понимающе улыбнулся.

8. Мевлют в дальних районах

Собаки лают на всех, кто не наш

Дядя Хасан. Когда я узнал, что Сулейман нашел женщину старше себя – певичку, да к тому же беременную, – и теперь собирается на ней жениться, я ничего не сказал. Мы и так были уже очень огорчены из-за Мевлюта. Когда я вижу бедствия, от которых страдают окружающие, я говорю Сафийе, как я рад, что никогда не желал ничего в жизни, кроме своей маленькой бакалейной лавки. Просто сидеть в своей лавке, складывая кульки из газеты каждый день, – этого мне достаточно для счастья.

Ведиха. Может, оно и к лучшему, думаю я. Иначе кто знает, нашел бы Сулейман женщину. Именно я с Коркутом пошла в дом в Юскюдаре просить у отца госпожи Мелахат ее руки. Сулейман надел лучшую одежду. Меня поразило, что он никогда не предпринимал подобных усилий ради любой из девушек, к которым мы ходили вместе. Он поцеловал руку будущего тестя – правительственного чиновника на пенсии – с подлинным почтением. Сулейман, должно быть, по-настоящему любит Мелахат. Когда она наконец появилась, то выглядела степенной, стильной и ухоженной, эта сорокалетняя женщина, которая подавала нам кофе, будто юная девочка, встречающая своих сватов. Мне понравилось, что она не относилась ко всему происходящему как к шутке. Напротив – была учтивой и вежливой. Она взяла кофе и себе. Затем обошла всех с пачкой «Самсуна». Она подала одну сигарету своему отцу, а потом сама закурила и выпустила дым прямо на середину маленькой комнаты. Мы все сидели молча. В этот момент я увидела, что Сулейман вовсе не стыдится быть вынужденным жениться на забеременевшей от него женщине, он гордился ею. Пока дым от сигареты госпожи Мелахат кружился по комнате как синеватый туман, Сулейман выглядел таким довольным собой, будто сам выдохнул этот дым в лицо Коркуту, и я смутилась.

Коркут. Конечно, родители невесты находились не в том положении, чтобы диктовать какие-то условия. Это были небогатые, скромные, благонамеренные люди современных взглядов. Однако, к сожалению, они совершенно не разбирались в религиозных вопросах. Люди на Дуттепе обожают сплетничать. Мы решили избежать Меджидиекёя и провести

свадьбу где-нибудь подальше. Так что мы с Сулейманом сняли маленький, но первоклассный свадебный зал в Аксараяе. Сделав это, я сказал: «Давай пойдем выпьем, просто ты и я, брат с братом, мужчина с женщиной», и мы отправились в ресторан в Кумкапы.

– Сулейман, – сказал я после второй рюмки, – как твой брат, я собираюсь задать тебе очень серьезный вопрос. Нам нравится эта дама. Но ты абсолютно уверен, что госпожа Мелакат соответствует нашему образу жизни?

– Не волнуйся, – сказал он. – Конечно соответствует...

Ферхат. Пока они были заняты женитьбой Сулеймана, я отправился на разведывательную миссию в клуб «Солнечный свет», притворяясь обычным клиентом. Это еще одна особенность работы: вам надо пропустить пару стаканчиков, пока вы осматриваетесь вокруг в поисках свидетельств того, что хозяева могут воровать электричество. Надо видеть лица этих самодовольных владельцев, совершенно не ожидающих надвигающегося возмездия! За столом у нас были Демир из Дерсима, два подрядчика, один бывший левый активист и еще один трудолюбивый инспектор.

Каждый ночной клуб имеет своеобразные запахи – жареного мяса, раки, плесени и несвежего дыхания, – эти запахи пропитывают ковры и занавески. Вы в конце концов привыкаете к ним до такой степени, что вам начинает их не хватать, и если вы однажды ночью снова ловите их дуновение после долгого отсутствия, ваше сердце начинает биться. Той ночью мы покорно слушали бархатный голос турецкой классической музыки – голубоглазую Мухтерем. Мы смотрели комедийный дуэт Али и Вели, которые разыгрывали последние телерекламы и изображали политиков, а также танцовщицу живота Месруре, которая «также известна и в Европе». Той ночью в клубе пелось много классических песен, царила меланхолическая атмосфера, и за каждым столом мне виделась Сельвихан.

Я вновь встретился с Мевлютом в Бешикташе два дня спустя, чтобы продолжить его обучение.

– Наш первый урок сегодня теоретический, – сказал я. – Видишь тот ресторан? Я там бывал; давай пойдем и посмотрим. Не беспокойся, никакой раки, мы, в конце концов, на работе. Ничего, что расстроит твоих друзей из «Праведного пути».

– Я не читаю «Праведного пути», – сказал Мевлют, когда мы уселись в полупустом ресторане. – Я просто взял статью про «Свояки» и один тот рисунок.

– Теперь послушай меня, Мевлют, – сказал я, устав от его непорочности. – Ключ к этой работе – читать людей... Ты всегда должен быть настороже, так чтобы никто не мог запудрить тебе мозги. Обычно люди начинают хныкать, как только меня увидят: «Ох, это инспектор!» Это спектакль, они проверяют меня... Ты должен уметь замечать это. Тебе также надо знать, как прикинуться и разыграть милого парня, если это нужно. В других случаях при необходимости тебе нужно быть злым и способным перерезать провода бедной вдове... Ты должен вести себя так, как будто ты один из гордых и неподкупных турецких правительственных служащих. Деньги, что ты собираешь, по праву принадлежат «Семь Холмов Электрик» и тебе. Я покажу тебе все ходы и выходы. Есть парни с миллионами в банке под проценты и с пачками долларов под матрасом, но в ту минуту, как они видят у двери бедного инспектора, они трясутся от страха. В конце концов они даже начинают верить в свои жалостливые рассказы и, поверь мне, рыдают громче, чем ты, оплакивающий Райиху. Они в конце концов и тебя убедят в своей бедности. Пока ты что-то пытаешься прочесть в их глазах и ищешь следы правды на лицах их детей, они следят за тем, как ты ходишь и что говоришь, и заглядывают тебе в душу, пытаясь понять, платить ли. И если да, то как много, а если нет, под каким предлогом от тебя избавиться. Эти двух- и трехэтажные здания на задних улицах теперь по большей части населены мелкими служащими, уличными торговцами, официантами, кассирами и студентами университета. В отличие от больших зданий, у них нет круглосуточного привратника. Обычно владельцы и жильцы таких мест имеют серьезные разногласия по поводу того, как делить стоимость солярки или угля и насколько разогреть бойлер, и поэтому их центральное отопление чаще всего вообще выключено. Все они пытаются согреться от электрообогревателей, и большинство незаконно подключается к сети. Если они увидят твое детское лицо и поймут, что ты слишком сердоболен, они не заплатят ни лиры. Ты слушаешь меня? Теперь скажи, как обогрев работает здесь, в этом ресторане?

– Он работает отлично, – сказал Мевлют.

– Это не то, о чем я спрашиваю. Откуда идет обогрев? Ресторан использует печь или радиаторы?

– Радиаторы!

– А если проверить?

Мевлют потрогал решетку радиатора рядом с собой и почувствовал, что она холодная.

– Тогда это значит, что где-то есть печь, – сказал он.

– Хорошо. Где печь? Видишь ее где-нибудь? Нет. Это потому, что работает электропечка. Они прячут ее, потому что прицепили к сети напрямую, в обход счетчика. Они и радиатор включают ненадолго, но лишь настолько, чтобы никто не заметил, что происходит. Я заходил посмотреть и видел, что их счетчики крутятся очень медленно. Это значит, что в этом здании должны быть духовки и холодильники, которые используют ворованное электричество.

– Что мы собираемся делать? – спросил Мевлют, как ребенок, с широко раскрытыми глазами.

Я нашел номер ресторанного счетчика в фиолетовом журнале и показал его Мевлюту:

– Прочитай, что сказано в комментариях.

– Счетчик за дверью... – прочел Мевлют. – Кабель для морозильной машины...

– Отлично, значит, ресторан продает летом мороженое. Больше половины морозильных машин летом в Стамбуле не подключены ни к каким счетчикам. Похоже, что инспектор, который был здесь в прошлый раз, что-то подозревал, но техники не обнаружили незаконного подключения. Или, может, нашли, но великан за кассой дал им каждому чек на десять тысяч лир, чтобы подмазать. Некоторые заведения находят такие хитрые способы прицепиться к линии, что думают, будто их никогда не поймают, так что, когда ты приходишь, они даже не делают тебе маленького подарка в приветствие. Эй, официант, сюда, радиатор не работает, мы немного мерзнем.

– Я поговорю с управляющим, – сказал официант.

– Он может знать, а может, и нет, – сказал я Мевлюту. – Поставь себя на место управляющего. Если его официант в курсе, что они воруют электричество, он может донести на них. Поэтому им очень трудно его уволить или даже просто приказать прекратить лениться и припрятывать чаевые. Вот почему лучше всего для хозяев позвать электрика, который специализируется на неучтенных подключениях, и отдать ему все заведение на ночь, когда никого нет. Эти парни могут так замаскировать незаконную линию, что иногда приходится просто аплодировать гениям. По сути, наша работа похожа на игру в шахматы с подобными ребятами. Они умно спрятали, но ты должен быть умнее и найти.

– Я включил обогреватель, простите за неудобство, – сказал толстяк-управляющий, впуская в комнату.

– Он даже не потрудился сказать «радиатор», – шепнул Мевлют. – Что мы делаем теперь? Будем отключать им энергию?

– Нет, друг мой. Ты понял уловку. Теперь ты ждешь подходящего момента, чтобы вернуться и взять их деньги. Сегодня не надо спешить.

– Ты хитер как лис, Ферхат!

– Мне нужен и ягненок вроде тебя, мне нужна твоя доброта и твоя честность, – сказал я, чтобы ободрить Мевлюта. – Твоя искренность и твоя непорочность есть достояние этой компании, всего мира по сути.

– Хорошо, но мне кажется, что у меня ничего не получится с этими большими управляющими и опытными мошенниками, – сказал Мевлют. – Я лучше займусь домами гедже-конду в бедных районах.



Зиму и лето 1996 года Мевлют провел, впитывая премудрости Ферхата. Два или три раза в неделю он отваживался выбираться в бедные кварталы и переулки центра города, вооруженный только старыми показаниями счетчиков, самостоятельно охотясь за незаконными подключениями. Центр города разваливался: сломанные и заброшенные старые здания, среди которых он жил, когда был официантом, работавшим на Бейоглу двадцать лет назад, теперь были гнездом воров электричества. Ферхат сказал Мевлюту держаться подальше от таких мест – ради собственной безопасности. Так что Мевлют в итоге перешел в Куртулуш, Ферикёй, Бешикташ, Шишли, Меджидиекёй, а иногда заходил на другую сторону Золотого Рога, в Чаршамбу, Карагюмрюк и Эдирнекапы, собирая оплату с домохозяек, как один из тех вежливых государственных служащих, которые заходили к ним в старые добрые времена.

Работая продавцом бузы, он привык получать небольшие подарки сверх того, что должен был получить, – пару шерстяных носков или немного лишних монет от людей, которые говорили ему: «Оставь сдачу себе!» Это никогда не смущало его совести и не задевало гордости. Небольшое вознаграждение за то, что он не отключил кому-то электричество, выглядело всего лишь благодарностью за услугу, которую он оказал, и он без всякого опасения клал деньги в карман. Он хорошо знал эти места и этих людей. Однако никто из них не узнавал в вежливом тихом инспекторе Мевлюта, того самого торговца бузой, который ходил по их улицам раз в неделю зимой. Возможно, потому, что хорошие люди,

покупающие бузу, отличаются от плохих людей, которые воруют электричество.

Мевлют не показывался на Кюльтепе или Дуттепе, где его знал каждый, он брал свои журналы, сумку и отправлялся на другие холмы, которые тоже прошли тот же путь от нищеты к развитию: Куштепе, Хармантепе, Гюльтепе и Октепе. Их теперь с трудом можно было назвать бедными районами. Одноэтажные саманные домики, когда-то покрывавшие эти холмы, были снесены за прошедшие двадцать пять лет, и теперь эти места считались частью самого города, подобно Зейтинбурну, Гази-Османпаша и Умрание. Каждый район имел свой центр – обычно у автобусной остановки, где двадцать пять лет назад были созданы первые регулярные маршруты в город и вокруг которой теперь находились мечеть, новая статуя Ататюрка и маленький грязный парк. Здесь также начиналась главная улица района, длинная дорога, которая, казалось, уходила к самому краю света, с бетонными блоками в пять или шесть рядов с каждой стороны. В зданиях размещались разные кебабные, бакалеи и банки, на верхних этажах обитали жители, которые подумывали о бесплатном электричестве, и их уловки не отличались от уловок обитателей любого обычного района в центре Стамбула: та же ложь, та же простодушная невинность... В этих местах, может быть, больше опасались Мевлюта, но в здешних горожанах было намного больше сердечности.

Древние кладбища, что выросли в старых частях города, в новых районах отсутствовали. Современные кладбища, лишенные кипарисовых деревьев и вообще любой растительности, обычно располагались достаточно далеко от новых кварталов и были окружены высокими бетонными стенами, подобно заводам, военным базам и клиникам. Бродячие псы, которые преследовали Мевлюта во время утренних проверок, проводили ночи в маленьком парке напротив статуи Ататюрка.

Мевлют всегда приходил в новейшие и беднейшие районы города с лучшими намерениями, но обнаруживал, что самые злобные псы живут именно здесь. Сойдя с автобуса, Мевлют старался игнорировать провода, которые люди прицепляли – даже не стараясь скрыть их – к большим кабелям, он закрывал глаза на топорную проводку, питающую кебабную напротив остановки. Он чувствовал, что в каждом из этих районов есть свои лидеры и главари и что за ним следят. Собаки преследовали его. «Моя работа заключается в осмотре официальных счетчиков, – хотелось ему крикнуть этим проклятым псам. – Нечего бегать за мной». Но собаки нападали на него, и Мевлют пугался.

Новые дома и сады на краю города были построены из современных

материалов, чем бедные лачуги мевлютовского детства. Саманные кирпичи сменились более качественными, пластик использовался повсюду вместо металлолома, а водосточные желоба и трубы были сделаны из ПВХ. Дома постоянно росли, как это всегда делалось в гедже-конду, и это значило, что счетчики электричества помещали куда-то во внутренние комнаты, так что, если нужно было снять показания или отключить энергию, у Мевлюта не оставалось выбора, кроме как стучаться в дверь. В некоторых новых районах линия питания могла быть закинута и прикреплена на столб, кусок бетона, стену или даже на старый платан на местной маленькой площади, и иногда именно там можно было найти счетчики. Эти электрические узлы, напоминавшие общественные источники-чешме османского времени, которые снабжали район водой, также были под постоянным присмотром маленьких стай из трех или четырех собак.

Однажды Мевлют стоял на крыльце дома с садом, когда на него напал черный пес. Он проверил записи своего предшественника в журнале и позвал пса по кличке, но Черныш не обратил на это никакого внимания: он облаял Мевлюта и вынудил его ретироваться. Месяц спустя Мевлют сумел спастись от разъяренного сторожевого пса только потому, что собачья цепь была не слишком длинной. В эти минуты он всегда думал о Райихе. Подобные вещи случались только потому, что ее больше не было.

Однажды Мевлют вновь оказался в том же районе в поисках места в парке, где он мог бы присесть с тяжелой сумкой в ожидании автобуса. К нему метнулась собака. Вторая и третья последовали за первой. Вдалеке Мевлют увидел еще одного черного пса. Они все лаяли одновременно. Сможет ли он защититься от них своей инспекторской сумкой? За всю жизнь он не был так испуган.

Вечером он вошел в дом Святого Наставника в Чаршамбе. Он оставил на кухне немного бузы. Святой Наставник был более оживлен, чем обычно, и свободен от обычной толпы прилипал. Когда Мевлют понял, что внимание учителя обращено на него, он рассказал о своей боязни. В 1969 году, в то время, когда Мевлют еще только начал работать уличным торговцем, отец отвел его повидаться со святым шейхом в деревянном доме в закоулках Касым-Паша, чтобы излечить страх мальчика перед собаками. Тот человек имел белую бороду и огромный живот и по сравнению с учителем был старомодным и наивным. Он дал Мевлюту немного леденцов и сказал ему, что собаки – это глухие, немые и слепые создания. Затем раскрыл свои ладони как бы в молитве, приказал Мевлюту сделать то же самое и заставил повторить следующие слова девять раз: «САММУН, БУКМУН, УМЬЮН ФЕ ХУМ ЛЯ ЙЕРДЖИЮН...»

Мевлют осторожно спросил Святого Наставника: может ли человек в самом деле изгнать страх или мысль из своей головы одной только силой воли? Ведь если пытаешься забыть о чем-то, то еще больше начинаешь думать об этом.

– Способность забыть зависит от ЧИСТОТЫ верующего СЕРДЦА, ИСКРЕННОСТИ его НАМЕРЕНИЙ и СИЛЫ его ВОЛИ, – сказал Святой Наставник. Ему понравился вопрос Мевлюта, и он благоволил ему весомым ответом, достойным бесед.

Осмелев, Мевлют виновато рассказал историю, как маленьким мальчиком снежной лунной ночью, когда улицы сияют чистотой и белизной, словно киноэкран, он видел, как стая собак загнала кошку под машину. Он и его покойный отец прошли мимо в молчании, будто не видя ничего, делая вид, что не слышали предсмертных воплей кошки. За время, что прошло с тех пор, город вырос, наверное, вдесятеро. Мевлют совсем не пугался собак в течение двадцати пяти лет. Но в последние два года он начал бояться их снова. Они тоже это чувствуют, иначе почему они лают на него? Что ему делать?

– ДЕЛО НЕ В МОЛИТВАХ И НЕ В СТИХАХ, А В НАМЕРЕНИИ ТВОЕГО СЕРДЦА, – сказал Святой Наставник. – Торговец бузой, делал ли ты что-нибудь в последнее время, что могло встревожить людские жизни?

– Нет, – сказал Мевлют. Он не упомянул, что оказался втянут в электрический бизнес.

– Может быть, делал, но не замечал этого, – сказал Святой Наставник. – Стамбульские псы лают на всех, кто не является истинным турком. Вот почему люди, которые хотят копировать европейцев, всегда боятся собак. Махмуд Второй казнил янычар, основу Османской империи, и это позволило Западу растоптать нас; он также перебил уличных псов и выгнал тех, кого не смог убить, на Хайырсыз-Ада^[70], Неудачливый остров. Жители Стамбула организовали петицию о возвращении псов. Во время последовавшего за Первой мировой войной перемирия, когда город был под властью чужеземной оккупации, уличных псов истребили еще раз для удобства англичан и французов. Но вновь добрые люди Стамбула просили, чтобы им вернули их собак. Вот почему все наши собаки теперь пронизательно чувствуют, кто их друг, а кто враг.

9. Прикрыть ночной клуб

Это правильно?

Ферхат. Не беспокойтесь за Мевлюта: к зиме 1997 года, всего за шесть месяцев, он уже стал инспектором счетчиков. Он и деньги неплохие зарабатывал. Сколько? Да он и сам не знал. Но каждый вечер давал мне полный отчет о том, сколько собрал за день, точно так же как отчитывался своему отцу, когда они вместе продавали йогурт. По ночам он продавал свою бузу, а больше проблем не искал.

На самом деле это я искал проблем. Насколько я мог судить, Сельвихан все еще была с Сами из Сюрмене. Я не мог в это поверить. Все это отодвигало надежду быть с ней, доводя меня до отчаяния. Я часто проводил всю ночь, разыскивая ее в архивах и по городу, но всегда возвращался домой – даже если почти рассвело.

Однажды ночью я был в клубе «Лунный свет» с несколькими друзьями, и в какой-то момент к нашему столу подсели владельцы клуба. Вообще, клубы с живой музыкой сжигают огромное количество электроэнергии, так что управляющие обычно стараются не портить отношения со своими инспекторами. Когда бы мы ни пришли в подобное место, мы всегда можем рассчитывать на хорошие скидки. Той ночью наш стол привлек к себе внимание, потому что правая рука владельца, некий господин Усач (названный так за тонкие усы), непрерывно приглашал певиц присесть к нам и просил нас требовать от них все, что мы хотим услышать.

Позже этот господин Усач спросил, можем ли мы встретиться в кофейне на Таксима как-нибудь утром; я полагал, что речь пойдет об обычных делах, вроде незаконной проводки в «Лунном свете», но у него была намного более важная и серьезная повестка: он хотел прикрыть конкурирующий клуб «Солнечный свет».

К тому времени развелось новое поколение гангстеров, которые специализировались на прикрытии баров, ночных клубов и даже дорогих ресторанов. Они использовали возможности, которые появились в результате приватизации электричества и инфляции, вдвое увеличившей штрафы за просроченные платежи. Владелец какого-нибудь клуба мог сговориться с инспекторами электрической компании и погрузить конкурирующий клуб во тьму, а после закидать его гигантскими счетами благодаря пеням. Если все шло по плану, конкурирующий клуб мог

закрыться на пару недель, а если он не имел возможности быстро заплатить долги, то вовсе исчезал. За последние шесть месяцев, я слышал, таким образом были закрыты несколько баров и клубов на Бейоглу, два отеля в Аксараяе и на Таксимае (воровство электричества было очень распространено и в маленьких отелях) и большая кебабная на проспекте Истикляль.

Крупный бизнес имел контакты в полиции и районной прокуратуре, и к тому же он мог рассчитывать на защиту мафии. Даже если появлялся какой-нибудь принципиальный и дотошный инспектор, вскрывал неучитываемые присоединения и выставлял штрафы, отключал энергию и ставил пломбу на счетчик, поддерживаемые мафией управляющие не обращали на это никакого внимания; они переподключали линию и продолжали делать то же самое. Они могли устроить проблемы смелому инспектору, вплоть до его избиения. Поэтому, чтобы прикрыть какое-нибудь крупное заведение, конкурирующий бизнес должен был иметь в кармане государственного прокурора, мафию и, конечно же, полицию. В тот день господин Усач раскрыл, что закрытие клуба «Солнечный свет» является частью большого плана владельцев «Лунного света», курдов из Джизре, которые объявили войну Самии из Сюрмене.

Я спросил, почему они выбрали меня для столь важной операции.

– Наши парни сказали нам, что ты уже положил глаз на Самию из Сюрмене, – сказал господин Усач. – Они видели, как ты что-то вынюхиваешь в том клубе.

– Машаллах, от Джемми из Джизре не спрячешься! – сказал я. – Но это опасно. Мне надо подумать.

– Не беспокойся. Бандиты Бейоглу больше не устраивают перестрелок на улице из-за небольших разногласий.

Самия.

– Так больше не может продолжаться, – сказала я Ферхату как-то утром. – Тебя нет до рассвета, и я вижу тебя только спящим. Продолжай так, и я уйду от тебя.

– Ты не сможешь этого сделать! Я умру без тебя! Я все делаю ради тебя, я живу ради тебя, – сказал он. – Мы столько пережили вместе, уже достигли почти всего, чего хотели. А теперь мне просто осталось одно большое дело. Дай мне сделать его, и я куплю тебе не одну, а целых две фермы на юге.

Как обычно, я поверила ему. Прошло два года с тех пор, как умерла Райиха. Теперь я на год старше, чем она была тогда, а у меня все еще нет

ни детей, ни настоящего мужа. Я рассказала все Ведихе.

– В первую очередь, Самаха, Ферхат – хороший муж! – ответила сестра. – Большинство мужчин раздражительные, упрямые хамы. Ферхат не такой. Мужчины скупы. Они еще и бьют своих жен. Ты никогда не говорила ни о чем подобном. Я знаю, Ферхат любит тебя. Ты будешь ненормальной, если покинешь его. Ферхат – хороший человек. Ты не можешь просто уйти от такого мужа. Куда ты пойдешь? Давай лучше сходим в кино.

Я вновь поставила этот вопрос перед Ферхатом и заявила, что в самом деле собираюсь уйти. Он просто посмеялся:

– Я, может быть, почти свалил Сами из Сюрмене и его империю, а ты мне такое говоришь?

Больше всего, однако, я расстроилась, когда поняла, что, похоже, девочкам трудно скрывать от Мевлюта свои визиты ко мне.

– Почему вы все время ходите к своей тете? – ругал их он.

Не могу сказать, какая из девочек проговорила отцу. Но я узнала, что ему не нравится то, что они ходят сюда и учатся пользоваться губной помадой.

– Он бы лучше постыдился! – сказала Ведиха. – Он все еще думает о тех глупых письмах. Пожалуйся на него Ферхату. Разве Ферхат теперь не начальник Мевлюта?

Я ничего не сказала Ферхату. Приняв решение, я обдумывала в голове каждую деталь своего замысла и ждала удобного момента.

Ферхат. Есть два способа прикрыть большой ночной клуб, дорогой ресторан или маленький отель. Вы проникаете внутрь и находите все незаконные кабели под предлогом, что показываете владельцам еще более новые и хитрые способы присоединиться к линии. Затем вы договариваетесь с их врагами и организуете рейд. Или находите опытного электрика, который устанавливал незаконные подключения, и пытаетесь вывести все у него. Второй способ определенно более опасный, потому что электрик так просто никого не выдаст. Наоборот, он может все понять, пойти к владельцам, для которых выполнял работу, и рассказать им о маленькой крысе, которая так интересуется их проводкой. Там, где делается много денег, там и крови льется много. Ведь без электричества ни плитку положить, ни цемента замесить, так ведь?

Два моих старых секретаря в архиве «Семь Холмов Электрик» предупредили меня об опасностях, с которыми я могу столкнуться. Они также сказали мне, что показания счетчика в клубе «Солнечный свет»

контролировались старым инспектором, таким строгим, что его звали Генерал.

– Не так-то просто прикрыть это заведение. Да поможет нам Аллах! – воскликнул взволнованно один из стариков.

Войны ночных клубов были самыми серьезными: раньше, когда конкурирующие клубы и их банды объявляли друг другу войну, одни могли похитить певиц и танцовщиц у других и держать их в заложниках, а то и прострелить им колени. Обычным делом для банды было прийти в конкурирующий клуб и устроить там погром. Имея контакты в прессе, конкуренты могли заказать статью про очередную драку, которая иногда завершалась убийством, и вскоре бо́льшая часть клиентов переставала ходить в «прославившийся» подобным образом клуб. Я любил слушать рассказы старых секретарей.

После кропотливого изучения ситуации я встретился с владельцами «Лунного света» и сказал, что могу предоставить им нужные схемы.

– Отлично. Не давай их больше никому, – сказал господин Усач. – У нас есть план. Где ты живешь? Я пришлю наших парней. Нам безопаснее поговорить о деталях у тебя дома.

Когда он сказал «дома», моя первая мысль была о Самихе. Я хотел броситься домой тем же вечером и рассказать ей обо всем. Я собирался сказать: «Мы хотим прикрыть клуб „Солнечный свет“». Самиха будет очень счастлива: мы не просто разбогатеем, но и преподнесем хороший урок дерьмовым эксплуататорам. Но когда я наконец вернулся домой, было уже поздно, и я заснул на кушетке в гостиной. Когда я проснулся утром, то увидел, что Самиха ушла из дома.



Святой Наставник не научил Мевлюта магическим словам для разгона собак. Была ли какая-то правда в его словах, что они нападают на тех, кто чужой на этой земле? Если в этом настоящая причина, они никогда не должны были лаять на Мевлюта, который даже в самых новых и удаленных районах не чувствовал себя чужаком. Правда, с тех пор, как Мевлют последний раз посетил Святого Наставника в феврале 1997 года, собаки стали рычать на него не так уж и часто. Ему казалось,

что у этой приятной перемены две причины.

Первая: уличные псы начали терять свою власть над этими отдаленными районами. Там не было старых кладбищ. Кроме того, муниципальные власти оснастили те районы огромными мусорными контейнерами на больших колесах. Собаки были недостаточно сильны, чтобы запрыгнуть в эти маленькие крепости и рыться там в поисках еды.

Другой причиной, по которой Мевлют теперь меньше боялся собак, было его великодушие к бедным людям, жившим в тех заброшенных районах. Здесь он никогда не ходил с важным видом, как какой-нибудь высокопоставленный фанатик-бюрократ. Если он попадал в дом за городом и находил несколько жалких кабелей, прицепленных к высоковольтной линии поблизости, он принимал многозначительный вид (возможно, даже задавал несколько наводящих вопросов), давая ясно понять каждому, кто был в доме – будь то старик-пенсионер, курдская женщина, сбежавшая от войны, или какой-нибудь безработный юнец, – он в точности знает, что они сделали. Но не наказывал бедняков штрафами, предпочитая брать деньги с тех, кто был несомненно богаче.

Ферхат рассказал ему, что Самаха ушла из дома, отправилась жить в семью Акташ и отказывается возвращаться. На самом деле Мевлют знал больше: их общий тесть Горбун Абдуррахман не смог скрыть свое ликование при новости, что Самаха бросила мужа, и прыгнул на первый же автобус до Стамбула, чтобы быть рядом с дочерью и поддержать ее в трудную минуту.

– Я тоже совершал ошибки, – сказал Ферхат. – Но все это изменится. Я буду водить ее в кино. Но вначале ей надо вернуться домой. Конечно, ты не можешь сам пойти и поговорить с ней. Но с ней может поговорить Ведиха. Она – умная женщина. Из всех Акташей и Караташей она самая умная. Она сможет убедить Самаху.

Ферхат рассказал Мевлюту о большой схеме, в которой он начал участвовать, однако из осторожности не назвав ни мест, ни банд, ни исполнителей. Он хотел, чтобы Мевлют передал все это Ведихе с тем, чтобы Ведиха передала затем сведения Самахе. Истинная правда в том, что он пренебрегал женой из-за работы.

– А еще Самаха расстраивалась из-за кое-чего другого, – сказал Ферхат. – Она говорила, что ты не хочешь, чтобы Фатма и Февзие приходили к нам. Это правда?

– Это неправда, – солгал Мевлют.

– Ладно, все равно, передай Самахе, что я не могу жить без нее, – сказал Ферхат.

Мевлюта слова друга не убедили, и он с грустью подумал о том, что двадцать шесть лет назад, продавая «Кысмет», они верили, что могут открывать друг другу все свои сокровенные мысли.

На этом друзья разошлись. Их пути тоже разошлись; теперь они разговаривали как двое инспекторов, которые просто обсуждали рутинные деловые вопросы. Это была их последняя встреча.

Ведиха. За все время, что я была членом этой семьи, выйдя замуж двадцать лет назад, после всех тех усилий, которые я приложила, улаживая споры, покрывая ошибки и налаживая дружбу, – справедливо ли, что я должна отвечать за все плохое, что происходит? После того как я множество раз твердила Самихе: «Делай что хочешь, но не бросай свой дом и своего мужа», справедливо ли, что меня обвиняют в том, что моя сестра решила уложить чемоданы и переехать жить к нам на Дуттепе? После того как я четыре года провела в поисках симпатичной и достойной девушки для Сулеймана, моя ли вина в том, что он в итоге женился на какой-то старой салонной певичке? Если мой бедный отец решил приехать в Стамбул, чтобы побыть со своими дочерьми, и провел больше месяца, живя на третьем этаже с Самихой, заслуживаю ли я косых взглядов своего свекра и мужа? Разве справедливо то, что Сулейман перестал навещать своих родителей, потому что, мол, там живет Самиха, и поставил меня и мою бедную младшую сестру в неудобное положение? После того как я столько раз говорила мужу: «Давай переедем в Шишли, у нас теперь достаточно денег», а Коркут меня игнорировал, правильно ли, что Сулейман и его жена отправились жить туда сами, как будто назло? Ну в самом деле, правильно ли, что Сулейман и его жена до сих пор даже не пригласили нас с Коркутом в свой новый дом? А как насчет того, что Мелахат так презрительно отнеслась к тому, что дороги на Дуттепе еще не заасфальтированы и что здесь поблизости даже нет парикмахера? Справедливо ли, что нам с моей бедной младшей сестрой нельзя пойти в кино в Шишли? На каком основании именно я должна носить обед моему свекру в его лавку каждый день все последние двадцать лет? Справедливо ли то, что мне приходится бежать сломя голову, чтобы его еда не остыла, и всякий раз слышать: «Опять не то» или «Что это еще такое?» – вне зависимости от того, сделала ли я его любимое тушенное мясо с фасолью или принесла блюдо с бамией?^[71] Правильно ли со стороны Коркута говорить Самихе, что ей делать и что не делать, и приказывать ей, как своей жене, просто потому, что она живет сейчас с нами? Или ругать меня в присутствии своей матери и отца? Или унижать меня перед детьми?

Справедливо ли то, что мне нельзя брать пульт, когда мы все вместе смотрим телевизор по вечерам? Почему Бозкурт и Туран так же грубы со мной, как их отец? Почему они позволяют себе браниться, как матросы, при своей матери? Когда мы вместе смотрим телевизор, хорошо ли с их стороны кричать: «Принеси чаю, мам!» – каждые пять минут, даже не оборачиваясь ко мне? Правильно ли, что их отец, наняв тощую, грубую, покрашенную блондинку, уделяет ей столько внимания только потому, что «она подходит для бизнеса»? Должны ли мальчишки воротить нос от всего, что я готовлю? Хорошо ли для них требовать жареную картошку каждый день, хотя их лица покрыты прыщами? Нормально ли делать домашнее задание и при этом смотреть телевизор? Правильно ли для них копировать своего отца и называть любого, кто им не нравится, «пидор» или «жид»? Когда я прошу: «Сходите принесите немного хлеба из дедушкиной лавки», хорошо ли моим сыновьям спорить каждый раз, чья очередь идти за хлебом? Когда я прошу их сделать что-нибудь, стоит ли им говорить: «Мне домашку надо делать», хотя они никогда на самом деле не делают своих домашних заданий? Стоит ли им огрызаться: «Это моя комната, я могу делать в ней что хочу!»? Если в кои-то веки мы решаем сесть в машину и поехать куда-нибудь вместе всей семьей, допустимо ли им говорить: «У нас футбольный матч в районе»? Хорошо ли им называть своего дядю Мевлюта «продавец бузы» и так плохо относиться к его дочерям? Правильно ли, что муж и сыновья смеются надо мной за то, что я днем смотрю сериалы? Когда два моих сыночка проваливают весь учебный год, прилично ли для них называть учителя идиотом, вместо того чтобы признать собственные недостатки? Должны ли они брать машину, хотя у них даже прав нет? Если им случается увидеть тетю Самиху гуляющей одной по Шишли, должны ли они доносить об этом своему отцу сразу, как только он вернется вечером домой? Хорошо ли Коркуту говорить мне: «Делай то, что тебе велено!» – в их присутствии или больно сжимать мне руку до синяков? Хорошо ли то, что они стреляют в чаек и голубей из своего духового ружья? После всех моих лекций о том, как важно делать домашние задания, правильно ли их отцу в очередной раз рассказывать старую историю о том, как он избил учителя химии с ослиной физиономией перед всем классом? Если у них контрольная, не должны ли мои сыновья готовиться, вместо того чтобы делать шпаргалки? Хорошо ли со стороны моей свекрови Сафийе говорить: «Ты сама не ангел, Ведиха!» – всякий раз, когда я пытаюсь пожаловаться? Хорошо ли, что все они только и думают о том, как бы разбогатеть, после всех своих разглагольствований об Аллахе, о нации, о морали?

10. Мевлют в полицейском участке

Я провел всю жизнь на этих улицах

Ферхат. Как и в большинстве ресторанов, кафе и отелей, которые воруют электричество, в клубе «Солнечный свет» было множество «неприкрытых нарушений». Присутствовали небольшие соединения, установленные с единственной целью: именно их должны были найти инспектора во время проверок. В то же время главные каналы оставались скрытыми. Господин Усач предупредил меня, чтобы я соблюдал осторожность: даже если на нашей стороне прокурор и полиция, нетрудно догадаться, что Сами из Сюрмене бросится в контратаку, чтобы сохранить лицо. Может пролиться кровь. Не нужно мне слишком часто светиться там. Мне также стоило быть осторожным с Генералом. Он был инспектором счетчика клуба «Солнечный свет» достаточно долго, чтобы играть за обе стороны.

Так что ходить в «Солнечный свет» я перестал. Но дома меня больше не ждала Самаха, и я скучал по ночным клубам, так что я стал ходить в другие места. Я столкнулся с Генералом как-то ночью в «Сумерках». Нам выделили один из частных столиков. Клуб «Сумерки» был жутким местом; отделка была поистине зловещей, туалеты всегда издавали странные звуки, а глаза вышибал всегда были полны злобы. Инспектор Генерал был очень любезен и дружелюбен со своим более молодым коллегой. Однако он застал меня врасплох, когда начал говорить о том, какой хороший и порядочный парень этот Сами из Сюрмене.

– Если бы ты знал его лично, если бы был знаком с его семьей и знал, что он хочет сделать для Бейоглу и всей страны, ты бы не верил всей лжи, что люди о нем болтают; ты бы никогда не стал думать о нем плохо, – сказал Генерал.

– Я ничего не имею против господина Сами, – сказал я.

У меня было ощущение, что сказанное мной каким-то образом дойдет до Сельвихан. Я опрокинул несколько стаканов. Почему Самаха утратила веру в нашу семью? Получила ли она посланное с Мевлютом сообщение вернуться домой?

– Человек не должен раскрывать свои истинные цели в жизни, – сказал Генерал. – НЕ ЛЕЗЬ В ЭТИ СВАРЫ НОЧНЫХ КЛУБОВ И БАНД, НЕ ПРИНИМАЙ УЧАСТИЯ НИ В КАКИХ НАБЕГАХ.

Почему-то в этот момент я подумал о том, что Мевлют никогда

ни во что не вмешивается.

Неожиданно я понял, что Генерал исчез. Разве мы не спорили только что о том, почему «Фенербахче» не выиграет Лигу чемпионов в этом году? Ночью всегда наступает момент, когда клуб пустеет и только где-то в глубине играет музыка из кассетника. В этом городе с десятью миллионами душ вы ощущаете себя одним из тех избранных, кто все еще не спит, наслаждаясь своим одиночеством. Выйдя, вы сталкиваетесь с таким же, как и вы, полуночником и думаете, надо бы еще поговорить, слишком много есть что сказать. Эй, друг, огоньку не найдется? Вот, возьми сигарету. Не куришь «Самсун»? Я не люблю американские сигареты, от них кашляешь и рак бывает. Дальше сами знаете, я брожу по пустынному городу с этим человеком, думая о том, что если увижу его снова на следующий день, то, наверно, даже не узнаю. К утру тротуары перед всеми лавками, кафе и столовыми покрыты бутылками и прочим мусором, и лавочники, которым приходится все это убирать, проклинают ночных гуляк. Смотрите, все, что мне надо, – это настоящий разговор, друг, с которым я могу быть честен, кто-то, с кем я могу говорить почти обо всем. Ничего, если я поговорю с тобой? Я пахал всю свою жизнь, но единственное, чего я не делал, – это не проявлял достаточно внимания к тому, что происходит дома. Что? Я сказал, ДОМА. Это важно. Нет, дай мне договорить... Ты прав, друг мой, но мы не найдем заведения, в котором дают выпивку в такой час. Нет, они все уже закрыты, но это ничего, давай пройдемся, кто я такой, чтобы разочаровывать тебя. Город красивее всего ночью; знаешь, люди ночью всегда говорят правду. Что? Не бойся, собаки не кусаются. Ты из Стамбула? Ты сейчас сказал – Сельвихан? Нет, никогда не слышал о нем; это, наверно, последний клуб с турецкими песнями, не закрытый до утренней молитвы: давай зайдем, если хочешь, можем спеть какую-нибудь старую песню. Все равно, откуда ты? О нет, даже это место закрыто. Вся моя жизнь прошла на этих улицах. Даже в Джихангире в такой час негде выпить. Скоро разгонят все эти бордели и трансвеститов. Нет, и тут тоже закрыто. Этот парень иногда кидает на вас довольно неприятные взгляды; если бы мои друзья видели нас, они бы сказали: Ферхат, где ты находишь таких людей? Прости за вопрос, но ты женат? Не пойми меня неправильно... Каждый имеет право на частную жизнь... Ты сказал, ты с черноморского побережья, у тебя есть катер? Когда наступает определенное время ночи, каждый начинает свои фразы с «Прости меня» и «Не пойми меня неправильно». Но почему бы просто не перестать говорить вещи, которые могут быть неправильно поняты? Почему ты куришь американские сигареты вместо

нашего чудесного «Самсуна»? Ну ладно, мы пришли, моя лачуга на втором этаже. Моя жена ушла от меня. Я собираюсь спать на тахте, пока она не вернется домой. Кстати, у меня в холодильнике есть немного раки, давай еще по стаканчику – и баиньки, мне надо рано вставать, чтобы встретиться с одними старыми счетоводами и прочитать все о твоём прошлом. Не пойми меня неправильно, в общем-то, я счастлив. Я пробыл в этом городе всю свою жизнь и все еще не могу его оставить.



Теперь, когда Мевлют зарабатывал достаточно, чтобы легко прожить до конца месяца, он начал выходить из дому ночью намного позже, чем прежде, – после окончания вечерних новостей – и приходил домой до одиннадцати. Он зарабатывал инспектором счетчиков столько, что впервые за двадцать пять лет жизнь не казалась непрерывной борьбой за существование. Число постоянных покупателей, которым он доставлял бузу два или три раза в неделю, тоже сократилось. Если Мевлют возвращался домой до того, как дочери лягут спать, он еще немного смотрел с ними телевизор.

Ферхат, перед которым Мевлют отчитывался за каждую лиру, однажды спросил:

– Мевлют, что бы ты сделал, если бы выиграл в лотерею?

– Я бы просто сидел дома с дочерьми и смотрел телевизор, и больше ничего! – ответил Мевлют, улыбнувшись.

Ферхат глянул на него удивленно, как будто говоря: «Какой же ты наивный!» Так же на Мевлюта смотрели всю жизнь всякие аферисты, мошенники и люди, которые считали себя умнее его. Но Ферхат никогда не был одним из них; он всегда понимал Мевлюта. Мевлюту было больно видеть снисходительный взгляд Ферхата после того, как тот столько лет уважал Мевлюта за честность.

Иногда, уходя продавать бузу в дальних районах, Мевлют думал, что Ферхат, должно быть, согласен с теми, кто считает, что есть что-то «не очень правильное» в Мевлюте, потому что он все еще занимается бузой. Может быть, и Самиха так думает. Но в конце концов, она же ушла от Ферхата. От Мевлюта женщины не уходили.

Вернувшись как-то ноябрьской ночью домой, он обнаружил стоявшую у дома полицейскую машину, и его мысли сразу обратились к Ферхату. Ему не пришло в голову, что полиция может приехать за ним. Когда он вошел в здание и увидел стоявшего на ступенях офицера и ужас на лицах Фатьмы и Февзие, его первой реакцией была мысль, что полиция не его ищет, что это все должно быть связано с какой-то схемой Ферхата.

Мевлюта попросили проехать в полицейский участок.

– Нам сейчас просто нужно получить показания вашего отца, – объяснял офицер перепуганным девочкам.

Но Мевлют знал, что для полиции, касалось ли дело наркотиков, политики или обычного убийства, такие заверения были просто обманом. Иногда люди, которых уводили на допрос, не возвращались домой годами. Полицейский участок был всего в пяти минутах от его дома; им не было нужды посылать машину, если они всего лишь хотели отвести его туда для показаний.

Пока полицейская машина ехала по ночному городу, Мевлют повторял себе снова и снова, что он невиновен. А вот Ферхат мог преступить закон. Мевлют был связан с ним. Возможно, это значило, что он был виновен – по крайней мере, в своих намерениях. Чувство раскаяния окатило его, как волна тошноты.

Когда они приехали в полицейский участок, стало ясно, что полиция не собирается брать у него показания прямо сейчас. Он и предполагал, что будет именно так, но не мог избавиться от разочарования. Мевлют оказался в просторной камере. Кое-какой свет проникал от старой лампы в коридоре, но в глубине камеры было темно. Мевлют догадался, что в камере было еще двое. Первый человек спал. Второй был пьян и тихо ругался. Мевлют скорчился на холодном полу в углу камеры.

Воспоминания об испуганных и заплаканных лицах Фатьмы и Февзие терзали его душу. Единственное, что ему оставалось, – утопать в своих страданиях, пока не заснет, как он делал в детстве. Что бы сказала Райиха, увидев своего мужа прямо сейчас? Она бы сказала: «Разве я не говорила тебе держаться подальше от Ферхата?» Он вспомнил о том, как она отбрасывала волосы назад, вспомнил ее приступы ярости, ее озорную улыбку. Как здорово они иногда смеялись вместе! Если бы Райиха была теперь жива, Мевлют бы намного меньше опасался того, что может произойти. Полицейские наверняка собираются бить его, когда будут допрашивать утром; они даже могут отправить его на фалаку или пытаться электричеством. Ферхат рассказывал много историй о жестокости копов. Теперь Мевлют был в их власти. Он боялся побоев и на военной службе,

но там все завершилось хорошо. Он не спал всю ночь. Когда он услышал утренний призыв к молитве, он осознал, какое это счастье – свободно выйти на улицу в поток городской жизни.

Когда его привели в комнату для допросов, он был измучен усталостью и беспокойством. Что делать, если его ударят или станут бить по пяткам, пытаясь выбить информацию? Друзья Мевлюта с левыми взглядами рассказывали бесконечные истории о смелых людях, которые умерли, героически вынеся всевозможные пытки; ему хотелось подражать им, но что это за секрет, который он должен скрывать? Ферхат, должно быть, использовал имя Мевлюта в каких-то грязных делах. Да, он совершил большую ошибку, что пошел работать инспектором.

– Ты что, решил, что ты дома?! – рявкнул человек в гражданской одежде. – Не смей садиться, пока я не скажу!

– Извините... Я не сделал ничего плохого.

– Мы сами решим, сделал ли ты что-нибудь плохое или нет, но сначала давай посмотрим, умеешь ли ты говорить правду.

– Я буду говорить правду, – сказал Мевлют храбро и убежденно.

Похоже, его слова произвели на них впечатление.

Они спросили его, чем он занимался две предыдущие ночи. Он сказал, что ходил продавать бузу, перечислил, на каких улицах и в каких районах он был и в какие квартиры заходил в какое время.

Допрос застопорился. Мевлют посмотрел в открытую дверь и увидел, как в сопровождении полицейского провели Сулеймана. А он-то что тут делает? Прежде чем Мевлют сумел собраться с мыслями, полицейские сказали, что Ферхат был убит в своем доме две ночи назад. Они внимательно следили за реакцией Мевлюта.

– У Сулеймана Акташа и Ферхата Йылмаза ведь был какой-то конфликт, верно? – поинтересовались полисмены.

Мевлют объяснил, что это все уже давняя история; Сулейман ныне счастливо женат, у него есть ребенок, и он никогда не совершил бы ничего подобного. Копы напомнили, что жена Ферхата ушла от него и нашла прибежище в доме Сулеймана. Мевлют сказал, что ее побег не связан с Сулейманом. Он все равно больше не ходит в тот дом. Он слышал обо всем этом от Ведихи. Мевлют не переставая защищал невиновность двоюродного брата. Кто мог убить Ферхата? Подозревает ли Мевлют кого-нибудь? Нет. Слышал ли Мевлют об угрозах Ферхату? Были ли у его друга какие-то разногласия с коллегами по службе из-за денег или женщин? Нет, не было. Ожидал ли Мевлют, что Ферхата могут убить? Нет, не ожидал.

Иногда полицейские забывали о его присутствии и начинали говорить

между собой о других вещах, приветствовали коллегу, который открыл дверь, поддразнивали друг друга.

Кто-то из полицейских сказал: «Все трое втрескались в одну и ту же девушку!» Остальные засмеялись.

После допроса Мевлюта отправили назад в ту же камеру, и вот тут-то его охватила паника. На мгновение ему стало так страшно, что захотелось умереть. Но вскоре он понял, что, наверно, преувеличивает.

Днем его выпустили. Оказавшись на свободе, он начал горевать о Ферхате. Ему казалось, будто стерлась главная часть его жизни и памяти. Но потребность торопиться домой и обнять дочерей была такой сильной, что к тому времени, когда он сел на автобус на Таксим, он уже был в эйфории.

Девочек дома не оказалось, и пустой дом вселял тоску. Фатьма и Февзие ушли, ничего не приготовив: он чувствовал нараставшую грусть, увидев ту же посуду для бузы, которой он пользовался тридцать лет, рассаду базилика Райихи на подоконнике и больших тараканов, которые всего за два дня набрались достаточно смелости, чтобы расползтись повсюду, как будто этот дом принадлежал им. Казалось, комната за ночь превратилась в какое-то чужое место и все внутри слегка изменило форму.

Мевлют был уверен, что его дочери отправились на Дуттепе. Там все теперь должны быть злы на Мевлюта за его близость с Ферхатом. Что ему сказать, когда он будет приносить Самихе свои соболезнования? Он думал обо всем этом, глядя в окно автобуса на Меджидиекёй.

Дом семьи Акташ на Дуттепе был переполнен, как после молитвы в праздничный день: Сулеймана выпустили примерно в то же время, что и Мевлюта. В какой-то момент Мевлют обнаружил, что сидит напротив жены Сулеймана, Мелахат, но они не сказали друг другу ни слова. Мевлют размышлял, что Акташи слишком суровы к этой женщине, которая выглядела совершенно безобидной. А ему самому хотелось сейчас лишь забрать своих девочек и вернуться домой на Тарлабаши. Хвала Всевышнему, в этом доме теперь было четыре этажа и три постоянно включенных телевизора. Мевлют не покидал первого этажа, таким образом он не увидит заплаканную Самиху. Теперь и она овдовела.

Алевитские родственники Ферхата, его коллеги из электрической компании и несколько старых друзей с Бейоглу – все пошли на похороны, кроме Самихи. Покинув кладбище, Мевлют и Мохини не очень представляли, что им теперь делать. Над Стамбулом висело небо пепельного цвета. В конце концов они вдвоем отправились в кино, и после того Мевлют поехал прямо домой дожидаться дочерей.

Он не стал говорить с девочками о похоронах дяди Ферхата. Впрочем, Фатма и Февзие не задавали вопросов. Что Самиха рассказывала им, чему она их учила? Каждый раз, глядя на своих девочек, Мевлют беспокоился за их будущее. Теперь, когда Ферхат был мертв, единственными людьми, на которых он мог положиться в борьбе за выживание в Стамбуле, были Коркут и Сулейман.

С самого начала Мевлют сказал Коркуту в точности то же самое, что сказал полиции: он ничего не знает о рискованных махинациях Ферхата. В любом случае работа инспектора больше не прельщает Мевлута; он собирается немедленно уволиться. У него скопилось немного денег. Когда он пошел в главное управление «Семь Холмов Электрик» на Таксимае, чтобы подать заявление, он обнаружил, что уже уволен. Владелец компании избегали любых скандалов. Мевлют поморщился, когда услышал, как какие-то знакомые инспекторы уже говорят, что Ферхат запятнал доброе имя всех инспекторов.

Причина убийства Ферхата оставалась неизвестной несколько месяцев. Вначале полиция предположила, что в убийстве был какой-то гомосексуальный мотив. Но такая версия даже Коркута с Сулейманом вывела из себя. Основанием ее был тот факт, что убийца беспрепятственно проник в дом Ферхата и они явно выпили по стакану раки вместе, так что, очевидно, убийца был с ним знаком. Полицейские взяли показания Самихи и, похоже, поверили ее объяснениям; ее ни в чем не подозревали, и полиция даже водила ее в дом, чтобы определить, не было ли что-нибудь украдено. Полиция арестовала двух воров, которые обычно орудовали в Чукурджуме и Джихангире, и немного попытала их. Подробности расследования менялись каждый день, и Мевлют мог лишь неустанно благодарить Коркута за политические связи.

Сейчас в Стамбуле жили девять миллионов жителей, и обычные преступления на почве страсти, алкоголя или гнева не считались больше новостями, о них не писали в газетах, пока в деле не оказывалась замешанной женщина или знаменитость. Так что убийство Ферхата тоже не попало в газеты. Газетные воротилы, которые получили долю с прибылей после приватизации электрической отрасли, предотвращали любые негативные публикации на эту тему. Шесть месяцев спустя придерживающийся левых взглядов ежемесячный журнал, в котором работал старый друг Ферхата, опубликовал не привлекающую никакого внимания статью про электрическую мафию. Согласно автору, Ферхат был добросовестным инспектором, который попал под перекрестный огонь криминальных банд, сражавшихся за доходы от электрического

вымогательства.

Мевлют раньше никогда не слышал об этом журнале, но спустя два месяца после выхода номера со статьей о Ферхате Сулейман принес ему копию. У брата только что родился второй мальчик; строительный бизнес шел хорошо, и он был счастлив.

– Ты знаешь, как сильно мы тебя любим? – сказал Сулейман. – Фатьма и Февзие сказали нам, что ты никак не можешь найти работу, которой заслуживаешь.

– У меня все хорошо, хвала Создателю, – сказал Мевлют. – Я не понимаю, почему девочки жалуются.

Имущество Ферхата разделили спустя восемь месяцев после его смерти. С помощью юриста, которого семья Акташ наняла для Самихи, она получила в собственность две маленькие квартиры в окрестностях Чукурджумы и Топхане, которые ее муж купил на деньги, что он скопил за время работы инспектором счетчиков. Крохотные, угловатые и облезлые квартиры были отремонтированы и отделаны строительной компанией Вуралов и затем сданы. Мевлют узнавал о всех подробностях жизни на Дуттепе через Фатьму и Февзие, которые ездили повидаться с тетями каждые выходные, оставаясь у них в субботу на ночь, и рассказывали отцу обо всем: о еде, которую ели, о фильмах, которые ходили смотреть, об играх, в которые играли их тети, и о ссорах между Коркутом и Ведихой. После этих визитов Фатьма и Февзие хвастались перед отцом новыми свитерами, джинсами, сумками и прочими подарками, которые они получили. Их тетя Самиха также оплачивала вечерние занятия на подготовительных курсах в университет, которые Фатьма уже начала посещать, а еще она давала обеим племянницам карманные деньги. Фатьма хотела изучать туристический менеджмент. Ее решимость всегда вызывала у Мевлюта слезы умиления.

– Ты знаешь, как Коркут переживает из-за политики, – сказал Сулейман. – Я уверен, что однажды он будет вознагражден за все хорошее, что он сделал для этой страны. Мы покинули деревню, но теперь мы создаем ассоциацию, чтобы объединить всех людей, которые приехали в Стамбул из Бейшехира, чтобы заручиться их поддержкой. Мы добились участия некоторых богатых людей из Дуттепе, Кюльтепе, Нохута и Йорена.

– Я не разбираюсь в политике, – сказал Мевлют.

– Мевлют, нам уже сорок, мы во всем должны разобраться, – сказал Сулейман. – Здесь нет никакой политики. Мы просто собираемся организовывать некоторые мероприятия; так, уже проводим пикники и прогулки. Теперь будет еще и клубный дом. Ты просто должен весь день

делать чай и разговаривать с людьми с родины. Мы собрали кое-какие деньги, чтобы снять помещение в Меджидиекее. Твоей обязанностью будет открывать его утром и закрывать вечером. Ты будешь получать по меньшей мере в три раза больше, чем может заработать какой-то бедный уличный торговец. Коркут гарантирует это. Ты можешь уходить в шесть и еще иметь время продавать свою бузу по ночам. Видишь, мы и об этом подумали.

– Дай мне пару дней обдумать это.

– Нет, тебе надо решить прямо сейчас, – сказал Сулейман, но смягчился, увидев, как опечалился Мевлют.

Мевлют предпочел бы работу поближе к улицам, толпам и Бейоглу. Перешучиваться с покупателями, звонить в двери, ходить туда и сюда по бесконечным улочкам: это было то, что он знал и любил. Но он мучительно осознавал, насколько сильно зависит от поддержки Сулеймана и Коркута. К этому времени он потратил все деньги, что заработал инспектором. Его деятельность в электрической компании также стоила ему нескольких постоянных покупателей бузы. Иногда ночью ему казалось, что ни одна штора не отдернется, ни один покупатель не пригласит его подняться наверх. По ночам он чувствовал тяжесть и мрачную темноту города вокруг. Собаки больше не угрожали. Те металлические контейнеры на колесах, что теперь были расставлены по всему центру города, во всех местах, которые Мевлют любил, – Бейоглу, Шишли, Джихангир, – привели к появлению новой категории нищих, которые кормились с них. Эти улицы стали частью души Мевлюта, ведь он провел двадцать девять лет, бродя по ним, но теперь они менялись очень быстро. Теперь вокруг было слишком много людей, слишком много шума. Мевлют чувствовал нарастающий интерес к прошлому, но он не ожидал, что это поможет спросу на бузу. А еще появился новый класс более грубых, более злых разносчиков. Они всегда пытались обмануть покупателей, всегда кричали и постоянно подрезали один другого... Эти новички были неуклюжими и жадными. Время поглотило старое поколение уличных торговцев...

Мевлюта привлекла идея общения с людьми из его родных мест, и он решил согласиться на эту работу. Ведь у него останется возможность продавать бузу по ночам. Маленькое помещение клубного дома располагалось на первом этаже. Прямо у входа стоял продавец жареных каштанов. В первые месяцы новой работы Мевлют следил за ним из окна и изучил все хитрости этой торговли, а также углядел то, что человек делал неправильно. Иногда Мевлют находил предлог выйти наружу и поговорить с торговцем. Иногда он позволял человеку завозить тележку к себе и они вместе ходили в мечеть на пятничную молитву.

11. Воля сердца и воля слова

Фатъма еще учится

Мевлют быстро привык к клубному дому. Он часто уходил еще до шести, оставляя «клуб» на того, кто проводил мероприятие вечером. Ключи от здания имелись у нескольких человек. Иногда помещение бронировали на весь вечер для тех, кто приехал из деревень вроде Гёджюка или Нохута, и Мевлют спешил домой. Рано поужинав с дочерьми и проверив, что Фатъма, которая училась уже в десятом классе, трудится достаточно усердно, чтобы поступить в университет, он в счастливом настроении уходил продавать бузу.

В течение всей осени 1998 года Мевлют часто посещал Святого Наставника. Новая толпа из нетерпеливых и напористых слушателей начала собираться в доме старца. Мевлюту подобные ученики не очень нравились, и он понимал, что это чувство взаимно и что они находят его присутствие неуместным. Бородатые боголюбцы, уличная деревенщина, никогда не знавшая галстука, фанатики и прислужники всех сортов набивались к Святому Наставнику во все возрастающем количестве, так что у Мевлюта с трудом находилась возможность поговорить с ним. Мучившийся от многих болезней, которые наградили его хроническим истощением, Святой Наставник больше не вел уроков каллиграфии, болтливые студенты перестали появляться; по крайней мере, они вносили какую-то жизнь и здоровое веселье. В последнее время Святой Наставник сидел в своем кресле у окна в окружении унылых людей, ожидавших своей очереди. Теперь, когда бы Мевлют ни вошел в прибежище Святого Наставника, он тоже принимал такой же печальный вид и начинал говорить шепотом. Его первый визит в это место был совсем иным. «Посмотрите, кто здесь! Пришел наш торговец бузой с лицом ангела!» – говорили тогда его ученики; «Это директор Мевлют!» – шутили они над ним. Сегодня люди просто пили бузу, которую он раздавал им бесплатно.

Однажды вечером он наконец сумел привлечь внимание Святого Наставника и был осчастливлен возможностью побеседовать с ним несколько минут. Но как только Мевлют вышел из обители, он понял, что разговор вышел не самый радостный. И все равно он так сильно ощущал зависть и негодование, которые испытывали все остальные, пока он разговаривал со стариком, что приободрился. Этот ночной разговор был и самым значительным из Мевлютовых «бесед» со Святым Наставником,

и самым горьким.

Мевлют как раз собирался удалиться, когда Святой Наставник, тихо разговаривавший с окружающими, повернулся к толпе в просторной комнате и, как в школе, спросил у своих учеников: «Кто носит наручные часы с кожаным ремешком, а кто с пластиковым?» Святой Наставник любил испытывать своих учеников подобными вопросами, загадками и религиозными задачами. Как обычно, все повернулись, послушно стараясь ответить на его вопрос, и тогда он заметил Мевлюта.

– А, вот и наш продавец бузы с благословенным именем! – сказал он, похвалив Мевлюта и приглашая его к себе.

Когда Мевлют нагнулся, чтобы поцеловать ему руку – покрытую коричневыми пигментными пятнами, которые, похоже, росли в размере и количестве с каждым его визитом, – человек возле Святого Наставника встал, чтобы уступить свое место Мевлюту. Когда Мевлют сел, Святой Наставник посмотрел ему прямо в глаза и, нагнувшись намного ближе, чем Мевлют ожидал, спросил, как у него дела.

Мевлют сразу подумал о Самихе и проклял шайтана, который играет в шутки с его мыслями на виду у всех. Он давно думал, как объяснить Святому Наставнику про письма, которые он писал Райихе, на самом деле имея в виду Самиху.

Но их беседа пошла в совершенно другом направлении. Прежде чем Мевлют смог сказать что-нибудь, Святой Наставник спросил:

– Ты совершаешь ежедневные молитвы?

Это был вопрос, который он обычно приберегал для нескромных искателей внимания, людей, которые говорили слишком много, и для новичков. Он никогда не спрашивал об этом Мевлюта раньше. Может быть, потому, что он знал Мевлюта как нищего продавца бузы.

Мевлют уже знал, как надо отвечать: гость должен был дать искренний ответ о том, сколько раз он молился и дал милостыню за последние несколько дней, но при этом с раскаянием согласиться, что он все еще недостаточно делает для исполнения своего долга правоверного. Святой Наставник затем прощал все недостатки и говорил просителю: «Важно то, что твои намерения хороши». Но шайтан, должно быть, снова был тут, а может, Мевлют просто понял, что вся правда старику не понравится. Он дал краткий ответ. Он сказал, что в глазах Всевышнего значение имеет только воля сердца (те самые слова, что Мевлют часто слышал от самого Святого Наставника).

– Не важно, намерено ли твое сердце молиться; самое важное – это действительно молиться, – сказал Святой Наставник.

Его тон был мягким, но те, кто знал его, сразу заметили, что Святой Наставник сделал выговор.

Детское лицо Мевлюта сразу покраснело.

– Любое действие судится по тому намерению, что стоит за ним, – продолжал Святой Наставник. – **В ДОГОВОРЕ ВАЖНА НЕ ФОРМА И СЛОВА, А ЦЕЛИ И СМЫСЛ.**

Мевлют сидел недвижно, опустив глаза.

– **ВАЖНА НЕ ВНЕШНОСТЬ, ВАЖНО СЕРДЦЕ,** – произнес Святой Наставник. Может, он шутил, потому что раскрасневшееся лицо Мевлюта больше не походило на «ангельское».

Мевлют сказал, что совершал полуденные молитвы каждый день на этой неделе. Это было неправдой. Ему было ясно, что все это знают.

Возможно, вследствие явного смущения Мевлюта Святой Наставник теперь сменил тон беседы.

– Намерение, воля приходит в двух формах, – изрек он, – **ВОЛЯ СЕРДЦА И ВОЛЯ СЛОВА.**

Мевлют слышал это очень ясно и постарался запомнить. Важнее всего воля сердца. Святой Наставник всегда говорил, что это фундамент всего понимания ислама. (Если воля сердца – самое главное, значит ли это, что самое важное в письмах Мевлюта было то, что он писал их для Самихи?)

– Но наша вера учит, что намерения в наших словах тоже должны быть истинными, – продолжал Святой Наставник. – Наш Святой Пророк также выражал свою волю через слова. В ханафитской школе суннитского учения считается достаточным, чтобы чисты были намерения сердца, но, как объявил однажды святой Ибн Зерхани – (Мевлют не был уверен, что запомнил это имя правильно), – когда дело касается городской жизни, **ВОЛЯ СЕРДЦА ПРИРАВНИВАЕТСЯ К ВОЛЕ СЛОВА.**

В этот момент на улице начала гудеть машина. Святой Наставник замолчал. Он посмотрел на Мевлюта, заглядывая прямо ему в душу: он видел смущение Мевлюта, его благоговение и его желание покинуть эту комнату как можно скорее.

– **КТО НЕ ПОМНИТ О НАМАЗЕ, ТОТ НЕ СЛЫШИТ И АЗАНА,** – произнес Святой Наставник. – Каждый видит то, что хочет увидеть, а слышит то, что хочет услышать.

Он обращался ко всей комнате ровным тоном.

Следующие несколько дней Мевлют провел, обдумывая эти слова. Кого имел в виду Святой Наставник под тем «кто не помнит о намазе»? Говорил ли он о Мевлюте, который молился не слишком часто, да еще

и лгал об этом? Имел ли он в виду богача, надавившего на клаксон машины посреди ночи? Может быть, это был намек на безнравственных трусов, которые всегда говорят об одном, но в итоге совершают прямо противоположное?

Мысль о намерении сердца и о намерении слова не покидала Мевлюта. Он видел, что это различие соответствует теории Ферхата про различие между личной и официальной точкой зрения, но размышления о «намерениях», о воле придавали всему вопросу более духовный аспект. Сопряжение сердца и слова казалось Мевлюту более выразительным, чем сопряжение частного и общественного мнения – возможно, потому, что этот вопрос был более серьезным.

Однажды днем Мевлют стоял у порога клубного дома, следя за продавцом каштанов и беседуя со стариком – торговцем йогуртом, отошедшим от дел, у которого была нажита кое-какая недвижимость. Вдруг старик сказал: «Мы должны видеть, что припасла для нас судьба – КЫСМЕТ». Это слово застряло в уме Мевлюта как рекламный слоган.

Раньше он прятал его в дальнем углу своего разума вместе с воспоминаниями о Ферхате, но теперь оно вернулось, составляя ему компанию в ночных прогулках. Листья на деревьях трепетали и произносили это слово. Теперь все имело смысл: КЫСМЕТ стал мостом, соединившим пропасть между намерением сердца и намерением слова. Человек может хотеть одного, говорить о другом, но его судьба, его КЫСМЕТ, соединяет все вместе. Счастье, что он обрел с Райихой, было даром КЫСМЕТ. Слова Святого Наставника немного расстроили Мевлюта, но он был рад, что сходил повидать его.

Следующие два года Мевлют беспокоился о том, сможет ли его старшая дочь окончить школу и поступить в университет. Он не мог помогать Фатьме в учебе; он даже не мог проверить, правильно ли она делает домашние задания. Но сердцем следовал за ее успехами, и каждый раз, когда видел, как Фатьма перелистывает учебники и сердито разбирает очередное домашнее задание, он вспоминал свои собственные школьные тревоги. Его дочь намного прочнее укоренилась в городском мире. По его мнению, она была здравомыслящей и красивой.

Мевлюту нравилось водить Фатьму покупать книги и школьные принадлежности или просто болтать с ней в популярной закусочной «Конак» в Шишли, когда ее сестры не было рядом. В отличие от других девушек, Фатьма никогда не дерзила, не дулась и не забывала о своем месте в отношениях с отцом. Мевлют очень редко ругал ее, потому что она не делала ничего заслуживающего выговора. В ее решимости

и уверенности он иногда видел какую-то страсть. Им всегда было весело вместе, и Мевлют подшучивал над тем, как она щурит глаза, когда читает, как моет руки тысячу раз за день, как швыряет что попало к себе в сумку, но ему никогда не нужно было напоминать ей, что он – ее отец. Он непритворно уважал ее.

Когда Мевлют видел хаос в сумочке дочери, он понимал, что Фатъма выстроила намного более сильные и глубокие связи с городом, его жителями, его учреждениями, чем он сам, и что она, должно быть, обсуждала всевозможные вещи с разными людьми, с которыми Мевлют встречался только как уличный торговец. В ее сумочке водилось так много всего: карточки, листки бумаги, закладки, маленькие кошельки, книги, тетрадки, пропуск, свертки, шоколад... Иногда из сумки доносился запах, совершенно незнакомый для Мевлюта. Запах напоминал Мевлюту о печенье, о жевательной резинке, о ванили. Его источник Мевлют не мог распознать, но он чувствовал, что дочь легко может начать жить совершенно другой жизнью, чем они с Райихой, если захочет.

В первые недели 1999 года Мевлют время от времени говорил Фатъме: «Я приду и заберу тебя после занятий». Курсы в Шишли, на которых Фатъма готовилась к вступительным экзаменам в университет, заканчивались тогда, когда у Мевлюта завершался рабочий день в клубном доме на Меджидиекее, но Фатъма не хотела, чтобы отец приходил за ней. Она возвращалась домой не очень поздно; Мевлют хорошо знал расписание ее занятий. Каждый вечер Фатъма и Февзие готовили ужин в тех же кастрюлях, которыми годами пользовалась их мать.

В тот год Фатъма и Февзие потребовали, чтобы отец установил в доме телефон. Цены снизились; теперь домашний телефон был у каждого, всех подключали спустя три месяца после подачи заявления. Мевлют продолжал отказываться, опасаясь лишних расходов и того, что дочери будут проводить целые дни, прилипнув к телефону. Особенно настороженно он относился к перспективе того, что Самиха станет звонить каждый день и говорить им, что делать. Когда дочери говорили ему, что они «едут на Дуттепе», Мевлют знал, что часто вместо этого они просто идут в Шишли и проводят время со своей тетей Самихой в кинотеатре, в кондитерской, гуляют по торговым центрам. Туда иногда приезжала и тетя Ведиха, тайком от Коркута.

Летом 1999 года Мевлют даже не стал пытаться продавать мороженое. Традиционный торговец мороженым с трехколесной тележкой теперь с трудом мог проехать по Шишли и центру города, не говоря о том, чтобы что-то продать. Теперь заработать можно было только в старых районах,

где дети летним днем играли в футбол на улице, но растущая занятость Мевлюта в ассоциации мигрантов в эти часы не позволяла ему торговать.

Однажды июньским вечером, после того как Фатьма успешно закончила учебный год в школе, в клубном доме появился Сулейман. Он отвел Мевлюта в сторону и попросил его сделать кое-что такое, отчего нашему герою стало сильно неудобно.

Сулейман. Бозкурту было девятнадцать, когда он наконец сумел окончить среднюю школу. И то только потому, что Коркут раскошелился, чтобы устроить его в одну из тех частных школ, где вы, по сути, просто покупаете аттестат своему ребенку. Он не слишком хорошо сдал вступительные экзамены в этом году (впрочем, как и в прошлом), чтобы поступить в хороший университет, и теперь сбился с пути. Он дважды разбил свою машину и даже провел ночь в участке за пьяную драку. Так что отец решил отправить его на военную службу. Парень взбунтовался и так расстроился, что перестал есть. Бозкурт сказал матери, что влюблен в Фатьму. Но он не просил посватать ее или что-нибудь в этом духе. Фатьма и Февзие как-то раз весной приехали на Дуттепе и здорово поругались с Бозкуртом и Тураном. С тех пор дочери Мевлюта обиделись и больше на Дуттепе не приезжали. (Мевлют об этом не знал.) Бозкурт страшно страдал от разлуки с Фатьмой. Тогда Коркут сказал: «Давайте помолвим их, а потом отправим его в армию, иначе он сбежит из дома». Коркут открыл этот план только Ведихе; мы ничего не сказали Самихе. С Бозкуртом разговаривал и я, и брат. «Я женюсь на ней», – сказал он, глядя в сторону. Теперь мне нужно устроить договоренность двух сторон.

– Фатьма еще учится, – сказал Мевлют. – Ты вообще знаешь, а он-то ей нравится? Станет ли она вообще слушать, что я скажу?

Тогда я сказал:

– Единственный раз в жизни меня избили в полиции, Мевлют. И только из-за тебя.

Больше я не сказал ничего.



Мевлюту показалось важным, что Сулейман не упомянул о помощи,

которую семья Акташ оказывала ему все эти годы. Вместо этого брат пожаловался, как больно его били в полиции после убийства Ферхата. Когда они оба были в тюрьме, по какой-то причине полицейские отлупили только Сулеймана, а Мевлюта не тронули. Всего влияния Коркута не хватило, чтобы защитить Сулеймана от побоев.

Сколько на самом деле Мевлют должен семье Акташ? Он вспомнил все старые споры о земле и недвижимости. Прежде чем поговорить с Фатьмой, он долго тянул время. Но он продолжал думать об этом, удивляясь тому, что Коркут и Сулейман сочли возможным сделать такое предложение. Его отец и дядя были женаты на родных сестрах; следующее поколение двоюродных братьев сделало то же самое – Коркут и Мевлют женились на сестрах. Если третье поколение продолжит в том же духе – дети могут родиться косоглазыми заикающимися идиотами.

Главной проблемой, однако, была перспектива неминуемого одиночества. Все летние вечера в том году Мевлют часами смотрел телевизор с дочерьми и уходил, когда они уже ложились спать. Тени деревьев в свете уличных фонарей, бесконечные стены, неоновые огни витрин и слова на рекламных щитах – все говорило с ним.

Однажды вечером он смотрел телевизор с Фатьмой, пока Февзие вышла в бакалейный магазин, и разговор как-то перешел к дому на Дуттепе.

– Почему вы перестали ездить к тетям? – поинтересовался Мевлют.

– Мы встречаемся достаточно часто, – сказала Фатьма. – Но мы посещаем Дуттепе, только когда Бозкурта и Турана там нет. Я не выношу обоих.

– Что они тебе наговорили?

– А, ребячество... Безмозглый Бозкурт!

– Я слышал, он очень расстроен вашей ссорой. Он перестал есть, и он...

– Папа, он псих, – сказала Фатьма, благоразумно прерывая отца, чтобы тот сменил тему.

Мевлют видел гнев в глазах дочери.

– Тогда вам вообще не нужно ездить на Дуттепе, – сказал он, охотно принимая ее сторону.

Больше они к этому разговору не возвращались. Мевлют не знал, как передать известие об этом формальном отказе. Он не стал звонить Сулейману. Но одним душным вечером в середине августа Сулейман сам пришел в клубный дом, когда Мевлют подавал троим посетителям из деревни Имренлер, которые собирались организовать круиз по Босфору,

мороженое, только что купленное в магазине.

– Фатъма не согласна, она сказала – нет, – сказал Мевлют Сулейману, как только они остались одни. – Она хочет продолжать свое образование; я ведь не могу забрать ее из школы? Она учится намного лучше, чем тот же Бозкурт, – добавил он, подталкиваемый побуждением немного съязвить.

– Я же тебе сказал, что он собирается в армию... – сказал Сулейман. – Ладно, не важно... Хотя думаю, ты раньше должен был ответить. Если бы я не пришел и не спросил, ты бы даже не подумал передать нам ответ.

– Я хотел подождать, может, Фатъма передумает.

Мевлют видел, что Сулейман не рассержен отказом; похоже, доводы убедили его. Но Сулейман беспокоился, как сказать об этом Коркуту. Мевлют тоже немного беспокоился, он не хотел, чтобы Фатъма выходила замуж, пока не окончит университет. При таком раскладе у отца и дочери было по меньшей мере пять или шесть лет в запасе для блаженного общения. Разговаривая с Фатъмой, Мевлют всегда чувствовал уверенность, что разговаривает с человеком, на которого он всегда может положиться, как всегда мог положиться на Райиху.

Пять дней спустя он проснулся где-то после полуночи оттого, что кровать, комната и весь мир тряслись. Он слышал, как со звоном бились стаканы и пепельницы, звенели лопавшиеся соседские окна. Дочери прыгнули в постель к отцу и прижались к нему. Землетрясение продолжалось намного дольше, чем ожидал Мевлют. Когда толчки на какое-то время прекратились, света не было, и Февзие заплакала.

– Наденьте что-нибудь и идем на улицу, – сказал Мевлют.

Весь мир проснулся и выбежал на улицы. Казалось, что в темноте галдит весь Тарлабаши. Пьяные ругались, женщины плакали, а некоторые особенно сердитые стамбульцы кричали с досады. Мевлют и девочки сумели накинуть на себя кое-какую одежду, но многие семьи выбежали в одном белье и ночных рубашках: одни были в тапках, другие вообще босиком. Эти люди пытались пробраться назад, чтобы найти подходящую одежду, забрать деньги, запереть дверь, но сразу с криками выбегали после очередного толчка.

Огромная, шумная толпа, заполнившая тротуары и улицы, показала Мевлуту и его дочерям, сколько людей может поместиться в одну маленькую квартирку в двух- или трехэтажном доме на Тарлабаши. Находясь в состоянии шока, они целый час бродили по району среди стариков в пижамах, старых дам в длинных юбках и детей в трусах, майках и тапочках. К рассвету, поняв, что толчки, которые становились уже реже и слабее, не разрушат их здание, они вернулись домой и легли спать.

Неделей позже телевизионные каналы и центральные газеты предупредили о другом землетрясении, которое может снести весь город до основания, и многие люди предпочли провести ночь на площади Таксим, на улицах и в парках. Мевлют с дочерьми вышел посмотреть на этих донельзя испуганных слухами трусов. Когда стало поздно, Мевлют, Фатъма и Февзие пошли домой и мирно проспали всю ночь.

Сулейман. Когда началось землетрясение, мы были дома в Шишли, в нашей новой квартире на седьмом этаже. Все долго тряслось. Кухонный шкаф отлетел от стены. Я схватил Мелахат и детей и бросился на лестницу, подсвечивая себе путь фонариком, в темноте выбрался наружу, и мы час шли среди моря людей к нашему дому на Дуттепе, неся детей на руках.

Коркут. Дом кренился и шатался, как на пружинах. В темноте после очередного толчка Бозкурт отправился в комнаты первого этажа, чтобы забрать матрасы и постельные принадлежности. Мы как раз стелили их в саду, устраиваясь как попало, когда Сулейман появился со своей женой и детьми.

– Твой дом в Шишли новый и сделан из бетона, он должен быть намного прочнее, чем наша тридцатилетняя лачуга. Зачем ты пришел сюда? – спросил я.

– Не знаю, – ответил Сулейман.

Утром мы увидели, что наш дом весь покосился, третий и четвертый этажи скособочились. Дом стал похож на старинные османские дома с эркерами.

Ведиха. Две ночи спустя после землетрясения я накрывала на ужин, когда стол задрожал и мальчики закричали: «Землетрясение!» Я вылетела из дома в сад, чуть не скатившись по лестнице. Но тут я поняла, что не было никакого землетрясения; это просто Бозкурт и Туран трясли стол, чтобы разыграть меня. Они смотрели на меня в окно и смеялись. Я тоже засмеялась. Потом поднялась вверх.

– Теперь послушайте меня: попробуйте только еще раз меня напугать, я вам так врежу; мне плевать, какие вы большие стали, – сказала я.

Три дня спустя Бозкурт снова пошутил подобным образом, я вlepила ему затрещину, как и обещала. Теперь он больше не разговаривает с матерью. Мой сын страдает от безответной любви. Вскоре он покинет нас и отправится в армию; я волнуюсь за него.

Самиха. Когда Сулейман явился в ночь землетрясения с женой и детьми, я поняла, как сильно его ненавижу. Я ушла наверх в свою комнату на покосившемся третьем этаже и не спускалась вниз. Буйное семейство Сулеймана провело в саду две ночи, постоянно шумя, пока наконец не вернулось в Шишли. Сулейман приходил в сентябре еще несколько раз («Сегодня ночью будет еще одно землетрясение!»). Они спали в саду, в эти дни я даже не собиралась спускаться.

Последнее, чем рассердил меня Сулейман, было то, что Коркут отправил его просить руки Фатьмы для Бозкурта. Они ничего мне не сказали. Я поняла, что Бозкурт с Тураном совершили какую-то глупость, когда заметила, что Фатьма и Февзие приезжают на Дуттепе, только когда Бозкурта там нет. В конце концов Ведиha мне все рассказала. Конечно, я была горда тем, что Фатьма сказала «нет». Каждые выходные я забираю девочек с подготовительных курсов и с Ведиhoй вечером веду их в кино.

Той зимой я делала все, что могла, чтобы обеспечить хорошую подготовку Фатьмы к вступительным экзаменам. Ведиha не могла не обидеться на то, что Фатьма отказала ее сыну прямо перед его уходом в армию; чем больше она пыталась замаскировать свои чувства, тем более очевидными они становились. Так что я начала встречаться с девочками в кондитерских, булочных и в «Макдоналдсах». Я брала их в торговые центры: мы рассматривали магазины, не покупая ничего, просто гуляли в ярком свете, чувствуя, что в нашей жизни готовится что-то новое, а когда уставали, то говорили: «Давайте посмотрим еще один этаж и пойдем вниз, поедем кебаб».

Канун Нового, 2000 года Фатьма и Февзие провели возле телевизора, ожидая отца, который должен был вернуться домой после продажи бузы. Мевлют пришел в одиннадцать; он посмотрел с ними телевизор; они поели жареную курицу и картошку. Обычно они никогда не говорили со мной об отце, но Фатьма рассказала о той ночи.

Фатьма успешно сдала вступительные экзамены в начале июля. Я ждала ее за дверью. Все матери, отцы и братья сидели на длинных низких заборчиках по сторонам входа в старинное здание, где шли экзамены. Я смотрела в сторону дворца Долмабахче и курила. Выйдя с экзамена, Фатьма выглядела усталой, как и все остальные, но уверенной в себе.



Мевлют был горд тем, что его дочь окончила школу без необходимости повторно сдавать экзамены и поступила в университет на факультет туристического менеджмента. Известие об академических успехах дочери Мевлюта вскоре разлетелось среди бывших продавцов йогурта и жителей Бейшехира, состоявших в ассоциации мигрантов. Сулейман специально явился, чтобы поздравить двоюродного брата; он сказал, что главное достояние человека в этом городе – образованный ребенок.

В первый учебный день Мевлют проводил дочь до входной двери университета. Это была первая высшая школа туристического менеджмента в Стамбуле: она концентрировалась как на менеджменте и экономике туристической индустрии, так и на практике обслуживания гостей. Факультет располагался в Лалели, в перестроенном средневековом постоялом дворе. Мевлют мечтал продавать бузу в этих красивых старинных районах. Однажды по пути из дома Святого Наставника он прошагал целый час от Чаршамбы до факультета дочери. В этой части города по ночам было еще тихо.

В январе 2001 года, четыре месяца спустя после начала занятий, Фатьма рассказала отцу о знакомом юноше. Он был с того же факультета, но на два года ее старше. Его намерения были серьезными. Он был из Измира. (Сердце Мевлюта ёкнуло.) Они оба хотели в жизни одного – получить университетскую степень и начать работать в туристическом бизнесе.

Мевлют не мог поверить, что дочь так быстро повзрослела. В то же время он сообразил, что Фатьма выйдет замуж позже, чем девушки из их семьи.

– Ты слишком опаздываешь, в твоём возрасте твоя мать и тетки уже имели по двое детей! – пошутил Мевлют, страдая от собственной шутки.

– Вот почему я намерена выйти замуж прямо сейчас, – сказала Фатьма.

В ее ответе Мевлют увидел всю ее решимость покинуть дом как можно быстрее.

В феврале из Измира в Стамбул родители парня приехали просить руки Фатьмы. Мевлют выбрал день, когда клуб был вечером свободен, и занял его для приема сватов, попросив несколько лишних стульев

в кофейне через дорогу. Все знакомые с Дуттепе пришли на тот вечер, кроме Коркута с сыновьями. Мевлют знал, что никто из его родственников не появится на самой свадьбе, которую назначили в Измире на начало лета. Именно на помолвке дочери Мевлют впервые за долгое время увидел Самиху: в отличие от всех других собравшихся женщин, ее платок и пальто не были ни блеклыми, ни темными; новый платок темно-синего цвета был в тон пальто и повязан свободно. Мевлюту показалось, что Самиха, может быть, не хочет больше носить платок. Фатма не всегда носила свой платок и снимала его каждый раз, когда шла в университет^[72].

Мать жениха платка не носила. Мевлют видел, как его дочь стремится стать частью той семьи. Дома Фатма обняла его, поцеловала и всплакнула о том, что покидает жилище, в котором провела все свое детство, но через несколько минут Мевлют застал ее погруженной в мечты обо всех радостях новой жизни с мужем. Он узнал, что дочь и его будущий зять подали заявление о переводе на факультет туристического менеджмента в университет Измира. Два месяца спустя пришел ответ, что их заявление принято. Таким образом, всего за три месяца было решено, что после свадьбы в начале лета Фатма и Бурхан (так звали будущего зятя Мевлюта, высокого и тощего как жердь, с глуповатым выражением на лице) переедут в квартиру в Измире, принадлежащую семье жениха, и поселятся в том городе.

Из всей стамбульской семьи Фатмы только ее отец Мевлют и сестра Февзие поехали на свадьбу в Измир. Мевлюту Измир понравился: этот город представлял уменьшенную копию Стамбула, более южную, с пальмовыми деревьями. Бедные районы с гедже-конду располагались прямо у бухты. На свадьбе Мевлют видел, как Фатма прижимается к мужу, когда они танцуют – как в кино, – и был смущен, но и немного растроган. В автобусе по пути в Стамбул Мевлют и Февзие не сказали друг другу ни слова. Голова дочери лежала у него на плече, и, пока она спала всю долгую ночную дорогу, запах ее волос делал Мевлюта счастливым.

12. Февзие убегает

Пусть оба поцелуют мне руку

11 сентября Мевлют и Февзие провели весь день у телевизора: в нем постоянно мелькали кадры с самолетами, врезающимися в небоскребы Нью-Йорка, которые вскоре рушились в клубах огня и дыма. Не считая тихого замечания Мевлюта: «Американцы теперь захотят отомстить!» – они больше никогда не говорили об этих событиях.

После того как Фатма вышла замуж и уехала, они с Февзие подружились. Младшая дочь любила поговорить, пошутить, изобразить других людей, ей нравилось смешить отца и выдумывать забавные истории. Она унаследовала от матери талант подмечать во всем смешную нелепую сторону. Она могла изобразить звук, с которым их сосед присвистывал через передние зубы при разговоре, или скрип приоткрываемой двери, или пыхтение Мевлюта, когда тот поднимался по лестнице, а во сне она изгибалась наподобие буквы «S», в точности как ее мать.

Спустя пять дней после падения башен-близнецов Мевлют пришел домой из клубного дома и увидел, что телевизор выключен, обеденный стол пуст, а Февзие нигде нет. Ему и в голову не могло прийти, что дочь сбежала. Мевлют подумал, что семнадцатилетняя девушка просто отправилась побродить по городу. Февзие провалила математику и английский за год до окончания школы, но за все лето Мевлют ни разу не видел, чтобы она садилась заниматься. Пока он смотрел в окно, дожидаясь возвращения дочери, его раздражение медленно превращалось в беспокойство.

С внезапной болью он заметил, что сумка Февзие, одежда и личные вещи отсутствуют. Он задался вопросом, стоит ли поехать на Дуттепе посоветоваться с семьей Акташ, когда зазвонил дверной звонок, одарив его краткой надеждой, что это может быть Февзие.

Но это был Сулейман. Он сразу сказал Мевлюту, что Февзие убежала с одним парнем, что юноша «подходящий» и из хорошей семьи, что его отец владеет тремя такси, которые сдает в аренду. Отец мальчика позвонил днем, и Сулейман ходил повидаться с ним. Возможно, он позвонил бы вначале Мевлюту, если бы у того был телефон дома. В любом случае у Февзие все хорошо.

– Если ей было хорошо, тогда зачем она убежала? – спросил Мевлют. –

Чтобы расстроить отца и опозорить себя?

– А зачем ты убежал с Райихой? – спросил в свою очередь Сулейман. – Горбун Абдуррахман сказал бы «да», если бы ты посватался к ней.

Услышав эти слова, Мевлют начал подозревать, что побег Февзие мог быть формой подражания. В конце концов, дочь поступила точно так же, как сделали ее мать с отцом.

– Горбун Абдуррахман никогда не позволил бы мне жениться на своей дочери, – сказал он, с гордостью вспоминая ту ночь, когда он убежал с Райихой. – Я не приму этого таксиста, который сбежал с моей девочкой. Февзие обещала мне, что окончит школу и пойдет в университет.

– Она пропустила обе пересдачи, – сказал Сулейман. – Она провалила год. Она, наверно, боялась сказать тебе. Но Ведиха знает – ты всегда говорил бедной девочке, что никогда не простишь ее, если она не окончит школу, и загонял ее в университет, как сестру.

Когда Мевлют понял, что частное дело отца и дочери, очевидно, стало предметом обсуждения не только в семье Акташ, но и у совершенно чужих людей – таксиста и его семьи – и что он заработал репутацию вспыльчивого и властного отца, он вознегодовал.

– Февзие мне не дочь, – заметил он, но тут же пожалел о своих словах. Сулейман еще не ушел, и Мевлута охватило чувство беспомощности. Если не простить дочь сразу, прикинувшись, что он принимает жениха, то известие, что его дочь сбежала с человеком, с которым они не женаты, разлетится быстро и честь Мевлута будет запятнана. Но если он слишком быстро простит безответственного ублюдка, который забрал его дочь, любой тогда скажет, что сам отец был в курсе и взял много денег, чтобы позволить дочери выйти за этого человека. В результате недолгих размышлений Мевлют понял одно: если он не хочет провести остаток жизни в сварливом одиночестве, как его собственный отец, у него нет другого выбора, кроме как без задержки согласиться на второй вариант. – Сулейман, я не могу жить без моих дочерей. Я прощу Февзие. Но вначале пусть она придет сюда с этим парнем. Пусть оба поцелуют мне руку и выразят почтение. Я тоже убежал с Райихой, но по крайней мере потом явился к Горбуну Абдуррахману, чтобы поцеловать ему руку и выразить свое уважение.

– Я уверен, твой зять-таксист окажет тебе столько же уважения, сколько ты Горбуну, – сказал Сулейман с ухмылкой.

Мевлют не понял, что Сулейман смеется над ним. Он был растерян, боялся одиночества и нуждался в утешении.

– Раньше люди знали, что такое уважение! – услышал он собственные

слова, а Сулейман засмеялся и над этим.

Второго зятя Мевлута звали Эрхан. Он выглядел совершенно обычно (коротышка с узким лбом), и Мевлют не мог понять, что его цветущая красавица-дочь – та самая девушка, которую он лелеял столько лет и на которую возлагал столько надежд, – вообще могла найти в нем. Он, должно быть, хитрый пройдоха, подумал Мевлют, чувствуя разочарование в дочери.

Ему, однако, понравилось, что Эрхан поклонился до самого пола и поцеловал его руку.

– Февзие должна окончить школу, – сказал Мевлют. – Иначе я никогда не прощу тебя.

– Мы тоже так думаем, – сказал Эрхан.

Но было ясно, что Февзие уже не до учебы.

Мевлют, однако, знал – настоящей причиной его суровости была не мысль о том, что его дочь не окончит школу и не пойдет в колледж. Его мучило то обстоятельство, что он скоро останется совершенно один в доме и в целом мире. Настоящую боль его душа испытывала не от провала попытки дать дочерям надлежащее образование, а оттого, что его покинули.

Когда они остались с дочерью вдвоем, Мевлют начал с ней спорить:

– Зачем ты убежала? Разве я сказал бы «нет», если бы они пришли сюда попросить твоей руки как цивилизованные люди?

По тому, как Февзие отвела глаза, он понял, что она думает: «Да, конечно, ты сказал бы „нет“!»

– Мы были так счастливы здесь, – сказал Мевлют. – Теперь у меня никого не осталось.

Февзие обняла его; Мевлют с трудом сдерживал слезы. Теперь никто не будет ждать его возвращения по вечерам. Когда ему снилось, что он бежит от преследовавших его собак по кипарисовой роще, и он просыпался в поту посреди ночи, то дыхание его спящих дочерей утешало его. Больше этого не повторится.

Боязнь одиночества вынудила Мевлута устроить жесткий торг. Войдя в раж, он заставил будущего зятя поклясться честью, что Февзие окончит не только школу, но и университет. Ту ночь Февзие провела в доме Мевлута. Он был рад, что она проявила благоразумие до того, как все вышло из-под контроля, хотя и не мог удержаться – постоянно напоминал дочери о том, что она разбила его сердце своим побегом.

– Ты тоже убежал с мамой! – ответила Февзие.

– Твоя мать никогда бы не поступила так, как ты, – сказал Мевлют.

– Она поступила бы именно так, – сказала Февзие.

Уверенный, решительный ответ дочери понравился Мевлюту, но он понял, что дочка попыталась копировать мать. На Курбан-байрам, когда Фатьма и ее дурень-муж приедут из Измира, они все вместе сходят на могилу Райихи. Если посещение вызовет больше грусти, чем обычно, Мевлют весь обратный путь будет подробно и приукрашенно рассказывать им о том, как он убежал с Райихой, как разработал все до мельчайшей детали, как они впервые встретились и обменялись взглядами на свадьбе...

На следующий день таксист Эрхан и его отец – сам бывший таксист – пришли к отцу невесты. Как только Мевлют увидел отца жениха, Садуллах-бея, который был на десять лет старше его, он понял, что этот человек ему нравится намного больше, чем его сын. Садуллах-бей тоже был вдовцом; его жена умерла от сердечного приступа три года назад. (Чтобы лучше описать это событие, Садуллах-бей сел за стол в однокомнатном доме Мевлюта и показал, как она уронила ложку, когда несла ее ко рту от тарелки с супом, и умерла, уронив голову на стол.)

Садуллах-бей был родом из Дюздже; его отец приехал в Стамбул во время Второй мировой войны и работал подмастерьем у армянского сапожника на спуске Гедик-Паша. Позже тот сделал его партнером по делу. Когда мастерская была разграблена во время антихристианского погрома 6 и 7 сентября 1955 года, армянский владелец покинул Стамбул, передав лавку отцу Садуллах-бея, который продолжил дело самостоятельно. Но его «свободолюбивый» и «беспечный» сын настоял на своем. Несмотря на настойчивость отца и побои, вместо того чтобы научиться делать обувь, стал «лучшим водителем в Стамбуле». Садуллах-бей хитро подмигнул Мевлюту, рассказывая, что профессия водителя такси в те времена была, наверно, самой престижной работой в мире; из этого Мевлют сделал вывод, что низкорослый, хитрый молодой человек с головой, похожей на перевернутый котел, должно быть, унаследовал вкус к приятному времяпрепровождению у своего отца.

Мевлют побывал в их трехэтажном каменном доме на Кадырге, чтобы обсудить детали свадебной церемонии. С Садуллах-беем у него завязалась тесная дружба, которая только усилилась после свадьбы, и в свои сорок с лишним он наконец узнал, что такое наслаждаться разговорами, которые друзья обычно ведут после ужина и стаканчика раки, – пусть даже сам он не пил много.

У Садуллах-бея было три такси, которые он сдавал в аренду шести водителям, работавшим сменами по двенадцать часов каждый день. Даже больше, чем об отделке и моделях своих машин (два турецких «мурата»,

один девяносто шестого года, другой девяносто восьмого, и «додж» пятьдесят восьмого года, который Садуллах-бей сам время от времени водил просто для удовольствия, поддерживая его в рабочем состоянии), ему нравилось говорить о все возрастающей стоимости получения дорогостоящей лицензии такси в Стамбуле. Его сын Эрхан приглядывал по поручению отца за машинами, проверяя их одометры и таксиметры. Садуллах-бей, правда с улыбкой, объяснял, что сын на самом деле недостаточно проверяет водителей, которые припрятывают часть того, что заработали, а кроме того, постоянно попадают в дорожные происшествия, опаздывают и грубят клиентам. Считая ниже своего достоинства спорить с нанимаемыми таксистами из-за нескольких лишних монеток, Садуллах-бей перекладывал общение с ними на сына. Мевлют проинспектировал мансардную комнату, в которой Эрхан и Февзие будут жить после того, как поженятся, тщательно проверил все, от нового буфета до двуспальной кровати («Когда твоя дочь ночевала у нас, Эрхан сюда не поднимался», – заверил его Садуллах-бей), и подтвердил, что удовлетворен.

Мевлуту нравилось, когда Садуллах-бей показывал ему места в Стамбуле, из которых состояла история его жизни, припоминая и рассказывая старые анекдоты о своих многочисленных клиентах. Мевлют вскоре узнал, как найти школу Чукур (здание османского времени, которое было намного старше, чем мужской лицей имени Ататюрка на Дуттепе), или обувную лавку, которую отец Садуллах-бея за десять лет довел до разорения (на этом месте теперь было кафе, похожее на «Бинбом»), или очаровательную старую чайную напротив парка. Он почти не поверил, когда узнал, что три сотни лет назад здесь не было никакого парка, а было море, у берега же были пришвартованы сотни османских галер^[73] (на стенах в чайной были рисунки древних судов). Мевлуту начало казаться, что он провел свое собственное детство и юность в окружении этих разбитых старых фонтанов-чешме, заброшенных купален и пыльных, грязных, полных привидений и пауков орденских обителей-текке, понастроенных бородатыми османскими пашами в тюрбанах. Он понял одно: если бы его отец не приехал из Дженнет-Пынара на Кюльтепе, а поехал вместо этого прямо в один из этих районов за Золотым Рогом, поселившись в старом Стамбуле, как и многие другие везучие люди, которые переехали в город из азиатской деревни, – он бы стал совершенно другим человеком. Правда, Мевлют не знал никого, кто бы переехал в Стамбул из Дженнет-Пынара в шестидесятых и семидесятых и поселился бы в одном из этих районов. Заметив, насколько богаче стал

Стамбул, Мевлют подумал, что мог бы продавать больше бузы, если бы бродил по улочкам в этих исторических кварталах города.

Вскоре Садуллах-бей вновь пригласил Мевлюта на ужин. У Мевлюта было не слишком много свободного времени (работа в клубном доме, вечерние походы с бузой), так что ради поддержки их расцветающей дружбы Садуллах-бей прислал к клубному дому свой «додж», забрал Мевлюта, погрузил его шест и бидоны в багажник, с тем чтобы, когда они закончат ужин, высадить его там, где тот пожелает продавать бузу той ночью. Сваты еще больше сблизились после ужина, во время которого обсуждали все сложности предстоящей свадебной церемонии.

Сторона жениха, конечно, оплачивала свадьбу, так что, когда Мевлют узнал, что праздник будет происходить не в свадебном зале, а в цокольном этаже отеля в Аксарае, он не возражал. Однако расстроился, услышав, что будут подавать алкоголь. Он не хотел на свадьбе ничего такого, что могло бы доставить неудобства жителям Дуттепе, особенно семье Акташ.

Садуллах-бей успокоил его: гости принесут свою собственную раку и поставят ее на кухне; те, кто захочет выпить, должны будут лично попросить об этом официантов: нужный стаканчик ледяной раки будет приготовлен наверху и незаметно принесен вниз. Конечно, их собственные гости: таксисты – друзья его сына, соседи, футбольная команда Кадырги и ее совет директоров, – безусловно, выпьют. Большинство из них поддерживают Республиканскую народную партию^[74].

– Как и я, – сказал Мевлют в духе солидарности, но без особой убежденности.

Отель в Аксарае был новым зданием. Копая котлован для фундамента, подрядчик нашел остатки небольшой византийской церкви, и, поскольку такое открытие обычно приводило к остановке строительных работ, ему пришлось заплатить в муниципалитете несколько солидных взяток, чтобы никто не заметил руин. Для компенсации этих затрат он заложил лишний цокольный этаж. В ночь свадьбы Мевлют насчитал в комнате двадцать два стола, которые на следующий день утонули в густом сигаретном дыме. Шесть столов были только для мужчин. Эта часть свадебного зала была заполнена друзьями жениха из местных и таксистов. Большинство этих водителей были не женаты. Но даже те, что пришли с женами, достаточно быстро оставили их с детьми в части зала, отведенной для семей, и пришли присоединиться к друзьям за столами холостяков, где им казалось веселее. Мевлют знал, сколько за теми столами пили, уже просто по большому числу официантов, носившихся

с подносами раки и льда между кухней и тем концом зала. Открыто гости пили даже за смешанными столами. Там некоторые, вроде одного особенно раздражительного старика, потеряли терпение от медлительности официантов и решили взять дело в свои руки: сами отправились на кухню наверх, чтобы налить себе.

Мевлют и Февзие перед свадьбой учли обстановку в семье Акташ. Бозкурт уже уехал на военную службу. Коркут мог найти повод не прийти. Февзие, которая была в курсе всех семейных новостей через Самиху, сказала, что настроения на Дуттепе не столь негативны. На самом деле главная опасность исходила не от Бозкурта или Коркута, а от самой Самихи, которая не выносила Коркута и Сулеймана.

Хвала Всевышнему, приехали Горбун Абдуррахман, а также Фатьма и ее тощий как жердь муж из Измира. Февзие отправила их всех на свадьбу в одном такси с Самихой. Начало праздника Мевлют провел волнуясь, почему такси едет так долго и где Акташи, хотя все другие гости с Дуттепе уже появились со своими подарками. Все, кроме одного из четырех больших столов, поставленного для семьи и друзей невесты, уже были заполнены. Мевлют пошел наверх на кухню, чтобы выпить стаканчик раки так, чтобы его никто не видел.

Когда он вернулся в свадебный зал, то увидел – стол уже занят. Когда они появились? Он сел к Садуллах-бею за стол жениха и продолжил наблюдать за своей семьей. Сулейман привел обоих сыновей, трех и пяти лет. Мелахат была одета очень элегантно. В своем костюме и при галстукке, Горбун Абдуррахман выглядел так аккуратно и галантно, что его можно было спутать с отставным должностным лицом. Каждый раз, замечая Самиху, Мевлют вздрагивал и отводил глаза.

Самиха. Моя дорогая Февзие, в красивом свадебном платье, сидела рядом со своим мужем в середине зала, и я не могла глаз оторвать от нее, всем сердцем чувствуя ее радость и волнение. Как чудесно быть молодым и счастливым! Мне было также очень приятно услышать от моей дорогой Фатьмы, сидевшей рядом со мной, что она счастлива со своим мужем в Измире: его семья поддерживает их, они очень хорошо успевают в учебе, провели летние каникулы на практике в отеле на Кушадасы, их английский все лучше. Было замечательно видеть, как они все время улыбаются. Когда моя дорогая Райиха покинула нас, я плакала целыми днями не только потому, что потеряла любимую сестру, но и потому, что эти две чудесные маленькие девочки осиротели в таком юном возрасте. Я попыталась стать матерью этим несчастным девочкам, пусть и на расстоянии. Трусливый

Мевлют не хотел видеть меня в своем доме, потому что боялся слухов и непонимания Ферхата; это ранило мои чувства и гасило энтузиазм, но я никогда не сдавалась. Когда Фатма сказала: «Как тебе идет это лиловое платье, тетя!» – я подумала, что сейчас расплачусь. Но сдержалась, поднялась на кухню и, сказав одному из официантов: «Мой отец все еще ждет, пока вы не принесете ему выпить», немедленно получила стаканчик раки со льдом. Я села на подоконник окна на лестнице и быстро осушила стаканчик, а затем поспешила на свое место за столом, между отцом и Фатмой.

Абдуррахман-эфенди. Ведиха пришла за наш стол, сказав своему тестю Хасану-бакалейщику, который за весь вечер не проронил ни слова: «Вам, должно быть, скучно, отец», и отвела его за руку за стол к его сыновьям. Поймите меня правильно: больше всего меня ранило то, что в присутствии своего настоящего отца прямо здесь моя дорогая Ведиха назвала этого унылого и недалекого человека своим «дорогим отцом» только потому, что была замужем за его злобным сыном. Я пошел за стол к человеку, который отвечал за веселье, и загадал всем загадку: «Знаете ли вы, что общего между Садуллах-беем, господином Мевлютом и мной?» Все начинали говорить, что, наверно, йогурт или наша любовь к раки... пока я не сказал: «Все наши жены умерли молодыми и оставили нас в этом мире одних», зарыдав.

Самиха. Ведиха и Сулейман подошли к моему отцу и отвели его назад за наш стол, а Мевлют сидел и совершенно безучастно смотрел на это. Он что, не мог даже заставить себя взять отца своей покойной жены за руку и прошептать ему несколько слов утешения? Правда, если он появится где-нибудь поблизости от моего стола, люди могут начать сплетничать; они вспомнят, что он на самом деле писал те письма мне. Готова поспорить, этого он и боится. Ох, Мевлют, ну и трус же ты! Я посмотрела прямо на него, так же как на свадьбе Коркута двадцать три года назад, как будто «хотела пленить его своими колдовскими глазами». Я смотрела на него так, будто «встала у него на пути, как разбойник» и «украли его сердце», так что «он был поражен силой моего взгляда». Я смотрела на него так, что «он мог видеть свое отражение в зеркале моего сердца».

– Моя дорогая Самиха, ты зря тратишь время, глядя туда, – сказал мой отец, уже совершенно пьяный. – Мужчина, который писал письма одной девушке, а затем женился на ее сестре, не годится ни одной.

– Я не смотрю туда, – сказала я, хотя упрямо продолжала смотреть

и ловить ответные взгляды Мевлюта до самого конца вечера.

13. Мевлют в одиночестве

Вы вдвоем созданы друг для друга

Оставшись в одиночестве в доме, где он провел годы с женой и детьми, Мевлют почувствовал такое опустошение, что вылезать из постели по утрам ему теперь не хотелось. В прошлом, даже в самые мрачные дни, он всегда мог положиться на свой неукротимый оптимизм, который многие считали наивностью, и на свою способность найти самый легкий и безболезненный выход из любой ситуации. Поэтому он смотрел на свое нынешнее недомогание как на знак большей проблемы. Хотя ему и было всего только сорок пять, он начал бояться смерти.

Когда Мевлют по утрам бывал в клубном доме или в соседней кофейне, разговаривая со знакомыми, он мог сдерживать свой страх одиночества. (С тех пор как он был предоставлен самому себе, он стал еще более добрым и терпимым ко всем, кого встречал.) Но когда он шел ночью по улице, ему было страшно.

Теперь, когда Райиха умерла и обе его дочери вышли замуж, улицы Стамбула казались длиннее, чем раньше, а дворы превратились в бездонные черные колодцы. Он мог очнуться в каком-нибудь дальнем районе поздно ночью, звоня в свой колокольчик и крича: «Буу-заа!» Внезапное понимание, что он никогда до того не был на этой улице или в этом районе, вызывало странное ощущение. Подобное с ним случалось в детстве или в молодости. Город, казалось, становился более таинственным и угрожающим, и Мевлют не мог понять, чувствует ли он это потому, что никто не ждет его дома, или потому, что новые улицы были наполнены знаками и символами, которых он не узнавал. Его страхи обострялись тишиной новых бетонных стен, назойливым присутствием множества странных и постоянно менявшихся рекламных щитов. Очередная улица могла продолжаться бесконечно, будто издеваясь над ним в то время, как он думал, что дошел до ее конца. Когда он пробирался по тихой улочке мимо домов, в которых не было открыто ни одного окна и не отдернуто ни одной шторы, ему казалось, будто он бывал здесь раньше, во времена далекие, как легенды, и, упиваясь ощущением встречи с тем неведомым прошлым, кричал: «Буу-заа!» Иногда возвращался страх перед собаками, разжигаемый собственным воображением Мевлута или лаем настоящей собаки под стеной мечети. Внезапно его могло посетить чувство, что он совершенно один во всем мире. В такие моменты

успокаивало воспоминание о Самихе и ее лиловом платье.

Старые сырые стены Стамбула, его древние фонтаны, покрытые красивыми надписями, его деревянные здания, покосившиеся до такой степени, что каждый из подобных домов опирался на соседний, ушли в небытие, и на их месте красовались новые улицы, бетонные дома, светящиеся неонами магазины, еще более пугающие и непостижимые.

Оставшись одиноким в этом неумолимо растущем городе, Мевлют чувствовал, что нуждается в Боге больше, чем когда-либо раньше. Он начал совершать полуденный намаз до ухода на работу в клубный дом (теперь не только по пятницам, а всегда, когда чувствовал необходимость сделать это) в мечети Шишли, или в мечети Дуттепе, если шел дальней дорогой, или в любой другой повстречавшейся по пути мечети. Он наслаждался тишиной, царившей в мечетях; там постоянный гул города мягко приглушался внутри, свет проникал через окна вдоль нижней границы купола. Наслаждался Мевлют и возможностью провести полчаса в единении со стариками, которые оборвали свои связи с миром; или с такими, как и он, печальными, молчаливыми мужчинами. Мевлюту казалось, что он нашел лекарство от своего одиночества. Ночью он оказывался в местах, где никогда ранее не бывал, например в пустынных двориках мечетей или на кладбищах, спрятанных глубоко в сердце очередного района. Мевлют часто сидел на краю какого-нибудь надгробия и курил. Он любил читать посвящения людям, которые ушли давным-давно, и благоговейно смотрел на древние памятники, покрытые османскими письменами и увенчанные вырезанными из камня тюрбанами. Он начал чаще шептать про себя имя Всевышнего.

Иногда он думал о мужчинах, которые тоже потеряли своих жен в сорок пять лет, но потом женились с помощью семьи и друзей. В ассоциации мигрантов Мевлют познакомился с Вахапом, человеком из деревни Имренлер, – тот держал магазин сантехники в Шишли. Когда его жена и сын погибли в автокатастрофе по дороге на деревенскую свадьбу, родственники Вахапа сразу подыскали ему другую жену из той же деревни. Когда жена Хамди из Гюмюш-Дере умерла при родах первого ребенка, несчастный сам чуть было не умер от горя, но его дядя и другая родня нашли ему новую жену, общительную, беззаботную женщину, быстро вернувшую его к жизни.

Однако никто не предлагал помощь Мевлюту, никто даже не упоминал о какой-нибудь подходящей женщине. Причина тому была проста: его семейство уже решило, что лучшей партией для Мевлюта является Самиха.

– Она одинока, как и ты, – как-то сказал ему Коркут.

Мевлют соглашался, что Самиха, наверно, подходит ему, и часто погружался в воспоминания о свадьбе Февзие, когда Самиха, в лиловом платье, смотрела на него с другого конца зала, хотя запретил себе даже думать о возможности жениться вновь: Мевлют чувствовал, что желание быть с Самихой или просто пытаться привлечь ее внимание – не говоря уже о том, чтобы сочетаться с ней, – было бы крайним неуважением к памяти Райихи. Иногда он чувствовал, что другие люди думают то же самое и, может быть, поэтому им так трудно и неловко говорить с Мевлютом о Самихе.

Некоторое время он думал, что лучшее, что ему остается, – это выкинуть Самиху из головы («Я все равно не так уж и часто о ней думаю», – твердил он себе) и задуматься о какой-нибудь другой женщине вместо нее. Коркут и прочие основатели и директора ассоциации мигрантов запретили карточные игры в клубном доме в надежде избежать судьбы, которая постигла большинство мигрантских ассоциаций, превращавшихся в конце концов в обычные кофейни, то есть в места, где женщины чувствовали себя неудобно, приходя туда с мужьями. Одним из способов привлечь больше женщин была организация вечеров, на которых гостей угощали мантами. Женщины приходили на это мероприятие с мужьями и детьми. На таких вечерах Мевлют бывал занят за чайным прилавком больше, чем обычно. Однажды на вечер пришла некая вдова из деревни Эренлер в сопровождении сестры и ее мужа; она была высокой, с хорошей осанкой и выглядела здоровой. Мевлют поглядывал на нее из-за прилавка. Другой дамой, что привлекла его взгляд, была дочь семьи из Имренлера. Девушка в свои тридцать оставила мужа в Германии и вернулась в Стамбул. Ее густые черные волосы, казалось, рвались на свободу из-под платка. Взяв свою чашку чая, она посмотрела своими угольно-черными глазами прямо Мевлюту в глаза. Она что, в Германии научилась так смотреть? Эти женщины смотрели на красивое, детское лицо Мевлюта более спокойно и открыто, нежели Самиха много лет назад на свадьбе Коркута или недавно у Февзие. Одна веселая вдова, улыбчивая и круглолицая, игриво проболтала с ним один из таких вечеров и еще потом подходила к нему, когда он подавал чай на пикнике. Мевлют восхищался ее самостоятельностью.

Несмотря на то что алкоголь не употреблялся даже тайно, к концу подобных вечеров наступало некое коллективное опьянение, в котором мужчины и женщины принимались плясать вместе под любимые народные песни Бейшехира. По мнению Сулеймана, именно поэтому Коркут

не позволял Ведихе присутствовать на таких мероприятиях. Но конечно, если она не могла прийти, то не приходила и ее неразлучная спутница с Дуттепе Самиха.

По некоторым вопросам ассоциация мигрантов разделилась на сторонников светской Республиканской народной партии и на поклонников консерваторов. Споры шли о том, сколько женщин и семей надо приглашать участвовать в мероприятиях ассоциации; какого певца пригласить; разрешать ли безработным мужчинам играть в карты в клубном доме; организовывать или нет вечерние чтения Корана и надо ли предоставлять стипендии одаренным деревенским детям, поступившим в университет. Политические дискуссии иногда продолжались даже после окончания встречи в клубе, после завершения футбольного матча или экскурсии. Мужчины, которые со страстью спорили, в конце концов отправлялись в ближайший бар немного выпить. Однажды ночью Сулейман, хлопнув Мевлюта по плечу, сказал: «Пойдем с нами».

Мевлют понял, что бар в Меджидиекее, куда они пришли, был тот же самый, куда Сулейман ходил пить с Горбуном Абдуррахманом много лет назад, когда глубоко страдал от безответной страсти. Они ели белый сыр, дыню и жареную печень, пили раки и обсуждали мероприятия ассоциации.

Разговор вскоре зашел о политике. Сулейман радостно объявил собравшимся, что «клуб будут посещать члены парламента и кандидаты на выборы». Мевлют заволновался, но не стал спрашивать, кто эти предполагаемые посетители, к какой партии они принадлежат. Вскоре дискуссия завертелась возле животрепещущей темы, собираются ли исламисты вскоре захватить страну, или беспокоиться не о чем. Некоторые спорщики заявили, что армия устроит переворот и свергнет это правительство. Это было похоже на дебаты, которые постоянно показывали по телевизору.

К концу ужина мысли Мевлюта уже были далеко. Сулейман, сидевший напротив, поставил свой стул на сторону Мевлюта и начал рассказывать ему о своих сыновьях, говоря тихо, чтобы никто вокруг не услышал. Его старший сын Хасан, которому было шесть, только что пошел в начальную школу. Другому сыну, Казыму, было четыре, и, так как его брат уже научил его читать, он обожал комиксы про Счастливого Люка. От таинственного тона Сулеймана Мевлюту сделалось неуютно. Сулейман мог разговаривать шепотом, чтобы скрыть семейное счастье от завистливого внимания, но среди присутствовавших было много тех, кто не забыл о загадочной смерти Ферхата. Прошло пять лет, но Мевлют знал, что дело еще не закрыто. Если люди обратят внимание на двух

двоюродных братьев, шепчущихся за столом, они могут подумать, что Мевлют о чем-то сговаривается с Сулейманом.

– Мне нужно сказать тебе о чем-то важном. Но ты не должен меня прерывать, – сказал наконец Сулейман, когда все разошлись и братья остались одни.

– Хорошо.

– Я видел множество женщин, рано потерявших мужа в уличной драке или в автокатастрофе и снова вышедших замуж. Если у таких женщин нет детей и если они все еще молоды и привлекательны, у них много поклонников. Я знаю одну такую женщину – думаю, нет нужды произносить ее имя, – которая именно такова: красива, умна и молода. Она знает, как постоять за себя, и у нее настоящий характер. Уже есть кое-кто, о ком она думает и с кого не спускает глаз.

Мевлюту понравилась мысль, что Самиха ждет его, по крайней мере по версии Сулеймана. Мевлют заказал еще один стаканчик раки.

– Мужчина, к которому направлены помыслы этой женщины, тоже молодой вдовец, потерявший свою жену в результате несчастного случая, – продолжал Сулейман. – Он честен, надежен, хорош собой, и у него ровный характер.

Мевлюту была приятна эта похвала.

– У него две дочери от первого брака, но сейчас он совсем один, потому что они обе вышли замуж и выпорхнули из гнезда.

Мевлют не знал, в какой момент он должен прервать Сулеймана и сказать: «Я понял, ты говоришь обо мне и Самихе», так что Сулейман продолжал пользоваться своим преимуществом от его неуверенности.

– По сути, мужчина уже однажды был влюблен в эту женщину. Он годами писал ей любовные письма... – твердил двоюродный брат.

– Так почему они тогда не поженились? – спросил Мевлют.

– Не важно почему... Вышло недоразумение. Но теперь, двадцать лет спустя, они прекрасная пара.

– Тогда почему бы им не пожениться *теперь*? – спросил Мевлют.

– Как раз этому все вокруг и удивляются...

– Я скажу тебе, что на самом деле произошло, и тогда ты поймешь, почему они не поженились, – сказал Мевлют. – Мужчина писал те любовные письма не той женщине, о которой ты говоришь, а ее старшей сестре. Он сбежал с ней, они поженились и были счастливы.

– Да ладно, Мевлют, зачем упрямяться?

– В чем?

– Вся наша семья и все на Дуттепе уже знают, что ты писал те письма

Самихе, а не Райихе.

– Тьфу! – сказал Мевлют. – Ты годами распространял эту ложь, пытаешься посеять рознь между мной и Ферхатом, и ты сделал Райиху несчастной. Она поверила тебе, бедняжка...

– Тогда в чем правда?

– Правда... – На мгновение Мевлют мысленно вернулся в 1978 год, на свадьбу Коркута. – Правда вот в чем: я увидел эту девушку на свадьбе. Я влюбился в ее глаза. Я писал ей письма три года. Каждый раз при этом я писал ее имя в начале письма.

– Да, ты увидел девушку с красивыми глазами... Но тогда ты даже не знал ее имени, – сказал Сулейман, теряя терпение. – Так что я назвал тебе не то имя.

– Ты ведь мой двоюродный брат, мой друг... Почему ты так ужасно поступил со мной?

– Мне никогда не казалось это ужасным. Когда мы были молоды, разве мы не разыгрывали друг друга?

– Так это был просто розыгрыш, оказывается...

– Нет, – сказал Сулейман. – Буду честен: еще я верил, что Райиха будет тебе лучшей парой и с ней ты будешь счастливее.

– Младшую дочь не отдали бы никому, пока средняя не замужем, – сказал Мевлют. – Ты сам положил глаз на Самиху.

– Хорошо, я обманул тебя, – сказал Сулейман. – Прости. Но с тех пор прошло двадцать лет, и я пытаюсь исправить свою ошибку, мой дорогой Мевлют.

– Почему я должен тебе верить?

– Потому что на этот раз никто не шутит и точно не лжет.

– Но почему я должен доверять тебе? – повторил Мевлют.

– Вспомни, когда ты хотел, чтобы я помог тебе, ты попытался отдать мне тот клочок бумаги, который мухтар оформил на твой дом на Кюльтепе, но я отказался взять его.

– Помню, – сказал Мевлют.

– Может быть, ты считаешь меня виновным в том... что случилось с Ферхатом. – Сулейман не смог заставить себя произнести слово «смерть». – Но ты ошибаешься... Я был зол на Ферхата, очень зол... Но желать кому-то зла в сердце – это одно; совсем другое дело – убить его или поручить это другому.

– Какое преступление тяжелее, как думаешь? – спросил Мевлют. – Будет ли Всевышний в Судный день судить нас за наши намерения или за наши поступки?

– И за то, и за другое нас будут судить, – сказал Сулейман не задумываясь. Увидев серьезное выражение лица Мевлюта, он добавил: – У меня могли быть плохие мысли, но в действительности я никогда никому не делал ничего плохого за всю свою жизнь. Много людей начинают с добрых намерений и заканчивают злыми поступками. Надеюсь, ты видишь, я пришел к тебе сегодня с наилучшими побуждениями. Я счастлив с Мелахат. Я хочу, чтобы ты был счастлив с Самихой. Когда ты счастлив, ты хочешь, чтобы и другие люди были счастливы тоже. Тем более вы двое созданы друг для друга. Любой, кто посмотрит на вас с Самихой со стороны, скажет: «Кто-то должен свести этих двоих!» Представь себе, что ты знаешь двоих людей, которые будут счастливы вместе. Не помочь им сойтись будет грехом. Я стараюсь совершить благое дело.

– Я писал те письма Райихе, – решительно произнес Мевлют.

– Как скажешь, – ответил Сулейман.

14. Новые кварталы, старые лица

Это то же самое?

После свадьбы Февзие Садуллах-бей начал раз в неделю забирать Мевлюта на своем «додже» и отвозить его в какой-нибудь из удаленных и быстро развивающихся новых районов Стамбула, который им обоим хотелось посмотреть. Оказавшись там, Мевлют доставал из багажника свой шест и бидоны и принимался разносить бузу по улицам, на которых раньше никогда не торговал, а в это время Садуллах-бей бродил по району и лениво курил сигарету в местной дешевой кофейне, пока Мевлют не заканчивал свою работу. Иногда он забирал Мевлюта из дома на Тарлабаши или из клуба на Меджидиекёе и отвозил к себе на Кадыргу. Они ужинали вместе, наслаждаясь стряпней Февзие. Садуллах-бей возил Мевлюта не только в районы за старыми городскими стенами, но и в исторические кварталы, такие как Эдирнекапы, Балат, Фатих и Карагюмрюк. Мевлют не забывал и об обители Наставника на Чаршамбе – наведывался туда, чтобы раздать немного бесплатной бузы.

Садуллах-бей был опытным любителем раки и по меньшей мере два или три раза в неделю накрывал полный стол закусок; он не имел ничего против старых шейхов или религии, но, если бы Мевлют сказал ему, что ходит в религиозный центр и регулярно встречается там с шейхом, Садуллах-бей заподозрил бы его в симпатиях к исламистам и почувствовал бы себя неудобно или, что еще хуже, испугался бы. Однако, несмотря на их расцветавшую дружбу и растущую легкость, с которой они могли обсуждать любую тему, Мевлют все же нуждался в общении с тем стариком, он хотел делиться с ним тайнами своей внутренней жизни и душевными опасениями.

Мевлют видел, что его дружба с Садуллах-беем была похожа на его юношескую дружбу с Ферхатом. Ему нравилось рассказывать Садуллах-бею о том, что происходило с ним в ассоциации, что он слышал в новостях и что он видел по телевизору. Когда Садуллах-бей приводил своего друга Мевлюта домой на ужин и потом отправлялся с ним на «додже» в дальние районы, Мевлют знал, что тот делает это исключительно по дружбе, из любопытства и желания быть полезным.

Районы за пределами старых городских стен были пригородом, когда Мевлют впервые приехал в Стамбул, а теперь, спустя тридцать три года, они все выглядели одинаково: заполнились высокими, уродливыми

многоквартирными домами в шесть-восемь этажей, с большими окнами; между ними образовались кривые боковые улочки со стройплощадками, рекламными щитами, кофейнями, металлическими мусорными баками, надземными пешеходными переходами, огороженными металлическими ограждениями, площадями, кладбищами и главными проездами, одинаковыми по всей длине, где никто не продавал бузы. В каждом районе была непременно своя статуя Ататюрка и мечеть, поднимающаяся над главной площадью, и на каждой главной улице было отделение «Ак-банка» и «Иш-банка», пара магазинов одежды, магазин электротоваров «Арчелик», лавка с орехами и приправами, супермаркет «Мигрос», мебельный магазин, кондитерская, аптека, газетный киоск, ресторан и маленькая галерея, заполненная всевозможными ювелирами, стекольщиками, торговцами книгами и трикотажем, обменными пунктами, копировальными центрами и прочим. Мевлюту нравилось открывать своеобразие каждого района глазами Садуллах-бея. «Здесь живут выходцы из Сиваса и Элязыга», – рассказывал тот, пока они ехали домой. Или: «Кольцевая дорога сровняла это маленькое грустное место с землей, давай больше сюда не пойдем». Или: «Заметил, какой красивый тот старый платан в дальней аллее напротив чайной?» Или: «Какие-то парни остановили меня и нагло спросили, кто я такой, так что один раз съездили, и достаточно. Похоже, это место принадлежит какой-то религиозной секте – бузу они покупают?»

Бузу покупали нечасто. Но, даже покупая, жители этих новых районов подзывали Мевлюта только потому, что были поражены, как кто-то здесь вообще может продавать подобный анахронизм, о котором они только слышали, а также потому, что их детям было любопытно, и потому, что они думали, что нет ничего плохого в том, чтобы разок попробовать эту кислятину.

По предложению Мевлюта Садуллах-бей ездил с ним однажды вечером в квартал Гази. Мевлют сходил к дому, в котором Ферхат и Самиха провели первые десять лет своей совместной жизни. Земля, которую Ферхат отмерил фосфоресцирующими камнями, была все еще не застроена. После смерти Ферхата участок стал собственностью Самихи. Мевлют не стал кричать: «Буу-заа!» Здесь никто бы не купил бузу.

Однажды в одном очень далеком районе с одного из нижних этажей очень высокого дома (четырнадцать этажей!) его позвали. Муж, жена и двое очкастых сыновей внимательно наблюдали за Мевлютом, пока он наливал им на кухне четыре стакана бузы. Они смотрели, как он посыпает стаканы жареным нутом и корицей. Дети сразу сделали по глотку.

Мевлют уже собирался уходить, когда женщина достала из холодильника пластиковую бутылку.

– Это то же самое? – спросила она.

Так Мевлют впервые увидел бузу в пластиковой бутылке, произведенную большой фирмой. Шесть месяцев назад он слышал от уличного торговца, который решил отойти от дела, что производитель печенья выкупил у старого производителя бузы патент, рассчитывая бутилировать бузу и распространять ее через магазины, но Мевлют тогда не поверил своему знакомому. «Никто не будет покупать бузу в магазине», – сказал он, точно так же как тридцать лет назад его отец сказал: «Никто не будет покупать йогурт в магазине».

Мевлют не мог сдержать любопытства:

– Могу я попробовать?

Женщина налила немного бузы из бутылки в стакан. Под взорами всей семьи Мевлют сделал глоток и скривился.

– Совсем не то, что должно быть, – сказал он. – Она уже давно прокисла. Не стоит вам покупать этого.

– Но это сделано на фабрике машинами, – сказал старший мальчик в очках. – Вы делаете свою бузу дома вручную?

Мевлют не ответил. Он был так расстроен, что даже не стал говорить об этом с Садуллах-беем по дороге назад.

– Что-то не так, мастер? – спросил Садуллах-бей.

Слово «мастер» часто звучало в устах свата иронично, но иногда Садуллах-бей использовал его в знак подлинного уважения к таланту и настойчивости Мевлюта.

– Ладно, забудем. Эти люди ни в чем не разбираются, а кстати, я слышал, завтра собирается дождь, – сказал Мевлют.

Садуллах-бей даже о погоде мог говорить увлекательно и поучительно. Мевлюту нравилось слушать его, сидя на переднем сиденье «доджа», глядя на огни тысяч машин и окон; на глубину темной, бархатной стамбульской ночи; на проносящиеся, подсвеченные неоном минареты. Мевлют привык волочиться пешком по грязи и дождю, вверх и вниз по одним и тем же улицам, а теперь они с легкостью проносились по ним.

Мевлют знал, что часы, которые он проводил в доме Садуллах-бея, были самыми приятными в его жизни. Ему не хотелось приносить в дом в Кадырге свои проблемы. После свадьбы младшей дочери он следил, как ребенок в животе Февзие растет неделя за неделей, – точно так же он это делал, когда ребенка носила Райиха. Он был очень удивлен, когда выяснилось, что будет мальчик. Мевлют оставался в уверенности,

что у него родится внучка, и даже думал назвать ее Райихой. Ребенок появился на свет в мае 2002 года, и летом Мевлют провел много часов, играя с Ибрагимом (малыша назвали в честь прадедушки по отцу, сапожника), помогая Февзие менять пеленки (он каждый раз с гордостью смотрел на крошечный пенис своего внука) и готовить ребенку бутылочку.

Он хотел, чтобы его дочь была всегда счастлива. Мевлуту было неприятно слышать, как ее просили накрыть вечерний стол для выпивки, хотя она только что родила, и видеть, как она безропотно прислуживает мужу и тестю, одновременно присматривая за ребенком в другой комнате. Но Райихе всегда приходилось делать то же самое, и она как-то справлялась. Февзие оставила дом отца и переехала к Садуллах-бею только для того, чтобы продолжать выполнять обязанности супруги и матери. Правда, Мевлют тоже должен был чувствовать себя в Кадырге как дома. Садуллах-бей всегда так говорил.

Как-то раз они остались с дочерью наедине, и, пока Февзие задумчиво смотрела на сливовое дерево в соседнем саду, Мевлют сказал: «Они хорошие люди... Ты счастлива, дорогая?»

Старые часы тикали на стене. Февзие только улыбнулась, как будто отец утверждал, а не спрашивал.

Во время следующего посещения дома в Кадырге Мевлют снова ощутил то же желание поговорить с ней по душам. Он хотел спросить Февзие еще раз про ее счастье, но вырвалось совершенно другое:

– Я одинок, очень одинок.

– Тетя Самиха тоже одинока, – сказала Февзие.

Мевлют рассказал дочери о своем разговоре с Сулейманом. Он никогда не говорил Февзие о письмах, но был уверен, что Самиха все равно поведала обо всем девочкам. Он почувствовал облегчение, когда Февзие ушла в другую комнату проверить, как там Ибрагим.

– Так что ты сказал Сулейману в конце? – спросила Февзие, вернувшись.

– Я сказал ему, что те письма писал твоей матери, – сказал Мевлют. – Но я думал об этом и не знаю, а что, если это может расстроить Самиху?

– Нет, папа, тетя никогда не рассердится на тебя, если ты скажешь ей правду. Она поймет.

– Ладно, тогда, если увидишь ее, – сказал Мевлют, – передай ей, что отец просит прощения.

– Я скажу ей... – ответила Февзие.

Мевлют знал, что Самиха иногда приходит в Кадыргу посмотреть на ребенка. Они больше не говорили об этом ни в тот день, ни в следующий

визит Мевлюта три дня спустя. Готовность Февзие выступить посредником наполняла скромного продавца бузы надеждой, но он не хотел слишком торопить события.

Доволен Мевлют был и своей работой в ассоциации мигрантов. Ему всегда нравилось встречаться с продавцами йогурта и другими уличными торговцами своего поколения, а также с бывшими одноклассниками, когда они приходили в клуб. Даже люди из самых бедных деревень, о которых Мевлют редко слышал (Нохут, Йорен, Чифте-Каваклар), в полдесятке километров от Дженнет-Пынара, начали появляться и даже попросили разрешения у Мевлюта поставить доску объявлений для своих земляков. Ему регулярно приходилось развешивать или снимать расписания занятий, объявления об обрезаниях или свадьбах и фотографии деревень, что были приколоты на эти доски. Все больше людей просили забронировать клуб на Ночь Хны, церемонию помолвки (клуб был слишком мал для настоящих свадеб), ужин с мантами, для чтения Корана или сухура – завтрака во время Рамазана. В деятельность ассоциации начали вовлекаться новые люди, которые вовремя платили членские взносы.

Самыми богатыми из всех были легендарные братья Абдуллах и Нуруллах из Имренлера. Они не слишком часто показывались в клубе, но вносили много денег. Коркут сказал, что они сумели отправить сыновей в школу в Америку. Братья вложили бóльшую часть заработанных на эксклюзивных поставках йогурта денег в рестораны и кафе Бейоглу, в покупку земли и теперь, по слухам, неслыханно разбогатели.

Среди тех, кто инвестировал йогуртовые деньги в землю, были две семьи из Чифте-Каваклара, специализирующиеся на строительстве. Люди из окрестных деревень приезжали в Стамбул и начинали рабочими на их стройках, а потом – мастерами-каменщиками, лицензированными строителями, привратниками и сторожами. Многие одноклассники Мевлюта, которые бросили школу ради работы подмастерьями, теперь были ремонтниками, механиками и кузнецами. Они были не очень богаты, но все-таки оказались в лучшем положении, чем Мевлют. Главной их заботой было отдать детей в хорошую школу.

Больше половины людей, окружавших Мевлюта в детские годы, переехали далеко от Дуттепе, но иногда появлялись в клубе во время трансляции футбольных матчей. Один сверстник, которого Мевлют в детстве видел на улицах со своим отцом-старьевщиком и с тележкой, был, как оказалось, из деревни Хёйюк и тоже остался очень бедным. Некоторые преждевременно состарились с годами, набрали вес, обрюзгли, сторбились,

облысели, их лица стали похожи на грушу, глаза заплыли, носы и уши выросли. По прошествии тридцати пяти лет Мевлют с трудом узнавал их, но все они считали себя обязанными подойти к нему и скромно представиться. Мевлют чувствовал, что они счастливее его, потому что их жены были живы.

В свой следующий визит в Кадыргу он с первого взгляда на дочь понял, что у нее есть для него новости. Февзие повстречалась с тетей. Сама не знала о визите Сулеймана к Мевлюту три недели назад. Так что, когда Февзие передала извинения отца, тетя не поняла, о чем та говорит. Как только она осознала, то рассердилась и на Мевлюта, и на Февзие. Сама никогда не просила Сулеймана о помощи; такое даже не приходило ей в голову.

Мевлют увидел беспокойство и тревогу на лице дочери.

– Мы совершили ошибку, – вздохнул он.

– Да, – сказала она.

Пытаясь понять, что делать дальше, Мевлют начал осознавать, что еще одной проблемой, с которой надо что-то решать, был «дом». Ужиная в одиночестве в доме на Тарлабаши, он начал чувствовать себя там чужим. Он видел, как те же самые улицы, на которых он прожил последние двадцать четыре года, неумолимо превращались в чуждую территорию, и знал, что его будущее не в Тарлабаши.

Тогда, в восьмидесятых, когда был построен проспект Тарлабаши, Мевлют слышал, что этот район – с его кривыми, узкими улочками и осыпающимися столетними кирпичными зданиями – считается местом исторического значения и потенциально огромной ценности, но никогда в это не верил. В то время было полно левацких архитекторов и студентов, которые говорили такие вещи ради протеста против строительства нового, шестиполосного проспекта. Но политики и подрядчики правого толка тоже твердили: Тарлабаши – драгоценность, которую надо сохранить. Ходили слухи, что в этом районе построят отели, торговые центры и небоскребы.

Мевлют никогда на самом деле не считал, что здесь подходящее для него место, но за последние несколько лет эти улицы настолько изменились, что чувство отчужденности лишь усилилось. После свадьбы дочери он стал отрезан от этого района. Старые плотники, кузнецы, ремонтники и лавочники, выученные армянами и греками, давно уехали, так же как и те трудолюбивые семьи, которые брались за любую работу, чтобы выжить, а теперь и айсоры исчезли – их сменила новая поросль: наркодилеры, мигранты, заселявшие брошенные квартиры, бездомные, гангстеры и сутенеры. Каждый раз, когда он ходил в какую-нибудь другую

часть города и люди спрашивали его, как он может еще жить в Тарлабаши, Мевлют утверждал, что все эти люди обитают в верхних кварталах, на стороне Бейоглу. Однажды ночью хорошо одетый молодой человек остановил Мевлюта и нервно спросил: «У тебя есть сахар, дядя?» Все знали, что «сахар» означает «наркотики». К этому времени даже во тьме ночи Мевлюту было достаточно беглого взгляда, чтобы заметить толкачей, которые иногда добегали до его улицы, спасаясь от полицейских облав, и дилеров, прятавших свой товар под днищем припаркованных машин, чтобы не попасться с ним. Он всегда мог узнать мускулистых трансовеститов в париках, которые работали в борделях около Бейоглу.

Раньше на Тарлабаши и Бейоглу эти крайне доходные пороки были в руках организованной мафии, но теперь начинающие банды из Мардина и Диярбакыра палили друг в друга на улицах, деля рынок. Мевлют подозревал, что Ферхат пал жертвой такой же разборки. Однажды он видел Джезми из Джизре, самого знаменитого бандита среди гангстеров, проходившего по району во главе какой-то процессии, окруженного приспешниками и шумными, охваченными благоговейным страхом детьми.

Из-за новых людей, которые развешивали сушиться свое белье на веревках, протянутых над улицами, и превратили таким образом весь район в одну большую прачечную, Мевлюту казалось, что он здесь чужой. Никогда на Тарлабаши не было так много торговых тележек, но ему не нравились новые уличные торговцы. Он также подозревал, что гангстерского вида типы – его так называемые арендодатели (которые менялись каждые пять или шесть лет) – могут внезапно исчезнуть и оставить дом брокерам недвижимости, спекулянтам, застройщикам, торопящимся строить отели, или какой-нибудь другой банде, как это уже кое-где случалось в последние два года. Кроме того, он боялся, что не сможет угнаться за постоянно растущими ценами на аренду. Ранее никем не замечаемый район внезапно стал точкой притяжения для всех печалей Стамбула. В двух домах от него, в квартире на втором этаже, поселилась одна иранская семья, снявшая квартиру на время, чтобы дожидаться от консульства визы, которая позволила бы ей эмигрировать в Америку. Когда в ночь землетрясения три года назад все в панике выбегали на улицы, Мевлют был изумлен, узнав, что в той крохотной квартирке живут почти двадцать человек. Но сейчас он уже начал привыкать к мысли, что Тарлабаши является просто временной стоянкой на пути долгих странствий.

Куда ему можно было уехать? Он много думал об этом, иногда размышляя логически, иногда просто мечтая. Если он снимет жилье

в районе Садуллах-бея в Кадырге, он будет ближе к Февзие. Захочет ли Самиха жить в таком месте? Все равно его туда никто не звал. Кроме того, аренда там слишком дорогая и это место слишком далеко расположено от его работы в клубе на Меджидиекёе. Он начал думать о месте поближе к работе. Идеальным решением, конечно, был бы дом на Кюльтепе, где он провел детство с отцом. Поначалу он думал попросить Сулеймана помочь ему выселить нынешних нанимателей, чтобы он мог вернуться туда сам. Время от времени он представлял себе, как они живут там с Самихой.

Как раз в это время произошло событие, которое так обрадовало Мевлюта, что он решился повидаться с Самихой вновь. Все случилось на организованном ассоциацией футбольном матче между командами из различных деревень.

Ребенком Мевлют играл в футбол от случая к случаю – игра ему никогда особо не нравилась. К тому же он не умел хорошо играть. Когда он бил по мячу, тот редко летел туда, куда хотелось пареньку, и в свою команду Мевлюта никто не брал. В ранние годы в Стамбуле у него никогда не было времени, желания или лишних ботинок, чтобы присоединиться к тем, кто гонял в футбол на улицах и пустырях. По телевизору Мевлют смотрел матчи только потому, что все делали это. Так что когда он пришел посмотреть финал турнира ассоциации мигрантов, который Коркут считал крайне важным для объединения всех деревень, то появился только потому, что знал – там соберутся все.

Места для зрителей были на противоположных сторонах огражденного проволокой игрового поля. Мевлют выбрал место подальше от остальных зрителей и тихо сидел, наблюдая за игрой.

Матч был между деревнями Гюмюш-Дере и Чифте-Каваклар. Более молодая команда из Чифте-Каваклара подошла к игре очень серьезно. Не важно, что некоторые из игроков были в костюмных брюках, но, по крайней мере, все надели одинаковые футболки. Бóльшая часть команды из Гюмюш-Дере состояла из взрослых мужчин, бегающих в обычной удобной домашней одежде. Мевлют узнал мускулистого, толстопузого бывшего продавца йогурта из поколения его отца (каждый раз, когда тот бил по мячу, зрители смеялись и аплодировали) и его сына, который, казалось, вознамерился показать все свое мастерство; Мевлют встречал его раньше – они сталкивались, продавая йогурт на Дуттепе, а также на всех свадьбах, на которых присутствовал Мевлют. Тридцать пять лет назад сын этого человека тоже приехал в Стамбул продавать йогурт и продолжать учебу (он окончил среднюю школу). Теперь у него было два маленьких фургона, на которых он развозил оливки и сыр по бакалейным магазинам,

а также два сына и две дочери (дети аплодировали отцу с трибуны), жена с крашеными волосами под платком, которая выбежала посреди матча на поле, чтобы дать мужу салфетку вытереть пот со лба, и еще, как заметил Мевлют после окончания матча, автомобиль «мурат» последней модели, в который поместились все шестеро.

Мевлют быстро понял, почему поля с искусственной травой выросли по всему городу, появляясь на каждом пустыре, парковке или незанятом куске земли. Многие стамбульцы на футболе просто помешались. К тому же зрителям нравилось представлять, что они смотрят как бы настоящий футбольный матч, вроде тех, что показывают по телевизору. Когда игрок совершал нарушение, болельщики орал судье: «Гнать его с поля!» или «Пенальти!». Толпа могла одобрительно реветь и обниматься при каждом голе, а забившая команда изображала длительную праздничную пантомиму. Всю игру зрители декламировали речовки и выкрикивали имена своих любимцев.

Мевлюта тоже захватила игра. Он был поражен, услышав собственное имя: после очередного гола вся толпа увидела его – менеджера своего клуба и чайного мастера – и начала хлопать и скандировать: «Мевлют... Мевлют... Мевлют...» Он встал в знак признательности и неловко сделал легкий поклон. «Урааааа!» – закричали все. Крики «Мевлют!» продолжались некоторое время. Аплодисменты были оглушительны. Он сел в шоке, готовый зарыдать.

15. Мевлют и Самиха

Я писал письма тебе

Осознание собственной популярности на футбольном матче ассоциации мигрантов привело Мевлюта в радостное и оптимистическое настроение. В следующий раз, когда он пошел повидать Февзие, он решительно объявил ей:

– Я должен пойти на Дуттепе и поговорить с твоей тетей. Я должен извиниться перед ней за то, что сделал ей больно. Но я не могу это сделать в доме дяди. Твоя тетя выходит из дому?

Февзие сказала, что тетя Самиха иногда днем ходит на рынок Дуттепе.

– Мы правильно делаем? – засомневался вдруг Мевлют. – Мне действительно надо пойти и поговорить с ней? Ты хочешь, чтобы я это сделал?

– Да, иди, будет очень хорошо.

– Это ведь не будет неуважением к памяти твоей матери, правда?

– Папа, ты один не выживешь, – вздохнула Февзие.

Мевлют начал ходить на Дуттепе и совершать полуденные молитвы в мечети Хаджи Хамита Вурала. В будние дни там почти не бывало молодежи. Мечеть обычно заполнялась людьми поколения его отца – отошедшими от дел уличными торговцами, строителями, ремонтниками – задолго до начала молитвы, и после нее они все прогуливались вместе по крытой галерее под мечетью. Некоторые носили бороду и зеленые тюбетейки, опирались на палочку. Мевлют в глубине души знал, что единственной причиной, по которой он начал приходить сюда молиться, была возможность столкнуться после молитвы с Самихой на рынке, так что его постоянно отвлекали от молитвы перешептывания стариков, их покашливание, потертые ковры, и в результате он не мог вложить никакой искренности в сердце. Что значит, когда правоверный, который так верит в могущество и милосердие Аллаха и ощущает такую сильную потребность получить Его утешение, не может даже искренне помолиться в мечети? Если человек не может сосредоточиться на молитве в присутствии Аллаха, несмотря на чистоту своего сердца и намерений, что ему делать? Он хотел задать эти вопросы Святому Наставнику; он даже представлял, какие ответы может получить.

«Всевышнему ведомо, кто ты на самом деле, – скажет Святой Наставник, пока все вокруг будут слушать. – Так как ты знаешь, что Он

знает, ты должен быть одним и тем же внутри и снаружи».

После молитвы Мевлют покидал мечеть и слонялся по площади, где тридцать лет назад появились первые на Дуттепе кофейни, лавка старьевщика, бакалейный магазин и автобусная остановка. Теперь это место не отличалось от любого другого в Стамбуле. Везде был бетон, рекламные щиты, банки и кебабные. Мевлют уже трижды ездил на Дуттепе и все еще ни разу не столкнулся с Самихой. Но однажды увидел ее, стоявшую перед пекарней Вуралов.

Он остановился и развернулся, направившись назад в галерею под мечеть. Нет, эта женщина не для него.

Мевлют прошел в кофейню в конце галереи: там все смотрели телевизор. Если он пойдет наверх через заднюю дверь и через двор мечети, он сможет вернуться в клуб, не поправшись на глаза Самихе.

Тяжелое чувство раскаяния угнетало его душу. Придется ли ему провести остаток жизни в одиночестве? В любом случае он не хотел возвращаться. Он пошел наверх, чтобы выйти.

Когда Мевлют шагнул во двор мечети Хаджи Хамита Вурала, он лицом к лицу столкнулся с Самихой. Мгновение они смотрели друг на друга, как на свадьбе Коркута. Это были, без всякого сомнения, те самые глаза, которые Мевлют видел тогда, те же темные глаза, о которых он писал письма, для чего штудировал справочники и словари.

– Мевлют, почему ты не заходишь к нам, когда ты здесь, или по крайней мере не даешь нам знать, что ты поблизости? – смело спросила Самиха.

– Я зайду в следующий раз, – сказал Мевлют. – Но есть и еще кое-что. Пойдем завтра в полдень в закусочную «Конак».

– Зачем?

– Мы не должны говорить здесь, перед всеми... люди начнут сплетничать. Понимаешь?

– Понимаю.

Они вежливо попрощались друг с другом с подобающего расстояния, стараясь сохранять спокойствие, но их лица выдавали волнение от нечаянной встречи. Мевлют думал, что встреча в закусочной должна пройти хорошо. В «Конаке» он часто видел женатые пары. И про них тоже все подумают, что они муж и жена. Беспокоиться не о чем.

Но все равно он не смог заснуть этой ночью. Самиха осталась красивой даже теперь, в свои тридцать шесть, однако Мевлюту казалось, что он совсем ее не знает. Он очень мало общался с ней за всю свою жизнь – только редкие домашние визиты, взгляды, которыми они

обменивались в зеркале в «Свояках», встречи на свадьбах и религиозных церемониях. Он знал, что никогда ни с кем не будет так близок, как с Райихой. Они тринадцать лет прожили бок о бок. Даже если и расставались в течение дня, все равно были вместе. Такая близость приходит только после страстной любви в юности. Так какой смысл идти завтра встречаться с Самихой?

Утром Мевлют тщательно побрился. Он надел новую белую рубашку и лучший пиджак. Он вошел в лавку без четверти двенадцать. Закусочная «Конак» была большим заведением на площади Шишли, прямо за остановками автобуса и маршруток, в одном ряду с мечетью, муниципалитетом Шишли и зданием суда. Помимо десертов, завтраков и яичницы, там также подавали чечевичный суп, пирожки с сыром, рис с томатами и, самое главное, кебабы. Жители Кюльтепе, Дуттепе и других окрестных холмов – мужчины, женщины и дети – заходили туда, пока ждали маршрутку или бегали по делам в Шишли, и сидели там за разговорами под портретом Ататюрка. Толпы обедавших еще не появились, так что Мевлют без труда нашел столик вдалеке от посторонних глаз, в тихом углу, как и надеялся. С его места было хорошо видно официантов, сновавших туда-сюда, и кассира, восседавшего за кассой. Он уже начал волноваться. Внезапно он увидел, что Самиха стоит прямо перед ним. Он покраснел и выронил пластиковую бутылку с водой. Они оба хихикнули и заказали кебаб с рисом.

Они никогда не сидели друг против друга так официально. Впервые Мевлют смотрел в темные глаза Самихи столько, сколько хотел. Самиха достала сигарету из сумочки, чиркнула зажигалкой и выдохнула дым. Он догадывался, что она курит и даже, может быть, выпивает одна в комнате, но в ресторане и в компании мужчины все это смотрелось совсем по-другому. Он почувствовал, как у него кружится голова, и в тот же момент промелькнула мысль, которая могла бы отравить все их отношения: Райиха никогда бы так не сделала.

Мевлют рассказал Самихе о визите Сулеймана и о словах, которые он просил передать Февзие, и добавил, что извиняется за недоразумение. Сулейман снова сунул свой нос куда не следовало и вызвал проблемы своим бессмысленным поведением.

– Это не совсем верно, – перебила его Самиха.

Она сказала о дурных намерениях Сулеймана и зашла так далеко, что коснулась даже убийства Ферхата. Мевлют сказал Самихе, что чувствует ее ненависть к Сулейману, но, возможно, настало время оставить все это в прошлом.

Это замечание вызвало еще большее раздражение Самихи. Она занялась своим кебабом с рисом и время от времени откладывала вилку, чтобы зажечь очередную сигарету. Мевлют никогда не представлял ее такой нервной и такой несчастной. Затем он понял, что она станет счастливее, если они реализуют свой план быть вместе, как способ возмездия Сулейману.

– Ты и правда не узнал меня, когда увидел в конце свадьбы с Райихой, или ты прикидывался? – спросила Самиха.

– Я прикинулся, что не узнал тебя, чтобы Райиха не расстроилась, – сказал Мевлют, вспоминая свадьбу двадцать лет назад.

Он не понял, поверила ли Самиха в его ложь или нет. Они немного помолчали, занимаясь каждый своей едой и слушая шум наполнявшейся закуской.

Самиха спросила:

– Ты писал письме мне или моей сестре?

– Я писал письма тебе, – сказал Мевлют.

Ему показалось, что он поймал тень удовлетворения на ее лице. Они надолго замолчали. Самиха все еще была в напряжении, но Мевлют чувствовал, что они сделали уже достаточно для первой встречи и сказали все, что нужно было сказать: он начал смутно говорить про возраст, одиночество и про необходимость иметь кого-нибудь в своей жизни.

Самиха внимательно слушала, но внезапно оборвала его:

– Ты писал письма мне, но много лет говорил всем: «Я писал их Райихе». Все делали вид, что тебе верят, хотя и знали, что ты писал их мне. Теперь все делают вид, что верят тебе, когда ты говоришь, что писал их мне.

– Я писал их тебе, – сказал Мевлют. – Мы видели друг друга на свадьбе Коркута. Я писал тебе про твои глаза три года. Сулейман обманул меня, и вот почему я писал на письмах имя Райихи вместо твоего. Но потом я был счастлив с Райихой; ты знаешь это. Теперь мы тоже можем быть счастливы.

– Мне не важно, что другие думают... Но я хочу услышать от тебя еще один раз, что ты писал письма мне, – сказала Самиха. – Иначе я не выйду за тебя.

– Я писал письма тебе, и я писал их с любовью, – сказал Мевлют.

Еще произнося эти слова, он подумал, как трудно говорить правду и быть искренним одновременно.

16. Дом

Мы все делали правильно

Самиха. Дом был старым гедже-конду. Мевлют не делал в доме ничего с тех пор, как жил там в детстве с отцом. Он долго рассказывал мне о нем во время нашей второй встречи в «Конаке». Каждый раз, упоминая свое жилище, которое я до сих пор не видела, он называл его «дом» так же любовно, как называл его отец.

В нашу вторую встречу в «Конаке» мы решили пожениться и жить в доме на Кюльтепе. Мне было бы трудно избавиться от жильцов в Чукурджуме, а кроме того, нам был нужен доход. Внезапно все завертелось вокруг этого дома. Мевлют время от времени говорил мне что-то нежное, но вам об этом знать не надо. Мы оба очень любили Райиху. Мы все делали правильно, и дело двигалось медленно.

Поскольку нам самим не нужно было платить никакой аренды, ежемесячной оплаты с двух домов в Чукурджуме, которые я унаследовала от Ферхата, было более чем достаточно для жизни. У Мевлюта тоже был доход. Это было еще одним вопросом, который мы обсуждали за тарелкой плова с курицей. Мевлют был расслаблен, искренен, хотя иногда и смущался. Но я не считала это недостатком; наоборот, мне нравилось.

Февзие первая узнала, что мы встречаемся. Ее муж и Садуллах-бей узнали раньше, чем семья Акташ. Садуллах-бей взял меня, Мевлюта и Февзие с маленьким Ибрагимом на руках покататься по Босфору. Когда мы ехали назад, людям казалось, что мы – такси в поисках пассажиров, и они постоянно махали нам с тротуаров или пытались заступить нам путь. Каждый раз Мевлют весело кричал спереди: «Не видишь, такси занято?»

Мевлют хотел немедленно позвать Сулеймана и попросить его выселить жильцов на Кюльтепе, но я пожелала сама сообщить на Дуттепе о новостях, так что попросила его подождать. Ведиха очень хорошо приняла это; моя дорогая сестра крепко обняла меня и расцеловала в щеки. Но она рассердила меня, сказав, что все хотели, чтобы это случилось. Я бы предпочла выйти замуж за Мевлюта потому, что все вокруг были против, а не потому, что все этого хотели.

Мевлют захотел посетить семью Акташ и сообщить новость Сулейману и Коркуту. Но я предупредила его: если он совершит такой визит, Сулейман и Коркут могут подумать, что мы просим их разрешения пожениться, а это расстроит меня.

– Ну и что? – сказал Мевлют. – Пусть думают что хотят. Мы будем просто заниматься своим делом.



Мевлют позвал Сулеймана, чтобы передать ему известие, но тот уже все знал от Ведиhi. Давний жилец из Ризе, который жил в доме Мевлюта, отказывался выезжать сразу. Сулейман поговорил с юристом, который сказал ему, что если он попытается решить проблему через суд, то выселить жильца будет весьма сложно. Так что старший сын Вурала послал одного из своих мускулистых парней поговорить с жильцом из Ризе, и тот сразу же добился желаемого результата: жилец поклялся, что освободит помещение за три месяца. Услышав, что свадьба может отложиться на три месяца, Мевлют ощутил некоторое облегчение. Он боялся, что все может закончиться позором, и иногда представлял, как кто-нибудь, узнав, что он женится на Самихе, может сказать: «Ах, бедняжка Райиха». Конечно, такие сплетни приведут к тому, что всплывет старая история, почти забытая в результате смерти Райихи: «Человек писал младшей сестре, но вместо этого женился на старшей».

Когда Самиха твердила, что им нужно пожениться «прямо сейчас», Мевлют понимал, что она не согласится ходить с ним в кафе, в кино или даже на обеды в подходящий ресторан до того, как они поженятся.

Он мог видеть Самиху только раз в две недели, когда она приходила в дом Садуллах-бея после полудня. Много они не разговаривали.

В сентябре 2002 года жилец освободил дом на Кюльтепе. Самиха пришла узкой, извилистой дорогой с Дуттепе, и они вместе отправились посмотреть дом детства Мевлюта.

Однокомнатный гедже-конду, который он с такой любовью описывал ей на встречах в «Конаке», стал почти руиной. Там все еще был земляной пол, как и тридцать лет назад. Туалет был просто дырой в земле. Через маленькое окошко туалета был слышен рев грузовиков, проезжающих по кольцевой дороге. Рядом со старой дровяной печью стояла электрическая плита. Мевлют не мог найти незаконную проводку, но он по опыту знал, что в районах вроде Кюльтепе никто не покупает электроплиту, если не может своровать для нее электричество. Шаткий стол

с короткими ножками, за которым он учился ребенком, все еще стоял здесь, как и деревянная кровать. Мевлют даже нашел котелок, в котором варил суп тридцать лет назад, и кофейник, которым всегда пользовался.

Но мир вокруг домика совершенно изменился. Когда-то полупустой холм теперь был покрыт трех- и четырехэтажными бетонными зданиями. Грязные некогда дороги теперь были все заасфальтированы. Многие геджеконду были снесены, на их месте появились многоэтажные офисные здания для юристов и бухгалтеров или студий архитекторов. Каждая крыша была утыкана спутниковыми антеннами и рекламными щитами, изменив картину, которую Мевлют привык видеть, хотя тополя и минареты мечети Хаджи Хамита остались такими же, как и были.

Мевлют использовал последние сбережения, чтобы застелить пол, отремонтировать крышу, сделать туалет, а также покрасить стены. Сулейман пару раз присылал на помощь фургон от своей строительной компании, но Мевлют никогда не говорил об этом Самихе. Он старался ладить со всеми и не хотел, чтобы кто-либо осудил его свадьбу.

У него было нехорошее предчувствие оттого, что дочь в Измире не подавала вестей все лето и даже ни разу не приехала в Стамбул, но он старался выкинуть подобные мысли из головы. Однако, когда они с Февзие начали обсуждать свадебные планы, младшая дочь не смогла больше скрывать правду от отца: Фатма была против женитьбы отца на тете после смерти матери. Она не приедет в Стамбул на свадьбу. Она даже по телефону не хочет говорить с отцом и тетей Самихой.

В Стамбуле появился Горбун Абдуррахман, и Мевлют пошел повидать его на Дуттепе, где тот поселился на третьем этаже дома Акташей, который покосился от землетрясения. Мевлют попросил у него руки его дочери и поцеловал ему руку, точно так же как сделал двадцать лет назад, когда пошел в их деревню просить его руки Райихи. Может быть, Горбун Абдуррахман и Самиха, отец и дочь, смогут поехать в Измир уговорить Фатму приехать на свадьбу? Но Фатма даже не открыла дверь визитерам, и Мевлют обиделся на нее. Ему захотелось вычеркнуть ее из своей жизни. Кроме того, она сама повернулась спиной к семье.

Однако, в конце концов, Мевлют не смог держать обиду на дочь, потому что отчасти был согласен с ней. Они видели, что и Самиха чувствует вину. После всего, что она сделала, чтобы обеспечить поступление Фатмы в университет, и после всей заботы, которой она одарила свою племянницу, Самиха чувствовала себя такой же уязвленной, как и Мевлют. И когда Мевлют сказал: «Давай проведем свадьбу вдалеке от всех», Самиха предложила прямо противоположное.

– Мы поженимся рядом с Дуттепе, пусть все приходят и сами смотрят... Пусть они себе посплетничают на здоровье... – сказала Самиха. – Так им вскоре надоест говорить об этом.

Мевлют согласился с доводами Самихи и с ее смелым решением надеть белое платье в тридцать шесть лет. Они решили провести свадьбу в его клубе, поскольку он был рядом с Дуттепе и не стоил им ничего. Помещения ассоциации были небольшими, так что все гости смогли бы поочередно входить, пить свой лимонад (и раки, которую будут подавать тайком) и дарить подарки без необходимости долго толпиться в жарком, душном и переполненном помещении.

Самиха взяла напрокат белое платье, которое нашла с Ведихой в свадебном салоне в Шишли. Всю свадьбу Мевлют думал, какая она красавица: безусловно, любой человек, который столкнется с такой красотой, будет три года писать любовные письма.

Сулейман теперь знал, что Самихе неприятно его присутствие: ни он, ни остальная семья Акташ не стали засиживаться на свадьбе. Он был пьян к тому моменту, когда решил уйти, и потянул Мевлюта в сторону.

– Не забывай, что это я устроил тебе обе свадьбы, друг мой, – сказал он. – Но я не могу понять, хорошо ли я поступил.

– Ты отлично поступил, – сказал Мевлют.

После свадьбы жених и невеста, а также Февзие со своим мужем и Горбун Абдуррахман влезли в «додж» Садуллах-бея и поехали в ресторан в Бюйюк-Дере, где подавали алкоголь. Мевлют и Самиха, которой нравилось быть в свадебном платье, ничего не пили. Вернувшись домой, молодожены легли в постель и в темноте занялись любовью. Мевлют всегда догадывался, что секс с Самихой будет легким и непринужденным. Они оба были счастливее, чем могли себе представить.

В последующие месяцы Мевлют выглядывал в окно своего геджеконду и, пока жена спала, задумчиво смотрел на мечеть Хаджи Хамита и окрестные холмы, покрытые многоквартирными домами, стараясь не вспоминать Райиху. В эти первые месяцы его брака бывали редкие моменты, когда ему казалось, что он уже переживал этот миг раньше. Однако он не понимал, возникала ли эта иллюзия из-за повторной женитьбы или из-за того, что он вернулся в дом своего детства.

Часть VI

(15 апреля 2009 года, среда)

*Из разговора с семьей в дождливый день добра
не выйдет.*

Лорд Байрон. Извинения и ирония

Двенадцатиэтажный дом

У тебя есть право на городскую ренту

– Ты же клялся, что никогда не опустишься ниже шестидесяти двух процентов, – сказала Самиха на пороге, провожая мужа. – Не позволяй им тебя запугать.

– Чего меня пугать? – отмахнулся Мевлют.

– Не верь ни в какую чушь, которую будет рассказывать тебе Сулейман, и не выходи из себя. Ты взял свидетельство?

– Я взял бумаги от мухтара, – отозвался Мевлют, делая шаг в сторону спуска.

Небо было покрыто серыми облаками. Предстояла общая встреча в бакалее дяди Хасана на Дуттепе, на которой они собирались обсудить ситуацию и провести окончательные переговоры. Большой строительный холдинг «Вурал Япы», принадлежавший Вуралам, воспользовался преимуществом недавних городских постановлений, связанных с благоустройством города, чтобы построить шестнадцать новых высотных жилых домов на Кюльтепе и Дуттепе. На участке, где стоял однокомнатный дом Мевлюта, унаследованный им от отца, в котором они с Самихой жили уже семь лет, Вуралы планировали возвести двенадцатиэтажный дом. Все это означало, что Мевлют, как и многие другие, должен был теперь договариваться с Вуралами. Однако он тянул время и торговался, и поэтому Коркут с Сулейманом злились на него.

Мевлют еще не подписал соглашения; он продолжал жить с Самихой в доме, где прошло его детство, хотя некоторые из квартир будущего дома на этой земле были уже проданы. Иногда Мевлют выходил в сад, показывал Самихе на небо и со смехом и с удивлением говорил о глупости богачей, уже отдавших Вуралам свои деньги за квартиры, которые когда-нибудь будут где-то там, наверху. Но Самихе все это смешным не казалось. Мевлюта всегда поражала способность его второй жены мыслить реалистически.

Макет будущего дома красовался в выставочном офисе, который «Вурал Япы» открыл на Рыночной улице, что соединяла Дуттепе с Кюльтепе. Блондинка на высоких каблуках показывала клиентам варианты квартир, отделочный материал, который будет использоваться для ремонта ванных и кухонь, а потом делала паузу и сообщала, что все южные квартиры, расположенные выше шестого этажа, будут иметь вид

на Босфор. Одной мысли о том, что Босфор можно будет увидеть с высоты шестого этажа из сада его дома, построенного сорок лет назад, было достаточно, чтобы вскружить Мевлюту голову. Перед последними переговорами с семейством Акташ он вновь отправился взглянуть на макет.

Когда в 2006 году разлетелась новость о том, что Кюльтепе и Дуттепе вместе с другими окрестными районами выбраны для масштабного проекта городской перепланировки и что правительством поощряется многоэтажное строительство в этом районе, обитатели квартала были в восторге. Прежде по закону на здешних холмах можно было строить только трех- и четырехэтажные здания. А сейчас разрешили строить двенадцатиэтажные. Люди чувствовали себя так, будто им раздали денег. Такое решение было передано сверху, из Анкары, но все знали, что за всем этим стоит семья Вурал, у которой были близкие связи с правящей Партией справедливости и развития (ПСР), и что почти вся земля на Кюльтепе и Дуттепе принадлежит им. В результате ПСР, которая пользовалась популярностью в этих районах уже давно, приобрела еще больше сторонников на обоих холмах. Паникеры, которые вечно всем были недовольны, замолчали.

Первый ропот протеста послышался от тех, кто снимал жилье на обоих холмах. Когда объявили разрешение на строительство двенадцатиэтажных домов, цены на участки и арендная плата тут же взлетели, и старые арендаторы, вроде жильца из Ризе, которые и раньше еле-еле сводили концы с концами, начали постепенно покидать холмы. Эти люди, годами снимавшие дома на Кюльтепе, чувствовали теперь то же самое, что чувствовал Мевлют, когда ему пришлось уехать из Тарлабаши: у них нет здесь будущего.

Новый закон предусматривал, что участок для каждого из двенадцатиэтажных домов «соберут» из маленьких участков, принадлежавших почти шести десяткам владельцев гедже-конду. В течение года муниципалитет назначил и объявил местонахождение этих участков, которые разделили Дуттепе и Кюльтепе на отдельные районы. Так что старые соседи по гедже-конду, которые в один прекрасный день узнавали, что им предстоит жить в одном многоквартирном доме, начали по вечерам проводить друг у друга собрания и за чаем и сигаретами обсуждать ситуацию. Кроме того, люди выбрали представителей (на эту роль было много желающих), которые должны были взаимодействовать с государством и строителями; и довольно скоро проявились первые разногласия. Мевлют по настоянию Самихи ходил на такие встречи три раза. Вместе с другими присутствовавшими мужчинами он быстро выучил

новое для себя слово «рента». Однажды Мевлют поднял руку и рассказал всем собравшимся о том, сколько трудов вложил его покойный отец в то, чтобы построить дом, в котором он, Мевлют, жил сейчас, сколько трудился ради скромного жилища. Однако ему было нелегко участвовать в спорах о процентах и паях, и он отдыхал от этих тревог по ночам, когда ходил по пустынным улицам продавать бузу.

Согласно новому закону местные землевладельцы, которые желали приобрести квартиру в одном из новых высотных домов, прежде всего должны были продать свои участки земли подрядчику. Крупные строительные холдинги Турции попытались вписаться в этот проект, однако компания Хаджи Хамита Вурала, которая хвасталась великолепными отношениями не только с правительством в Анкаре, но и с обитателями района, обошла всех. Так жители холмов принялись захаживать в офис «Вурал Япы», что был на Рыночной улице, чтобы хотя бы через витрину разглядеть макет дома и понять, что их может ждать в будущем, а также начать переговоры о покупке с младшим сыном Хаджи Хамита Вурала.

В большинстве других высоток, которые возникли по всему Стамбулу, право собственности обычно было поделено пополам между строительной компанией и местными землевладельцами. Если группа местных находила себе умелого представителя и действовала дружно, то соотношение иногда поднималось до пятидесяти пяти или даже шестидесяти процентов в пользу землевладельцев. Однако такое случалось очень редко: чаще случалось, что бывшие соседи по гедже-конду теряли свое коллективное преимущество из-за ссор по долям собственности и датам переезда. Мевлют слышал от Сулеймана, неизменно сообщавшего о подобных вещах со всезнающей ухмылкой, что представители некоторых кварталов берут взятки от строительных фирм. Коркут и Сулейман были в курсе всех сплетен, скандалов и торгов и потому, что являлись старинными землевладельцами на Дуттепе, и потому, что были партнерами в строительной компании Хаджи Хамита.

Большинство бывших лачуг гедже-конду уже давно превратилось в трех–четырехэтажные дома, а их владельцы могли жестко торговаться с государством и подрядчиком, особенно если у них было уже официальное право собственности на землю. Но таким, как Мевлют, которые заявляли о своей собственности только на основании бумажки, написанной квартальным мухтаром двадцать четыре года назад, и у которых дом состоял только из одной комнаты (на Кюльтепе таких было еще немало), скорее всего, предстояло уступить строителям.

Еще один спорный момент заключался в том, что аренда временного жилья была очень дорогой: когда дома гедже-конду сносили, строительная фирма была обязана по закону платить за жилье для расселенных до тех пор, пока их новые дома не будут достроены. В некоторых случаях этот срок определялся двумя годами, но, так как за это время новый дом выстроить не успевали, люди часто оставались на улице. Из-за слухов, что гуляли по Стамбулу, землевладельцы на Кюльтепе и Дуттепе решили, что будет безопаснее заключить договор с подрядчиком только после того, как его заключат жители соседнего квартала. Остальные продолжали тянуть время, задерживая таким образом всю стройку, только потому, что полагали, что выгоднее будет подписать договор последними.

Коркут называл подобных хитрецов вредителями и ненавидел их. По его мнению, все они были грязными спекулянтами, которые мешали жить другим и лишали честных дольщиков средств к существованию, гоняясь за лучшим предложением или большей квартирой, чем та, на которую они могли претендовать. Мевлют слышал истории об этих «вредителях», умудрявшихся получить шесть или даже семь квартир в шестнадцати– или семнадцатизэтажном жилом доме, в то время как все остальные получали по две крохотные квартирки. Ловкие переговорщики обычно распродавали новые квартиры, едва получив их, и переезжали в другой город или район, потому что знали – не только государство и подрядчики будут в ярости на вредителей за сорванные сроки, но и их собственные друзья с соседями, отчаявшиеся переехать в новый дом, припомнят им былое. Мевлют знал, что на Октепе, в Зейтин-Бурну и на Фикиртепе такие ловкачи и их бывшие соседи уже доходили до потасовок, а иногда и до холодного оружия. Также поговаривали, что строительные фирмы провоцируют такие конфликты. Мевлют хорошо знал все эти истории, потому что на последней встрече с родственниками Коркут тоже бросил ему: «А ты не лучше всех этих вредителей, Мевлют!»

В тот день офис «Вурал Япы» на Рыночной улице был пуст. Мевлют уже бывал здесь на многих встречах, которые организовывали то землевладельцы, то строители. Он сидел там с Самихой, глядя на вычурные макеты со странными балконами, и пытался нарисовать в воображении маленькую, обращенную к северу квартирку, которая причиталась ему по праву. В офисе висели фотографии высотных домов, которые строительная компания Вуралов выстроила в других районах Стамбула, а также несколько фотографий сорокалетней давности, на которых молодой бакалейщик Хаджи Хамит самолично держал лопату на строительстве каких-то давних и первых объектов. Было около полудня, и тротуары,

где обычно парковали на выходных свои машины потенциальные покупатели из более благоустроенных районов города, пустовали. Мевлют побродил немного по рынку, поглазел на витрины магазинов возле мечети Хаджи Хамита Вурала, а затем направился вверх на холм Дуттепе, чтобы не опоздать на собрание в бакалее дяди Хасана.

За первыми несколькими домами у подножия холма находился участок дороги, где некогда располагался ряд деревянных общежитий-бараков для рабочих Хаджи Хамита. В детстве Мевлют заглядывал в их раскрытые двери и видел на нарах в темных и затхлых комнатах спящих усталых рабочих. За последние три года арендные ставки повысились, а арендаторы почти все уехали, сознавая, что весь квартал вскоре будет снесен. Повсюду на Дуттепе появлялось все больше пустых домов, и они придавали кварталу заброшенный и уродливый вид. Над ним висело темное небо. Мевлюту было грустно. Поднимаясь на холм, он на мгновение почувствовал, что будто бы идет прямо на небо.

Самиха настаивала на шестидесяти двух процентах. Он не знал, как убедить семью Акташ согласиться на такое. Во время прошлых переговоров, ради которых братья встретились в районном клубе, Мевлюту удалось договориться о пятидесяти пяти процентах. Коркут запротестовал. Они договорились встретиться еще раз. Потом оба его двоюродных брата надолго пропали. Мевлют волновался, но в то же время ему нравилось, что Коркут считает его вредителем, и ему казалось, что именно поэтому удастся выторговать процент повыше.

Однако примерно месяц назад Дуттепе и Кюльтепе были объявлены зоной повышенной сейсмической опасности, и Мевлют – как многие другие на Кюльтепе – начал подозревать, что это очередной трюк, задуманный Вуралами. После землетрясения 1999 года был издан закон, согласно которому любое здание, которое признано сейсмически неустойчивым, могло быть снесено по решению двух третей его жителей. Государство и строительные фирмы использовали этот закон для борьбы с владельцами маленьких домов, которые мешали большим стройкам. Так как после выхода такого закона быть «вредителем» стало труднее, Мевлют теперь ломал голову, как же ему сказать Коркуту о шестидесяти двух процентах, на которых настаивала Самиха.

Они были женаты уже семь лет, и Мевлют был счастлив. Они стали близкими друзьями. Но эта дружба не была созидательной и не вращалась вокруг всего яркого и прекрасного, что было в мире; она зиждилась на совместной работе, на совместном преодолении трудностей и на необходимости примириться с пошлостью повседневной жизни. Узнав

Самиху получше, Мевлют обнаружил в ней упрямую, решительную и нацеленную на комфортную жизнь женщину. Ему нравилось это ее свойство. Правда, сама Самиха не всегда знала, куда направлять свою недюжинную энергию, и, может быть, именно поэтому она пыталась перевоспитать Мевлюта – сделать его намного более решительным и предприимчивым, чем он был на самом деле.

Мевлют давно был согласен договориться с Вуралами на пятьдесят пять процентов: в таком случае он получал три квартиры без вида на Босфор, на нижних этажах двенадцатиэтажного здания. Так как мать и сестры считались наследницами отца, Мевлюту причиталась только часть одной из квартир. Чтобы получить целую, Самиха собиралась пять лет доплачивать недостающую сумму деньгами с арендной платы за квартиру, доставшуюся ей после Ферхата в Чукурджуме (а если бы удалось договориться на шестьдесят два процента, то недостающую сумму можно было бы выплатить за три года). Новую квартиру они решили записать на обоих. Много месяцев провел Мевлют, подсчитывая и просчитывая все это вместе с Самихой. Теперь, спустя сорок лет жизни в Стамбуле, когда собственное жилье было так близко, Мевлюту совершенно не хотелось, чтобы мечты его разбились, так что, когда он входил в бакалею дяди Хасана с ее разноцветными коробочками на витрине, газетами и яркими бутылочками, он был почти напуган.

В магазине царил полумрак; его глаза не сразу привыкли к темноте.

– Мевлют, ну хотя бы ты поговори с моим отцом, – сказал Сулейман. – Он сводит нас с ума, может, он хотя бы тебя послушает.

Дядя Хасан все так же сидел за кассой, как сидел он за ней вот уже тридцать пять лет. Он был уже очень стар, но до сих пор сохранял выправку. Мевлюта поразило, как похож был сейчас дядя на его покойного отца; ребенком он никогда не замечал этого. Он обнял дядю и расцеловал его в щеки, покрытые родинками и жидкой бородой.

Сулейман упрекал отца, а Коркут просто смеялся над ним за то, что дядя Хасан продолжал настойчиво упаковывать покупки клиентов в кульки, которые он сворачивал из старых газет (дядя Хасан называл старые газеты «бумага для кульков»). В пятидесятых и шестидесятых годах так делали все стамбульские бакалейщики, но сейчас один лишь дядя Хасан тратил много времени на складывание старых газет, которые приносил из дому или еще откуда-нибудь, и всякий раз, когда сыновья начинали ругать его, он отвечал одно: «От этого нет никому зла». Мевлют сделал то, что он всегда делал, когда приходил к дяде в магазин: сел на стул напротив дяди и тоже начал складывать из газет кульки.

Сулейман сказал отцу, что район быстро меняется и покупатели могут отвергнуть магазин, в котором покупки складывают в старую грязную газету.

– Тогда пусть не приходят, – упрямо сказал дядя Хасан. – Вообще-то, здесь не магазин, а просто бакалея.

Он подмигнул Мевлюту.

Сулейман настойчиво продолжал утверждать, что отец занимается бессмысленным делом, ведь килограмм полиэтиленовых сумок дешевле килограмма старых газет. На этом доводы братьев иссякли, чему Мевлют был несказанно рад: он продолжал опасаться неизбежного разговора о процентах, а этот спор неожиданно явил ему раскол в рядах Акташей. Когда дядя Хасан сказал: «Сынок, деньги в жизни еще не все!» – Мевлют встал на его сторону, добавив, что не всякое дело, которое приносит деньги, приносит еще и пользу.

– Ой, хватит, папа! Мевлют вон вообще до сих пор пытается торговать бузой! – сказал Сулейман. – Мы, конечно, Мевлюта уважаем, но, если так рассуждать, денег не заработаешь.

– Мевлют проявляет к своему дяде уважения больше, чем вы к родному отцу, – сказал дядя Хасан. – Вот смотрите: он складывает газеты и приносит пользу в отличие от вас обоих.

– Посмотрим мы на его уважение, когда он скажет нам, что он решил. Так что, Мевлют? Что скажешь? – спросил Коркут.

Паника охватила Мевлюта, но тут к ним заглянул какой-то мальчик, который сказал: «Дядя Хасан, дайте хлеба», и все промолчали. Дядя Хасан, которому давно было уже за восемьдесят, вынул из большой деревянной хлебницы одну буханку хлеба и положил на прилавок. Мальчишке, которому на вид было лет десять, хлеб явно показался недостаточно свежим, и он поморщился.

– Нельзя трогать хлеб, пока ты его не купил, – сказал дядя Хасан и пошел к шкафу за новой буханкой, с хрустящей корочкой.

Тем временем Мевлют вышел на воздух; он кое-что придумал. В кармане у него лежал мобильный телефон, который полгода назад купила ему Самиха. Звонила ему только Самиха, сам Мевлют никогда не пользовался телефоном. А сейчас он собирался позвонить ей, чтобы сказать, что шестьдесят два процента – это очень много, нужно соглашаться на меньший процент, иначе добром все это не кончится.

Но Самиха не брала трубку. Пошел дождь, и мальчик, купив наконец такой хлеб, какой ему хотелось, выскочил из магазина, так что Мевлюту пришлось вернуться и сесть напротив дяди Хасана. Сулейман и Коркут

рассказывали отцу обо всех «вредителях», которые доставляли им неприятности после того, когда, казалось бы, уже обо всем договорились; об интриганах, которые в последний момент меняли решение, и о негодях, которые тайком требовали взятки от подрядчиков в обмен на обещание убедить своих соседей подписать договор. Мевлют знал, что, как только он уйдет, они будут говорить о нем то же самое. С удивлением он обратил внимание на вопросы, которые задавал им дядя Хасан, что означало, что он внимательно следит за ходом всех переговоров и за тем, как составляются различные строительные контракты, и пытается советовать сыновьям, как им поступать. Прежде Мевлют был уверен, что дядя Хасан понятия не имеет о том, что происходит за четырьмя стенами его магазинчика.

Фотография старика на странице одной из газет, что складывал Мевлют, привлекла его внимание. Рядом с фотографией был заголовок: «Смерть великого мастера каллиграфии». Святой Наставник умер, с грустью подумал Мевлют: внутри у него все сжалось, сердце охватила тоска. Рядом была напечатана другая фотография, на которой Святой Наставник был молодым. Подпись гласила: «Работы последнего турецкого каллиграфа хранятся в музеях по всей Европе». Последний раз Мевлют был в духовной обители дома у шейха шесть месяцев назад. Святой Наставник сидел, окруженный восхищенными почитателями, и понять, о чем он говорит, было совершенно невозможно. За прошедшие десять лет улицы вокруг дома в Чаршамбе заполнились приверженцами разных исламских духовных орденов-тарикатов, носившими облачения всех цветов и размеров. Такие же старинные религиозные одеяния носили в Иране и Саудовской Аравии. Этот политический исламизм начал пугать Мевлюта, и он временно перестал бывать там. Теперь он сожалел о том, что не повидал Святого Наставника перед его смертью. Он отложил газету с фотографией и задумался о старике.

– Мевлют, газеты ты потом считаешь, – сказал Коркут. – А теперь давай подпишем соглашение на тех условиях, которые мы с тобой уже обсудили. У нас много других дел. Нас все спрашивают: «Почему ваш двоюродный брат еще ничего не подписал?» Мы вам с Самихой дали все, чего вы хотите.

– Мы не хотим жить в общежитии Хаджи Хамита после того, как снесут наш дом.

– Хорошо. Давай запишем в договор, что каждый месяц в течение трех лет мы будем платить вам тысячу двести пятьдесят лир. И живите где хотите.

Тысяча двести пятьдесят лир в месяц были хорошие деньги. Мевлют

воспрянул духом и внезапно сказал:

– А еще мы хотим долю в шестьдесят два процента.

– Шестьдесят два процента? А это откуда взялось? В последний раз мы договорились на пятьдесят пять, и то из уважения к тебе и Самихе!

– А сегодня мы решили, что нас устраивает шестьдесят два, – уверенно ответил Мевлют, удивляясь самому себе.

– Тогда ничего не выйдет, – разозлился Коркут. – У нас тоже есть чувство собственного достоинства. Мы не позволим тебе обдирать нас среди бела дня. Как тебе не стыдно! Мевлют, ты вообще соображаешь, что ты делаешь? Отец, ты видишь, в кого превратился наш Мевлют?

– Успокойся, сынок, – сказал дядя Хасан. – Мевлют понятливый.

– Пусть он согласится на пятьдесят пять процентов, и мы наконец закроем этот вопрос. Если Мевлют не подпишет договор прямо сейчас, все начнут говорить, что Акташи не в состоянии договориться даже с собственным двоюродным братом. Ты знаешь, отец, как быстро распространяются слухи. А сейчас наш сообразительный Мевлют-бей пользуется этим, чтобы шантажировать нас. Это твое последнее слово, Мевлют?

– Последнее! – сказал Мевлют.

– Хорошо. Пойдем отсюда, Сулейман!

– Постой, – сказал Сулейман. – Мевлют, дорогой, задумайся на минуту: район официально объявлен зоной повышенной сейсмической опасности и подрядчик, у которого имеется согласие двух третей собственников недвижимости на снос, имеет право действовать решительно. Вас просто выкинут из дома. А у тебя даже официального документа нет. У тебя просто бумажка от какого-то мухтара. И поэтому я уверен, что ты знаешь – если внимательно прочтешь свою бумажку, ту самую, которую ты пытался отдать мне однажды вечером, когда напился в стельку, – что под именем дяди Мустафы стоит имя и нашего отца. Если дело дойдет до суда, то суд, во-первых, продлится лет десять, а во-вторых, ты не получишь даже и половины от того, что тебе сейчас предлагают. Так что подумай хорошенько об этом.

– Сынок, так нельзя разговаривать со своим братом, – подал голос дядя Хасан.

– Мой ответ остается прежним, – сказал Мевлют.

– Пойдем, Сулейман, – сказал Коркут.

Братья вышли из бакалеи и побежали под зарядившим дождем – старший впереди, младший следом.

– Им обоим уже за пятьдесят, но они все такие же горячие, – вздохнул

дядя Хасан. – Нам такие ссоры не к лицу. Скоро они вернутся. Может, и ты согласишься немножечко подвинуться?

Мевлют не смог произнести: «Смогу». Он был готов немедленно сговориться на пятьдесят пять процентов, если бы Коркут с Сулейманом согласились пойти на мировую. Самаха требовала шестьдесят два процента из упрямства. От одной мысли о десятилетней судебной тяжбе, которая в результате оставила бы его ни с чем, Мевлюту делалось плохо. Он посмотрел на газету, которая лежала рядом.

Сообщение о смерти Святого Наставника было опубликовано четыре месяца назад. Мевлют еще раз прочел заметку. В газете ни слова не говорилось о духовной обители старика или о его роли шейха, хотя это было так же важно, как и то, что он был мастером каллиграфии.

Что же теперь делать? Если просто уйти, будет только хуже. В суде Коркут и Сулейман скажут: «Имя нашего отца тоже стоит на бумаге, и он тоже имеет право на эту землю» (и, конечно, Акташи скроют, что много лет назад захватили землю на Дуттепе, да еще тайком продали землю на Кюльтепе). Мевлют в конце концов останется вообще ни с чем. Он не знал, как рассказать Самихе о том, что случилось; он продолжал сидеть и молча складывать газеты. Женщины, которым был нужен рис, мыло, печенье, и дети, которым нужна была жвачка и шоколад, то и дело входили и выходили из магазина.

Дядя Хасан продолжал вести счета для некоторых клиентов, которые платили в конце месяца. Видел он теперь уже не очень хорошо, поэтому просил их самих записывать, что они купили. Он попросил Мевлюта проверить, все ли покупки записал покупатель, который только что ушел. Когда стало понятно, что сыновья не вернутся, чтобы все загладить, он попытался утешить Мевлюта: «Мы с твоим отцом, моим братом, были очень близки, мы были настоящими друзьями. Мы заняли землю на Кюльтепе и Дуттепе вместе, мы вместе строили наши дома на нашей земле. Мы просили квартального мухтара записать наши имена в бумагах, чтобы никогда не ссориться. В те дни мы с твоим отцом оба торговали йогуртом, мы вместе ходили на пятничный намаз, мы вместе курили... У тебя с собой бумага от мухтара, сынок?»

Мевлют положил на прилавок мятую, в пятнах, потертую бумагу, написанную сорок лет назад.

– Но в конце концов мы все равно рассорились... – вздохнул дядя Хасан. – И все почему? Потому что мой покойный брат не привез твою мать и сестер в Стамбул из деревни. Вы с отцом, да упокой Аллах его душу, работали на износ. Вы заслуживаете квартиру, и не одну, больше, чем кто-

либо другой. Твои сестры не поехали в Стамбул работать. Справедливо будет, если ты получишь все три квартиры, которые подрядчик дает тебе. У меня есть пустые бланки старых форм. Мухтар был моим другом, и у меня есть его печать. Я хранил ее тридцать пять лет. И поэтому я сейчас предлагаю тебе – давай разорвем эту старую бумагу. Давай сделаем новую. Напишем только твое имя, поставим печать. И вы с Самихой получите в собственность целый этаж, вам не понадобится даже требовать еще деньги у Вуралов.

Мевлют сообразил, что это означало. Его собственная доля, таким образом, возрастет за счет доли его матери и сестер, и поэтому он произнес:

– Нет.

– Не торопись с ответом. Ты один надрывал здесь спину в Стамбуле. У тебя есть право на городскую ренту.

В кармане Мевлюта зазвонил телефон, и Мевлют вышел под дождь.

– Я увидела, что ты звонил, что случилось? – спросила Самиха.

– Все плохо, – ответил Мевлют.

– Не позволяй им запугать тебя, – сказала Самиха.

Мевлют повесил трубку, чувствуя раздражение, и вернулся в магазин.

– Я ухожу, дядя Хасан! – сказал он.

– Как хочешь, сынок! – сказал дядя Хасан, продолжая складывать газеты. – Все равно все будет так, как угодно Аллаху!

Мевлюту очень хотелось бы, чтобы дядя вместо этого сказал: «Подожди еще немного, мальчики скоро остынут и вернуться». Он злился и на него, и на Самиху, из-за которой оказался в таком положении. Еще он злился на Коркута с Сулейманом и на Вуралов, но больше всего – на самого себя. Если бы он хотя бы сейчас ответил согласием на предложение дяди Хасана, он бы наконец получил дом, которого заслуживал. А теперь он не мог быть уверен ни в чем.

Пока Мевлют шел под дождем по извилистой асфальтовой дороге (раньше здесь шла грязная грунтовка) мимо продуктового супермаркета (раньше тут была лавка старьевщика), затем спускался по лестнице (раньше ее тут тоже не было) в сторону широкой улицы, которая вела на Кюльтепе, он думал о Райихе, думал о ней постоянно, каждый день. В последнее время она стала чаще являться ему в снах. Сны эти были тяжелыми, полными неизбывной тоски. Ему все время снилось, что их с Райихой разделяют бурная река, огонь или темнота. А затем темнота вдруг превращалась в какой-то непроходимый лес, совсем так же, как внезапно справа от него появились сейчас уродливые высоты. Мевлют

во сне понимал, что среди деревьев в том лесу водятся собаки, что там находится могила Райихи. Забыв о своей боязни собак, он шел к ней, а потом внезапно замечал, что его любимая на самом деле рядом с ним, смотрит на него, и на этом сон всегда обрывался, и он просыпался, испытывая счастье, а сразу за ним и горькую боль.

Если бы Райиха ждала его дома, она нашла бы для него правильные слова, чтобы утолить его страхи и печали. А вот уж если Самихе что-нибудь втемяшится в голову, она обычно перестает что-либо замечать и слышать вокруг себя, и уже это одно ее упрямство вызвало у Мевлюта тревогу. Теперь он мог оставаться самим собой, только когда продавал бузу по ночам.

В садах многих расселенных домов теперь красовались таблички с надписью: «Собственность „Вурал Япы“». Когда Мевлют только приехал в Стамбул, склон на месте главной улицы, которая вела на Кюльтепе, был совершенно пуст. Отец отправлял Мевлюта сюда собирать сухие ветки, деревяшки и грязную бумагу на растопку. Теперь по обеим сторонам дороги высились уродливые шести-семиэтажные гедже-конду. Когда эти здания только строили, они были трех– или четырехэтажными. Но с годами владельцы надстроили так много незаконных этажей (которые давили на и без того слабый фундамент), что теперь было бы невыгодно снести их и построить на их месте новые высотки. И поэтому владельцам этих домов новый закон о разрешении на двенадцатиэтажное строительство не давал ничего. Строительные компании не горели желанием начинать с ними какие-либо переговоры. Коркут как-то говорил Мевлюту, что эти ужасные дома портят облик Кюльтепе и Дуттепе, имидж района и влияют на уровень цен новых квартир, которые будут построены. Остается единственная надежда: следующее землетрясение разрушит их.

После землетрясения 1999 года Мевлют иногда ловил себя на размышлениях о «большом землетрясении», которое пророчили эксперты, утверждавшие, что оно неизбежно разрушит весь Стамбул. В такие моменты он чувствовал, каким эфемерным, преходящим является этот город, в котором он провел сорок лет своей жизни. Он проходил мимо тысяч и тысяч его дверей, видел тысячи его домов, и такой же преходящей, как и Стамбул, была и сама жизнь. Мевлют понимал, что в один прекрасный день исчезнут с лица земли и новые высотки, выросшие на месте старых лачуг гедже-конду, вместе со всеми живущими в них людьми. Иногда день, в который исчезнут все люди и все дома, ясно представлялся Мевлюту, и тогда он чувствовал, что ему больше совершенно ничего не хочется делать и что больше он ничего не ждет

от жизни.

Но гораздо чаще, как в те счастливые годы, когда они были вместе с Райихой, ему казалось, что город никогда не изменится и что его работа на улицах Стамбула позволит ему когда-нибудь получить собственное место, что он научится подстраиваться под город. Именно так все и сложилось. За последние сорок лет приехало еще десять миллионов человек, которые тоже остались в этом городе, и Стамбул совершенно изменился.

Дождь капал Мевлюту за воротник. Пятидесятидвухлетний Мевлют искал теперь убежища, чтобы успокоить мучительно колотившееся сердце. Сердце никогда его особенно не беспокоило, но в последнее время он слишком много курил. Чуть поодаль справа он увидел пустырь – раньше там стоял кинотеатр «Дерья», в котором устраивались летние показы и часто проходили свадьбы или церемонии обрезания. Теперь пустырь превратили в футбольное поле с искусственным покрытием, огороженное оградой из проволоки. Мевлют устраивал на этом поле футбольные турниры для ассоциации земляков-бейшехирцев. Он укрылся от дождя под мокрым карнизом здания, в котором располагался офис их ассоциации, закурил и стал смотреть на капли, стучавшие по зеленой пластмассовой футбольной траве.

Мевлют уже достиг того возраста, в котором хотелось спокойно вытянуть ноги, но он не чувствовал уверенности в завтрашнем дне. Ощущение собственной неполноценности и несоответствия неким нормам, которые он в полной мере ощутил, еще когда впервые оказался в Стамбуле, после смерти Райихи лишь усилилось, а особенно оно донимало его последние пять лет. Что бы сейчас сказала об этом Самиха? Все, чего он хотел, – это дом, в котором пара могла бы провести в уюте остаток своих дней, место, в котором он был бы уверен, из которого бы никто никогда не мог выкинуть его на улицу. Вообще-то, Самиха должна была бы служить ему утешением в его печалих, но Мевлют знал, что, как только он придет домой, ему придется утешать Самиху. Он решил, что расскажет ей только хорошие новости о прошедших переговорах. Ну, по крайней мере, именно так следовало начинать этот разговор.

Из-за плохой ливневой канализации на Кюльтепе вся вода стекала вниз прямо по улице. Должно быть, внизу Рыночная улица была совсем затоплена, и Мевлют слышал, как беспомощно сигналият застрявшие в скопившейся из-за ливня пробке машины.

Пока Мевлют добрался до дому, он промок до нитки. Самиха встретила его таким взглядом, который с порога лишил его спокойствия,

и он смог выдать из себя только ложь:

– Все прошло хорошо. Они собираются назначить нам ежемесячный платеж в тысячу двести пятьдесят лир, чтобы мы могли снять себе квартиру, где хотим.

– Мевлют, что ты врешь. Я знаю, что все провалилось, – сказала Самиха.

Ведиха позвонила Самихе по мобильному телефону и сказала, что Коркут зол и обижен, – все кончено, и они разрывают все отношения с Мевлютом.

– Что ты сказала? А разве ты не говорила мне, когда я уходил, чтобы я ниже шестидесяти двух процентов не опускался?!

– Ты уже обо всем жалеешь? – спросила Самиха, насмешливо подняв одну бровь. – Неужели ты думаешь, что если бы ты на все согласился, то Коркут и Сулейман лучше обошлись бы с тобой?

– Я всю свою жизнь только и делал, что соглашался с ними, – вздохнул Мевлют; Самиха молчала, и это придало ему смелости. – Знаешь, если я продолжу упираться, то я могу потерять и этот дом. Позвони сестре, попроси ее уладить дело, скажи ей, что они запугивали меня и я сожалею обо всем, что сказал.

– Я не буду этого делать.

– Тогда я позвоню Ведихе сам, – сказал Мевлют, но вытаскивать мобильный телефон из кармана не стал.

Он чувствовал страшное одиночество. Он знал, что не сможет принять никакого важного решения, пока у него не будет поддержки Самихи. Он снял с себя мокрую одежду, глядя в окно. Рядом со старым оранжевым зданием мужского лицея имени Ататюрка, в большом школьном дворе, где Мевлюту так нравилось бегать и где у них проходили уроки физкультуры, построили такое большое здание, что из-за него старая школа казалась теперь Мевлюту больницей.

Зазвонил телефон.

– Мы здесь, – произнесла Самиха и повесила трубку. Она смотрела на Мевлюта. – К нам идет Ведиха. Она просит тебя никуда не ходить и ждать ее здесь.

Самиха была уверена, что Ведиха идет для того, чтобы сказать: «Мевлют совершил ошибку, ему нужно согласиться на меньшее». И она принялась твердить, что Мевлют не должен сдаваться.

– Ведиха очень хороший человек. Она никогда не пошла бы к нам, чтобы предложить что-то несправедливое, – сказал Мевлют.

– Я бы на твоём месте не стала ей так доверять, – сказала Самиха. –

Она прежде всего будет защищать Сулеймана. Разве всегда было не так?

Мевлют не ответил. В молчании прислушивались они к шуму дождя.

В дверь громко постучали. Вошла Ведиха.

– Ох, как же я промокла, как промокла! – причитала она, но в руке держала огромный зонт лилового цвета, и на самом деле у нее промокли только ноги. Сама ушла достать сестре свои сухие носки и тапки. В это время Ведиха положила на стол лист бумаги. – Мевлют, просто подпиши, и дело с концом. Ты просишь намного больше, чем тебе причитается, мне стоило больших усилий всех вас примирить...

Мевлют разглядел в договоре цифру шестьдесят два и страшно обрадовался, но постарался сдержаться.

– Я ничего не подпишу, если это ущемляет мои права, – сказал он.

– Ох, Мевлют! Неужели ты так и не понял, что в этом городе права не значат ровным счетом ничего, здесь всем важна только выгода, – с улыбкой отвечала Ведиха. – А если хочешь что-то взять по праву, оно будет твоим только через десять лет. Давай уже, подписывай. Тебе дают все, о чем ты просил, так что хватит жаловаться.

– Ничего не подписывай, пока не прочитаешь, – подала голос Самаха за спиной мужа, но, когда она сама увидела цифру «шестьдесят два», она тоже просияла.

Мевлют взял ручку и подписал договор. Ведиха по мобильному сообщила об этом Коркуту. Когда все было закончено, она протянула Самихе коробку с пирожками, которые купила по пути. Родственники уселись пить чай, заваренный Самихой, и ждать, когда закончится дождь. Ведиха рассказала им всю историю от начала до конца, смакуя каждый момент. Поначалу Коркут и Сулейман очень злились на Мевлюта. Хотя Ведиха умоляла их, дело уже шло к суду. Неожиданно Коркуту позвонил сам старый Хаджи Хамит Вурал, который узнал о происходящем.

– Хаджи Хамит мечтает построить на Дуттепе, неподалеку от нашего старого дома, огромную башню, намного выше двенадцатиэтажных домов, – сказала Ведиха. – Поэтому он велел Коркуту: «Дайте вашему двоюродному брату все, о чем тот просит». Хаджи Хамит не сможет начать строить эту башню и заключать с кем-либо договоры на ее строительство до тех пор, пока не будут построены все двенадцатиэтажные дома.

– Будем надеяться, что это не ловушка, – сказала Самаха.

Позднее Самаха показала договор адвокату и убедилась, что никакого подвоха не было. Они переехали в Меджидиекёй, в квартиру, располагавшуюся неподалеку от работы Мевлюта. Но мыслями Мевлют остался в их старом доме на Кюльтепе. Несколько раз он ходил посмотреть

на него: не поселились ли там бездомные, не влез ли вор, хотя брать там было совершенно нечего. Все, что было ценного в доме, Мевлют продал – от дверных ручек до кухонной раковины.

Ближе к концу лета бульдозеры строительного холдинга Вуралов приступили к сносу домов на Кюльтепе, и каждый день Мевлют ходил туда. Первый день работ начался с официальной проправительственной церемонии, на которую пригласили журналистов. Выступил с речью сам мэр города. В последовавшие жаркие летние дни работа закипела: старые дома исчезали в облаках пыли. Мевлют видел людей, которые, пока сносили их дома, плакали, смеялись, отворачивались, затевали ссоры. Когда подошла очередь его родного однокомнатного дома, сердце Мевлюта ёкнуло. Он стоял и смотрел. Все его детство, все съеденные когда-то обеды, все выполненные уроки, все домашние запахи, храп спящего отца и сотни тысяч других воспоминаний, которые и составляли его жизнь, разлетелись на мелкие куски от единственного удара бульдозерного ковша.

Часть VII

(25 октября 2012 года)

*...меняются стены,
Как ни грустно, быстрее наших бранных
сердец...*

Шарль Бодлер. Лебедь

*Я могу размышлять, только когда шагаю. Стоит
мне остановиться, как мои мысли тоже
останавливаются; мой разум работает только
совместно с ногами.*

Жан Жак Руссо. Исповедь

Форма и обличье города

Я могу размышлять, только когда шагаю

Теперь они жили все вместе в одном двенадцатиэтажном жилом доме на вершине Кюльтепе, в котором было шестьдесят восемь квартир. Квартира Мевлюта и Самихи на втором этаже была единственной, которая выходила окнами на север и не имела вида на Босфор. Дядя Хасан и тетя Сафийе жили на первом этаже, Коркут и Ведиха на девятом, а Сулейман с Мелахат – на двенадцатом. Иногда они встречали друг друга на входе, где беспрерывно куривший привратник ругался на мальчишек, игравших перед дверью в футбол, а иногда в лифте, где, обменявшись приветствиями и любезностями, вели себя так, будто давно привыкли жить вместе в современном здании. На самом деле всем им было весьма неловко и все они были недовольны.

Больше всех недоволен был Сулейман, хотя как раз он-то казался самым счастливым. Недоволен он был потому, что его настоящим желанием была не квартира здесь, в этом доме, в блоке D, а квартира на верхнем этаже тридцатиэтажного небоскреба с видом на Стамбул. Этот небоскреб Хаджи Хамит Вурал воздвиг на Дуттепе в последние годы своей жизни. Девяностолетний Хаджи Хамит Вурал Сулейману благоволил: «Конечно, твой брат с отцом и ты должны переехать жить в мою башню!» – но после его внезапной смерти, случившейся два года назад (на похороны приезжал даже министр общественных работ и жилищного строительства), совет директоров холдинга «Вурал Япы» решил, что свободных квартир для Коркута с Сулейманом в башне нет. Сулейман на это очень обиделся и, обсуждая проблему с Коркутом целый 2010 год, пришел к выводу, что все произошло по двум причинам: первая заключалась в том, что как-то раз на новогоднем собрании сотрудников холдинга Коркут пожаловался на огромные затраты компании на взятки чиновникам для получения разрешений на строительство и спросил: «Неужели они и в самом деле так много берут?» Сыновья Хаджи Хамита Вурала восприняли это как личную обиду, и один из них даже намекнул Акташу: «Вы-то взятки министрам не даете, вы свой карман набиваете», хотя Коркут просто неправильно выразился. Вторая причина могла сводиться к участию Коркута в попытке переворота в Баку, эпизода, который впоследствии подарил Коркуту славу организатора военных переворотов. Подобная репутация ценилась прежними властями – националистами и консерваторами, а вот нынешние

исламисты таких недолюбливали.

На самом деле причина произошедшего заключалась в том, что их отец, как они позднее выяснили, когда-то заявил Вуралам: «Я ничего не подпишу, пока не получу гарантии, что мы все здесь будем жить под одной крышей». Убеждая дядю Хасана и тетю Сафийе покинуть их четырехэтажный дом, в котором они прожили сорок лет, и переехать в квартиру, Коркут и Сулейман столкнулись с проблемой, решить которую им удалось, только когда они заявили о том, как сильно покосились от землетрясения последние этажи их старого дома.

Однажды утром в день Курбан-байрама 2012 года Мевлют не увидел ни Коркута, ни Сулеймана, ни их сыновей в толпе, собравшейся на праздничный намаз в мечети Хаджи Хамита Вурала. Между тем раньше, когда они жили на разных холмах, они всегда встречались до праздничного намаза, вместе молились, а затем, раздвигая толпу локтями, прокладывали себе путь в толпе по коврам, чтобы поцеловать руку Хаджи Хамита Вурала.

Сейчас у всех были мобильные телефоны, но все же никто Мевлюту не позвонил, так что в огромной толпе мужчин, которая собиралась в последние годы на намаз во дворе мечети, на площади и на прилегающих улицах, он ощутил себя совершенно одиноким. Он увидел лишь несколько знакомых лиц с Дуттепе и Кюльтепе, которых он знал со школьных и лицейских лет, так же как и некоторых владельцев магазинов и автомобилей, которые были его соседями по новому дому в блоке D. Толпа между тем становилась все напористее, грубее и нетерпеливее, так что в какой-то момент ему показалось, что молится он уже в совершенно чужом квартале. Знал ли кто-нибудь из этих молодых людей, собравшихся здесь, что сам покойный Хаджи Хамит Вурал, имя которого имам назвал в числе отцов нации (список возглавлял Ататюрк), «чей неутомимый труд создал эту прекрасную страну и дал нам возможность жить, как мы живем», много лет назад был на свадьбе Мевлюта и Райихи и подарил ему, жениху, наручные часы?

Когда Мевлют вернулся из мечети, Самихи дома не было. Должно быть, она ушла наверх, к Ведихе, в девятую квартиру. Горбун Абдуррахман на праздники приехал на Кюльтепе и вот уже неделю жил там. В той квартире было несколько комнат (все они не имели вида на Босфор); Коркут и его тесть избегали друг друга, и Ведиха с Самихой проводили большую часть времени перед телевизором с отцом. Сулейман, должно быть, тоже с раннего утра усадил семью в автомобиль и отправился исполнять праздничные обязанности зятя в Юскюдар. Мевлют сделал такой вывод, когда не увидел на стоянке перед домом «форд-мондео» Сулеймана.

Квартира Мевлюта была на втором этаже и выходила окнами на парковку двенадцатиэтажного жилого дома, что давало ему возможность получать множество сведений о жизни пожилых пар, проживавших в этом доме, о вечно орущих юных отпрысках состоятельных семейств, о молодых семейных парах, чей род деятельности он не мог определить, об окончивших университет внуках старых торговцев йогуртом и о мальчишках всех возрастов, которые постоянно играли на парковке в футбол. Сыновья Сулеймана – шестнадцатилетний Хасан и четырнадцатилетний Казым – были самыми буйными из всех. Если мяч вылетал за границы парковки и летел вниз по улице, эти молодые, но ленивые футболисты не бежали следом за ним, а принимались орать: «Мяч, мяч, мяч!» – чтобы какой-нибудь прохожий, который шел по улице вверх, принес его. Их нехитрая уловка приводила Мевлюта, который проходил пешком всю свою жизнь, чтобы заработать на жизнь, в бешенство.

Тем не менее за восемь месяцев, которые он уже провел в этой квартире, Мевлют ни разу не открыл окно, чтобы отругать мальчишек за то, что они слишком сильно шумят. Шесть дней в неделю он уходил из дому по утрам в десять тридцать и шел в ассоциацию мигрантов в Меджидиекёй. С середины октября по середину апреля он каждый вечер торговал бузой в богатых районах города, вроде Шишли, Нишанташи и Гюмюшсую, где находились дорогие старинные многоквартирные дома в четыре-пять этажей. Он разорвал все связи со своим бывшим районом Тарлабаши, который теперь стал частью зоны городской перепланировки, созданной, чтобы стимулировать строительство маленьких дорогих отелей, больших торговых центров и туристических достопримечательностей; большинство старых греческих домов было расселено.

Заваривая себе утренний чай, Мевлют наблюдал из окна, как на парковке режут жертвенных баранов (овец Сулеймана среди них не было), а затем листал какое-то время посмертную книгу Святого Наставника «Беседы». Он узнал о выходе этой книги шесть месяцев назад из выпуска «Праведного пути», который увидел в витрине одной бакалейной лавки; условием получения книги было двадцать купонов из газаты, и, тщательно собрав их, он стал обладателем книги, на которой красовалась фотография Святого Наставника, сделанная в молодые годы. Мевлют верил, что отчасти благодаря ему в этой книге была глава «Воля сердца и воля слова». Иногда раскрыв книгу на этой главе, он подолгу читал ее.

В прошлом, когда заканчивался праздничный намаз, Мевлют с отцом

и дядя с двоюродными братьями все вместе шли к Акташам на Дуттепе, шутя и болтая всю дорогу, и садились пить чай со свежими пирожками, которые пекла к празднику для всей семьи тетя Сафийе. Теперь все они жили в отдельных квартирах, и им негде было больше собраться. Тетя Сафийе попыталась было сохранить традицию тех дней, приглашая на праздники всю семью на обед, но Сулейман обычно уезжал на праздник с женой к родителям Мелакат, а его ушлые сыновья, получив праздничные карманные деньги, тут же начинали скучать рядом с дедом и бабкой и тоже исчезали.

Когда и Коркут перестал посещать обеды, тетя Сафийе пустилась в длинные рассуждения о жадных подрядчиках и политиках, которые, как она верила, и были корнем всех зол и которые вводили в заблуждение ее дорогих мальчиков.

– Я тысячу раз говорила им: «Подождите, пока мы не умрем, прежде чем снести наш дом, а тогда стройте такие башни, какие пожелаете», но они меня не слушали. Они продолжали твердить мне: «Дом упадет во время следующего землетрясения, мама, тебе будет гораздо комфортнее жить в новой квартире со всеми удобствами», так что я в конце концов махнула рукой. Я не верила им. Но никому ведь не захочется мешать собственным детям. Они клялись мне, что перед нашим домом будет сад, будут расти деревья, «ты будешь рукой срывать сливы и шелковицу с веток из окна, мама», говорили они мне. Где та слива, где шелковица? Ни воробья, ни курицы; ни земли, ни сада. Сынок, мы не можем жить без нашей зелени, без наших жуков. Вот почему твой дядя Хасан заболел. После всех этих строек сюда даже кошки с собаками не заглядывают. А на праздники, такие как сегодня, в нашу дверь стучат только дети, которые просят деньги, вот и все; больше не приходит никто, даже на обед. Мой дорогой и любимый дом на другом холме, где я прожила сорок лет, был снесен, а на его месте построили огромную башню, а я не могу не плакать, когда смотрю на нее отсюда, дорогой мой Мевлют. Я для тебя эту курицу приготовила, возьми еще картошки, ты ведь ее любишь.

Самиха тоже не упускала возможности рассказать всем истории о людях, которые стали крайне несчастны с тех пор, как переехали в уродливые высокие дома, занявшие место их прежних домишек геджеконду. Не было никакого сомнения, что ей чрезвычайно нравилось злословить о Коркуте с Сулейманом, которые с энтузиазмом бросились участвовать в этих многоэтажных проектах, поддерживаемых даже правительством, перед их матерью. Она рассказывала о многих семьях, которые покинули свои сады с домами, построенными их руками, где было

прожито по сорок лет (как у Акташей), и о трудностях, которые этим людям пришлось перетерпеть, когда они согласились переехать в новые многоэтажки – либо за деньги, либо потому, что их вынудили согласиться из-за отсутствия официальных документов о праве собственности за дом, либо из-за того, что их район был признан сейсмически опасной зоной; она рассказывала о домохозяйках, которые заболели депрессией и оказались в больнице; о бедолагах, которые оказались на улице, потому что стройка затягивалась; о тех, кто не мог выплатить задолженность подрядчику; о тех, кому при распределении квартир во время лотереи достался неудачный вариант; о тех, кто тосковал по своим деревьям и саду. Сама жаловалась на то, как безжалостно были снесены старый ликерный завод, футбольный стадион, здания районной администрации, бывшие некогда конюшнями, и вырублены все шелковичные деревья. Правда, она никому не рассказывала, что именно под этими шелковицами тридцать лет назад тайком от всех встречалась с Ферхатом.

Ведиха пыталась защищать мужа и Сулеймана:

– Но, Самаха, бедняки не хотят жить в грязных, промерзающих насквозь лачугах, они все хотят жить в чистых, современных и комфортабельных домах!

Ведиха часто говорила сестре, как она счастлива жить в блоке D. Теперь, когда она жила со своим мужем в отдельной квартире, ей больше не нужно было готовить каждый день на всю семью и наливать всем чай, не нужно было больше латать всем одежду, подшивать всем брюки и проверять, выпили ли все свои лекарства, – теперь ей больше не нужно было быть «служанкой для всех», как она часто обиженно себя называла. Мевлют считал, что из-за наступившей праздности Ведиха за последние годы быстро поправилась. Время от времени она бывала совсем одна, потому что оба сына уже имели собственные семьи, а Коркут продолжал возвращаться домой поздно, но совершенно не жаловалась на жизнь. Если она не была занята болтовней с Самихой, то уезжала в Шишли навестить внуков. После многочисленных уговоров, безуспешных усилий и длительных поисков ей удалось женить Бозкурта на дочери водопроводчика родом из Гюмюш-Дере, которая окончила школу в Стамбуле. Невестка оказалась очаровательно болтливой и почти сразу родила двух дочерей-близняшек. Когда ей нужно было куда-то пройти, она оставляла девочек бабушке. Первенец Турана был на год их старше. Бывало, что Ведиха ездила к сыну в Шишли навестить внука, и тогда Самаха ездила вместе с ней.

Мевлют сердился на своего тестя Горбуна Абдуллахмана за его

близкую дружбу с дочерьми. А может быть, он просто завидовал этой дружбе и их близким отношениям? Самаха со смехом передавала мужу все те едкие словечки, которые отпускал в адрес зятя Горбун Абдуррахман, стоило ему пропустить стаканчик. «Для меня большая загадка, почему две мои дочери не смогли найти себе в Стамбуле никого получше, кроме Мевлюта», – сказал он как-то раз.

В тот праздник тетя Сафийе, как обычно, помимо всегдашних пирожков, нажарила внукам картошки, а те не явились, и все досталось Ведихе. Мевлют был почти уверен, что Абдуррахман-эфенди уже выпил свою обеденную порцию раки наверху, в девятой квартире, прежде чем спуститься на обед. После обеда Мевлют отправился в ассоциацию мигрантов, чтобы поздравить земляков с праздником, и по дороге представил, что как раз в это время Самаха пьет с отцом в девятой квартире. Пока Мевлют обменивался поздравлениями с земляками из Бейшехира и гонял ребятишек, то и дело клянчивших праздничные деньги, он представлял, как Самаха сейчас ждет его дома, потягивая раки.

На втором году совместной жизни Мевлют и Самаха начали играть в одну игру. Эта игра стала их способом обходиться с вопросом, который повлиял на всю их жизнь: кому он писал письма? В первые дни семейной жизни они обсудили этот вопрос так основательно, что пришли к единому мнению: после их первой встречи в закусочной «Конак» Мевлют признался, что писал эти письма Самихе. Он увидел Самиху на свадьбе Коркута и был очарован ее глазами. Но кое-кто обманул его, и он вместо этого женился на Райихе, но Мевлют никогда об этом не жалел, потому что был очень счастлив с Райихой. Мевлют не забывал те радостные годы, которые он провел со своей первой женой.

Договориться они с Самихой не могли о другом: это другое проявлялось, когда Самаха, пропустив стаканчик раки, доставала одно из писем и принималась спрашивать Мевлюта, чего он добивался, когда сравнивал ее глаза с «разбойником, преградившим ему путь». Самаха считала, что в том, что она спрашивает, нет ничего зазорного и ничто не нарушает их договора, так как Мевлют писал эти слова ей, а следовательно, мог их и объяснить. Мевлют с этим соглашался, но отказывался говорить о том, что думал и чувствовал в те времена.

Самаха настаивала:

– Ты можешь не пытаться вновь почувствовать то же самое, но рассказать, что ты чувствовал тогда, когда писал мне все это, ты можешь.

Мевлют пытался объяснить жене, что он чувствовал в возрасте

двадцати трех лет, когда писал письма, но вскоре понимал, что не может продолжать этот разговор. Однажды заминка Мевлюта даже вывела Самиху из себя, и она сказала:

– Вот сейчас ты не можешь заставить себя сказать мне, что ты чувствовал по отношению ко мне тогда!

– Да, ведь я уже не тот человек, что писал эти письма! – ответил ей Мевлют.

Воцарилось молчание, за время которого Мевлют ясно осознал, что стал другим человеком не только потому, что прошло много лет и волосы его побелели, а потому, что в жизни его случилась любовь к Райихе. Самиха тоже почувствовала, что не сможет выжать из Мевлюта романтические признания. Мевлют заметил, что жена все поняла и смирилась, и тут же ощутил угрызения совести.

В тот праздничный день, когда он вернулся домой из клубного дома уже в сумерках, Самиха сидела за обеденным столом и пила чай. Перед ней лежало одно из писем. Мевлют понял, что она сегодня выпила уже довольно много раки, а поэтому села пить чай, и это его обрадовало.

Почему, интересно, Мевлют сравнил ее глаза с нарциссом в одном из писем, отправленных из гарнизона в Карсе? Это письмо было написано примерно в то время, когда Тургут-паша взял его под свое покровительство; Мевлют признался, что ему посоветовал так написать один сослуживец, школьный учитель литературы. В османской поэзии нарцисс обычно был символом глаз: так как женщины в прежние времена почти полностью закрывали свое тело, мужчины могли видеть только их глаза, и поэтому вся диванная^[75] и народная поэзия была посвящена почти исключительно глазам. Мевлют подробно рассказал жене обо всем, что он узнал от учителя, добавив от себя: «Когда тебя манит пара таких прекрасных глаз, ты теряешь себя и даже забываешь о том, что ты делал».

– Но ничего этого нет в письмах! – возразила Самиха.

Охваченный пылом воспоминаний, Мевлют вспомнил, каким важным было то самое письмо про нарциссы, которое он отправлял из гарнизона. Теперь он тогдашний не казался себе просто пылким молодым человеком; тогда он представлял себе прекрасную девушку, которой были адресованы все эти слова. Да, да, он видел образ юной девушки, почти ребенка, чьи нежные черты проступили теперь с исключительной четкостью. Девочка, образ которой заставил сердце Мевлюта колотиться быстрее, была не Самиха. Это была Райиха.

Он беспокоился, что жена сейчас заметит, что он вспомнил ее сестру, так что он поспешно заговорил о языке сердца и о роли НАМЕРЕНИЯ,

ВОЛИ и случайностей судьбы – КЫСМЕТ в человеческой жизни. Иногда, когда Самаха произносила за чтением писем такие слова, как «твои загадочные глаза» или «манящие глаза», Мевлют начинал перебирать в памяти узоры, которые вышивала окрыленная этими письмами Райиха на занавесках для приданого будущих невест. Самаха была в курсе бесед Мевлюта со Святым Наставником и иногда пыталась доказать Мевлюту, что их встреча была не следствием случайности, кысмет, а следствием намерения и воли. Об этом Самаха часто говорила, когда они с Мевлютом начинали разбирать письма. А в тот праздничный вечер, когда за окном стемнело, она придумала несколько убедительных новых доводов.

В тот вечер она рассказывала, что Мевлют впервые встретился с ней не на свадьбе у Коркута летом 1978 года, а ровно за шесть лет до того, летом 1972 года, когда Мевлюту предстояла пересдача экзамена по английскому (Мевлют никогда не рассказывал Самахе об учительнице Назлы). Тем летом Мевлют каждый день ходил пешком из деревни Дженнет-Пынар в деревню Гюмюш-Дере и обратно брать уроки английского у сына человека, который эмигрировал в Германию вместе с семьей и приезжал оттуда в отпуск. Когда каждый жаркий летний день оба мальчика – Мевлют и сын того человека – садились под чинару читать английский учебник, Самаха и Райиха издали наблюдали за ними, потому что в деревне человек с книгой был редкостью. Уже тогда Самаха заметила, что Райихе нравится Мевлют. Много лет спустя, когда она узнала от Ведиhi, что Мевлют пишет письма Райихе, она решила не говорить ей, что в тех письмах речь шла о ее собственных глазах.

– А почему ты тогда не сказала Райихе правду? – осторожно спросил Мевлют.

Всякий раз, когда он слышал о том, что Самаха знала, что Мевлют писал на самом деле ей, ему становилось не по себе. Ведь он верил, что Самаха говорила правду. Это означало, что, если бы Мевлют с самого начала не ошибся и писал бы имя Самахи, она бы никогда не ответила ему взаимностью, потому что тогда он ей не нравился. Самаха заговаривала об этом обидном для Мевлюта эпизоде всякий раз, когда чувствовала, что муж любит ее меньше покойной сестры. Этим напоминанием она словно бы хотела сказать Мевлюту: «Сейчас ты меня меньше любишь, но первой тебя меньше любила я». После таких разговоров молчание между супругами затягивалось.

– Почему я не сказала ей? – спросила в тот вечер Самаха. – Потому что мне, как и всем нам, искренне хотелось, чтобы моя старшая сестра вышла за тебя замуж и была бы счастлива.

– Тогда ты хорошо поступила, – ответил Мевлют. – Райиха действительно была счастлива со мной.

Супруги опять помолчали, потому что разговор вновь принял опасный оборот, но никто из них не встал из-за стола. Им было слышно, как машины заезжают и выезжают с парковки, и видны мальчишки, которые играли в футбол в углу около железных мусорных баков.

– В Чукурджуме будет лучше, – проговорила Самиха.

– Надеюсь, – ответил Мевлют.

Они давно решили переехать из блока D и Кюльтепе в одну из квартир, которые достались Самихе после смерти Ферхата. Много лет арендная плата, которую они зарабатывали на этих квартирах, уходила в погашение рассрочки за новый дом, где они теперь жили. Когда долг был погашен и они оба стали совместными владельцами новой квартиры, Самихе захотелось уехать из нее. Мевлют знал, что главной причиной этого желания были не духота и унылый вид бетонного дома, а стремление Самихи жить подальше от Акташей.

Мевлют предполагал, что жить в Чукурджуме будет нетрудно. Теперь попасть с площади Таксим в Меджидиекёй было очень просто – на новом метро. К тому же по вечерам можно было торговать бузой на улочках Джихангира. Люди, которые жили там в старинных домах, все еще зазывали к себе разносчика, когда он проходил мимо.

Было совсем темно, когда Мевлют узнал машину Сулеймана, въезжавшую на парковку. Молча супруги смотрели, как Сулейман и Меллахат с обоими сыновьями, что-то обсуждая, вышли из машины со свертками в руках.

– Мевлюта с Самихой нет дома, – сказал Сулейман, посмотрев на темные окна второго этажа, когда они входили в дом.

– Они скоро вернутся, не переживай, – сказала Меллахат.

Сулейман пригласил всю семью к себе наверх, на праздничный ужин. Самихе сначала не хотелось идти, но Мевлют убедил жену: «Мы скоро отсюда уедем, давай не будем никого обижать». Мевлют неустанно, каждый день, следил за тем, чтобы его жена не испортила отношений с семьей Акташ, Февзие и семьей Садуллах-бея. Чем старше он становился, тем больше он боялся остаться один в городе.

Мевлют жил в Стамбуле уже сорок три года. Первые тридцать пять лет ему казалось, что с каждым годом он все сильнее привязывается к городу. А позднее, с годами, он начал чувствовать, что Стамбул становится ему чужим. Неужели это происходило из-за миллионов людей, которые бесконечным людским потоком стекались в Стамбул, строили там свои

дома и торговые центры? Теперь Мевлют видел, что в городе снесены не только жилища, которые были построены к 1969 году, когда он приезжал в Стамбул, не только лачуги гедже-конду в бедных районах, но и красивые здания вокруг Таксима и в Шишли, которые простояли по сорок лет. Казалось, что люди, которые жили в тех старых домах, ушли из времени, которое было отведено им в городе. Когда те люди исчезли вместе со своими домами, новые люди на их местах построили новые дома – выше, мрачнее, уродливее, в этих домах было больше бетона, чем когда-либо прежде, – и стали жить в них. Всякий раз, когда Мевлют смотрел на эти тридцати- и сорокаэтажные здания, он понимал, что у него нет ничего общего с этими новыми людьми.

В то же время Мевлюту нравилось смотреть на эти высокие здания, которые выросли, словно грибы, повсюду в Стамбуле. Когда он видел очередную башню в первый раз, он испытывал неподдельный интерес и восхищение. Интересно, как выглядит мир с крыши такого дома? В этом, кстати, заключалась вторая причина, по которой Мевлюту не терпелось как можно скорее побывать у Сулеймана в гостях, – за ужином он сможет еще раз насладиться потрясающим видом, открывавшимся из их окон.

Из-за того что Самиха тянула время как могла, они оказались на верхнем этаже позже всех. С места, доставшегося Мевлюту за столом, открывался вид не на Босфор, а на застекленный зеркальный буфет. Дети уже поели и ушли. Помимо Коркута с Ведихой и Мевлюта с Самихой, за столом молча, не произнося ни слова, сидел Абдуррахман-эфенди. Тетя Сафийе не пришла, сославшись на болезнь дяди Хасана. Коркут и Сулейман водили отца по многочисленным врачам, пытаясь понять, что за недуг его одолел, а врачи без конца гоняли старика сдавать все новые и новые анализы. Так что вскоре доктора дяде Хасану порядком опротивели; ему больше не хотелось не только ехать на осмотр к очередному врачу, но и вообще вставать с постели или выходить из своей комнаты. Он всем сердцем ненавидел двенадцатиэтажный дом, в котором жил; он никогда не хотел, чтобы этот дом построили; единственное место, куда он рвался пойти, когда оказывался за порогом, была не больница, а его бакалейная лавка, о которой он непрестанно думал и беспокоился. Мевлют уже прикинул, что на пустом участке земли за лавкой можно построить восьмиэтажный жилой дом, с пятью квартирами на каждом этаже. (Этот участок дядя Хасан самолично захватил сорок пять лет назад.)

Они смотрели телевизионные новости (премьер-министр совершил праздничный намаз в Стамбуле, в мечети Сулеймание) и молча ели. Дядя Хасан, должно быть, был у себя, но на обеденном столе по-прежнему

не было алкоголя. Так что Коркут с Сулейманом время от времени ходили подлить себе раки на кухню.

Мевлют тоже попросил раки. Он не был из тех людей, кто с возрастом начинает и в мечеть чаще ходить, и пить больше. Пил он мало. Но сказанное Самихой дома незадолго до того, как они пришли сюда, задело его за живое, и он знал, что, если выпить, станет лучше.

Вслед за Мевлютом на кухню пришла всегда задумчивая Мелакат.

– Раки в холодильнике, – сказала она.

Затем пришла немного смущенная Самиха.

– Я тоже хочу немного... – со смехом попросила она.

– Нет, этот стакан не надо, возьмите вон тот, а льда хотите? – спросила Мелакат, и Мевлют, как всегда, поймал себя на том, что восхищается ее всегдашней обходительностью и вежливостью.

На полке приоткрытого холодильника Мевлют увидел зеленую пластмассовую миску с ярко-красными кусками мяса.

– Сулейман, спасибо ему, сегодня двух баранов зарезал, – сообщила Мелакат. – Мы много роздали беднякам, но оно все не кончается. Уже и в холодильник не помещается. Дали по миске мяса и Ведихе, и родителям, но мясо все равно осталось. Еще один полный таз стоит на балконе; можно мы ненадолго поставим его к вам в холодильник?

Двух баранов Сулейман купил три недели назад, привязал их на парковке, недалеко от окон Мевлюта, первые дни ухаживал за ними и клал им сено, а потом совершенно о них позабыл. Иногда футбольный мяч попадал в одного из баранов, и безмозглые животные на привязи принимались испуганно бодаться и поднимать столбы пыли на потеху мальчишкам. Прежде чем несчастные животные закончили свои дни в пластмассовых тазах, разложенные по четырем холодильникам, Мевлют сходил на парковку, заглянул одному из баранов в глаза и тут же с грустью вспомнил о тех двадцати тысячах овец, которые были на затонувшем судне на дне Босфора.

– Конечно, вы можете положить мясо к нам в холодильник, – разрешила Самиха; от раки она явно подобрела, однако Мевлют видел по ее лицу, что эта мысль ей совершенно не нравится.

– Свежее мясо ужасно воняет, – сказала Мелакат. – Сулейман собирался раздать его в офисе, но... может, у вас есть знакомые бедняки?

Мевлют серьезно задумался: на другой стороне Кюльтепе и на других холмах появились новые, странные люди, которые поселились в оставшихся гедже-конду. Они проживали в очень дальних районах Стамбула, в кварталах, расположившихся за вторым транспортным

кольцом. Эти люди приходили в центр города, таща за собой огромные сумки на колесиках, и рылись в мусорных баках. Город так разросся, что в отдаленные кварталы не то что дойти было невозможно – до них было невозможно за день доехать на машине. Еще Мевлюта поражали дома в этих новых районах, похожие на мираж в пустыне, такие высокие, что их было видно даже с другого берега Босфора. Мевлюту нравилось издалека любоваться ими.

В тот вечер Мевлюту не удалось вдоволь насмотреться на прекрасный вид из столовой – ему пришлось слушать историю, которую рассказывал Сулейман. Два месяца назад квартиры, которые полагались старшим сестрам Мевлюта и его матери, были распроданы. Шестидесятилетние мужья Мевлютовых сестер, которые очень редко выезжали из своей деревни, прибыв в Стамбул, на пять дней остановились на первом этаже у тети Сафийе, которая доводилась теткой их женам и по линии матери, и по линии отца. Сулейман покатал дальних родственников на своем «форде» по городу, а теперь травил смешные истории о том, как те восхищались стамбульскими небоскребами, мостами, старинными мечетями и торговыми центрами. Самым смешным моментом этих историй было то, что пожилые дядюшки, старавшиеся, как и все, уклониться от уплаты налогов, взяли деньги за свои квартиры в долларах, но, вместо того чтобы провести их через банк, всю дорогу таскали с собой большие сумки с деньгами. Сулейман даже встал из-за стола и изобразил двоих пожилых мужчин, которые, сгорбившись, тащили тяжелые сумки с наличностью, когда садились на автобус до родной деревни. Он сказал: «Ох, Мевлют, в общем, что бы мы делали без тебя!» – все повернулись, посмотрели на Мевлюта и засмеялись, а Мевлют от этого внимания сразу скис.

В улыбках собравшихся было что-то такое, что показывало – они считают его таким же наивным простаком, как и тех двоих пожилых дядюшек. Родственники смеялись над ним не потому, что продолжали считать его деревенщиной, а потому, что он был слишком честным и не воспользовался удобным моментом, не подделал бумаги, чтобы самому завладеть всеми квартирами. Правда, мужья его сестер были очень внимательны (они даже привезли с собой свидетельство о государственной регистрации на крошечный участок в деревне, перешедший от отца) и никому бы не позволили легко себя обмануть, но сейчас Мевлют удрученно думал о том, что если бы три года назад подменил бумагу, выданную мухтаром, как предлагал ему дядя Хасан, и стал бы владельцем более крупной доли, то теперь, когда ему перевалило за пятьдесят,

он мог бы больше не работать.

Некоторое время Мевлют размышлял. Он пытался убедить себя не обращать внимания на постоянные уколы Самихи. По сравнению с располневшими и неряшливыми женами братьев она все еще была красивой, яркой и полной сил. Мевлют давно помирился с Фатьмой. Так что он должен быть счастливым. Когда Мелахат внесла фисташковую пахлаву, Мевлют внезапно встал.

– Хочу полюбоваться вашим видом, – сказал он и развернул стул от стола к окну.

– Конечно, если ты там увидишь что-нибудь, кроме башни, – отозвался Коркут.

– Ой, Аллах, мы же тебя неправильно усадили! – воскликнул Сулейман.

Мевлют взял стул и вышел на балкон. От высоты и необъятного пространства у него на мгновение закружилась голова. Башня, о которой сказал Коркут, была той самой тридцатипятиэтажной башней, которую успел построить за последние пять лет своей жизни Хаджи Хамит Вурал, не жалевавший расходов на то, чтобы она выросла как можно выше, и уделявший ей все свое время с утра до вечера, как когда-то мечети на Дуттепе. К сожалению, она не стала, как он хотел, самым высоким небоскребом в Стамбуле. Но он все равно велел установить на нее огромную светящуюся надпись «Tower», красовавшуюся почти на всех стамбульских небоскребах (хотя ни англичане, ни американцы там не жили).

Мевлют был на балконе у Сулеймана третий раз. В предыдущие два раза он не замечал, что «Tower» Хаджи Хамита Вурала портит Сулейману весь вид. Строительный холдинг «Вурал Япы» сначала убедился, что продал все квартиры в новых двенадцатипятиэтажных жилых домах на Кюльтепе, и только потом построил башню Хаджи Хамита на Дуттепе, которая испортила вид всем квартирам на Кюльтепе.

Мевлют понял, что смотрит на город под тем самым углом, который был и на вершине холма, куда отец водил его, когда они только приехали на Кюльтепе. Сорок лет назад отсюда были видны окрестные холмы с фабриками, а еще лачугами гедже-конду, стремительно заполнявшими холмы снизу доверху. Все, что видел Мевлют сейчас, – это океан блочных многоэтажек различной высоты. Окрестные холмы, прежде выделявшиеся огромными опорами линии электропередачи, теперь полностью потерялись под тысячами высотных жилых домов и небоскребов, совсем как старинные речушки, которые некогда бежали через город, а ныне были

позабыты вместе со своими именами, скрытые толстым слоем бетона и асфальта. Теперь Мевлют лишь с большим трудом мог разобрать очертания старых холмов: «Здесь, должно быть, Октепе, а это минареты мечети на Хармантепе».

Перед глазами Мевлюта возвышалась громадная стена из окон. Город, могущественный, дикий, пугающе реальный, по-прежнему казался недостижимым – даже для него. Сотни тысяч окон казались ему бесконечным множеством глаз, которые следят за ним. Они меняли цвет в течение дня, а по вечерам освещали сумерки светом, отдаленно напоминавшим дневной. Ребенком он любил смотреть издали на огни большого города. Они казались ему волшебными, завораживали. Высота была прекрасна, хоть и пугала. Стамбул до сих пор мог заставить Мевлюта вздрогнуть.

За бетонным занавесом из новых высоток угадывались смутные очертания старого Стамбула, каким Мевлют его помнил с первого дня в городе. Но даже там, вдали, тут и там вырывались из-под туманного покрыва блестящие иглы башен.

Каждое из этих зданий подсвечивали ночью – так же ярко, как и мечеть Сулеймание; это сияние образовывало над городом сияющий ореол, который переливался от медово-золотого до горчично-желтого. Иногда по ночам нависавшие низко облака отражали нежно-лимонный свет города, словно странная лампа, освещающая город с неба.

На фоне этого клубка огней было трудно различить Босфор до тех пор, пока прожекторы какого-нибудь судна, похожие на частые навигационные огни далеких самолетов, мелькнув, на мгновение не освещали все вокруг. Мевлют ощущал, что свет и тьма в его мыслях похожи на вид ночного города. Может быть, именно поэтому он уже сорок лет выходил на ночные улицы продавать бузу, и ему не важно было, сколько он заработал.

Именно так Мевлют понял истину, которую знал уже сорок лет: прогулки по ночному городу напоминали ему прогулки в собственных мыслях. Когда он разговаривал со стенами, с рекламными щитами, тенями, странными и загадочными предметами, которые невозможно было различить в темноте, ему казалось, будто он разговаривает сам с собой.

– Что случилось, на что ты так смотришь? – Его отвлек голос вышедшего на балкон Сулеймана. – Ты что-то потерял?

– Нет.

– Красиво, правда? Но я слышал, что ты собираешься покинуть нас и уехать в Чукурджуму.

Мевлют вернулся в комнату и увидел, как Самиха, взяв отца под руку,

ведет его к двери. За последние несколько лет тесть сильно постарел, разговаривал теперь очень мало и после двух стаканчиков раки всегда сидел, как послушный мальчик, рядом с дочерьми. Мевлют удивлялся, как старик сумел сесть самостоятельно в деревне на автобус и добраться до Стамбула.

– Отцу стало нехорошо, мы уходим, – сообщила Самиха.

– Ну что, Мевлют, я слышал, ты покидаешь нас? – сказал Коркут на прощание.

– Многие хотят купить бузы в холодный праздничный вечер, – ответил Мевлют с порога.

– Я не имею в виду сегодня. Я слышал, что вы собираетесь уехать отсюда и поселиться в Чукурджуме.

Мевлют промолчал, а Коркут продолжил:

– Ты не должен бросать нас вот так и уезжать.

– Я уеду, – произнес Мевлют.

В лифте, в котором постоянно играла музыка, Мевлюта огорчил усталый вид тестя, но больше всего его огорчила Самиха. Внизу, у себя в квартире, он молча, не говоря жене ни слова, собрал принадлежности для бузы и отправился в город.

Спустя полчаса он достиг окраин Ферикёя, с надеждой веря, что улицы, куда он идет, вскоре поведают ему удивительные истории. Самиха ранила его сердце, напомнив, что были времена, когда она его не любила. В такие минуты, когда он бывал огорчен и когда в нем поднималась волна сожаления за все жизненные неудачи и недостатки, разум Мевлюта сам собой принимался перебирать в памяти дни, проведенные с Райихой.

– Бууу-зааа! – кричал Мевлют пустым улицам.

В последнее время каждый сон, в котором Райиха снилась ему, заставлял его решать одну и ту же проблему: Мевлют знал, что Райиха ждала его в старом деревянном особняке, похожем на старинный османский дворец, но Мевлют, обойдя множество улиц, стучался во множество дверей и все никак не мог найти особняк, в котором жила Райиха, и кружил на одном месте. Между тем улицы, по которым он только что проходил, менялись, и, чтобы найти нужную дверь, ему нужно было вновь проходить их, так что его долгое путешествие продолжалось бесконечно. Иногда, шагая по ночным улицам с бузой, Мевлют переставал понимать, наяву ли он шагает или продолжает жить в этом сне.

– Бууу-зааа!

Ребенком и подростком Мевлют поверил, что загадочные предметы,

которые он замечал на улицах, часто бывали фрагментами его собственных мыслей. Однако тогда он сознательно представлял их себе. Позднее он начал замечать, что существовала иная сила, которая помещала его мысли и мечты к нему в сознание. А за последние несколько лет Мевлют совсем перестал видеть разницу между своими фантазиями и тем, что он видел на ночных улицах: казалось, все это соткано из одной материи. Это было приятно – и стаканчик раки, выпитый у Сулеймана, только усиливал эти ощущения.

Мысль, что Райиха ждет его где-то там, в деревянном особняке, могла быть игрой его воображения, а могла быть и реальностью. Глаз, который следил за ним вот уже сорок лет, даже если он заходил в самые дальние уголки Стамбула, тоже мог существовать на самом деле, а мог быть плодом многолетних фантазий Мевлюта. Сходство небоскребов, которые Мевлют видел с балкона квартиры Сулеймана, с надгробиями с картинки из газеты «Праведный путь» могло оказаться только его фантазией. Совсем как восемнадцать лет назад, когда его наручные часы достались двум грабителям – отцу и сыну; ему тогда начало казаться, что время потекло быстрее.

Мевлют знал, что всякий раз, когда он выкрикивал: «Бууу-зааа!» – переполнявшие его чувства слышны людям в домах, мимо которых он проходил, однако в то же время он понимал, что это была всего лишь очередная его фантазия. Конечно, могло оказаться правдой то, что внутри этого мира мог быть спрятан иной мир, в котором он, Мевлют, мог точно так же шагать по улицам, если бы только позволил появиться другому, скрытому себе. Мевлюту сейчас не хотелось делать выбора между этими двумя мирами. Ведь и общепринятая, официальная точка зрения была правдой, и своя точка зрения тоже; и намерение сердце было правдой, и намерение слова... Все это означало, что все слова, которые слетались к нему с реклам, плакатов, газет, вывешенных в витринах бакалейных магазинов, и надписи на стенах все это время шептали Мевлюту правду. Город посылал ему эти знаки и сигналы в течение сорока лет. Он почувствовал сильное желание ответить на эти слова, как он отвечал на них в детстве. Теперь наступила его очередь говорить. Что бы он хотел поведать городу?

Мевлют никак не мог решить, что же он скажет, – он только решил, что произнесет свои слова решительно, как произносят политические лозунги. Возможно, это сообщение должно было выражать его собственную точку зрения, а не официальную, которую обычно писали на стенах в дни его молодости. А может, эти слова должны были быть

правдой во всех смыслах – самой главной правдой на свете...

– Бууу-зааа!..

– Постой, торговец! погоди!

Наверху открылось какое-то окно, и Мевлют удивленно улыбнулся: корзинка, как в старые дни, быстро опускалась к нему.

– Торговец, ты умеешь пользоваться корзинкой?

– Конечно.

Мевлют быстро налил бузы в стеклянную миску, стоявшую в корзине, взял деньги и, довольный, зашагал дальше, пытаясь отгадать, какую правду рассказать городу.

В последние годы Мевлют очень боялся старости, боялся умереть, исчезнуть и быть преданным забвению. Он никому не делал зла, он всегда старался быть добрым; и он верил, что если до конца своей жизни не проявит какой-нибудь слабости, то непременно попадет в рай. Однако некоторое время назад его душу начал терзать страх о том, что жизнь прожита им впустую, несмотря на все годы, которые еще были у него впереди с Самихой. Мевлют не мог понять, что сказать об этом городу.

Он прошел вдоль стены старого кладбища в Ферикье. В прошлом его странные мысли завели бы его туда, хотя обычно он боялся и кладбищ, и покойников. Теперь же он гораздо меньше боялся и кладбищ, и кладбищенских костей, но он и сейчас неохотно пошел бы на кладбище, потому что теперь оно напоминало ему о собственной смерти. И все же какое-то наивное побуждение толкнуло его заглянуть за ограду там, где стена была чуть ниже. Он увидел какое-то движение и испугался.

Там были огромные черные псы, они вскочили и одним прыжком исчезли в глубине кладбища. Мевлют отвернулся и быстро зашагал прочь. Бояться было совершенно нечего. Вечером праздничного дня улицы были полны хорошо одетых, веселых людей, улыбавшихся ему. Какой-то человек примерно его возраста открыл окно и позвал его, а затем спустился вниз с пустым бидоном, в который Мевлют налил два литра бузы; настроение у него улучшилось, и он совершенно забыл о собаках.

Но затем, десять минут спустя, двумя улицами ниже собаки приперли Мевлюта к стенке. К тому времени, как он заметил их, еще две собаки из стаи оказались рядом с ним, так что у него больше не было возможности повернуть назад и ускользнуть. С колотившимся сердцем он пытался вспомнить молитвы шейха, к которому отец водил его в детстве, и советы Святого Наставника.

Когда Мевлют попытался, дрожа от страха, осторожно пройти мимо них, собаки не оскалились, не залаяли, не стали угрожающе рычать.

Ни одна из них не стала нюхать Мевлюта. Он их, в общем-то, не интересовал. У Мевлюта отлегло от сердца: он знал, что это очень хороший знак. Ему тут же захотелось с кем-то пообщаться, поговорить. Собаки полюбили его.

Пройдя три улицы, на которых было много улыбчивых, доброжелательных людей, он с изумлением заметил, что буза в бидонах сегодня заканчивается раньше обычного, и ровно в этот самый момент в одном доме на третьем этаже открылось окно и послышался голос какого-то мужчины: «Торговец, иди наверх».

Через две минуты Мевлют стоял с бидоном на третьем этаже старинного дома без лифта. Его пригласили войти. Внутри квартиры была плотная влажность, какая бывает, когда долго не открывают окон, а печи и обогреватели включают мало, и в этой влажности чувствовался сильный запах раки. Однако оказалось, что в квартире за столом сидят не ворчливые подвыпившие гуляки, а семья, отмечающая праздник с друзьями. Он увидел любящих тетюшек, степенных отцов, болтливых матерей, дедов, бабушек и бесчисленное множество детей. Детишки носились вокруг, прятались под столом и кричали, пока отцы с матерями вели застольную беседу. Счастье этих людей обрадовало Мевлюта. Ведь человек создан для того, чтобы быть счастливым, честным и открытым. Он видел это тепло в оранжевом свете, лившемся из гостиной. Под любопытными взглядами детей Мевлют разлил по стаканам пять литров своей лучшей бузы. В это время из гостиной на кухню вошла любезная дама его лет. У нее на губах была помада, она не носила платка, и у нее были огромные черные глаза.

— Как хорошо, торговец, что ты поднялся к нам, — сказала она. — Так приятно слышать твой голос на улице. Я слушала его всем сердцем. Как хорошо, что ты торгуешь бузой. Как хорошо, что ты не бросаешь ею торговать, несмотря на то что ее мало покупают.

Мевлют стоял у двери. Он уже собирался выходить, но помедлил.

— Я бы никогда так не подумал, — сказал он. — Я торгую бузой потому, что мне так хочется.

— Никогда этого не бросай, торговец. Никогда не держи и мысли, что посреди этих башен из бетона бузу у тебя никто не купит. Ходи по нашим улицам всегда.

— Я буду торговать бузой до Судного дня, — проговорил Мевлют.

Дама дала гораздо больше денег, чем стоили пять литров бузы. При этом она сделала знак, что сдачу не возьмет и что оставшиеся деньги — это чаевые к празднику. Мевлют молча вышел за дверь, спустился по лестнице и внизу положил на плечи свой шест и повесил бидоны.

– Бууу-заа! – крикнул он, выйдя на улицу.

Он шагал вниз, словно в бесконечность, по какой-то улочке по направлению к Золотому Рогу, и в этот момент у него перед глазами ожила картина, которую он видел с балкона Сулеймана. Он тут же понял, что хочет сказать городу, что́ хочет записать на его стенах. Это было и его официальное, и его личное мнение; то была и воля его сердца, и воля его слова. Он произнес эти слова сам себе.

«Больше всего на свете я любил Райиху».

2008–2014

Хронология событий романа

1954 – первый массовый отъезд мигрантов из окрестностей Бейшехира в Стамбул на заработки, в частности на работу уличного торговца йогуртом.

6–7 сентября 1955 – антихристианский погром в Стамбуле, вандалы крушат магазины немусульман и церкви.

1957 – рождение Мевлюта Караташа в деревне Дженнет-Пынар округа Бейшехир провинции Конья; при рождении дана фамилия Акташ.

27 мая 1960 – военный переворот.

17 сентября 1961 – смертная казнь бывшего премьер-министра Турции Аднана Мендереса.

1963 – братья Хасан и Мустафа Акташи приехали из деревни в Стамбул на заработки.

1964 – в ответ на военный конфликт греков и турок на Кипре тысячи греков высланы из Стамбула, дома на Тарлабаши опустели.

1965 – братья Хасан и Мустафа поселились в однокомнатном доме – гедже-конду, который они вдвоем построили на Кюльтепе. Старший сын Хасана, Коркут, приехал в Стамбул к отцу и дяде. Хасан и Мустафа с помощью Коркута захватили по участку на Кюльтепе и Дуттепе.

1965 – начато строительство мечети Дуттепе.

1965 – ходят слухи о приближающейся амнистии на незаконное строительство, и многие стараются построить как можно больше домов. Консервативная Партия справедливости под руководством Сулеймана Демиреля побеждает на общенациональных выборах.

1966 – Горбун Абдуррахман бросает торговлю йогуртом и возвращается на постоянное проживание в деревню Гюмюш-Дере.

1968 – младший сын Хасана Акташа, Сулейман, приезжает в Стамбул к отцу и дяде.

Декабрь 1968 – Хасан, Коркут и Сулейман выезжают из дома, где они жили вместе с Мустафой, и перебираются в дом, который построили на участке, захваченном в 1965 году на Дуттепе. Жена Хасана Акташа Сафийе приезжает жить в Стамбул вместе с остальными.

Лето 1969 – Мустафа Акташ меняет в Бейшехире свою фамилию и фамилию своей семьи на Караташ.

Лето 1969 – на Дуттепе открывается первый летний кинотеатр под открытым небом «Дерья».

Конец лета 1969 – Мевлют Караташ приезжает в Стамбул к отцу учиться и работать.

12 марта 1971 – от имени армии президенту Сунаю был передан меморандум высшего военного командования, и правительство было отправлено военными в отставку.

Апрель 1971 – Мевлют познакомился с Ферхатом.

1972 – Мевлют впервые пошел на эротический фильм в кинотеатр «Эльязар» в Бейоглу.

30 октября 1973 – торжественное открытие моста через Босфор, который также стали называть «Первый мост».

Январь 1974 – торжественное открытие мечети на Дуттепе на праздник Курбан-байрам.

Март 1974 – Мевлют впервые пошел следом за женщиной, которую сам назвал Нериман.

20 июля 1974 – вторжение турецких вооруженных сил на Кипр.

Март 1977 – Мевлют развешивает по улицам политические плакаты.

Апрель 1977 – война правых и левых сил на Дуттепе и Кюльтепе.

1 мая 1977 – обстрел митингующих на площади Таксим, в результате чего погибло 34 человека.

Май 1978 – Хасан Акташ продает участок земли на Кюльтепе, который они захватили вместе с братом Мустафой, Хаджи Хамиту Вуралу.

Лето 1978 – Мевлют отпустил усы.

Август 1978 – свадьба Коркута и Ведихи.

Октябрь 1978 – Мевлют уходит из дома, где жил вместе с отцом, и начинает жить в Тарлабаши вместе с Ферхатом и работать официантом в ресторане «Карлыова».

19–26 декабря 1978 – Марашская резня, в результате которой было убито 150 алевитов.

Середина 1970-х – распространение стеклянных и пластмассовых бутылок для йогурта, который выпускают молочные фирмы.

1979 – убийство колумниста газеты «Миллийет» Джелеля Салика. Исламская революция в Иране под предводительством аятоллы Хомейни.

Конец 1979 – у Коркута и Ведихи рождается первенец Бозкурт.

Весна 1980 – Мевлют уходит в армию.

12 сентября 1980 – Мевлют служит в танковой бригаде в Карсе, и в это время происходит военный переворот.

Конец 1980 – у Коркута и Ведихи рождается второй сын, Туран.

Январь 1981 – умирает Мустафа Караташ, отец Мевлюта. Мевлют едет в Стамбул на похороны, после похорон сдает дом на Кюльтепе в аренду

жилыцам.

17 марта 1982 – у Мевлюта закончилась служба в армии, он возвращается в Стамбул, снимает квартиру на Тарлабаши и селится там.

2 апреля – 14 июня 1982 – Фолклендская война между Великобританией и Аргентиной.

17 июня 1982 – Мевлют украл из деревни дочь Горбуна Абдуррахмана-эфенди Райиху.

Лето 1982 – Мевлют начал продавать мороженое.

Сентябрь 1982 – свадьба Мевлюта и Райихи.

Октябрь 1982 – Мевлют начал торговать пловом с курицей.

Ноябрь 1982 – в результате референдума была принята новая конституция, Кенан Эврен, возглавивший военный переворот, был избран премьер-министром.

Апрель 1983 – у Мевлюта и Райихи родилась дочь Фатьма.

Апрель 1983 – в Турции отменили запрет на аборт при сроке беременности до 10 недель, замужним женщинам необходимо предоставлять письменное разрешение от супруга.

Начало 1984 – Самиха убежала с Ферхатом.

Август 1984 – у Мевлюта и Райихи родилась вторая дочь, Февзие.

16 апреля 1986 – авария на Чернобыльской АЭС, облака с радиоактивными осадками достигают Турции.

1986–1988 – открытие бульвара Тарлабаши.

Февраль 1987 – сгорел театр «Шан».

18 июня 1988 – открытие второго моста через Босфор, названного в честь османского султана Фатиха Султана Мехмеда, завоевателя Стамбула.

Начало 1989 – у Мевлюта конфисковали его тележку для торговли пловом. В это же время он знакомится со Святым Наставником. Ферхат начал работать инспектором электрических счетчиков.

4 июня 1989 – протесты на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Сентябрь 1989 – Мевлют начинает работать управляющим в кафе «Бинбом».

9 ноября 1989 – падение Берлинской стены.

1990–1995 – развал Югославии и гражданская война на Балканах.

1991 – в Турции проведена приватизация электроэнергетической отрасли.

17 января – 28 февраля 1991 – Первая война в Персидском заливе.

14 ноября 1991 – в результате столкновения на Босфоре филиппинского корабля с ливанским торговым судном последнее затонуло

с грузом 20 тысяч овец на борту.

25 декабря 1991 – распад Союза Советских Социалистических Республик.

24 января 1993 – колумнист и журналист Угур Мумджу, сторонник радикальных секулярных взглядов, погибает от взрыва бомбы, заложенной в его автомобиль.

2 июля 1993 – нападение исламистов на алевитских писателей и поэтов, собравшихся в Сивасе, в отеле «Мадимак», в результате которого погибло 35 человек.

1994–1995 – война между РПК, Рабочей партией Курдистана, и турецкими вооруженными силами; курды, жители уничтоженных в результате военных действий деревень, переезжают в Стамбул.

Начало 1994 – Ферхат знакомится с Сельвихан.

Февраль 1994 – Мевлют теряет работу в кафе «Бинбом».

27 марта 1994 – в результате победы на общегородских выборах пост мэра Стамбула достается Реджепу Тайипу Эрдогану.

30 марта 1994 – Мевлюта ограбили поздно вечером на улице, когда он продавал бузу, грабителями оказались отец с сыном.

Апрель 1994 – Мевлют с Ферхатом открыли кафе-магазин «Буза от свояков».

Февраль 1995 – Райиха узнает, что ждет третьего ребенка.

Март 1995 – Коркут принимает участие в неудачном военном перевороте, цель которого – свержение Гейдара Алиева.

12–16 марта 1995 – беспорядки в алевитских кварталах в Гази, а также в рабочем пригороде Стамбула в Умранийе, в результате которых погибло двое и пять человек соответственно.

Начало апреля 1995 – магазин-кафе «Буза от свояков» был закрыт.

Середина апреля 1995 – Мевлют начал работать сторожем на парковке.

Май 1995 – Райиха умирает в результате неудачной попытки аборта.

Конец 1995 – Мевлют по предложению Ферхата начинает работать инспектором электрических счетчиков.

Начало 1996 – Сулейман женился на Махинур Мерйем. Рождение их первенца Хасана.

Ноябрь 1997 – убийство Ферхата.

1998 – рождение второго сына Сулеймана, Казыма.

Июнь 1998 – Мевлют начинает работать в стамбульской ассоциации мигрантов из Бейшехира.

Февраль 1999 – поимка и арест лидера курдских повстанцев Абдуллаха Оджалана, лидера пятнадцатилетней партизанской войны с турецким

правительством, много лет скрывавшегося в Сирии.

Лето 1999 – Сулейман просит у Мевлюта руки дочери Фатьмы для своего сына Бозкурта.

17 августа 1999 – землетрясение на Средиземном море, в результате которого в Стамбуле погибло 17 480 человек.

Конец сентября 2000 – старшая дочь Мевлюта, Фатьма, поступила в университет.

Июнь 2001 – Фатьма выходит замуж за своего друга Бурхана, с которым она познакомилась в университете; молодожены уезжают жить в Измир.

11 сентября 2001 – атака «Аль-Каиды» на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Сентябрь 2001 – младшая дочь Мевлюта, Февзие, убегает из дома с водителем такси из Кадыргы Эрханом.

Конец 2001 – свадьба Февзие и Эрхана в отеле в Аксарае.

2002 – Мевлют впервые видит бутилированную бузу фабричного производства.

Май 2002 – у Февзие рождается сын Ибрагим, внук Мевлюта.

Осень 2002 – Мевлют и Самаха женятся.

3 ноября 2002 – Партия справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана одержала полную победу на общенациональных выборах и сформировала правительство.

Март 2003 – запрет, мешающий Реджепу Тайипу Эрдогану занимать государственный пост, отменен, и он становится премьер-министром.

20 марта 2003 – вторжение в Ирак.

28 марта 2004 – победа Партии справедливости и развития на муниципальных выборах.

7 июля 2005 – в результате террористических атак на метро и автобусы в Лондоне погибло 56 человек.

19 января 2007 – убийство в Стамбуле армянского журналиста Гранта Динка, много писавшего о геноциде армян.

22 июля 2007 – на общенациональных выборах Партия справедливости и развития вновь одержала победу и стала партией власти.

29 марта 2009 – Партия справедливости и развития вновь одержала победу на муниципальных выборах (получив много голосов на Дуттепе и Кюльтепе).

Апрель 2009 – Мевлют продает отцовский дом, чтобы купить квартиру.

17 декабря 2010 – один уличный торговец поджигает себя в Тунисе, что приводит к началу «Арабской весны».

Март и следующие месяцы 2011 – сотни тысяч сирийских беженцев хлынули в Турцию.

12 июня 2011 – на общенациональных выборах Партия справедливости и развития вновь одержала победу и стала партией власти.

Март 2012 – Караташи и Акташи переехали в квартиры в одном новом доме.

Благодарю супруга Александра за огромную поддержку в работе над переводом этого романа – с одобрения Орхана Памука.

Аполлинария

| |
|--------------|
| notes |
|--------------|

СНОСКИ

Герой книги О. Памука «Черная книга». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Буза (боза) – традиционный густой напиток из проса.

Чешме – общественный источник.

Шиш-кебаб по-адански – шашлык, приготовленный по рецепту из г. Адана.

Ракы – анисовая водка на Балканах и Ближнем Востоке.

Аят – стих Корана.

Харам – запретное, недозволенное в исламе.

Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – лидер освободительного движения, турецкий реформатор, основатель Турецкой Республики, ставший национальным лидером турок и сумевший сплотить вокруг себя нацию.

Гедже-конду – досл. «построенные за ночь», лачуга; такие жилища «за одну ночь» строили нищие выходцы из Анатолии, как правило приезжавшие в большие города на заработки, на окраинах и в бедных кварталах турецких городов до самого недавнего времени.

Премьер-министр Мендерес – речь идет об Али Аднане Эртекине Мендересе (1899–1961), который в результате переворота 1960 г. был обвинен в злоупотреблениях, отдан под суд и повешен.

Мухтар – староста села или городского квартала.

Тархана – засушенные катышки из муки и простокваши, а также суп из этих катышков.

Большинство из этих холмов и их названий являются вымышленными, лишь Кюльтепе и Дуттепе существуют в реальности – но под другими названиями.

«Дуттепе» дословно переводится как «Шелковичный холм».

Хамал (ар.) – носильщик, носчик, грузчик, традиционная профессия на Ближнем Востоке.

Сюннетчи – специалист, совершающий обряд обрезания у мальчиков.

Долмуш – маршрутное такси, рейсовый автобус.

Донер – вид шашлыка, приготовленного на вертикальном вертеле.

Окей – традиционная турецкая игра, разновидность домино.

«*Марш независимости*» – национальный гимн Турецкой Республики и Турецкой Республики Северного Кипра; официально принят в 1921 г.

Битва при Мохаче – имеется в виду сражение 25 августа 1526 г., во время которого войско Османов под предводительством султана Сулеймана Великолепного нанесло сокрушительное поражение венгро-чешско-хорватскому войску. В результате этого сражения в состав Османской империи вошла Среднедунайская равнина.

Хафыз – человек, который знает наизусть Коран.

Дамат – досл.: жених.

Ходжа – традиционное в Турции обращение к преподавателю или духовному лицу.

Абдул-Хамид II (1842–1918) – османский султан в 1876–1909 гг.

Алевиты – субэтническая, религиозная и культурная община в Турции, Болгарии и Албании, представители которой причисляют себя к исламу, хотя обрядовость и воззрения довольно далеки от исламской традиции: например, мужчины и женщины молятся вместе. Считается, что название общины произошло от имени зятя Пророка Мухаммеда, Али.

Маликитский мазхаб – мазхаб, школа шариатского права в суннитском исламе; суннитский мазхаб, названный по имени создателя Малика ибн Анаса; считается, что наиболее популярен на западе мусульманского мира.

Ханафиты (Ханафитский мазхаб) – школа шариатского права в суннитском исламе, названная по имени основателя Абу Ханифы и довольно распространенная в Турции.

Хутба – пятничная проповедь в мечети.

Минареты с тремя балконами – на минарете количество балконов (шерефе), откуда муэдзин читает призыв к молитве, четко регламентировано; обычно оно указывает статус человека, средствами которого построена мечеть. Например, в Османской империи только члены султанской семьи имели право возводить мечети с числом минаретов от четырех до шести и с несколькими балконами; число балкончиков-шерефе также было символическим.

«*Мы напали на Кипр*» – здесь речь идет о вторжении турецких войск на Кипр, так называемой операции «Аттила», которая произошла в ночь с 20 на 21 июля 1974 г. как ответ Турции на межэтническую рознь между турками и греками; завершилась операция фактическим распадом Кипра на две части. Северная в 1983 г. объявила себя Турецкой Республикой Северного Кипра.

Архиепископ Макариос (1913–1977) – предстоятель Кипрской православной церкви, ставший первым президентом Республики Кипр; реставрацией режима Макариоса на юге острова закончилось вторжение турецких войск на Кипр.

Полиция «Пол-асс» – в 1970-е гг. в Турции все трудовые ассоциации делились на правых и левых по политическим предпочтениям; «Полицейская ассоциация», «Пол-асс», демократическое движение полицейских, представляла собой ассоциацию полицейских левых взглядов, придерживавшихся в своей работе принципов демократии. Лозунг организации – «Полиция народа».

Фалака – традиционное для Ближнего Востока средневековое пыточное орудие для наказания ударами по босым стопам.

Имеются в виду события 1 мая 1977 г., когда во время беспорядков на первомайской демонстрации произошла бойня на площади Таксим в Стамбуле, после того как полиция предприняла попытку разгона собравшихся.

Я хочу приколоть Коркуту двадцать марок... – имеется в виду турецкий обычай прикалывать на свадьбе к одежде новобрачных деньги в качестве подарка.

Обычай дарить на свадьбу драгоценные украшения так же популярен в Турции, как и обычай дарить деньги.

События 6–7 сентября 1955 г. в Стамбуле – т. н. «Стамбульский погром», один из самых больших погромов в Турции, направленный против греческого населения.

«*Миллийет*» – одна из центральных ежедневных турецких газет.

Лейла и Меджнун – герои классической героико-романтической поэмы, популярной на Ближнем Востоке в различном авторстве.

Кункен – азартная карточная игра.

Кенан Эврен-паша (1917–2015) – турецкий военный и политик, организатор военного переворота 1980 г., самого кровавого переворота в новейшей истории Турции. До 1989 г. был президентом Турции. В 2014 г. был приговорен к пожизненному заключению.

С 1926 г. Турция административно делится на провинции – илы.

Фатиха – сура «Аль-Фатиха», первая сура Корана; является наиболее распространенной мусульманской молитвой, которая читается почти во всех случаях.

Никах – религиозный обряд заключения брака у мусульман.

Лицей имамов-хатибов – религиозное учебное заведение, где готовят имамов, обладающих правом произносить в мечети пятничную проповедь, *хутбу*.

«Талак» («свободна») – форма религиозного развода. Троекратное произнесение этого слова мужем означает развод. Женщина не имеет права этого произносить.

Имеется в виду султан Мехмед V Решад (1844–1918), правивший с 1909 по 1918 г.

Ифтар – ночная трапеза, вечерний прием пищи во время Рамазана, когда разрешается поесть и попить. Запрет на еду и питье снимается до рассвета. Во время поста, который длится целый день, запрещается есть, пить, курить, жевать жвачку и даже глотать слюну. Также запрещается близость между мужем и женой.

Праздник Разговения – один из двух главных мусульманских праздников. Отмечается в честь окончания поста в месяц Рамазан.

Мухалеби – традиционный турецкий десерт, нежный молочный пудинг с ванилью.

Пистолет марки «кырык-кале» – оружие турецкого производства по названию города в Центральной Анатолии, где находится оружейный завод.

«Арчелик» – турецкая компания по производству техники, в особенности бытовой.

Колодец Земзем – согласно исламским представлениям, источник со священной водой, который в наши дни находится на территории Запретной мечети в Мекке в одном комплексе с главной святыней мусульман всего мира, священной Каабой.

Тарикат – секта, дервишеский орден в исламе.

Лаз – народность менгрело-занской группы, проживающая в исторической области Лазистан (совр. Ризе) на территории современной Турции.

Ханым – уважительное обращение к даме; «госпожа». В Турции считается неприличным обращаться по имени к человеку, старшему по возрасту, положению либо званию.

Имеется в виду обряд побивания семью камнями дьявола, который совершают паломники на десятый день обязательного для всех мусульман паломничества в Мекку во время священного месяца Зуль-хиджа.

Лахмаджун – фарш на тонкой лепешке, чем-то напоминает итальянскую пиццу.

Мерджимек – чечевичный суп; *тархана* – суп, приготовленный на основе одноименной высушенной смеси, которая состоит из муки, помидоров, йогурта, красного перца и дрожжей. Оба супа являются традиционными для турецкой кухни.

Менемен – традиционное турецкое блюдо, омлет с овощами.

Библейская история о Пророке Ионе, проведенном три дня и три ночи во чреве кита, имеет место и в Коране.

Турецкое мороженое готовят из молока, сахара и салепа (напиток растительного происхождения). Считается, что родиной рецепта является турецкий город Кахраманмараш, поэтому мороженое часто называют «марашским».

Вымышленный О. Памуком автор, о котором упоминается в романе «Имя мне – Красный» и эпиграфы которого есть в начале второй главы и в конце «Черной книги».

Пьянка, попойка.

Рамазан – месяц обязательного поста в мусульманской традиции, а *Ашура* – священный день в исламе, когда предписывается пост по желанию.

Томас Эдвард Лоуренс (или *Лоуренс Аравийский*; 1888–1935) – британский офицер, дипломат и востоковед, сделавший немало для укрепления позиций Великобритании на Ближнем Востоке.

Тафсир – комментарии и толкования аятов Корана, также название одноименного учения.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур (1483–1530) – великий правитель и полководец из династии Тимуридов, основатель империи Великих Моголов, также прославившийся как гениальный поэт.

Хайырсыз-Ада (Сиври-Ада) – небольшой остров в Мраморном море в архипелаге Принцевы острова, неподалеку от Стамбула. Известен тем, что в 1910 г. на него были вывезены обреченные на голодную смерть стамбульские уличные собаки. В наши дни собакам там установлен памятник.

Бамия – овощная культура.

В Турции до недавнего времени существовал запрет на ношение платка в государственных учреждениях, в том числе и в университетах. Несколько лет назад его отменили.

Название района Кадырга, где происходит действие, и переводится как «галера».

Республиканская народная партия – старейшая политическая партия Турецкой Республики. Создана Мустафой Кемалем Ататюрком. Занимает левоцентристские позиции.

Диванная поэзия – в османской литературной традиции поэтическое направление, формировавшееся с XIII по XIX в. под воздействием арабских и персидских литературных традиций. Наименование произошло от термина «диван», что означает «собрание», то есть «собрание стихотворений».